

**XXXIII МЕЖДУНАРОДНЫЙ КОНГРЕСС
ПО ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЮ И ИСТОРИОГРАФИИ
СТРАН АЗИИ И АФРИКИ**

**К 170-ЛЕТИЮ ОТКРЫТИЯ
ФАКУЛЬТЕТА ВОСТОЧНЫХ ЯЗЫКОВ
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО УНИВЕРСИТЕТА**

МАТЕРИАЛЫ КОНГРЕССА

PROCEEDINGS

**XXXIII INTERNATIONAL CONGRESS ON HISTORIOGRAPHY
AND SOURCE STUDIES OF ASIA AND AFRICA**

**COMMEMORATING 170TH ANNIVERSARY
OF THE FACULTY OF ORIENTAL STUDIES
IN SAINT-PETERSBURG UNIVERSITY**

Том 1 ■ Vol. 1

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ВОСТОЧНЫЙ ФАКУЛЬТЕТ

SAINT PETERSBURG STATE UNIVERSITY

FACULTY OF ASIAN AND AFRICAN STUDIES

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ВОСТОЧНЫЙ ФАКУЛЬТЕТ

XXXIII Международный конгресс
по источниковедению и историографии
стран Азии и Африки

**«К 170-ЛЕТИЮ ОТКРЫТИЯ
ФАКУЛЬТЕТА ВОСТОЧНЫХ ЯЗЫКОВ
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО УНИВЕРСИТЕТА»**

Том 1

16–18 апреля 2025 г.

Материалы конгресса

Санкт-Петербург
2025

SAINT PETERSBURG STATE UNIVERSITY
FACULTY OF ASIAN AND AFRICAN STUDIES

XXXIII International Congress
on Source Studies and Historiography
of Asia and Africa

**“COMMEMORATING 170TH ANNIVERSARY
OF THE FACULTY OF ORIENTAL STUDIES
IN SAINT-PETERSBURG UNIVERSITY”**

Vol. 1

16–18 April 2025

Proceedings

St Petersburg
2025

ББК 63.3(5)+63.3(6)

УДК 930(5+6)

Т67

*Проведение Конгресса и издание сборника материалов осуществлено
при участии Ереванского государственного университета
и научно-аналитического портала «Восточная трибуна»*

**Т67 XXXIII Международный конгресс по источниковедению и историо-
графии стран Азии и Африки: К 170-летию открытия факультета
восточных языков Санкт-Петербургского университета. 16–18 апреля
2025 г.: Материалы конгресса: в 2 т. / отв. ред. А. С. Матвеев. — СПб.:
Изд-во РХГА, 2025. — Т. 1. — 488 с.**

ISBN 978-5-907987-12-8

**XXXII International Congress on Source Studies and Historiography
of Asia and Africa: Commemorating 170th Anniversary of the Faculty
of Oriental Studies in Saint-Petersburg University. 16–18 April 2025:
Proceedings / Ed. by A. S. Matveev: in 2 vols. — St Petersburg: RCAH Publi-
shing House, 2025. — Vol. 1. — 488 p.**

ББК 63.3(5)+63.3(6)

УДК 930(5+6)

ISBN 978-5-907987-12-8 (т. 1)

ISBN 978-5-907987-14-2

© Авторы сборника, 2025

© СПбГУ, 2025

Секция I • Section I

Книга в истории и культуре Востока

The Book in Oriental History and Culture

Tayebeh Beheshti (Islamic Azad University of Parand, Iran)

**Systematic Art: Geometric Instruments and Methods
in Persian Manuscript Design**

While some scholars argue that Persian manuscript designers primarily relied on simple geometric methods—employing basic tools such as a peg, cord, and ruler to draw lines and circles for layout work¹ — both archaeological² and textual evidence³ suggest that more sophisticated geometric instruments were available and in use during the Islamic Middle Ages, at least in rudimentary forms. For instance, in his treatise *Tuḥfat al-Muḥibbīn*, which discusses the ritual of calligraphic practice and its spiritual significance, the 15th-century scholar Sīrāj-i Shīrāzī identifies the ruler and compasses as the essential tools for layout design (*masṭar*). He even specifies two distinct types of compasses that every designer and calligrapher should have in their toolkit: one with a pen (*qalam*) and the other with a thorn (*khār*).⁴ Furthermore, evidence suggests that set-squares, commonly used by engineers and designers, were also available⁵, along

¹ M. Amin Mahdavi. Evidence for grid layout in Persian manuscripts // *Shahnama: the visual language of the Persian book of kings*. Ed. Robert Hillenbrand. Routledge, 2004. P. 158.

² Fuat Sezgin. *İslam'da Bilim ve Teknik: Cilt III*. Ankara: Tüba Publications, 2006. P. 148–156.

³ Abu'l-Wafā al-Būzjānī. *Kitāb al-nejārat*. Ed. Jafar Aghayani Chavoshi. Tehran: Mīrās-i Maktūb, 2010. P. 5–13. [In Persian].

⁴ Sīrāj al-Dīn Abū al-Faḍl Muḥammad ibn Muḥammad al-Shīrāzī. *Tuḥfat al-Muḥibbīn: On the Ritual of Calligraphy and Its Spiritual Subtleties*. Eds. Iraj Afshar, Karamat Rana Hosseini, Mohammad Taghi Daneshpajouh. Tehran: Mīrās-i Maktūb, 1997. P. 111. [In Persian].

⁵ In an anonymous compendium housed in Bibliothèque nationale de France in Paris (Ms. Persan 169), instructions are provided for how to construct a mathematical instrument (*gūmyā*) that was likely used similarly to a modern set square. See: Jan P. Hogendijk. A Mathematical Classification of the Contents of an Anonymous Persian Compendium on Decorative Patterns // *The Arts of Ornamental Geometry*:

with early forms of protractors, which, although primarily used for measuring arcs rather than angles, were important for geometric accuracy.¹

This article argues that Persian book artists used these geometric instruments to create preliminary frameworks, known as grids, which were foundational in the design of various manuscript components, including page layouts, illuminations, and illustrations. A grid is a two-dimensional structure of intersecting lines or bars used to divide and organize space. Geometrically structured grids, drawn with precision instruments, are typically classified into two primary categories: Modular (static) and Organic (dynamic).

A modular grid, or static grid, consists of uniform units or modules that divide space into proportional sections, offering a systematic framework for organizing elements. Compositions based on modular grids are characterized by proportionality, symmetry, predictability, and a sense of order, all grounded in rational ratios. In contrast, organic grids are defined by visually unequal subdivisions that, while still maintaining proportional relationships, are based on irrational ratios. This leads to a more dynamic, fluid structure, allowing for a greater degree of flexibility and organic flow, in stark contrast to the rigid, systematic order of modular grids.

Studies suggest that modular grids were employed in the design of early Quranic manuscripts, particularly during the Abbasid Caliphate (750–1258), where key elements such as calligraphy, page layout, and illumination were meticulously organized using these grids.² Additionally, the presence of geometric motifs within the illuminations of some of the oldest surviving Quranic manuscripts from this period, which were designed based on organic grids, suggests that book artists applied these grids not only to the design of illuminations³ but also to structure other components of the manuscript, including page layouts⁴ and illustrations.

The primary goal of this article is to examine the characteristics of the geometric drawing instruments used by Persian manuscript designers, with a particular focus on compasses, rulers, and set-squares. It will also examine the design methods and the mathematical principles underlying these techniques, which were employed to create various manuscript components—including the layout, illuminations, and illustrations—all of which were fundamentally shaped by the application of these instruments. Finally, through a detailed, step-by-step analysis of one of the illuminations from the Bāysunghurī *Shāh-nāme* manuscript (Ms. 716, Gulistān Palace, Tehran), I will demonstrate how these instruments, and the methods derived from their use—often referred to as “ruler-compass techniques”—enabled designers to construct their compositions systematically, building their designs incrementally from the ground up.

A Persian Compendium on Similar and Complementary Interlocking Figures. Ed. Gülru Necipoğlu. *Muqarnas* Supplements. 2017. P. 150.

¹ J. P. Hogendijk. A Mathematical Classification of the Contents. P. 150.

² Alain Fouad George. The Geometry of Early Qur’anic Manuscripts // *Journal of Qur’anic Studies*. 2007. 9.1. P. 78–110; and Alain Fouad George. The Geometry of the Qur’an of Amajur: A Preliminary Study of Proportion in Early Islamic Calligraphy // *Muqarnas*. 2003. 20. P. 1–15.

³ Eric Broug. *Islamic Geometric Design*. London: Thames & Hudson, 2013. P. 12–15.

⁴ A. F. George. Early Qur’anic Manuscripts. P. 87–97.

Азаркина М. А. (Научная библиотека СПбГУ, Санкт-Петербург)

Штрихи к портрету Юлиана Константиновича Щуцкого: книги из собрания Научной библиотеки СПбГУ

В собрании отдела по направлению востоковедения НБ СПбГУ хранятся учебные пособия, написанные Юлианом Константиновичем Щуцким (1897–1938) лично или в соавторстве с Борисом Александровичем Васильевым (1899–1937). В настоящее время данные издания являются библиографической редкостью. Это: «Учебник аннамского языка» (1934 года издания), «Строй аннамского языка» (1936), «Хрестоматия старо-китайского языка для студентов-японистов» (1936), совместные: «Учебник разговорного китайского языка “Байхуа”» (1930), «Учебник китайского языка для первого курса» (1935), «Учебник китайского языка. 2-е исправл. и доп. издание» (1935), «Строй китайского языка» (1936).

Все эти книги, за исключением «Строя аннамского языка» и «Строя китайского языка», были тиражированы с помощью гектографа. Копии делались с текста, написанного вручную. Некоторые книги написаны аккуратным каллиграфическим почерком, другие — просто печатными буквами. На большинстве книг стоит отметка — «на правах рукописи». Ни на одной из отпечатанных на гектографе книг тираж не указан, вероятно, их было не больше сотни экземпляров. Часть книг поступила в фонд библиотеки в 1938 году в составе коллекции реорганизованного Восточного института (ЛВИ)¹. На ряде экземпляров вымараны (закрашены тушью) фамилии авторов, а также институтские библиотечные штампы.

Почему в 1930-е годы возникла необходимость разработки новых учебных методических пособий и грамматик по китайскому языку? В университетской библиотеке хранилось достаточное количество учебной литературы, составленной отечественными синологами и способной обеспечить учебный процесс. Ответ прост. Во-первых, изменился контингент обучающихся. Уже с 1921/22 учебного года в университет стали приниматься студенты «не на единственно возможном основании соответствующей подготовки, а по классовым и политическим соображениям»². Плохая подготовка будущих студентов не являлась причиной для отказа от обучения. Пересматривались учебные программы, упрощались курсы. Вторая причина — изменение требований к выпускникам. Стране нужны были не ученые-теоретики, а практики. К 1930 году в общих чертах сформировался портрет советского востоковеда: он должен хорошо владеть одним восточным и одним европейским языком, иметь солидную марксистско-ленинскую методоло-

¹ Отдел по направлению «Востоковедение» Научной библиотеки СПбГУ состоит из трех книжных собраний: собственно отдел НБ им. М. Горького (основан в 1822 году), Восточная семинария (Восточный кабинет им. барона В. Р. Розена, учрежден в 1909 году) и библиотека Ленинградского Восточного института (ЛВИ) (передана в 1938 году).

² Протест против приема в университет по политическим соображениям. НБ СПбГУ, фонд ДСП, 1922. [Машинопись]. 4 с.

гическую подготовку, знать историю, экономику и государственный строй страны изучаемого восточного языка, обладать навыками в какой-нибудь конкретной специальной области¹.

К написанию грамматик и учебников китайского языка, соответствующих требованиям времени, были привлечены молодые специалисты из разных востоковедных центров Советского Союза. Ю. К. Щуцкий и Б. А. Васильев, как продолжатели Петербургской школы китаеведения, взяли за основу труды преподавателей университета. Разработанные ими курсы, хоть и значительно сокращенные по сравнению с классическими учебниками дореволюционного университета, включали в себя основные разделы, необходимые для усвоения китайского языка. Структура учебника включала справочно-теоретическую и учебно-практическую части. Последняя была разделена на уроки, каждый из которых, в свою очередь, состоял из четырех частей: а) лексика, б) грамматические указания, в) тексты для переводов, г) задания. Любопытно замечание, сделанное авторами в «Учебнике китайского языка»: «Данный курс не задуман как самоучитель, поэтому в нем дается лишь основная канва, иллюстрировать которую добавочными примерами предоставляется преподавателю в зависимости от уровня аудитории»². На наш взгляд, это высказывание — некий карт-бланш преподавателю. Ведь обучаться китайскому языку приходили люди с разной степенью подготовки.

Помимо учебников по китайскому языку, написанных в соавторстве, Ю. К. Щуцким были подготовлены и опубликованы два пособия по грамматике аннамского (вьетнамского) языка. Это был первый опыт подобной работы в Советском Союзе. Предположительной причиной начала изучения и, в дальнейшем, преподавания вьетнамского языка, стала необходимость налаживания отношений со странами Индокитая, а поводом — приезд в Союз в 1928 году революционера товарища Дж. Минина (Нгуен Кхань Тоана)³. В 1931 году в Ленинградском восточном институте было открыто отделение «Индокитая», куда было принято четыре слушателя⁴, одним из которых мог быть Дж. Минин.

«Учебник аннамского языка» — серьезная научная работа, но в предисловии к ней Щуцкий о многих вещах рассуждает с юмором. Например, он пишет, что в Аннаме в средние века «быть грамотным значило владеть китайским языком», при этом «китайская письменность... имеет к аннамскому языку отношение не более тесное, чем латынь в средневековой Франции к французскому», а транскрипцию создали португальские миссионеры, так как «были отпугнуты трудностями

¹ Кононов А. Н. Ленинградский восточный институт: Страница истории советского востоковедения / А. Н. Кононов, И. И. Иориш; АН СССР, Ин-т востоковедения. М.: Наука, Гл. ред. вост. лит., 1977. С. 64–67.

² Васильев Б. А. Учебник китайского языка для первого курса / Б. А. Васильев, Ю. К. Щуцкий. Л.: ЛВИ, 1935. С. V.

³ Соколов А. А. Из истории отечественного вьетнамоведения: Ленинградский Восточный институт // *Юго-Восточная Азия: Актуальные проблемы развития*. 2015. Вып. 26. С. 195–200.

⁴ Кононов А. Н. Указ. соч. С. 75–76.

изучения китайской письменности»¹. В «Строе аннамского языка» критически высказывается об изысканиях европейских ученых. «Когда европейские ученые подходят к языкам Индокитая, — пишет Щуцкий, — то эти языки, с одной стороны, поражают своим отличием от европейских языков, а с другой стороны, они очень похожи друг на друга, и главным образом именно теми чертами, которыми они отличаются от европейских языков»².

Таким образом, учебные пособия, в подготовке и составлении которых принимал участие Ю.К. Щуцкий, не только представляют еще одну грань таланта блестящего отечественного ученого, но являются отражением эпохи, в которую он жил и творил.

Аникеева Т. А. (Центр исламских рукописей ИВ РАН, Москва)

Рукописная коллекция М.-Г. М. Садыки

Центр исламских рукописей ИВ РАН продолжает работу над составлением описаний и каталогизации имеющихся арабских, персидских и тюркских рукописей собрания ИВ РАН, включая новые поступления. В числе этих новых недавних поступлений — отдельная и цельная коллекция рукописей и книг, связанная с именем известного ученого-арабиста Магомед-Галиба Мухиддиновича Садыки (1918–2000). Это собрание содержит рукописи, документы (прежде всего разнообразные письма) на арабском, тюркском и лезгинском языках в арабской графике — в том числе многочисленные образцы поэзии Етима Эмина (1840–1880), основоположника литературы на лезгинском языке. Эта коллекция и ранее привлекала внимание исследователей — в частности, биография и поэтическое творчество Етима Эмина, в том числе и на основе документов этого собрания детально изучались Мансуром Кюреви³.

По всей видимости, собрание М.-Г. М. Садыки объединяет множество документов и рукописей из различных разрозненных частных коллекций манускриптов Южного Дагестана. В нем присутствуют как довольно часто встречающиеся в частных коллекциях списки сочинений на арабском языке («Шарх джам ал-джавами» ал-Махалли, «Шарх Силк ал-‘айн» и т. д.), так и тексты, имеющие непосредственное отношение к истории региона (например, перечень домов/хозяйств селения Ухул⁴ на арабском языке, местные судебные дефтеры и др.). Особого внимания заслуживают рукописи на тюркском языке (генеалогии, поэзия), поскольку наличие подобных текстов в рукописных коллекциях является яркой отличительной особенностью

¹ Щуцкий Ю. К. Учебник аннамского языка. Л., 1934. [Стеклография]. С. 3.

² Щуцкий Ю. К. Строй аннамского языка. Л.: ЛИФЛИ, 1936. С. 6.

³ Кюреви М. Етим Эмин (1840–1880). М.: ИВ РАН, 2020.

⁴ Ныне Ахтынский район РД.

Южного Дагестана относительно других регионов республики. Присутствие тюркоязычных материалов позволяет говорить об особенностях интеллектуальной традиции в микрорегионе: во-первых, о широком распространении и использовании тюркского языка жителями Южного Дагестана, а также интересе не только к классическим произведениям по грамматике арабского языка или комментариям к Корану, но и к произведениям литературной традиции региона¹.

Пока сложно судить о хронологических границах этого собрания, так как его изучение только начато (множество документов и писем относится ко второй половине XIX — началу XX в.). Полное описание собрания М.-Г. М. Садыки, его оцифровка и изучение — одно из направлений исследовательской работы Центра в ближайшее время.

Арсланова А. А. (К(П)ФУ, Казань)

Персоязычные манускрипты и рукописные материалы по иранистике из коллекции профессора И. Ф. Готвальда (1813–1897)

И. Ф. Готвальд, научные труды которого приобрели достойное признание не только в России, но и в Европе, внес значительный вклад в российское востоковедение. Сорок семь лет он возглавлял библиотеку Казанского университета. В течение жизни собрал прекрасную коллекцию восточных книг и рукописей, которую в 1894 г. передал библиотеке. Замечательный «Фонд И. Ф. Готвальда» в Научной библиотеке им. Н. И. Лобачевского Казанского федерального университета сохраняется как отдельное собрание, имеющее большое научное значение. Разнообразие репертуара рукописей этого фонда на арабском, персидском и тюркских языках в целом дает достаточное представление о культуре письменного наследия мусульманского Востока на фоне широкого хронологического среза.

Нами было выявлено 49 списков сочинений на персидском языке (включая 1 сборник) и рукописных работ в области иранистики на русском языке. Большая их часть имеет отношение к художественной литературе. Имеются также рукописи по фикху, суфизму, этике, агиографии, лексикографии, грамматике, истории, космографии, тафсиры, жизнеописание Мухаммада, письма, документы, календари и др. В целом эти списки датируются широкими хронологическими рамками — от XIV до конца XIX в., география переписки простирается от Казани до Бухары.

Среди наиболее уникальных можно отметить, например, манускрипт персидского перевода монументальной космографической энциклопедии «‘Аджа’иб

¹ Аникеева Т. А., Чмилевская И. А. Опыт оцифровки некоторых рукописных собраний Южного Дагестана // *Digital Orientalia*. 2024. № 3. С. 76–82.

ал-махлукат ва гара'иб ал-мауджудат» («Чудеса творений и диковины существующего») знаменитого космографа, географа и натуралиста Закарийи ибн Мухаммада ал-Казвини (1203–1283). По палеографическим признакам имеются весомые основания отнести переписку к XIV в., а художественное оформление (колоритные миниатюры, развернутый фронтиспис и переплет), скорее всего, можно датировать XVI — началом XVII в.

Интересны также два списка сочинений Маулана 'Абд Аллаха Хатифи (1454–1521) — персидского историка и поэта конца правления династии Тимуридов и начала эпохи Сефевидов. Это, во-первых, полный список «Хамса» («Пятиерицы»), а именно «Книги о Тимуре и четырех других поэм», переписанной в Бухаре в 1588 г., а также еще один полный список поэмы «Хафт манзар» («Семь видов») того же автора, выполненный в 1854 г.

Несомненно, большое научное значение представляет полный список XV в. первого и второго дафтаров мистико-дидактической поэмы «Маснави-йи Ма'нави» («Поэмы о скрытом смысле») знаменитого персидского поэта Джалал ад-Дина Руми (1207–1273), и полный список XVII в. анонимного сочинения «Дака'ик ал-хака'ик би хазрат маулана», представляющий собой произведение-подражание на «Маснави» Джалал ад-Дина Руми.

Среди поэтических сборников выделяются два неполных списка диванов: Мирзы 'Абд ал-Кадира Бедиля (1644–1720), оказавшего большое влияние на развитие философской и общественной мысли в среднеазиатской, особенно в таджикской и узбекской, поэзии и литературе (XIX в., переписан в Средней Азии), и Камал ад-Дина Худжанди (1321–1391 или 1400) — персидского поэта-мистика, суфийского шейха и теолога (также список XIX в.).

В области фикха обращает на себя внимание полный список 1797 г. комментария на персидском языке «Шарх-и Мулла Йунус» (комментарии имама деревни Ура Казанского уезда Муллы Йунуса бин Ивана Казани (род. 1637 — ум. между 1688 и 1691 гг.) на книгу о ханафитском наследственном праве Сиджаванди. В этом списке имеется автограф И. Ф. Готвальда на французском языке.

В разделе «Жизнеописание Мухаммада» помещен полный список XVII в. «Раудат ал-ахбав фи сийар ан-Наби ва-л-ал ва-л-асхаб» («Сад друзей, посвященный жизнеописанию Пророка, его семьи и сподвижников»). Автором сочинения является Амир Джамал ад-Дин 'Ата' Аллах ибн Фазл Аллах Хусайни Даштаки Ширази Харави, написавший его в 1494–1495 гг. по заказу Мира 'Али-Шира Нава'и.

Безусловно, важное значение имеет полный список сочинения по этике 1642 г. «Ахлак-и Насири» («Насирова этика») знаменитого ученого-энциклопедиста, мусульманского философа, астронома и богослова, государственного деятеля Насира ад-Дина Туси (1201–1274 гг.). Это сочинение получило широкую известность на мусульманском Востоке, в том числе в Дагестане и Волго-Уральском регионе. В начале списка имеется автограф И. Ф. Готвальда.

В рассматриваемом фонде представлен неполный список конца XVII — начала XVIII в. (?) сочинения по этике «Ахлак-и Мухсини» («Мухсинова этика») Камал

ад-Дина Хусайна ибн 'Али ал-Кашифи (ум. в 1504–1505) — одного из ярких представителей общественно-философской мысли мусульманского средневековья. Интересен неполный ветхий список XVIII в. агиографического труда «Тазкират аш-шу'ара» («Биографии поэтов») Давлашаха ибн 'Ала ад-Даула Бахтишаха ал-Гази ас-Самарканди (ум. 1494–1496 г.), представляющего собой антологию произведений арабских, персидских и таджикских поэтов X–XV вв., созданную в 1487 г. Среди тафсиров следует отметить неполный список «Джавахир ат-тафсир ли-тухфат ал-амир» («Драгоценности толкования для подарка эмиру»), или «Тафсир аз-Захравайн», Камал ад-Дина Хусайна б. 'Али Ва'иза Кашифи. Сочинение представляет собой комментарий широкого плана, посвященный Миру 'Али-Ширу Навои (1441–1501). Здесь также имеется автограф И.Ф. Готвальда, который аккуратно расписал на латыни содержание книги по сурам, отметив их номера на полях. В фонде сохранился и неполный список 1629–1630 гг. сур I–XXI «Тафсир-и Хусайни» Йа'куба б. 'Усмана б. Махмуда б. Мухаммада ал-Газнави ал-Чархи (ум. 1434–1435), ученика известного бухарского шейха Баха ад-Дина Накшбанда (ум. В. 1447 г.) и одного из выдающихся руководителей ордена накшбандийа.

Безусловно, важное значение имеют рукописные материалы И. Ф. Готвальда, некоторых его коллег и учеников, имеющие непосредственное отношение к вопросам филологии, истории и культуры Ирана. Это «Персидская грамматика» (шифр 480 (4903). Готв.), «Краткая персидская грамматика» Мирзы Джафара (шифр 483 (4925). Готв.), «Персидская хрестоматия» (шифр 484 (4933) Готв.), «История персидской словесности» (шифр 485 (4940) Готв.) и «Краткая грамматика персидского языка» (шифр 2898 (4966) Готв.).

Белкина Е. М. (ИВР РАН; СПбГУ, Санкт-Петербург)

Русскоязычный глоссарий еврейской палеографии

Палеография еврейских рукописей начала развиваться с 1960-х гг. и к настоящему моменту выработала два подхода к интерпретации еврейской графики в средневековых рукописных источниках. Первый можно условно назвать «израильской школой» палеографии, второй — «франко-британской школой». Названия обоих подходов свидетельствуют сразу о происхождении исследований, которые создавались в течение последних 60 лет. Специалисты из Израиля, такие как Эдна Энгель, рассматривают графемы в источнике статично: какой набор элементов и их пересечений свойствен определенной графеме определенного источника¹. Исследователи в Европе, в первую очередь французские гебраисты Колетт Сират

¹ Например, Engel E. Calamus Or Chisel: On The History Of The Ashkenazic Script // Lehnardt A. (ed.). "Genizat Germania" — Hebrew and Aramaic Binding Fragments from Germany in Context. European Genizah Texts and Studies. Vol. 1. Leiden, 2010. P. 183–197.

и Джудит Ольшови-Шлангер, фокусируются на дукте графемы и, таким образом, описывают графему динамично¹. Несмотря на объемные собрания еврейских памятников, которыми владеют отечественные библиотеки, «русской школы» палеографии пока не сложилось. Работы С. М. Якерсона, посвященные еврейской письменной традиции, наследуют первому, т. е. израильскому, подходу², который был им воспринят в период сотрудничества с Еврейским палеографическим проектом, организованным Национальной библиотекой Израиля.

Тем не менее современные исследования палеографии склонны отдавать предпочтение франко-британскому подходу к работе с еврейской графикой перед израильским. Это объясняется тем, что израильская школа ограничилась первичными типологизациями по виду и типу письма, т. е. по делению источников на регионы и по структуре графемы. Сложные для интерпретации переходные особенности графем оказались вне этих двух типологизаций, а попытки вписать их в рамки данного подхода были неудачными. Подход франко-британской школы оказался более гибким и до определенной степени снял проблему следования строгой типологизации, поэтому, на мой взгляд, его использование в работе с российскими собраниями представляется более перспективным.

Настоящий доклад посвящен разработке русскоязычного глоссария для исследований в области еврейской палеографии. Он не является переводом понятийного аппарата с иностранных языков. Последние исследования Ольшови-Шлангер и ее главный результат, палеографическая база данных HebrewPal³, рассматривают каждую графему с точки зрения тактики писца при ее начертании. На мой взгляд, этого достаточно для формирования перечня особенностей графики в конкретном регионе и для сравнительного анализа источников между собой в дальнейшем, однако недостаточно для субрегионального деления многочисленных недатированных памятников, например региона Восток. На сегодняшний день представляется возможным предложить деление источников по регионам на более мелкие палеографические школы. Для этого требуется понимание не только тактики написания отдельных графем, но и итоговой стратегии отображения текста на листе у еврейского писца в Средние века. Поэтому предложенный глоссарий — это первая попытка дополнить уже существующую систему палеографического метода в гебраистике новыми «стратегическими» понятиями, а также унифицировать разрозненные описания источников из российских собраний для их дальнейшей датировки и локализации.

¹ Sirat C. *Hebrew Manuscripts of the Middle Ages*. Cambridge, 2002; Olszowy-Schlanger J. *Crossing Palaeographical Borders: Bi-Alphabetical Scribes and the Development of Hebrew Script — The Case of the Maghrebi Cursive // Semitic Linguistics and Manuscripts: A Liber Discipulorum in Honour of Prof. Geoffrey Khan*. Uppsala, 2018. P. 299–319.

² Якерсон С. М. *Еврейская средневековая книга: кодикологические, палеографические и книговедческие аспекты*. М., 2003.

³ Olszowy-Schlanger J. Check list for observation and evaluation of Hebrew script. HebrewPal — Hebrew Palaeography Album. 2013. URL: <https://www.hebrewpalaeography.com/about/team/2/> (accessed: 14.01.2026).

Гурьева А. А. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

Культурологические аспекты различий в книжных культурах Китая, Кореи и Японии

В докладе предполагается выделить несколько значимых различий, характеризующих те или иные области книжной культуры Китая, Кореи и Японии, и проанализировать их в общекультурном контексте. Целью доклада является обращение к идее значимости книжной культуры как источника информации о ментальности народа — носителя этой культуры¹, об особенностях социальной, политической жизни страны в различные эпохи с использованием сопоставительного метода. При выраженных сходствах книжных культур трех стран тем не менее предметное знакомство с материалом позволяет говорить также о существенных различиях. Перечисленные ниже пункты выделяются впервые, и доклад прежде всего призван поставить вопросы для дальнейшего исследования.

Оформление книги: декор, пространство страницы, символизм. На фоне общих для трех культур символики пустоты, сдержанности в оформлении книги выделим основные различия:

- Красота книги в трех культурах определяется прежде всего гармонией в соподчинении частей и единстве замысла. При общей тенденции к минимизации украшательства книги, присутствующие элементы декора различаются. Особняком стоит эстетизация книги как объекта в Японии, где используются цветное напыление, наклейки из фольги, ароматизация. В Корее декор преимущественно ограничивается тиснением обложки (идея инь-ян: воздействие изнутри служит внешнему проявлению), а также рамкой колофонов с орнаментом из благопожелательных символов.
- Важную роль в создании гармонии (см. выше) играет соотношение пустого и заполненного пространства. Концепция пустотно-белого, принятая в Китае и Японии, в Корее была терминологически уточнена как «оставленное белым», чтобы подчеркнуть намеренный характер такой структуры страницы².
- Различия в области книжной иллюстрации на примере популярной прозы. В Китае иллюстрация получает развитие при тиражировании романов, порой приобретая узнаваемые черты из издания в издание³. Типизация послужила переходу сюжетов в игральную культуру даже за пределами страны (напри-

¹ Гурьева А. А. Книга и текст в корейской культуре. СПб.: Издательство РХГА, 2023. С. 8.

² Благодарю проф. Университета Канвон Ли Минхи за консультацию по данному вопросу.

³ Завидовская Е. А., Маяцкий Д. И. Китайский классический роман «Сон в красном тереме» в иллюстрированных ксилографических изданиях и на народной ксилографической картине из собраний Санкт-Петербурга // *Вестник Санкт-Петербургского университета*. Востоковедение и африканистика. 2020. Т. 12. Вып. 2. С. 156–177.

мер, японские карты на основе китайских романов¹). В Корее популярная проза, как правило, не иллюстрируется, но сцены из нее изображаются на предметах быта (например, ширмах). В Японии шедеврами мировой культуры стали иллюстрации произведений прозы еще первого тысячелетия н. э.

Бумага: процесс изготовления бумаги, фактура бумаги, особо ценимые свойства. Мы дополним сопоставление технического процесса сравнением с эстетической составляющей. В Китае можно выделить определенную классификацию бумаги, при которой фактура определяется функциональной сферой ее применения². В Японии ценится плотность на разрыв, а также один из узнаваемых признаков — ровные верхе и понтюзо³. В Корее, напротив, ценится спонтанность рисунка бумажной массы, в которой проявляется неповторимость каждого листа и, тем самым, близость к природе.

Книга в пространстве дома, читательские практики будут рассматриваться в связи с эстетикой, философией пространства.

Наибольшая кодификация процесса чтения наблюдается в Японии, проявившаяся в отсутствии окон в традиционных хранилищах, в таком явлении, как *ниша-токонома*. При этом процесс чтения соотносился с определенным процессом подготовки, чему служили дополнительные предметы (футляры, застёжки)⁴, а также с близостью к природе, что отмечается и в современном японском дизайне пространства помещения. В Корее внимание уделяется преимущественно расположению столика для чтения в пространстве кабинета, а также настрою читателя. Целеполагание свойственно, преимущественно, китайской мысли и заимствуется соседями.

Роль печатной книги в интеллектуальной культуре страны. Экономический аспект вопроса.

Изобретение подвижного шрифта в Китае и способа отливки металлического подвижного шрифта в Корее не сделали книгу массовой (ввиду неудобства материала в первом случае и ввиду дороговизны — во втором⁵). В Корее этот вопрос мог бы решить более ранний переход к широкой книготорговле, но это противоречило восприятию представителями культуры возможности участия текста и книги в развитии торгово-денежных отношений. Способом широкого распространения текстов оставалась ксилография, но сферы использования ксилографии в трех странах не всегда совпадают.

¹ Войтишек Е. Э. Игровые традиции в духовной культуре стран Восточной Азии. Китай, Корея, Япония. Новосибирск: НГУ, 2011. С. 165–169.

² Меньшиков Л. Н. Рукописная книга в Китае I тысячелетия н. э. // Рукописная книга в культуре народов Востока. Книга вторая. М.: Наука, 1988. С. 104.

³ Крякина Л. И. Консервация японских гравюр на тиримэн-бумаге (из новых поступлений ИВР РАН) // *Письменные памятники Востока*. 2010. 2(13). С. 287–294.

⁴ Завадская Е. В. Японское искусство книги VI–XIX веков. М.: Книга, 1986.

⁵ Объяснения см. в 강명관. 조선시대 책과 지식의 역사. 서울: 천년의 상상. Кан Мёнган. *Чосон сидэ чхэкквэ чисигый ёкса* (История книги и знания в эпоху Чосон). Сеул: Чхоннённый сансан, 2014.

Специфика способов распространения текстов, книжные лавки/рынки.

В Китае появление книжных рынков относится еще к ханьской эпохе, в то время как в Корее попытки открыть книжные лавки не были успешными вплоть до периода XVIII–XIX веков. Это частично объясняется вышесказанным. В Японии выделяется роль агентов по распространению книг, связанных с конкретными издателями.

Различия в процессе коммерциализации книжной культуры в сходные периоды.

Издания на экспорт в Китае (связь с *шинуазри*), популярная литература в Корее (связь с социальными изменениями и ростом грамотности), издания, связанные с театральной культурой в Японии.

Описание выделенных различий будет сопровождаться объяснением особенностей культуры, которыми эти различия могут быть обусловлены: эстетические каноны, модели мировосприятия, социальные устои и тенденции в переходные исторические периоды.

*Кекелия В. (Национальный центр рукописей Грузии
им. К. Кекелидзе, Тбилиси)*

«Хроника истории Грузии» из рукописи № 12 Собрания царевича Иоанна, хранящегося в РНБ

Грузинская рукопись № 12 из собрания царевича Иоанна (Багратиони) в Российской национальной библиотеке представляет собой «Малую летопись Грузии». Размер: 320 × 210 мм. 133 листа. Колофон в конце рукописи на л. 133г гласит: «Завершилась силою Господа книга сия малая летопись Грузии рукою сына протоиерея Благовещенского собора Давида. Читателя мольбою прошу, ежели в написанном мною увидите погрешности, не проклиняйте, напротив, благословите меня. Будь беспечным и заступником моим. Месяц Август, число 30, 1773 год». Очевидно, этот колофон скопирован с протографа, с которого был сделан данный список, так как на л. 42 виден водяной знак (филигрань) с датой 1816 год. Сама эта рукопись была собственностью царевича Баграта Георгиевича (1746–1841), как гласит приписка на л. 1г: «Эта книга принадлежит царевичу Баграту Георгиевичу. 24 марта 1838 года. СПб.».

Рукопись № 12 содержит два исторических текста: Сехнии Чхеидзе и Папуны Орбелиани. Оба источника изданы и хорошо известны в историографии.

На л. 1г-в почерком, отличным от основного текста, написана хроника истории Грузии которая классифицируются как малая хроника. Она не имеет отношения к вышесказанным двум летописям.

Хроника охватывает период с 1392 по 1703 год. Содержание хроники разнообразно и затрагивает следующие вопросы:

- исторические события единого грузинского государства;
- события мировой истории;
- османо-грузинские отношения;
- ирано-грузинские отношения;
- события истории Картлийского царства;
- история Кахетинского царства;
- исторические события в Западной Грузии.

В некоторых случаях автор более детально говорит о внутренних событиях Картлийского царства, так что можно предположить, что он был представителем окружения правящих кругов Картли. «Хроника истории Грузии» из рукописи № 12 Собрания царевича Иоанна имеет источниковедческое значение, но интересна также и как образец, в котором нашел отражение один из этапов развития грузинской историографической мысли.

Кикнадзе Д. Г. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

Японские повествовательные свитки *эмакимоно* XII–XIII веков: к проблеме соотношения текста и картин на материале «Ямаи-но со:си» («Свиток о хворях», XII в.)

На закате эпохи Хэйан (794–1185) достигает своего расцвета свитковая живопись *эмакимоно*¹. Изначально этот жанр был представлен в виде иллюстраций к выдающемуся роману придворной дамы Мурасаки Сикибу «Повесть о Гэндзи», в которых наилучшим образом были отражены достижения японской живописной школы *ямато-э*². Первые свитки-*эмакимоно* предназначались для рассматривания и визуального сопровождения хэйанских романов и повестей и также известны как *онна-э* — картины для женщин, указывая на изначально женскую аудиторию.

Создание иллюстрированных свитков-эмаки

Со второй половины XII века по заказу императора Го-Сиракава создавалось изрядное количество образцов литературы, живописи, предметов искусства.

Особую популярность получают иллюстрированные свитки-*эмаки*. Их появление, как и пик их популярности, приходится на вторую половину XII века

¹ Произведения *эмакимоно* имели вид горизонтального свитка с вклеенными на бумажную или матерчатую основу картинами. Свиток разворачивался справа налево, и по мере продвижения изображений, сматывался на правый валик.

² «Гэндзи моногатари эмаки» изначально состоял из 20 свитков, которые насчитывали свыше 100 картин и 300 образцов каллиграфии. До наших дней дошла лишь малая часть оригинального свитка.

и XIII век, в последующие века интерес к *эмаки* не угасал. Очевидно, что начало популярности было положено благодаря личному интересу Го-Сиракава.

Так, по заказу императора один за другим появляются свитки-*эмаки* «*Гаки-дзо:си*» 餓鬼草紙 («Свиток о голодных существах-претах», XII в.), «*Дзигоку-дзо:си*» 地獄草紙 («Свиток о преисподней», XII в.), впоследствии будет создан «*Ямаи-но со:си*» 病草紙 («Свиток о хворях» XII в.) и «*Кусо:си-эмаки*» 九相詩絵巻 («Свиток о девяти этапах разложения [человеческого тела]», XIII в.), «*Хогэн сумо-дзу эмаки*» 保元相撲図絵巻 («Свиток о состязаниях сумо годов Хогэн», XII в.) и многие другие. По своему содержанию они имели довольно широкий диапазон — от сугубо буддийских картин до детального изображения повседневной жизни жителей столицы Хэйан-кё.

В картинах свитков явно просматривается неподдельный интерес к жизни за пределами дворцовых покоев. Можно предположить, что популярность свитковой живописи на рубеже XII–XIII веков в народе обусловила ее большое психологическое воздействие.

На рубеже XII–XIII веков в *эмакимоно* проникают сюжеты из народной жизни того времени. Оставаясь выполненными на высоком художественном уровне в лучших традициях *ямато-э*, свитки отображают грубую жизнь простых столичных жителей в самой правдоподобной манере. В противовес свитков *онна-э* появляется жанр, предназначавшийся для мужчин — *отоко-э*. Если в случае со свитковой живописью *онна-э* мир замыкался на интерьере дворцовых покоев, демонстрировал уединенный, малоподвижный мир хэйанской женщины, то свитки *отоко-э* впервые фиксировали мир мужчин и простого народа, мир за пределами дворцовых покоев и усадеб. Сюжеты на темы буддизма, войн и баталий также проникают в живопись *отоко-э*. Литературной основой теперь становится не изящная женская проза, а короткие назидательные истории жанра *эцува*, буддийские и синтоистские храмовые предания *энги*, военные повести *гунки*. Текст к свиткам *отоко-э* располагался внутри иллюстрации, таким образом, гармонично встраиваясь в канву рассказа в картинах, не прерывая эту цепочку сплошным текстом. Считается, что проза *эцува*, особенно ее устная и репрезентативная манера — традиция одновременного сказывания истории и театрализованной игры — сыграли большую роль в становлении жанра *отоко-э*¹.

В жанре *эцува* к XI веку наметился процесс секуляризации, отхода от сугубо буддийских сюжетов и сурового дидактизма, аристократия обращает внимание на мир простого люда, делая их героями мирских историй *эцува* XII–XIII веков («Кондзяку моногатари-сю», XII в.; «Кохон эцува-сю», XII в.; «Удзи сюи моногатари» XIII в.)².

¹ Halldórsdóttir Bára Ying. Reflections of the Japanese society through Illustrated Handscrolls Examining societal views in Japan through painting techniques and story contexts within illustrated handscrolls. P. 19–20. URL: <https://skemman.is/bitstream/1946/32896/1/Bara%20Ying%20BA%20thesis.pdf> (accessed: 15.01.2025).

² Saburo Ienaga. Japanese Art: A Cultural Appreciation / Transl. by Richard L. Gage. New York: Weatherhill; Tokyo: Heibonsha, 1979. P. 71–72.

Все свитки сопровождаются скорописным текстом на азбуке кана с небольшим вкраплением иероглифов. Однако текст здесь играет наименьшую роль, тогда как в подавляющем количестве картин свитка «Ямаи-но со:си» («Свиток о хворях», XII в.) рассказ играет более существенную роль, чем изображение.

В случае с «Ямаи-но со:си» текст может быть лаконичным или довольно информативным, часто текст поясняет происходящее на картине, передает сочувствие или скрытое порицание («Мужчина с глазной болезнью», «Девушка, страдающая бессонницей», «Мужчина, страдающий от болезни глаз» и некоторые другие). На отдельных иллюстрациях текст выходит за рамки краткого сообщения, его можно воспринять, как небольшую историю *сэцува* с зачином и концовкой, свойственной поздним рассказам этого жанра.

«Ямаи-но со:си» выходит за рамки привычной буддийской свитковой живописи. Свиток по своему содержанию связан с японским повествовательным жанром *сэцува*, в частности, с более поздними секуляризованными историями этого жанра, в основе которых по традиции были грубые, непристойные, забавные или ужасные истории из жизни японского общества разного социального происхождения.

Благодаря своей тесной связи с сюжетами *сэцува* повествование о болезнях и физических отклонениях изображаемых людей ведется в рамках данного жанра: герой той или иной картины существует не сам по себе, как образец для медицинских пособий, а встроен в определенную ситуацию, ту или иную историю вокруг их болезни. На первый взгляд из-за влияния жанра *сэцува* на текст «Ямаи-но со:си» свиток воспринимается в контексте занимательных историй *сэцува*, а не в качестве намеренной визуальной фиксации болезней и больных того времени.

Маламагомедов Д. М. (ИИАЭ ДФИЦ РАН)

Арабографическая книга в истории и культуре народов Дагестана 1-й пол. XX в. (на примере рукописного сборника Макшарифа из Аймаки)

После развала советского государства с 1990-х гг. в Дагестане активно начался процесс осознанного возвращения местным населением арабоязычного рукописного наследия в местные мечети. Одним из собраний, сложившихся в результате этого процесса, является мечетская коллекция сел. Аймаки (ныне в составе Гергебильского района РД), где благодаря местным краоведам и ценителям духовной культуры собрана небольшая коллекция рукописей.

Название сборнику, о котором идет речь в настоящем сообщении, дано исходя из того, что он был известен среди представителей семьи, в которой хранился, как «книга Макшарифа». Однако в ходе исследования удалось выяснить, что

составителем рукописи является Джалалуддин Джалалов (ум. прим. 1957), отец вышеуказанного Макшарифа. Рукопись являлась семейной реликвией, и относились к ней соответственно, как к чему-то священному. Это оригинальный двуязычный (арабо-аварский) сборник, который, судя по записям в колофонах, был составлен в советский период (примерно с 1920-х по 1950-е гг.) местным богословом и любителем духовного наследия Джалалудином Джалаловым из Аймаки.

Сборник объемом 421 страница имеет формат 22,5 × 18,5 см, переписан на тонкой пожелтевшей от времени фабричной бумаге российского производства без водяных знаков и штемпелей. Текст написан убористым дагестанским насхом и читается легко. Местами в сборнике встречается второй почерк: вероятнее всего, после смерти составителя рукопись дополнялась другим лицом, возможно наследником.

Сборник, за исключением некоторых хронологий исторических событий, выдержек из арабоязычных книг и небольших актов записей, сделанных на арабском языке, составлен на литературном аварском языке. Но в тех местах, где повествование идет от первого лица, встречаются элементы аймакинского говора (*уцѣбе* — вместо аварского *тлоцѣбе* и др.). В рукописи отсутствуют кустоды, пагинация постраничная, поздняя, исполнена шариковой ручкой красными и синими чернилами. В некоторых местах нумерация страниц проставлена неверно. Год составления сборника не указан, вероятнее всего, сборник составлялся и дополнялся по мере сбора информации, в течение нескольких лет. Учитывая тот факт, что составитель был жив еще в 1957 г., возможно, сборник составлялся в пределах 20–60-х гг. XX столетия, а дополнялся, судя по последней дате в колофоне, в 1999 г. Важно отметить, что после окончания переписки каждого произведения составитель дает колофон, где указывает, откуда и у кого он переписал тот или иной текст. Подобных информативных колофонов в сборнике много.

Переплет из плотного зеленого картона без клапана и тиснений. Корешок отреставрированный, поздний. Визуально наблюдаются следы физического воздействия и попытки кустарной реставрации. Листы целые, местами встречаются дефектные листы с утерянными правыми нижними углами. Возможно, рукописью пользовались часто, и от многократного перелистывания утерялись нижние углы страниц. Состояние удовлетворительное. На полях и между строк встречаются небольшие комментарии, акты и исторические записи.

Все аджамские тексты мною транслитерированы на современную графику (кириллицу). Некоторые наиболее интересные тексты исторических хроник, колофоны, биографии ученых, акты записи, сделанные как на арабском, так и на аварском языке, переведены на русский язык. По необходимости к текстам сделаны исторические и филологические комментарии. Что касается литературных произведений больших объемов (касыды, мавлиды, турки и т. д.) на аварском языке, то переводить их на русский язык, на мой взгляд, нецелесообразно, поэтому я привожу лишь небольшие аннотации их содержания.

Необходимо отметить, что в других подобных арабографических текстах советского периода, к примеру, в текстах Абдурахима из Аймаки (1892–1992), Абдулатипа Шамхалова из Аргвани (1900–1933) и др., встречается довольно большое количество знаков препинания русского языка (запятая, тире, двоеточие, многоточия и т. д.). Однако данный сборник написан традиционно, так же как переписывали арабоязычные рукописи, т. е. без использования русских знаков и правил пунктуации, что говорит о том, что составитель не был переучен на кириллицу и писал традиционно, как в целом было принято.

В сборнике представлены наиболее оригинальные и популярные аджамские тексты дореволюционных и раннесоветских авторов на аварском языке, которые были собраны и переписаны составителем из различных сборников или же записаны из уст рассказчика. Для подтверждения подлинности текстов после завершения каждого произведения или исторической хроники составителем дополнительно приводятся идентичные арабоязычные тексты из первоисточников.

Ценность сборника заключается еще и в том, что он свидетельствует о широком круге интересов составителя и наглядно показывает, какие исторические тексты, актовые записи и произведения духовной литературы были наиболее популярны и ценились в раннесоветском Дагестане. Из содержания сборника видно, что составитель целенаправленно занимался поиском и сбором исторических текстов и произведений духовной литературы аварцев и находился в контакте с богословами советского периода.

В сборнике представлены фактически все наиболее популярные жанры исторической и религиозной литературы. Помимо исторических хроник и религиозной литературы аварцев, в сборнике также представлены наиболее известные жанры классической арабской литературы: касыда, мавлид, турки, плачи, восхваления и т. д. Все эти тексты объединяет одно: они собраны и переписаны в советский период, хотя известно, что оригиналы создавались намного раньше, в XVIII — начале XX в.

*Маяцкий Д. И. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург),
Азаркина М. А. (НБ СПбГУ, Санкт-Петербург)*

«Позднеевский фонд» в собрании Научной библиотеки СПбГУ

Дмитрий Матвеевич Позднеев (1865–1937) — ученый востоковед-дальневосточник, преподаватель, один из первых директоров Восточного университета, основатель Владивостокской школы востоковедения, автор фундаментальных работ по истории Японии.

Несправедливо был репрессирован в 1937 г. 20 лет его имя вычеркивалось из истории науки, его труды (монографии, справочные и учебные пособия) изымались из обращения. После реабилитации в 1957 г., стали появляться публикации об ученом. Но часть документов о нем была безвозвратно утрачена, часть — долгие годы продолжала храниться в недоступных хранилищах.

Усилиями отечественных востоковедов были воссозданы забытые факты из биографии ученого, возвращены из небытия его труды. Неоценимый вклад в это дело внесла Нелли Федоровна Лещенко своими статьями «Опальный профессор» и «Востоковеды, которых мы потеряли», а также книгой «Российские востоковеды. Страницы памяти». Одной из наиболее полных биобиблиографических работ о Д. М. Позднееве является статья К. Г. Маранджян в журнале «Письменные памятники Востока»¹. В ней представлен список трудов ученого, обнародованы ранее неизвестные данные из архивов. Ценны воспоминания внучки Д. М. Позднеева — Натальи Григорьевны Кабановой, воссоздающие портрет ученого и человека.

Судьба личной библиотеки Д. М. Позднеева

Существует вопрос, который до сих пор слабо изучен. Он касается личной библиотеки Дмитрия Матвеевича. Когда-то сам Позднеев признался, что в его «жизни была важна не аудитория, а своя комната и библиотека»². Дмитрий Матвеевич много путешествовал по миру: Европа, Китай, Япония, Советский Дальний Восток. И всегда возвращался с грузом научной литературы. В результате ученый собрал уникальную коллекцию книг.

«Книг было очень много, и самых разнообразных: художественная литература, труды по истории, экономике, астрономии, географии, атласы, этнографические альбомы, словари, различные энциклопедии, издания на всех европейских и многих восточных языках. Дорогие фолианты в богатых кожаных переплетах с тиснением и золотым обрезом чередовались с растрепанными книжками без переплетов, рукописями. Вся левая стена кабинета, у которой стоял письменный стол, — Япония и Китай...»³.

Точного количества книг никто не знал. После ареста рабочий кабинет Д. М. Позднеева был опечатан, а библиотека вынесена, вероятно, в хранилища НКВД. О судьбе библиотеки мы не смогли найти ни одной публикации. Предполагают, после реабилитации ученого часть его книг поступила в резервный фонд Публичной библиотеки (ныне — РНБ). Оттуда — в Институт восточных рукописей (ИВР). Как указывает Маранджян, книги из коллекции Позднеева в ИВР имеют штамп «Выпущено Резервным фондом Гос. Пуб. Биб-ки»⁴.

¹ Маранджян К. Г. Дмитрий Матвеевич Позднеев (1865–1937): к портрету «культурного бродяги» // *Письменные памятники Востока*. 2012. № 2(17). С. 281–303.

² Цит. по: Маранджян К. Г. Указ. соч. С. 292.

³ Кабанова Н. Г. Дмитрий Позднеев из семьи Позднеевых // *Азия и Африка сегодня*. 1990. № 12. С. 54.

⁴ Маранджян К. Г. Указ. соч. С. 298.

Общая характеристика «Позднеевского фонда» Научной библиотеки СПбГУ

В отделе по направлению «Востоковедение» НБ СПбГУ хранится часть книжного собрания Д. М. Позднеева. Это те издания, которые были переданы университету ученым еще при жизни.

20 сентября 1934 г. в «Инвентарной книге библиотеки Восточного кабинета» (такое название в советское время получила библиотека Восточного Семинария) под № 9241 была сделана запись на первую поступившую от него книгу. Последняя запись — № 16430 — датирована 1 июля 1935 г. Этой коллекции присвоили название «Позднеевский фонд». Всего в 1934 и 1935 гг. поступили 4203 издания. Часть книг была приобретена: в описи имеется указание стоимости изданий. Часть, по-видимому, была передана безвозмездно, поскольку в графе «цена книги» стоит прочерк.

Описания изданий вносились в инвентарные книги не одномоментно. Какой-либо сопровождающей документации (списков изданий, писем, актов передачи и др.) обнаружено не было. Либо ее не существовало, либо она была уничтожена в конце 1930-х. Подтверждением такого предположения могут служить, например, записи в графе «Примечание»: «Изъятые как ненужные. Переданы Историческому кабинету. Акт № 9 от 30/VI 1935 г. Список № 1. Зав. Восточным каб. (неразборчивая подпись)».

Переданными оказались выпуски журнала «Сибирские вопросы» за 1905–1913 гг. Для ряда изданий, исключенных из фонда, указаны причины: «Изъята как не относящаяся к Востоку», «Изъята как не относящаяся к востоковедению» и т. п.

«Изъята, как политически вредная книга на основе распоряжения дирекции 1/XII 36» — запись на книгу Сафарова «Классы и классовая борьба в Китайской истории», Москва, 1928 (Инв. кн. 64, с. 16). Другая книга Сафарова — «Смысл современных событий в Китае», Ленинград, 1924, — исключена из фонда с записью в Инвентарной книге: «Передана по акту II — 1937 г.» (Инв. кн. № 64, с. 14). Журнал «Вестник Маньчжурии», издававшийся в Харбине, был списан по акту № 15–67 без объяснения причины.

Есть записи о передаче книг лицам. Например, словарь «Svenskt och Ryski Lexikon» (орфография сохранена) был передан декану Лингфака по акту № 19 от 1/IX 1935.

Многие записи свидетельствуют об передаче литературы Горлиту: «Изъято Горлитом по акту № 25 от 1/II-36». Но большинство этих книг впоследствии были возвращены библиотеке и сейчас занимают свое место на полках. Преимущественно это книги на китайском и японском языках. Видимо, цензоры из Горлита провели «экспертизу содержания», не выявили ничего запретного и вернули их назад.

Немало изданий было списано. Как, например, редкий греко-немецкий словарь Вильгельма Папе «Worterbuch der griechischen Sprache» (Акт № 15–67). Часть книг, указанных как «списанные», по сей день хранятся в библиотеке.

Выявление и изучение, ввод в научный оборот книг из уникального собрания Д. М. Позднеева, может дать новую и ценную информацию не только исследователям жизни и многогранной деятельности ученого, но и разных сфер востоковедения вообще.

Мкртчян Д. С. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

Армянские рукописи и старопечатные книги как источник по истории культурной жизни армян Санкт-Петербурга

Начало XVIII века ознаменовано основанием города Санкт-Петербурга и одновременно процессом формирования местной армянской общины. Наиболее значительным, стержневым периодом развития армянской общины по праву можно считать 80-е годы XVIII столетия, когда усилиями Овсеп Аргутяна и Григора Халдаряна основывается первая в России армянская типография.

В плане историко-хронологической периодизации можем сказать, что данный период армянской культурной жизни Петербурга носит определенно дворцовый характер и связан с екатерининско-потемкинской эпохой, выдающимися деятелями которой стали Оваким Лазарян и Владыка Русско-армянской епархии архиепископ Овсеп Аргутян (Иосиф Аргутинский).

Подобное имперское направление армянской общественно-культурной жизни Петербурга в новых проявлениях продолжилось также и в XIX веке. Это было обусловлено тем, что если в XVIII веке избрание католикоса всех армян утверждалось либо султанами Османской империи, либо шахами Ирана, то в XIX веке, после присоединения Восточной Армении к России, когда Эчмиадзин перешел под российское господство, право утверждения от Ирана перешло к Российской империи. После утверждения со стороны Турции и России новоизбранный католикос торжественно встречался с русским царем на особой утвержденной государством церемонии, организованной во дворце в Петербурге. После этой церемонии католикосу оказывали торжественный прием армянские общины разных губерний России. Далее в Тифлисе он встречается с наместником Кавказа и с такой же торжественностью отправляется в Св. Эчмиадзин, где совершается рукоположение (посвящение) и помазание.

Эти организованные церемонии имели свое литературное выражение: начиная с переписки Симеона I (Первого) Ереванского и Екатерины II, торжественных речей, произнесенных во дворце, и заканчивая пафосными хвалебными речами, написанными по этому поводу членами Петербургской армянской общины. Все это дошло до нас в виде рукописных тетрадок в роскошном переплете, архивных документов, публикаций и отдельных изданий Петербургской армянской общины, на которые мы и ссылаемся в нашей работе.

Императорские утверждения католиков и связанные с этим торжественные церемонии создали своеобразный литературный мост Санкт-Петербург — Св. Эчмиадзин. Мы попытались проследить процесс развития армянской литературной жизни на основе сопоставления рукописей, связанных с Петербургом, и сохранившихся там древних книг, архивных документов, первоначальных источников и теоретической литературы

Важнейшими предпосылками формирования армянской общины Санкт-Петербурга и урегулирования церковной жизни являются написанные здесь в тот период армянские рукописи и их колофоны. Поскольку рукописи переписывались не исходя из предпочтений писцов, а по желанию заказчика, по темам включенных в них текстов можно составить представление о том, какие литературные и церковные предпочтения наблюдались в тот период.

Известная нам первая большая рукопись, созданная в Петербурге, — «Тетрадь таинств», которая была переписана в 1738 г. Она вдвойне ценна и даже символична по следующей причине. В отличие от «Айсмавурка», «Шаракана» и «Гандзарана», копии произведений которых заказчик мог просто читать у себя дома или в церкви в соответствующий церковный праздник, «Тетрадь таинств» не предназначена для простого чтения. Рукопись «Тетради таинств» как Священная книга Святой Литургии хранилась в церкви и была предназначена только для служения Св. Литургии в церкви.

В 1756 г. в Петербурге Аствацатур Шамахеци переписывает сборник «Гандзаран» («Сокровищница»), который уже можно считать связанным с литературными предпочтениями местной общины, поскольку каноны «Сокровищницы» были предусмотрены не только для песнопения на церковных праздниках, но и для индивидуального чтения.

Напрямую связаны с церковной жизнью того времени две рукописи, переписанные в 1780 г. Варданом Астапатечи — из Астапата в Нахиджеване, близ Старой Джуги. Переписчик, таким образом, принадлежал к среде джугинцев, и представляется не случайным, что, прибыв в Петербург на освящение церкви Святой Екатерины вместе с Овсепом Аргутяном в 1780 г., он в том же году переписывает труды Нерсеса Шнорали и Нерсеса Ламбронаци¹.

В брошюре Тер-Абраамяна, изданной в 1871 г., о литературном наследии Аргутяна говорится: «Иосиф, как летописец, оставил несколько литературных заслуг, в которых первым можно считать книгу под названием “Исповедание христианской веры Армянской церкви”, которая была издана в Петербурге в 1799 году по указу императора Павла I. Кроме этого, Иосиф изложил несколько проповедей и речей, а также уставы духовного суда Нового Нахичевана, с длинным предисловием»².

Он сохранил колофоны — журналы событий и переписки своего времени, которые назвал «Давтар». Наиболее известны четыре таких объемных давтара

¹ Մայր ցուցակ հայերէն ձեռագրաց Մաշտոցի անուան Մատենադարանի, հտ.Բ, կազմեցին Օ. Եզանեան, Ա. Չէլթունցեան, Փ. Անթարեան, Ա. Քեօշկերեան, Երևան, 2004, էջ 1039–1042.

² Тер-Абраамян О. Иосиф IV Долгорукий Аргутянц. СПб., 1873. С. 23.

(тетради). В рукописном двухтомнике колофонов И. Аргутяна сохранились многочисленные документы о деятельности главы епархии, развернутой в разных областях. Сохранились также копии более чем 2000 отправленных им писем, которые являются важнейшим источником для изучения истории конца XVIII века. Литературное дарование Аргутяна лучше всего выражено в определениях на титульных листах, предисловиях (прологах), послесловиях (эпилогах) и колофонах изданий типографии Григора Халдаряна.

Итак, армянская общественно-культурная жизнь Петербурга формируется с 1760-х годов, когда местная армянская община во главе с Лазарянами и Армянская епархия России начинают выдвигать вопросы, имеющие общеперсское значение. Армянская литературная жизнь Петербурга 60–80-х годов XVIII века развивалась в русле литературы екатерининской эпохи, носила подчеркнутый одический, дифирамбный, восхваляющий характер и была неразрывно связана с определенными историческими событиями этих десятилетий.

Подчеркнутая ориентированность литературы этого периода на российский двор и то обстоятельство, что авторами или заказчиками произведений чаще всего были высокопоставленные духовные лица, а сами литературные тексты часто представлялись с параллельными переводами на русский язык, обусловили тот факт, что произведения армянской литературы екатерининского периода были написаны на гробаре и продолжали традиции документального жанра предыдущих десятилетий и религиозно-церковной апологетической литературы.

Как и во всех армянских колониях, разбросанных по миру, так и в Петербурге важная доля заслуг в развитии армянской литературы принадлежит местному армянскому книгопечатанию. В издаваемых книгах все чаще поднимаются и развиваются вопросы, связанные с необходимостью перехода новой литературы на новый литературный язык, ашхарабар, а в оформлении титульных листов этих изданий, а также в послесловиях (эпилогах) и заключениях колофонов есть много определений и фрагментов, имеющих очевидную литературную ценность.

Тоникян С. А. (Ереванский государственный университет, Ереван)

Рукопись № 1519 арабографического фонда Матенадарана: описание и место в *stemma codicum*

Предметом исследования является рукопись № 1519 арабографического фонда Матенадарана, которая представляет собой фрагмент книги «Розовое яблоко в комментарии к поэме “аз-Зайнабия”» (التفاحة الوردية في شرح القصيدة الزينية), принадлежащей перу ‘Абд ал-Му‘ти ибн Салима ибн ‘Умара аш-Шибли ас-Симиллави аш-Шафи‘и (عبد المعطي بن سالم بن عمر الشبلي السملوي الشافعي) (ум. 1127/1715 г.).

Комментируемая поэма, состоящая из 65 (в некоторых версиях 66) строф, написанных размером *камил* с рифмой *ба*, представляет собой морально-аскетическую проповедь, благодаря чему часто исполняется на религиозных собраниях в праздники и памятные дни, особенно в шиитской традиции. Она приписывается последнему праведному халифу ‘Али ибн Аби Талибу, несмотря на то, что в поэме есть некоторые упоминания, которые исключают авторство ‘Али. Также иногда ее авторство приписывают аббасидскому поэту первой половины VIII века Салиху ибн ‘Абд ал-Куддусу (ок. 77/696–167/783), который был обвинен в зиндикизме и казнен самим халифом. Что касается составителя комментария, то ‘Абд ал-Му‘ти ас-Симиллави является филологом, литературоведом, хадисоведом, религиозным правоведом и теологом, последователем шафиитской школы религиозного права и кадаритом, автором примерно двух десятков трактатов и собрания фетв.

«Розовое яблоко в комментарии к поэме “аз-Зайнабия”» — одно из известных произведений автора, которое было написано в 1087/1676 г. В других рукописях эта же работа имеет название *الفحات الوردية في حل وقد قصيدة الزينية* («Ароматы розы в анализе слов стихотворения “аз-Зайнабия”»). Его также отождествляют с другим произведением этого же автора — *البهجة السنية لشرح القصيدة الزينية* («Суннитское наслаждение комментария поэмы “аз-Зайнабия”»), которое представляет собой более обширную версию рассматриваемого сочинения. Автор безоговорочно приписывает комментируемое стихотворение четвертому ортодоксальному халифу ‘Али.

Рукопись комментария находится в хорошем состоянии, но содержит лишь фрагмент данного комментария. Она состоит всего из 11 листов, в то время как цельные рукописи «ат-Туффаха ал-вардийа» в других хранилищах насчитывают от 51 до 65 листов. Поскольку рукопись неполная, в конце нет упоминаний о времени и месте ее создания. Фрагмент, сохранившийся в Матенадаране, включает комментарий к первым восьми строфам поэмы. Дата составления текста в рукописи указана как 1077 г. х., хотя в других списках называется 1087 г. х.

Рукопись написана почерком *наسخ*, преимущественно черными чернилами, с редкими выделениями и цитатами красными чернилами. Большая часть текста комментариев не имеет огласовок. Стихотворение комментируется построчно, строки написаны красными чернилами. В самом тексте огласовок нет, но на полях написан огласованный вариант той же цитаты.

В рукописном инвентаре арабографичных рукописей Матенадарана книга указана как автограф, однако ее анализ показывает, что это не соответствует действительности.

Нам удалось ознакомиться с четырьмя другими списками данного комментария, два из которых хранятся в библиотеке ал-Азхара в Каире, а два остальных в Эр-Рияде — в Университете короля Сауда и в Исламском университете имама Мухаммада ибн Сауда. Однако целью данного доклада является не сравнение всех пяти манускриптов, а детальное описание рукописи Матенадарана и определение ее места среди изученных пяти списков.

Туранская А. А. (ИКСА РАН, Москва)

Христианские печатные издания на монгольском и калмыцком языках в коллекциях РНБ

Вхождение в состав Российской империи территорий, населенных ойратами (калмыками) и бурятами во второй половине XVII в., положило начало активной христианской миссионерской деятельности среди этих народов. Начиная с XVIII в. христианизация иноверных подданных рассматривалась как одно из средств интеграции этих народов в полиэтнической империи, которая могла обеспечить прочность государственного единства. В результате уже в первой четверти XIX в. в России появились первые печатные издания христианской литературы.

Начало переводческой деятельности христианских сочинений в Российской империи тесно связано с учреждением Библейского общества в Петербурге в 1813 г., которому покровительствовал император Александр I и другие влиятельные люди двора. В 1815 г. в типографии Академии наук была отпечатана первая христианская книга на калмыцком языке — Евангелие от Матфея, которая вместе с изданным вскоре кратким трактатом И. Я. Шмидта (1799–1847) о христианском вероучении была отправлена с рекомендательными письмами к улусным нойонам в калмыцкие степи для распространения среди простого населения. Именно это издание, переданное в 1815 г. в собрание Императорской Публичной библиотеки (ныне Российская национальная библиотека (РНБ)) по высочайшему повелению, положило начало одной из наиболее полных коллекций ныне раритетной христианской литературы на монгольских языках.

Собрание РНБ включает практически все печатные книги, изданные с начала XIX в. Поступили они в это уникальное книгохранилище благодаря «Положению о управлении Императорскою Публичною библиотекою», утвержденному в 1810 г. Александром I об обязательной бесплатной доставке в библиотеку в двух экземплярах всего, что выходит в свет из-под печатного станка в России. Хранятся христианские издания в настоящий момент разрозненно в нескольких фондах библиотеки, а именно в рукописном отделе Восточных рукописей (ОР), отделах литератур стран Азии и Африки (ЛСАА) и национальных литератур (ОНЛ).

Анализ выявленных изданий показал, что внутри христианской миссионерской деятельности среди монголов имело место своеобразное сотрудничество между протестантскими и православными миссиями. Текстологическая наполняемость книжного репертуара обращенных христиан зачастую формировалась за счет многочисленных переводов Библии. Данные труды являются свидетельствами той миссионерской деятельности, которая проводилась в Российской империи среди монголоязычных народов на протяжении нескольких столетий (во второй половине XVII в. до начала XX в.).

Цель доклада — введение в научный оборот уникальных христианских изданий, непосредственно задействованных в развитии христианства в монгольской

культуре и в силу исторических обстоятельств, в течение долгого времени практически не востребовавшихся с точки зрения их библиографического описания и научного изучения.

*Ястребова О. М. (РНБ, Санкт-Петербург),
Матвеев А. С. (СПбГУ, Санкт-Петербург)*

Электронный каталог коллекции Мухаммада Айада ат-Тантави в СПбГУ: итоги проекта (2023–2024)

В 2023–2024 годах научный коллектив занимался осуществлением проекта, поддержанного грантом РНФ № 23-28-01748 «Онлайн-база данных рукописей как исследовательский инструмент: интернет-публикация и изучение собрания арабских рукописей проф. Санкт-Петербургского университета Шейха Мухаммада ат-Тантави (1810–1861) из фонда Восточного отдела Научной библиотеки им. Горького СПбГУ».

Основной целью проекта было создание специализированной онлайн-базы данных и поисковой системы для публикации коллекции арабских рукописей профессора СПбУ Шейха ат-Тантави. Была проведена работа по изучению имеющихся (опубликованных) специализированных баз данных и онлайн-каталогов арабскографических рукописных коллекций на Западе и в Арабском мире. Задачи, которые пришлось решать для достижения поставленной цели, можно разделить на две группы.

I. Методологические: разработка принципов описания и электронной публикации арабских рукописей; разработка (с учетом имеющегося у коллектива задела и новых разработок российских и зарубежных специалистов) структуры электронного формуляра описания рукописей, с формализацией атрибутов поиска и сортировки. Эти задачи были в основном решены на первом этапе работы. В результате была разработана концепция научной базы данных для описания рукописей.

II. Технические: на основе этих теоретических разработок было создано специализированное программное обеспечение для формирования исследовательской онлайн-базы данных для изучения рукописной коллекции ат-Тантави и последующей электронной онлайн-публикации коллекции, включающей в себя каталог и систему поиска и извлечения информации. Оно представляет собой открытую базу данных с использованием MySQL и PHP, с расширяемым набором полей и реквизитов, в том числе: настраиваемые списки разделов/блоков описания памятника; настраиваемые списки полей и подполей; настраиваемые пользовательские «справочники», и др. Был проработан вопрос о возможности коммуникации разрабатываемой БД с существующими электронными каталогами как в России,

так и за рубежом через библиотечную кодовую систему на основе формата MARC (Machine-Readable Cataloging) и ее русский вариант RUSMARC.

Созданный в результате интерфейс ввода информации делится на три блока: (1) внутренние авторитетные таблицы персоналий и заглавий, (2) таблицы-справочники, помогающие структурировать введенную в базу информацию, в том числе таблицы источников поступления, географических названий, вспомогательной библиографии, предметного указателя, роли персоналии в отношении рукописи (автор, владелец, переписчик и т. д.), а также привязка рукописей по датам к периодам столетий по нашему летосчислению и по хиджре; (3) наконец, основная карточка описания рукописи, многие из полей которой заполняются из перечисленных выше локальных авторитетных файлов и таблиц.

Разработанная для базы карточка *ввода* состоит из пяти вкладок:

1. Первая из них, “Main”, содержит разбитые по соответствующим полям описания физических и палеографических особенностей манускрипта, включая многочисленные писцовые колофоны (которые приводятся целиком), приписки, печати, переплет и приложенные к рукописи материалы. Все сведения, выгруженные из предыдущей версии базы, перепроверяются, дополняются, формулировки редактируются и унифицируются. Введенные тексты колофонов и приписок вычитываются заново; в тех записях, в которых колофоны и приписки введены не были, они добавляются.

2. Содержание рукописи описывается на вкладке “Contents”. Название (а вместе с ним и автор) выбираются из авторитетных файлов (таблиц), которые подготавливаются/заполняются предварительно. Предусмотрена также возможность указать персоналию, названную в качестве автора в рукописи, но отличную от научно установленного автора. Кроме того, можно указать тот вариант заглавия произведения, который приведен в рукописи, но отличается от общепринятого научного заглавия.

3. Вкладка “Persons” служит для привязывания персоналий из справочника (заполняется предварительно) к записи (описанию рукописи) и определения их отношения к рукописи: автор, автор комментируемого текста, владелец, переписчик и т. д.

4. Кроме того, карточка описания рукописи содержит вкладку с библиографией и

5. Вкладку, на которой отображаются загруженные файлы — копия всей рукописи целиком в формате PDF с разметкой листов для удобства ориентирования в тексте.

Также была выработана система *вывода* информации из полей базы с трансформацией ее в связный текст каталожного описания. Она включает в себя (1) вывод полнотекстовых карточек описания рукописей (как всей коллекции, так и отдельных единиц), биографических справок об авторах и карточек сочинений, которые снабжены кросс-ссылками (вывод возможен в двух вариантах — полное описание на русском языке и краткое описание на английском); (2) индексы-ука-

затели авторов, иных персоналий, заглавий, предметных рубрик, датированных рукописей и мест переписки; (3) подборки материалов по различным признакам, как кодикологическим, так и библиографическим (например, возможность просмотреть все рукописи, содержащие произведения, написанные в определенное столетие); (4) система простого и комбинированного поиска.

Таким образом, создана полностью функциональная система для формирования специализированных каталогов арабографических рукописных коллекций, включающая в себя (1) систему ввода описаний с интерфейсом, предназначенным для специалиста-каталогизатора, и (2) разветвленную систему поиска и сортировки информации с выводом описаний рукописей, предназначенную для пользователя. Все рукописи собрания ат-Тантави были оцифрованы, доступ к их полным копиям доступен для пользователей, которые пройдут регистрацию.

С электронным каталогом коллекции и результатами проекта можно ознакомиться на сайте Восточного факультета СПбГУ: <https://orienthist.spbu.ru/tantawi>.

Секция II • Section II

Международная сессия арабистов:
«Источниковедение и историография Арабских стран»
(совместно с Ереванским государственным университетом)

International Session on Arabic Studies:
Historiography and Source Studies of the Arab Countries
(organized together with Yerevan State University)

Saleem Abu Jaber (Ben Gurion University of the Negev, Beersheba, Israel)

A Scholarly Reading of Yusuf Efendi Zadeh's Commentary on Surahs 90 (*al-Balad*) and 108 (*al-Kawthar*)

Abdullah b. Muhammad b. Yusuf b. Abdul Mannan al-Halimi al-Rumi al-Istanbulite al-Hanafi Efendizade (1085/1674–1167/1753) was born in the year 1085 AH / 1674 AD in the Turkish city of Amasya. He was known as “al-Amasi” in reference to his birth-place, and also became famous as Yusuf Efendi Zada, as mentioned in his handwritten letters and some of his published works.

He grew up in a cultured Ottoman family with a scholarly environment. His pursuit of knowledge began under the guidance of his father, Muhammad ibn Yusuf, who was a prominent Quran reciter in Turkey at that time. His grandfather, Yusuf Efendi, was the chief of Quran reciters, hence his attribution to his grandfather. All of this clearly indicates that he came from a distinguished scholarly family.

Yusuf Efendi Zada specialized in Islamic sciences, excelling in Quranic recitation, Tafsir (Quranic exegesis) and Hadith studies. He mastered the ten canonical Quranic recitations, Tajweed, Tafsir, and Hadith under the guidance of leading reciters and scholars. He significantly contributed to the study and development of rational and transmitted sciences in his city, especially Quranic recitations and Quranic studies.

He held the position of chief Quran reciter in Constantinople during that era. Later, Sultan Mahmud appointed him as a teacher at the library he had established within the palace. He dedicated most of his life to this work until his passing.

This study aims to present a critical edition of a manuscript by Yusuf which contains a commentary on Surahs al-Balad and al-Kawthar. Both of these Surahs were revealed in Mecca and share thematic and contextual similarities. They address topics such as

monotheism, the creation of humanity amidst hardship, the obligation of prayer, patience in the face of adversity, enmity towards disbelievers and their schemes, the persecution of the Prophet Muhammad by the disbelievers of Quraysh, and their derogatory labeling of him as “abtar” (cut off), implying that he had no male offspring to continue his lineage.

The significance of this study lies in its presentation of the first critical edition of Yusuf’s manuscript. In addition, it sheds light on his rich knowledge in the fields of exegesis, hadith, Qur’ānic recitation, and linguistics. This relatively small but thematically significant exegesis manuscript serves as a valuable source for understanding the exegetical perspective and intellectual milieu of its time.

In his exegesis, Yusuf Efendizade employs several established exegetical methods, including interpreting the Qur’ān with the Qur’ān, interpreting the Qur’ān with Hadith, reason-based exegesis, understanding the reasons for revelation, and referencing the *ijtihād* of the Companions. Additionally, the exegete demonstrates his proficiency in rhetoric by highlighting literary devices such as *saj’* — rhymed prose, and *tibaq* — antithesis to elucidate linguistic and rhetorical meanings. In doing so, he draws inspiration from renowned scholars like al-Rāzī, al-Zamakhsharī, and al-Bayḍāwī. He also incorporates direct quotations from these authors and others, such as Ibn Kathīr and Ibn ‘Abbās, sometimes quoting verbatim and at other times summarizing or paraphrasing, using phrases like “wa-l-ma’ nā”, “wa-yuḥtamalu”, “wa-hiya bi-jumlatihā”, “wa-bi’l-jumla”, “wa’l-murād”, “wa-maḥṣūl-l-āyatayn”. These techniques aim to present the reader with a clear, scholarly, and accessible exegesis.

In this work, the exegete also offers a message of support and consolation to the Ottoman Sultan Mahmud Khan, encouraging him to remain patient in the face of opposition, just as Prophet Muhammad persevered against the hostility and persecution of the Quraysh disbelievers and hypocrites. The exegete reassures the Sultan that Allah’s promise is true and that divine assistance for the believers is inevitable.

*Mariam Elmasyan (Arabic Studies Department,
Yerevan State University, Yerevan)*

The Socio-cultural Significance of Ibn al-Muqaffa’s “Al-Adab al-Saghir” and “Al-Adab al-Kabir”

The mid-eight century appears as an important milestone in the history of Arab-Muslim Caliphate, which was marked by the significant expansion of the Islamic Caliphate and the transformation of social, political, and intellectual paradigms. It brought into contact diverse cultures from Persian, Greek, Indian intellectual traditions. This expansion created a need for a broader, more pragmatic approach to knowledge that could address the complexities of governance and social interaction within a multi-ethnic empire. Ethnic and cultural diversity of the Caliphate had required to develop new conceptual provisions

that could regulate the socio-cultural relations in the Caliphate. It is in this context that *mawlas* and caste of *katibs* came to play a significant role in the development and change in the structure of the intellectual and spiritual life of the Caliphate.

At certain stages of its development, *adab* had different interpretations. In pre-Islamic era, *adab* was considered as a set of norms of proper behavior inherited from ancestors. With the rise of Islam *adab* referred to ethical and practical models that regulated the life of a good Muslim. With the stratification of the syncretic social structure of Arabo-Muslim society and the formation of distinct social strata, *adab* became a specialized form of education with an intellectual and moral orientation, intended for the urban elite and reflecting the needs and aspirations of the urban population and was meant to fulfill main practical objectives: to unite and define the universal body of knowledge necessary for obtaining a secular education and acquiring “courtesy” and proper upbringing. The second point was the problem of the ruler and governance, with a particular emphasis on ethical aspect of this issue.

Abdallah Ibn al-Muqafa‘a significant influenced the process of transformation of the concept of *adab* and formation of the new knowledge, its ethical and cultural values. Ibn al-Muqafa‘a’s “Al-Adab al-Saghir” and “Al-Adab al-Kabir” represent the synthesis of the key concepts of Persian and Hellenistic thought and the Islamic intellectual tradition, which deeply affected the knowledge paradigm. Through “Al-Adab al-Saghir” and “Al-Adab al-Kabir”, Ibn al-Muqaffa‘ expanded the initial meaning of *adab* and provided his own definition of *adab* in line with the new requirements of Arab-Muslim multiethnic society and culture. Thus, he created *adab* literature that proposes new dimensions of knowledge and serves as a vehicle for socialization of individuals in Arabo-Muslim society.

The paper explores the important and transformative role and cultural legacy of Ibn al-Muqaffa‘a’s “Al-Adab al-Saghir” and “Al-Adab al-Kabir” in the context of political, socio-cultural and intellectual developments of the 8th-century’s Arabo-Muslim multiethnic society. By analyzing key passages of both “Al-Adab al-Saghir” and “Al-Adab al-Kabir” the paper illustrates Ibn al-Muqaffa‘a’s contribution to the formation of the new knowledge, its adaptation, and evolution of ethical dimensions and core cultural values corresponding to the new requirements of complex multiethnic Abbasid Caliphate, thereby promoting ethical reflection and molding the cultural and intellectual tradition of the Islamic Golden Age.

Аветисян В. Г. (Российско-армянский (Славянский) университет, Ереван)

Армянские источники о Крестовых походах на Ближнем Востоке

Крестовые походы XI–XIII вв. оказали эпохальное влияние на судьбы народов Ближнего Востока, в том числе и армян, создавших в XI–XIV вв. собственное

государство в Киликии — по соседству с государствами крестоносцев. События Крестовых походов и взаимоотношения с крестоносцами отражены в армянских источниках, степень достоверности которых в ряде случаев даже превосходит латинские, византийские, арабские и ассирийские источники¹. В этом отношении особенно выделяется «Хроника» Матфея Эдесского (Маттеос Урхаеци), состоящая из трех частей, охватывающих события в Передней Азии с 952 по 1130-е гг.² Третья часть хроники содержит богатые данные о Крестовых походах и латинских государствах. Священник и духовный лидер армян Эдессы Матфей лично участвовал во многих мероприятиях крестоносцев, был свидетелем основных событий, происходивших в городе в 1100–1130-х гг. Он был хорошо осведомлен также о некоторых проблемах крестоносцев Антиохии и Иерусалима, хотя иногда путает имена крестоносных деятелей.

Хронику Матфея Эдесского продолжил Григорий Дьякон (Ерец)³ и довел труд до 1162/3 г. Григорий, в отличие от своего предшественника, не был так вовлечен в политическую жизнь эдесского графства и значительно уступает Матфею по объему информации, однако его сообщения являются одними из главных источников в изучении последнего периода латинского присутствия в Эдессе и Турбесселе.

Чрезвычайно ценный материал о периоде 1090–1270 гг. содержится в «Летописи» Смбата Спарапета⁴. Поскольку он был непосредственным участником событий 1220–1260-х гг. и занимал высокие государственные должности, сведения Смбата Спарапета приобретают исключительную ценность, особенно в том, что касается взаимоотношений Антиохийского княжества и Киликийской Армении в условиях соперничества мамлюков и монголов за гегемонию в регионе. Он оставил уникальные известия о падении Антиохии 1268 г. Сохранились несколько копий рукописи, которые в ряде мест имеют мелкие разночтения, что делает целесообразным сравнивать армянские издания данного труда с русским или французским переводами.

Весьма важным и достоверным источником по рассматриваемому вопросу считается «История» Киракоса Гандзакеци. Несмотря на то, что она в основном

¹ Заборов М. А. К вопросу о значении известий восточных современников Крестовых походов // *ИФЖ*. Ереван. 1968. № 3. С. 158–159; Степаненко В. П. Совет двенадцати ишханов и Бодуэн Фландрский. К сущности переворота в Эдессе (март 1098 г.) // *АДСВ*. Свердловск. 1985. Вып. 22. С. 91.

² Մատթէոս Ուռհայեցի Ժամանակագրութիւն / գրաբար բնագիրը Մ. Մելիք-Աղամյանի և Մ. Տեր-Միքայելյանի, աշխարհաբար թարգմ. և ծանոթություններ Հ. Մ. Բարթիկյանի / Երևան, 1991.

³ Գրիգորի Երիցոյ շարունակութիւն (Մատթէոս Ուռհայեցոյ Ժամանակագրութեան ընդարձակ իրատարակությունը) Երևան, 1991. էջ 406–479.

⁴ Մմբատայ Սպարապետի Տարեգիրք. Վենետիկ. 1956; Смбат Спарапет. Летопись / пер. А. Г. Галстяна. Ереван, 1974; La Chronique attribuée au connétable Smbat. / Intr., trad. et notes G. Dédéyan. Paris, 1980; Sembad le Connetable. Chronique du Royaume de la Ptite Arménie / RHC. Doc. Arméniens. T. 1. Paris, 1869. P. 610–680.

относится к истории восточной части Армении, однако содержит частые упоминания о Киликийской Армении и некоторые подробности о крестоносцах. Гандзакеци оставил сведения о переговорах киликийских правителей с Римом и крестоносцами. История Гандзакеци выдержала множество изданий, из которых более близким к оригиналу надо считать труд, опубликованный под редакцией К. Мелик-Оганджяна¹.

Ближневосточные реалии XII–XIII вв. нашли отражение на страницах «Вселенской истории» Вардана Великого². Помимо армянских источников, он использовал ассирийские рукописи, что придает работе дополнительную достоверность.

Обзору некоторых событий Крестовых походов также посвящены фрагменты из историй Самуэля Анеци³, Мхитара Айриванеци⁴, Вахрама Эдесского⁵. В отличие от предыдущих источников они имеют более поздние дополнения, содержащаяся в них информация отрывочна и не всегда дается в строгом хронологическом порядке. Однако эти «истории» дают возможность уточнять и корректировать сведения, которые содержат другие источники.

До нас дошли также написанные в Армении и Киликии небольшие хроники и записи, содержащие отдельные сведения о крестоносцах⁶. Среди них встречаются хроники, написанные самими высокими государственными деятелями своей эпохи.

Таким образом, всестороннее изучение Крестовых походов на Ближнем Востоке без учета сведений армянских источников невозможно. В этой связи работа по переводу этих источников на европейские языки, в первую очередь на французский, была начата уже в середине XIX в. В знаменитой серии источников по истории Крестовых походов «*Recueil des historiens des croisades*» два тома посвящены именно армянским источникам: «*Doc. arméniens, t. 1, Paris, 1869*» и «*Doc. arméniens, t. 2, Paris, 1906*».

¹ Կիրակոս Գանձակեցի. Պատմություն Հայոց / աշխատ. Կ. Ա. Մելիք-Օհանջանյանի / Երևան, 1961; Կիրակոս Գանձակեցի. Պատմություն Հայո / խմբ. Լ. Խանլարյան / Երևան, 1982.

² Վարդանայ Վարդապետ. Հաւաքումն պատմութեան. Վենետիկ, 1862, (աշխատությունը ղեկավարել է Գ. Բ. Թումանյանի ղեկավարությամբ լույս տեսած Վարդան Արևելցի. Տիեզերական Պատմություն գրքում) Երևան, 2001; De Vardan le Grand. L'histoire universelle / *RHC. Doc. Arméniens. T. 1. Paris, 1869. P. 431–443.*

³ Սամուել Անեցի և Շարունակողներ. Ժամանակագրություն. Երևան, 2014.

⁴ Մխիթարյոյ Այրիվանեցիոյ. Պատմութիւն Հայոց / ի լոյս ընծայեաց Մկրտիչ Էմին / Մոսկվա, 1860; Մխիթարյոյ Այրիվանեցիոյ. Պատմութիւն Հայոց // Հայկական համաբարբառ. № 9. Երևան, 1975.

⁵ Vahram D'Edesse. Chronique rimée, des rois de la Petite Arménie / *RHC. Doc. Arméniens. T. 1. P. 491–535.*

⁶ ԺԳ դարի հայերեն ձեռագրերի հիշատակարաններ / կազմ. Մաթևոսյան Ա. Ս. / Երևան, 1984; ԺԴ դարի հայերեն ձեռագրերի հիշատակարաններ / կազմեց Խաչիկյան Լ. Ս. / Երևան, 1950; Մանր Ժամանակագրություններ. XIII–XVIII դդ. Կ. 1 / կազմ. Հակոբյան Վ. Ա. / Երևան, 1951. Կ. 2 / կազմ. Հակոբյան Վ. Ա. / Երևան, 1956.

Аширов Т. А. (Институт истории и археологии
АН Туркменистана, Ашхабад)

Ал-Мукаддима («Введение») Ибн Халдуна как источник по истории раннего христианства

Наиболее полно жизнь Ибн Халдуна, оставившего выдающийся след в истории мировой культуры, изложена в его «автобиографии» — «Путешествие Ибн Халдуна по Западу и Востоку» (*Ат-та'риф би Ибн Халдун ва рихлатуху гарбан ва шаркан*), которая дана в последних главах его главного труда — *Китаб ал-'Ибар* («Книга назидательных примеров»). Наиболее важным сочинением этого выдающегося ученого по праву считается *ал-Мукаддима* («Введение»), являющаяся введением к вышеупомянутому историческому труду *Китаб ал-'Ибар*, который освещает события всемирной истории.

В состав *ал-Мукаддимы* вошли не только вопросы методологии и философии истории, привлекающие наибольшее внимание современных исследователей, но и различные исторические сведения. Наряду с теоретическими основами исторической науки это сочинение включает в себя ценную информацию по вопросам политической, социально-экономической и культурной жизни описываемых регионов, в том числе касающуюся истории христианства.

Так, в книгу включен специальный раздел, посвященный вопросам христианского вероучения и церковной организации: «Термины “папа” и “патриарх” в христианстве». В этом разделе, в частности, рассказывается об Иисусе, двенадцати Апостолах и об их приезде в Рим. В *ал-Мукаддиме* также приводятся данные о различных версиях Евангелий, составленных апостолами, и об ученых, переведивших Священное писание. В книге упоминается имя Юханны ибн Захаби как первого переводчика Библии на латинский язык.

Ибн Халдун описывает отношение императора Константина к христианству и его взгляды на религиозные вопросы в Риме. В произведении приводятся данные о Вселенских соборах, в первую очередь о сыгравшем большую роль в истории христианства Никейском соборе, где были выработаны основы христианской доктрины.

Ибн Халдун приводит историю обретения Креста, на котором был распят Иисус, Еленой — матерью императора Константина. Говоря о христианских храмах, автор пишет, что христиане строили церкви, подобные церкви Воскресения, построенной Еленой над местом погребения Христа, недалеко от которой находится «Вифлеем (*Бейту-л-лахм*), где родился Иисус». По распространенной в мусульманской среде ошибочной традиции, Храм Воскресения в Иерусалиме вместо *Канисат ал-кийама* («церковь Воскресения») назван *Канисат ал-кумама* («церковь отбросов»). По версии Ибн Халдуна, это название было обусловлено тем, что после распятия Крест был выброшен иудеями и засыпан грязью и мусором, из-под которого и был извлечен в результате раскопок, организованных Еленой.

В другом разделе книги содержится информация о существующих христианских течениях и сектах: мелькиты, несториане, ариане, марониты, яковиты, маркиониты и др. В книге также упоминаются народы, которые приняли христианство, в частности, сообщается, что «на севере христианство приняли *сакалиба* (славяне)».

Таким образом, *ал-Мукаддима*, как и другие произведения Ибн Халдуна, демонстрирует широкий круг интересов этого ученого-энциклопедиста и является важным источником по истории раннего христианства и восприятия христианской религии средневековыми мусульманами Ближнего Востока.

Берникова О. А. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

Частотный и контекстуальный анализ номинативов времени в Коране и современном арабском языке¹

Время играет ключевую роль в исламском мировоззрении, а Коран, как священное писание мусульман, содержит многочисленные упоминания о его природе и значении. Кораническое понятие времени по своей сути связано с образами, представленными в доисламской поэзии, в которой время изображается как сила, оказывающая существенное влияние на жизнь людей².

Данное исследование посвящено анализу лексики Корана, денотирующей временной континуум, в сопоставлении с соответствующими единицами в современном языке. Полученные результаты позволяют сделать выводы о динамике развития концепта времени в тексте Корана и современном арабском языке.

Одной из наиболее употребительных лексем, определяющих понятие «время» в современном арабском языке, является слово وَقْتُ *waqt*. В Коране данная лексема встречается три раза и передает значение «назначенное время» (15:38), «определенный срок» (38:81), «в свое время» (7:187). При этом значительно чаще (8 раз) употребляется производное مِيقَاتٌ «некий срок, известный день» (7:142; 44:40; 78:17 и др.).

Важный для доисламской поэзии концепт دَهْرٌ *dahr*, означающий как бесконечное время, так и судьбу, в тексте Корана встречается два раза в определенном состоянии:

(45:24) وَقَالُوا مَا هِيَ إِلَّا حَيَاتُنَا الدُّنْيَا نَمُوتُ وَنَحْيَا وَمَا يُهْلِكُنَا إِلَّا الدَّهْرُ

«И сказали они: «Это ведь — только наша ближняя жизнь; умираем мы и живем; губит нас только время». Нет у них об этом никакого знания, они ведь только предполагают!».

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25–28–00996, <https://rscf.ru/project/25–28–00996/>.

² Timer G. The Concept of Time in the Qur'an // Studying the Near and Middle East in the Institute for Advanced Study, Princeton, 1935–2018. Piscataway, NJ: Gorgias Press, 2018. P. 118–125.

(76:1) هَلْ أَتَى عَلَى الْإِنْسَانِ حِينٌ مِّنَ الدَّهْرِ لَمْ يَكُنْ شَيْئًا مَّذْكُورًا

«Разве прошел над человеком срок времени, когда он не был вещью поминаемой».

Лексема حِينٌ hīn характеризует короткий отрезок времени. Данное слово в значении номинатива «время» демонстрирует наибольшую частотность в тексте Корана. Оно употребляется 35 раз и всегда реализуется в неопределенном состоянии. Например:

(38:88) وَلَتَعْلَمَنَّ نَبَأُهُ بَعْدَ حِينٍ

«И узнаете вы весть о нем после некоего времени!»

Концепт времени передается в тексте Корана и другими словами: أَلَيَّمٌ 'auyām, سَاعَةٌ sā'a и др., основные значения которых «дни», «час» и т. д. Контекстуальный анализ такого рода слов будет осуществлен на следующих этапах исследования.

Для проведения сопоставительного анализа частотности употребления лексем со значением «время» حِينٌ, زَمَانٌ, دَهْرٌ, وَقْتُ в тексте Корана и в современном арабском языке мы определили количество их вхождений в корпус текстов, содержащих образцы современной арабской литературы и СМИ. Приводимая ниже таблица демонстрирует полученные результаты.

Табл. 1. Сопоставительный анализ частотности употребления номинативов «время»

Лексема	Количество вхождений на 100 000 слов ¹		
	Коран	Современная литература	СМИ
وَقْتُ	3,55	109,05	114,09
دَهْرٌ	2,37	2,14	0,54
زَمَانٌ	0	19,39	8,7
حِينٌ	40,22	84,29	55,07

Полученные результаты демонстрируют существенное расхождение в частотности использования рассматриваемой лексики в тексте Корана и в современном арабском языке. В первую очередь это касается слова زَمَانٌ, которое отсутствует в Коране, а также малого количества вхождений в современные тексты слова دَهْرٌ.

Передача концепта «время» в тексте Корана и в современном арабском литературном языке имеет как общие черты, так и различия, что связано с эволюцией языка и изменением культурно-исторического фона. Некоторые слова приобрели новые оттенки значений или утратили свою актуальность. Выявленные различия свидетельствуют о трансформации восприятия времени в языковой картине мира носителей арабского языка на протяжении веков. Однако сохраняющаяся религиозная и культурная значимость понятий, связанных со временем, демонстрирует преемственность и устойчивость ключевых концептов, зафиксированных в Коране.

¹ Исследование выполнено с использованием корпуса арабского языка <https://arabicorpus.byu.edu/search.php?page=results&corpus=ModLit> (дата обращения: 10.01.2025).

Блондин В. Н. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

Касимиды — герои антиосманского сопротивления, известные просветители, ученые-теологи и историки позднесредневекового Йемена (XVI–XVII вв.)

В истории Ближнего Востока XVI–XVII вв. были временем кровопролитной и грандиозной по своим масштабам борьбы между крупнейшими мусульманскими державами за лидерство в исламском мире — Османской Турцией, Сефевидским Ираном и Мамлюкским Египтом.

После захвата турками-османами в 1453 году столицы восточного христианства — Константинополя сложились весьма благоприятные условия для масштабного османского завоевания стран Арабского Востока и распространения в них османofilства.

Блестящие победы османской армии под руководством султана Селима I Явуза («Грозного») над своими основными соперниками в исламском мире — иранскими Сефевидами на Чалдыранском поле (1514 г.) и египетскими Мамлюками на Дабикском поле (1516 г.) — были восприняты арабами как божественный промысел, а саму Османскую империю арабы восприняли как продолжение Халифата.

И только на юге Аравии, в гористом Йемене, османские завоевания замедлились. Это было обусловлено не только сложным географическим и топографическим характером региона, но и целым рядом причин: исторических, политическим и культурных.

В начале XVI столетия Йемен не представлял собой единого централизованного государства. В южной части Йемена, в самых плодородных и процветающих районах, находился суннитский султанат Тахиридов, население которого придерживалось шафиитского мазхаба шариата. Горные районы Северного и Центрального Йемена, особенно труднопроходимые для османских войск, находились под властью шиитских течений зейдитов и исмаилитов. Причем наибольшей воинственностью и стремлением к полной независимости отличался зейдитский имамат.

Уходящая в глубь веков древняя история Южной Аравии, ее богатая доисламская культура и вера в происхождение от легендарного Кахтана — все это привело к тому, что йеменские зейдиты особенно остро чувствовали свою уникальность и исключительность. Для них турки-османы, сунниты по своему направлению в исламе, представляли иной образ жизни, глубоко чуждый архаичному йеменскому обществу. Именно поэтому йеменские зейдиты не проявили каких-либо симпатий к туркам-османам и оказались невосприимчивы к пресловутому мифу о «крестьянской правде», прокладывающему повсюду в Арабском мире путь османскому оружию.

Несмотря на установление в 1517 году косвенного, а затем и относительно полного контроля османских властей над Йеменом, продолжавшегося более полутора столетий с 1538 по 1628 гг. и с 1840 по 1918 гг., восстание зейдитских племен за восстанием сотрясали страну.

Во главе освободительного движения в Йемене стояли зейдитские имамы Шараф ад-дины и Касимиды. Сначала выступили зейдитский имам Йахья Шараф ад-дин (восстание 1547–1551 гг.) и его сын ал-Мутаххар (восстание 1567–1570 гг.), затем в войну с османскими оккупантами вступили Касимиды: имам ал-Мансур Касим ибн Мухаммад со своими сыновьями ал-Му'аййадом, ал-Мутаваккилем, ал-Хасаном и ал-Хусейном (восстание 1598–1628 гг.).

Заслуга в изгнании османских захватчиков с древней йеменской земли принадлежит зейдитским оппозиционерам — Касимидам и прежде всего их лидеру имаму ал-Касиму ибн Мухаммаду (1009/1598–1029/1620) по прозвищу ал-Мансур биллах («Победитель с помощью Аллаха»). Он явился основателем независимого касимидского государства в Йемене.

Имам ал-Касим был также известным зейдитским ученым в области исламской теологии и правоведения. Он занимался широкой просветительской деятельностью, способствуя распространению знаний среди жителей горного Йемена. В своей резиденции в горной Шахаре имам ал-Касим основал знаменитую шахарийскую школу, из стен которой вышла целая плеяда зейдитских деятелей культуры.

Старший сын имам ал-Хусейн ибн ал-Касим (999/1591–1050/1640) также обучался в шахарийской школе вместе со своими младшими братьями ал-Му'аййадом, ал-Мутаваккилем и ал-Хасаном. Он был одним из самых образованных людей своего времени в Йемене, блестящим политиком и военачальником. Ал-Хусейн ибн ал-Касим написал ряд трудов по зейдитской теологии, мусульманскому судопроизводству, толкованию Корана и другим отраслям тогдашнего научного знания.

Однако всех представителей клана Касимидов по своей учености и несомненному литературному таланту превзошел внук имам ал-Касима — Йахья ибн ал-Хусейн (1035/1626–1100/1688). Он получил блестящее образование, включавшее весь комплекс существовавших тогда отраслей научного знания: мусульманской теологии и исламского права, философии и истории, коранических наук и хадисоведения.

Именно такое всестороннее образование и несомненный литературный талант в сочетании с упорством, трудолюбием, исключительной научной объективностью и беспристрастностью, склонностью к критическому осмыслению опыта предыдущих поколений и помогли Касиму Йахье ибн ал-Хусейну стать «выдающимся историком своего времени», «подлинным имамом во всех областях знания».

За свою долгую жизнь он написал свыше 40 различных произведений по истории общества и культуры в Йемене, хадисам, фикху, комментированию Корана и пр. К числу наиболее известных его трудов относится серия исторических сочинений, посвященных древней и средневековой истории Йемена, из которых самым знаменитым произведением, принесшим ему славу одного из самых выдающихся йеменских историков и литераторов XVII столетия, явилась его историческая хроника *Анба' аз-заман фи та'рих ал-Йаман* («Известия времени по истории Йемена»).

Боков Т. А. (ИКВИА ВШЭ, Москва)

Христиане Сирии: опыт полевого этнографического исследования

Этноконфессиональные отношения являются одним из ключевых факторов современных общественно-политических процессов в Арабском мире. Однако при их изучении перед исследователем встает ряд сложно решаемых проблем. Большинство из них связано с тем, что достоверные источники по этой теме, в силу высокого уровня ее политизированности, часто либо отсутствуют (например, официальная статистика по составу населения и органов власти), либо требуют предельной осторожности при использовании из-за своей ангажированности (публикации СМИ, мемуары и т. п.). Восполнить имеющиеся лакуны можно в ходе полевой работы, однако и она часто бывает затруднена: власти могут счесть такую деятельность нежелательной, а информанты — опасаться обсуждать де-факто табуированные сюжеты, тем более с иностранными исследователями.

Все сказанное выше в полной мере актуально для Сирии. Из-за скудости источников и их преобладающей субъективности мы имеем лишь приблизительное представление об этноконфессиональном составе населения этой страны, развитии взаимоотношений между государством и различными сообществами, внутри- и межобщинном взаимодействии, а также трансформациях, происходивших в этих сферах в последние десятилетия. К тому же продолжающийся с 2011 г. внутривнутриполитический конфликт внес существенные изменения в жизнь всего сирийского социума, включая и этноконфессиональные группы, одновременно существенно ограничив возможности исследовательской работы, из-за чего упомянутые изменения до сих пор не получили должной научной оценки. Именно с целью прояснения указанных вопросов и было предпринято исследование, кратко описанное в данном докладе.

За годы работы в Сирии (2018–2024) мне посчастливилось наладить доверительные отношения с многими местными христианами. Одним из результатов этого стали 16 глубинных интервью (как правило, длиною от часа до полутора), проведенных мною в конце 2023 — начале 2024 г. В силу уже отмеченной деликатности этноконфессиональной проблематики я разговаривал только с моими знакомыми и рекомендованными ими людьми. При этом я стремился по возможности (хотя из-за сложности подбора спикеров не всегда в полной мере успешно) соблюсти гендерный¹, возрастной² и конфессиональный³ баланс. Два интервью были взяты у членов разных поколений одной семьи (мать и дочь, отец и сын), еще два — у супругов. В связи с ограничениями на поездки по стране

¹ 5 женщин и 11 мужчин.

² 3 человека в возрасте между 30 и 40 годами, 7 — от 40 до 60 и 6 — старше 60.

³ 10 православных, 2 католика, 2 греко-католика (мелькита), 1 сиро-яковит и 1 сиро-католик.

в личных целях¹, я был вынужден ограничиться жителями столицы — ими были 15 из 16 респондентов. Однако многие мои собеседники были родом не из Дамаска, почти все они сохраняли тесную связь со своими «родными» регионами (Алеппо, Хомс и т. д.) и были хорошо осведомлены о происходящем там. Кроме того, я старался говорить с представителями различных социальных групп и профессий — среди информантов пять деятелей культуры, включая одного иконописца, три домохозяйки, две монахини², два инженера, депутат парламента, отставной армейский генерал, пилот гражданской авиации и предприниматель.

Вопросы в ходе интервью были разделены на две группы:

- Общие, которые я задавал всем. Они касались преимущественно личного жизненного опыта с акцентом на практики сохранения христианами Сирии своей конфессиональной идентичности, межхристианские и христиано-мусульманские отношения, демографические аспекты;
- Персональные, т. е. обусловленные «бэкграундом» собеседника. У депутата я интересовался вопросами взаимодействия христианской общины с властями страны, у сиро-яковита — попытками возрождения сирийского языка и культуры и т. п.

Полученные результаты, конечно же, требуют тщательного анализа и перепроверки, в том числе с привлечением широкого спектра других источников и имеющейся историографии. Однако уже сейчас можно сделать некоторые небезынтесные предварительные выводы. К примеру, сведения, почерпнутые ото всех без исключения информантов, подтверждают распространенное в последнее время мнение о существенном снижении численности христиан в Сирии. Собранный материал также свидетельствует о следующем:

- в XX — начале XXI в. в Сирии происходило стирание различий между христианскими конфессиями, выражавшееся в увеличении числа «смешанных» браков, готовности причащаться в «не своих» церквях и т. п.;
- среди основных практик сохранения христианами своей идентичности были соответствующее воспитание в семье, приобщение подрастающих поколений к христианской культуре в воскресных школах и скаутских секциях, предпочтение компактного проживания в моноконфессиональных районах;
- социальные процессы XX в. (прежде всего переход от большой семьи к семье нуклеарного типа) повысили значимость церквей в жизни христианского сообщества, значительно усилив их роль как центров общественной жизни.

Кроме того, полученные данные позволяют существенным образом дополнить имеющиеся представления об отношениях христиан с властями страны и суннитским сообществом. Так, мои собеседники подтверждали, что в целом отношения христиан с мусульманами в последние десятилетия были достаточно хорошими,

¹ В ходе служебных поездок я периодически разговаривал «на ногах» с представителями христианских общин различных регионов, интересуясь прежде всего демографической проблематикой.

² К сожалению, сразу несколько представителей духовенства отказались беседовать без благословения своих иерархов, получить которое не представлялось возможным.

а баасистское правительство проводило принципиальный курс на установление мирного межконфессионального сосуществования. При этом многие из них отмечали, что периодически сталкивались с различными видами дискриминации со стороны отдельных представителей суннитской общины, а в некоторых случаях — и со стороны государства. Кроме того, некоторые информанты выражали недовольство «заигрываниями» властей с «радикальным» исламом, в т. ч. и в начале XXI в.

Болдина Ю. С. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург; Sorbonne Paris IV, Paris)

Влияние феномена «Coexistencia» и андалусского мультикультурализма на векторы идентичности морисков и сефардов накануне изгнания из Испании в Средние века

В Средневековой Испании совместно проживали и развивались различные религиозные и этнокультурные группы: христиане, иудеи, мусульмане. Различные династии правили на этих территориях, способствуя формированию этнического и религиозного плюрализма, внося свой особый вклад в культуру, науку и искусства и способствуя развитию особой, андалусской идентичности. Реконкиста и Крестовые походы также оказали огромное влияние на ход истории и развитие иберийского общества. Исламская цивилизация, в свою очередь, оставила огромный отпечаток в культуре, искусстве, менталитете жителей Иберийского полуострова.

Прежде чем приступить к изучению факторов и процессов ассимиляции и интеграции морисков и сефардов в странах Магриба и Средиземноморья в целом, необходимо четко описать контуры испанского общества, в котором они совместно проживали на протяжении многих веков, взаимно обогащая культурную идентичность друг друга и проживающих рядом христиан.

Достаточно беглого взгляда на историю Андалусии и волны иммиграции, которые сформировали ее общество, чтобы осознать полиэтнический характер этого особого общества. По мнению некоторых историков, можно говорить об «Испании трех культур». Действительно, на протяжении нескольких столетий на Иберийском полуострове сосуществовали мусульмане, иудеи и христиане. «Следует ли поэтому считать Испанию образцом толерантности?» — спрашивает Джозеф Перес в своей статье¹ в журнале *Histoire*. Он считает, что иногда мы склонны идеализировать ситуацию: между тремя «религиями Писания», вероятно, существовало если не полное взаимопонимание, то, по крайней мере, взаимное уважение, поскольку как мусульманские, так и христианские правители обладали мудростью не навязывать

¹ Pérez Joseph. Chrétiens, Juifs, Musulmans... // *Collections de l'Histoire, «L'Espagne»*. Avril-Juin 2006. No. 31.

свою веру силой. Однако останется ли благодаря этому средневековая Испания в истории как образец толерантности и культурного плюрализма?¹

По этому поводу существует немало точек зрения и исследований как историков, так и социологов. Нас же прежде всего интересует конкретный результат сосуществования различных социальных и этнических групп на протяжении многих веков перед «финальным аккордом» Реконкисты.

Испания Золотого века стала страной «множественной идентичности», в которой смешались арабская, берберская, латинская и еврейская идентичности. Это самобытная культура, которая родилась из взаимных влияний и заимствований во всех областях²: языковой, литературной, научной, художественной, экономической и т. д. Нам представляется невозможным проводить исследование идентичности современных морисков и сефардов, не признавая того факта, что идентичность их предков сама по себе уже представляла плод такого этнокультурного «скрещивания». Нам представляется более уместным говорить о взаимной аккультурации этнических групп средневековой Андалусии, которая происходила вполне естественным образом, но тем не менее оказала сильное влияние на мировоззрение и культурную идентичность каждой этнической группы и на культурную идентичность самой Испании в целом.

Бурова А. Н. (РГГУ, Москва)

Избирательная система Алжира: источниковедческий и историографический анализ

В сентябре 2024 г. Алжир подал заявку на вступление в Новый банк развития (НБР) БРИКС, которая была одобрена. По заявлению министра финансов Алжира Л. Файеда, посредством присоединения к НБР Алжир стремится к расширению сотрудничества с государствами глобального Юга и развивающимися экономиками, участия в региональных и глобальных проектах, партнерства с государствами Юга и развивающимися странами. После присоединения Алжира к банку развития БРИКС между Российской Федерацией и Алжирской Народно-Демократической Республикой (АНДР) — странами, отношения которых традиционно носили дружественный характер начиная с советской эпохи, — может открыться новая глава экономического сотрудничества. Для выстраивания такого сотрудничества высокую актуальность приобретают научные исследования, посвященные не только социально-экономическому, но и внутривосточному развитию Алжира, в частности, анализу хода и результатов избирательного процесса в этой стране.

¹ Pérez Joseph. Chrétiens, Juifs, Musulmans... P. 14.

² Pérez Joseph. Chrétiens, Juifs et Musulmans en Espagne: le mythe de la tolérance religieuse (VIIIe-XVe siècle) // *Histoire*. Octobre 1990. No. 137.

При изучении избирательной системы Алжира возникает необходимость обращения к арабоязычным источникам. В первую очередь к конституциям и конституционным актам Алжира различных периодов после получения независимости в 1962 г. (первая конституция АНДР 1963 г., Конституция 1976 г. с поправками от 1980 и 1988 гг., Конституция 1989 г., Конституция 1996 г., конституционные поправки 2016 и 2020 гг.). Избирательная система в Алжире прошла долгий путь трансформации, в ходе которого неоднократно корректировалась, притом чаще всего — одновременно с внесением поправок в конституцию.

Большую важность представляет актуальный корпус законодательства: органические и обычные законы и иные нормативно-правовые акты (указы президента, постановления и внутренний регламент Независимой избирательной комиссии). На данный момент избирательная система Алжира представлена обширным корпусом нормативно-правовых актов, устанавливающих и детализирующих принципы избирательного права, регулирующих избирательный процесс, его мониторинг, порядок реализации активного и пассивного избирательного права граждан как в стране, так и за ее пределами.

В 2020 году в результате требований масштабного общественного протестного движения «Аль-Хирак» в стране прошла реформа, которая затронула не только избирательную систему, но и судебную, конституционную и др. Было принято новое избирательное законодательство, в соответствии с которым избирательная система была изменена по целому ряду критериев. Избирательный закон устанавливал систему голосования по открытым спискам с возможностью преференциального голосования. Полномочия по мониторингу выборов передавались в полном объеме Высшей независимой избирательной комиссии. Положения нового закона предусматривали усиление контроля над финансированием избирательной кампании и ужесточение требований к кандидатам с целью предотвращения коррупционной деятельности. В новом законе уделялось внимание молодежи, в частности поощрялось ее участие в политической жизни страны.

Важным корпусом источников изучения избирательной системы Алжира являются материалы арабоязычных СМИ, где можно найти дискуссии по разным аспектам избирательных практик страны.

Другой группой источников является избирательная статистика, которая приводится в англоязычных и арабоязычных ежегодных сборниках и в публикациях Независимой избирательной комиссии Алжира.

Историческое развитие Алжира и его политическая система получили широкое освещение в работах ряда российских исследователей, таких как Б. В. Долгов, С. Э. Бабкин, Р. Г. Ланда, Н. В. Мохов, М. А. Сапронова. События, связанные с протестами «арабской весны» и ее последствиями в Алжире также были глубоко исследованы такими авторами, как А. В. Коротаев, Л. М. Исаев, Н. В. Сухов, В. А. Кузнецов, А. И. Василенко. Судебная система была исследована такими авторами, как А. В. Антонов, П. Ю. Некрасов (Конституционный

суд), А. А. Соловьев (Высший совет магистратуры Алжира). Комплексному исследованию проблемы развития избирательной системы Алжира посвящен раздел, написанный А. Н. Буровой «Избирательная система Алжира» в монографии «Современные избирательные системы. Вып. 19.: Алжир, Киргизия, Эквадор» (М.: РЦИОТ, 2024).

Среди англоязычных и франкоязычных работ есть работы, посвященные выборам и избирательной системе в ее общем виде (Волпи Ф., Бензенин Б., Адди Л.).

Также существует обширный пласт литературы на арабском языке местных алжирских исследователей, где представлен подробный анализ различных аспектов избирательного процесса, в том числе актуального законодательства (Ал-Бордж М., Ал-Амин Нувейри М., Ониси Л., Бара С., Бальур М., Джеблахи А., Дали С., Шлигем А.). Данные труды являются весьма значимыми, поскольку отражают различные подходы внутри алжирского общества к проблемам развития избирательной системы.

Валеев Р. М. (К(П)ФУ, Казань), Валеева Р. З. (КИУ, Казань)

Эпистолярное наследие отечественных востоковедов: Казань — Санкт-Петербург — Москва (XIX — нач. XX в.)¹

Введение

В августе 2025 г. исполняется 170-летие торжественного открытия и начала образовательной, научной и гуманитарной миссии факультета восточных языков Санкт-Петербургского университета. Научный и культурный феномен санкт-петербургского академического и университетского востоковедения Российской империи — Советского Союза — Российской Федерации остается значимым и определяющим во взаимодействии с другими известными институциональными центрами Российского государства и общества, а также Азербайджана, Казахстана, Кыргызстана, Таджикистана, Туркменистана, Узбекистана, Украины.

Цель доклада — актуализация сформировавшейся гуманитарной научной традиции и перспективности поиска, систематизации и введения в научный и общественный оборот уникального эпистолярного наследия отечественных востоковедов Казани, Санкт-Петербурга, Москвы и других центров России XIX — первых десятилетий XX в., в особенности Х. Д. Френа, Ибрагима Хальфина, Мирзы А. К. Казем-Бека, И. Н. Березина, О. М. Ковалевского, В. В. Бартольда, А. Е. Крымского, В. А. Гордлевского и др.

¹ Исследование выполнено при поддержке РНФ (проект № 25–28–20026) и в соответствии с Программой стратегического академического лидерства Казанского (Приволжского) федерального университета.

Выводы

Письма и переписка востоковедов России остаются важным источником истории отечественного и европейского востоковедения, феномена профессионального творчества, сотрудничества и научных идей, духовных и общественных поисков ученых и являются бесценным памятником науки и культуры постижения цивилизаций и культур народов Востока.

Комплекс опубликованных и не введенных в научный оборот писем и переписки востоковедов России освещает объективную панораму ключевых направлений, центров, этапов, наследия и особенностей отечественной системы академического, университетского и прикладного востоковедения, практических, научно-исследовательских и мировоззренческих концепций, принципов и идей науки о Востоке в XVIII — XX вв. Письма особенно уникальны в осмыслении судеб, научных поисков и их драматизма, достижений и духовного опыта российских ориенталистов и в целом российского государства на переломных рубежах.

К рубежу первой четверти XXI в. в отечественной и европейской историографии и источниковедении истории российского востоковедения сформировалась традиция поиска, изучения и введения в научный оборот эпистолярного наследия востоковедов России и Европы. Эти уникальные источники позволяют оценить общественно-политические, социокультурные и социально-психологические условия, а также факторы жизни и творчества известных и забытых ученых-востоковедов и практиков.

В 1929 г. акад. И. Ю. Крачковский, описывая русские письма востоковедов акад. В. Р. Розену в Азиатском музее АН СССР писал: «Здесь блестяще представлена славная плеяда тех учеников В. Р. Розена, с именами которых тесно связана вся история русского востоковедения, начиная с 80-гг. [XIX в. — *Авторы.*]; будущему исследователю этого периода попадет в руки совершенно исключительный материал»¹.

Акцентируя внимание на современной востоковедной историко-научной традиции поиска, систематизации и публикации бесценного эпистолярного творчества ученых-ориенталистов, выделяю только наследие известных советских и российских востоковедов и историков науки — И. М. Смилянкой² и Г. Ф. Благовой³. Их неординарное исследовательское изучение переписки востоковедов стало продолжением предшествующего этапа интереса к эпистолярным ориенталистам. Оно акцентировалось в следующих аспектах: ценность автографов ученых для современников; значимость научной и общественной позиции личностей творцов; уникальные оценки состояния и перспектив научных дисциплин академического

¹ Доклады АН СССР. 1929. № 12. С. 231.

² Переписка академиков А. Е. Крымского и И. Ю. Крачковского 1920–1930-х годов / публ. И. М. Смилянкой // Неизвестные страницы отечественного востоковедения. М., 1997. С. 155–368.

³ Александр Николаевич Самойлович: Научная переписка. Биография / Составитель, автор статей и биографии Г. Ф. Благова. М.: Вост. лит. РАН, 2008.

и университетского востоковедения, роли и вклада отечественных и европейских ученых; внутренних эмоций и настроения авторов писем; переписка как оригинальный материал в изучении истории российского востоковедения. Эти и другие направления исследования эпистолярия отечественных востоковедов представлены во многих публикациях второй половины XIX в. — первых десятилетий XXI в.

Огромный эпистолярный пласт XIX — нач. XX в., сохраняющийся в российских архивных центрах, отразил переломные общественно-политические и социокультурные перемены в российском обществе, науке о Востоке и, конечно, в судьбах и наследии востоковедов — ученых Казани, Санкт-Петербурга, Москвы, а также их тесное сотрудничество.

Позволим в рамках нашего доклада обратить внимание на два неопубликованных пласта эпистолярного наследия, касающегося сотрудничества востоковедов Казани — Санкт-Петербурга — Москвы.

Так, эпистолярное наследие раскрывает научные и просто человеческие взаимоотношения Ибрагима Хальфина (1778–1829) и Х. Д. Френа (1782–1851). Письма И. Хальфина петербургскому академику-востоковеду Х. Д. Френу сохранились в его личном фонде в Санкт-Петербургском филиале Архива Российской академии наук (Ф. 778. Оп. 2. Д. 339). В целом, в фонде Х. Д. Френа сохранились девять писем И. Хальфина, написанных в период с 1819 по 1825 г. Все письма представляют личные автографы казанского востоковеда и просветителя и написаны в основном на русском языке, лишь одно из них — на старотатарском (1825 г.). Они полно представляют тесные научные и культурные связи российских востоковедов первой половины XIX века, показывают совместную источниковедческую работу по подготовке к изданию «Родословного древа тюрков» Абулгази, и в целом это — яркое свидетельство взаимодействия казанской и петербургской школ российского востоковедения.

Оригинальным и интересным источником личных связей и истории российского востоковедения остаются сохранившиеся письма представителя московского центра ориенталистики В. А. Гордлевского академику В. В. Бартольд (1910–1928 гг.) из его личного фонда в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН¹. Академики-востоковеды РАН В. В. Бартольд (чл.-корр. с 1910 г. и академик с 1913 г.) и В. А. Гордлевский (чл.-корр. АН СССР с 1929 г. и академик с 1946 г.) — значимые фигуры в истории отечественной классической ориенталистики и арабо-мусульманских штудий, в частности, московского и Санкт-Петербургского центров востоковедения, особенно в сфере академической и университетской тюркологии, османистики, арабистики, иранистики и общественной жизни Российской империи и СССР.

В нашем исследовании основное внимание уделено 27 письмам В. А. Гордлевского из Москвы, Уфы и Зуши, отразивших этапы его жизни и творчества

¹ Санкт-Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 68. Оп. 2. Д. 70. В. А. Гордлевский — В. В. Бартольд. Письма.

и страницы истории московского востоковедения. В перспективе предстоит их полностью опубликовать. Этот оригинальный эпистолярный, несомненно, воссоздает объективную и отчасти субъективную картину жизненных реалий востоковедения в России в первые десятилетия XX в. К сожалению, на данном этапе в современных российских центрах, в частности в личном фонде В. А. Гордлевского в Архиве РАН¹, не удалось найти ответные письма академика В. В. Бартольда.

На данном этапе переписка отечественных востоковедов выявлена в основных архивных центрах Казани, Москвы, Санкт-Петербурга, Киева и др. Это фонды Государственного архива РТ, Архива РАН в Москве, Санкт-Петербургского филиала Архива РАН, Архива востоковедов Института восточных рукописей РАН в Санкт-Петербурге и Института рукописей Национальной библиотеки Украины им. В. И. Вернадского в Киеве.

На современном рубеже совершенствования фундаментального востоковедного образования и сотрудничества ориенталистов академических институтов, учебных заведений и гуманитарных центров России эпистолярное наследие приобретает особую академическую, культурную и научно-практическую значимость.

Вереина Е. С. (ИКВИА НИУ ВШЭ, Москва)

Почтовая колониальная коллекция: образы женщин Магриба рубежа XIX–XX вв.

Доклад посвящен исследованию коллекции почтовых открыток, относящихся к периоду колонизации Алжира и Туниса в XIX–XX вв. Открытки содержат рукописные сообщения и изображения женщин многоконфессионального населения французских колоний того периода.

Коллекция почтовых открыток, сделанных на базе фотографий, — это важный исторический документальный источник, отражающий реалии бывших французских колоний Магриба, и одновременно пример сконструированной европейскими фотографами эстетики Востока в том виде, как ее хотели видеть сами фотографы. Большинство изображений на почтовых открытках отличается шаблонной расстановкой участников съемки, будь то группа людей или отдельный человек (ил. 1). Подобный прием использовался для фиксации особенностей коренного населения. Так, фотографии намеренно акцентировали внимание в кадре на женских татуировках, экзотических украшениях и одежде. В комплексе все «туземные» особенности вызвали интерес у западного общества. Фотографии с портретами тунисских и алжирских женщин служили основой для почтовых открыток, широко растиражированных и используемых как для почтовых отправок, так и как объ-

¹ Архив РАН. Ф. 688. Оп. 1–6. Гордлевский Владимир Александрович (1876–1956), востоковед-тюрколог, академик АН СССР (1946).

екты коллекционирования. Шелк, бархат и украшения из драгоценных металлов арабских аристократок настраивали на восторженный лад, а изношенные ткани кочевниц пустыни могли вызывать сострадание.

Образ женщины Востока и тогда, и сейчас является предметом интереса. В процессе работы с архивными материалами, в частности с колониальными открытками, была зафиксирована высокая частота запросов от адресантов о необходимости прислать больше открыток с изображениями женщин из заморских колоний. Целью таких просьб было формирование полноценных коллекций, отражающих разнообразие женских типов Туниса и Алжира.

На колониальных почтовых открытках женщины изображались в различных ролях, соответствующих стереотипным образам того времени: библейские персонажи, служанки, хозяйки мавританских домов, обнаженные куртизанки и нищенки. Большинство этих женщин были профессиональными, как бы мы их сейчас назвали, «моделями», позировавшими в заранее установленных позах. Их реальные имена неизвестны, но все они были чьими-то дочерьми, сестрами и матерями. Изображения их тел и лиц растиражированы в большом количестве. Личных свидетельств женщин-моделей о себе не осталось, однако на основе анализа изображений на почтовых открытках можно сделать вывод о возможном желании некоторых женщин позировать перед фотографом и быть популярными моделями. Вероятно, многие из них зарабатывали какие-то деньги, соглашаясь быть эксплуатируемыми фотографами и художниками, в том числе для съемки в обнаженном виде.

Анализ почтовых открыток уже дал определенные результаты. Так, изображения тунисской женщины, подписанные именем Мабрука (вероятно, вымышленное имя), встречаются на почтовых открытках с инициалами фотографа Ленерта и его компаньона Лэндрока множество раз. На основе отобранных открыток с изображениями Мабруки становится очевидным факт многолетнего знакомства с ней Ленерта. Исследуя почтовые открытки и их художественную ценность, становится очевидным, что образ Мабруки служил своеобразным маркером женской тунисской идентичности периода протектората (ил. 2). В серии почтовых открыток «Бедуинка» и «Сцены и типы» фотограф Ленерт включил не только портреты самой Мабруки, но и сцены из ее жизни. Так, в юном возрасте Мабрука позировала, по всей видимости, с сестрами или подругами на фоне студийных декораций. В юности Мабрука часто позировала в стиле «ню». Во время поиска ее изображений было обнаружено фото, на котором она, предположительно, запечатлена в свадебном головном уборе. В этот период появляются фотографии Мабруки с маленьким мальчиком, возможно, с сыном. Особенно интересен один из фотоснимков, на котором женщина с ребенком изображена в позе, напоминающей Пьету Микеланджело. На последних по времени photographиях черты лица Мабруки свидетельствуют о прошествии времени. Тем не менее ее узнаваемая улыбка и печальный взгляд, сделавшие Мабруку когда-то любимицей колониального фотографа, все еще присутствуют. Таким образом, Мабрука становится

Ил. 1. Бискра (Алжир), женщины Улед-Наиль.
Изд. J. Geiser, phot., Alger., № 47. Почтовая
открытка из коллекции Е. С. Вереиной

Ил. 2. Мабрука. Изд. L&L. (Тунис), № 533.
Почтовая открытка из коллекции
Е. С. Вереиной

символом изменений, взросления и сохранения местных традиций и культуры среди тунисцев, продолжавших использовать арабский язык, соблюдать свои обычаи и образ жизни вопреки политике французской администрации по ассимиляции местного населения и модернизации страны.

На основе анализа женских портретов на почтовых открытках сделаны также выводы о значимости ювелирных изделий в жизни женщин. Украшения одновременно несли декоративную и обрядово-религиозную нагрузку. Женщины часто носили несколько амулетов одновременно. Украшения могли содержать доисламские символы, а также образы, связанные с природным миром. Речь идет об украшениях в виде фигурок рыб, полумесяца, звезд и цветов. Функциональный набор украшений состоял из парных фибул, закреплявших полотна одежды на плечах, или фибул, скрепленных между собой цепочкой. На цепочку прикреплялись подвески-амулеты в форме раскрытой ладони или диска. В настоящее время найти подобные женские украшения коренного населения Магриба столетней давности становится все сложнее. Большинство украшений времен французской колонизации хранятся в музеях мирового уровня и частных коллекциях. Интерес к колониальным украшениям сохраняется и сегодня, что обусловлено их необычными формами, материалами и присущими им символическими значениями.

Таким образом, колониальная фотография создала образы женщин колонизованных стран Магриба — Алжира и Туниса, которые мы продолжаем изучать сегодня, а также донесла до нас богатый этнографический материал, хорошо дополняющий существующие материальные музейные коллекции.

Герасимов И. В. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

Иностранные землячества в Судане периода кондоминиума: греки, евреи, курды, выходцы из арабских стран

Греческая община формировалась в Судане в течение нескольких веков. Наиболее активно представители греческого народа переселялись сюда в период, последовавший за оккупацией Судана армией Мухаммада Али (1821 г.). Они занимались предпринимательством, строительством и торговлей. Расселялись в основном в городах, представлявших экономически наиболее развитые центры: Хартум, Порт-Судан, Эль-Обейд.

До XIX в. сложно говорить о формировании на территории Судана стойких еврейских общин. Отдельные еврейские торговцы и путешественники совершали в Судан недолгие поездки. Во второй половине XIX в. активной торговой деятельностью занимался выходец из алжирской еврейской семьи Дауд Мандиль (1830–1901), который обосновался в Эль-Обейде. В банковской сфере, а затем в почтовом департаменте трудился Ламбросо Джиакомо, выходец из Италии. Махдистское восстание заставило представителей греческой и еврейской диаспор либо покинуть страну, либо перейти на службу Махди, сменив веру и став мусульманами. Такая же участь постигла и представителей коптов, проживавших в Судане с первой трети XIX в.

После подавления восстания махдистов и введения кондоминиума коптские, греческие и еврейские семьи частично вернулись к прежней религии, частично остались адептами ислама. После укрепления власти британско-египетской администрации представители вышеназванных общин стали активно привлекаться на госслужбу, и некоторые стали крупными администраторами. Усилилась роль европейских евреев. С 1900 г. Р. Слагин, например, был генеральным инспектором; должность его заместителя занял Ибрахим Димитри. Важная роль среди служащих правительства Судана стала принадлежать коптам.

Если указанные общины занимались в основном предпринимательством и занимали при кондоминиуме государственные должности, то выходцы из курдских семей были вовлечены в военную сферу, а позднее и в гражданские отрасли.

Курды, могли оказаться на побережье Красного моря, в частности в городе Суакине, в период османского завоевания, хотя есть предположения об их более раннем появлении. В подавляющем большинстве они были командирами военных отрядов Османской империи. Оставаясь на государственной службе, курды занимали административные и управленческие должности в формировавшейся в XIX в. египетско-турецкой администрации. Англо-египетская администрация активно взаимодействовала с выходцами из курдских кланов. Молодые представители семей курдов проходили обучение в суданских учебных заведениях, некоторые

выпускники уже в 1920-е гг. включились в общественную и культурную жизнь страны и занимались литературным и журналистским трудом.

В результате рассмотрения вопроса о роли выходцев из различных национальных групп в Судане периода кондоминиума (1899–1953), можно сделать выводы об их активном вовлечении во властные структуры, связанные с англо-египетской администрацией. В силу большей образованности и готовности к сотрудничеству с колониальными силами, они привлекались, особенно на первых порах, для работы в качестве чиновников среднего и низового уровня. Некоторым удавалось совмещать ведение частного предпринимательства и государственную службу. Кроме того, представители несуданских общин начиная с 1920-х гг. создавали свои культурно-литературные общества и клубы, принимали участие в подготовке литературных и публицистических материалов, вовлекались в деятельность суданских общественно-культурных организаций, созданных позднее в 1930-е гг.

Готовец К. А. (ЮФУ, Ростов-на-Дону)

Суфийский тарикат хатмийя как проводник интересов Египта в Судане во второй половине XIX — XX в.

Политика и общественная сфера Судана характеризуются особо высокой ролью, которую играют в них суфийские братства — тарикаты. Появившись в Судане несколько столетий назад и укрепив свои позиции на рубеже XVIII–XIX вв., многие ордены, изначально представлявшие собой локальные объединения шейхов и мюридов, сумели адаптироваться к политическому климату региона. Одним из наиболее успешных тарикатов, значение которых было неоспоримо как на внутренней, так и на внешней арене, стала хатмийя, основанная в 1820-х гг. Институционализация хатмийи происходила параллельно захвату суданских территорий пашой Египта Мухаммадом Али, и между тарикатом и египетскими властями установилась прочная связь, которая оказывала влияние на локальную и региональную ситуацию на протяжении двух веков и ощущается по сей день.

В рамках данного доклада рассматривается эволюция роли хатмийя в египетской политике в Судане на протяжении истории, оцениваются способы и возможности проведения в среде местного населения каирской повестки на различных исторических этапах. В целом можно сделать вывод о непрерывности взаимодействия между Каиром и братством вне зависимости от политических обстоятельств.

Изначально в контексте сложной геополитической обстановки в XIX в. Судан оказался точкой пересечения интересов Каира, Лондона, Стамбула, Парижа. В этом контексте конкуренция между локальными силами во многом определялась наличием у каждой из них внешнего «патрона» и, бросая вызов таким влиятельным

тарикатам, как саманийя, возглавлявший чатмийю клан ал-Миргани занял позицию лояльности египетским властям, выступив против османских претензий на долину Нила, а затем — против махдистского движения, охватившего территории современного Судана в 1880–1890-х гг. Хатмийя стала единственным тарикатом, отказавшимся распустить свои институты в период махдистского господства, сами представители клана ал-Миргани перебрались на север, в сторону Луксора, и после разгрома махдистов тарикат стал первым суфийским братством, восстановившим свои позиции — причем при полной поддержке египетского хедива и британской королевы. Во многом тарикат стал проводником англо-египетской политики при работе с местным населением посредством проповедей и формирования при завийях образовательных структур.

В период кондоминиума, когда британские представители администрации поддерживали создание (во многом, в противовес хатмийе) братства ансарийя, которое возглавил клан потомков самопровозглашенного Махди, в дихотомии Лондон–Каир клан ал-Миргани последовательно придерживался позиций и интересов второго. После того, как в 1922 г. Египет получил формальную независимость, а статус Судана оказался в некоторой мере неопределенным, соперничество между, с одной стороны, Лондоном и Каиром, а с другой, ансарийей и хатмийей достигло пика.

Поскольку тарикаты приняли самое активное участие в становлении первых политических партий Судана (фактически, партия «Ал-Умма» стала креатурой ансарийи и клана ал-Махди, а Национальная Демократическая партия / НДП — политическим институтом хатмийи и клана ал-Миргани), ориентация на Лондон или Каир перешла на официальный политический уровень. Хатмийя продвигала интересы египетского короля, а после революции 1952 г. — первого президента Египта Мухаммада Нагиба, который вскоре после прихода к власти нанес визит в Судан. Повестка сохранения политического единства в долине Нила рассматривалась как инструмент выхода из-под влияния Британской империи и преподносилась как панарабский, панисламский или сугубо локально-национальный проект в зависимости от ситуации.

Благодаря этому, после получения Суданом независимости в 1956 г. именно Египет оставался важнейшим ориентиром НДП, игравшей одну из ведущих ролей во второй половине столетия. Разработка региональных экономических проектов, связанных с орошением земель долины Нила, формирование единых подходов к проблемам Арабского мира во многом обеспечивались их тесными связями. В свою очередь, именно в Египет порой перебиралась верхушка клана ал-Миргани в периоды военных диктатур в стране. В Каире сформировался своеобразный культурно-религиозный центр, в котором проводятся проповеди, занятия, печатается литература. В 2012–2022 гг. его возглавлял непосредственно лидер НДП и тариката хатмийя Мухаммад Усман ал-Миргани, который был вынужден надолго покинуть Египет из-за репрессий со стороны Умара ал-Башира.

В настоящий момент Египет заинтересован в едином Судане, способном поддержать его в контексте конфликта между Каиром и Аддис-Абебой, принять участие в вопросе распределения нильских вод, обеспечить стабильность на южных границах. Мухаммад Усман продолжает пользоваться существенной поддержкой Каира, как финансовой, так и дипломатической, поскольку, кто бы ни одержал верх в вооруженной борьбе за господство в стране, тарикаты сохраняют ключевую роль в вопросе работы с населением. И историческая тесная связь, сложившаяся между каирским руководством и кланом ал-Миргани и пережившая многие политические перипетии, очевидно сохранится и на фоне нынешних процессов, и когда Судан сможет оправиться от последствий текущего политического кризиса, останется одним из важнейших региональных векторов в долине Нила.

Жерлицына Н. А. (Институт Африки РАН, Москва)

Научное наследие консула Российской империи в Алжире Г. Л. Томашевского (1903–1910)

В 1903 г. пост российского консула в Алжире был поручен коллежскому советнику Георгию Леонтьевичу Томашевскому. Годы его службы в Алжире совпали с временем развития русско-французского военно-морского сотрудничества в рамках Русско-французского союза. Помимо уже привычных дел, связанных с военно-морскими визитами, торговым мореплаванием и наследственными делами в 1910-х гг. перед российским консулом в Алжире возникают и новые задачи. Например, необходимость помощи российским гражданам, оказавшимся во французском Иностранном легионе.

Донесения Томашевского, сохранившиеся в АВПРИ, существенно выделяют его из всех алжирских консулов. При нем российское консульство в Алжире, помимо рутинных забот о российском военном и торговом мореплавании и делах российских подданных, впервые заинтересовалось более широким кругом вопросов, таких как история колонизации страны, берберские народности Алжира, роль мусульманских тарикатов, восстания коренного населения, связи племен Алжира и Марокко и состояние безопасности французской колонии. Г. Л. Томашевский регулярно печатался в «Сборниках консульских донесений», и его очерки не потеряли своего научного и исторического значения по сей день¹.

¹ Томашевский Г. Л. Экономическое положение Алжирской колонии в 1904 г. Берберские народности Алжира. Сборник консульских донесений. СПб., 1905. С. 169–194; Томашевский Г. Л. Мусульманские братства в Алжирии. Сборник консульских донесений. Выпуск 2. СПб., 1907. С. 149; Томашевский Г. Л. Экономический очерк Алжирии. Сборник консульских донесений. СПб., 1908. С. 4–21; Томашевский Г. Л. Очерк колонизации Алжирии. Сборник консульских донесений. СПб., 1909. С. 5–22.

Особого внимания заслуживают донесения Томашевского, затрагивающие тему устойчивости французской власти в колонии. Самым болезненным вопросом во французском Алжире в 1900-х г. была безопасность. Французские и прочие иностранные колонисты могли чувствовать себя спокойно только в городах и тех селениях, которые охранялись военными и полицией. Неустойчивость и напряженность внутренней ситуации в колонии объяснялась сложившейся здесь системой колониального управления, дискриминационной по сути, которая привела к разрушению традиционного уклада социальных отношений и люмпенизации массы коренного населения. Анализируя реакцию алжирских колониальных газет на многочисленные свидетельства сопротивления алжирцев французскому порабощению, российский консул замечает, что прискорбные случаи внушают выразителям местного общественного мнения вполне обоснованные пессимистические взгляды, которые относятся не к одному только положению колонии, но касаются также туземной политики правительства.

Тема взаимоотношений властей протектората с представителями мусульманских тарикатов Алжира также часто появляется в донесениях и статьях Томашевского. Тарикаты играли важную роль в социальной и религиозной жизни традиционного мусульманского общества в Северной Африке. В условиях, когда официальные религиозные власти, зависимые от властей и находившиеся на иждивении французского правительства, не пользовались особым доверием и влиянием на коренное население, именно тарикаты выступали в качестве хранителей традиций, идентичности и духовности. В XIX в. в Северной Африке они оказались на переднем крае мусульманского сопротивления экспансии колониальных держав. Возросло их политическое значение. В опубликованном в 1907 г. очерке консула Томашевского указывается, что в Алжире действуют не менее 23 тарикатов, располагающих 349 завиями с числом адептов около 300 тыс. человек. Французские власти использовали все методы для обуздания активности религиозных тарикатов: от подкупа их лидеров до вооруженного подавления непокорных.

В 1908 г. российский консул сообщил о смерти значительной фигуры последнего этапа антифранцузского сопротивления Алжира в XIX в. — марабута шейха Бу-Амамы. Он происходил из племени улед-сиди-шейхов, обитавшего в отдаленной местности между Алжиром и Марокко, называемой французами Дальним Югом. Отдаленность позволяла племени в течение продолжительного времени оставаться фактически независимым. Уважаемый и известный марабут, приверженец тариката шазилия (ветвь таббаия) и создатель завии в Моггаре, Бу-Амама получил широкую народную славу как руководитель антифранцузского восстания на юге Оранского департамента в 1881 г. Ему удалось объединить некоторые сахарские племена через последователей своего братства.

Имя этого героя алжирского Сопротивления было хорошо известно и в России. Отечественные журналы неоднократно посвящали Бу-Амаме статьи. Консул Томашевский упоминал в донесениях подробности последних лет жизни марабута: шейх Бу-Амама с многочисленными сторонниками — так называемыми

«упорствующими», то есть непокорившимися французам, по франко-алжирской терминологии того времени «*des dissidents*» — членами племен улед-сиди-шейхов и шамбаа примкнул к сторонникам марокканского претендента на престол и лидера антиправительственного восстания Бу-Хамары. Он жил в окрестностях Аюн Сиди Меллука, в 54 км от г. Уджды. Консул полагал, что смерть Бу-Амамы может иметь последствием ослабление сил восставшего Бу-Хамары. Томашевский сообщал о беспокойстве, высказываемом представителями французских властей, что борьбу отца может продолжить сын Бу-Амамы Си Тайеб. Хотя последний и не обладал авторитетом отца, но администрация колонии все же приняла превентивные меры. В Аюн Сиди Меллуку, местечко, в котором последние годы жил и скончался марабут, алжирским генерал-губернатором был направлен военный контингент для «занятия касбы».

Зайцева Д. В. (ИВР РАН, Санкт-Петербург,)

Два арабских трактата XV в. как источник по изучению аспектов военной подготовки мамлюков: борьбы и кулачного боя

Среди дошедших до нашего времени рукописей по *фурусийи*, военному искусству мамлюков, особое место занимают два компилята, переписанные во второй половине XV в., предположительно в Египте: С 686 *Kitāb al-maḥzūn djamī' al-funūn* («Книга-сборник, заключающая в себе [военные] искусства»)¹ и R.1933 *Kitāb al-wāḍiḥ fī-r-ramī wa-n-nuṣiḥ* («Книга ясная о стрельбе и стрелах») 'Абд ар-Рахмана б. Ахмада ат-Табарй². С 686 считается более поздней версией списка R.1933, переписанного восьмью годами ранее в 871/1466 г.³ Оба списка сохранились в полном объеме. Тексты сопровождаются цветными миниатюрами и практически идентичны. Имена переписчиков и художников не известны. Эти трактаты входят во внушительный корпус сочинений по *фурусийи*, написанных в жанре практических руководств, выделяясь среди прочих тем, что содержат наиболее полную программу подготовки мамлюков по различным аспектам военного дела.

В рамках доклада будет представлен анализ текста глав и иллюстрирующих их миниатюр по двум дисциплинам: борьбе и кулачному бою. Сведения о последнем

¹ С 686 — рукопись из коллекции ИВР РАН.

² R.1933 — рукопись из Коллекции рукописей Дворца Топкапы Директората Национальных дворцов (Стамбул). Под таким заголовком рукопись обозначена, однако на титульном листе написано следующее название: *Kitāb madjmu' fī-r-ruḥ wa-ḡayri-hi wa-fī-hi Kitāb al-wāḍiḥ fī-r-ramī li-t-Ṭabarī raḥima-hu-lāḥ* («Книга собранная о копье и других (видах оружия) и в ней книга ясная о стрельбе (из лука) ат-Табарй, да смилуется над ним Аллах»).

³ Al-Sarraf Sh. Mamluk Furūsiyah Literature and Its Antecedents // *Mamlūk Studies Review*. 2004. 8. 1. P. 200.

считаются уникальными¹. Большой интерес представляют используемые в тексте специальные термины, обозначающие различные приемы ведения борьбы, которые отсылают читателя к традициям татарской, турецкой, арабской и персидской борьбы. Очень важным источником сведений о рассматриваемых дисциплинах служат миниатюры, никогда прежде не публиковавшиеся.

Художественная традиция мамлюкской миниатюры столь же специфична, сколь и само военное искусство мамлюков, воспринявших военную культуру Византии, Сасанидского Ирана, Аббасидского халифата, тюрок Средней Азии. Э. Дж. Грубэ отмечал характерные особенности мамлюкской миниатюры, сочетающие в себе черты классического рисунка (восточный, сельджукский стиль) и изображений механических устройств (западный стиль)². Иллюстрации к военным мамлюкским трактатам — технические по природе и инструктивные по замыслу. Чаще всего их заказчики — представители правящего класса, которым эти книги служили как для обучения, так и для развлечения.

Важно отметить, что изображения борьбы в арабских странах, в отличие от персидской литературы, чрезвычайно редки, несмотря на то что занятия борьбой, например, в Египте, были широко распространены и популярны еще со времен Древнего царства³. Сведения о кулачном бое не выявлены ни в одной из доступных для изучения военных трактатов. Все это делает рассматриваемые рукописи особенно ценным источником по изучению как отдельных аспектов, так и программы военной подготовки мамлюков в целом.

Предпринятое исследование призвано в первую очередь ввести в научный оборот прежде не публиковавшиеся материалы и показать мультикультурность мамлюкской военной традиции, которая нашла свое выражение как в лексике рукописей, так и в иллюстрациях.

Илюшина М. Ю. (ИБ РАН, Москва)

Семья султана аз-Захира Баркука (1382–1399)⁴

Черкесский период в истории Султаната мамлюков (1382–1517) характеризуется доминированием нединастийного принципа перехода власти. Прямые наследники султана лишь в редких случаях удерживали трон продолжительное

¹ Al-Sarraf Sh. Mamluk Furūsīyah Literature and Its Antecedents. P. 199.

² Ernst J. Grube. Pre-Mongol and Mamluk Painting // B. W. Robinson, Ernst J. Grube, G. M. Meredith-Owens, R. W. Skelton. Islamic painting and the arts of the book. Ed. by B. W. Robinson. (The Keir Collection). London: Faber and Faber Ltd., 1976. P. 72–73.

³ См. Rosellini I. I monumenti dell'Egitto e della Nubia: disegnati dalla spedizione scientifico-letteraria toscana in Egitto: distribuiti in ordine di materie, interpretati ed illustrati. Pisa: Presso Niccolo Capurro e C., 1834.

⁴ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00869, <https://rscf.ru/project/23-18-00869/>.

время (несколько лет), а чаще всего играли роль номинальных правителей в течение нескольких месяцев, необходимых эмирам, чтобы сформировать коалиции и определить сильнейшего претендента на престол¹. Вместе с тем исследователи отмечают особенно важную роль семейных связей в политической жизни Султаната мамлюков в этот период². Значение кровнородственных и матримониальных связей в создании политических фракций, в военно-административной системе, в решении вопросов престолонаследия рассматривалось в работах целого ряда зарубежных ученых³. Часть этих работ была посвящена только матримониальным связям, часть — кровнородственным, некоторые авторы уделяли внимание роли таких связей в борьбе за власть, другие фокусировались на отдельных формах родства (сыновья, зятья и т. п.). В докладе будет представлена попытка исследования всего комплекса таких связей на примере истории одной семьи — семьи аз-Захира Баркука, основателя черкесского султаната в Египте и Сирии.

Родословная Баркука, известная по анонимному трактату XVII в.⁴, носит, скорее всего, легендарный характер, хотя большая часть источников указывает на его происхождение из черкесского рода Каса. Аз-Захир Баркук — единственный из получивших власть не по наследству черкесских султанов, имя и личность отца которого точно установлены. Баркук, еще до вступления на трон, обеспечил доставку своего отца и других членов семьи в Египет. Арабские источники XIV–XV вв. дают подробное описание встречи Баркука с отцом и сведения о характере и дальнейшей судьбе Анаса — отца Баркука⁵. Заслуживают внимания как сам факт прибытия отца будущего султана в Каир, так и детали, связанные с отношением Анаса к Баркуку.

¹ Holt P. M. The Position and Power of the Mamluk Sultan // *Bulletin of the School of Oriental and African Studies*. University of London. 1975. Vol. 38. P. 237–249; Levanoni A. The Mamluk conception of the sultanate // *International Journal of Middle East Studies*. 1994. Vol. 26. P. 373–392.

² Ayalon D. The Circassians in the Mamluk Kingdom // *Journal of the American Oriental Society*. 1949. Vol. 69. P. 135–147.

³ Broadbridge A. F. Sending Home for Mom and Dad: The Extended Family Impulse in Mamluk Politics // *Mamlūk Studies Review*. 2011. Vol. 15. P. 1–18; D’hulster K., Van Steenberghe J. The “family-in-law Impulse” in Mamluk marriage policy // *Annales Islamologiques*. 2013. Vol. 47. P. 61–82; Fuess A. How to marry right: Searching for a royal spouse at the Mamluk court of Cairo in the fifteenth century // *DYNTRAN Working Papers*, n° 21, online edition, February 2017. URL: <http://dyntran.hypotheses.org/1761> (accessed: 15.01.2025); Haarmann U. Joseph’s law — the careers and activities of Mamluk descendants before the Ottoman conquest of Egypt // *The Mamluks in Egyptian Politics and Society* / Ed by T. Philipp, U. Haarmann. Cambridge: Cambridge University Press, 1998. P. 55–84; Yosef K. Mamluks and their relatives in the period of the Mamluk Sultanate (1250–1517) // *Mamlūk Studies Review*. 2012. Vol. 16. P. 55–69.

⁴ Kitāb Qahr al-Wujūh al-‘Ābisah bi-Zhikr Nasab al-Jarākisah min Quraysh. Bibliothèque nationale de France. Département des manuscrits. Arabe 4613.

⁵ Al-Maqrīzī Taqī al-Dīn. Al-Sulūk li-Ma‘rifa Duwal al-Mulūk [The Entrance to the Knowledge of the Dynasties of the Kings]. Bairūt: Dār al-Kutub al-‘Ilmiya, 1997. Vol. 6. P. 95–96; Ibn Ḥajar al-‘Asqalānī. Inbā’ al-Ghumr bi-Abnā al-‘Umr [Informing the Inexperienced with Data on the Contemporaries]. Al-Qāhira: Maṭābi‘ al-Ahrām al-Tijāriyya, 1969–1998. Vol. 1. P. 244.

На мамлюкском троне смогли побывать два наследника аз-Захира Баркука: один — чуть больше двух месяцев, а другой — почти тринадцать лет. В этот период, когда мамлюки, по сути, делали судьбоносный выбор — следовать ли примеру своих предшественников и допустить основание правящей династии или придерживаться нединастийного принципа передачи власти, значимую роль в политических событиях сыграли родственники аз-Захира Баркука, в первую очередь его племянники Байбарс и Иналбай.¹ В дальнейшем до политического Олимпа смогли добраться те эмиры, которые вступили в семью аз-Захира Баркука, женившись на его дочерях и внучках, а вот внук Баркука — сын ан-Насира Фараджа прожил мирную и ничем не примечательную жизнь в египетской провинции².

Комплексный анализ семейных связей аз-Захира Баркука позволяет получить материал, дополняющий весьма скудные сведения о черкесах второй половины XIV в., проследить формирование мамлюкского клана и исследовать его как систему, встроенную в сложные и многослойные отношения между фракциями и этническими группами внутри мамлюкского сообщества и разрастающуюся за его пределами, соединяющую военную корпорацию с автохтонным населением Султаната мамлюков.

Кондратьев Ю. М. (НИУ ВШЭ, Москва)

Эпиграфические памятники поселений Баади и Хор-Нубт из коллекции Национального музея Судана

В докладе дается общая характеристика коллекции исламских надгробий, происходящих из Хор-Нубта и Баади, а также результаты исследований двух надгробных стел с надписями куфическим почерком, которые могут являться дополнительным свидетельством тесных экономических связей между египетским и суданским регионами в контексте красноморской торговли в период IX–XI вв.

В коллекции Национального музея Судана представлена небольшая группа арабографичных эпиграфических памятников, состоящая преимущественно из надгробных стел. Местом происхождения большинства памятников стали два населенных пункта, игравших важную роль в истории арабского Судана IX–XI вв.: порт Баади и поселение Хор-Нубт.

¹ Ibn Taghrī Bardī Jamāl al-Dīn. Al-Nujūm al-Zāhira fī Mulūk Miṣr wa-l-Qāhira [The Brilliant Stars, being the Chronicles of the Rulers of Egypt and Cairo]. Bairūt: Dār al-Kutub al-‘Ilmiya, 1992. Vol. 12. P. 255–258.

² Ibn Taghrī Birdī Jamāl al-Dīn. Al-Manhal al-Sāfī wa-l-Mustawfā ba’ da-l-Wāfī [The Pure Spring of the Fulfillment after the Completion]. Al-Qāhira: al-Hay’a al-Misriyya al-‘Āmma lī al-Kitāb, 1984–2009. Vol. 5. P. 268–269.

Баади (بادي) был одним из первых красноморских портов, основанных арабами в 630-е годы во время борьбы Халифата с Аксумитским царством за гегемонию в регионе. Первоначальная роль Баади как форпоста борьбы с эфиопским влиянием на Красном море уже к концу VII века сменилась расцветом порта как важного пункта транзита рабов в Аравию. С началом активной золотодобычи в Восточной пустыне в IX веке, Баади наряду с Айзабом и Суакином также стал использоваться для транспортировки золота по морю. Кроме того, через эти красноморские порты паломники переправлялись в Аравию для участия в хадже.

Хор-Нубт (خور نبت), в отличие от кратко описанного выше Баади, расположенного на побережье и тесно связанного с Аравийским полуостровом, представляет собой одно из самых ранних арабских поселений во внутренних районах Восточной пустыни. Наибольшую известность памятнику принес сохранившийся некрополь, который был изучен и опубликован в виде эпиграфического каталога в 1998 году командой итальянских археологов под руководством Джованни Омана¹.

Представленные в докладе надгробные стелы представляют два основных типа эпиграфических памятников на территории современного Судана. Надгробия из порта Баади находят аналогии в эпиграфике Тулунидского и Фатимидского Египта, прежде всего в надписях памятников из некрополя Асуана. Почерк надгробных стел из Баади выдержан в едином стиле и представляет собой яркий образец декоративного *куфи* с элементами растительного орнамента (т. н. *foliated kufic*). Надгробия из Хор-Нубта отличаются большей нерегулярностью почерка, что затрудняет не только его классификацию, но и чтение самого текста эпитафий². Сильно упрощенные формы букв и начертание текста непрерывной линией с символизирующими отдельные буквы ответвлениями может считаться характерными чертами всего корпуса надписей из некрополя Хор-Нубта.

Группа из четырех надгробных памятников из порта Баади в отличие от надгробных стел из Хор-Нубта известна с начала XX века, когда их обнаружил британский исследователь Джон Уинтер Кроуфут. Любопытно отметить гипотетическую связь между двумя надгробиями из этой группы, принадлежащими Мухаммаду б. Маймуну б. Ахмаду б. ал-Валиду и ал-Валиду б. Ахмаду б. ал-Валиду б. Абану. При построении генеалогической цепочки владельцев надгробий мы можем увидеть совпадение позиций «б. Ахмад б. ал-Валид». Принимая во внимание общую стилистическую близость куфического почерка двух памятников, находящего прямые аналогии в фатимидской эпиграфике рубежа X–XI вв., и малый временной промежуток между ними, а именно 18 лет между датами смерти, возможно предположить, что обладатель второго надгρο-

¹ Giovanni Oman, Vincenza Grassi, Augusto Trombetta. The Book of Khor Nubt. Epigraphic Evidence of an Islamic-Arabic Settlement in Nubia (Sudan) in the III–IV centuries A.H./ X–XI A.D. Istituto Universitario Orientale, Dipartimento di Studi e Ricerche su Africa e Paesi Arabi. Napoli, 1998. 2 vol.

² Подобная проблема характерна для всего корпуса арабской эпиграфики на восточноафриканском побережье, как, например, видно из корпуса Freeman-Grenville G. S. P., Martin B. G. A Preliminary Handlist of the Arabic Inscriptions of the Eastern African Coast // *The Journal of the Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland*. 1973. No. 2. P. 98–122.

бия мог быть братом отца Мухаммада ибн Маймуна, что делает его дядей по отцу этого человека. К большому сожалению, пока нет никакой возможности доказать эту связь по причине ограниченности эпиграфических данных, но дальнейшие исследования в Баади могут обнаружить дополнительные надгробные памятники, которые позволят подтвердить родственные связи между обладателями этих надгробных памятников¹.

Несмотря на большую разницу в стиле почерков, рассматриваемые надгробные стелы представляют собой единый комплекс арабографичных памятников, отличающийся общим содержанием эпитафий и наличием для почерков параллелей на основе египетского материала. Близость эпиграфических памятников по стилю и содержанию, особенно на примере надгробных стел из Баади, может считаться доказательством культурного влияния Египта на территорию Восточной Пустыни в IX–XI вв.

Лазутина А. Е. (Институт Африки РАН, Москва)

Письмо императора Наполеона III маршалу Мак-Магону как источник по колониальной политике Франции в Алжире в 1860-е гг.

Реформы 1860-х гг. положили конец авторитарному периоду Второй империи во Франции и воплотили новые либеральные идеи². Изменения коснулись и взглядов императора Наполеона III относительно Алжира, что соответствовало как эпохе «либеральной империи», так и неудачам во внешней политике: «мексиканское дело» 1862–1867 гг. и конфликт с Пруссией. Самим сувереном также двигали особенности его характера и увлечение социалистическими идеями. Более того, к этому времени дуалистическая система управления в Алжире — гражданская и военная — показала свою несостоятельность. Император находился в поиске нового подхода, способного заменить прежний, не жертвуя интересами колонизации, который защищал бы интересы коренного населения, их социальные институты и связал бы их с метрополией.

Официальные речи, произнесенные Наполеоном III во время поездок в Алжир в 1860 г. и 1865 г., его письма по вопросам устройства североафриканской страны, адресованные генерал-губернаторам Пелисье и Мак-Магону, позволяют говорить о сформированных взглядах императора на колониальную политику Франции в Алжире. Такая политика была облачена в формулу «Арабского королевства», понятия, которое суверен употребил применительно к Алжиру в своем письме маршалу

¹ В качестве аналогии подобных сопоставлений на эпиграфическом материале возможно привести работу французской исследовательницы северо-аравийской эпиграфики Лайлы Нэме Lahila. The Darb Al-Bakrah. Riyadh, 2021. P. 58–59.

² Подробнее см.: Уварова М. Коронованная демократия. Франция и реформы Наполеона III в 1860-е гг. М.: Изд-во Института Гайдара, 2014. 249 с.; Смирнов А. Ю. Империя Наполеона III. М.: Эксмо, 2003. 283 с.

Мак-Магону от 20 июня 1865 г. Письмо представляло обширную программу, которая включала в себя принятие мер по усилению влияния военных на местах, а также «арабофильский» характер политики по отношению к коренному населению.

Идеи императора, вдохновленные учениями сенсимонистов, не нашли должного отклика в колонии, более того, письмо вызвало волну критики и непонимания со стороны европейских колонистов и гражданской администрации. Местные власти в лице генерал-губернатора маршала Мак-Магона открыто игнорировали директивы императора и критиковали положения его программы, что практически делало невозможным реализацию идей «Арабского королевства».

Император не мог влиять на положение дел в колонии, лавируя между различными группами, он вынужден был прибегнуть к политике уступок, тем самым «похоронив» «Арабское королевство», строительство которого так и не было начато. Так, принятые сенатус-консульты от 22.04.1863 и 14.07.1865 привели в конце 1860-х гг. к краху традиционного «туземного» общества и укреплению гражданской колониальной власти. Все это усугублялось засухой, землетрясениями, голодом, эпидемиями.

Анализ взглядов императора на колониальную политику в Алжире в рамках концепта «Арабское королевство» помогает определить суть этой идеи и ее истоки, а также выявить причины несостоятельности попытки ее воплощения.

Лукьянов Г. В. (ИБ РАН, Москва)

О вкладе Анатолия Захаровича Егорина (1931–2020) в развитие ливийских исследований в России: дискуссионные вопросы историографии

В середине второго десятилетия XXI в. на фоне динамично развивающейся ситуации в зоне военно-политического противостояния в Ливии и вокруг нее в России не только сохраняется, но и последовательно растет как широкий общественный, так и предметный академический интерес к изучению и осмыслению исторического прошлого этой североафриканской страны. Возросло общее число и частота проведения различных специальных научных и экспертных мероприятий (лекций, круглых столов, семинаров), напрямую затрагивающих различные аспекты многолетнего кризиса, ставшего закономерным результатом событий арабской весны 2011 г., в контексте актуальной повестки региональной и мировой политики и экономики. Продолжается публикация авторских исследований в виде не только статей, но и монографий. Среди последних отдельного внимания заслуживают объемные труды В. В. Бартенева¹, М. Ф. Видясовой², Ю. Н. Зинина³,

¹ Бартенев В. И. Ливийская проблема в международных отношениях (1969–2008). М., 2009.

² Видясова М. Ф. Ливия. Куда идет страна 140 племен? М., 2019.

³ Зинин Ю. Н. Ливия: страна и общество после Каддафи. М., 2022.

а также многотомное продолжающееся издание по истории Ливии, издаваемое в Институте востоковедения РАН коллективом сотрудников Центра арабских и исламских исследований¹.

Среди академических центров Российской академии наук активно участвуют в подготовке и проведении такого рода мероприятий Институт востоковедения и Институт Африки РАН, два исторически сложившихся флагмана ливийских исследований сначала в СССР, а затем и в современной России. Стоит признать, что применительно к сфере ливийских исследований разделять эти две организации было бы не совсем верно, поскольку многие появившиеся в 1980–1990-х гг. фундаментальные издания, как, например, «История Ливии в Новое время»², были подготовлены совместным коллективом авторов из двух институтов, работавших под руководством А. М. Васильева и В. В. Наумкина.

Значительную роль в организации коллективных научных изысканий, установлении международных научных контактов, подготовке научных и преподавательских кадров для академической науки и высшей школы, популяризации ливийской истории сыграл на рубеже советского и постсоветского времени доктор исторических наук Анатолий Захарович Егорин (1931–2020). Его многочисленные заслуги в области сохранения и развития ливийских исследований в сложнейшие для отечественной науки годы отмечают многие коллеги³ и современные исследователи⁴.

В 1990-х гг. во многом благодаря его неисчерпаемой энергии, энтузиазму и организаторской деятельности именно в ИВ РАН сформировался костяк российской постсоветской школы ливийских исследований, включавшей в себя несколько поколений исследователей, а также известный набор знаковых отличительных черт. Помимо того, что им самим были написаны основополагающие для российских исследователей обобщающие труды по политической истории Ливии XX век⁵, под его научным руководством была подготовлена серия диссертационных работ и монографий, сумевших значительно расширить предметное поле академического ливиеведения в России. Учениками А. З. Егорина, внесшими существенный вклад в развитие этой области знаний, стали С. Э. Бабкин, Г. В. Миронова, Н. Г. Романова, А. В. Рясов и многие другие.

¹ Бабкин С. Э., Егорин А. З., Миронова Г. В., Подцероб А. Б. Исламская Ливия (XIX–XX века). М., 2019.

² История Ливии в Новое и Новейшее время / отв. ред. А.М. Васильев. М., 1992.

³ Подцероб А. Б. Человек необычной судьбы. К 80-летию А. З. Егорина // *Восток. Афро-азиатские общества: история и современность*. 2011. № 4. С. 215–217.

⁴ Васильев А. М., Зеленев Е. И., Исаев В. А., Кирабаев Н. С., Куделин А. Б. Российская арабистика // *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. 2021. Т. 14. № 6. С. 257–296; Лукьянов Г. В. Эволюция российской историографии ливийского вопроса: формирование и развитие основных тем исследования // *Вестник Российского университета дружбы народов*. Серия: Всеобщая история. 2015. № 1. С. 74–98.

⁵ Егорин А. З. Ливийская революция. М., 1989; Он же. Современная Ливия. М., 1996; Он же. История Ливии в XX веке. М., 1999; Егорин А. З., Миронова Г. В. Сенуситы в истории Ливии (1843–1969). М., 2006; Егорин А. З. Муаммар Каддафи. М., 2009.

В рамках доклада предполагается представить наиболее полный библиографический обзор и историографический анализ работ А. З. Егорина по истории Ливии.

В источниковую базу исследования входит при этом не только корпус широко известных авторских монографий, но и куда меньше известные в научном сообществе статьи, опубликованные в специализированных научных периодических изданиях в России (СССР) и за рубежом, а также аналитические материалы из архива Института востоковедения РАН. Расширенный комплекс материалов предоставил возможность не только дополнить и систематизировать сведения о вкладе А. З. Егорина в развитие ливийских исследований, но и переосмыслить некоторые установки и оценки, данные автором в отношении ряда конкретных аспектов, вопросов и особенностей развития ливийской истории в XX–XXI вв.

Лученков И. Р. (ИВР РАН, Санкт-Петербург)

Мемуары Аббаса II Хильми как источник по политической истории Египта на рубеже XIX–XX вв.

Настоящий доклад посвящен изучению и анализу мемуаров Аббаса II Хильми, последнего хедива Египта и Судана из династии Мухаммада Али, правившего в 1892–1914 гг. Мемуары были написаны уже в эмиграции в Женеве между 1939 и 1944 гг. и были изданы на арабском языке в Египте лишь в начале 1990-х гг.¹ Важно отметить, что в первоначальном варианте они были написаны на французском и лишь фрагментарно на арабском языке. Мемуары ограничиваются периодом правления Аббаса II и не затрагивают аспектов его жизни в эмиграции. Автор рассказывает о событиях, произошедших с ним вплоть до де-юре объявления независимости Египта от Османской империи и интронизации дяди хедива — Хусейна Камиля в качестве султана Египта и Судана уже в рамках британского протектората, заканчивая свое повествование декабрем 1914 г.

Аббас II, рассказывая о ранних годах своей жизни, повествуя о впечатлениях пребывания за границей, в частности в Швейцарии, и начале своего правления, кратко излагает личную точку зрения о хедивате предшественников — Исмаил-паши и Тауфик-паши как по вопросам внутренней политики, так и в рамках взаимодействия с иностранцами, главным образом с британцами и французами. Так, хедив не скрывает своих франкофильских взглядов, неоднократно акцентируя внимание на роли французского культурного влияния в деле реформирова-

¹ 'Ahdī. *Mudhakirat 'Abbas Hilmi al-Thani Khidiw Misr al-Akhir (1892–1914)* / Yahya J., 'Abid I., Mustafa A. 'A. (tahrir). Al-Qahira: Dar al Nashr Shuruq, 1993. [Моя эпоха. Мемуары Аббаса II, последнего хедива Египта (1892 — 1914) / Яхья Дж., Абид И., Мустафа А.А. (ред.). Каир: Изд-во «Шурук», 1993]. (На араб. яз.)

ния страны на протяжении всего XIX в., называя французов *друзьями Египта*. В данном контексте он весьма пространно рассуждает о месте французской модели в рамках образовательных реформ, подчеркивая ее преимущества над британской и превознося вклад именно французских специалистов в развитие прессы и печатного дела, их роли в открытии Школы права и Университета в Каире, а также при разработке проекта создания Академии языков и национальной истории.

Касательно британской администрации ему едва удастся сдерживать нейтралитет. Наглядно подобный субъективизм проиллюстрирован в виде перечисления незаконных, с точки зрения хедива, ограничений его власти представителями британской короны, препятствий для возвращения в Египет в 1914 г. и последующего свержения. В своих мемуарах автор приводит впечатления касательно деятельности трех британских генеральных контролеров: Ивлина Бэринга (лорда Кромера), Элдона Горста и Герберта Китчнера. С рядом многих оговорок Аббас II Хильми в наибольшей степени положительно оценивает на этом посту именно лорда Кромера, признавая вклад последнего в стабилизацию финансового положения Египта и указывая на его эффективность по вопросам реформирования системы образования на европейский манер. Помимо этого, превращение по британской инициативе Египта в страну монокультуры хлопка автор также рассматривает как необходимую и полезную меру для увеличения доходов национальной экономики и сокращения долговых обязательств перед кредиторами, констатируя, что в результате подобных экстраординарных мер особенно пострадало египетское крестьянство.

Касательно проблематики сохранения государственной целостности и независимости страны Аббас II проявляет сдержанность, говоря о том, что не помышлял менять статус-кво, в котором Египет хоть и номинально, но все же оставался составной частью Османской империи. Он также не протестовал по вопросу концессии в зоне Суэцкого канала, однако в гораздо большей степени хедив высказывал опасения касательно режима англо-египетского condominium над Суданом. По его мнению, в перспективе Великобритания, пользуясь двойственным правовым статусом, обязательно отторгнет эти территории от Египта. Хедив подробно описывает становление египетского гражданского национализма, который он пытался использовать в качестве противодействия как местной родовой торговой и помещичьей аристократии, так и британской администрации, с целью укрепления собственной власти после учреждения первого парламента. Так, на страницах своих мемуаров он говорит об активной поддержке националистических устремлений молодых вестернизированных интеллектуалов, среди которых особо выделяет Мустафу Камиля и дает характеристику первых политических партий в стране: консервативной, либеральной и народной.

Подводя итог, мы можем сказать, что мемуары Аббаса II Хильми являются ценным синхронным источником, проливающим свет не только на важнейшие

события в социально-политической истории Египта на рубеже веков, но и является документом, позволяющим составить личностный и ценностный портрет автора. Это уникальное свидетельство о сложных дихотомизированных взаимоотношениях между традициями и модернизацией, монархом и элитой, интеллигенцией и народом, британской администрацией и националистами. Их изучение позволяет глубже понять причины событий, предопределившие дальнейшее развитие Египта на протяжении XX–XXI вв.

Матвеев А. С. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

«Что мне в имени твоём?»

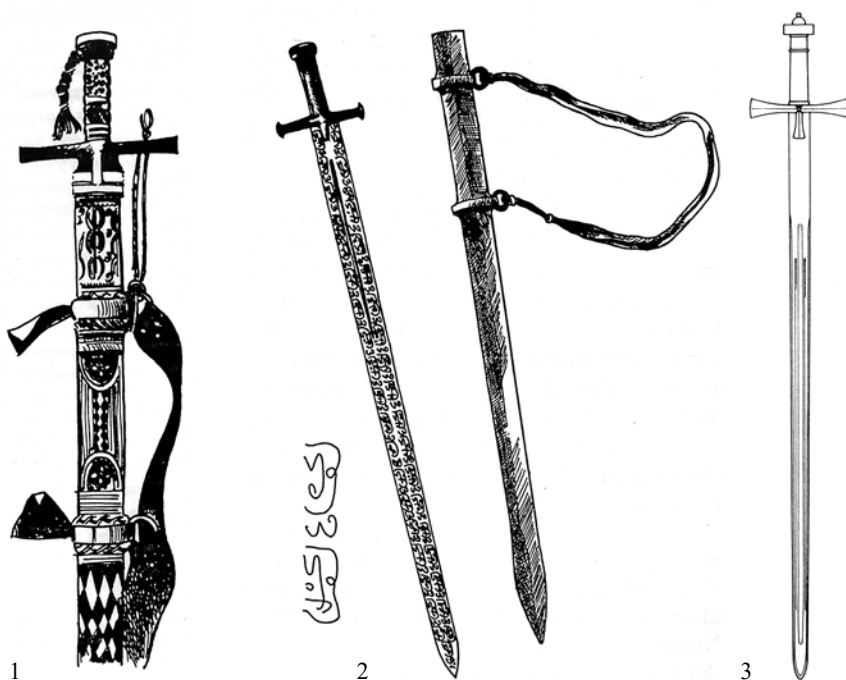
О происхождении названия суданского меча — *каскара*

Традиционные суданские прямые мечи получили широкую известность в Европе в конце XIX в., что было связано с военными кампаниями англичан против войск махдистов. Именно они упомянуты у Киплинга в его знаменитом стихотворении про воинов Махди «Фуззи-Вуззи (Суданский экспедиционный корпус)», рефреном которого является фраза о том, как «голодранец» Фуззи-Вуззи (прозвище суданских воинов-махдистов), вооруженный «двуручным» мечом, прорвал британское пехотное каре, что никогда не удавалось ни одному из многочисленных врагов Империи. Эти мечи являют собой весьма интересный феномен сохранения традиции раннесредневековых прямых арабских мечей в Судане в то время, когда во всех других регионах Ближнего Востока и Северной Африки он был вытеснен изогнутой саблей (вторым таким исключением был североафриканский прямой меч сахаро-сахельской зоны западнее Судана — *такуба*).

В дальнейшем суданские мечи упоминались в литературе об оружии под именем *каскара*. Однако откуда происходит этот термин? Следовало бы ожидать, что это суданское — арабское или африканское — название этих мечей. Однако в самом Судане это слово не употребляется, хотя оно и существует у соседей, например, в языке канури, обитающих в районе озера Чад, и означает просто «меч».

Более того, современные суданцы даже не подозревают, что их мечи называются *каскара*. Например, когда Г. С. Рид, автор первой специализированной статьи о *каскара*, общался со своими собеседниками в Эль-Фашере в 1984–1985 гг., они называли свое оружие *сайф кассалави* (ар. «меч из Кассалы»: имеется в виду город Кассала, где сегодня находится главный центр производства таких мечей в Судане)¹. Более того, этот термин не использовался и во времена Махди. Так,

¹ Reed G. S. *Kaskara from Northern Darfur, Sudan* // *The Journal of the Arms & Armour Society*. March 1987. Vol. XII. No. 1. P. 165–201.

Ил. 1. Суданские прямые мечи-каскара¹

лорд Эгертон, впервые опубликовавший суданские мечи во втором издании своей книги о восточном оружии, называет их просто «swords»²; это же относится и к музейным каталогам трофейного оружия, привезенного в Великобританию в кон. XIX — нач. XX в. из Судана.

Итак, как и когда появился этот термин? Судя по всему, первой публикацией изображения суданского меча под этим названием была популярная энциклопедия оружия Г. К. Стоуна³. Как предположил Ян Норман, сегодняшнее широкое использование термина *каскара* обязано именно этой работе, которая использовалась экспертами в качестве стандартного справочника, став своего рода «библией для коллекционеров оружия и защитного вооружения»⁴.

¹ A. Matveev. A Case of Survival of an Early Medieval Straight Sword: “Kaskara” Broadwords in Pre-Modern Sudan // Судан и Большой Ближний Восток: сборник статей к 60-летию проф. И. В. Герасимова. СПб., 2024. P. 230.

² Egerton, Lord of Tatton. A description of Indian and Oriental Armour. London, 1896. P. 155–159; P. 168–169.

³ Stone G. C. A Glossary of the Construction, Decoration and Use of Arms and Armor. New York: Jack Brussel, 1934. P. 339. Fig. 425.

⁴ Norman Iain. Kaskara Terminology // [Internet resource] *African Arms*. 8 October 2023. URL: <http://iainnorman.com/kaskara-terminology> (accessed: 15.01.2025).

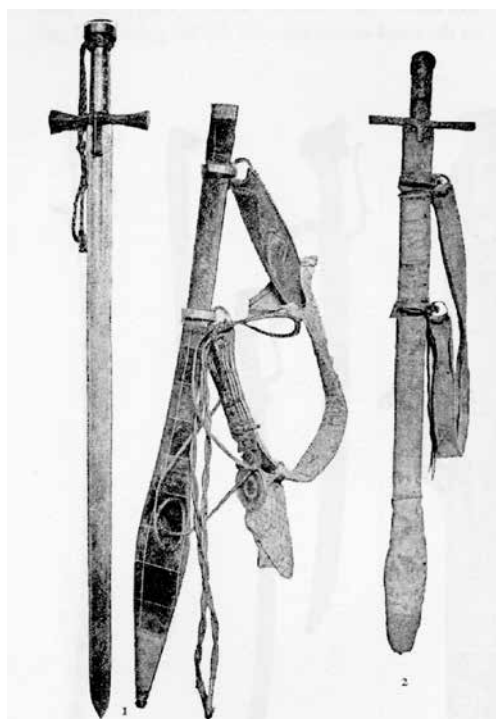

FIGURE 425. *Kaskara*. 1. Double-edged Arab blade dated A.H. 357 (A.D. 967) covered with inscriptions. Length 35.5 inches. Straight cross guard gold plated; grip and pommel covered with gold plates, the former embossed and the latter carved with inscriptions in Arabic. Scabbard of leather partly covered with velvet with a gold chape. 2. Straight, double-edged blade 2 feet 8 inches long. Plain iron cross guard. Leather scabbard and belt.

Ил. 2. Изображения двух *каскара* в справочнике Г. К. Стоуна, 1934 г.: «Рис. 425. *Каскара*. 1. Двухлезвийный арабский клинок, датируемый 357 г. х. (967 г. н. э.)³, покрытый надписями. Длина 35,5 дюймов. Прямая крестовина позолочена; рукоять и навершие покрыты золотыми пластинами, первая из которых тисненая, а вторая с вырезанными надписями на арабском языке. Ножны из кожи, частично покрытые бархатом, с золотым наконечником. 2. Прямой, обоюдоострый клинок длиной 2 фута 8 дюймов. Простая железная крестовина. Кожаные ножны и пояс»

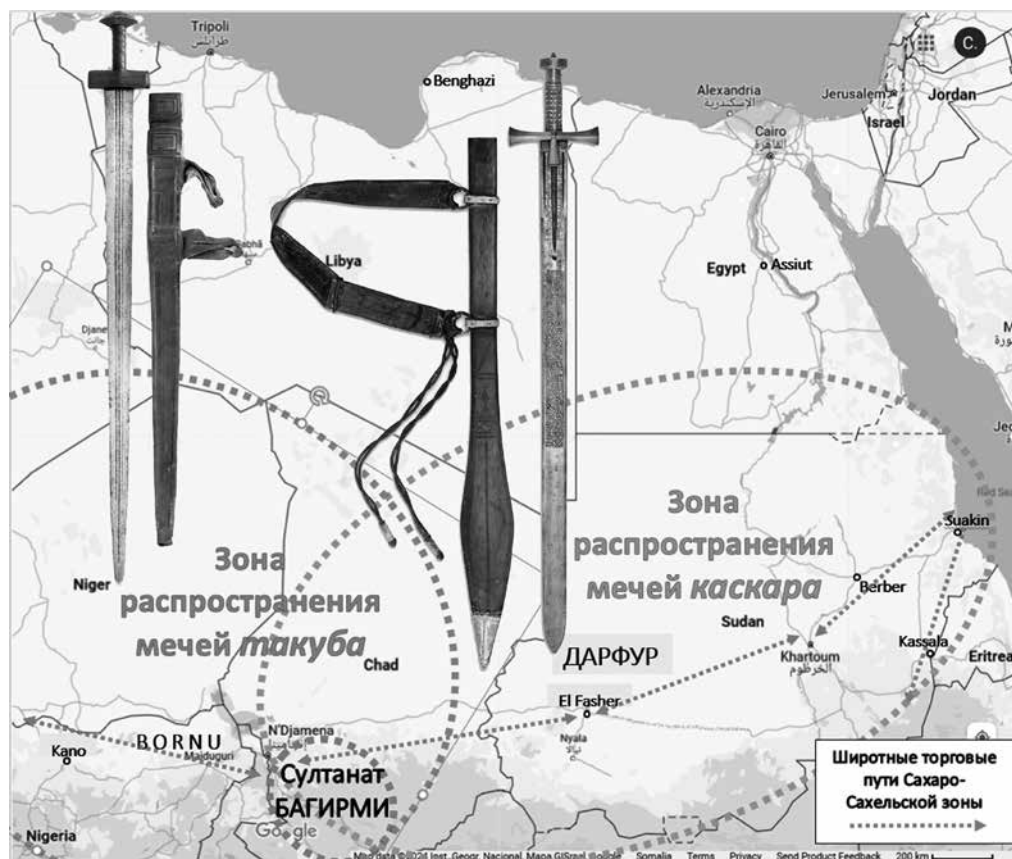
Поскольку это справочник, информация о *каскара* в «глоссарии» Стоуна очень краткая: «КАСКАРА. Меч, который носят багирми (Сахара). Это прямой меч с крестообразной гардой, подобный тем, что используются в Судане [Burton Sword, 162]. Некоторые из них имеют старинные европейские или восточные клинки, которые ценятся очень высоко. Иногда наконечники ножен и рукояти покрыты золотом. См. рис. 425». Подпись под рис. 425 содержала краткую информацию о двух изображенных на нем мечах.

Называя *каскара* «мечом багирми», Стоун имел в виду султанат Багирми, существовавший на юго-западе современной Республики Чад, примерно в 500 км к западу от Дарфура (ил. 3). Здесь он ссылается на книгу Ричарда Бертон, напечатанную в 1884 году. Описывая вооружение Сахеля, Бертон сообщает, что «немногие из багирми могут позволить себе “каскара” (мечи)»². Здесь он, в свою очередь, почти дословно цитирует книгу Генри Барта: «Лишь немногие из багирми достаточно богаты, чтобы покупать мечи (“каскара”), которые они не способны производить сами»³ (последнее убедительно доказывает неправдоподобность предположения, что этот тип мечей был изобретен в султанате Багирми и оттуда получил распространение в Судане). Собственно, это вся информация, которой обладал Стоун. Почему он решил, что суданские мечи являются именно мечами-*каскара*,

¹ Дата абсолютно фантастичная, откуда она взялась — не понятно.

² Burton Richard F. *The Book of the Sword*. London, 1884. P. 162.

³ Barth H. *Travels and discoveries in North and Central Africa from the journal of an expedition undertaken under the auspices of H. B. M.'s government in the years 1849–1855*. (5 vols.) Vol. 3. New York: D. Appleton and Co., 1857. P. 450–451.

Ил. 3. Султанат Багирми и зона распространения суданских мечей-каскара

упомянутыми Бертоном, остается загадкой, поскольку ни Бертон, ни Барт, не дают ни изображения, ни описания этих мечей.

Единственное правдоподобное объяснение (если только все это не было результатом простого недоразумения/ошибки) заключается в том, что меч(и), с которыми Стоун имел дело, происходил(и) с территории султаната Багирми в Чаде. Один из мечей, опубликованный в его книге (ил. 2, справа), — очевидно, весьма старый, с сильно потертыми ножнами, — вполне соответствует информации Барта о том, что у багирми было мало мечей; следовательно, они должны были использовать их как можно дольше (ни один уважающий себя суданец такой ветхий меч бы не взял). Второй меч (рис. 2, слева), наоборот, новый, богато украшенный — типичный продукт мастерской султана Али Динара в Эль-Фашере. Вероятно, Стоун хотел продемонстрировать наилучший образец подобного типа мечей, доступный в Британии. Поскольку Стоун упомянул, что эти мечи также «использовались в Судане», он мог специально и не указывать, что этот второй экземпляр происходит из Судана.

Если же этот меч действительно был привезен из Чада, то он, очевидно, попал туда из Дарфура (как, впрочем, и первый меч), поскольку мастерская Али Динара изготавливала подобное парадное оружие не только для самого султана, но и в качестве подарков соседним правителям. Торговый (и паломнический) путь, связывавший султанат Багирми с внешним миром, шел в Хартум и Порт-Судан через Дарфур, что делало возможным доставку оттуда суданских мечей в район озера Чад.

Таким образом, можно с высокой долей вероятности утверждать, что термин «*каскара*», введенный Стоуном, не основан ни на каких местных реалиях и является, скорее, результатом недоразумения. Результат этого «недоразумения», однако, оказал довольно серьезное влияние на изучение самого явления. Как известно, как корабль назовете, так он и поплывет: восприятие *каскара* как *отдельного типа* меча поддерживал фантастические теории о его происхождении от «мечей крестоносцев» или, наоборот, из чадского региона. Если же знать, что это оружие всегда называлось в Судане просто «меч» (*сайф*), то сама собой отпадает необходимость искать какой-то внешний прототип для этого традиционного арабского оружия, активно использовавшегося еще с доисламских времен, и вопрос неизбежно перейдет в иную плоскость, уже имеющую научно-исторический смысл: какова причина сохранения традиционного прямого арабского меча в Судане до начала XX в., в то время как в других регионах арабского мира и у соседей его заменила изогнутая сабля?¹

Тем не менее, поскольку термин *каскара* уже широко используется в западной научной литературе, пожалуй, имеет смысл сохранить его в качестве *условного термина* для обозначения традиционного суданского прямого обоюдоострого меча.

Совершенно иной — не условно-терминологический, но реальный — смысл имеет термин *такуба*, который действительно был местным названием сахаро-сахельского типа прямого меча, который помимо других особенностей отличается особым дизайном рукояти — с весьма широкой гардой, часто обтянутой кожей (см. ил. 3). Таким образом, в данном случае «правильное» имя, наоборот, побуждает исследователя к поиску источника/происхождения прямого меча туарегов Сахаро-Сахельского региона.

Матросов В. А. (НИУ ВШЭ, Москва)

Роль тариката хатмийя в становлении суданской системы образования

На протяжении последних двух столетий суфийские тарикаты, укрепившиеся на территории современного Судана на фоне ослабления Сеннарского султаната,

¹ Подробнее о причинах сохранения прямого меча в Судане см.: A. Matveev. A Case of Survival of an Early Medieval Straight Sword: “*Kaskara*” Broadwords in Pre-Modern Sudan // Судан и Большой Ближний Восток. СПб., 2024. Р. 225–282.

играли функцию ключевого надплеменного института, деятельность которого охватывала буквально все сферы — религию, хозяйственную деятельность, политическое урегулирование и, конечно, такие области культуры, как образование. Одни тарикаты были более узкими и закрытыми, и их образовательные учреждения предназначались для небольшого круга сторонников, другие работали с более широкой аудиторией. Одним из наиболее влиятельных в этом отношении братств стала хатмийя, чьи позиции в долине Нила крепили на протяжении большей части XIX столетия.

Основатель хатмийи, Мухаммад Усман ал-Миргани, был выходцем из мекканского кружка Ахмада б. Идриса ал-Фаси, для которого миссионерская деятельность являлась одной из ключевых задач. Другие его ученики так же активно проповедовали в Ливии, Эритрее, Йемене, Египте, и для дальнейшего распространения знаний многие из них, формируя новые тарикаты (можно упомянуть хотя бы санусийю), основывали широкую сеть завий не просто как очагов духовности, но как просветительских центров.

В этом контексте и образовательная политика хатмийи изначально отличалась широтой, привлекая в завийи тариката новых сторонников. Работая в первую очередь с оседлым населением, с земледельцами и рыбаками, выходцы из клана ал-Миргани делали упор не столько на аскетизме и мистике, гораздо более привычных кочевникам, но на познании базовых жизненных истин и распространении фикха. Гибкость в отношении традиционных племенных устоев обеспечивала им авторитет и популярность, позволив в начале XX в. успешно конкурировать с учебными заведениями, открывавшимися англо-египетской администрацией. На фоне египетских и ливанских учителей, привнесших существенный компонент западного образования, а также новых политических веяний, хатмийя сохраняла максимальный традиционализм и довольно прочную привязанность к идее единства Египта и Судана, нильских арабов.

Тарикат стал первопроходцем и в обеспечении массового женского образования в стране: еще сам основатель тариката сформировал первый женский центр по изучению Корана, а деятельность Марьям ал-Миргани в первой половине XX в. привела к открытию нескольких крупных медресе для женщин, предвосхитив на десятилетия образовательные институты западного образца.

Постоянство, традиционализм и аполитичность хатмийи в конце концов привели к двум противоположным тенденциям. С одной стороны, тарикату удалось избежать впадения в крайности. Выходцы из его школ, разбросанных по всему Судану, не были замечены ни в чрезвычайном либеральном активизме, ни в исламистских наклонностях. С другой стороны, некоторые суданцы видят в этом определенную пассивность и неготовность отвечать актуальным политическим требованиям. Целевая аудитория образовательных учреждений хатмийи по-прежнему почти не охватывает активное население городов. И тем не менее именно это свойство позволяет тарикату формировать базу, которая сумеет сохранить популярность среди весьма многочисленного сельского населения страны в любом

политическом контексте, обеспечивая что-то вроде островков стабильности и спокойствия в стране, которой только предстоит выйти из очередного гражданского конфликта и заняться восстановлением.

Редькин О. И. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

Время в период *джахилийи* и в Коране¹

В последние годы понятие времени становится объектом исследования не только со стороны философов и представителей естественных наук, но также социологов и лингвистов.

Категория времени нередко находит отражение в системах различных религий и их сакральных текстах, изучение которых может дать дополнительную информацию относительно накопленного человечеством эмпирического опыта познания окружающего мира.

В число текстов такого рода входит, безусловно, и Коран, который всегда был в центре внимания как традиционных арабо-мусульманских, так и европейских авторов. При этом в европейской академической традиции Коран рассматривается не только в качестве текста, имеющего исключительно религиозное значение, но и как уникальный источник разнообразной, в том числе и лингвистической информации. Важно и то, что зафиксированный в письменном виде в первые десятилетия ислама, он дошел до нашего времени в практически неизменном виде. Внимательный анализ текста Корана также помогает лучше понять некоторые черты и особенности жизни общества в Раннем Средневековье, появление в этот период качественно новых понятий и связанных с ними иных концепций по сравнению с доисламским периодом.

Одной из таких особенностей является формирование новой пространственно-временной картины мира, что нашло свое отражение как в тематике и системе коранических образов, так и особенностях самого сакрального текста, в том числе и используемой в нем лексики. При этом имеются как черты сходства, так и отличия восприятия категории времени в эпоху *джахилийи* и в период ислама. В Коране, как и в доисламской поэзии и прозе представлена лексика, передающая понятия пространственно-временного континуума, при этом ее семантика в ряде случаев может заметно отличаться от современной.

До ислама время, как правило, понимается как континуум, разделенный на отдельные этапы, связанные с временем суток, сменой времен года и регулярными природными явлениями, такими как чередование периодов дождей и засух, а также с событиями в жизни племенного коллектива: кочевками, периодически-

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-28-00996, <https://rscf.ru/project/25-28-00996/>.

стью отправлений торговых караванов (106:2), проведением регулярных рынков, паломничествами к святыням (2:197) и др. Так, например, наступление осадков означало начало кочевков к новым пастбищам, а для обитателей оазисов — период сельскохозяйственных работ. В доисламскую эпоху этапы временного континуума могли иметь отношение к реальным или мифологическим событиям, сведения о которых хранились в коллективной памяти общества. Впрочем, хронология таких событий в рамках доисламской устной традиции в значительной степени зависела от субъективной оценки рассказчика и могла варьироваться. В Коране, как и до ислама, периоды времени также могут ассоциироваться со сменой суток и сезонами года, периодичностью природных явлений, равно как и с реальными историческими событиями или мифологемами.

Несмотря на сходства в системах временных координат в доисламский период и в период ислама, существует и ряд существенных отличий. В общественном сознании в доисламском мире поток времени воспринимался как некий непрерывный временной континуум, то есть *دَهْرٌ*. В условиях доисламской Аравии, когда архетипом индивидуального было коллективное, общее, принадлежащее племени, такая же иерархия имела место и в системе временных координат, то есть доминирование хроноса коллектива на фоне реитераций природных явлений и зависимых от них хозяйственных и, в определенной мере, социальных процессов. При этом для индивида остаются более мелкие отрезки времени — утро, день, вечер, ночь, а также связанные с ними события в личной жизни.

Интересно, что в Коране, в отличие от доисламского периода, понятие *دَهْرٌ* встречается только два раза (45:24; 76:1). В период ислама на смену хроноса, принадлежавшего социуму приходит архетип божественного времени, то есть времени, созданного Творцом (6:102) «в мире здешнем и будущем» (12:101), в том числе и «смены ночи и дня» (2:164). Уже первые суры ставят в основу временных координат не события индивидуальной или общественной жизни, но образы эсхатологического порядка, когда на смену пространственно-временному конструкту доисламского общества приходит конструкт, связанный с днем Страшного суда. При этом словосочетание *يَوْمُ الدِّينِ* «день Страшного суда» упоминается 13 раз, тогда как *يَوْمُ الْقِيَامَةِ* «день Воскресения» встречается в Коране 70 раз.

Имеет место и сакрализация отдельных периодов временного цикла, которые зависят от Творца. Так, соответствующая лексика, обозначающая временные понятия, используется в оборотах клятв. Например, в оборотах клятв можно встретить такие слова как *الصُّبْحُ* «утро» (74:34; 81:18), *الْلَيْلُ* «ночь» (74:33; 81:17; 84:17; 89:4; 89:2; 91:4; 92:1; 93:2), *يَوْمُ الْقِيَامَةِ* «день Воскресения» (75:1), *الْيَوْمُ الْمَوْعُودُ* «день обещанный» (85:2), *النَّهَارُ* «день, светлое время суток» (91:3; 92:2), *الْعَصْرُ* «предвечернее время» (103:1), *الصُّبْحِي* «утро» (93:1).

Анализ соответствующей лексики в Коране показывает, что время, воспринимавшееся в доисламскую эпоху как понятие, связанное с судьбой и в большей степени принадлежащее обществу, нежели отдельному человеку, в исламе становится зависимым от Бога, сотворившего его. В целом это отражает смену

пространственной модели мироздания, доминировавшей в доисламской Аравии, и расширение ее границ за пределы материального мира, переход от конкретного к абстрактному.

Розов В. А. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

«Утешение озабоченного историей астрологов» Ибн Тавуса как памятник арабо-мусульманской философской мысли

Али ибн Муса ибн Джафар ибн Тавус (1193–1266), более известный как ас-Саййид ибн Тавус, известен не только как выдающейся шиитский богослов и мыслитель, особо интересовавшийся вопросами этики и духовного развития человека. Его перу принадлежит также любопытное сочинение — «Утешение озабоченного историей астрологов» (араб. *Фарадж ал-махмум фи та'рих 'улама' ан-нуджум*). Оно представляет собой своеобразную апологию астрологии с точки зрения шиитского ортодоксального богословия, а также собрание занимательных историй об астрологах, как современных автору, так и ставших ко времени написания книги классиками в этой сфере.

Книга состоит из десяти глав, неодинаковых по объему. Первые четыре главы посвящены обоснованию правомерности занятий астрологией и ее месту в комплексе традиционного знания, а также философским вопросам Божьей воли и предопределения в контексте вынесения астрологом суждения по тому или иному вопросу. Пятая, шестая, седьмая главы описывают жизнь и случаи из практики шиитских, мусульманских вообще и доисламских астрологов соответственно. Восьмая глава посвящена оставшимся неупомянутыми в предыдущих главах астрологам, а также тем, кто, по мнению автора, занимался астрологической практикой, однако их суждения остались ему неизвестными. Наконец, последние две главы посвящены полемике с критиками астрологии и рассуждениям о соотношении пророческого и астрологического знания.

Рассматриваемое сочинение представляет интерес в силу сразу нескольких причин. Во-первых, это памятник шиитской богословской мысли, причем памятник, составленный человеком с чрезвычайно широким кругозором и колоссальной начитанностью. В сочинении цитируются или пересказываются многочисленные работы предшественников Ибн Тавуса в области шиитской религиозной мысли, а также приводится большое количество историй об Али и других двенадцати имамах. Много строк в книге отведено утверждению астрологии как пророческой науки и историям о пророках прошлого в этом контексте. Важное место в работе занимает полемика относительно «механизма» астрологических предсказаний и соотношения Божьего промысла и детерминизма. Приводятся рецепты, направ-

ленные на избежание предсказанных с помощью звезд неблагоприятных событий. Кроме того, сочинение Ибн Тавуса проливает свет на «внутреннюю кухню» вынесения средневековыми арабо-мусульманскими астрологами суждений, их взаимоотношения с правителями и место в обществе. Все это делает изучаемую работу интереснейшим памятником средневековой арабо-мусульманской мысли.

Соколов О. А. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

Концептуализация Крестовых походов средневековыми мусульманскими историками после 1291 г.¹

Доклад посвящен постановке проблемы деконструкции сложения и эволюции ключевых нарративов и мифов о событиях и персоналиях Крестовых походов в трудах средневековых мусульманских историков после 1291 г., а также представлению первых промежуточных результатов данного исследования.

В рамках поставленной проблемы два важных взаимосвязанных вопроса требуют изучения: во-первых, как с конца XIII в. концептуализировалась сама эпоха Крестовых походов; во-вторых, как в мамлюкский и османский период переосмыслялась история арабо-мусульманской культуры до Крестовых походов.

В случае с концептуализацией эпохи Крестовых походов важно отметить, что уже во второй половине XV в. создаются памятники, относящиеся к жанру *фада'ил ал-мудун*, представляющие Крестовые походы как целостное историческое явление. При этом, хотя в трудах арабских историков мамлюкского периода уделяется большое внимание периоду Крестовых походов, в данных трудах периоды противостояния с франками рассеяны среди других войн и конфликтов в регионе или распределены между историями различных династий и биографиями выдающихся личностей.

Следует отметить, что законченные нарративы о конфликте с франками составляют значительную часть «*Iṭḥāf al-akhiṣṣa bi-faḍā'il al-masjid al-aqṣā*» («Подарок посвященным о достоинствах мечети ал-Акса») Шамс ад-Дина ас-Суйути (1410–1475) и «*Al-Uns al-djalīl bi-ta'riḫ al-quḍs wa al-khalīl*» («Славная история Иерусалима и Хеврона», 1496) Муджир ад-Дина ал-'Уйлами (1456–1522). В этих памятниках мы впервые наблюдаем концептуализацию конфликта, охватывающего в первом случае период с 1099 по 1244 гг., а во втором — с 1099 по 1291 гг., как непрерывного противостояния с франками в Леванте и Египте, центром которого является борьба за сакральные пространства. Примечательно, что эти труды были созданы за несколько десятилетий до сочинения Ахмада ал-Харири (ум. 1526) «*Al-I'lām wa al-tabayīn fī khurūj al-farandj al-malā'īn 'alā diyār al-muslimīn*» («Изложение и объяснение выступления проклятых франков против мусульманских земель»), которое стало первым историческим трудом, целиком посвященным истории франкского нашествия.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ (проект № 24–78–10027).

В связи с этим следует рассмотреть, как восприятие Крестовых походов в мусульманском интеллектуальном пространстве менялось под влиянием текущих событий, таких как монгольское вторжение и противостояния христиан и мусульман в Средиземноморье (Реконкиста, Португало-египетская война, противостояние итальянских республик и Османской империи, экспедиции Габсбургов в Алжир и Тунис и др.). При этом необходимо обратить внимание на процессы арабизации исламских и исламизации арабских нарративов о Крестовых походах. Кроме того, следует рассмотреть взаимодействие и диффузию памяти о Крестовых походах с другими концептами и нарративами арабо-мусульманской истории, в том числе махдиизацию героев-борцов с крестоносцами, в первую очередь Салах ад-Дина (1137–1193).

Изучение концептуализации Крестовых походов в арабской средневековой историографии также представляет значительный интерес, так как результаты данного исследования могут быть в дальнейшем использованы для выявления общих закономерностей сложения конструкторов исторических событий в арабской историографической мысли.

Вторая научная проблема, касающаяся изучения реконцептуализации историками мамлюкского и османского периодов предшествующих Крестовым походам событий мусульманской истории, представляет не меньший интерес. В данном случае предполагается рассмотреть, как изменилось восприятие противостояния с Византией с VII по XI в. Подобная постановка вопроса выглядит перспективной в свете последних исследований, убедительно продемонстрировавших, что сочинение «*Futūḥ al-shām*» («Завоевание Леванта»), приписываемое ал-Вакиди (747–823), было создано в XII в. Также следует изучить образ христиан в период Омейядского и Аббасидского халифатов в посткрестоносной историографии. Наконец, отдельный интерес представляют описания важности Леванта и, в особенности, Иерусалима для мусульманской *уммы*.

Для решения вышеперечисленных научных задач предполагается сравнить описания одних и тех же событий мусульманской истории докрестоносного времени в трудах крупнейших историков докрестоносного, крестоносного и посткрестоносного периодов.

Тигранян С. Т. (Российско-Армянский университет, Ереван)

Основные принципы осуществления политической власти и организации общественных отношений в учении Ибн Таймийи

Данное исследование посвящено социально-политическим взглядам известного средневекового мусульманского теолога, правоведа ханбалитского мазхаба Ибн Таймийи (1263–1328) в историко-политическом контексте их формирования.

В нем рассматриваются ключевые положения социально-политической теории правоведа, дается общее описание его видения развития государства и общества, основные пути воссоединения и развития исламской уммы. Главным источником является ключевой труд Ибн Таймийи *«Ас-Сийаса аш-шар‘ийа»* (полное название — *«Ас-Сийаса аш-шар‘ийа фи ислах ар-ра‘и ва-р-ра‘ийа»*, «Шариатское управление по исправлению правителя и подданных»), где он подробно описывает принципы осуществления политической и религиозной власти на основе шариата. Научно-информационная основа доклада включает также изучение других трудов Ибн Таймийи.

Изучение данной темы позволяет раскрыть и глубже понять исторические и политические процессы, происходившие в исламском обществе в определенный период времени. Ибн Таймийя, будучи наиболее авторитетной фигурой своего времени не только для ханбалитского мазхаба, но и во всей суннитской религиозно-правовой системе, приобрел сегодня особое значение. Его взгляды оказали огромное влияние на формирование идеологии ваххабизма и других радикальных течений в исламе. Изучение темы дает возможность прояснить влияние идей Ибн Таймийи на различные исламские радикальные течения, выявить практическое применение этих идей, глубже понять идейно-концептуальные основы действий различных религиозных и политических групп и организаций.

Исследование проводилось с использованием описательно-повествовательного, историко-системного методов, а также использовались методы теоретического анализа данных. Поскольку первоисточниками исследования являются средневековые произведения — тексты на средневековом арабском языке, крайне важно понимать точное значение терминов, поэтому нами был использован метод терминологического анализа, который имеет особое значение для понимания философских категорий античного и средневекового периодов. Были сопоставлены точки зрения разных исследователей по спорным вопросам, а также дана их личная оценка.

Доклад включает в себя:

- Анализ биографии Ибн Таймийи и важных исторических событий, повлиявших на формирование его взглядов.
- Анализ взглядов Ибн Таймийи по вопросу восстановления института «халифата» как единственно возможной модели политического устройства и разногласий среди исследователей по данной проблематике.
- Рассмотрение важности вопроса об установлении политической власти для взглядов Ибн Таймийи и подробное описание обязанностей правителя.
- Изучение вопроса о назначении представителей власти на административные должности, а также обязанности власть имущих; важность принятия коллегиальных решений, связанных с процессом управления.
- Анализ взглядов Ибн Таймийи относительно преступлений и соответствующих им наказаний.
- Анализ взглядов Ибн Таймийи на социально-экономические отношения.

Исследование показало, что на социально-политические взгляды Ибн Таймийи оказали решающее влияние исторические реалии его времени и фрагментация уммы. По мнению правоведа, предотвращение военных нападений, восстановление единства уммы, очищение религии от нововведений были возможны только на основе шариата и в условиях сильной государственной власти.

Ибн Таймийя считал установление халифата обязательным при наличии возможности, но, будучи реалистом, он понимал, что восстановить халифат в его время невозможно, и единственный способ защитить и воссоединить разделенную умму — это следовать шариату и соблюдать законы ислама, и это можно было обеспечить в условиях сильной политической власти. По этой причине правовед первостепенной задачей считал формирование политической организации общества в целях сохранения целостности уммы и ограждения ислама от опасных нововведений, а не восстановление самого халифата. Поэтому в условиях крайней необходимости, как было в период его деятельности, принимая во внимание соотношение вредности и пользы дозволенных и запрещенных действий, а также первостепенные интересы уммы, он считал формирование «мулька» дозволенным, что, однако, было бы недопустимо при отсутствии необходимости.

В связи с создавшимся социально-политическим кризисом и попытками уменьшить его разрушительные последствия, Ибн Таймийя, по сути, считает возможным существование нескольких государств и нескольких правителей одновременно. При этом обязательными условиями для их легитимности является проведение политики, приносящей пользу умме и в интересах уммы, следование шариату в управлении уммой, поскольку шариат являлся высочайшим авторитетом, совершенным руководством мусульманской общины.

Подчеркивая необходимость применения шариата во всех сферах жизни, Ибн Таймийя придавал абсолютную ценность Корану и Сунне. Все его усилия были направлены на восстановление единства и чистоты уммы.

По мнению Ибн Таймийи, власть и религия взаимосвязаны, государственная власть является опорой религии, а следование религии обеспечивает стабильность власти. Следование религии при осуществлении власти приводит к процветанию и приближает к Аллаху, в противном случае религия и власть расходятся, и во всех сферах общественной жизни наступает кризис. Он подчеркивает авторитет богословов-законодателей и необходимость их участия в организации политической жизни общества, пытаясь таким образом установить контроль над деятельностью представителей власти.

По мнению законоведа, соблюдение шариата, должное внимание к общественному благу и порядку, осознание ответственности перед обществом, сохранение исламских ценностей способны даже в случае прихода к власти неумелого правителя привести к процветанию мусульманского общества.

Тихонова Н. Е. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

Представления о Первом крестовом походе и его участниках в «Сказании о Мелике Данышменде»¹

«Сказание о Мелике Данышменде» (далее — Сказание) является одним из немногих дошедших до нас эпических произведений, созданных в Малой Азии на староосманском языке. Сказание изначально бытовало в устной форме и было записано только в XIII в. при сельджукском султани Изеддине Кей Кавусе II. Самый ранний известный науке список данного произведения (парижский) датирован 1577 г.

В Сказании описываются завоевания основателя династии Данышмендидов Ахмеда-гази в Малой Азии в XI в. (до 1085 г.). Кроме того, несмотря на анахронизм, в сюжете присутствуют герои-крестоносцы².

Исследование образа крестоносцев в средневековой мусульманской народной культуре остается темой малоизученной³. Это утверждение релевантно и в отношении тюркских эпических произведений. В двух самых полных монографических исследованиях Сказания, проведенных в работах В. Гарбузовой и И. Меликофф⁴, крестоносцы упоминаются многократно, но не являются самостоятельным объектом исследования. В последнее время спорадически появляются работы, в которых рассматриваются образы христиан в Сказании с точки зрения представления о «Другом», демонизации «врагов» и способах саморепрезентации мусульман на их фоне⁵.

В настоящем докладе, в свою очередь, предлагается рассмотреть представления о Первом крестовом походе и его участниках с точки зрения культурной памяти⁶, в контексте которой значимым представляется не то, как данные события и действующие лица соотносятся с реальными историческими событиями и пер-

¹ Исследование было выполнено при финансовой поддержке РФФИ (Проект № 24-78-10027, <https://rscf.ru/project/24-78-10027/>).

² Одним из поводов к началу Первого крестового похода (1096–1099), как известно, послужил призыв византийского императора Алексея Комнина в 1094 г. к папе римскому Урбану II с просьбой оказать военную помощь для отвоевания территорий, захваченных тюрками после битвы при Манцикерте (1071), давшей начало массовому проникновению тюрок в Малую Азию.

³ Подробнее см.: Sokolov O. A. The Image of the Byzantines (the Rum) and the Franks (the Iفرانج) in “The Thousand and One Nights”. *Manuscripta Orientalia*. 2024. Vol. 30/1. P. 45–49.

⁴ Гарбузова В. Сказание о Мелике Данышменде. Историко-филологическое исследование. М.: Изд-во Восточной лит-ры, 1959; Melikoff I. La Geste de Melik Danismend Etude critique du Danismendname. T. I. Edition critique avec glossaire et index. Paris, 1960.

⁵ Aydogan Z. Creating an ideal self: Representations of Infidels in the Late Medieval Anatolian Frontier Narratives. *The Journal of Ottoman Studies*. 2012. XL. P. 101–119; Kayaalp P. Frontier Warriors as Cultural Mediators: Shifting Identities of Byzantine and Turkish March Fighters as Elicited from Anatolian Epic Literature. *Mediaevistik*. 2012. 25. P. 119–130; Božovic M. Christians in Medieval Anatolia popular narratives // *Оријенталистика јуче-данас-сутра: зборник радова*. 2019. P. 249–259; Прудников В. В. Норманны в Малой Азии в XI–XIII вв. Дис. ... канд. ист. наук. М., 2016. 292 с.б

⁶ Ассман Я. Культурная память: письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М.: Языки славянской культуры, 2004.

соналиями, а то, как они были зафиксированы в памяти передающих Сказание и его слушателей/ читателей.

В Сказании крестоносцы/франки (*firenkler*) как особая группа выделяются из общей массы христиан, которые как единый противник именуются, как правило, либо «неверные» (*kafirler*), либо «люди креста» (*ehl-i salib*).

Упоминание франков появляется уже в первой главе Сказания, где говорится о совершенных ими завоеваниях в Леванте вплоть до Иерусалима, которые мусульманам необходимо отвоевать¹. То есть с самого начала образ Первого крестового похода задается как контекст, на фоне которого Мелик Данышменд начинает свой «газават» в Малой Азии.

Далее франки, как правило, приходят на выручку византийцам после поражения от мусульман. При этом армия крестоносцев представляется очень многочисленной и пришедшей из определенного места за пределами Малой Азии («и вот из страны франков (Френгистана) с бесчисленной армией подоспел Селахиль-франк»²). Примечательно, что это не только некая безликая масса воинов-христиан, но и вполне конкретные герои, которые выступают активными участниками событий и ведут диалоги с другими действующими лицами (например, Атош-франк, Бедрос-франк, Турсувар-франк и др.)

В Сказании не встречается подробного описания внешнего облика франков, но из отдельных деталей формируется привычный образ средневекового рыцаря-крестоносца в тяжелом вооружении и с нашитыми на одежду крестами («и конь его, и одежда были украшены крестами», «тысяча коней неверных и они сами были в голубом железе», и т. д.).

Таким образом, несмотря на то, что в Сказании само событие «крестовый поход» и его участники «крестоносцы» еще не имеют специальных обозначений (*haçlı seferleri/ savaşları, haçlılar*), которые появились гораздо позже, в другую историческую эпоху, это не помешало представлениям о них бытовать на протяжении веков в народной памяти малоазийских тюрок в совершенно определенных формах.

Фазельянов Э. М. (Институт Европы РАН, Москва)

Отечественная историография изучения вооруженных конфликтов в Судане во 2-й пол. XX — нач. XXI в.

История Судана изобилует конфликтами, войнами, оказывающими дестабилизирующее воздействие на регион в целом и далеко за его пределами. Освещение основных событий, связанных с суданскими военно-политическими кризисами XX–XXI вв., и влияние на них внешнего фактора потребовало обращения

¹ Сказание о Мелике Данышменде (Л., 46–5а).

² Там же. (Л., 204а).

к широкому кругу источников. Внутрисуданские конфликты и угрозы имеют значительную теоретическую и эмпирическую проработку, хотя существуют концептуальные разногласия как по поводу причин конфликтов, так и в связи с разным толкованием исторических событий.

В литературе фундаментальные исследования проблем общественно-политического развития Судана в их взаимосвязи с кризисными ситуациями и течением вооруженных конфликтов почти отсутствуют. Тем более не освещены и не просчитаны способы их урегулирования и предупреждения, способные направлять критическое противостояние в мирное русло, к поиску взаимоприемлемого выхода из кризисного противостояния для всех вовлеченных в конфликт сторон. Помимо сложностей, связанных с противоречивым, зигзагообразным ходом самого конфликта, это связано и с тем, что историки на длительный период времени стали заложниками столкновения двух мировых систем, а также проблем глобального лидерства, не свободных от идеологической предвзятости.

Обзор первых работ отечественных авторов, затрагивающих суданскую проблематику, позволяет выделить следующие периоды развития историографии изучения вооруженных конфликтов в Судане: а) 1950-е гг.; б) 1960-е гг.; в) 1970–1980-е гг.; г) постсоветский период. С 1960-х гг. изучение Судана приобрело устойчивый характер: в монографиях и научных сборниках освещалась общественно-политическая жизнь Судана, его этнорелигиозное разнообразие, особенности внешней политики. В основном авторы обращались к периоду британского господства над Суданом (1882 – 1 января 1956 г.), освещая вопросы эксплуатации колонизаторами богатых природных ресурсов страны, внутренним противоречиям и становлению политической системы, трудностям выхода на путь самостоятельного развития. Значительный вклад в изучение и исследование истории Судана в целом и различных ее аспектов внесли Д. Р. Вобликов, Г. И. Бочкарёв, В. И. Гусаров, Ю. М. Кобищанов, П. В. Стегний, И. А. Абрамова, З. В. Левин, Г. И. Смирнова, Е. Н. Соловьева, Г. В. Горячкин, Э. Н. Панфиленко, С. Ю. Серегичев, А. А. Сорокин, В. О. Филоник, И. С. Канцельсон, Н. З. Фахутдинова, М. А. Сапронова, Р. Г. Ланда, А. Ж. Хасянов, В. П. Юрченко и др.

До сих пор нет однозначного ответа в отношении самого продолжительного конфликта по линии Север — Юг Судана (1955–2005) — относительно причин его возникновения, динамики развития и взаимосвязи его с конфликтом на западе страны — в Дарфуре. В числе причин, породивших этот конфликт, можно выделить следующие: стремление центрального правительства навязать законы шариата на немусульманском Юге страны; этнические и культурно-цивилизационные различия между жителями Севера и Юга; открытие нефтяных месторождений на территории, находящейся на стыке Севера и Юга страны.

В последние два десятилетия появились серьезные исследования, где дается анализ этапов развития вооруженных конфликтов, например, монография Н. К. Тихомирова (2006). Ее автор уделил особое внимание анализу позиций и реальной политике правительства Судана и Суданского народно-освободительного движения/армии (СНОД/А), приведшего к достижению всеобъемлющего мирного соглашения

(ВМС) в январе 2005 г. В несколько ином ключе рассматривает Е. А. Кудров (2009) военно-политические процессы в Судане в 1989–2008 гг., а также неразрывно связанный с ними комплекс внутренних этнорасовых конфликтов, прежде всего динамику противостояния Севера и Юга страны в (1983–2005), ход реализации ВМС и зарождение конфликта в Дарфуре. Его вывод: до независимости Республики Судан и северяне, и южане были нацелены на формирование единого политического сообщества, и если бы новые власти в Хартуме не отступились после получения независимости 1 января 1956 г. от своих прежних обещаний сформировать федеральную систему управления государством, тогда, возможно, удалось бы избежать гражданской войны (1955–1972), оказавшей пагубное воздействие на дальнейший ход эволюции политических институтов и соблюдение прав человека в Судане.

В отечественной историографии освещались такие вопросы, как: усилия международного сообщества по преодолению конфликтных отношений сторон после подписания ВМС (А. А. Ткаченко) и вмешательство внешних сил в конфликт (А. Е. Жуков); причины отделения Юга (2011) и окончательной неурегулированности конфликта в Дарфуре (2003–2020); основные тенденции трансформации суданского общества за период до обретения независимости и до начала нынешнего столетия (К. И. Поляков); роль соседних государств – Чада, Ливии, ЦАР (Е. А. Кудров); вопрос о спорных территориях, прежде всего богатого нефтью района Абьей (А. А. Быстров), и др. Осмыслению генезиса общего и особенного во внутрисуданских конфликтах, предпосылок и этапов, затянувшихся почти на 70 лет, помогали труды по африканской и ближневосточной тематике таких советских и российских исследователей, как И. О. Абрамова, Д. М. Бондаренко, А. Н. Громыко, Н. Д. Косухин, В. В. Наумкин, Е. М. Примаков, А. Ю. Урнов, Л. Л. Фитуни и др.

Разделение Судана в июне 2011 г. не привело к установлению добрососедских отношений между двумя странами. По мере того, как этноконфессиональные различия ушли на второй план, обнажились экономические, территориальные и пограничные споры, которые хотя и не носили принципиального характера, однако препятствовали нормализации обстановки. Оздоровление двусторонних отношений наталкивалось на нестабильность внутривосточной ситуации в обеих странах. Конфликт в суданском Дарфуре (25 февраля 2003 — 31 августа 2020) не урегулирован окончательно и по сей день. В отличие от устоявшегося мнения, автор доклада опровергает тезис о межрасовом характере конфликта в Дарфуре.

Элоян А., Гёзаян С. (Ереванский государственный университет, Ереван)

Типологический анализ авторских комментариев в «Китаб ансаб ал-ашраф» Ахмада ибн Яхьи ал-Балазури

Генеалогическое знание (*насаб*) занимало ключевое место в арабском (бедуинском) обществе с древних времен. Оно составляло основу социальной структуры

и моральных норм, охватывая племенные группы и подгруппы и связывая их через непрерывные цепочки имен предков. Родственно-племенные связи считались фундаментом социального устройства, а их сохранение обеспечивалось устной передачей родословных из поколения в поколение. Безупречность происхождения и благородное наследие служили показателем высокого социального статуса и общественной добродетели.

С распространением ислама в VII веке племенные связи утратили свое первостепенное значение, уступив место новой социальной структуре — *умме*. Исламская умма объединяла людей на основе религиозной идентичности и идеи монотеизма (*таухид*), что привело к глубоким изменениям в восприятии социальной иерархии и коллективной памяти. Генеалогическое знание адаптировалось к новой системе, приобретая религиозно-этическую и религиозно-правовую функцию. Общественные отношения начали строиться по вертикальному принципу, отражая близость к Аллаху и Его Пророку, а социальная классификация стала основываться на религиозной преданности и нравственном совершенстве.

К VIII–IX векам *насаб* превратился в самостоятельный жанр письменной культуры, фиксируя устные предания (*хабары*) и родословные (*ансабы*) в письменных источниках. Одним из важнейших произведений этого жанра является «*Китаб ансаб ал-ашираф*» («Родословия знатных») Ахмада ибн Яхьи ал-Балазури (ум. 279/892–893), который представляет собой не только сборник генеалогических сведений, но и ценный источник, отражающий аналитический подход к историческим данным.

Настоящая работа посвящена типологическому анализу авторских комментариев в «*Китаб ансаб аль-ашираф*» и изучению подходов ал-Балазури к интерпретации и критическому осмыслению источников. Основными задачами исследования являются: классификация *хабаров* по их содержанию и структуре, выявление методов анализа, применяемых ал-Балазури и исследование концепции авторства в контексте арабо-мусульманской письменной культуры.

Ал-Балазури не ограничивался пассивным сбором материалов, а активно интерпретировал и критиковал свои источники. Он использовал объяснительные комментарии, критико-оценочные замечания и сопоставление данных из различных преданий для оценки их достоверности. В своей работе он применял подходы, заимствованные из хадисоведческой традиции, вводя термины, такие как *асбат* («наиболее достоверный») и *гайру сабтин* («недостоверный»), которые помогали формировать критическую оценку преданий.

Особое внимание в исследовании уделено формированию и эволюции понятия «автор» в арабо-мусульманской культуре. В отличие от современного понимания, автор в средневековой исламской традиции часто исполнял одновременно роли передатчика, составителя, аналитика и интерпретатора. Ал-Балазури демонстрирует это сочетание функций, проявляя высокий уровень требовательности и аналитического подхода к материалу.

Его труд «*Китаб ансаб аль-ашираф*» не только фиксирует исторические и генеалогические данные, но и отражает культурные и социальные изменения, происходившие в исламском обществе того времени. Анализ методов ал-Балазури позволяет глубже понять процессы адаптации генеалогических знаний к новым религиозным и социальным условиям, а также эволюцию исторического мышления и роли авторства в арабо-мусульманской историографии.

Таким образом, «*Китаб ансаб аль-ашираф*» представляет собой уникальный труд, объединяющий систематизацию, критический анализ и концептуальное осмысление источников. Его изучение проливает свет на трансформацию социальных и культурных норм в исламском обществе, подчеркивая значимость генеалогических знаний как средства сохранения и переосмысления коллективной памяти.

Секция III • Section III
Иранистика и афганистика
Iranian and Afghan Studies

*Fariba Afkari (Tehran University, Tehran),
Mojdeh Mohammadi (Library of the Ministry of Foreign Affairs, Tehran)*

Understanding historical relations between Iran and Russia during the Qajar period (1779–1925): books and documents in the library and archives of the Ministry of Foreign Affairs, Islamic Republic of Iran

The two countries, Iran and Russia, have had official and continuous relations for about five hundred years and unofficial relations for about a thousand years. These extensive relations are of great significance for academic studies. The Qajar period in the history of Iran deserves special attention since it was during this period that the framework of international relations took a more systematic form due to the establishment of the Ministry of Foreign Affairs in Iran. Embassies of Iran and Russia were established and numerous political documents and correspondence were exchanged between the governments of the two countries.

During this period, Iran was involved in two major wars with Russia, and following them two historical treaties were concluded between the two countries. Various representatives and ambassadors were sent by both countries, and their reports have become important first-hand sources that can facilitate the historical understanding of these relations. Without referring to these archival diplomatic documents it is not possible to perfectly understand the history of Iran's foreign relations at that time. The study of Iran's foreign relations in general and specifically with Russia depends on the correct analysis of historical narratives and opinions that can be gleaned from the archival documents.

There are various archives in both countries that have preserved these historical documents and evidence to this day, and many of them still need careful examination. One of the important and authoritative centers in Iran regarding historical research related to both countries is the Diplomatic Archive and the Specialized Library of the Ministry of Foreign Affairs in Iran, which contains many books, documents and other materials collected over a period of about 200 years. Many of these historical documents came to be the basis of various studies and publications, and a number of joint academic projects, involving scholars from both countries, have also been initiated.

In this paper, we intend to introduce some important historical documents of the Qajar period and research works based on them. Some of these documents are now part of Iran's documentary heritage preserved and protected under the UNESCO Memory of the World program.

Mikhail S. Pelevin (FAAS, SPbSU, St Petersburg)

Naqshbandi patrons of Pashto literature

The process of penetration of the ideology and socio-administrative institutions of the Naqshbandiyya order into the territories of the Pashtun tribes (Pashtunkhwa) to the west of the Indus has not yet been studied in detail, but its main contours can be outlined on the basis of literary works in Pashto of the 17th and 18th centuries.

Early Pashto writings of the 17th century, primarily religious textbooks, indicate the dominant presence of the Chishtiyya, Qadiriyya, and, to a lesser extent, Suhrawardiyya orders in Pashtunkhwa during this period. These most powerful Sufi communities in Muslim India were also apparently most influential in the Pashtun tribal areas that formed part of Kabul province of the Mughal Empire. For example, 'Abd al-Karim (d. 1661/62), co-author of the very popular religious textbook *Makhzan al-islam*, adhered to the Chishti tradition, while Mir Husayn, the author of another similar work in Pashto, *Nafi' al-muslimin* (1659/60), declared his affiliation with the Qadiriyya. However, no Sufi orders at that time had yet developed extensive networks and administrative centers in the tribal territories, and their ideology was spread mainly through oral preaching by their followers and a number of official deputies (*khalīfa*). The predominant form of dissemination of both mystical and traditionalist Islam in the tribes was the proselytizing activity of spiritual instructors and blessed people who either claimed to be descendants of the Muslim prophet (*sayyid-zāda*) or had undergone spiritual initiation through non-prophetic revelation (*ilhām*).

The religious and political doctrine of the Naqshbandiyya began to intensively penetrate into the tribal territories apparently towards the end of the 17th century, in a new interpretation proposed by Shaykh Ahmad Sirhindi (d. 1624), the "Renewer (*mujaddid*) of the second millennium" and the founder of an influential Indo-Muslim

Sufi community, Naqshbandiyya-Mujaddidiyya¹. The key figure in the establishment of the Naqshbandiyya-Mujaddidiyya branch in Pashtunkhwa was Miyan Muhammad 'Umar Tsamkanay (d. 1776), who was born in Punjab, near Lahore, where one of his spiritual mentors, Shaykh Sa'di Lahuri (d. 1696) also came from. Shaykh Sa'di was connected to the spiritual tradition of Ahmad Sirhindi through his teacher Shaykh Adam Banuri, a member of the Indo-Afghan diaspora who converted to the Naqshbandiyya from the Qadiriyya during the reign of Shahjahan (r. 1628–1658).

Muhammad 'Umar became the leader of the Naqshbandi-Mujaddidi community in Pashtunkhwa in the 1720s, and his mother's native village of Tsamkani (Pers. Chamkani) in the vicinity of Peshawar, where he lived permanently from the 1690s, turned into the spiritual and administrative center of this community in the Pashtun tribal territories. After the formation of the Durrani state in 1747, the Naqshbandiyya-Mujaddidiyya acquired strong influence among the new administrative and military elite, especially those of Pashtun origin. Despite the unsuccessful assassination attempt in 1776–77 on Timur Shah Durrani (r. 1772–1793), in which the Tsamkani sheikhs were allegedly involved, by the end of the 18th century the Naqshbandiyya-Mujaddidiyya was already functioning in the Durrani state as a powerful instrument of spiritual power, possessing large political and financial resources.

The family of Tsamkani sheikhs played an equally important role in maintaining and developing literary traditions in the Pashto language. The eldest son of Muhammad 'Umar, Miyan Muhammadi Sahibzada (d. 1805/06), can rightfully be considered one of the main patrons of Pashtun book culture, written poetry and spiritual education. The colophons of many Pashto manuscripts of this period attest that Muhammadi Sahibzada regularly commissioned and bought handwritten books in Pashto and also was a dedicatee of various works by many famous Pashtun authors. Several interesting manuscripts were presented to him as gifts, including a large anthology of Pashto and Persian poetry, the *Majma' al-ash'ar*. In 1796/97, Muhammadi built a mosque in Tsamkani with a library and a scriptorium where professional copyists of Pashtun manuscripts worked. Muhammadi himself, as well as his father and his younger brother 'Ubaydallah (d. 1817/18), left behind a fairly large number of religious and educational works in Pashto, Persian and Arabic. Numerous specimens of their lyric poetry in Pashto have also survived.

The activities of the Tsamkani sheikhs as patrons of Pashto literature testify to the fact that the long-term and most fruitful results of the presence of the Naqsh-

¹ On the evolution and activities of the Naqshbandiyya in Mughal India see, e.g., Rizvi S. A. A. A History of Sufism in India. Vol. 2. From the Sixteenth Century to Modern Century. Delhi, 1983. P. 174–263; Weismann I. The Naqshbandiyya: Orthodoxy and Activism in a Worldwide Sufi Tradition. London, 2007. P. 49–67; Buehler A. F. Ahmad Sirhindi: A 21st-century update // *Der Islam*. No. 86/1. P. 122–141; Alam M. The Mughals and the Sufis: Islam and Political Imagination in India, 1500–1750. Albany, 2021. P. 70–92, 331–388. For some aspects of the activity of the Naqshbandiyya-Mujaddidiyya in the Durrani state see, e.g., Ziad W. From Yarkand to Sindh via Kabul: The Rise of Naqshbandi-Mujaddidi Sufi Networks in the Eighteenth and Nineteenth Centuries // Amanat A., Ashraf A. (eds.). *The Persianate World: Rethinking a Shared Sphere*. Leiden-Boston, 2019. P. 125–168; Ziad W. *Hidden Caliphate: Sufi Saints beyond the Oxus and Indus*. Cambridge, MA, 2021. P. 91–136.

bandiyya-Mujaddiyya order in Pashtunkhwa were connected not so much with its religious and political mission, but with its achievements in the field of culture and education.

Амбарцумян А. А. (НИУ ВШЭ; ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

О значении трудов Рейнгольда Рейнгольдовича Штакельберга (1860–1907) для иранской филологии

Рейнгольд Рейнгольдович Штакельберг, известный российский востоковед-иранист, также известный как Роман Романович Штакельберг и барон Рейнгольд Отто Георг фон Штакельберг (Baron Reinhold Otto Georg von Stackelberg) родился 25 сентября 1860 г. по старому стилю в отцовском поместье на мызе Абья (ныне город Абья-Палуоя на юге Эстонии) в Ливонии (Лифляндской губернии Российской империи) и трагически скончался в Москве 21 декабря 1907 года в возрасте 47 лет. Р. Р. Штакельберг был сыном землевладельца и дворянина, главы местного окружного магистрата, барона Рейнгольда (Романа) Иоганна Вольдемара фон Штакельберга и Генриетты Августы Шарлоты Фрейин фон Штакельберг. Предки ученого оказались на территории Прибалтики во времена крестовых походов Тевтонского (Германского) ордена, и предположительно имели баварское происхождение. Самым ранним известным представителем этой ветви рода Штакельбергов, по-видимому, являлся доблестный рыцарь Арнольд фон Штакельберг, живший на рубеже XIII–XIV вв. Титул баронов род Штакельбергов получил после 1721 г. и по окончании Северной войны уже во время российского правления. Штакельберги отличились также и на российской службе. Так, дед ученого подполковник Георг Готтхард фон Штакельберг участвовал в Отечественной войне 1812 г. и был удостоен звания кавалера ордена Св. Георгия 4-й степени.

Будучи выходцем из аристократической семьи немецкого происхождения, Р. Р. Штакельберг получил блестящее образование. Он учился в гимназиях Пернау (ныне Пярну), Аренсбурга (ныне Курессааре), с отличием окончил классическую гимназию в Феллине (ныне Вильянди), изучал юриспруденцию и сравнительную грамматику в Дерптском (Тартуском) университете. В 1882 г. он переехал в Германию и с целью изучения восточных языков поступил на философское отделение Страсбургского университета, где слушал лекции по древнеармянскому и иранским языкам у Генриха Гюбшмана, по персидской литературе у Теодора Нельдеке, по индологии и санскриту у Эрнста Лоймана. С 1883 по 1884 г. Р. Р. Штакельберг уже в Лейпцигском университете слушал лекции по сравнительно-исторической грамматике греческого языка у Карла Бругмана, сравнительной грамматике славянских и балтийских языков у Августа Левкина, истории буддизма и индоевропейистики у Эрнста Виндиша. После возвращения в Страсбургский университет,

продолжил слушать курсы интересующих его лекций и приступил к подготовке своей докторской диссертации, которая была посвящена синтаксису осетинского языка (*Beiträge zur Syntax des Ossetischen*) и была защищена в 1886 г. с присвоением степени доктора философии. В 1888 г. он избирается членом немецкого востоковедного общества (*Deutsche Morgenländische Gesellschaft*), поступает на службу в библиотеку Страсбургского университета, и вскоре, в 1892 г., также удостоивается ученой степени доктора восточной словесности в Лейпцигском университете.

Вместе с тем талант молодого ученого не остался незамеченным в России. В результате письменных контактов со своим коллегой по осетинскому языку московским профессором Всеволодом Федоровичем Миллером и по ходатайству последнего Р. Р. Штакельберг переезжает в Москву и в 1890-х годах поступает на службу в московский Лазаревский институт восточных языков в качестве преподавателя грамматики персидского языка. С 1891 г. он становится член-корреспондентом Московского археологического общества, а с 1898 г. — действительным его членом. После избрания на должность профессора в специальных классах по кафедре персидской словесности в 1894 г. в стенах института им была прочитана инаугурационная лекция о персидском эпосе и поэте Фирдоуси. Жизнь профессора Лазаревского института неожиданно оборвалась в пору его наивысшего творческого подъема: по предположению коллег, он не выдержал страданий, связанных с резким ухудшением зрения и слуха, покончив жизнь самоубийством.

Несмотря на то, что Р. Р. Штакельберг оставил после себя не такое большое количество публикаций, статьи и труды его все же представляют значительную ценность для иранской филологии в частности и для иранистики и востоковедческих исследований в целом. Находясь в Германии и переехав обратно в Россию, он публиковал и продолжал публиковать свои научные статьи и исследования в ведущих немецкоязычных востоковедных журналах, таких как «Журнал немецкого восточного общества» (*Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft*), «Венский востоковедный журнал» (*Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes*) и «Журнал индоевропейских исследований» (*Indogermanische Forschungen. Zeitschrift für indogermanische Sprach- und Altertumskunde*). Русскоязычные статьи Р. Р. Штакельберга в основном публиковались в журнале Московского археологического общества «Древности восточные» (Древности Восточные. Труды Восточной комиссии Императорского Московского Археологического Общества). О широком признании научного творчества ученого свидетельствует также статистика авторитетнейшего издания «Энциклопедия Ираника» (*Encyclopaedia Iranica*), по данным которой в ней на его труды и статьи даются многократные ссылки в более чем пятидесяти статьях. Р. Р. Штакельберг был не только добропорядочным и отзывчивым коллегой, о чем свидетельствуют некрологи, написанные его коллегами по Лазаревскому институту, но и прекрасным преподавателем, о чем также говорят отзывы студентов и некролог, написанный его студентами из Персии.

В докладе пойдет речь о разносторонних направлениях творчества Р. Р. Штапельберга по данным его основных публикаций, в числе которых осетиноведение, грамматика персидского языка, персидский эпос и литература, персидская лексикография, армяно-иранские культурные и языковые контакты, ирано-финно-угорские лексические отношения.

Андреев А. А. (Факультет политологии СПбГУ, Санкт-Петербург)

Убийство или добровольная жертва? Смерть великого визиря Мирзы Таки (1633–1645) по материалам российских архивных источников¹

В энциклопедической статье, посвященной шаху 'Аббасу II (1642–1666), Рудди Мэтти, ссылаясь на материалы голландского архива, характеризует переход к власти юному правителю (ему тогда было девять с половиной лет) как относительно бескровный². Исключением стала казнь *сенахсалара* Ростам-хана, или, как автор его называет, «губернатора Азербайджана» (по всей видимости, имеется в виду Ширван). Последний был одним из могущественных гулямов грузинского происхождения (исходя из данных, приводимых Дж. Рота, настоящая его фамилия была Саакадзе), начинал он службу при шахе 'Аббасе I (1588–1629) и при его правнучке достиг значительного влияния при дворе³.

В историографии эпизоды, связанные с внутренней борьбой за власть и интригами за влияние на шаха, изучены максимально подробно⁴. В том числе и история «падения» великого визиря Мирзы Мохаммада «Сару» Таки (далее Мира Таки), с последующим убийством могущественного некогда евнуха в октябре 1645 г. Большинство авторов (В. Флор, Р. Мэтти, К. Бабаян и др.), описывая это событие, опирались либо на документы Голландской Ост-Индской компании, либо на труды придворных иранских историографов. В этой связи представляет интерес документ, найденный относительно случайно в Российском государ-

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23–78–10037, <https://rscf.ru/project/23-78-10037/>.

² Matthee R. 'Abbas II // *Encyclopædia Iranica*, online edition, 2014. URL: <https://iranicaonline.org/articles/abbas-ii> (accessed: 06.01.2025).

³ Подробные сведения о нем содержатся в источнике, опубликованном под ред. Дж. Рота. См.: Rota G. *La vita e i tempi di Rostam Khan* (Edizione e traduzione italiana del MS. British Library ADD 7,655). Wien: Verlag der Österreichische Akademie der Wissenschaften, 2009. 432 p.

⁴ См. Falsafi N. *Sargodhasht-e Saru Taqi* // *Chand Maqaleh-ye Tarikhi va Adabiat*. Tehran, 1342/1963. P. 285–310; Babayan K. *The Waning of the Qizilbash: The Spritual and the Temporal in Seventeenth Century Iran* (unpublished dissertation). Princetown University, 1993. 346 p.; Floor W. *The Rise and Fall of Mirza Taqi, the Eunuch Grand Vizier (1043–55/1633–45)* Makhdum Al-Omara Va Khadem Al-Foqara // *Studia Iranica*. 1997. № 26. P. 237–266.

ственном архиве древних актов в фонде 77 «Сношения России с Персией», который позволяет расширить сложившиеся представления о деталях дворцового заговора 1645 г.

Документу можно дать условное наименование «Отписка из Посольского приказа по расспросу кызылбашского шемахинского торгового человека Абул Касыма»¹. В отписке приводятся слова свидетеля репрессий, проводимых от имени юного шаха в первые годы его правления, в которых описывается, что они были весьма масштабными (даже для того времени)². Посольским дьяком о массовой казне и имевшей место в Исфахане и в других крупных городах державы Сефевидов, сообщил Абул Касым, сославшись на *тезика* (торговца) Хурсова Будакова. *Тезик*, несмотря на то, что это по сути этноним (таджик), использовался в отношении торговых людей³.

Не вдаваясь в подробности деталей заговора против визиря Мирзы Таки, представленных в историографии, оставим это для самого планируемого доклада. Представляется интересным провести сравнение имеющихся сведений с информацией из ранее неизвестной отписки Посольского приказа. По сути это сравнение двух источников. Первый — это дневниковые записи главного торгового представителя (оррегсоорман) Голландской Ост-Индской компании в Исфахане Леонарда Виннинкса, на которые опирался В. Флор в своей статье⁴, а второй — указанный выше источник из РГАДА.

Главным отличием эпизода с самим убийством Мирзы Таки по версии «Хурсова Будакова» было то, что со стороны престарелого сановника оно носило добровольный характер и было мотивировано желанием помочь юному шаху. В тексте отписки (при, вероятно, искаженной интерпретации событий) говорится о том, что «дворецкий Джанхан» (имеется в виду *курчи-баши* Джани-хан Шамлу⁵) вступил в сговор с бывшим беглербегом Ширвана Арап-ханом и всего «их в той думе было 11 человек»⁶ (число заговорщиков, по версии В. Флора, на основании данных Л. Виннинкса было 12)⁷ с целью убить шаха и на место его поставить «меншово шах Сефиива сына»⁸. Один из заговорщиков сообщил это визирю Мирзе Таки (Сарыхану, так его имя обозначено в источнике). Последний все изложил юному шаху со словами, что сам он уже «стар, хотя и убьют его, и он уже пожил, а шах бы

¹ РГАДА. Ф.77.О.1.Столбцы. 1646 август 21–1647 октябрь. Д. 3. Приезд Персидского Гонца Мурат Хан Бека с присланною государю от шаха Аббаса II селитрою. Челобитные Гонца сего о делах Его до торга касающихся и обратной отпуску Его в Персию. Л. 1–5.

² Там же. Л. 4.

³ Бартольд В. В. Сочинения. Т. II. Часть 2. М.: Наука, 1964. С. 312.

⁴ Floor W. The Rise and Fall of Mirza Taqi.

⁵ Matthee R. Jāni Beg Khan Bigdeli Šāmlu // *Encyclopædia Iranica*, online edition. URL: <https://iranicaonline.org/articles/jani-beg-khan-bigdeli-samlu> (accessed: 12.01.2025).

⁶ РГАДА. Ф.77. О.1. Столбцы. 1646. Д. 3. Л. 2.

⁷ Floor W. The Rise and Fall of Mirza Taqi. P. 262.

⁸ РГАДА. Ф.77. О.1. Столбцы. 1646. Д. 3. Л. 3.

де слыша таинной изменничей завод себя поберег — побыл бы у матери с великим береженьем и сказывался б что он болен чтоб ево не убили»¹.

После устранения Мирзы Таки шах 'Аббас II признал действия заговорщиков правильными и наградил их, после чего через несколько дней все они были обезглавлены жестоким образом. В обоих вышеуказанных источниках описание их казни совпадает. Шах приказал заговорщикам приходить к нему в шатер по одному, и на месте каждому по одному отрубали голову.

Данная отписка ценна тем, что не только содержит подтверждающие и уточняющие детали, но и свидетельствует об уровне осведомленности в Посольском приказе относительно внутривосточных событий в державе Сефевидов.

*Багиров Акрам Дахил оглы (Институт рукописей
им. М. Физули НАН Азербайджана, Баку)*

Мир Таги ад-Дин Кашани и азербайджанские поэты в его *тазкира*

Одним из значимых источников по азербайджанской литературе на персидском языке является *тазкира* Мир Таги ад-Дина Кашани «*Хуласат ал-аш'ар ва зубдат ал-афкар*». Это произведение было написано в период с 975 по 1016 г. х. (1567/1568–1607/1608). Оно представляет интерес для исследователей как обширными сведениями о поэтах, так и значительным количеством включенных в него произведений. В комментариях к биографиям поэтов Мир Таги ад-Дин сообщает, что, предоставляя сведения о поэтах прошлого, он преимущественно опирался на их рукописные диваны. Со своими современниками автор *тазкира*, как правило, лично встречался или вел переписку. Согласно исследованию иранской исследовательницы Ругийе Байрам Хагиги, подготовившей раздел *тазкира*, посвященный поэтам Тебриза, Азербайджана и прилегающих территорий, многие из поэтов, упомянутых в этом разделе, не встречаются в других антологиях.²

Сведения о Мир Таги ад-Дине Кашани и его *тазкира* можно найти в персидских сочинениях и зарубежных каталогах. Среди таких источников особое внимание заслуживают работы Ахмада Голчина Ма'ани «*Тарих-е тазкереха-йе фарси*»³ и 'Али-Реза Нагави «*Тазкереневиси-йе фарси дар Хенд ва Пакестан*»⁴. Последним

¹ РГАДА. Ф.77. Оп.1. Столбцы. 1646. Д. 3. Л. 3.

² Мир Таги ад-Дин Кашани. *Хуласат ал-аш'ар ва зубдат ал-афкар* (бахш-е Табриз, Азербайджан ва навахи-йе ан). Тасхих ва тахгиг: Ругийе Байрам Хагиги. Техран: Мирас-е мактуб, 2016. С. xiv.

³ Ахмад Голчин Ма'ани. *Тарих-е тазкереха-йе фарси*. Т. I. Техран: Энтешарат-е данешгах-е Техран, 1969. С. 521–556.

⁴ 'Али-Реза Нагави. *Тазкереневиси-йе фарси дар Хенд ва Пакестан*. Техран: Элми, 1964. С. 124–134.

и наиболее значимым исследованием, посвященным Мир Таги ад-Дин Кашани, является вышеупомянутый труд Ругийе Байрам Хагиги (2016).

Согласно этим исследованиям, Мир Таги ад-Дин Кашани родился в 956 г. х. (1549) в Кашане. Годы его смерти варьируются между 1016 и 1024 г. х. (1607/1608–1615). К числу приписываемых ему работ относятся следующие: 1) «*Маджма' ал-каса'id*» — сборник произведений 25 классических поэтов; 2) Диван Мухташама Кашани, составленный Мир Таги ад-Дином; 3) «*Ма'асир ал-хизрийя*» — произведение, написанное по указу Шах Аббаса I (не сохранилось); 4) «*Джунг*» — сборник стихов разных авторов в рукописи, переписанной собственноручно Мир Таги ад-Дином (эта рукопись хранится в библиотеке Мирас-е Ислами в Куме).

Также существует предположение о том, что Мир Таги ад-Дин Кашани был автором дивана стихов, написанных под псевдонимом «Зикри» в Индии, однако достоверность этих сведений пока не подтверждена. Некоторые его стихи, подписанные этим псевдонимом, цитируются как в его *тазкира*, так и в других источниках.

Самое крупное произведение Мир Таги ад-Дина — пятитомная антология «*Хуласат ал-аш'ар ва зубдат ал-афкар*». Она состоит из введения, в котором автор объясняет причины написания труда, четырех глав, посвященных теме любви, и четырех разделов о поэтах прошлого. Наибольший интерес представляет заключительная часть (*хатима*), включающая двенадцать разделов, каждый из которых посвящен поэтам определенных городов и областей Сефевидского государства. Мир Таги рассказывает о поэтах Кашана, Исфахана, Кума, Саве, Казвина, Гиляна и Мазандарана, Тебриза и Азербайджана, Йезда и Кермана, Шираза, Хамадана и некоторых районов Фарахана, Рея и Астрабада, Хорасана. а также о персидских поэтах Индии (в разделе 8).

Большое внимание автор уделяет азербайджанским авторам. В разделе о поэтах Тебриза и Азербайджана он упоминает тридцать пять авторов. Это Хагиги Табризи, Нисари Табризи, Хари Табризи, Шакиби Табризи, Махмуд-бек Салим, Тавфи Табризи, Висали Табризи, Хайдари Табризи, Мухаммад Хусайн Вугуи Табризи, Хасан-бек Эджжи, Махмуд-бек Фусуни Табризи, Мир Джа'фар Табризи, Хали Табризи, Султан Мухаммад 'Азми, Хаким Абу Талиб Табризи, Кази Вафи, Челеби-бек 'Аллама, Мир Хусайн Сахви Табризи, Фани Табризи, Сафи Табризи, Сайрафи Табризи, Ма'руф Табризи, Джаниби Табризи, Туфайли Табризи, Гавси Табризи, Хаджа Амир-бек Михрдад, Кафи Урдубади, Садиг Урдубади, Мавлана Сабати, Барги Табризи, Фарди Ардабили, Базми Ардабили, Вариси Ардабили и 'Абди Ширвани.

По мнению Р. Б. Хагиги, эти тридцать пять поэтов составляют менее одной пятой от общего числа поэтов Тебриза того периода. Она объясняет это следующим образом: «...Мир Таги ад-Дин Кашани включил в это *тазкира* главным образом тех поэтов, с которыми он общался, а также тех, чьи произведения были ему заказаны или чьи работы доставили ему удовольствие».

После завершения написания основной части *тазкира* Мир Таги ад-Дин Кашани в антологию были добавлены произведения более двухсот поэтов. Среди них есть стихи самого Мир Таги ад-Дина, написанные под псевдонимом «Зикри». В целом это *тазкира* содержит биографии и произведения более шестисот поэтов, а также произведения более двухсот авторов без указания биографических сведений о них. Как отмечает Р. Б. Хагиги, особое достоинство данного *тазкира* заключается в том, что произведения некоторых представленных в нем поэтов не сохранились в других источниках. В ряде случаев содержащиеся в нем стихотворения даже позволяют составить небольшие диваны отдельных авторов.

Базиленко И. В. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

Основные проблемы отношений между Исламской Республикой Иран и Советским Союзом (кон. 70-х — нач. 90-х гг. XX в.)

Исламская революция 1979 г. в Иране изменила геополитическую ситуацию не только на Ближнем и Среднем Востоке, но и в целом оказала заметное влияние на международные отношения во всем мире. Факторы, влиявшие на установление и развитие отношений между СССР и Исламской Республикой Иран (ИРИ), определялись как особенностями внутренней ситуации в каждой из стран, так и внешними аспектами. Соотношение действий этих факторов на каждом хронологическом этапе было различным.

1 апреля 1979 г. Иран был объявлен Исламской Республикой. В результате революции произошла полная смена внешнеполитического курса страны. Основные принципы внешнеполитической концепции ИРИ заключались в следующих позициях:

- защита завоеваний исламской революции;
- защита территориальной целостности;
- защита социально-экономической и культурной независимости;
- борьба с империализмом и иностранной интервенцией.

Официальный внешнеполитический лозунг иранской революции «Ни Запад, ни Восток, а исламская революция» на практике сводился к тому, что иранское руководство старательно ограждало страну как от влияния США («большой шайтан» по терминологии иранских революционеров), так и Советского Союза («малый шайтан»). Иранский народ выбрал независимый путь развития страны, хотя он и сопровождался известными перекосами в стадии формирования.

Тенденция сокращать связи не только с США, но и с СССР вскоре стала вполне очевидной. После ряда резких политических заявлений руководства ИРИ в адрес СССР взаимовыгодное торгово-экономическое сотрудничество между нашими

странами сначала замедлилось, а через некоторое время практически прекратилось. Необходимо отметить, что советско-иранские отношения этого периода в значительной степени стали жертвой идеологического противостояния систем, воплощавших в жизнь альтернативные планы государственного устройства.

Победа иранской революции, острый антиамериканский и антикапиталистический характер первых революционных преобразований были оценены советскими идеологами как уникальная возможность усилить свои позиции в ИРИ. Планам КПСС образовать сильный и объединенный левый фронт под началом прокоммунистической Народной партии Ирана «Туде» и, оттеснив духовенство, в конце концов привести его к власти, не суждено было сбыться. В результате предательства сотрудника КГБ британская спецслужба МИ-6 передала иранским властям многочисленные материалы о контактах руководства «Туде» с советскими представителями и сведения о примерно 400 советских агентах в Иране.

Преследования и репрессии против коммунистов и левых организаций в Иране сопровождались усилением антисоветизма, что, впрочем, не привело к резкому сокращению дипломатических контактов между нашими странами.

Активизация усилий СССР в выработке резолюции СБ ООН по поводу прекращения огня на ирано-иракском фронте, визиты министра иностранных дел ИРИ Али-Акбара Велаяти (род. 1945) в Москву, заместителя министра иностранных дел СССР Ю. М. Воронцова (1929–2007) в Тегеран привели к положительным сдвигам в двусторонних отношениях. В Москве возобновила работу советско-иранская торговая палата, а в Тегеране были подписаны соглашения о сотрудничестве.

В результате ирано-иракской войны 1980–1988 гг. военный потенциал ИРИ и обороноспособность существенно снизились. В отсутствие развитой военной промышленности иранское руководство обратилось за поддержкой к СССР.

СССР (с 1991 г. Российская Федерация) в конце 80-х — начале 90-х гг. XX в. поставил ИРИ значительное количество современного вооружения, включая истребители-бомбардировщики Су-24, Миг-29, танки Т-72 и другие виды оружия на сумму около \$4 млрд. Кроме финансовой выгоды наша страна руководствовалась и соображениями безопасности южных границ СНГ, гарантию которой давали добрососедские отношения с Ираном¹.

При рассмотрении данного периода отношений между СССР и Ираном следует обратить внимание на то, что сразу после иранской революции 1979 г. ожидаемого улучшения советско-иранских отношений не произошло вследствие неприятия правящими кругами Ирана, стремившимися к «экспорту» исламской революции, атеистической идеологии СССР, поддержки КПСС левых сил в Иране, ввода советских войск в Афганистан в 1979 г. и советской военной помощи соседнему Ираку. В то же время дипломатические усилия обеих сторон неизменно давали положительные результаты.

¹ Базиленко И. В. Россия — Иран (Персия): очерки истории отношений (XVI — начало XXI вв.). СПб.: Аргус СПб., 2024. С. 312.

В феврале 1989 г. состоялся первый визит в ИРИ министра иностранных СССР Э. А. Шеварднадзе (1928–2014), поводом которого был ответ на беспрецедентное послание иранского лидера имама Р. М. Хомейни (1902–1989) генеральному секретарю ЦК КПСС М. С. Горбачеву (1931–2022), доставленное в Москву в январе 1989 г.¹ Имам Хомейни и политическое руководство ИРИ положительно оценили ответ Горбачева и посчитали его началом нового этапа отношений с СССР.

«Перестройка» в СССР и вывод советских войск из Афганистана создали предпосылки для улучшения отношений между двумя странами. Несмотря на широкую пропаганду идей «экспорта» исламской революции в мире, политическое руководство ИРИ проявляло известные гибкость и избирательность в отношениях с соседним СССР. Иранские призывы к исламизации всех сфер жизни общества применительно к среднеазиатским советским республикам с преобладающим мусульманским населением звучали более умеренно и сдержанно, чем обращения к мусульманам арабских стран.

Начало 90-х гг. XX в. было ознаменовано поиском новых приоритетных направлений во внешней политике РФ в связи с распадом биполярной системы международных отношений. Российской Федерации как правопреемнику Советского Союза было необходимо определить свою новую роль и политику в мире, в том числе и в отношениях с «ближним» и «дальним» зарубежьем.

*Баиндурашвили Хатуна (Национальный центр рукописей Грузии
им. К. Кекелидзе, Тбилиси)*

Кодикологическое и источниковедческое исследование рукописей «Тарих-е Надери» (Р-260, Р-611, Р-579) из Тбилисской коллекции

Ирано-грузинские отношения насчитывают многовековую историю и охватывают как политическую, так и культурную сферы. В XVI в. правившая в Иране династия Сефевидов для подчинения Восточной Грузии стала вести агрессивную внешнюю политику, что в итоге привело к усилению влияния иранской культуры. В последующий период эту политику продолжали другие правящие династии Ирана (Афшары, Зенды, Каджары). В результате такой политики в Тбилиси увеличилось количество иранских резидентов и возникли очаги иранской культуры.

Изучение персидской коллекции, хранящейся в Национальном центре рукописей Грузии, показало, что в 20-е гг. XIX в. в мусульманской общине Тбилиси

¹ Имам Хомейни — лидер всех эпох. Отдел публичной дипломатии и прессы посольства ИРИ в Москве. М., [б.г.]. С. 7–14.

имело хождение значительное количество персидских рукописей различного содержания, часть которых была создана на месте — в Тбилиси.

Целью нашего исследования является кодикологическое и источниковедческое исследование трех списков сочинения Мирзы Мехди-хана Астарабади «*Тарих-е Надери*» («История Надер-шаха») из Тбилисской коллекции персидских рукописей (Р-260, Р-611, Р-579), а также изучение их политического, культурного и научного значения.

Рукописные книги, посвященные истории Ирана, хранятся в восточном фонде Национального центра рукописей Грузии. В результате проведенного исследования колофонов были выявлены личности тех персидских ученых, которые вели свою деятельность в Тбилиси и занимались перепиской книг по истории Ирана. Мы определили, какие персидские историки были авторитетными в правящих и научных кругах того времени в Иране и Грузии. Были выявлены правила и критерии, по которым делался отбор персидских историографических произведений для их переписки и распространения; был проведен анализ идеологического значения этих книг как для читателей в Иране, так и для проживающей в Тбилиси персидской общины.

Рукопись Р-260 (221 л.) содержит полный текст сочинения. Текст переписан почерком *наста'лик* 28 *раджаба* 1243 г. х. (1828) в Тбилиси. Переписчик — 'Абдаллах ал-Хорасани. Заголовки выполнены каллиграфическим *насхом* красными чернилами. 'Унван отсутствует, но для него оставлено место. В рукописи имеются шесть печатей трех типов разного размера и несколько мемориальных записей.

Рукопись Р-611 (226 л.) переписана *наста'ликом*, имеет обтянутый коричневой кожей картонный переплет. Заголовки выполнены красными чернилами. В рукописи имеются две одинаковые квадратные персидские печати. Время и место переписки рукописи указано на л. 221а: Тбилиси, *мохаррам* 1237 г. х. (1821).

Текст рукописи Р-579 (176 л.) записан почерком *шекасте* на синей некачественной бумаге российского производства. В некоторых местах в названиях использован *наста'лик*. Рукопись имеет черный кожаный переплет с тиснением, несколько печатей. Время и место переписки, а также имя переписчика не указаны. Рукопись примечательна тем, что содержит хорошо подобранные миниатюры. В отличие от рукописей Р-260 и Р-611, эта рукопись, очевидно, была переписана не в Тбилиси. Об этом свидетельствуют некоторые особенности рукописи, на которых мы остановимся в докладе.

Все названные рукописи по своей архитектонике и тексту, безусловно, идентичны друг другу, однако между ними имеются некоторые текстологические различия.

С источниковедческой точки зрения особый интерес для нас представляют главы, содержащие информацию о восстании афганского вождя Мир-Вайса Гилзая (Гилче) в Кандагаре и военных кампаниях Надер-шаха на Кавказе.

В докладе мы представим основные выводы проведенного исследования тбилисских рукописей «Истории Надер-шаха» с визуальной презентацией.

Башарин П. В. (РГГУ, Москва)

«Облаченный сиянием»: генезис образа в мусульманской мистике

Знаменитая метафора облачения человеческой души некими одеждами впервые появляется в платонизме. Например, в *Горгии* Платона встречается образ одежд высшего мира (Gorg. 523 с-е). Появляется образ хитона как повозки, на которой душа преодолевает семь планетных сфер или четыре элемента. Плотин пишет: «Мы срываем гиматии, облакающие нас, когда мы опускаемся из Ума» (Ennead I 6, 7, 5–7). Таким образом, метафора совлечения одежд связана с очищением души. У Прокла встречается буквальный смысл: срывание хитона — это ритуальное раздевание перед входом в святилище (In Alcib. I 138, 16–18).

Похожая метафора обнаруживается в различных гностических учениях, называвших хитоном элементы материального мира, созданного Демиургом, в которые облачается человек. Еще в иудейской и раннехристианской экзегезе говорится о том, что падшие Адам и Ева сменили «одеяния света» (Быт. 3:21) на «кожаные одежды». В раю первые люди были одеты в свет или в «славу» («сияние»), не нуждаясь в одежде. У мандеев, умирая, человек оставляет плотское тело и облачается духовным телом своего небесного двойника. Последний возносится в высшие сферы, облакаясь телом чистого света.

У гностиков эту метафору позаимствовали манихеи. Первочеловек вышел из страны света, облаченный в пять светлых стихий, на борьбу с силами тьмы. Этот образ был известен и арабским авторам, писавшим о манихеях (Ибн ан-Надим, аш-Шахрастани). Избранные души оставляют свои тела и облачаются в свет.

В сирийском христианстве божественная природа рассматривается как одеяния (сир. *lbāšā*), форма-образ (*šurtā*) для тварной человеческой природы. Согласно Афрату, Божественная природа послужила формой — одеянием — для небесного человека (Demonstration I 19).

Разработкой метафоры «одеяние» также отметилась еврейская мистика. Еще мистика Меркавы (*Сефер йецира*) помимо визионерского восхождения к Престолу опирается также на «ображение или облачение имени». В Зогаре одеяниями (*lābušīm*) часто называются сефирот. Во время своего пребывания на земле душа тклет мистическое одеяние вечности, которое будет носить в нижнем раю. До нисхождения в низший мир душа облачается в эфирный «образ» (*selem*) как в одеяние, в который снова облечется после смерти. У Авраама Абулафии упоминается форма медитации с помощью упорядочивания букв, носящая название «облачение» (*malbūš*).

У арабов метафорическое понимание процесса облачения прослеживается с Корана. Можно найти примеры такой метафоры с использованием термина *libās* «одежда, одеяние» в литературе аббасидского периода. Особую популярность в этот период метафора находит в суфийской литературе, начиная с речений извест-

ных шайхов: Бог одевает верующих сладостью (*ḥalāwa*) (Абу 'Усман ал-Хири), верущего Бог облачает в свою славу (Ибрахим ал-Хаввас). С другой стороны, человек может облечься в одеяние алчности (*tam*) (ал-Джунайд). Метафора получает более глубокое развитие в чисто мистическом духе, как в изречении Бунана ал-Хаммала: «Тот, кто облачен в унижение беспомощности, умер, свидетельствуя это, а тот, кто облачен в славу силы, свидетельствуя это, жил и создал причину для жизни тел» (ас-Сулами, *Табакам*). Особое значение у экстатических суфиев приобретает метафора облачения Богом человека в вечность. Например, «Истинный облек меня в деяние постоянства, одарил телесной вечностью» (ал-Бистами). Сам Бог описывается как «Истинный, одевающий одеяние истин истины» (ал-Халладж).

Развитие этой же метафоры мы находим в персоязычном суфизме. Например, Худжвири в *Кашф ал-маҳдžуб* использует следующие образы: «наряд близости» (*ḥal'at-i qurb*), «наряд единобожия» (*ḥal'at-i tawḥīd*), «одеяния благочестия» (*libās-i ṣalāh*), «одеяние созерцания» (*libās-i muṣāḥadat*). Одним из наиболее ярких пассажей, использующих метафору облачения светом, является следующий: «Духи жаждущих (*muṣṭāqān*), облаченные сияющими покрывами чистоты (var. атрибутов), пребывающие на ковре вежества (*adab*)».

С термином *libās* семантически тесно связан термин *talbīs* «покрыв, покрывало, запутанность, обман, козни». В рамках арабской этики он встречается в значении «козни, обман, коварство». В богословско-философской мысли — «путаница, запутанность». Применительно к идеям крайних суфиев богословы часто использовали термин *talbīs*, подчеркивая их двусмысленность. Самый яркий пример — заглавие знаменитого полемического сочинения Ибн ал-Джаузи *Талбис Иблис* («Козни Сатаны»). У самих суфиев термин приобретает несколько иное значение. Например, в стихах ал-Халладжа близость мистика к Богу и само его я оказывается «миражом» (*talbīs*) перед ликом Творца. Абу Бакр ал-Васити утверждал, что *talbīs* — это само господство (*'ayn ar-rubūbiyya*). Гораздо более распространенным термином среди мистиков становится *iltibās*. Это состояние запутанности как констатации призрачности и обманчивости творения перед лицом Бога. Согласно ал-Халладжу, в состоянии *iltibās* пребывает Сатана, после того как Творец низверг его и изменил его облик. Однако эта трансформация оказывается обманом для непосвященного в суть разыгравшейся на небесах драмы. Изменилась только личина, но не состояние и статус Сатаны, как верного Богу адепта (*Китаб ат-тавасин*). Согласно одной из самых важных проповедей суфия, Бог является только в состоянии запутанности (*Ахбар ал-Халладж*).

Наиболее тщательно термин *iltibās* разрабатывал Рузбихан Бакли. Он трактовал этот феномен как «окутывание» мистика светом предвечности. Запутанность имеет у него статус стоянки. Поскольку *iltibās* является важнейшей чертой экстатического суфизма, он называет суфиев «людьми запутанности».

Облаченный в сияние Бог, облакающий светом мистика, становится одной из самых ярких метафор иранского мистицизма, например, встречается у «шайха

озарения» ас-Сухраварди. Специфика этого образа, наряду с независимым развитием его в еврейской каббале, наводит на мысль о внешнем влиянии, восходящем к какому-то гностическому или манихейскому источнику.

Болашенкова Е. А. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

Зикр против страха: находки и изобретения в персидском переводе романа Ф. Герберта «Дюна»

«Дюна» (1965) — научно-фантастический роман американского писателя Фрэнка Герберта (1920–1986). Книга примечательна своим ближневосточным колоритом: пейзажи пустынной планеты Арракис напоминают об Аравии, а многие термины и имена в ней являются арабизмами (реже тюркизмами и иранизмами).

Протагонист «Дюны», Пол Атрейdes, на Арракисе берет себе имя Муад'Диб, что можно понять как «Учитель» или «Воспитатель». Ведомый им народ называет его Махди (исламское имя для мессии, особенно значимое для шиитов) и Лисан ал-Гайб (это прозвище, «Язык тайны», принадлежало персидскому поэту Хафизу Ширази (1325–1390)). Однако нас будут интересовать не столько отсылки к Востоку у самого автора, сколько особенности персидского варианта текста «Дюны».

Мы изучили издание 2022 г., вышедшее в Тегеране в переводе Сайида Мохийара Форутанфара. По-персидски роман называется تلماسه («Песчаный холм»). Обращает на себя внимание эрудиция переводчика: в примечаниях он идентифицирует цитаты из Ветхого Завета, объясняет тюркизмы и делает собственные весьма остроумные предположения (например, связывает вымышленное автором слово “sietch”, поселение в пустыне, с казацкой сечью). Особо следует отметить изящество синтаксиса. В тексте отсутствуют разговорные формы. Даже в диалогах герои произносят глаголы полностью — явление, не характерное для современной персидской прозы.

Предпочтение отдается редкой и возвышенной лексике. Например, لون вместо رنگ («цвет»), عكس العمل вместо واكنش («реакция») или لبها вместо لسان («губы»). В орфографии примечательно раздельное написание частей слова: اين جا («здесь»), دوکاش («ее герцог»).

Среди особенностей книги — обращение к зороастрийским образам там, где в оригинале их нет. Так, в одной из первых глав имя Махди было заменено переводчиком на имя зороастрийского персонажа Хушидара.

Оригинал: «On that first day when Muad'Dib rode through the streets of Arrakeen with his family, some of the people along the way recalled the legends and the prophecy and they ventured to shout: “Mahdi!”» («В первый день, когда Муад'Диб проезжал по улицам Арракина вместе со своей семьей, некоторые из людей на пути, вспомнив легенды и пророчества, отважились крикнуть: “Махди!”»).

Перевод: اولین بار که مؤدب همراه خانواده اش از خیابان های آراکین می گذشت، بعضی از عابران سر راه با به یاد آوردن افسانه ها و پیشگویی های دیرین به خود جرأت می دادند و فریاد می زدند: «هوشیدر!»

Персидская фраза полностью соответствует английской за исключением последнего слова. Здесь люди выкрикивают: «Хушидар!» В зороастрийской традиции Хушидар — первый из трех сыновей Заратуштры, который рождается из его семени в будущем и пресечет на земле зло.

Еще одно появление зороастрийского персонажа мы наблюдаем в импровизированной песне воина-менестреля Гурни Халлека. Эти строки приходят ему на ум во время первого полета над Арракисом, когда герои узнают об опасностях пустыни — песчаных червях, барабанных песках и пыли:

Wild beasts of the desert do hunt there,
Waiting for the innocents to pass.
(Дикие звери пустыни охотятся здесь,
Поджидая, когда жертвы придут.)

В персидском переводе песня начинается так:

در کمین بنشسته‌اند ابلیس‌ها، اهریمنان
در کمین رهروان را مگم کرده... امان!
(В засаде затаились Иблисы, Ахриманы.
В засаде ждут заблудившихся путников... Берегись!)

Главные злые духи ислама и зороастризма упоминаются здесь не просто рядом, но и во множественном числе.

В тексте можно найти и суфийские образы. Литания (lithany) против страха, которую герои повторяют в минуты опасности, становится ذکر (зикром). Для ритуала испытания пряностью используется слово خلسه (суфийский термин для транса, самосозерцания). А о пронизательных героях говорится как о имеющих بصیرت (басирут в суфизме — внутреннее духовное видение).

Есть здесь и отсылки к придворной персидской культуре. Словами مطرب و خنیاگر именуется должность Гурни. В персидском языке оба слова используют в связи с Барбадом Мервези — придворным певцом Сасанидского царя Хосрова II (VI–VII вв.). Аналогичная должность была у Рудаки, «Адама поэтов» при дворе Саманидов в Бухаре (IX–X вв.).

Название песчаного червя (Shai Hulud) переводчик передал как شئیء خُلْد (добавив в примечании, что это можно понять как «вечная вещь»). Такая трактовка имеет смысл, ведь жизнь червей циклична: они вырастают из одноклеточных существ, а в конце снова распадаются на них. Интересно, что в персидских субтитрах в фильме «Дюна» нам встречалось и другое написание: شيخ الخلود («Шейх вечно-сти»). Еще одно имя для червя, the Maker («Податель»), в книге передано как خَدِير (довольно редкое слово со значением «владыка»).

Главный ресурс Арракиса, пряность, в оригинале называемая “spice” и “melange”, в персидской версии стала именоваться ادویه (специя) и مَلْعَمًا (амальгама) соответственно.

Отметим и слова, сконструированные самим переводчиком.

Сын герцога именуется دوک‌زاده (duke + زاده) по аналогии с شاه‌زاده («царевич»). Враги же называют его دوکچه («герцоженок»).

Для ментатов (людей, способных обрабатывать в уме огромные объемы информации) создан термин رایمند («тот, кто выносит суждение, решение»).

Для этнонима «фримены» (fremen) переводчик создал аналог خرمردان соединив арабский корень с персидским и сохранив ассоциацию со «свободными людьми». Набор для выживания фрименов в пустыне (“fremkit”) стал خرمردتوشه («запас свободного человека»).

Костюм для выхода в пустыню (“stillsuit”) стал تقطيرجامه («дистилляционное одеяние»).

Механический манок (“thumper”) в персидской версии превратился в شن‌کوب («пескостук»), а добытки пряности — شن‌نورد («песконавты»).

Нож, сделанный из зуба червя (“crysknife”, «криснож»), превратился в تیغ‌الماسه (слово, которое можно понять и как «алмазное лезвие» от слова الماس, и как «лезвие песков» от слова ماسه с арабским артиклем ال).

В заключение отметим, что персидский перевод «Дюны» представляет собой цельный, изящно написанный текст с оригинальным стилем и, безусловно, заслуживает исследовательского интереса.

Васильева Н. Е. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

Чингиз Алиевич Байбурди (1925–2012): студент, преподаватель, ученый (к 100-летию со дня рождения)

Чингиз Алиевич Байбурди — иранист-филолог, доцент кафедры иранской филологии Восточного факультета ЛГУ (СПбГУ с 1991 г.).

Чингиз Байбурди, политэмигрант из Ирана, родился в Тебризе 12 апреля 1925 г. За участие в революционных событиях 1945–1946 гг. он был арестован и в числе других осужден на смертную казнь. В 1948 г. Байбурди оказался в Советском Союзе, в Сталинабаде (Душанбе), где прошел курсы русского языка и поступил на работу в рукописный фонд библиотеки им. Фирдоуси. Там в 1951 г. он встретился с приехавшим в командировку А. Н. Болдыревым (1909–1993), который с 1951 г. был заведующим кафедрой иранской филологии Восточного факультета ЛГУ. Обратив внимание на большую начитанность и горячий интерес молодого иранца к рукописям, А. Н. Болдырев посоветовал ему подумать о высшем востоковедном образовании в ЛГУ.

В 1952 г. Ч. А. Байбурди приехал в Ленинград и поступил учиться на кафедру иранской филологии. Он учился в одной группе с О. Ф. Акимушкиным, С. Н. Соколовым, Ю. Е. Борщевским. В это время на кафедре работали выдающиеся иранисты: А. Н. Болдырев, М. Н. Боголюбов, А. Т. Тагирджанов, А. З. Розенфельд, Л. Т. Гюза-

льян, В. И. Завьялова, Я. А. Часова. Чингиз Алиевич сразу окупился в атмосферу научных исследований и дружеских отношений, в которую были вовлечены и студенты. В 1953 г. ему предложили вести занятия разговорного персидского языка.

В то время в библиотеках не хватало иранской периодики и современной персидской литературы. На кафедре изучали древнеиранские языки, классический персидский язык, таджикский язык и его диалекты, персидскую и таджикскую литературу. На занятиях Чингиза Алиевича студенты слышали разговорную речь от носителя языка. По окончании университета в 1957 г. Ч. А. Байбурди поступил в аспирантуру и продолжал вести занятия на кафедре. Он не только преподавал разговорный язык, но и знакомил студентов с современной персидской литературой и каллиграфией, побуждал их интересоваться культурной и политической жизнью и на персидском языке обсуждать новости на занятиях.

Чингиз Алиевич обладал обширной эрудицией, тонким умом, большим чувством юмора. Он всегда был примером высокого мужества, человеческого достоинства, чести, высочайшим нравственным авторитетом для своих учеников и коллег, к которым относился с пониманием и заботой, оказывал им поддержку.

С появлением на кафедре Ч. А. Байбурди расширились возможности подготовки специалистов по современному персидскому языку и литературе. Чингиз Алиевич помогал студентам глубоко погрузиться в мир современного персидского языка и культуры Ирана. Представилась возможность общаться на разговорном персидском языке с его носителем, речь которого могла служить эталоном. Так, выпускник 1972 г., А. П. Баладури стал переводчиком и диктором радиовещания на Иран. Преемниками Чингиза Алиевича на кафедре стали преподаватели современного персидского языка М. С. Салихов (1941–2010), Е. К. Иванова (вып. 1974 г.), Н. П. Жухорова (вып. 1997 г.). Со многими учениками Чингиза Алиевича связывали многолетние теплые, дружеские отношения.

Под руководством своего научного руководителя А. Н. Болдырева, работая над диссертационным исследованием, Ч. А. Байбурди прошел школу углубленного текстологического анализа, методику и методологию исследовательской работы. Он занимался исследованием жизни и творчества персидского поэта Са'д ад-Дина ибн Шамс ад-Дина Низари-йи Кухистани, жившего на рубеже XIII–XIV вв. Собрание стихов (*Куллиййат*) этого автора хранится в фондах РНБ (СПб). В 1963 г. Ч. А. Байбурди с блеском защитил кандидатскую диссертацию по избранной теме.

Ч. А. Байбурди опубликовал ряд ценных статей по иранистике¹. Основной его труд, монография «Жизнь и творчество Низари — персидского поэта XIII–XIV вв.»², построен на тщательном анализе литературного наследия поэта,

¹ См.: Васильева Н. Е. Чингиз Алиевич Байбурди и его вклад в иранистику. Приложение: Список трудов Ч. А. Байбурди // Письменные памятники Востока. 2017. Т. 14. № 1 (вып. 28). М.: Наука. С. 91–112.

² Байбурди Чингиз Гулям Али. Жизнь и творчество Низари — персидского поэта XIII–XIV вв. Отв. ред. А. Н. Болдырев. Л.: Наука, 1966. Репр. изд. СПб.: Реноме, 2016. Дополнение: Васильева Н. Е. Об авторе этой книги (статья, библиография).

а также большого круга источников на персидском и арабском языках, сведения которых были весьма противоречивы. Имя Низари было сознательно вычеркнуто из истории персидской литературы его современниками за оппозиционные, бунтарские, еретические взгляды, за проповедь исмаилитских идей, выраженных в суфийской терминологии и направленных против официального ислама. Байбурди собрал из текстов поэта сведения о его жизни и религиозном мировоззрении, доказывающие его исмаилитские взгляды. В монографическом исследовании показаны художественные достоинства творческого наследия забытого поэта и его влияние на творчество Хафиза. Кроме того, были установлены неизвестные ранее данные по истории позднего исмаилизма в Иране.

Литературное наследие Низари до сих пор остается неизданным, хотя многие крупные ученые проявляли интерес к творчеству и загадочной личности поэта. В Иране рукописи произведений Низари были уничтожены еще в средневековье. Иранские литературоведы пользуются лишь изданием Е. Э. Бертельса, опубликовавшего поэму Низари «*Дастур-нама*»¹. Самый полный список литературного наследия Низари, сделанный в XV в. каллиграфическим почерком, хранится в РНБ. Еще один список с лакунами находится в Душанбе. Некоторые фрагменты произведений Низари сохранились в европейских и восточных собраниях. Ч. А. Байбурди сличил два *Куллиййата* Низари и подготовил критическое издание текста, которое осталось в рукописи в архиве семьи. К публикации были подготовлены касыды (две тысячи бейтов), газели (десять тысяч бейтов), *кит'а* (тысяча бейтов), *руба'и* (ок. одной тысячи бейтов) — всего около четырнадцати тысяч бейтов, а также предисловие, указатели, библиография. Все произведения, за исключением газелей, «не входят ни в одну рукопись»², кроме списка из РНБ.

Хочется надеяться, что появится такой специалист, который сможет продолжить издание полного собрания сочинений забытого на родине поэта и подготовить этот памятник к публикации.

Джандосова З. А. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

Дискурсы о легитимности власти в Афганистане в начале XIX в.

Легитимность власти в конце XVIII — первой половине XIX в. в Афганистане (точнее, в Дурранийской империи и ее преемниках, таких как Кабульское и Гератское государства, а затем и в афганском эмирате Дост Мухаммад-хана, к которому уже применялось название Афганистан) воспринималась через призму религиоз-

¹ Бертельс Е. Э. «Дастур-намэ» // Восточный сб. Сер. 5. ГПБ. Л., 1926. С. 37–104.

² Личный архив Ч. А. Байбурди.

ной и племенной идентичности (правитель должен был быть суннитом и сардаром/ханом из паштунского племени дуррани), военной и политической силы, а также через признание со стороны внешних сил, таких как Иран и Ост-Индская Компания/Британская империя. В Афганистане власть правителей, часто завоеванная оружием, укреплялась как через религиозное одобрение (исламские богословы и суфийские шейхи), так и через поддержание социально-политических связей с фактически независимыми и самоуправляемыми паштунскими племенами.

Хотя религиозная легитимность играла большую роль, правители также опирались на родовую принадлежность и историческое право на власть, ссылаясь на принадлежность к династии Дуррани, основанной Ахмад-шахом в 1747 г. В свою очередь, легитимность Ахмад-шаха Дуррани обеспечивалась консенсусом религиозных авторитетов и племенных вождей, в свое время коллективно избравших его «на царство», и подкреплялась огромным успехом его военных кампаний, а также умелой внутренней политикой, включая политику альянсов. Альянсы с сильными племенами и в дальнейшем были не только важными политическими инструментами, но и составляли основу легитимности власти, особенно если правитель мог демонстрировать способность к защите интересов и традиций племен.

Другим видом легитимизации была внешняя, способствовавшая дипломатической легитимности. Внешнее признание и дипломатическая поддержка со стороны Британии, Ирана и других государств играли роль в процессе легитимизации власти. Однако это не всегда означало признание власти внутри страны. Со второй трети XIX в. внешние державы (включая Россию) все более активно влияли на политическую ситуацию в Афганистане, оказывая поддержку тем или иным правителям в обмен на стратегическое сотрудничество, что, в свою очередь, также сказывалось на восприятии их легитимности.

После смерти Тимур-шаха Дуррани в 1793 г., в Афганистане началась длительная борьба за трон между его наследниками. Это привело к недостаточной легитимности сменявших друг друга победителей, к кризису государственной власти и политической нестабильности, при которой отдельные правители Садозайской династии (Заман-шах, Махмуд-шах, Шах Шуджа) пытались, с одной стороны, традиционно укреплять свою власть через союзы с различными кланами и племенами, а с другой стороны, вступали во взаимодействие с соседними государствами. Любопытно при этом, что одни Садозаи искали поддержку на востоке (индийские государства, затем Ост-Индская компания), тогда как другие — на западе (Иран). Затем произошла смена династии, когда Садозаи уступили место Баракзаям, и те сумели утвердиться во власти несмотря на то, что часть Садозаев продолжала политическую борьбу и настаивала на своей большей легитимности по сравнению с Баракзаями. Ценой победы Баракзаев был распад не только Дурранийской империи, но и самого ядра афганского государства на ряд территорий, управлявшихся отдельными независимыми правителями.

Случай Дост Мухаммад-хана показывает, какое значение для создания «подлинной» или «признанной» легитимности играли военные победы и безуспеш-

ные усилия по централизации власти, с одной стороны, и удачные или неудачные дипломатические решения — с другой. Военные и дипломатические стратегии Дост Мухаммад-хана в итоге помогли ему не только удержаться у власти на долгое время, но и объединить страну, получившую название Афганистан. Случай Шаха Шуджа — его первый приход к власти на гребне антишиитского восстания 1803 г. в Кабуле, его первый договор с британцами в 1809 г., потеря власти, изгнание в Индию и дальнейшие попытки вернуть себе трон с помощью британской поддержки — является важным примером внешней легитимизации власти. Одновременно Шах Шуджа пытался задействовать и другие рычаги легитимизации, набирая себе сторонников среди ханов паштунских племен, недовольных правлением Баракзаев, проявляя себя защитником религии и провозглашая себя подлинным наследником Ахмад-шаха (внуком которого он действительно был). Однако активность Шаха Шуджа вызывала резистентность среди местных племен, которые не воспринимали внешнюю легитимизацию как основу для подлинной легитимности.

Анализ персоязычных и англоязычных источников о легитимности власти в Афганистане помогает понять, как различные внешние силы и внутренние племенные альянсы определяли, кто был «легитимным» правителем, а кто — узурпатором. Важным является то, как афганские источники отражают представления о власти: для местных правителей и племен легитимность часто определялась не только внешними признаками (например, поддержкой Британии) или принадлежностью к известной династии, но и способностью правителя обеспечивать мир и порядок внутри страны. Анализ дискурсов о легитимности помогает понять, как формировались политические структуры в афганском государстве в исследуемый период, что, в свою очередь, хотя бы частично объясняет причины политической нестабильности и многолетних конфликтов в регионе. В «вечно нестабильном» Афганистане легитимность власти оказывается важным фактором удержания власти либо потери контроля над территориями, особенно в условиях борьбы с внешними державами и перманентных внутренних конфликтов между отдельными этническими и религиозными группами.

Дроздов В. А. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

Рассказы о мистической любви в поэмах персидского поэта Фарид ад-Дина 'Аттара

Уже в первые века ислама суровые мусульманские законоведы запрещали чувственную поэзию, менее суровые разрешали ее при условии, что она не относится к некоему определенному человеку, но является отвлеченной. Этот последний запрет привел к тому, что образ возлюбленного в арабской и персидской поэзии обнаруживает слишком мало индивидуальных черт, но представляет собой лишь

общий идеальный тип красоты. В исламской мистике, где женские черты в представлении о Боге казались немислимыми, чаще, чем женский, появлялся мужской образ как символ для божества¹. Персидская любовная поэзия уже в средние века объяснялась комментаторами как символическое выражение любви к Богу. И даже чувственность возлюбленного толковалась в определенных религиозных понятиях, причем доходило до того, что обычную чувственную любовь мистики ошибочно толковали как религиозную. Но с другой стороны, для суфийских поэтов возможность мистического толкования принесла пользу, ибо они могли под видом отыскания суфийского смысла маскировать свои чувственные переживания². В эпической поэзии персидского поэта-суфия Фарид ад-Дина 'Аттара (ум. 617/1220 или 632/1234) небесная и земная любовь строго разъединены, но в своих мистических рассказах он часто объясняет душевные состояния и способы переживания любящих Бога вместе с соответствующими переживаниями земных влюбленных. В исламской мистике имелаась очень тесная связь небесной и земной любви. Так, в поэме 'Аттара *«Илахи-наме»* («Божественная книга») приводится рассказ о том, что нужно иметь силы, чтобы выдержать близость божественного возлюбленного:

Некий офицер влюбляется в красивого царского сына. Когда царевич отправляется со своим отцом во главе войска против неприятеля, этот офицер получает лошадь и присоединяется к войску только для того, чтобы иметь возможность смотреть на царевича. Однако войско царевича терпит поражение, сам царевич взят в плен, и влюбленный офицер также попадает в плен вместе с царевичем. Оба они сидят в цепях, офицер прислуживает царевичу и в конце концов признается ему в любви и объясняет, почему он добровольно пошел на войну вместе с войском царевича. Влюбленный офицер стремится быть вместе с царевичем и молит Бога, чтобы плен продолжался как можно дольше, однако вскоре царь заключает мир со своим неприятелем. По договоренности, царевич должен жениться на дочери своего прежнего противника. Сорок дней продолжаются свадебные торжества, после чего царевич вспоминает о своем влюбленном и приказывает вызвать его. Приблизившись к царевичу, влюбленный офицер лишился чувств. Придя в себя, он ответил на вопрос царевича, что с ним случилось: «В той тюрьме я не до конца осознавал, кто ты на самом деле. Теперь же, после сорокадневной разлуки, когда ты появляешься в таком великолепии, я не имею сил вынести твоего вида» (*Илахи-наме*, глава 4, рассказ 4)³.

Смерть для влюбленного мистика не страшна. Вместо страха смерти появляется страстное желание смерти и радость:

Влюбленный находится при смерти и смеется. Кто-то спрашивает его: «Что ты смеешься в то время, когда ты должен плакать?» Умиравший отвечает: «Я — влюбленный, который пребывает с Возлюбленным. Я — как раннее утро, смеющееся из-за того, что оно несет в себе солнце. Я ношу солнце в своей груди, день пришел

¹ См.: Ritter H. *Das Meer der Seele. Mensch, Welt und Gott...* Leiden, 1955. S. 443.

² Ibid. S. 444.

³ 'Аттар. *Илахи-наме* (Божественная книга). Изд. Х. Риттер. Стамбул, 1940. С. 80–85.

ко мне, а ночь исчезла, мой Возлюбленный пришел, и повсюду есть только Бог» (*Мусибат-наме*, глава 10, рассказ 2)¹.

Однако любовь Бога не может рассматриваться параллельно с человеческой любовью, так как Бог выше человеческих аффектов, выше чувственного счастья, которое человек ощущает вблизи возлюбленного. О любви Бога речь может идти лишь в том смысле, как говорят о царе, приблизившем к себе раба, к которому он благосклонен и который из-за своих превосходных качеств достоин этой привилегии. 'Аттар рассказывает:

Некий суфий во время остановки каравана видит красивую царевну, влюбляется и сильно смущается. Царевна, заметив его состояние, зовет его к себе и спрашивает, чем вызвано его смущение. Он признается ей в любви. Тогда она говорит: «Возможно, что я красива, но если бы ты мог увидеть мою сестру! Она обладает совершенной красотой, которую любят суфии. Обернись назад, она проходит сейчас позади меня». Когда суфий обернулся, царевна велела отсечь ему голову (*Мусибат-наме*, глава 26, рассказ 1)².

Влюбленный не может и не смеет спать:

Некий влюбленный спит на земле. Его возлюбленный проходит мимо. Когда он видит, что влюбленный спит, он пишет записку и прикрепляет ее к подушке спящего. Когда спящий просыпается, он находит записку и в ней следующие слова: «Если ты торговец, то вставай и работай, чтобы зарабатывать деньги; если ты аскет, то бодрствуй и молись. Однако, если ты влюбленный, то стыдись и не говори о любви ко мне. Влюбленный, который спит, возможно, и влюблен, но только сам в себя. Ты — пустомеля, говорящий о любви и ничего не знающий о ней. Спи хорошо! Ты — недостойный!» (*Байан-и вади-йи ма 'рифат* («Объяснение долины мистического познания»), рассказ 2)³.

Многочисленные рассказы из суфийских поэм 'Аттара представляют богатый материал для понимания суфийского учения XII–XIII вв., но также в художественной форме символически показывают и различные аспекты религиозной любви мистиков к Богу.

Каверин С. И. (Российско-Армянский университет, Ереван, Армения)

Книжные и рукописные источники по языкам и этнографии нуристанцев

Исламизация Восточного Гиндукуша продолжалась около 1000 лет, и лишь смутные тени прошлого остаются в горных долинах после того, как этот регион

¹ 'Аттар Фарид ад-Дин. *Мусибат-наме* (Книга мучения). Тегеран, 1338/1959. С. 133–134.

² Там же. С. 242–244.

³ 'Аттар-и Нишабури Фарид ад-Дин Мухаммад. *Мантик ат-тайр* («Язык птиц»). 10-е изд. Тегеран, 1374/1995. С. 196–197.

шагнул в XXI век. Отходя от крупных религий и локальных культов, селяне и горожане во многом сохраняли привычную материальную культуру и только крупницы прежней духовной. На сегодняшний день здесь осталось достаточно работы лингвистам и антропологам различного профиля, но «пища» для классической этнографии уже довольно скудна. Давняя смена религии не всегда означает полное забвение древней культуры: так, например, народы памирской ареальной группы до сих пор не исчерпали потенциал новизны для изучения. Критичнее не срок, а глубина проникновения культуры новой.

В настоящее время географически обособленная территория на западе бывшего Кафиристана, лежащая к югу через хребет от ареала проживания памирцев, известна как афганская провинция Нуристан. Ее население помимо языкового своеобразия и традиционных хозяйственных практик и, отчасти, социальных структур смогло сохранить отдельные суеверия и некоторый объем устной литературы. И хотя ислам проник в уклад жизни нуристанцев уже глубоко, относительно небольшой срок в 130 лет оставляет надежду на возможность получения новых и неизвестных сведений от наших непосредственных современников. Опуская контакты колониальной эпохи, отметим, что современная наука оперирует сведениями западных исследователей, собранными за последние 100 лет, большей частью в кратком, но ярком 30-летнем интервале экспедиций 1948–1977 гг.

Последующее обострение социальных и политических проблем в афганском обществе, вылившееся в вооруженное противостояние официальной власти и многоликой непримиримой оппозиции, свело возможности полевой работы в провинциях Афганистана к минимуму. В то же время культурную и научную эстафету от коллег из СССР и стран Запада в столичном Кабуле переняли новые поколения национальной интеллигенции, включившей в себя некоторое число представителей малых «братских» народов. В настоящее время доступны десятки книг на пашто и дари авторства подобных публицистов, академических специалистов и просто образованных людей из числа нуристанцев, пашаи и других горских народов (гавар, парачи, ормутов, памирцев). Это сборники устного народного творчества, биографий известных соплеменников, собственных стихов, также этнографические описания, словари разного качества и характера, изредка грамматические труды. По причине языкового барьера данная литература проигнорирована зарубежным ученым сообществом. Мало востребована она и среди соплеменников и едва ли интересна другим афганцам. Сегодня подобные книги чаще издаются за счет иностранных фондов, реже — на средства самого автора либо Академии наук Афганистана.

Наиболее плодотворные авторы из числа нуристанцев, журналисты по образованию, Самиулла Тоза (кальша) и Сулейман Сунаро (катэ) большую часть жизни проживают в Кабуле и посещали родные долины едва ли раз в десятилетие. В отрыве от сельской этнической среды им тем не менее удалось реализовать свои нематериальные потребности через описание и осмысление родной, но уже

далекой культуры. Феномен писательства и учености в данной этнической среде проявился у поколения гуманитариев, родившихся на рубеже 1940–1950-х гг. Также значимое наследие смогли оставить их старшие современники, получившие военное образование, — Мухаммад Сафар Вакил Гарзай, Мухаммад Акбар Шурмоч и другие. Сегодня молодое поколение «племенной» интеллигенции представлено в среде публицистов и академических исследователей минимально, публикуется редко, а в эмиграции тоже предпочитает научному творчеству семейную рутину.

Особенно любопытно, что феномен писательства и учености также затронул и сельскую среду, где некоторые муллы и учителя занимались составлением рукописей различного характера. В середине 1960-х гг. Кази Гуламулла по европейскому заказу изложил на языке пашто грамматику и словарь своего родного наречия камвири. В те же «золотые» для науки годы переводчиком советской геологической партии на востоке Афганистана был ленинградский лингвист А. Л. Грюнберг, за десятилетия собравший внушительный архив полевых материалов по индоиранским языкам региона (в том числе в среде столичной интеллигенции). Спустя 60 лет, двигаясь по сходному маршруту, в 2023 и 2024 г. московский этнограф С. И. Каверин плодотворно провел полевую работу во всех трех частях афганской провинции Нуристан (запад, центр, восток). Помимо приобретения в Кабуле более сотни печатных изданий по языкам и культуре малочисленных индоиранских народов исследователю удалось сделать копии перечисленных ниже рукописных материалов. Язык их изложения — персидский (дари) с вставками на нуристанских идиомах.

1. Мулла Абдурразак (катэ, с. Гезин, дол. Рамгэл, Зап. Нуристан). *Silsila-i nasab-nama-i Nuristan*. Сборник сведений по генеалогии, изданный предположительно в 1990-х гг. факсимильным способом в Пешаваре. 32 стр., обильные маргиналии ручкой.

2. Генерал Наби Юш (катэ, с. Беркенар, дол. Нилау, Зап. Нуристан). Сборник сведений по географии, генеалогии. Образцы фольклора. Словарь. 79 стр.

3. Кази Хасан (катэ, дол. Нилау, Зап. Нуристан). Сборник легенд, преданий, сведений по истории, генеалогии, этнографии. Словарь, 2 журн. (315 стр.), плакат.

4. Учитель Ахтар Мухаммад (кальша, с. Варамдеш, дол. Вайгал, Центр. Нуристан). Сборник сведений по этнографии, генеалогии. Образцы фольклора. 2 журн. (200 стр.).

5. Учитель Вазир-шах Шахин (васи, с. Куштеки, дол. Парун, Центр. Нуристан). Дипломная работа (2019). Сведения по этнографии. Образцы фольклора. 40 стр.

Теперь стало возможным вводить в научный оборот неизданные рукописные источники по языкам и этнографии нуристанцев. Требуются набор, перевод, редактирование, комментирование, издание и дальнейшее исследование данных материалов. Того же давно требуют полевые материалы А. Л. Грюнберга. По афганским книжным изданиям на языках дари и пашто необходимо составить рефераты.

*Копанева Д. Д., Красуцкий С. А. (Институт истории СПбГУ,
Санкт-Петербург)*

История восстания Степана Разина в документах на персидском языке из дела Ф. 77 РГАДА 1671.2¹

В истории Российского государства XVII в. значительное место занимает восстание под предводительством донского казака Степана Тимофеевича Разина, привлечшее колоссальное внимание современников и потомков и получившее ярчайшее отражение в культуре и исторической памяти. Одной из самых не изученных страниц, касающихся жизни и деятельности С. Т. Разина, является его Персидский поход 1668–1669 гг. В ходе него разинцы напали и разграбили многие населенные пункты на побережье Каспийского моря. Это явление в целом не было уникальным, практика подобных походов была распространена у казаков и ранее². Однако именно данный поход во многом стал своеобразным прологом и поводом к дальнейшим событиям, связанным с будущим восстанием. События Персидского похода Разина, без сомнения, отразились и на русско-персидских отношениях, но масштаб этого влияния до конца не изучен³.

Как отмечалось в литературе, слабая изученность событий Персидского похода проистекает из скудности и противоречивости материалов русского происхождения, которую могли бы в случае опубликования компенсировать материалы персидской стороны⁴. Стоит также отметить, что урон, нанесенный Разиным и его казаками иранцам не ограничивался рамками обозначенного похода: так, например, персидские подданные сильно пострадали при взятии войсками Разина Астрахани в 1670 г., а также при нападении разинцев в предшествующий период, что в дальнейшем отразилось в многократно подаваемых ими челобитных на имя царя Алексея Михайловича и иных документах, которые также до сих пор не становились предметом отдельного исследования.

Эти документы сохранились в том числе в составе фонда 77 РГАДА «Сношения России с Персией». В настоящем докладе предлагается обратить внимание на дело № 1671.2, сохранившееся в составе указанного фонда. Данное дело содержит столбцы с информацией о приезде в Москву персидского посланника Мохаммада Йусеф-бека и данные ему русской стороной ответы по поводу убыт-

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-78-10037, <https://rscf.ru/project/23-78-10037/>.

² Шорохов В. А., Копанева Д. Д. Из истории «воровских» казаков Прикаспия в первой трети XVII в.: материалы допроса Герасима Степанова и Пронки Микифорова // *Клио*. 2021. № 5(173). С. 20–25. DOI 10.51676/2070–9773_2021_05_20.

³ Кораев Т. К. Московская Русь и Сафавидский Иран в Прикаспии XVI–XVII вв: Соседство, соперничество, сосуществование // *Исторический вестник*. 2015. № 11(158). С. 154–199.

⁴ Иностранные известия о восстании Степана Разина / под ред. А. Г. Манькова. Л.: Наука, 1975. С. 152.

ков, понесенных иранцами от набегов Разина. Указанное дело примечательно тем, что кроме русскоязычных документов оно содержит несколько текстов на персидском языке, как с переводами XVII в., так и без переводов. Несмотря на то, что некоторые материалы из указанного дела были опубликованы в составе четырехтомного издания «Крестьянская война под предводительством С. Т. Разина», изданного во второй половине XX в., исследование именно персоязычных текстов из состава данного дела не проводилось. В этой связи предлагается дать их краткий анализ.

Большая часть персидских документов в составе дела представляет собой челобитные, поданные иранцами царю Алексею Михайловичу в связи с убытками, понесенными ими от действий разинцев. Персидская сторона активно настаивала на возмещении ущерба. Особое внимание привлекает письмо иранского посланника Мохаммада Йусеф-бека главе посольского приказа Артамону Матвееву, представленное на л. 143–159. Известно, что Мохаммад Йусеф-бек, по его словам, был направлен в Москву в качестве посла, но по дороге, в Астрахани, был ограблен разинцами, которые в том числе отняли у него шахову грамоту¹. По причине отсутствия подтверждающего документа царь Алексей Михайлович отказывался принимать его в качестве посла, велел в том числе выдавать ему корм именно как посланнику². Также царь отказался возмещать понесенные персидской стороной убытки, так как настаивал на том, что восстание С. Т. Разина не состоялось бы вовсе, если бы шах задержал мятежного атамана на своей территории и передал русским властям, как они того просили³.

Указанное письмо была направлено царю уже после получения данного отказа. В тексте Мохаммад Йусеф-бек еще раз обстоятельно рассказывает о грабеже, устроенном казаками, о событиях восстания, о пленении, а также вторично просит содействовать возвращению награбленного. Он указывает на несправедливость обвинений в сторону иранцев в том, что они невольно способствовали восстанию, отмечая при этом, что в Астрахани С. Т. Разин (которого один раз он даже называет незаконнорожденной собакой) и вовсе встречал прямую поддержку со стороны русских представителей власти. Примечателен и тот факт, что почти каждый раз слово «казаки» сопровождается эпитетом *šūm* («злосчастный, приносящий несчастье»). Список данного письма из другого дела за 1673 г. был частично опубликован в вышеуказанном четырехтомном издании в переводе XVII в., однако к настоящему моменту его современного перевода, как и перевода иных персоязычных документов из состава дела не выполнялось. Данный перевод, как и последующий источниковедческий анализ этих документов, представляется актуальным и планируется к выполнению.

¹ Крестьянская война под предводительством Степана Разина. Сборник документов. М., 1962. Т. 3. С. 308.

² Там же. С. 301.

³ Там же. С. 314.

*Мамедли П. Г. (Институт литературы им. Низами Гянджеви
НАН Азербайджана, Баку)*

Роль прессы Южного Азербайджана в сохранении родного языка

В XIX–XX вв. азербайджанские тюрки не только в Южном Азербайджане, но и по всему Ирану привнесли значительные новшества в науку, просвещение и культуру, став ведущей силой в этих областях. Одним из достойных продолжателей дела Аббаса Мирзы был Мохаммад Хасан-хан Могоддам Этемад-ос-Салтане, общественный деятель, ученый-историк, считавшийся одной из прогрессивных личностей своего времени. Он внес неоценимый вклад в развитие просвещения, науки, книгопечатания и газетного дела в Иране и Южном Азербайджане.

В истории просвещения Южного Азербайджана и Ирана выдающимися личностями были Х. Рушдие, Дж. Бахчабан и М. Нахчивани. Х. Рушдие считается основателем первой школы нового типа в Иране, а Дж. Бахчабан — первым создателем детского сада и специальной школы для глухих и немых. Свою школу Х. Рушдие основал в Тебризе в 1888 г. Его важным вкладом в развитие просвещения в Иране было создание многочисленных учебников.

Прогрессивные и борющиеся за справедливость личности, которые хотели видеть свою страну управляемой демократическими законами, развитой во всех сферах и освобожденной от внешнего политического давления, объединялись в центры и тайные общества. Эти самоотверженные интеллектуалы основывали новые печатные органы, чтобы влиять на формирование и развитие общественного мнения среди народа.

Начиная с 1897 г. известные деятели Южного Азербайджана издавали газеты и журналы. Эти печатные органы освещали общественно-политическую ситуацию в стране, призывали народ к борьбе против колонизаторов и деспотизма, содействовали проведению реформ в стране и распространению передовых идей. В 1898 г. С. Ферахани стал издавать газету «Адаб» в Тебризе, а позднее, в 1905 г., выпустил в Баку персоязычное приложение к газете «Иршад», редактором которой был Ахмед-бек Агаев. За 14 лет до выхода журнала «Молла Насреддин», в 1892 г., в Тебризе уже существовал иллюстрированный сатирический печатный орган небольшого формата под названием «Шабнаме», издаваемый на азербайджанском языке и насыщенный новыми идеями. На его страницах затрагивались насущные социальные проблемы и публиковались острые статьи, критикующие недостатки существующего строя.

Редакторы газет, основатели школ нового типа и другие прогрессивно мыслящие личности, преодолевая административно-политические препятствия, способствовали образованию новых центров просвещения и культуры. Интеллектуалы, стремившиеся к прогрессу своей страны, в условиях отсутствия свободы слова также печатали свои газеты за рубежом и распространяли их в Иране и Южном

Азербайджане. Эти газеты, издававшиеся за границей, играли важную роль в ознакомлении масс с прогрессивными идеями того времени. В них публиковались статьи, обличавшие существующий абсолютистский режим, призывавшие к его замене на конституционный и проведению социальных реформ. В отличие от государственных газет, эти издания критиковали существующее положение в Иране и оказывали сильное влияние на общественное мнение.

В период Конституционной революции (Машруте) в Азербайджане издавалось около 50 газет и журналов. Газеты выходили не только в Тебризе, но и в таких городах, как Урмия, Ардебиль, Хамадан. В период революции Машруте, которой посвящены стихи бессмертного М. Э. Сабира, пресса действительно превратилась в зеркало общественно-политической и литературной жизни.

После Первой мировой войны в Иране и Южном Азербайджане произошли восстания. Шейх Мохаммад Хейабани, участвовавший в движении Машруте с юных лет и ставший одним из его лидеров, впоследствии добился создания первой демократической партии и установления демократического режима в Южном Азербайджане. В период с 1917 по 1921 г. в Южном Азербайджане издавалось более 20 различных печатных изданий. В своих статьях в газете «Теджеддуд», редактором которой он был, Ш. М. Хейабани освещал права азербайджанского народа и затрагивал вопросы независимости. Движение Ш. М. Хейабани и газета «Теджеддуд» внесли существенный вклад в развитие общественной мысли и литературы Южного Азербайджана.

В 1941 г. творческие интеллектуалы, прибывшие в Южный Азербайджан в составе советской армии, основали газету «Ветен йолунда». Материалы, публиковавшиеся в газете, отражали духовность, культуру, историю и литературу разделенного административно-политическими границами народа. Можно с уверенностью сказать, что в 1941–1946 гг. пробуждение национального духа и художественное отражение национального самосознания в Южном Азербайджане были тесно связаны с газетой «Ветен йолунда».

Газета «Азербайджан», будучи печатным органом Азербайджанской демократической партии, доносила ее цели и задачи до народа на простом азербайджанском языке.

В 1945 г. в Южном Азербайджане под руководством С. Д. Пишевари было создано национально-демократическое правительство. Именно это правительство восстановило право на национальную автономию Азербайджана в составе Ирана, создав условия для того, чтобы азербайджанцы могли говорить, писать и читать на своем родном языке. В те годы различные литературно-культурные и политические общества имели свои печатные органы.

После Иранской революции 1978–1979 гг. в Конституцию Ирана были включены статьи, закрепляющие право всех народов, проживающих в стране, в том числе азербайджанцев, получать начальное образование на родном языке, издавать на нем печатные органы и публиковать книги. Хотя не все положения закона были реализованы сразу и азербайджанский язык не нашел своего пути в систему

образования, в культурной жизни страны стали заметны некоторые достижения. В первые годы после революции начали издаваться десятки журналов и газет на азербайджанском языке. Однако большинство из них просуществовали недолго, а в 1982 г. были закрыты все печатные органы на азербайджанском языке, за исключением «Варлыг». Причины закрытия этих газет были связаны, с одной стороны, с нехваткой материально-технических ресурсов, а с другой — с тем, что на их страницах остро поднимались национально-политические и общественные проблемы.

Сложно не согласиться с мыслью, высказанной выдающимся иранским писателем Джалалом Але Ахмадом в 50–60-х гг. прошлого века. Он писал, что все кризисные ситуации в Южном Азербайджане возникали из-за языкового вопроса. Он отмечал, что в период, когда культура, образование, пресса и издание книг еще не были широко распространены в Иране, языковое многообразие не вызывало особых проблем. В начале 1920-х гг. правительство в Тегеране стремилось сделать все население страны одноязычным. Усилия были направлены фактически на полный запрет использования турецкого языка¹. Эта проницательная мысль остается актуальной и сегодня. В основе всех современных конфликтов между центральным правительством и Южным Азербайджаном главным образом лежит языковой вопрос.

Азербайджанские тюрки, которые на протяжении веков играли ключевую роль в укреплении и прогрессе Ирана не жалея своих жизней, и сегодня неустанно борются за свои права. В этом деле даже один-единственный номер каждого с трудом изданного печатного органа имеет большое политическое и культурное значение.

Масликов С. Ю. (МАН РАН (Кунсткамера), Санкт-Петербург)

О чем могут рассказать иранские астролябии

Считается, что средневековая арабская наука стала важным передаточным звеном между Древней Грецией и Европой. Большое количество древнегреческих трактатов дошло до нас только благодаря их арабским переводам. Взять хотя бы знаменитый астрономический труд «Альмагест», который известен с его арабским названием, но первоначально был написан Клавдием Птолемеем. То же самое случилось и с планисферными астролябиями. Этот универсальный инструмент решал много практических задач.

Общепризнано, что астролябия была изобретена в Древней Греции примерно в IV в. н. э.² Самые же ранние из сохранившихся астролябий — это арабские

¹ Mustafayev V. Cənubi Azərbaycanın milli şüur. Bakı, 1998. S. 56.

² Neugebauer O. The early history of the astrolabe // *Isis. A Journal of the History of Science Society*. 1949. V. 40. P. 240–256.

инструменты VIII в.¹ На протяжении нескольких последующих веков усилиями арабских мастеров астрольбии наполнялись новыми функциями. Изготовлением астрольбий занимались мастера, работавшие на обширной территории от Западной Индии до испанской Андалусии. Наибольшее количество астрольбий, дошедших до нас, относится к XVII–XVIII вв. Французский историк Анри Мишель выделил три группы арабских инструментов: испано-мавританские, персидские, индо-персидские².

В коллекциях российских музеев преобладает вторая группа — персидские астрольбии. Персидские астрольбии хранятся в Эрмитаже (С.-Петербург) — 8 экземпляров, в Кунсткамере (С.-Петербург) — 1 шт., в Музее Востока (Москва) — 3 шт. Еще по одной астрольбии можно найти в Российской национальной библиотеке (С.-Петербург)³, Национальном музее Республики Дагестан (Махачкала) и Тобольском историко-архитектурном музее-заповеднике⁴. В общей сложности это 15 инструментов⁵. Все инструменты оказались в российских музеях разными путями. Значительную их часть привезли в Россию из Ирана востоковеды, священнослужители или военные.

Персидские астрольбии считаются классическими. Они, как правило, имеют небольшой размер, представляя собой диск диаметром от 7,3 до 15,3 см. Таких у нас 11 штук. Три астрольбии большего размера — 17,1, 18,6 и 22 см — не предназначены для практического использования, так как достаточно тяжелы. Еще одна — деревянная астрольбия диаметром 43,5 см из Эрмитажа — явно подарочного исполнения⁶.

Что можно увидеть на поверхности персидской астрольбии?

В верхней части всех персидских астрольбий имеется достаточно большой конусообразный «трон», к нему крепятся подвес и кольцо. А сам трон богато украшен флористическими узорами, часто несет подпись мастера или какую-либо цитату из Корана. Только два инструмента из пятнадцати несут на себе собственно персидские надписи, на остальных содержатся только традиционные арабские надписи. Числовые шкалы подписаны, как правило, арабскими буквами по системе *абджад*.

Решетка, или «паук» астрольбии имеет замысловатую форму, среди ее декоративных элементов бывает сложно рассмотреть указатели звезд, которые нужны для

¹ King D. In synchrony with the Heavens. Vol. 2: Instruments of mass calculation. Brill, 2005. P. 364–370.

² Michel Henri. Treatise on the Astrolabe. Paris. 1992/2005. P. 143–149.

³ Масликов С. Ю. Уникальная астрольбия, хранящаяся в Российской национальной библиотеке // *Национальная библиотека*. 2023. № 4 (25). С. 42–49.

⁴ Белич И. В., Бустанов А. Астрольбия из Исфахана // *Реликвариум*. 2012. №3. С. 34–36.

⁵ Масликов С. Ю. Восточные астрольбии, хранящиеся в России // *Историко-астрономические исследования*. Вып. XLI. Воронеж: АртПринт, 2022. С. 115–133.

⁶ Maslikov S. Large Wooden Astrolabe from the State Hermitage Museum / *Bulletin of the Scientific Instrument Society*. No. 133 (June 2017). London. P. 2–12.

практической работы. Этих указателей на наших инструментах можно насчитать от 22 до 38.

Под пауком располагаются тимпаны — диски с линиями, рассчитанными для одной конкретной широты, где данный тимпан может использоваться. В комплекте может находиться от 4 до 8 тимпанов, соответственно 8–16 значений широты, поскольку тимпаны гравированы с обеих сторон. Если разобрать астролябию, вынуть паук и тимпаны, на доньшке корпуса можно увидеть таблицу городов. Каждая таблица может содержать широты и долготы от 34 до 83 пунктов. Больше всего их на большой деревянной астролябии — 94.

На обратной стороне астролябии изображено множество шкал — шкала синусов-косинусов, линии солнечных высот, линии направления на *киблу*, квадрат теней — шкала тангенсов и котангенсов, астрологические шкалы, упрощающие составление гороскопов.

Последний элемент астролябии — это алидада, поворачивающаяся вокруг центральной оси линейка с визирами. С ее помощью измеряется высота Солнца днем или звезд ночью. Но можно использовать ее и для наземных геодезических измерений (например, определение высоты недоступной башни).

Иранские мастера долгое время были законодателями моды в оформлении астролябий. Они сделали их поистине великолепными. Растительными узорами и изысканными шрифтами украшались все доступные поверхности — трон, его лицевая и оборотная стороны, паук, тимпаны, астрологические шкалы, алидада. Даже боковую поверхность астролябии использовали для нанесения мусульманских молитв или перечисления шиитских святых.

На всем протяжении истории изготовлением астролябий часто занимались не отдельные мастера, а члены семейных династий. Классическим примером являются династии мастеров Исфахана. К более ранней династии относятся Мухаммад Махди (работал между 1649 и 1659 гг.) и Мухаммад Амин (он автор двух сохранившихся астролябий 1675 и 1685 гг.). К более поздней группе, явно связанной родственными узами, относятся Абд ал-Али (сохранилось 7 его астролябий 1707–1714 гг.), Абд ал-А'имма (около 30 астролябий 1688–1720 гг.), Мухаммад Халил (не менее 31 астролябии с 1682 по 1707 г.), Мухаммад Бакир Исфахани¹. Работы некоторых из перечисленных мастеров представлены в российских музеях.

Итак, о чем же могут рассказать нам хранящиеся в музеях астролябии? Они доносят до нас названия и координаты некоторых не сохранившихся населенных пунктов, помогают уточнить меры измерения, использовавшиеся в прежние времена², демонстрируют мастерство людей, занимавшихся их изготовлением, как в художественном отношении, так и в точности исполнения. Иранские астролябии показывают нам разделение труда, сложившееся в Исфахане уже в XVII в., косвенно указывают на источники астрономических и географических сведений,

¹ Mayer L. A. Islamic astrolabists and their works. 1952.

² Масликов С. Ю. О чем поведала астролябия VP-856 и как цифровые карты помогли заглянуть в прошлое // *Наука и жизнь*. 2021. № 2. С. 56–63.

которыми пользовались мастера. Посвящения на их поверхности могут доносить до нас имена высокопоставленных пользователей этих инструментов.

Изучение такой многоплановой информации наиболее эффективно может проходить в сотрудничестве исследователей разных специальностей.

Мисакян Г. А. (ФВКИ, Ереванский государственный университет, Ереван)

Концепция «Ираншахризма» в иранских СМИ

Понятие «Ираншахризм» (перс. *mafhum-e irānshahri*) лежит в основе одной из современных теоретико-идеологических концепций, которая имеет большую популярность среди иранской интеллигенции, в университетских кругах, а также среди некоторых государственных и политических деятелей Ирана.

Эта концепция, основанная на теоретических работах профессора Джавада Табатабаи, представляет собой своего рода философский и политологический подход, целью которого является создание новой жизнеспособной идеологической модели, основанной на историческом прошлом Ирана, но в то же время ориентированной на будущее общественно-политическое развитие и задачи региональной политики Иранского государства. Концепция является синтезом социальных, политических, культурных и этических идей доисламского периода истории иранского общества и различных периодов исламского Ирана. Ее можно считать одним из направлений в философской мысли современного Ирана. В этой концепции иранский национализм выведен за рамки этноконфессиональной идеологии Новейшего времени и представлен как основанный на древнем культурно-историческом и идейно-политическом наследии иранской цивилизации, тесно связанном с понятием иранской идентичности.

В условиях глобализации, несущей в себе угрозу для сохранения иранского самосознания, данная концепция представляется как пример сохранения и преемственности иранской идентичности на протяжении длительного исторического периода, а также как инструмент противостояния вызовам времени. Историческая идентичность «ираншахризма» сопоставляется определенной частью научной и общественной элиты современного Ирана с постоянно меняющимися реалиями в стране и мире в целом и воспринимается как идейная основа желаемого сценария вероятных изменений в условиях социального кризиса.

Некоторые иранские интеллектуалы рассматривают «ираншахризм» как альтернативную перспективу, охватывающую различные аспекты «иранского будущего» и механизмов управления. «Ираншахризм» имеет как теоретическую, так и практическую сторону и важен в силу того, что у него есть последователи в административно-политических кругах Ирана среди лиц, осуществляющих непосредственное руководство страной. Особого внимания заслуживают публич-

ные ссылки действующих и бывших должностных лиц Исламской Республики Иран на концепцию «ираншахризма» как на механизм регулирования внешней и внутренней политики страны. Дебаты, происходящие в иранском обществе между последователями и противниками Джавада Табатабаи, свидетельствуют о том, что концепция «ираншахризма» стала одной из актуальных тем социально-политического дискурса.

Динамичное развитие концепции подтверждается также все более частыми откликами на ее различные аспекты в зарубежном академическом сообществе. Международное признание концепции сформировало в Иране не столь открытое, но весьма активное движение, которое в публичном пространстве стало называться «Движение ираншахристов». По многим причинам изучение концепции «ираншахризма» является чрезвычайно актуальным для иранистики и более широких исследований современных социально-политических процессов в Иране.

Данное исследование основано на материалах, собранных в результате изучения иранских СМИ, включая официальную периодику и контент социальных сетей. Предметом анализа были публикации, касающиеся различных политических течений в Иране и отражающие мнения представителей иранской интеллигенции. В докладе будут освещены основные идеи, сформированные иранской научной элитой в публичном пространстве и социальных сетях в рамках дискуссий о концепции «ираншахризма» за последние два десятилетия.

Целью исследования является выявление динамики развития концепции «ираншахризма» в средствах массовой информации Ирана и публичных выступлениях сторонников этой концепции, оценка ее социальных и политических перспектив, характеристика ее теоретического и практического значения как нового переосмысления исторического опыта иранской государственности и идеологии преодоления будущих социально-политических вызовов.

Мичанович С.-А. (ИБР РАН, Санкт-Петербург)

Числа в зороастризме (по тексту «Избранное Задспрама»)

Пехлевийский текст зороастрийского богословского сочинения «Избранное Задспрама» (*Wizīdagīhā-ī Zādspram*) был составлен зороастрийским жрецом и богословом Задспрамом в IX в. н. э. Помимо «Антологии» Задспрам написал трактат «Книга перечисления рас», который не сохранился, но, должно быть, содержал описание видов животных в манере, найденной в Дамдад-наске. Издание текста «Избранного Задспрама» Жинью и Тафаззоли¹ основано на копенгагенской рукописи K35 (л. 233v–254r, XVI в.) и на издании Анклесарии, основанном на трех

¹ Zādspram. *Wizīdagīhā ī Zādspram*. Ed. and tr. with commentary, Ph. Gignoux and A. Tafazzoli (Tafazzoli) as *Anthologie de Zādspram*. Paris, 1993.

рукописях (K35, BK и TD). Все эти рукописи неполные, о чем свидетельствует большой пробел в конце главы 35. BK — старая копия K35, и содержит части, отсутствующие в последней. Возможно, и TD, и K35 происходят от одной и той же оригинальной версии. Текст сочинения «Избранное Задспрама» написан на среднеперсидском языке в прозе и содержит тридцать пять глав, которые обычно делят на три или четыре части по темам.

Итальянский исследователь Энрико Дж. Рафаэлли в своей статье¹ о зороастрийской астрологии отмечает, что числа в первую очередь являются мифологическими, а только потом астрологическими, так как в мифах они фигурируют гораздо чаще, чем в астрологических и астрономических пассажах пехлевийских сочинений. В сочинении «Избранного» встречается много разных чисел: 2, 3, 4, 5, 10, 30, 57 и др. Многие из них повторяются, поэтому есть необходимость проанализировать зороастрийские числовые концепции.

Также разнообразные числа фигурируют в главах, посвященных жизнеописанию пророка Заратуштры. Например, 30 лет — возраст получения пророком откровения от Бога, а 57 лет — срок распространения религии по семи *кешварам* (областям мира). Кроме того, числа используются в классификации растений, например, мифический бык имел растительную сущность, и из него произошло 57 видов злаков и 12 видов лекарственных растений (3.43).

Число 57 встречается в истории пророка Заратуштры и в описании эпохи Обновления, которую завершит праведник Сошйанс. 57 слов молитвы, называемой Эрман, — это 24 слова молитвы божеству Эрману, 12 слов — молитва ашемвоху и 21 слово — молитва, произносимая во время религиозной службы Эрману (28.7). Таким образом, число из категории мифологии и богословия переходит в литургию.

Однако чаще всего в иранских мифах встречается цифра 7 и число 12. Цифра «семь» прочно закрепилась в представлении древних иранцев о географическом строении мира. *Хафт кешвар* («семь стран») — географическое деление мира в иранской традиции. Древние иранцы создали упорядоченную картину мира, представляя его огромным, круглым, окруженным высокими горами и состоящим из семи частей, каждой из которых присвоено название. В третьей главе Задспрама описывает историю нападения демона Ахремана на разные творения Ормазда. Третьим объектом атаки демона стала земля, которая после этого разделилась на семь частей: «...вода в море (разрывала) землю понемногу снизу на семь частей. Так что, когда земля после дождя <...> была разорвана в разных местах, часть, равная половине всей земли, была сломана посередине, другая вокруг (нее) половина была сломана на шесть равных частей» (3.33). Названия всех семи *кешваров* звучат следующим образом: Савах (восток), Фрададафш и Видадафш (юг), Арзах (запад), Ворубаршт и Ворузаршт (север), Хванирас (центр).

Совершенно другим примером использования цифры 7 является описание Задспрамом физиологии человеческого организма и его психологического

¹ Raffaelli E. G., Astrology and religion in the Zoroastrian Pahlavi texts // *Journal Asiatique*. 2017. 305.2.

мышления. С помощью определенного количества уровней сознания, или так называемых «сущностей», зороастрийский богослов и жрец Задспрам объясняет человеческую психологию и строение души человека. Также 7 ассоциируется в иранской мифологии с Бессмертными Святыми — Амахраспандами. Это божества, стоящие наравне с верховным Ахура-Маздой и покровительствующие разным аспектам природы. Сам Ахура-Мазда (среднеперс. Ормазд) является главным амахраспандом и вместе с другими шестью составляют божественную семерку. На примере амахраспандов важно отметить, что числа, несмотря на их первоначальную мифологическую характеристику, сохраняются при формировании божественного пантеона и переходят в зороастрийские религиозные концепции. Таким образом, мифические представления зороастрийцев логически перетекают в формирование строго регламентированного ритуала, и каждому амахраспанду соответствует какая-либо часть зороастрийской церемонии.

Число 12, как и цифра 7, является многозначным символом и может быть охарактеризовано как астрологическое, мифологическое и метафизическое число. Например, Задспрам «делит» человеческую душу на 12 форм и знаков. Душа, которая хранит хорошее в человеке, разделяется на двенадцать форм и знаков, которые являются формой человека (29.49).

При описании ухода человеческой души в иные миры после смерти в этом мире Задспрам отмечает: «Затем эти двенадцать духов соединятся в одну силу» (30.53). Можно предположить, что под двенадцатью духами подразумеваются вышеупомянутые двенадцать форм и знаков души, и после смерти человека они продолжают какую-то общую деятельность, в ходе которой душа продолжает оставаться живой и переносится в другие миры (например, в ад или рай).

Таким образом, при изучении «Избранного Задспрама» можно представить зороастрийскую картину мира и определить числовые теории в зороастризме. Данное религиозное сочинение пестрит мифологическими примерами использования самых различных чисел, которые, очевидно, играли большую роль в зороастрийской религии.

Павлова И. К. (СПбГУПТД, Санкт-Петербург)

Парадигма жизни современной женщины в Исламской Республике Иран

Антимонархические выступления в Иране в 1978–1979 гг., приведшие к образованию Исламского государства, охватили широкие слои населения всей страны. Активное участие в митингах против шахского режима приняли и иранские женщины, выступавшие за отмену ряда устаревших, по их взглядам, положений. Так, в те дни в Тегеране был создан Революционный союз борющихся женщин.

Члены этой организации неоднократно выходили на улицы столицы с протестами за улучшение своего положения в обществе. Они требовали равного права с мужчинами на развод, получение достойных должностей на работе, отмены раздельного обучения в высших учебных заведениях и выдвигали ряд других лозунгов¹. Выступления женщин вызывали негативную реакцию у мужского населения страны. Ответом на требования женщин стало выступление по радио духовного лидера революционного движения Аятоллы Хомейни. Последний был вынужден в прямом эфире дать некоторые разъяснения по поводу прав женщин при разводе супругов.

Несмотря на то, что в большинстве случаев женские митинги, проходившие в период смены власти, были разогнаны, все же они имели свой положительный результат. В новой Конституции Исламской Республики Иран (ИРИ), принятой 15 ноября 1979 г., были выделены специальные статьи (№ 3, 10, 20, 21), в которых оговаривались способы реализации прав женщин и об их защите со стороны государства².

Спустя тринадцать лет, 1 августа 1992 г. Маджлис Исламского совета определил ряд профессий, одобренных шариатом, которыми могут заниматься женщины. К ним относятся: социальное обеспечение, акушерское дело, литературная и переводческая деятельность, секретарская работа, наука, культура и искусство³. Примерно через год, в 1993 г., Высший совет культурной революции ИРИ принял еще несколько новых решений, отменив ограничения, касающиеся занятости женщин в отраслях промышленности и в сельском хозяйстве⁴. С 2006 г. права иранских женщин еще более расширились. Теперь они могли участвовать в социально-политических делах страны, заниматься законотворчеством и управлением государством, а также осуществлять культурные связи на национальном и международном уровнях⁵.

В то же время нельзя не отметить, что в современном Иране высоко ценятся устои и обычаи традиционной семьи, где женщина должна выполнять материнские обязанности и оставаться хранительницей семейного очага. В связи с этим, согласно постановлению Маджлиса, женщины в государственных учреждениях имеют право работать на полставки, т. е. неполный рабочий день, с тем чтобы иметь время для ведения домашних дел.

¹ Агаев С. Л. Иран: Рождение республики. М.: Издательство политической литературы, 1984. С. 280.

² Иманипур М. Права женщины в Конституции Ирана // *Ирано-Славика*. 2004. № 3–4. С. 74–77; Конституция ИРИ. URL: http://www.cisemo.net/sites/default/files/imagesince/constitution_of_iran (дата обращения: 07.01.2025).

³ Фархуджаста Х. Семья в Иране. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2009. С. 113.

⁴ Михрпур Х. Права человека в международных документах и положение Исламской Республики Иран. Тегеран: Иттила'ат, 1374/1995. С. 170.

⁵ Соболева А. С. Женщины России и Ирана объединились // *Ирано-Славика*. 2008. № 1 (15). С. 66–68.

К настоящему моменту Исламская Республика Иран присоединилась к резолюции Генеральной Ассамблеи ООН, запрещающей все виды дискриминации женщин.

Таким образом, вышеперечисленные постановления ИРИ укрепили статус иранской женщины в стране, расширили ее права как полноправного члена современного общества, предоставили возможность создавать новые направления в различных областях жизни.

После Исламской революции и принятия новых законодательных норм произошло качественное изменение в жизни иранских женщин. Прежде всего возникли новые фонды и общественные организации, занимающиеся женскими вопросами. У женщин появилась возможность издавать свои журналы (например, широко известный и популярный журнал «Под чадрой»), участвовать в международных конкурсах и фестивалях. Здесь следует сказать о деятельности «Женского русско-иранского общества дружбы и культурных связей», созданного в Москве в 2008 г. Эта организация появилась по инициативе госпожи Шахин-Ансари, супруги Чрезвычайного и Полномочного Посла ИРИ в РФ.

Женщины стали активно участвовать в музыкальной жизни страны. К концу XX в. в Иране насчитывалось уже 13 женских хоров, выступавших перед многими аудиториями. В настоящее время в стране существуют сотни профессиональных художественных объединений, где трудятся девушки и женщины. В 2003 г. в Москве прошла выставка современной иранской миниатюры и каллиграфии. Эта экспозиция включала работы известных художниц Солины Пурии и Хенгаме Садри. Их участие в этой выставке явилось ярким примером возрастающей роли женщин Ирана в общественной жизни страны¹.

Заметную роль в развитие современной иранской литературы вносят женщины-писательницы. Среди них можно назвать Сару Эрфани, Симин Бехбахани, Голи Тарагги, чьи произведения переведены на русский язык².

Женская тематика отражена также и во многих иранских художественных фильмах, вызывающих большой интерес в европейских странах. Один из них — «Коммивояжер», вышедший на экран в 2016 г., был представлен на Каннском кинофестивале и награжден премией Оскар.

Иранские женщины принимают активное участие в международных спортивных соревнованиях. В марте 2024 г. они завоевали кубок Азии и Океании на международном женском турнире по хоккею с шайбой, победив своих соперниц из ОАЭ, Кыргызстана, Индии³.

Приведем также статистику. По данным января 2025 г., в стране проживает 92 039 092 чел. Из них мужское население составляет 50,7 и 49,3 % — женское.

¹ Зимин Д. Окно в волшебный мир иранского искусства // *Иран сегодня*. 2003. № 1. С.31–32.

² Иранский калейдоскоп. Сборник современной иранской прозы // под ред. А. П. Андриюшкина. СПб.: «Светоч», 2005. С. 361–392.

³ Российское информационное агентство. URL: <http://www.iran.ru. news> 3 (дата обращения: 09.01.2025).

Согласно отчету Всемирного форума, Иран входит в пятерку стран с самым низким показателем гендерного разрыва в мире¹.

Отдадим должное тому, что в настоящее время в Иране существуют некоторые ограничения относительно положения женщин, однако вышеперечисленные примеры позволяют говорить об их успешной деятельности в различных областях жизни своего государства, о высоком потенциале и пользе в развитии современного иранского общества.

Смирнова А. М. (ИВР РАН, Санкт-Петербург)

Особенности традиции *тариката* накшбандиййа в Кашмире по персидским источникам (XIV–XVIII вв.)

Суфизм начал проникать в Кашмир в XIII–XIV вв. Первым суфийским миссионером в Кашмире считается Хазрат Булбул Шах, шейх *тариката* сухравардиййа. До Булбул Шаха в Кашмире жило небольшое разрозненное мусульманское население, но именно он обратил в ислам правителя Ринчана (первый правитель Султаната Кашмир в XIV в.). Это стало поворотным моментом в истории региона, так как после этого здесь началось активное распространение ислама и суфизма. Булбул Шах стал тем, кто вызвал интеллектуальную трансформацию в жизни местного населения и открыл путь для распространения персидского языка и иранской культуры.

Особое значение имела деятельность Саййида ‘Али Хамадани, который прибыл в Кашмир в 1372 г. вместе с 700 последователями. Он принес сюда учение суфийского ордена кубравиййа и оказал огромное влияние на местную культуру и религиозную жизнь.

Тарикат чиштиийа появился в Кашмире в XV в. благодаря Хазрату Пир Саййиду Хусайну Симнани. Он основал несколько суфийских обителей (*ханака*), которые стали центрами распространения учения в регионе. Особенностью кашмирской ветви чиштиийа стало ее взаимодействие с местными духовными традициями и адаптация суфийских практик к региональному контексту.

В XIV–XV вв. в Кашмире сформировалась уникальная форма суфизма, известная как «ришизм» или «Риши-движение», основанное шейхом Нур ад-Дином Риши (Нунд Риши). Последователи *тариката* Риши практиковали строгий аскетизм, вегетарианство и часто вели отшельнический образ жизни. Важной особенностью *тариката* было уважительное отношение к другим религиозным традициям, особенно к индуизму. Это способствовало развитию межрелигиозного диалога и формированию уникальной кашмирской идентичности.

Тарикат накшбандиййа появился в Кашмире в XV в. благодаря деятельности Саййида Хилал ад-Дина. Это был период активной исламизации региона, что спо-

¹ Iran population. URL: <http://www.nationsgeo.com> (дата обращения: 09.01.2025). Index gendernogo ravenstva. URL: <http://www.geeksforgeeks.org> (дата обращения: 09.01.2025).

собствовало быстрому распространению *тариката*. Его последователи создали разветвленную сеть духовных центров. Значительное развитие орден получил в XVI в. благодаря шейху Йа'кубу Сарфи (1521–1595), который был посвящен в *тарикат* в Средней Азии. Орден накшбандиййа стал особенно популярен среди образованной элиты Кашмира, включая придворных, ученых и поэтов. Это объясняется интеллектуальной направленностью учения *тариката* и его акцентом на развитии исламских наук. *Тарикат* способствовал формированию новой мусульманской интеллигенции в регионе.

В процессе адаптации *тарикат* включил элементы местных духовных практик, но сохранил свои фундаментальные принципы. Особое внимание уделялось сочетанию мистического пути со строгим соблюдением шариата, что отличало его от других суфийских орденов. Взаимодействие с кубравиййа привело к формированию уникального синтеза суфийских практик. Это выразилось в обмене методами духовного совершенствования и создании общих образовательных центров.

Ханаки стали не только религиозными, но и культурными центрами. В них велось преподавание, переписывались книги, создавались поэтические произведения. Особенно важным центром стала *ханака* в Сринагаре, где собирались ведущие интеллектуалы своего времени. Благодаря ордену накшбандиййа в Кашмире развивалась персоязычная литература, создавались трактаты по суфизму, комментарии к религиозным текстам. *Тарикат* способствовал интеграции кашмирской культуры в общую культуру исламского мира.

Таким образом, в Кашмире были активно представлены несколько суфийских *тарикатов*: сухравардиййа, кубравиййа, чиштиййа, накшбандиййа и местный орден Риши.

Тарикат накшбандиййа в Кашмире представляет собой уникальный пример успешной адаптации суфийского ордена к местным условиям. Благодаря гибкому подходу к местным традициям и сохранению своих основных принципов *тарикат* не только способствовал исламизации региона, но и создал особую интеллектуальную среду, в которой развивались исламская ученость и персидская литература. *Тарикат* накшбандиййа стал связующим звеном между локальной кашмирской культурой и исламским миром, что определило его значительное влияние на религиозную и культурную жизнь региона вплоть до современности.

Текаев Д. (ТГПИ, Туркменабад, Туркменистан)

«Лубаб ал-албаб»: стихотворное наследие Хорезмшахов

История государства Хорезмшахов-Ануштегинидов имеет обширную историографию и очень подробно изучена историками-востоковедами, начиная с В. В. Бартольда. Многие научные труды посвящены жизни и военно-политической

деятельности отдельных хорезмшахов. Однако стихотворное наследие хорезмшахов из династии Ануштегинидов еще не было предметом специального изучения, за исключением статьи турецкого исследователя Османа Озгюденли¹. Известно, что Хорезмшахи-Ануштегиниды упоминаются в средневековых источниках не только как участники многих военно-политических событий, но и как правители, которые писали стихи. В близкое окружение хорезмшахов входили деятели искусства и поэты. Покровительство поэтам, проведение придворных собраний с музыкой и танцами, посвященных поэзии, считались такими же обязанностями правителей, как и выполнение различных военно-административных функций. Важным обстоятельством было то, что в своих или приписанных им стихотворных произведениях хорезмшахи декларировали наличие у них божественно дарованной харизмы. Это было особенно актуально в периоды внутривосточной борьбы за верховную власть.

Четверостишия, приписываемые хорезмшахам, в небольшом количестве дошли до наших дней. В средневековых арабских и персидских источниках, авторами которых были Мухаммад Раванди, Мухаммад 'Ауфи, Минхадж ад-Дин Джужд-жани, Джамал ал-Карши, Хамдаллах Казвини, Мирхванд, Абу-л-Касим Халет, упоминаются и цитируются стихи, приписываемые некоторым хорезмшахам. Наибольшее значение в этом отношении имеет труд Мухаммада 'Ауфи «*Лубаб ал-албаб*» («Сердцевина сердецин»)². В нем приведены интересные сведения о литературной жизни во времена правления хорезмшахов Атсыза (1128–1156), Текеша (1172–1200) и Мухаммада (1200–1220).

'Ауфи отмечает, что Атсыз любил проводить свободное время в окружении потов и творческих людей. В одном рассказе из «*Лубаб ал-албаб*» объектом насмешки Атсыза оказался придворный поэт и глава хорезмийской канцелярии Рашид ад-Дин Ватват. «Правитель спросил его: “Куда ты идешь?” [Рашид ад-Дин] ответил: “Пойду принесу цветы и чашу”. Султан Атсыз сказал ему: “Садись, ты для нас и цветы (*gul*), и чаша (*sāghar*)”. А это было искажение [с намеком на слова “лысый” (*kal*) и “поэт” (*shā'ir*)]. Тот, кто имеет хоть немного художественного чутья, поймет, сколько в этих словах было тонкого остроумия. А у этого правителя еще есть стихи. Однажды в извинение за то, что кто-то назвал Рашид ад-Дина Ватвата “лысым”, он произнес четверостишие: “Твоя голова от [великой] учености касается неба. Вот почему у тебя не растут волосы. Твоя голова нам нужна так же, как глаза. А если у глаз нет волос, то и ладно”»³.

О султани Текеше Мухаммад 'Ауфи рассказывает в «*Лубаб ал-албаб*» следующее: «Султан Текеш был добрым и сострадательным падишахом. Милость его нрава была ярче сверкающего солнца. Он был проливным дождем на пирах

¹ Özgüdenli Osman Gazi. Hârezmşâh Hükümdarlarına Ait Farsça Şiirler. Marmara Türkiyat Araştırmaları Dergisi. Sayı 2. Marmara, 2016. S. 25–51.

² Mohammad 'Aufi. Lubab ul-albab. Ed.: Edward G. Browne, Muhammad Qazvini. Vol. I. Leiden, 1903.

³ Ibid. P. 37.

и градом на поле битвы. Эту историю я услышал в Хорезме от Шихаб ад-Дина Мас'уда (старший *хаджиб* и посол хорезмшаха Текеша. — Д. Т.): “В первые годы своего правления, когда цветы желаний еще не полностью расцвели в султанатском саду и дерево осуществления целей в пользу государства еще не начало приносить плоды, этот добродетельный шах изволил совершить движение в ошибочную сторону и подверг казну растрате и великой опасности. И когда при его дворе нуждающиеся и просящие люди стали создавать трудности, а средства казны от трат уменьшились, он в изумлении произнес такое царское четверостишие: “Я умею сидеть в седле щедрости. Я знаю, как сровнять с землей гору золота. Но если нет той казны, что нужна, как я могу сделать что-то из ничего?”»¹.

Рассказывая в своей антологии о борьбе за хорезмийский престол между хорезмшахом 'Ала ад-Дином Мухаммадом и его племянником Хинду-ханом, 'Ауфи приводит тексты стихотворений, которыми обменивались противники². Следует отметить, что эти стихи в разных вариациях встречаются также в других арабских и персидских источниках.

Вовлеченность в военно-политические дела, очевидно, не препятствовала хорезмшахам обращаться и к поэтическим занятиям. Цитаты из приписываемых им стихов, приводимые в разных источниках, явно должны были свидетельствовать о высокой образованности этих правителей и их соответствии общим представлениям о том, какие знания и умения требовались от претендентов на верховную политическую власть. Поэтому такие цитаты выражают важный смысловой подтекст, демонстрируя политические взгляды и симпатии авторов средневековых сочинений, создававших определенные образы правителей в том числе с помощью цитирования стихов, независимо от того, кто на самом деле их сочинил.

Ходунов А. С. (НИУ ВШЭ, Москва)

Дестабилизация на территориях, населенных белуджами, в Иране и Пакистане в кон. XX — нач. XXI в.

Белуджи — один из крупнейших по численности иранских народов. Они проживают в Пакистане, где их насчитывается 8,1 млн (2023), в Иране (по максимальной оценке) — 4,8 млн, в Афганистане — 1,1 млн, в Омане — 1 млн, а также в ОАЭ — 383 тыс.³ В Пакистане также проживает несколько миллионов белуджей в штате Пенджаб, которые уже не говорят на родном языке.

¹ Ibid. P. 40–41.

² Ibid. P. 43–44.

³ Baloch people [Electronic resource] // Wikipedia. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Baloch_people (accessed: 25.12.2024).

Регион традиционного компактного проживания белуджей (Белуджистан) разделен государственными границами между Ираном, Афганистаном и Пакистаном.

В целом провинции с белуджским большинством являются одними из наиболее нестабильных в Иране и Пакистане. Фактор «разделенного народа» играет существенную роль в дестабилизации ситуации в населяемом белуджами регионе, что также справедливо и в случае с другим иранским народом — курдами. Другие важные причины нестабильности — «демографический взрыв» (очень высокий прирост населения и очень большая доля молодежи). В Иране суммарный коэффициент рождаемости в провинции Систан и Белуджистан, где преобладают белуджи, значительно снизился в 1990–2016 гг., но все еще остается очень высоким — с 4,0 до 6,2 ребенка на женщину¹. В пакистанской провинции Белуджистан, где белуджи также составляют большинство, этот показатель составляет 4,0 ребенка (2020), что соответствует общему коэффициенту рождаемости 27,5 % в этой провинции (это весьма высокий уровень)².

Высокая доля молодежи в населении в периферийных, бедных и экономически слабо развитых провинциях, населенных белуджами, приводит к очень высокому уровню безработицы и распространению радикальных идей, что, в свою очередь, приводит к вооруженным столкновениям белуджских сепаратистских группировок с центральными правительствами Ирана и Пакистана. На рост недовольства среди белуджей также влияет их дискриминация в обеих странах (в шиитском Иране белуджи-сунниты жалуются на дискриминацию также по религиозному признаку). К тому же в Иране белуджи насчитывают всего 3–5% населения, но составляют, по некоторым данным, 19% политзаключенных³.

Что касается Ирана, то за последние десятилетия наиболее серьезными были столкновения иранских правительственных войск и Корпуса стражей исламской революции (КСИР) с экстремистской белуджской группировкой «Джундалла». Прикрываясь благородными лозунгами о защите прав белуджского меньшинства, группировка устраивала теракты, убивая чиновников, полицейских, военных и членов КСИР, а также убивала верующих шиитов в мечетях. Жертвами стали, по разным оценкам, от 175 до более 400 человек. В 2010 г. группировка была разгромлена, а ее лидер, Абдулмалик Риги, казнен. Однако ситуация в провинции по-прежнему остается сложной: в ней по-прежнему действуют другие, хотя и менее многочисленные вооруженные группировки. Кроме того, из-за близости к Афганистану и Пакистану, пограничные регионы которых слабо контролируются

¹ Mahmoudiani S. Multi-Level Analysis of Inter-Provincial Differences in Fertility in Iran: The Case of Six Provinces with High and Low Fertility Rates // *Journal of Health Sciences & Surveillance System*. July 2020. Vol. 8. No. 3. P. 129–134.

² Balochistan Multiple Indicator Cluster Survey 2019–20. Survey Findings Report // Quetta: Planning & Development Department, Government of Balochistan, Pakistan, 2022. P. 70.

³ Akbarzadeh Sh., Shahab Ahmed Z., Laoutides C., Gourlay W. The Kurds in Iran: balancing national and ethnic identity in a securitized environment // *Third World Quarterly*. 2019. Vol. 40. Iss. 6. P. 1145–1162.

правительством, в провинции Систан и Белуджистан активно осуществляется контрабанда оружия и наркотиков¹.

В последние годы протестная активность среди иранских белуджей в основном принимала мирные ненасильственные формы, например, в виде регулярных протестов, начавшихся в сентябре 2022 г. и продолжавшихся несколько месяцев. Протесты поддержал и возглавил местный суннитский лидер, пятничный имам Захедана Маулави Абдул Хамид. Он поддерживает единство Ирана, но выступает за либерализацию иранской политической системы и критикует действия власти: в частности, он обвинил иранских полицейских в расстреле мирных протестующих в Захедане 30 сентября 2022 г.²

В Пакистане нестабильность в белуджских регионах приобрела значительно более широкие масштабы. Самый серьезный эпизод насилия наблюдался в 1970-х гг., когда погибли 8 тыс. человек. В середине 2000-х гг. насилие возобновилось: белуджские организации устраивают теракты в пакистанских городах (только в феврале 2024 г. от их рук погибли 24 человека), а власти в ответ организуют репрессии против белуджских лидеров³.

Для стабилизации ситуации в Белуджистане, на наш взгляд, необходимо выделение больших средств для экономического развития региона, а также для развития высшего образования, чтобы снизить рождаемость и уменьшить проявления радикализма; кроме того, нужно укрепить контроль над границами и ликвидировать этнорелигиозную дискриминацию белуджей, чтобы они почувствовали себя равноправной частью иранского/пакистанского общества.

Чунакова О. М. (ИВР РАН, Санкт-Петербург)

Согдийская сказка об удачливом герое

Недавно в Отделе рукописей и документов Института восточных рукописей РАН было обнаружено около 50 неизвестных ранее фрагментов согдийских рукописей, неотреставрированных и не имеющих ни новых, ни старых шифров. Большая часть фрагментов соединяется с таковыми пяти рукописей, известных по ранним публикациям. Пять из новых фрагментов, написанные трудночитаемым курсивом,

¹ Ходунов А. С. Демографические факторы политической стабильности в Иране (вторая половина XX — начало XXI века) // *Историческая психология и социология истории*. 2015. № 1. С. 92–108.

² Критика репрессий Маулави Абдул-Хамидом; демонстрации жителей Захедана накануне годовщины Кровавой пятницы (Энтэкад-е Моулави 'Абд ол-Хамид аз саркуб; тазахорат-е захеданиха дар астане-йе салгард-е джом'е-йе хунин) [Электронный ресурс] // *Iran International*. 22.09.2023. URL: <https://www.iranintl.com/202309220605> (дата обращения: 03.11.2023).

³ Why is there so much violence in Balochistan? [Electronic resource] // *The Economist*. 07.02.2024. URL: <https://www.economist.com/the-economist-explains/2024/02/02/why-is-there-so-much-violence-in-balochistan> (accessed: 25.12.2024).

имеют непосредственное отношение к двум опубликованным согдийским рукописям Сериндийского фонда, L 61 и L 37, изданных А. Рагозой в 1980 г.¹ В этих рукописях представлен хорошо известный фольклорный сюжет — преодоление героем трудностей и испытаний благодаря счастливому стечению обстоятельств. Наиболее близкая согдийскому рассказу версия имеется в южноиндийском, а именно в тамильском и сингальском, фольклоре. По этим двум версиям, а также по китайскому тексту Сутры Золотого света на оборотной стороне фрагментов, Симс-Вильямс² и Ёсида³ определили, что два изданных отрывка соединяются друг с другом непосредственно, но в согдийской версии начало и конец рассказа не сохранились.

В рассказе говорится о том, что герой — в согдийской версии это m'su, «старик» — отправляется в дорогу. Согласно сингальскому повествованию, герой собрался навестить свою вторую жену, которая гостит у матери. Его жена испекла печенье с ядом, предназначенное для соперницы. Герой рассказа останавливается в лесу на ночлег. Пока он спал, туда пришли разбойники, съели отравленное печенье и тут же умерли. Утром герой рассказа увидел спящих, как он подумал, разбойников, захватил их оружие, перебил их всех и продолжил свой путь. Узнав о его подвиге, жители окрестной деревни попросили правителя отправить победителя на борьбу с грозным тигром, терроризирующим население. Герой при виде тигра забрался на дерево и от страха дрожал так, что развязался пояс, к которому был привязан кинжал. Кинжал вонзился в открытую пасть тигра, который, стоя у подножия дерева, пытался до него дотянуться, и зверь умер на месте. Дважды отличившегося героя отправляют на третье сражение: теперь он должен одолеть грозного врага, живущего на другом берегу реки. По просьбе героя, который отнюдь не был наездником, его крепко привязали к седлу лошади. Лошадь помчалась через реку навстречу врагу, веревки намокли, и чтобы удержаться в седле, он на берегу схватился за ветви дерева, корни которого были подмыты водой. Дерево оказалось в его руках, и враг, увидевший грозного соперника с таким оружием, бежал с поля боя.

Новые фрагменты, как и уже изданные, также не сохранили начало и конец истории, но три из них точно соединяются с рукописью L 61, дополняя и уточняя самый первый рассказ о гибели отравившихся разбойников и о триумфальном возвращении героя, считавшего, что он их одолел. Ниже предлагаются транслитерация и перевод новых фрагментов, присоединенных к изданной рукописи L 61⁴:

¹ Рагоза А. Н. Согдийские фрагменты Центральноазиатского собрания Института востоковедения. М.: Наука, 1980. С. 30–31, 43–44. Фрагменты коллекции Института восточных рукописей принято нумеровать по изданию А. Рагозы и маркировать буквой Л (т. е. ленинградская).

² Sims-Williams N. The Sogdian Fragments of Leningrad // *BSOAS*. 44(2). P. 231–240, 237.

³ Ёсида Ю. Согдийское письмо и согдийские фрагменты, обнаруженные в Турфане. Из материалов Дзуйте Татибаны и российского Дуньхуанского фонда (на японском языке) (в печати).

⁴ Начало рассказа — опубликованный фрагмент L 61, к которому присоединяются (знаком =) три новых фрагмента. Строки новых фрагментов указываются номерами, заключенными, соответственно, в косые, угловые и фигурные скобки. В круглые скобки заключено предположительное чтение плохо сохранившихся знаков; в квадратных скобках указываются лакуны, числа в них обозначают

/1/] x(1)[
 1]x'y [= /2 /m/(')sy (z) [
 2 ZKn (s)(1)(k) pyr (Z)(Kw) (t) = /3/] (1) βrykyn rty [
 3 t'yt prw pwštw s'[= /4/(γ)ryw βxš'nt
 4 rty c'nkW ZKw pwštw xwr[= <1> (t) = /5/] rty δywyδ wy'kh
 5 s't wδyδ mwrt'nt = <2> ○○ ○○ rty = {1} xw m = /6/[sy] ZKwyh t'yty
 6 prst'k 'ny's = <3> ZY t'yty γ = {2}(δ')kh s = /7/ 't βnswc(pt)?
 7 ZY wy'k w'nkW = <4> γδkyh kδ'rt = {3}(1) ZY ZK(h) = /8/pršt'y
 8 ''st ZY xwty = <5> šyr myn'βr'k? = {4} wytr ZY = /9/pr'ys? kw '(n)(2)
 9 wy'kw? rty c'nkW Z = <6>K (n')βw ZK = {5}wn m'sy wyn = /10/'nt rtš[
 10 pr 'xšnk'wy ZY pr = <7> ptbyw p(t) = {6}y cxšnt = /11/ [4–5] w'nkW
 11 cyw'nt ZY m' = <8> xw xwβw ny = {7st rty [
 12 xwβw myn p = <9>(p'r)ZY xwβw 'nsc = {8}n'ny mrty 'yš (1) [
 13 ZY m'xw 'δw p[= [10–12] = {9}] šryw ZY δβtykw mz-yx [
 14 s'n rty cn[= [10–12] = {10}](w)ny wny's? ptyγ(w)š rty [
 15 ywnyδ p'z-y p'xy[3–5]p(y)št ZKn = [] = {11}n'βy w'nkW [4–5]cn'ny
 16 kδ'rt 'yw δβδ'r xnyr pry m = [] = {12}δ pršt(')t rty xw [
 17 xnyr ''βr'nt [= [?] = {13}]wyβ'r'nt [
 18 5–6] šy ZKn [= [?] = {14}](1)(w) ZY (1) [
 19](s)kwn rty [?]

Перевод¹:

(1)] ... и ... = старик ... (2) то ... смешанное и ... (3) разбойники то печенье ... = сами поделили (4) и когда то печенье съели = и прямо на месте (5) все там умерли. = И (старик) тех разбойников (6) оружие забрал = и разбойникам горло перерезал (7) и то место = (местом) сражения сделал. (8) И сам = очень довольный? ушел и послал ... (9) на то место. А когда = люди увидели того старика и (10) благодаря славе = и почету господином? выбрали (11) за это, (мол), = «у нас правителя нет, и (12) господином останься = потому что ты господин, заботящийся о человеке, (13) и нас от двух = ... льва и другого большого (14) врага и = ... , услышь это слово?». И (15) они тут же пали ниц ... = Потом люди так ... (16) сделали кинжал с двумя лезвиями = ... и ... он собрался, и (17) кинжал принесли = ... сказали (18)] ему ... и (19)]

Таким образом, три недавно обнаруженные согдийские рукописи являются фрагментами уже известной опубликованной рукописи Сериндийского фонда L 61

примерное количество утраченных букв; знак вопроса означает, что количество утраченных букв неизвестно. Квадратная скобка в начале и конце строк означает обрыв фрагмента.

¹ В переводе, записанном в строку, номера строк указываются в круглых скобках по рукописи L 61, содержащей начало рассказа. Соединение новых фрагментов указывается знаком равенства, отдельно они не выделяются. Квадратная скобка в начале строк 1, 18 и 19 обозначает, что край рукописи оборван. Многоточие означает лакуну в согдийском тексте, знак вопроса — предположительный перевод, слова в круглых скобках вставлены для уточнения перевода.

(новый шифр SI 5398). Старый шифр последней начинался с Kг IV (с этого же обозначения начинались старые шифры четырех других рукописей, с которыми соединяются новые фрагменты). Рукописи с этим шифром, согласно описанию К. Г. Залемана, сделанному в 1919 г.¹, были среди материалов консула в Урумчи Н. Н. Кроткова (1869–1919), который передал их в Русский Комитет по изучению Средней и Восточной Азии. В 1908 г. эти материалы в виде десятков пакетов, с десятками рукописных фрагментов в каждом, были переданы на хранение в Азиатский музей и получили название первой коллекции Кроткова. Можно предположить, что недавно обнаруженные согдийские рукописи, в том числе фрагменты сказки об удачливом герое, были в некоем пакете, случайно пропущенном при описании и инвентаризации этого собрания.

Штых Ю. Г. (ГПМУ, Санкт-Петербург)

«Путешествие в Израиль» иранского писателя Дж. Але Ахмада

Доклад посвящен путевым заметкам известного иранского писателя Дж. Але Ахмада (1923–1969) о его поездке в Израиль в феврале 1963 г. Творчество Але Ахмада, сыгравшее важную роль в подготовке идеологической основы Исламской революции 1979 г., неизменно пользуется интересом со стороны исследователей, стремящихся переосмыслить его идеи в свете сегодняшнего дня. Цель исследования состоит в рассмотрении путевого дневника иранского писателя с точки зрения ключевой дилеммы, стоявшей перед его автором: может ли восточное государство представлять собой модель государственного устройства, в котором внедрение западных технологий сочеталось бы с сохранением традиционной культуры?

Данный вопрос, являющийся ключевым как для авторского мировоззрения, так и для многих современных исследователей, был порожден кризисной ситуацией на родине писателя, поиску выхода из которой Але Ахмад посвятил всю свою жизнь. Проводимая шахским правительством ускоренная модернизация и, как следствие, вестернизация Ирана (в том числе господство в стране иностранных компаний), с точки зрения писателя, не только усиливали зависимое положение Ирана на международной арене, но и грозили поглотить традиционную культуру страны и исконную идентичность ее народа.

Интерес Джалала к Израилю был связан с несколькими факторами, самыми значительными из которых были следующие: приверженность писателя социалистическим идеалам, разочарование в политике сталинизма и стремление вывести Иран из-под западного влияния. Среди других факторов можно также упомянуть ярко выраженное недовольство Але Ахмада политикой арабских государств Ближ-

¹ С10 — Списки уйгурских коллекций Азиатского музея (Арх. 69).

него Востока: упоминая о «нефтяной кормушке», писатель обвиняет их в отсутствии уважения к святыням ислама, в поклонении Золотому тельцу, навязанному Западом. Для Але Ахмада, мечтающего о едином сильном Востоке, способном противостоять всепоглощающему влиянию Запада, Израиль олицетворяет государство, которое могло бы стать фундаментом такого проекта.

Очерк представляет собой интерес и с точки зрения противоречивости образа описываемой Але Ахмадом страны. Позитивный аспект восприятия Израиля иранским писателем, который можно наблюдать в начале очерка, подчеркивается выбором названия «*Сафар бе вelayат-е Изра'ил*», где слово *velayat* (территория, управляемая религиозным лидером) подчеркивает религиозный, сакральный характер власти в Израильском государстве, чьи правители в большей степени являются религиозными лидерами, нежели политиками. Понятие *velayat* отражает таким образом идеал государственного устройства для Але Ахмада, который соединил бы в себе теократию и социализм. Другие же авторы, подчеркивая парадоксальность этого словоупотребления, указывают на сознательную провокацию со стороны Джалала, использовавшего для характеристики Израиля, враждебного окружающим его мусульманским странам, понятие, традиционно использовавшееся шиитским духовенством для характеристики идеального исламского государства.

Тем не менее во второй части очерка тема осуждения автором Израиля начинает ощущаться все отчетливее. Возможно, причиной этого стала противоречивость авторского мировоззрения, испытывавшего влияние столь различных идеологических систем, как строгое религиозное семейное воспитание в детстве и сильное влияние марксистских идей во время учебы автора в университете. Так или иначе, последняя, пятая глава «Путешествия в Израиль» является почти полной противоположностью первой. Она настолько явно противоречит другим главам очерка, что некоторые исследователи даже склонны были усомниться в принадлежности этой главы перу Але Ахмада. Написанная уже после шестидневной войны 1967 г., когда Израиль одержал победу над Египтом, Сирией и Иорданией, она решительно осуждает израильскую агрессию, поддерживаемую Западом. Указывая на деструктивную роль Израиля на Востоке, писатель подчеркивает, что Израиль стал орудием западной колонизации, принявшей новые формы после Второй мировой войны.

В целом можно сказать, что вопрос, поставленный Але Ахмадом в своих путевых заметках — является ли Израиль тем образом, по которому можно реформировать иранское общество, — остался без ответа. Противоречия между Западом и Востоком, составляющие по мнению иранского писателя, сущность глобального кризиса, отразив противоречивые тенденции в его собственном мировоззрении, также остались неразрешенными. Впрочем, противоречия, которые Але Ахмад называл Востоком и Западом, являются, по сути, отражением извечных общественных оппозиций — традиции и модернизма, религии и секуляризма, общественного блага и личной свободы. Другими словами, эти вопросы будут волновать человечество до тех пор, пока оно существует.

Выводы позволяют предположить, что путевой очерк Але Ахмада «Путешествие в Израиль», который можно рассматривать как стремление иранской интеллектуальной мысли очертить вектор дальнейшего развития Иранского государства, сыграл не только важную роль в творчестве иранского писателя, но и во всей иранской литературе в целом.

Янушкевич Е. Ю. (ИВР РАН, Санкт-Петербург)

Права персидского купечества и торговля России с Каджарским Ираном в период войны 1826–1828 гг.

Русско-персидские торговые отношения в середине 20-х годов XIX в. имели ряд своих особенностей и нюансов из-за ведения военных действий между странами. Раскрыть детали этих взаимоотношений в этот период помогают архивные материалы Российского государственного исторического архива. В частности, можно назвать два следующих источника: «О разрешении проживающим в городе Астрахани персидским купцам ведения торговли на основании мирного трактата, заключенного с Персией в 1813 г.»¹ и «О дозволении прибывающим в Астрахань персидским купцам производства торговли на основании мирного трактата»². Оба документа освещают ряд аспектов русско-персидской торговли в первой половине XIX в. и, насколько нам известно, пока еще мало используются исследователями.

Первый из упомянутых выше источников, с учетом последней приложенной копии, содержит тринадцать документов. Общий объем составляет 37 листов. Самый ранний документ датирован 26 февраля 1825 г. самый поздний — 27 декабря 1827 г. Второй источник несколько меньше. Он состоит из пяти документов, за редким исключением идентичных по своему содержанию первому делу, и датирован 8 апреля 1825 г. — 27 декабря 1827 г. Следовательно, разбор обстоятельств дела начинается в конце царствования Александра I, а завершается в правление Николая I. Более того, делопроизводство возникает до начала Русско-персидской войны (1826–1828), а решение по нему выносится до подписания Туркманчайского трактата 10 февраля 1828 г. в период внутри- и внешнеполитической нестабильности. Подобное стечение обстоятельств делает данные источники уникальными, а их изучение актуальным.

Причиной появления в фондах Министерства финансов исследуемого комплекса документов является жалоба группы персидских купцов, проживающих в Астрахани, поданная на имя астраханского губернатора И. И. Попова. Из копии, составленной Департаментом внешней торговли для министра финансов Российской империи Е. Ф. Канкрин, выясняется, что означенные торговцы оказались в бюрократической

¹ РГИА. Ф. 18. Оп. 4. Д. 304. 37 л.

² РГИА. Ф. 560. Оп. 8. Д. 211. 19 л.

ловушке и в результате не смогли получить торговые свидетельства на осуществления торговых операций, что поставило их на грань разорения. Это нарушало условия Гюлистанского трактата 1813 г. В результате Министерство финансов было вынуждено приступить к работе по разрешению ситуации и согласованию российских правовых норм с нормами международного права. Для персидских торговцев разбирательство завершилось более чем благополучно, им было дозволено временно состоять во 2-й гильдии астраханского купечества и осуществлять экономические операции на основании Гюлистанского трактата. Тем самым приоритет был отдан международному праву перед национальным законодательством.

Рассматриваемое противоречие об одновременном существовании разрешения и запрещения вести торговые операции обнаруживает себя и в синхронном источнике¹. Согласно последнему, на суда и товары, принадлежащие персидским подданным, в период военных действий было наложено эмбарго. При этом в рассматриваемых документах положительно решается вопрос о дозволении торговли персам, временно записанным во 2-ю гильдию астраханского купечества. Тем самым торговые отношения между Россией и Персией в военное время, с одной стороны, дозволяются, а с другой — запрещаются. Подобное положение можно выразить нейтральной формулировкой — они были затруднены, осложнены, ограничены.

Исследуемый комплекс документов также касается нескольких частных аспектов экономических отношений России и Персии. Так, например, перечисляются имена восьми персидских подданных, причастных к торговым операциям в Астрахани в 1824 г. Приводятся сведения о прочих торгующих купцах среди которых значатся индийцы, армяне и грузины. Кроме того, источники повествуют о строительстве персами торгового корабля «Гром».

Таким образом, неизменным остается лишь заинтересованность российского правительства в регламентировании русско-персидских экономических отношений. Источники обозначают всю совокупность законов, регулирующих торговлю между двумя государствами в период с 1825 по 1827 г., раскрывают тонкости правоприменения, устанавливают круг лиц, ведущих международные торговые операции.

Ястребова О. М. (РНБ, Санкт-Петербург)

Уникальная рукопись двух произведений 'Абдаллаха Барзишабади (1387–1467) в Российской национальной библиотеке

В 1999–2001 гг. Российская национальная библиотека приобрела небольшое собрание рукописей XV–XIX вв., принадлежавшее ранее Собиру Расулову (1900–

¹ РГИА. Ф. 560. Оп. 4. Д. 428. О внесенных в банк деньгах, вырученных за шелк Хосров-хана, за товары персидского шаха и другие, задержанные Астраханской таможенной. 6–7 апреля 1828 г. Л. 1.

1993). Одна из рукописей представляет собой конволют в позднем среднеазиатском переплете, первая часть которого (9 листов) относится к XIX в. и содержит выписки из различных сочинений по *фикху*. Затем следуют 8 листов более старой бумаги с фрагментом «*Шарх фатх ал-кадир*», комментария на «*ал-Хидайа*» ал-Маргинани Ибн ал-Хумама ал-Ханафи. Основная же, самая обширная часть книги (л. 18–105) содержит два текста, которым и посвящено данное сообщение.

Автор обоих текстов — ‘Абдаллах Барзишабади, видный представитель суфийского *тариката* кубравиййа. Будучи учеником Исхака Хутталани (убит в 1423 г.), он сыграл одну из ключевых ролей в драматический момент истории братства, когда в 1423 г. другой последователь Исхака, Мухаммад Нурбахш (1392–1464), провозгласил себя мессией-Махди. После казни Исхака, принявшего сторону Нурбахша, очевидно, большая часть *муридов* последовали за последним, сформировав ветвь, известную как нурбахшиййа. Те же, кто отверг мессианские амбиции Нурбахша, последовали за ‘Абдаллахом. Со временем это ответвление получило название захабиййа и стало шиитским.

До сих пор известное литературное наследие ‘Абдаллаха Барзишабади включало в себя два произведения: составленный в 827/1424 г. трактат «*Рисала-йи камалийа*» (издан в Ширазе в 1350/1931 г. в сопровождении дивана стихов ‘Абдаллаха) и комментариев на «*Лама’ат*» Фахр ад-дина ‘Ираки, 864/1459–60 г., сохранившийся в единственной рукописи, которая хранится в Исламабаде (издан в Иране Ахмадом Кудси в 1379/2001 и 1387/2014 г.).

В рукописи Расулов 40 было обнаружено еще два ранее неизвестных произведения. Первое, более объемное (л. 18–99), озаглавлено «*Му’нис ал-’ушишак ва муришид ал-муштак*». В колофоне имеется дата переписки — 939/1533 г., а переписчиком, вероятно, был один из потомков автора. Второй текст (л. 100–105 об.) — меньшего объема и неполный (утрачен конец).

Начальные листы сочинения «*Му’нис ал-’ушишак*» утрачены, однако из сохранившейся части предисловия мы узнаем заглавие и состав текста, в котором изначально было 12 глав. Первые шесть носят автобиографический характер: 1) о причине написания сочинения; 2) о переселении предков автора из Шуштара в Хорасан; 3) о жизни автора до смерти его отца; 4) о его путешествии в Мавераннахр; 5) о его пребывании в Хутталане у Исхака; 6) о возвращении в Хорасан. Затем следуют четыре главы теоретического свойства: 7) об именах шейхов *силсилы*, об уединении (*халват*) и его этикете; 8) об основах отношений между наставником и учеником; 9) о градациях пророков и сотворении Печати пророков; 10) о градациях *авлийа*, о печати *вилайата* и ее достижении. В главе 11 ‘Абдаллах цитирует полный текст *иджаз*, полученных от Исхака Хатлани, Мухаммада Парса, Йа’куба Чархи и Сайф ад-дина Кундузи. 12-я глава повествует о генеалогических связях его предков с пророком Мухаммадом.

К сожалению, текст глав 2, 3 и начало 4-й в рукописи утрачены, повествование начинается с момента прибытия автора в Бухару и встречи с Мухаммадом Парса. Содержавшиеся в лакуне сведения о жизни Барзишабади, таким образом, могли

быть утеряны. Однако биография его весьма подробно изложена в труде «*Равдат ал-джинан*», составленном в XVI в. одним из его последователей — Хафизом Хусайном Ибн ал-Карбалайи. Более того, сравнение этого труда с сохранившимися главами «*Му'нис ал-ушшак*» показывают, что Ибн ал-Карбалайи использовал именно этот автобиографический текст, и хотя ни разу не сослался на него, однако цитировал местами почти дословно. Это позволяет реконструировать содержание лакуны в рукописи «*Му'нис ал-ушшак*».

В тексте «*Му'нис ал-ушшак*» можно найти множество свидетельств той важной роли, которую играли видения и сны, а также их истолкование опытным наставником в духовном опыте последователей братств кубравиййа. И именно этой теме посвящен второй помещенный в рукописи трактат 'Абдаллаха Барзишабади в рукописи. К сожалению, очевидно, значительная часть этого текста утрачена. Как сам автор упоминает во вступительной части, трактат является ответом на послание некоего Са'д ал-миллат ва-д-дина ар-Раваси аш-Шаккани.

Несомненно, оба текста представляют большой интерес для изучения как истории братства кубравиййа, так и биографии, воззрений и личности их автора, 'Абдаллаха Барзишабади.

Секция IV • Section IV
Секция тюркологии: «XXV Ивановские чтения»
Turkic Studies: "XXV Professor Ivanov's Readings"

Nikolai N. Geiger (St Petersburg University, St Petersburg)

**Modern Turkish historiography on the activities
of Turkish far-right nationalist organizations
in the second half of the 20th century**

In the second half of the 20th century, the Nationalist Movement Party (MHP) was one of the most prominent political forces in Turkey. The leader of the party was a retired colonel Alparslan Türkeş. He was not only the head of the political party but also the leader of the ultra-right youth structures which still exist in Turkey. From the late 1960s onward, MHP members and members of their youth wing, known as the Grey Wolves, were involved in shaping the political and social life of the country. In the 1970s, these nationalist groups were involved in violent street conflicts with far-left activists and provoked interethnic clashes in regions with mixed population. After the 1980 coup, many far-right militants were arrested and imprisoned, leading to a decline in the visibility of their activities. However, in the 1990s, the Grey Wolves regained their strength and joined the fight against Kurdish separatists.

This paper explores how modern Turkish scholars analyze the activities of far-right nationalist groups in the latter half of the 20th century, with a particular focus on the role of Alparslan Türkeş's personality.

A significant contribution to this field is the work of Fatih Yaşlı¹, a Turkish scholar who examines the history of far-right movement in Turkey from the 1940s to 1990s. As an advocate for left-wing views, F. Yaşlı concentrates on the anti-communist actions of the MHP and its affiliates.

¹ Yaşlı F. Antikommünizm, Ülkücü Hareket, Türkeş. Türkiye ve Soğuk Savaş. İstanbul, 2019. 416 s.

Other notable works include the monographs by Tanıl Bora and Kemal Can¹, which focus on various aspects of the activities of the MHP (which operated under different names after the 1980 coup), such as the political evolution of the party, the Kurdish issue, links with organized crime, and more.

Merdan Yanardağ, a prominent journalist and political scientist, reflects on the influence of radical nationalists and Islamists on Turkish politics in his recent book². Based on theoretical material, he draws parallels between fascism and the Grey Wolves, focusing on the extreme right-wing activity of militants in the 1970s and its impact on Turkish society.

The works of Ali Kuzu³ and Oğuzhan Cengiz⁴ are dedicated directly to the life and legacy of Alparslan Türkeş. In particular, these monographs provide a detailed examination of the politician's views on various political and social issues. However, it should be noted that these works present the figure of A. Türkeş in a somewhat idealized light, and portray the members of the ultra-right Grey Wolves as patriots of Turkey who were the victims of radical leftist militant activity.

Based on the analysis of fundamental historiographical works on this topic, it can be concluded that there is a very ambiguous attitude towards the activities of ultra-right nationalist organizations in Turkish historical circles. While the works of researchers represent valuable factual material, they are often characterized by political bias, ethnocentrism, ambiguity in interpretation of events, and a tendency towards conspiracy theories. At the same time, the subjectivity of this matter allows us to approach the studied problem from different perspectives.

Refik Korkusuz (Dokuz Eylül University, Izmir, Turkey)

Qualifications of short-term social security system in Turkey

I. Introduction to Turkish security system and its main target

The social security system in Turkey is affected by Bismarck model, one of four basic insurance systems which are Continental Model. Generally, we can say that Bismarck Model refers to a system where the Premiums paid over the wages of employees according to their insurance status are collected in a joint. Liberalistic Model (Beveridge), Northern European Model and Mediterranean Model are other systems. Bismarck Model

¹ Bora T., Can K. Devlet ve Kuzgun: 1990'lerden 2000'lere MHP. İstanbul, 2004. 559 s.; Bora T., Can K. Devlet, Ocak Dergâh. 12 Eylül'den 1990'lara Ülkücü Hareket. İstanbul, 2000. 606 s.

² Yanardağ M. İslamo-faşizm. İstanbul, 2023. 184 s.

³ Kuzu A. Alparslan Türkeş. Dokuz Işık. Ülkücü Hareketin Tarihi. İstanbul, 2017. 632 s.

⁴ Cengiz O. Alparslan Türkeş ve Dokuz Işık. İstanbul, 2015. 664 s.

refers to a system where the premiums paid over the wages of employees according to their insurance status are collected in a joint pool and the benefits are provided based on the paid Premiums only when old age pension is entitled.

There is most significant technique that implements to fulfil this aim. Social insurance funds provide with contribution that insurance holder pay, while social helps and social services funds provide by government budget or non-governmental organizations. Someone who will be helped don't pay any premium. For this reason, Social insurance is social security technique with social contribution, whilst social helps and social services are social security techniques without social contribution.¹

It is regulated that in art. 92 of the Social Insurance and General Health Insurance Law *“Individuals who are within the scope of short- and long-term insurance must be insurance holders; and individuals who are within the scope of general health insurance, must be general health insurance. Contractual provisions for removing, reducing, renouncing or transferring to a third party the insurance rights and obligations stipulated in this Law shall be invalid.”*

A-It is compulsory that all the citizens working in anyplace join.

B-It is a system that covers all the society.

C-It is a human right.

D-It is accepted as public insurance not private insurance.

E-It is the duty of the State.

II. Short-term insurance branches

Until the General Health Insurance is entered into Turkish Social Security System, a significant portion of the country's population could not reach public health services. Those who could access were not able to receive adequate and quality health services. Those who depend on different social security institutions (Social Insurance Institution, The Retirement Fund of Civil Servants and BAĞ-KUR) were different from serious service taken. Requirements of health services had been free of charge provided to those who didn't have the power to pay by granting green card to them².

In 2008, General Health Insurance has adopted in order to provide service in the same way to all citizens without considering poor, rich, male, female or job.

General Health Institution aims provide health service to everyone who lives in country including foreigners with some conditions. Thus, everybody who live in country may take advantage of adequately and quality health service. It is compulsory to join the system and the system is based on premium. State supports those who don't have the power to pay premium.

Turkish public health insurance (SGK) systems include social and general health insurance. Your employer will likely enroll you in SGK if you are employed in Turkey. SGK covers various medical services, including hospital stays, doctors' visits, and

¹ Tuncay Can, Ekmekçi, Ömer. Sosyal Güvenlik Hukuku Dersleri, İstanbul, 2022. S. 7

² Ibid., s.533.

prescriptions. However, it might not cover 100% of the costs, so there could be some out-of-pocket expenses.

Turkish social security system is divided by two main headlines. These are; short-term and long-term insurance branches.

The aim of short-term insurance branches is to provide protection to the insured or their relatives against risks that may occur as soon as the insured starts working or working.

In terms of their characteristics, short-term insurance branches can be grouped under two main groups as “Occupational Risk” and “Social Risk” insurance branches.

- Occupational Risks: Work Accidents and Occupational Diseases.
- Social Risks: Illness and Maternity conditions.

A. Work Accident and Occupational Diseases Insurance

Work accident is an incident that lead to immediate or delayed physical or mental defect on the insurance holder. A work accident may happen:

- 1) While the insurance holder is at the workplace;*
- 2) While he/she is not carrying out his/her main work on the ground that he/she is sent on duty to another place outside the workplace;*
- 3) While a female insurance holder is breastfeeding her child;*
- 4) While the insurance holder going to or coming from a place where the work is carried out by a vehicle provided by the employer;*
- 5) If Insurance holder works independently on its own behalf due to work that made by employer¹.*

Occupational disease refers to the temporary or permanent illness, physical or mental handicaps, caused by a reason that reiterates due to the nature of the work of the insured or by the working conditions. As a rule, in order to characterize a disease as an “occupational disease” the disease must be listed in Annex to the “Regulations on Transaction of Determining the Rates of Loss of Working Power and Loss of Earning Power in Occupation” and the disease must occur in the time period determined for that particular disease in the said.

It should be realized that work accident differs from occupational disease in that the work accident occurs as a result of a sudden incident whereas occupational disease happens gradually.²

In work accident and occupational disease insurance, the insurance holder takes temporary incapacity allowances and permanent incapacity income in addition to health-care services, provided the requirements stipulated in the law are met. In case of the death of insurance holder, survivors’ income, marriage allowance, funeral allowance shall be given to his/her right holders.

Korkusuz M. Refik, Uğur Suat. Türk Sosyal Güvenlik Hukuku. 8 Baskı. Bursa-Türkiye: Ekin Yayınevi. S.184.

² Korkusuz Refik, Karabacak Ebru. Turkish Social Security Law, Introduction to Turkish Law. Seçkin Yayınları. First Edition. İstanbul, 2016. S. 231.

B. Sickness Insurance

Sickness status, which causes temporary loss revenue for insurance holders, is defined as all kinds of temporary incapacity situation other than work accident or occupational disease (Art. 15/1 SIHIL) In this case, if the sickness takes longer than two days, the insurance holder takes temporary incapacity allowance. Moreover, Insurance holder is benefit from medical care from general health insurance¹ If the sickness takes two days or less, the insurance holder does not receive temporary incapacity allowance.

In order to receive temporary incapacity allowance within the scope of sickness insurance, minimum 90 days short term insurance premium must be notified within one year before the beginning of temporary incapacity. (Art.18/1-b SIHIL)

C. Maternity Insurance

Maternity is social insurance risk that makes temporary incapacity like sickness. Woman who gives birth may undergo revenue loss and expenditure rise.

The aids that will be take advantage of maternity insurance is to give nursing benefit and temporary incapacity to insurance holder. In order to gain these rights, these conditions must be:

1. Maternity status must happen.

According to art. 4 of the SIHIL “a woman who receives income or monthly salary due to her own works or the spouse of a male insurance holder who receives income or monthly salary, starting from the date of pregnancy up to the first eight weeks following birth (or, in case of multiple pregnancy, up to the first ten weeks following delivery) shall be considered as maternity status”.

2. Those who have the right to benefit from maternity insurance: are female insurance holder and spouse of a male insurance holder.

3. Having paid premium certain period.

“The temporary incapacity allowance within the scope of the maternity insurance is only be paid to the female insurance holder. In order to receive this allowance minimum 90 days short term insurance premium must be notified within one year before birth”. (art. 16/5 SIHIL)

4. The application to Social Insurance Institution.

D. Unemployment Insurance

Unemployment insurance is an insurance branch that covers the income loss of insurance holders who have lost their job through no fault of their own and although they were ready for work in terms of health, will and ability. If Insurance holders fulfil necessary requirements in order to benefit from unemployment insurance, he/she does not only take advantages from unemployment assistance but also career development courses, vocational courses, employment services and training course. These opportunities are provided by Turkish Employment Organization.

¹ Korkusuz M. Refik, Uğur Suat. Türk Sosyal Güvenlik Hukuku. S.186.

In order to receive unemployment insurance, one must have worked as insurance holder for at least 600 days within 3 years before termination of the employment contract. In addition, He/she must have worked and paid premium uninterruptedly for the last 120 days before leave of employment.

Conclusion

The most important factor affecting people's quality of life throughout their lives is being in social security. Social security is the protection of people from the damages caused by social dangers that disrupt public peace and welfare, regardless of their income, as a "human right" and essentially a "state duty", using premium or non-premium systems, and the assurance that people are saved from the damages of social dangers. In this context, the right to social security in our country is clearly stated in the Turkish Constitution (Art. 60).

It is defined as a system that meets the needs of those whose income or earnings have been interrupted due to an occupational or social risk, without the need for the help of others. The short-term social insurance system, on the other hand, refers to a social security system that covers the total or substantial loss of earnings due to illness, pregnancy, work accident, unemployment, with a number of public measures for its own members of the society. The most visible part is the "short-term social insurance system". In this sense, even if there are some shortcomings in practice, we can say that the Turkish system is very appropriate and can be an example to its surroundings. However, when it comes to the economic aspect of the issue, it is a known fact that it causes a huge economic liability for the Turkish state.

*Naim Ürkmez (Erzurum Technical University, , Erzurum, Türkiye),
Uğur Akbulut (Erzurum Technical University, , Erzurum, Türkiye)*

Turkish Sources on the Crimean War: An Analysis Study

The Crimean War has a special place in the history of world warfare. This important war affected almost all of Europe between the Coalition Wars that started after the French Revolution and the First World War. The fact that not only the countries that actively participated in the conflicts but also the countries that did not participate were affected by the war in some way increases the importance of this war even more. One factor that made the Crimean War special was that all developments at the front were followed day by day thanks to the telegraph. In this way, newspapers could convey all kinds of details to their readers, and thus, rich content emerged worldwide.

The Crimean War has been the subject of numerous scholarly studies in various European countries and in multiple languages. The number of these books, based on

British, French, Russian and Italian sources, is considerable. However, these books either did not use Turkish sources at all or included them in a very limited way. However, the war started in 1853, during the Ottoman-Russian War, and the Turks were always involved in the struggle until the war ended. Therefore, any study that does not include Turks and Turkish sources in its content will be incomplete. For this reason, this paper aims to shed light on future international studies by introducing the Turkish sources of the Crimean War.

Among the Turkish sources, the records of the Ottoman Archives (*BOA*) of the Presidency of the Republic of Turkey's State Archives Directorate come first. The Ottoman Archives, one of the richest archives in the world, contains a very rich collection on the Crimean War, as in almost every field. All official correspondence from the arrival of the Russian Ambassador Prince Menshikov in Istanbul to the Treaty of Paris is included in various catalogues. Thanks to these records, it is possible to access documents related to political developments, economic situations and social life before, during and after the war. Another archive also located in Istanbul is the Naval Museum Archive. This archive has a rich collection of documents related to the naval forces, especially the Sinop Incident. Another archive that constitutes a source for the Crimean War is the Archives of the General Staff Military History Research and Strategic Studies Presidency (*ATASE*). This archive also contains documents, plans, reports and various correspondences related to the Crimean War.

In addition to official archival documents, other sources include the memoirs of soldiers who participated in the Crimean War and books written by official historians and politicians who served in the same period, particularly Ahmed Cevdet Pasha. Newspapers are another source of information about the Crimean War. When the war began, two Turkish newspapers were being published in Turkey. The first one was *Takvim-i Vekayi*, the state's official newspaper, and the other was the semi-official *Ceride-i Havadis*, published by William Churchill, who was originally from England. These newspapers are important sources of the Crimean War. The fact that William Churchill travelled to Crimea as a correspondent makes the newspaper even more valuable in terms of following the developments regarding the war.

The Crimean War also found its place in Turkish literature in various aspects. The most important is the play "*Vatan Yahut Silistre*" by the famous Turkish poet and writer Namik Kemal. The play deals with the siege of Silistre in 1854. It is also possible to trace the war through Turkish folk literature texts. With the arrival of the Russian ambassador Menshikov in Istanbul, the wars on the Danube, Crimea and the Caucasus were covered in works such as "*Crimean Epic/Kırım Destanı*" and "*Epic of Moskof/Destan-ı Moskof*". In these epics written and sung by folk poets, Sultan Abdülmecid and Commander-in-Chief Ömer Pasha stand out, while Sheikh Shamil is emphasized in the works written in and around Kars. Such works are essential for understanding the emotional world of the people rather than providing accurate information about the war.

Vasileva N. (Institute of Balkan Studies and Center of Thracology, BAS, Bulgaria)

A Diplomatic Ambush: Ottoman Mission in Afghanistan 1877

The 19th century was marked by increasing rivalry between Britain and Russia over strategic geopolitical locations, including the Straits and the Balkan Peninsula. The gradual decline of the Ottoman Empire intensified the efforts of both powers to gain influence in the region to safeguard their respective political interests. For Britain, this primarily involved securing the route to India and defending it, while for Russia, the focus was on protecting the Black Sea and gaining access to the Mediterranean.

Central Asia represented another geopolitical critical point of contention, particularly the region of Afghanistan. For Russia, exerting control and political influence over Afghanistan would provide a powerful tool against the British Empire. The British authorities regarded Afghanistan as a defensive line for the “Jewel in the Crown” and the only point from which Russia could threaten India, and so Afghanistan was a sensitive issue for them.

The strategic interests in Central Asia and the Balkans were inextricably linked, and this geopolitical contest involved a series of events, political manoeuvres and collisions. These developments led to the elaboration of political strategies and mechanisms aimed at achieving the imperial ambitions of both empires.

One significant episode in the complex geopolitical rivalry between Russia and Britain was the Ottoman Mission to Afghanistan, initiated several months after the outbreak of the Russo-Turkish War in April 1877. In June of that year, Sultan Abdul Hamid II decided to send a diplomatic mission to the Amir of Afghanistan. The origins of this mission can be traced to Sultan’s Pan-Islamic policy, which sought to consolidate Muslim solidarity to counter the advancing Russian Empire. Furthermore, the mission also had to serve as a strategic diversion, intended to constrain Russian advance during the Russo-Turkish War of 1877–1878.

The diplomatic initiative was met with immediate support from Henry Layard, the British Ambassador to the Ottoman Empire, who played a pivotal role in organizing and facilitating the mission. Layard collaborated closely with Ottoman officials to ensure the mission aligned with British strategic objectives.

However, the dispatch of the Ottoman mission in Kabul revealed a divergence of opinion between the British authorities in London and the Indian government in Calcutta regarding British policy towards Tsarist Russia in Afghanistan. The mission encountered significant opposition from Lord Salisbury, the Foreign Secretary, who regarded it as a potential source of destabilisation in Central Asia. By contrast, Lord Lytton, endorsed a proactive “forward policy” in Afghanistan, designed to secure British influence and curtail Russian expansion. He regarded the Ottoman mission during Russia’s involvement in the Balkan conflicts as a strategic opportunity to counter Russian influence and reinforce Britain’s position in Central Asia, thereby safeguarding British interests in India.

The purpose of this study is to analyse the 1877 Ottoman mission to Afghanistan within the framework of the divergent foreign policy objectives pursued by British authorities in London and the Government of India. While both parties acknowledged the threat posed by Russian expansionism in Central Asia to British interests in India, the mission emerged as a point of contention between the Foreign Secretary and the Viceroy of India, thereby highlighting their differing strategies for addressing Russian advancement in the region. By situating the mission within the context of this internal conflict, the paper seeks to demonstrate that the 1877 Ottoman mission transcended its immediate diplomatic significance, serving as a manifestation of the broader debates within the British government concerning foreign policy in Central Asia and the evolving relationship with Russia.

The research aims to achieve several key objectives. Firstly, it will evaluate Lord Salisbury's political approach to the Ottoman mission within the wider context of his strategic policy towards Russia, emphasizing the intersection between the Central Asian and Balkan spheres of operation. By situating Salisbury's actions within this dual geopolitical landscape, the study will highlight the broader implications of British foreign policy during this period.

Furthermore, the paper will provide a contextual analysis of the Ottoman mission within the broader narrative of the Great Game and the Russo-Turkish War of 1877–1878. Utilizing an analysis of *rivalry between Britain and Russia* across the interconnected arenas of Central Asia and the Balkans, the study will illustrate how British policymakers sought to exploit regional conflicts as a means of protecting and advancing imperial interests. In doing so, the research will contribute to a deeper understanding of the complex and often competing strategies that underpinned Britain's engagement in Central Asia during the late 19th century.

The research is based on primary sources from the National Archive (TNA), including official diplomatic correspondence, personal letters, and parliamentary debates, to construct a detailed and comprehensive account of the Ottoman mission to Afghanistan. Secondary sources will provide critical insights into the geopolitical climate of the period and the broader implications of British, Ottoman, and Russian interactions.

Абдурахманова-Павлова Д. В. (ФФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

Нора, Севиль и «Освобожденная женщина»: осмысление ибсеновских мотивов в культуре советского Азербайджана

Роль наследия Хенрика Ибсена в истории мировой литературы трудно переоценить; в XX–XXI вв. сюжеты, представленные в пьесах основоположника

«новой драмы», породили множество реинтерпретаций. Ярким примером таковой является пьеса выдающегося азербайджанского драматурга Джафара Джаббарлы (1899–1934) «Севиль» (*Sevil*, 1928). Литературоведам известен факт, что эта пьеса, посвященная проблеме женской эмансипации, содержит отсылки к знаменитому «Кукольному дому» (*Et dukkehjem*, 1879). В докладе делается попытка нового прочтения обнаруживаемых в пьесе «Севиль» аллюзий к Ибсену. Кроме того, предлагается затронуть интермедийный аспект этой компаративистской темы, сопоставив выявленные мотивы со скульптурным образом «Освобожденной женщины» (*Azad qadın*, 1960, ск. Ф. Г. Абдурахманов, арх. М. А. Усейнов): знаменитый бакинский монумент был спроектирован в честь героини Джаббарлы и, соответственно, косвенно также отсылает к пьесе Ибсена.

Наиболее заметным «ибсеновским» мотивом в драме «Севиль» обоснованно считается кульминационная реплика заглавной героини: «Я не кукла» (*Mən ... bir kukla deyiləm*¹) — явственная отсылка и к самому названию пьесы Ибсена, и к знаменитой фразе Норы («Я была... куколкой-женой, как дома у папы была куколкой-дочкой»²). Мотив болезненного осознания человеком собственной «кукольности», «игрушечности» актуализирует ключевую для обоих произведений тему свободы, личной ответственности, духовного поиска (как известно, сквозную для Ибсена³). При этом важно заметить, что в пьесе Джаббарлы — как и в «Кукольном доме» — проблема «неподлинности», «игрушечности» человека затрагивает не только главную героиню, но и других персонажей.

Футуристический финал пьесы Джаббарлы кажется более определенным, чем открытый финал «Кукольного дома», однако его определенность несколько «рассшатывается» заключительной фразой, которую произносит Севиль: «Я оттуда [“из социализма”, с фабрики] пришла и туда возвращаюсь» (*“Mən oradan [sosializmdən, fabrikdən] gəlmişəm, oraya da gedirəm”*⁴). Представляется, что само построение этой реплики позволяет с равным успехом прочитать ее диаметрально противоположным образом: и как отвечающее идеологии советских 1920-х гг. пародийное переименование языка религии, и как, напротив, завуалированное пародирование атеистических утопий эпохи. Если же сосредоточиться на контексте преодоления «кукольности» и самой идее освобождения, в финальной реплике можно увидеть печальный намек на тщетность усилий. Основание для восприятия данной реплики как, скорее, пародийной по отношению к внешнему пафосу пьесы, на наш взгляд, дает наличие ряда других элементов пародирования и абсурдизации, обнаруживаемых в тексте драмы.

¹ Cabbarlı C. *Sevil* / Cabbarlı C. Əsərləri. Dörd cildə. III cild. Bakı, 2005. S. 53.

² Ибсен Г. Кукольный дом / Ибсен Г. Драмы. Стихотворения. Пер. с норвежского. М., 1972. С. 301.

³ Зиновьева А. Ю. Хенрик Ибсен / Зарубежная литература конца XIX — начала XX века. Под ред. В. М. Толмачёва. М., 2007. С. 100.

⁴ Cabbarlı C. *Sevil* / Cabbarlı C. Əsərləri. Dörd cildə. III cild. Bakı, 2005. S. 54.

Отсылки к пьесе Ибсена у Джаббарлы, безусловно, не исчерпываются центральным мотивом «кукольности», но проявляются также во многих характеристиках героев и элементах сюжета. Аллюзиями, по всей видимости, можно считать должность мужа главной героини Балаша, некоторые разыгрывающиеся между супругами диалоги и др. Вместе с тем, говоря о «Кукольном доме», важно учитывать, что уже сам Ибсен возражал против сведения смысла этой драмы к сугубо гендерной проблематике¹; подобные интерпретации кажутся несколько односторонними и в отношении произведения Джаббарлы. Примечательный в этом контексте факт: за созданным как дань памяти героине пьесы бакинским монументом закрепилось, наряду с официальным названием «Освобожденная женщина», и второе название — «Освобождение».

Подводя предварительные итоги обращения к этой весьма объемной и, конечно, не поддающейся простым истолкованиям компаративистской теме, нужно отметить, что весьма значимым в ее рамках становится имагологический аспект. В тексте Джаббарлы сюжет поиска свободы сопровождается постоянными размышлениями героев о Востоке и Западе. Размышления эти, при ближайшем рассмотрении, также обнаруживают элементы пародии на расхожие клише и допускают весьма разноречивые трактовки, вовлекая исследование в широкий контекст проблематики ориентализма и оксидентализма.

*Аврутина А. С. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург),
Аверьянов Ю. А. (НИУ ВШЭ, Москва)*

Образы суфиев в романах современных турецких писателей

Начало XXI века отмечено возрождением интереса турецких писателей к жанру романизированной биографии знаменитых суфиев.

Среди биографических романов в турецкой литературе первое место очевидно принадлежит романам о Юнусе Эмре, жизнь которого практически не освещена историческими документами, что позволяет авторам подобных произведений довольно свободно оперировать легендарными сведениями.

Роман Мустафы Неджати Сепетчиоглу (1932–2006 гг.) «Мое имя Юнус Эмре» появился в печати в 1980 г. Юнус Эмре в нем в большей степени не фольклорный герой, а странствующий дервиш-романтик. Его преследует Молла

¹ Куприянова И. П. Хенрик Ибсен // История зарубежной литературы XIX в. / Под ред. Е. М. Апенко. М., 2020. С. 403.

Касым, отрицательный персонаж, оказывающийся словно бы его собственным вторым «я». Юнус здесь является дервишем с самого начала романа, но он не привязан ни к какому наставнику. Именно в странствиях раскрываются его взгляды на природу, мир, людей и на себя самого. Его странствие начинается в Конье и заканчивается в обители Хаджи Бекташа в окрестностях Кыршехира. До встречи с садовником дервиш Юнус видит лишь внешнюю сторону вещей, которая привлекает его своей красотой. После садовника он встречается дервишей-каменщиков. Странствуя с ними, Юнус понимает необходимость строительства обителей, в которых дервиши получают и кров над головой и духовное воспитание. Сельчане посылают Юнуса в обитель Хаджи Бекташа за пшеницей, так как в деревне недород. Юнус получает пшеницу и отдает ее Молле Касыму, но самого его не принимают в обитель, когда он возвращается туда с целью служить Хаджи Бекташу. В этом проявляется некоторый психологизм повествования, которое ведется от первого лица. Юнус одинок, у него нет ни семьи, ни детей, ни профессии. Внешность его также не описывается. Можно предположить, что ему около сорока лет. Из имущества у него есть только дорожная сума. Его alter ego Молла Касым обвиняет его в ереси и отступничестве и превратно толкует его стихи односельчанам.

Искендер Пала (род. 1958, г. Ушак) снискал известность не только как писатель, но и как исследователь традиционной османской поэзии. В 2011 г. он выпустил в Стамбуле роман «Огонь. Наш Юнус», в котором представил Юнуса Эмре глазами его оппонента Моллы Касыма. Роман начинается с того, что Молла Касым однажды вечером встретил на своем пути полуголого полубезумного дервиша со спутанными длинными волосами. Этот дервиш передал ему промокший под дождем свиток бумаги. Молла Касым развернул свиток и стал читать, но написанное ему показалось «суфийской бредятиной», и он, разорвав свиток на мелкие клочки, часть их сжег в огне, часть же бросил в протекавшую рядом реку. Но в одном из стихотворений, оставшихся у него, он вдруг прочел свое имя и описание этих своих действий, после чего раскаялся в содеянном и, разыскав самого Юнуса Эмре, стал просить у него прощения, обещая взамен написать о его жизни. Юнус рассказал ему, что потерял жену и детей во время нашествий монголов и крестоносцев. Сына Юнуса по имени Исмаил купил на невольничьем рынке палач, служивший монгольским завоевателям. Потом Исмаил сам стал разбойником, главарем шайки.

По словам Искендера Пала, жизнь Юнуса Эмре была полна страданий и лишений. Юнус не расстается с дорожной сумой, сшитой руками его преданной жены Ситаре. В этом произведении Юнус до конца своих дней остается неграмотным, и стихи он начинает сочинять в довольно зрелом возрасте. Все это признаки реализма — того направления, которому повествователь здесь, очевидно, желает следовать.

Алиева К. А. (ЛГУ им. А. С. Пушкина; СПбГУ, Санкт-Петербург)

Некоторые особенности аспектуального значения формы -mīš в древнеуйгурском языке

В тюркологии долгое время считалось, что в тюркских языках отсутствует категория вида. Однако исследования Л. Юхансона, Д. М. Насилова и В. Г. Гузева показали наличие средств выражения видовых значений в современном турецком и узбекском языках. Это открытие подчеркивает сложность и многообразие грамматических систем тюркских языков.

В. Г. Гузев выделяет отдельную морфологическую категорию аспектуальности, включающую глагольные формы, сложенные аналитическим путем, как средства выражения «акционсартовых значений» (начинательности, терминальности, процессуальности и т. д.). Это позволяет более детально анализировать способы действия в тюркских языках. Понятие аспектуальности в тюркских языках, однако, не равно ему, но при этом имеет свои уникальные характеристики. Аспектуальные семы, указывающие на стадии протекания ситуации во времени, объединяются понятием функционально-семантического поля аспектуальности. Линейный и вторичный аспекты представляют различные подходы к анализу ситуации: линейный аспект рассматривает структуру процесса (подготовительная, срединная и финальная стадии), а вторичный аспект представлен значениями хабитуалиса, мультипликатива и перфектива.

Форма -mīš в древнеуйгурском языке может функционировать как субстантивно-адъективная форма в позиции прямого дополнения и передавать аспектуальное значение результативного перфекта. Это указывает на то, что действие достигло своего предела и стало визуально доступным. Указание на предшествование действия и его представление в виде результата дает основание полагать, что морфема -mīš в древнеуйгурском языке является носителем аспектуального значения. Это подтверждается анализом контекстуальных ситуаций использования данной формы.

С точки зрения синтаксиса древнеуйгурского языка форма -mīš также обнаруживает способность образовывать не только финитную, но и нефинитную форму. В частности, форма -mīš может выступать в функции объекта — прямого дополнения — в собственно тюркской объектной модели.

Исследования по тюркским языкам показывают, что форма -mīš может рассматриваться как форма прошедшего времени, способная указывать на значимость результата прошедшего действия. Однако в большинстве работ основное внимание уделяется современным тюркским языкам. Изучение семантики перфекта и возможности его употребления в тюркских языках, предшествовавших современным, представляет особый интерес. Анализ письменных памятников древнеуйгурского языка позволяет выявить уникальные особенности использования формы -mīš.

Функционально-семантическое поле аспектуальности находит морфологические средства выражения в древнеуйгурском языке. Это подтверждается использованием морфемы -mïş наряду с морфемами -juq и -duq, также способными передавать адъективные и субстантивные значения, но лишённые аспектуальной семантики. Результаты исследования подтверждают наличие средств выражения аспектуальных значений в древнеуйгурском языке и расширяют понимание функционально-семантического поля аспектуальности в тюркских языках. Это имеет важное значение для дальнейшего изучения грамматической системы тюркских языков и её развития.

*Ахмедов Б. Я. (Бухарский государственный педагогический институт,
Бухара, Узбекистан)*

Активные процессы формирования словосочетаний в современном узбекском языке

Статья посвящена исследованию активных процессов образования словосочетаний в современном узбекском языке. В ней рассматриваются основные механизмы, через которые происходит формирование новых словосочетаний, включая морфологические, синтаксические и семантические аспекты. Как известно, развитие каждого языка происходит не только на основе внутренних законов, но и под воздействием других контактирующих языков. В развитии национальных языков, и в том числе узбекского, огромную роль играет русский язык — язык межнационального общения. Влияние русского языка на узбекский настолько велико, что оно уже распространяется на синтаксис узбекского языка. Особенно большие типологические изменения и сдвиги произошли и происходят в системе словосочетаний, потому что «структуры словосочетаний по характеру выражаемых значений более конкретны, более подвижны, так как, во-первых, изменения в них могут быть непосредственно связаны с семантическими процессами, происходящими в слове; во-вторых, их развитие стимулируется процессами взаимовлияния и употребления, действующими внутри самой системы словосочетаний»¹.

На современном этапе развития узбекского языка встречаются синтаксические конструкции, построенные по моделям русского языка. Такое влияние особенно ощутимо в материалах периодической печати.

В частности, в современном узбекском языке появляется все больше новых словосочетаний, соответствующих синтаксическим конструкциям русского языка. Так, словосочетание «рус тилига кизиқиш» (проявлять интерес к русскому языку) вполне нормально с точки зрения синтаксиса узбекского языка,

¹ Дешериев Ю.Д. Закономерности развития и взаимодействия языков. М., 1986. 204 с.

но наряду с ним функционирует новая для узбекского языка конструкция «рус тили билан қизиқмоқ» (интересоваться русским языком), причиной возникновения которой является соответствующая конструкция русского языка. Глагол «қизиқмоқ» (интересоваться) в узбекском языке обычно управляет дательным-направительным падежом, а появление конструкции с послелогом «билан» обусловлено воздействием русской конструкции «интересоваться русским языком».

В последнее время в узбекском языке наблюдается интенсивное развитие именных словосочетаний. В их образовании важную роль играют сложные глаголы, которые состоят из именной части и глаголообразующего элемента, в качестве которого выступают глаголы «қилмоқ» (делать), «этмоқ» (делать), «бўлмоқ» (делаться, становиться) и т. д. Вследствие выпадения глаголообразующего элемента образуются именные словосочетания. Например: ваъдага вафо қилмоқ — ваъдага вафо (выполнить обещание — верность обещанию); дўстга ёрдам бermoқ — дўстга ёрдам (помогать товарищу — помощь товарищу).

Словосочетания, образованные упомянутым способом, очень распространены в периодической печати, через которую они проникают в общеупотребительную речь. Такие словосочетания не всегда соответствуют первоначальным конструкциям: часто они выступают как новые словосочетания с самостоятельным значением.

Автор анализирует влияние различных факторов на динамику формирования словосочетаний, например, заимствования из других языков, социальные изменения, культурные тенденции. Особое внимание уделяется инновационным формам, возникающим в результате языковой креативности и адаптации к современным реалиям. Дальнейшему обогащению структурных типов словосочетаний узбекского языка способствует и калькирование словосочетаний с русского языка. В периодической печати часто стали встречаться синтаксические кальки, заимствуемые и переводимые с русского языка. Например: ота-оналар ва болалар ўртасидаги муносабат — отношение между родителями и детьми.

Таким образом, в синтаксической системе современного узбекского языка наблюдается появление новых типологических явлений, вызванных не только изменениями его внутренней структуры, но и иноязычным влиянием, в первую очередь влиянием русского языка, которое выражается в следующем:

а) при отдельных глаголах появляется новое управление (например: глагол қизиқмоқ — интересоваться), что приводит к возникновению синтаксической синонимии;

б) усложняется структура словосочетаний: наряду с синтаксическими конструкциями дальнейшее развитие получают аналитические конструкции;

в) активизируются некоторые послеложные конструкции (конструкции с послелогом «бўйича», «юзасидан»);

г) появляются синтаксические кальки;

д) наблюдается расширение лексического значения слов и их сочетаемость.

Указанные изменения в структуре словосочетаний узбекского языка являются не коренными сдвигами, а всего лишь активизацией тех или иных синтаксических моделей языка под влиянием внутренних и внешних факторов, особенно под воздействием на узбекский язык русской синтаксической системы.

В заключение хотелось бы подчеркнуть значимость изучения этих процессов для понимания развития узбекского языка и его роли в многоязычном контексте. Статья будет полезна как лингвистам, так и всем интересующимся современными тенденциями в языке.

*Валеев Рамиль М. (КФУ, Казань), Валеев Рафаэль М. (КФУ, Казань),
Валеева Р. З. (КИУ, Казань)*

Российская тюркология и наследие С. Е. Малова: опубликованное и архивное эпистолярное наследие. (К 145-летию со дня рождения)¹

В отечественной тюркологии в XIX — начале XX в. развивались филологическая и культурно-исторические дисциплины, новые методики и приемы исследований народов и стран тюркской цивилизации. Получила развитие классическая тюркология, связанная с мертвыми и живыми языками, фольклором, литературой и историческими памятниками, древней и средневековой историей и культурой тюркоязычных народов зарубежного Востока и Российской империи — Советского Союза — Российской Федерации.

В истории и культуре народов Поволжья и Приуралья и казанского востоковедения XIX — начала XX в., в особенности университетской ориенталистики, тюркология, связанная с османистикой, арабистикой, иранистикой, исламоведением и центрально-азиатскими исследованиями занимает важное и почетное место.

В истории казанской тюркологии первых двух десятилетий XX в. ключевыми фигурами, которые получили классическое востоковедческое образование в Санкт-Петербурге и Москве, стали Н. Ф. Катанов (1862–1922), Н. И. Ашмарин (1870–1933) и до отъезда в Санкт-Петербург (1922 г.) — С. Е. Малов (1880–1957)². Их оригинальное научное и просветительское наследие в новый период развития Российского государства и общества (особенно современного тюркского мира) остается востребованным и актуальным.

¹ Исследование выполнено при поддержке РНФ (проект № 25-28-20026) и в соответствии с Программой стратегического академического лидерства Казанского (Приволжского) федерального университета.

² Биобиблиографический словарь отечественных тюркологов: Доокт. период / АН СССР, Отделение лит. и яз., Сов. ком. тюркологов, Ин-т востоковедения; подгот. А. Н. Кононов. 2-е изд., перераб. М.: Наука, 1989. С. 30–32; 119–121; 154–155.

В 2025 г. внимание коллег России, современных тюркских государств и Европы будет приковано к 145-летию со дня рождения выдающегося знатока древнетюркских рунических и уйгурских памятников и педагога-тюрколога, тем более его наследию, связанному с известными двумя научными путешествиями в Западный и Центральный Китай (1909–1911 гг. и 1913–1915 гг.). Известные российские тюркологи Кормушин И. В. и Насилов Д. М. в связи со 100-летием со дня рождения С. Е. Малова писали: «Ныне, обращаясь к обширному наследию С. Е., мы без труда видим две основные линии его научного творчества: изучение древнетюркских памятников и исследование современных тюркских языков, причем главным образом языков Центральной Азии»¹. Значимым гуманитарным наследию С. Е. Малова являются его письма и в целом переписка с отечественными и европейскими учеными и общественными деятелями.

Основная цель доклада — обзор направлений, основных итогов и перспектив изучения эпистолярного наследия профессора, члена-корреспондента (1939 г.) С. Е. Малова, которые были опубликованы в истории российской тюркологии, и особенно неопубликованных писем² из архивных центров России (Москвы, Санкт-Петербурга, Казани, Чебоксар и др.).

Перспективным остается поиск, систематизация и введение в научный и общественный оборот из российских научных, культурных и архивных центров и фондов собраний и материалов, посвященных биографии и наследию С. Е. Малова, его коллег-востоковедов и современников³. Их научно-исследовательская, педагогическая и общественная деятельность внесла огромный вклад в российскую и европейскую ориенталистику и тюркологию и в целом историю и культуру народов современной России XIX–XX вв.

Громов М. А. (РГУ, Москва)

Итало-турецкая война в османских и европейских источниках

Доклад выполнен в парадигме историко-культурного анализа и рассматривает освещение Итало-турецкой (триполитанской) войны в османских и евро-

¹ Кормушин И. В., Насилов Д. М. О жизни и творчестве С. Е. Малова // *Тюркологический сборник*. 1975. М.: Наука, 1978. С. 5.

² Александр Николаевич Самойлович: Научная переписка. Биография / сост., автор статей и биографии Г. Ф. Благова. М.: Вост. лит. РАН, 2008.

³ Архив РАН, Москва; Государственный архив Республики Татарстан, Казань; Санкт-Петербургский филиал Архива РАН, Санкт-Петербург; Научный архив Чувашского государственного института гуманитарных наук, Чебоксары.

пейских — преимущественно итальянских — источниках. Восприятие данной войны варьировалась в зависимости от политического и культурного контекста сторон-участниц конфликта. В докладе осуществляется сравнительный анализ османских и итальянских источников, позволяющий выявить ключевые различия в интерпретации войны. Работа основывается на различных источниках — хрониках, мемуарах, прессе, официальных отчетах, дипломатических переписках, — каждый из которых стал важным элементом формирования исторической памяти о той войне.

Итало-турецкая война 1911–1912 гг. стала первым крупным военным конфликтом с участием Османской империи в XX веке и существенно повлияла на распад страны, а также на баланс сил в регионе накануне событий Первой мировой войны. В османских источниках Итало-турецкая война изображается преимущественно как борьба за территориальную целостность империи и за свободу Ливии от европейского империализма. Османские издания поддерживали военные усилия своей армии и пытались мобилизовать население, используя пропаганду для поддержания морального духа и укрепления османской идентичности.

Итальянские источники, в свою очередь, описывают стратегическую важность закрепления Италии в Ливии и ослабления разваливающейся Османской империи. Итальянская пресса повышала накал противостояния и дошла до патриотической пропаганды, которая также анализируется в докладе. Итальянские газеты проделали путь от «мирного экономического проникновения в Ливию» до «построения могущественной империалистической Италии на обломках Османской империи» и смогли сформировать восприятие общественности. В целом война рассматривается как шанс для расширения влияния Италии на Ближнем Востоке, как попытка «успеть» на передел мира и продемонстрировать свою мощь. Колониальные амбиции Италии не скрывались ни в прессе, ни в государственных отчетах.

Сравнительный анализ показывает принципиальную разницу в восприятии этого конфликта. Османские источники делают акцент на национальную гордость, создавая образ трагической, но священной войны для сохранения собственной идентичности в условиях внешнего давления. Итальянские и европейские источники, в свою очередь, видят в этой войне столкновение экономических и геополитических интересов, подчеркивая влияние событий на международные отношения. Также стоит отметить, что для османов эта война стала символом упадка, в то время как для европейских держав — очередным этапом в перераспределении сфер влияния в Средиземноморье.

В заключении делается вывод, что Итало-турецкая война сыграла важную роль в международной политике накануне Первой мировой и в восприятии исторических процессов современниками. Использование османских и европейских источников позволяет понять многогранность понимания войны для обеих сторон и подчеркивает важность комплексного подхода в исследовании международных конфликтов.

Гудзина В. А. (Бухарский ГУ, Бухара, Узбекистан)

Женское видение мира в поэзии узбекской поэтессы Зульфий

Гендерные установки и стереотипы долгое время не позволяли объективно осмыслить масштабность женщин-поэтов в узбекском литературном процессе XIX в. Право женщины на творческую самореализацию в узбекской поэзии было признано окончательно лишь в начале XX века.

В поэтическом пространстве узбекской литературы начала XX века появилась целая плеяда женщин-поэтесс: Айдын (Манзура Сабирова), Саида Зуннунова, Музайяна Алавия, Зульфийа (Зульфийа Исроилова) и другие. Многие из них зарекомендовали себя в качестве серьезных поэтов, но творчество Зульфийи Исроиловой¹ прошло испытание временем и придирчивым отношением критиков. Так, автор монографии «Узбекская литература XX века» Садулла Мирзаев из вышеперечисленного списка талантливых поэтесс лишь Зульфийю включает в раздел «Выдающиеся деятели узбекской литературы XX века». В узбекской литературе Зульфийа представляет самый яркий пример поэтессы, являющейся признанным художником слова, способствовавшей формированию национальной школы поэтов «женского» вектора.

На становление поэтической системы Зульфийи оказала огромное влияние классик узбекской литературы XIX века Нодира. Важно отметить, что отличительным маркером творчества Нодире является характеристика женского пространства, описание благородных черт современниц, похвала «красоте, доброте женщин». Самой заветной мечтой поэтессы было увидеть, «как взойдет солнце нашего счастья» и наступит долгожданное освобождение от жизни, подобной «мраку темницы»².

Однако, продолжив старую поэтическую традицию и творчески используя формы классической литературы, Зульфийа создала новые образы молодых женщин, которых не было в произведениях авторов-женщин предыдущего столетия. Не только как поэтесса, но и как женщина она является образцом для молодых людей Нового времени.

Что ты есть, — теплота! —
Предков древний огонь,
В настоящем хранящий дыханье былое!
Ты — строка со строкой,
Ты — с ладонью ладонь,
С сердцем — сердце родное!

¹ Зульфийа. Водопад. Стихи. Ташкент: Издательство литературы и искусства, 1969. 80 с.

² Нодира. Избранная лирика Востока. Ташкент: Шарк, 2006. 76 с. С. 10.

Зульфия предстает перед читателем как художник женского сердца, талантливо представивший разнообразные ипостаси женского естества. В поэзии Зульфий виден новаторский для своего времени процесс становления женщины субъектом лирического высказывания, выразительницей эпохи культурной ломки патриархального общества и транслятором стремления узбекских женщин к новой жизни. Поэтесса раскрывает проблемы, которые в узбекской поэзии до этого относились к табуированным темам, — взаимоотношения полов, женская свобода, получение женщинами знаний, включение женщин в активную общественную жизнь. Ее произведения, глубокие по содержанию, всегда отображают богатый мир женщины.

Образ самой поэтессы воплощен во всем поэтическом творчестве Зульфий и представлен в образе «я», «он», «ты», «мы». Знаменитый поэт Миртемир в своей статье «Благородные и знаменитые» так говорил о лирической героине Зульфий: «В лирике любимой поэтессы “Я” — это выражение полной воли узбекской женщины, чувства равноправия, человеческой гордости, материнской радости, товарищества и горя»¹.

Лирика Зульфий тематически широка, ярка и идейна. Отношение поэтессы к важным женским вопросам и жизненным событиям четко прослеживается в созданных ею стихотворениях. Сама Зульфия так говорит об этом: «Жизнь идет, унося с собой наши годы, взамен оставляя стихи, где жизнь души — ослепительная, до боли щемящая радость бытия, и старые шрамы, и новые кровоподтеки, которыми нас щедро одаривают наши дни. Но она, жизнь, этим все дороже и желаннее»².

Поэтическое наследие Зульфий обширно, так как великое и малое, попадая под «микроскоп» ее анализа, обретает глобальные параметры и масштабность. Стихотворения ее содержат нарративные стратегии, основной целью которых является раскрытие стремлений, надежд и мечтаний узбекской женщины. История современниц превращается под пером поэтессы в своеобразное зеркало эпохи. Наполненные чувствами стихотворные строчки поэтессы, рассказывающие о радостных и счастливых днях, долгих разлуках, печали и грусти представляют собой исповедь, пронизанную глубоким трагизмом и особой лиричностью. Зульфия своим стремлением к гендерной самоидентичности предстает как поэт-женщина, мыслящая и говорящая вопреки установленной в обществе патриархальной культуре.

Несмотря на то, что художественная мысль Зульфий подвергается трансформации в разные периоды житнетворчества, ее лирике не характерны недомолвки и недоговоренности, возможно, в силу высокой степени экстравертности личности автора.

¹ Миртемир. Тонг куйчиси // Зульфия. Асарлар. Ташкент: Издательство литературы и искусства, 1974. 320 с. С. 8.

² Кулиев К. Так растет и дерево. М.: Современник, 1975. 380 с. С. 9.

Написав последнюю строку,
 Я уже своим стихам не рада.
 Но свою надежду иль тоску
 Всей вселенной мне поведать надо.

(Перевод С. Липкина)

Лирика Зульфийи вобрала в себя много специфических черт, присущих женской поэзии, среди которых можно выделить необыкновенную музыкальность и пластичность стихотворной строки, раскрытие тонких эмоциональных переживаний. Женская идентичность Зульфийи заключается в ее способности соотнести себя со своим не только биологическим, но и социальным полом, осветить с женского ракурса любовные чувства и понимание себя, которое происходит через диалог с окружающим ее жизненным пространством.

Дубровина М. Э. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

Сравнительный анализ падежных форм (на материале современного турецкого языка и языка древнетюркской рунической письменности)

Категория склонения представляет собой одну из развитых морфологических категорий в тюркских языках. Эта грамматическая категория во всех тюркских языках включает в себя не менее пяти синтетических форм, при этом функциональные возможности каждой из них весьма широки. На этом фоне механизм передачи предметных падежных связей в европейских языках выглядит иначе, так как в большинстве этих языков форм, образованных синтетическим путем численно меньше, кроме того, семантически имеющиеся формы европейских категорий отличаются от того, что обнаруживается в тюркских языках. Однако и внутри этой группы языков при очевидной общности языковой стратегии выражения предметных связей, наблюдаются различия в численном отношении входящих форм, большие вариации в аффиксальном плане, в семантической области и функциональных возможностях.

Настоящее исследование направлено на сравнительное изучение форм склонения двух языков, которые предположительно можно соотнести как диахронические стадии, поскольку, по мнению ученых, они представляют собой генетически родственные языки — язык древнетюркских рунических надписей и турецкий язык.

Язык древнетюркских рунических надписей является одним из самых ранних зафиксированных тюркских языков. На этом языке были составлены первые древнетюркские датированные памятники эпохи Второго тюркского каганата (682–745 гг.). Наиболее известными среди них являются крупные по объему

надписи на камне — памятник Тоньюкука и памятник в честь Кюль-Тегина. Многие крупные тюркологи, среди которых были Э. Р. Тенишев, А. Н. Кононов, И. В. Кормушин, полагали, что «первый письменный литературный язык — язык памятников рунического письма (руническое койне) сложился на огузской основе с уйгурскими и кыпчакскими включениями». Это дает основание ученым соотносить этот древний язык с его современными «потомками», прежде всего с современным турецким языком. Именно этим обусловлены различные тюркологические исследования сравнительного характера, сопоставляющие те или иные грамматические аспекты этих языков. Однако можно констатировать, что категория склонения в общем и отдельные ее формы этих языков еще не подвергались детальному анализу. Что и составляет актуальность настоящего исследования.

В языке рунических надписей автор настоящей работы выделил семь падежных форм: родительный, винительный, дательный, направительный, местно-исходный, орудный, сравнительный. Многие из древних падежных форм не вошли в состав современного турецкого языка. Поскольку в этом языке категория склонения состоит из пяти форм: родительный, винительный, дательный, местный и исходный. Интересно проследить, как многие пространственные падежи (например, орудный падеж) из синтетической формы перешли в аналитическую, когда семантика стала передаваться с помощью служебных слов — послелогов. С другой стороны, те связи, которые в древнем языке передавались одной формой, в современном турецком языке выражаются двумя разными падежными формами — местным и исходным.

Важно отметить, что, несмотря на увеличение в современном языке грамматикализации таких падежных форм, как родительный и винительный, именительный падеж как не существовал в древнем синхроническом состоянии, так и не развился в ходе диахронии.

Дьяков Н. Н. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

История Ближнего Востока в трудах ученых ВФ ЛГУ/СПбГУ на рубеже XX–XXI вв. К 100-летию профессора А. Д. Желтякова (1925–1989)

Систематическое изучение и преподавание дисциплин, связанных с историей, религией, культурой народов Ближнего и Среднего Востока, продолжается в стенах С.-Петербургского университета уже более двух столетий. В XIX — начале XX в. эти разделы востоковедения были представлены в университете именами таких выдающихся ученых, как О. И. Сенковский, А. К. Казембек, И. Н. Березин, В. В. Григорьев, А. О. Мухлинский, Н. И. Веселовский, В. В. Бартольд и др.

Профессор Анатолий Дмитриевич Желтяков (1925–1989)

Воссоздание Восточного факультета (ВФ) в составе ЛГУ по окончании ВОВ отмечено появлением новой яркой плеяды ученых-ближневосточников, в числе которых было немало учеников В. В. Бартольда (А. Ю. Якубовский, В. А. Крачковская, Н. В. Пигулевская), а также других замечательных профессоров-универсантов: И. П. Петрушевский, А. Д. Новичев, Л. В. Строева и др.

Открытую в 1949 г. кафедру истории стран Ближнего Востока (ИСБВ) вслед за известным иранистом проф. М. С. Ивановым в 1955–1960 гг. возглавлял крупнейший специалист в области материальной культуры народов Ирана, Закавказья и Малой Азии академик И. А. Орбели (1887–1961), а с 1961 г. вплоть до своей кончины — профессор И. П. Петрушевский (1898–1977).

Выпускник ВФ ЛГУ, А. Д. Желтяков начал свою работу на кафедре ИСБВ в 1951 г. Главным направлением его научной деятельности стало изучение социально-политической истории и общественной мысли Турции как в османский, так и в республиканский периоды ее истории. В 1955 г. А. Д. Желтяков защитил кандидатскую диссертацию, посвященную роли крестьянства в национально-освободительном движении в Турции (1918–1920 гг.).

Почти четыре десятилетия преподавания в стенах ВФ и 12 лет заведования кафедрой ИСБВ были отмечены яркими, подчас драматическими событиями как в научной, так и в личной судьбе А. Д. Желтякова.

Тяжелая травма, полученная в результате авиакатастрофы, внешне, казалось, не отразилась существенно на университетской деятельности А. Д. Желтякова. Незаурядное мужество и характер ученого позволили ему добиться широкого признания как в отечественной, так и в мировой науке.

За годы работы на ВФ ЛГУ А. Д. Желтяков опубликовал более сотни трудов, в т. ч. : «Турецкая хрестоматия (официальные тексты)» (1951), «Младотурецкое движение в трудах турецких историков» (1965) — совместно с Ю. А. Петросяном, «История просвещения в Турции (конец XVIII — начало XX века)» (1965), «К вопросу о вестернизации Турции в новое время» (1968), «Изучение истории, экономики и культуры Турции в Петрограде-Ленинграде, 1917–1967» (1970), а также ряд статей в Советской исторической энциклопедии, рецензии, переводы и т. д.

Особое место в творчестве ученого заняли перевод и комментарий извлечений из «Книги путешествия» турецкого путешественника XVII в. Эвлия Челеби, вышедших в серии «Памятники литературы народов Востока» (1961, 1979, 1983). Им же были подготовлены разделы о землях Молдавии и Украины, о Северном Кавказе, Подонье и Поволжье.

Исторические связи с Турцией народов России, а также славянских народов Балкан всегда привлекали внимание А. Д. Желтякова. Самые тесные научные контакты он поддерживал с учеными Болгарии, среди которых у него было немало учеников и друзей.

В сборнике трудов востоковедов ЛГУ «Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки» (VII, 1983) была опубликована статья А. Д. Желтякова, посвященная изучению истории Болгарии периода турецкого владычества в работах отечественных ученых-османистов.

Вся история Болгарии с середины XIV в. и до конца XIX в., писал А. Д. Желтяков, это «часть региональной истории европейского юго-востока» для ученых-балканистов, в то время как для османистов — это «история самой крупной и во многих отношениях важнейшей провинции Османской империи...». Подобный широкий общеисторический, а вернее, историко-геополитический, подход отмечал и другие работы ученого, сохраняющие свою актуальность и сегодня.

В 1972 г. А. Д. Желтяков защитил докторскую диссертацию на тему: «Печать в общественно-политической и культурной жизни Турции. 1722–1908 гг.», которая легла в основу его монографии, вышедшей в 1974 г. в Москве, и в том же году удостоенной Университетской премии. В 1979 г. эта работа была опубликована в Турции.

За время работы на ВФ ЛГУ А. Д. Желтяков подготовил и читал целый ряд лекционных курсов по истории Турции (для тюркологов), а также специальные курсы «Национально-буржуазная революция в Турции 1918–1923 г.», «Современная Турция», «Проблемы истории культуры Турции в новое время», общий курс истории Турции и стран Ближнего Востока в Новое и Новейшее время на историческом и философском факультетах.

Наряду со старшими своими коллегами (Е. Я. Люстерник, А. Д. Новичев, И. А. Орбели, И. П. Петрушевский, Б. Б. Пиотровский и др.) А. Д. Желтяков был одним из инициаторов, организаторов и активным участником проведения в 1960-е гг. ставших традиционными междуниверситетских и международных форумов по проблемам историографии и источниковедения истории стран Азии и Африки.

С 1977 г. и вплоть до своей кончины в марте 1989 г. профессор А. Д. Желтяков заведовал кафедрой ИСБВ, постоянно расширяя и совершенствуя спектр научных дисциплин и учебных курсов по истории и культуре, экономике и политике, этнографии и религиоведению стран изучаемого региона.

Ученики и младшие коллеги А. Д. Желтякова продолжают сегодня трудиться в университетах и научных центрах нашей страны: в СПб и Москве, в Казани, Уфе и Махачкале, а также во многих странах ближнего и дальнего зарубежья: в Азербайджане и Армении, в Болгарии и Германии, в странах Ближнего и Среднего Востока.

Достоинным памятником профессору А. Д. Желтякову — выдающемуся отечественному историку-востоковеду, организатору науки и университетского восто-

коведного образования призваны служить проводимые уже более 60 лет в стенах ЛГУ / СПбГУ крупнейшие в нашей стране конгрессы по источниковедению и историографии истории стран Азии и Африки.

Жуков К. А. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

Востоковед-дипломат на службе в Османской Турции и Сербии: Степан Иванович Чахотин (1857–1919)

Настоящий доклад призван привлечь внимание к незаслуженно забытому выпускнику Восточного факультета Петербургского университета. Архивные материалы, имеющие отношение к С. И. Чахотину, хранятся в фонде Н. И. Веселовского в РГАЛИ¹. Из них следует, что отцом Чахотина был костромской крестьянин, со временем ставший настолько зажиточным купцом, что его сын смог окончить столичную немецкую гимназию св. Петра. С 1876 по 1880 гг. Чахотин — студент ФВЯ. Был выпущен с золотой медалью за сочинение о турецкой исторической литературе. По окончании университета был принят на службу в МИД. В сентябре-декабре 1880 г. находился в Учебном отделении восточных языков при Азиатском департаменте, откуда его направили в качестве студента (стажера) при посольстве в Константинополь. До конца лета 1883 г. исполнял обязанности 2-го драгомана в османской столице, затем драгомана и секретаря в Иерусалимском генконсульстве. Впоследствии был отозван в Константинополь и назначен 1-м драгоманом Российского генерального консульства. 19 сентября 1889 г. его назначили управляющим Агентства МИД в Одессе с последующим переводом в Сербию. С августа 1895 г. до 1915 г. Чахотин служил российским консулом в г. Нише.

В 1882 г. Чахотин посетил святую гору Афон. За последующие четыре года, а именно к 1886 г., им было переведено на русский язык более 200 ферманов и других турецких документов, принадлежавших русскому Свято-Пантелеймоновскому монастырю на Афоне.

Чахотин корреспондировал в журнал «Нива», в газету «Новое время», пробовал себя в качестве переводчика турецкой художественной прозы. В № 7–8 журнала «Север» за 1893 г. был напечатан его перевод рассказа «Свадьба», автором которого являлся Сезаи Сами-пашазаде (1859–1936), бывший османский дипломат в Лондоне, тогда уже известный писатель-западник, а в будущем — видный участник младотурецкого движения. В «Новом времени» Чахотин печатался под псевдонимом «Стамбулец». Пафос его публикаций — сохранение памяти о русском

¹ Хохлов А. Н. Документы русского госпиталя в Константинополе. Из истории русско-османских гуманитарных связей во второй половине XIX — начале XX в. // Османский мир и османистика. Сб. ст. к 100-летию со дня рождения А. С. Тверитиновой (1910–1973). М., 2010. С. 184, примеч. 10.

присутствии в Турции. Одна из таких статей, «Москов-таш, или русский памятник на Босфоре» (29 июня 1890 г.), посвящена монументу, который был воздвигнут в 1833 г. на месте высадки русского десанта, сохранившего власть султана Махмуда II во время мятежа египетского паши Мехмета Али. Другая — «Русское кладбище в Сан-Стефано» (6 января 1887 г.) поднимала тему воинских захоронений в Турции после войны 1877–1878 гг.

Плодом книжной собирательской деятельности Чахотина в Турции является ныне украшающий коллекцию РНБ Коран, переписанный в Медине в 982/1574 г., купленный им в Стамбуле в 1895 г.¹

Чахотин оставил след в изучении русско-турецких отношений. Им сделан перевод грамоты султана Мурада IV, отправленной в 1629 г. в Москву в ответ на предложения русского посольства о союзе против Польши. Грамота была обнаружена Чахотиным в составе письмовника (*иниша*) — сборника османских документов, «писанного в половине прошлого столетия», который он приобрел у константинопольских букинистов. Специфика его публикаций, в том числе научных, — выход в злободневную публицистику. Турции, для сохранения самобытности, необходимы дружеские отношения с Россией, полагал Чахотин, но этому препятствовали чиновные сферы Османской империи, которые «уже успели воспринять внешний лоск европейской образованности и всосать вместе с тем слепую ненависть Запада к России»².

Чахотин писал стихи. Большим поэтическим даром он не обладал, однако в 2012 г. в г. Нише был издан сборник чахотинских стихотворений, озаглавленный «В Сербии и о Сербии» (русский текст и сербский перевод)³.

Отдельной страстью Чахотина была нумизматика. Он нашел консультантов в среде русских востоковедов, объединившихся вокруг «Записок Восточного отделения Императорского Русского археологического общества» (ЗВОРАО). Главным экспертом Общества в области нумизматики был В. Г. Тизенгаузен, который уже с первого тома ЗВОРАО взял на себя труд публиковать разборы монет, присылаемых Чахотиным из Константинополя, с целью их возможного приобретения РАО. В это время нумизматические исследования в обеих империях переживали настоящий бум. А. К. Марков готовил свое описание эрмитажной коллекции. Чахотин установил отношения с сыновьями бывшего великого везира Ибрагима Эдхем-паши, старший сын которого, Осман Хамди-бей, в 1891 г. основал Стамбульский археологический музей, а средний, Исмаил Галиб Эдхем, стал основоположником османской нумизматики. В 1890 г.

¹ Васильева О. В. Рукописные Кораны в Российской национальной библиотеке. Электронный ресурс: <https://expositions.nlr.ru/ve/RA3991/rukopisnye-korany-istoriya?ysclid=m2uk1kcpc790564169> (дата обращения: 29 октября 2024 г.).

² Чахотин С. И. К истории русско-турецких дипломатических сношений в начале XVII столетия // Исторический вестник. 1892. Т. 50. Октябрь. С. 151.

³ Джонич В. П. Образ С. И. Чахотина на фоне его сборника стихотворений «В Сербии и о Сербии» // Сборник радова Филозофског факултета (Универзитет в Нише). 2022. ЛП (1). С. 27–37.

Галиб-бей издал каталог коллекции, которую он собирал в течение 15 лет (Galib, İsmail. Takvim-i Meskukat-ı Osmaniye). Несколько экземпляров автор преподнес в дар Учебному отделению восточных языков. На выход этого труда Чахотин откликнулся фундаментальной рецензией (январь 1891 г.), опубликованной в шестом томе ЗВОРАО (С. 364–370). Данный отзыв не потерял своего значения до настоящего времени.

В нашем докладе пунктирно были затронуты некоторые стороны исключительно многогранной деятельности Чахотина на дипломатическом и востоковедном поприще. Очевидно, таким образом, что личность С. И. Чахотина и его заслуги перед отечеством требуют дальнейшего изучения и ожидают адекватной оценки.

Козинцев М. А. (ИВР РАН, Санкт-Петербург)

Записка Е. М. Тимаева о путешествии от Битола до Белграда в 1865 г.

Евгений Матвеевич Тимаев (ум. в 1907 г.) известен как первый русский вице-консул в Косово и Метохии (1866–1869). Ценным историческим источником являются его служебные донесения из Призрена, которые свидетельствуют о смутной внутриполитической ситуации в регионе и трагически тяжелом положении местного сербского и, в целом, христианского населения. Что касается биографических сведений о Е. М. Тимаеве вне этого периода, то они весьма скудны и отрывочны.

Сын известного педагога Матвея Максимовича Тимаева (1796–1858) Евгений Матвеевич окончил 3-ю Санкт-Петербургскую гимназию, получил высшее образование на факультете восточных языков Санкт-Петербургского университета. Кроме того, он живо интересовался историей и археологией: окончил курс Санкт-Петербургского археологического института, для музея при котором составил, совместно с П. С. Яковлевым, «Опись предметам каменного и бронзового века» (1880), а также передал в дар несколько предметов из собственного собрания. Преданность делу науки и просвещения, присущая членам семьи Тимаевых (трое из пяти братьев Евгения Матвеевича избрали для себя ученую стезю), в дальнейшем оказала заметное влияние на его служебную деятельность.

В докладе, с опорой на архивные материалы, представлена новая информация о личности Е. М. Тимаева — путешественника и исследователя Турции. Основным источником послужило «Описание дороги от Битола до Белграда» — записка о поездке, совершенной в 1865 г. из Битола, где он тогда служил секретарем русского консульства, по населенным пунктам, лежащим на пути к Белграду. Рукопись записки, направленная Е. М. Тимаевым в Русское географическое общество, не была опубликована и отложилась в Научном архиве РГО. Упоминания о ней

содержатся в «Известиях ИРГО» и «Journal de St.-Pétersbourg». Еще один список Описания, наряду с несколькими другими рукописными документами Тимаева хранится в Архиве востоковедов ИВР РАН.

Структурно текст записки распадается на две части — краткое введение, сообщающее об опубликованных описаниях данного маршрута европейскими путешественниками, и основную часть, отражающую путь в том виде, в каком он предстал перед Е. М. Тимаевым.

В тексте содержится множество сведений о географии, климатических особенностях, местном населении — его численном и конфессиональном составе, основных занятиях, а также о наиболее примечательных городских объектах. Довольно подробно описано состояние торговли и ремесел, указаны суммы доходов от некоторых видов промышленности. Уделено внимание состоянию вооруженных сил: численному составу и основным местам дислокации. Примечательно, что даже в подобных описаниях проявляется интерес Е. М. Тимаева к местной истории. В записке даны сведения о множестве древних памятников архитектуры: дворцах, монастырях, объектах фортификации. Даже говоря о Нишской крепости, которая представляет собой «оплот Турции против Сербии», дипломат упоминает о якобы хранящихся в ее арсенале древностях: оружии и латах Георгия Черного и «бородатых» австрийских пушках. Отдельно упоминаются эпиграфические памятники и рукописи — как хранящиеся в монастырях, так и утраченные либо перемещенные.

В документах АВ ИВР РАН, сверх того, представлен черновик предисловия, предпосланного указанным двум частям, но в РГО не направленного. Это предисловие посвящено главным образом теме межэтнических и межконфессиональных отношений в балканских провинциях Османской империи, в частности в городе Битоле и Битольском санджаке. Тимаев констатирует в целом бедственное положение православных христиан региона. Корнем проблемы он видит в том числе греческий национализм, который направлен против болгар и сербов и который в конечном счете оборачивается отходом многих представителей этих народов от православия. Наряду с этим путешественник констатирует явное фактическое неравенство в правовом положении мусульман и христиан и отмечает враждебность первых по отношению ко вторым.

Курова О. Н. (БАН, Санкт-Петербург)

Йозеф фон Хаммер-Пургшталь и османская поэзия. Перевод Дивана Баки

Одной из самых ярких фигур в интеллектуальной и научной жизни Австрийской империи по праву можно считать Йозефа фон Хаммера-Пургшталя (1774–1856) — историка, переводчика, дипломата, выдающегося ориенталиста.

Значительную часть жизни он посвятил изучению и переводу классических произведений восточной литературы, что стало возможным благодаря его обширным знаниям в области турецкой, арабской и персидской филологии, владению большинством западных языков, а также необычайной трудоспособности.

Изучать восточные языки и тексты Хаммер-Пургшталь начал в период обучения в Императорско-королевской академии восточных языков в Вене. Свои занятия он продолжил во время несения дипломатической службы, совершая многочисленные путешествия по территориям современных Турции, Египта, Греции, Молдавии и других стран, и зачастую выходя в своих научных изысканиях далеко за рамки задач, которые были перед ним поставлены. В своих мемуарах «Воспоминания из моей жизни. 1774–1852» Хаммер-Пургшталь подробно описывает учебу и распорядок дня в Восточной Академии, изучаемые им научные и литературные труды, а также переводы, над которыми он работал¹.

Предположительно в зимние месяцы 1823–1824 гг., а также в начале 1825 года, в промежутке между окончанием работы над рукописью второго тома «Истории Османской империи» и перед началом написания третьего тома, Хаммер-Пургшталь завершил первый полный перевод на немецкий язык и в 1825 году опубликовал *Диван Бакы*². Издание вышло с посвящением Его Превосходительству, господину Адаму Вильгельму фон Хауху, королевскому датскому обер-гофмаршалу и главному конюшему, кавалеру ордена Слона, рыцарю Большого креста ордена Данеброга в доказательство истинного почтения и благодарного признания за самое деятельное содействие всякому духовному и нравственному образованию посредством науки и искусства.

Эта публикация явилась для Хаммера-Пургшталья заключительным штрихом в достижении поставленной цели — изучить и перевести произведения величайших, по его мнению, поэтов восточного трилистника. К тому времени знаменитый востоковед уже воздал должное персидскому поэту Хафису, опубликовав в двух томах впервые переведенный на немецкий язык сборник его стихов³ и арабскому поэту Мотенебби, перевод стихов которого на немецкий язык также был выполнен впервые⁴. Оставалось изучить творчество турецкого лирика Бакы⁵.

Издание Хаммера-Пургшталья состоит из предисловия переводчика, в котором он оценивает творчество Бакы и дает представление о его месте в османской

¹ Hammer-Purgstall J. von. *Erinnerungen aus meinem Leben. 1774–1852*. Wien und Leipzig: Hölder-Pichler-Tempsky, 1940. S. 22–34; 43–47, 133.

² Hammer-Purgstall J. von. *Baki's, des größten türkischen Lyrikers, Diwan. Zum ersten Mahle ganz verdeutscht*, Wien: C.F. Beck'schen Buchhandlung, 1825.

³ Hammer-Purgstall J. von. *Der Divan von Mohammed Schemsed-din Hafis. Aus dem Persischen zum erstenmal ganz übersetzt*. 2 Teile. Stuttgart und Tübingen: In der J. G. Cotta'schen Buchhandlung, 1812–1813.

⁴ Hammer-Purgstall J. von. *Motenebbi, der größte arabischen Dichter. Zum ersten Mahle ganz übersetzt*. Wien: J. G. Heubner, 1824.

⁵ Höflechner W., Wagner A. *Joseph von Hammer-Purgstall 1774–1856 Ein altösterreichisches Gelehrtenleben*. Bd.1, Graz-Austria: Akademische Druck- u. Verlagsanstalt, 2021. S. 726.

поэзии, которая, как он полагает, развивала свое величие не самостоятельно, а вдохновлялась персидской лирикой¹.

Далее следует приложение к предисловию с подробным жизнеописанием Абдулы Баки Эфенди по свидетельствам девяти восточных авторов и Иосифа Симона Ассемани. Баки, полное имя которого Махмуд Абдулбаки (1526–1600), был сыном муэдзина в Константинополе, работал учителем, занимал различные должности в государственном аппарате, неоднократно назначался на должность кади. Биографы называют Баки султаном поэтов, первым из владык слова, правителем святилища искусства стихосложения, чьи произведения являются достоянием поэтического благородства и ораторского величия как минувших эпох, так и будущих поколений².

Следом идет заключительное слово Хаммера-Пургштала. В нем переводчик отмечает, что из всех предшествующих Дивану хвалебных речей знаменитых людей в адрес Баки, почетная грамота великого Сулеймана является если не самой поэтически значимой, то несомненно самой исторически важной. Султан и сам был поэтом и писал под псевдонимом Мухибби, что значит «любящий». Его просвещенный и ориентированный на величайших мастеров персидского и арабского стихосложения вкус поднял османскую литературу на наивысшую ступень, которой она когда-либо достигала и на которой с тех пор находился непревзойденный лирик Баки. Султан Сулейман посвятил Баки три дистиха, в то время как остальным последующим османским и предшествующим персидским поэтам лишь по одному. Не только хозяин трона, но и властелин и повелитель слова, султан Сулейман наградил панегириста Баки вышеупомянутой грамотой не только как султан, но и как поэт поэта³.

Затем следует сам текст Дивана Баки. Диван содержит 14 касыд, 204 газели и отдельные дистихи. Самым известным произведением Баки считается траурная ода на смерть Сулеймана Великолепного, умершего в 1566 году во время осады крепости Сигетвар в Венгрии, которая под заголовком «Апофеоз султана Сулеймана» открывает серию касыд⁴.

Хаммер-Пургшталь прекрасно владел родным языком, был мастером прозы и поэзии. Воздавая должное восточной литературе, он делал переводы ее образцов на немецкий язык. Большое количество переводов, их разнообразная тематика и степень изученности материалов позволяют судить о том, что автор прекрасно владел множеством восточных языков и обращался к неиспользованным до тех пор источникам, находя и подробно изучая их в архивах и библиотеках. Ценность трудов Хаммера-Пургштала возрастает оттого, что в их основе лежат оригинальные материалы и источники, некоторые из них известны сегодня как раз благодаря

¹ Hammer-Purgstall J. von. Baki's, des größten türkischen Lyrikers, Diwan. Zum ersten Mahle ganz verdeutscht, Wien: C.F. Beck'schen Buchhandlung, 1825. S. V–XVI.

² Там же S. XVII–XLVII.

³ Там же S. XLVII–XLVIII.

⁴ Там же S. 3–6.

его находкам. Хаммер-Пургшталь по праву считается выдающимся переводчиком произведений османской литературы на немецкий язык. Перевод Дивана Баки явился знаменательным событием, предоставившим европейскому читателю возможность познакомиться с творчеством прославленного османского поэта, позволившим узнать о блестящей эпохе в истории османской литературы и принесшим Хаммеру-Пургшталь заслуженное уважение в просвещенных научных кругах европейского общества.

Лебедев Э. Е. (ЧГИГН, Чебоксары)

О способах передачи словоизменительных значений в системе глагольных категорий чувашского языка

Под словоизменительными мы понимаем такие значения, которые при присоединении формального показателя к глагольной основе не образуют нового лексического значения, и соответственно, нового слова, а лишь изменяют значение этой глагольной основы, привнося в нее определенную дополнительную семантику. К подобной семантике, передаваемой словоизменительными грамматическими формами, в области глагольной морфологии относятся значения, указывающие на время совершения действия, на его субъектно-объектные отношения, на лицо, совершающее действие, на отношение к действию говорящего и т. д. Все синтетические формальные показатели, называемые в традиции тюркского языкознания *аффиксами*, группируются в соответствии с их грамматическими (то есть дополнительными, служебными) значениями в особые классы, которые в лингвистике принято называть *категориями*. Среди наиболее типичных для глагола грамматических категорий выделяются: *категория времени*, *категория наклонения*, *категория лица* и др.

Чувашский язык, будучи по своей структуре тюркским, обладает всеми особенностями грамматики, присущими языкам этой группы. И, как и во всех тюркских языках, основными показателями, которые используются для передачи грамматических значений (в нашем случае словоизменительных), в чувашском являются *аффиксы*. Под аффиксом мы понимаем языковой знак, в котором заключено единство внешнего выражения (акустического или графического) и внутреннего содержания (служебное грамматическое значение). В чувашском языке образование грамматических форм слова происходит по такому же принципу, как и в других тюркских языках — посредством последовательного присоединения аффиксов к его основе. При этом присоединение происходит в определенной, строго фиксированной последовательности, каждый аффикс может передавать только одно значение, а основа слова обладает большей самостоятельностью, чем во флективных языках, что выражается в четких границах между основой

и последующим аффиксом. Такой тип синтетического словоизменения в лингвистике называется *агглютинацией*. Все структурные грамматические особенности чувашского языка, включая область глагольного словоизменения, обусловлены ею, так как она представляет собой основной тип образования словоформ при помощи синтетических формальных показателей — аффиксов. **Способ аффиксации** в той или иной степени применяется во всех грамматических категориях чувашского глагола. Формы, образованные этим способом, представлены в категориях залога, статуса, аспектуальности, номинализации действия (так называемые *субстантивные, адъективные и адverbиальные формы глагола*), наклонения, времени и лица.

Аффиксация не является единственным способом образования словоизменительных форм глагола в чувашском языке. Следующий по продуктивности способ — это передача значений при помощи **аналитических форм**, образуемых сочетаниями аффиксов адъективных (причастия) и адverbиальных (деепричастия) форм со вспомогательными глаголами. Аналитическим способом образуются формы, относящиеся к грамматическим категориям аспектуальности, наклонения и времени. Категория *аспектуальности* включает в себя наибольшее количество аналитических форм чувашского языка. В основном они образуются сочетанием деепричастия с показателем *-са/-се* со вспомогательными глаголами. Имеются также формы, образуемые при участии деепричастия с показателем *-а/-е* и адъективных форм с показателями *-акан/екен* и *-ми*. Формы, входящие в эту категорию, передают значения различных способов действий. В отечественной тюркологии в отношении них используется термин *акционсартовые значения*¹. В их число входят значения *начала* и *окончания*, *продолжительности*, *интенсивности*, *кратности* действия и др. Также отдельно выделяются группы так называемых *векторных* значений, и значений *эготива* и *адрессива* (действия, совершаемого в своих интересах или в интересах других лиц)².

Еще одним способом глагольного словоизменения в чувашском языке, который отмечен нами только в случае с одной формой, является **редупликация**. Этот способ используется при образовании деепричастия с показателем *-а/-е*. Преимущественно, форма данного деепричастия сочетается с повторяющейся основой глагола: *ёсле-ёсле* «работая», *кала-кала* «говоря», *вула-вула* «читая» и др. В редуплицированном виде это деепричастие помимо основного таксисного значения передает дополнительные значения длительности либо повторения действия³.

Проведенное нами исследование позволяет сделать вывод, что у глагола в чувашском языке существует три способа передачи словоизменительных зна-

¹ Гузев В. Г. Теоретическая грамматика турецкого языка. СПб., 2015. С. 145–153.

² Лебедев Э. Е. Акционсартовые значения сложновербальных аналитических форм в чувашском языке. Чебоксары, 2016. С. 53–138.

³ Сергеев Л. П. Деепричастия // Чăваш чĕлхи. Шупашкар, 2012. С. 398.

чений. Это — аффиксация, аналитический способ и редупликация. При этом основным среди них является аффиксация, которой охвачены все глагольные категории. Аналитические формы отмечены у категорий аспектуальности, наклонения и времени. Редупликация же используется в единственном случае — при образовании формы деепричастия с показателем *-a/-e*.

Люльчак А. С. (ИВИ РАН, Москва)

Балканское турне Сабиhi Гёкчен 1938 г. в зеркале кемалистской пропаганды

В докладе представлены результаты анализа статей, посвященных поездке приемной дочери Мустафы Кемаля Ататюрка Сабиhi Гёкчен в балканские страны в период с 16 по 21 июня 1938 г., в турецких газетах. Основная цель данного доклада — определить механизмы, которые использовались турецкой пропагандой для освещения полета и продемонстрировать то, насколько эффективной оказалась пропагандистская кампания кемалистов по конструированию образа Сабиhi Гёкчен, в частности рассмотреть то, получил ли широкий отклик визит приемной дочери Ататюрка в балканских странах в газетах Третьего болгарского царства и Королевства Югославия.

Исследование строилось на изучении двух групп источников. В первую вошли выпуски кемалистских периодических изданиях “Akşam” (Вечер), “Cumhuriyet” (Республика) и “Ulus” (Нация) за 16–22 июня 1938 г.¹ Их анализ позволил определить основные нарративы, которые использовались турецкими журналистами при написании публикаций. Во вторую группу вошли болгарские и югославские газеты, а именно белградская «Правда», новисадский «День» («Дан») и пловдивская «Воля».² Немногочисленные статьи, опубликованные в этих изданиях в период с 17 по 21 июня 1936 г., позволили выявить фактическую нулевую эффективность кемалистской пропаганды в вопросе распространения положительного образа приемной дочери Ататюрка в соседних с Турцией балканских странах.

Вопросами изучения места Сабиhi Гёкчен в истории турецкой авиации занимались такие исследователи, как Осман и Хиляль Ялчин, Мерал Балчин и Йециль Карадениз, Айсун Яраллы Аккайя, однако работы, посвященной тому, каким было восприятие данного путешествия со стороны турецких официозов, нет. Данное

¹ Газета «Akşam», выпуски за период 15.06.1938–21.06.1938.

Газета «Cumhuriyet», выпуски за период 16.06.1938–21.06.1938.

Газета «Ulus», выпуски за период 16.06.1938–21.06.1938.

² Газета «Воля», выпуски за период 17.06.1938–21.06.1938.

Газета «Дан», выпуски за период 17.06.1938–21.06.1938.

Газета «Правда», выпуски за период 17.06.1938–21.06.1938.

исследование призвано заполнить данную лакуну и изучить имевшиеся на тот момент механизмы и влияние, которое имелось у турецкой пропаганды для проецирования своих идей на прессу других стран.

Анализ статей с использованием контент-анализа позволил получить следующие выводы. Во-первых, кемалистская пропаганда активно продвигала новости о Сабихе Гёкчен на первую полосу, сопровождая их яркими заголовками и фотоматериалами. Применяя такие обороты, как «наш дорогой пилот», «женщина-героиня» и «дочь Ататюрка», газеты конструировали образ отважной девушки. Балканское турне Гёкчен стало одним из примеров пропагандистской кампании с использованием образа Сабихи как героини «Новой Турции», символизировавшей отход от старых норм, традиций и клише, и готовности к новым испытаниям и трудностям. Во-вторых, балканская пресса неохотно помещала заметки о приемной дочери первого президента Турции в печать. Если кемалистские издания печатали сообщения о турецкой женщине-пилоте на передовицу каждый день с 16 по 22 июня, то за все время ее турне по балканским странам болгарская газета «Воля» лишь дважды рассказала о ней, а югославские «День» и «Правда» лишь один раз упомянули о летчице в номерах, вышедших уже после возвращения Гёкчен в Турцию. Данный дисбаланс демонстрирует практически нулевую эффективность кемалистской пропаганды. Несмотря на всю патетику, использованную турецкой прессой при описании поездки приемной дочери Ататюрка по Балканам, кемалистам не удалось спроецировать свой дискурс на балканскую печать.

Минсафина А. И. (Стамбульский университет, Стамбул)

Лингвистическая терминология в современном турецком языке: история, текущие реалии и перспективы

Современный турецкий язык — результат многовекового развития. Говоря о современном турецком языке, мы подразумеваем последний столетний период, начавшийся с образования Турецкой Республики. Однако традиции в лингвистике турецкого языка начали складываться намного раньше. Важным этапом стало принятие ислама тюрками, после чего тюркский мир стал частью арабской цивилизации. С этого периода арабский язык оказал значительное влияние на язык тюрков. Арабские традиции можно четко проследить в грамматиках и структурах словарей, что неудивительно, так как основная лингвистическая терминология на данном этапе формировалась на основе арабского.

Турки в XIX веке обратились к новой сфере культуры и цивилизации. Изменение культуры повлияло на язык, а следовательно, и на терминологию.

С реформами Танзимата начался новый период не только в политической, социальной и культурной сферах, но и в области науки: в результате знакомства с западной культурой и наукой к большинству терминов, основанных на арабском языке, были добавлены новые, а от некоторых терминов отказались.

К проблеме терминов обратились в период Республики. Под контролем государства начали формировать термины с турецкими аффиксами. Большая часть работ по терминологии относится к 1934–1950 годам.

В терминологии турецкого языка в общем и в лингвистической, в частности, имеются три «слоя»: арабский, западный и тюркский. Для некоторых лингвистических понятий существует два термина: один арабского или западноевропейского происхождения, другой тюркского (например, *İsim* — ad; *fiil* — eylem; *ünlü* — vokal; *asimilasyon* — *benzeşme*). Бывают случаи, когда для одного понятия имеется три термина (например, *zarf fiil* — *gerundium* — *ulaç*; *şekil bilgisi* — *biçim bilgisi* — *morfoloji*).

Кроме того, разные научные школы, университеты, авторы и издания могут использовать различные термины для одного и того же понятия (например, *tonlu ünsüz* — *sedalı ünsüz* — *ötümlü ünsüz* — *yumuşak ünsüz*). Это изобилие терминов создает сложности при обучении студентов в вузах, чтении научных публикаций, а также при подготовке научных трудов, так как приходится учитывать терминологию, принятую в конкретном издательстве.

Еще одной важной проблемой является структура терминов и их правописание (например, *dilbilim* — *dilbilimi* — *dil bilimi*). Все это указывает на необходимость стандартизации лингвистической терминологии, что является одной из актуальных задач современной турецкой лингвистики.

В докладе рассматриваются основные грамматики турецкого языка, используемые при обучении в вузах, а также проводится обзор лингвистических словарей. Помимо этого, отобраны 150 лингвистических понятий и исследованы термины, которые используются для их обозначения в турецком языке. На основе исторических фактов и проанализированного материала (грамматики, словари и современная терминология) выявлены основные проблемы лингвистической терминологии современного турецкого языка и предложены пути их решения. Предлагаемые решения включают разработку унифицированных словарей, образовательные реформы, направленные на внедрение стандартов, а также использование современных технологий, таких как искусственный интеллект, для обеспечения точности и согласованности терминологии. Кроме того, рекомендуется усилить взаимодействие между научными и образовательными учреждениями, а также институциональными организациями, такими как *Türk Dil Kurumu*.

Доклад направлен на выявление ключевых проблем, связанных с процессом стандартизации лингвистической терминологии в современном турецком языке, и разработку практических рекомендаций для их решения. Введение унифицированных стандартов терминологии будет способствовать развитию научной коммуникации, повышению качества преподавания и укреплению позиций турецкого языка в международной академической среде.

Муртазаева Ф. Р. (Бухарский ГУ, Бухара, Узбекистан)

Женский голос в борьбе с насилием: сравнительный анализ узбекской и персидской «женской прозы»

Насилие над женщинами — это серьезная проблема, которая затрагивает миллионы женщин во всем мире. Масштабы его влияния, как на жизнь отдельных людей и семей, так и на общество в целом, невозможно измерить. Жертвами насилия могут стать женщины любого возраста, пола, социального статуса и национальности¹.

Для решения проблемы и ее искоренения требуется нечто большее, чем просто реагирование на насилие, когда оно происходит; нужны активные решения². Литература как средство формирования эмпатии и осознания данной проблемы, может сыграть важную роль в борьбе против насилия над женщинами. Женщины-авторы через свои произведения привлекают внимание общества к этой проблеме, чтобы помочь понять его причины и последствия, а также побудить к действиям в поддержку жертв насилия и в защиту прав женщин.

В частности, эта тематика находит яркое отражение в творчестве современной узбекской писательницы Хонбиби Химмат-кизи и иранской писательницы Симин Данешвар, которые через литературные образы и сюжеты демонстрируют важность борьбы с насилием и необходимость защиты женских прав.

В сборнике рассказов «Аёллар қамокхонасидан мактублар» («Письма из женской тюрьмы») Хонбиби Химмат-кизи все истории пронизаны болью из-за страданий женщин, столкнувшихся с насилием. В этом контексте творчество Хонбиби служит не просто литературным произведением, а живым криком о помощи и призывом к борьбе за равенство, вовлекая общество в необходимые диалоги о гендерных вопросах и проблеме насилия над женщинами.

Так, в ее истории «Золим кайнона» («Жестокая свекровь») читатель погружается в глубины женской души, заставляя сопереживать героине, которая сталкивается с жестокостью и несправедливостью:

— Ўзларингиз инсоф билан айтингизлар! Эрим доим мени ҳеч бир сабабсиз уради, камситади, ҳўрлайди, юзимга туфлайди. Бунга ҳам қониқмасдан идиш-товоқларни отади! Кечалари ухласдан мени бўғиб, тик туришга мажбурлайди. Бундай ҳўрликларга қачонгача чидашим мумкин! — дея келиним йиғлади³. [«Ска-

¹ ООН-женщины. Европа и Центральная Азия. Часто задаваемые вопросы: Виды насилия в отношении женщин и девочек. [Электронный ресурс] URL: <https://eca.unwomen.org/ru/stories/explainer/2023/11/chasto-zadavaemye-voprosy-vidy-nasiliya-v-otnoshenii-zhenschin-i-devochek> (дата обращения: 15.01.2025).

² Группа ООН по устойчивому развитию. Десять способов предотвращения насилия в отношении женщин и девочек. [Электронный ресурс] URL: <https://unsdg.un.org/ru/latest/stories> (дата обращения: 15.01.2025).

³ Хонбиби Химмат-кизи. «Аёллар қамокхонасидан мактублар» («Письма из женской прозы»). [Электронный ресурс] URL: <https://kitobxon.com/uz/kitob/ayollar-qamoqhonasidan-maktublar> (дата обращения: 15.01.2025).

жите мне, разве это справедливо? Мой муж бьет меня без всякой причины, унижает, оскорбляет и плюет мне в лицо. И, все еще оставаясь недовольным, он швыряет в меня посуду. По ночам душит меня и заставляет стоять до самого утра. Как долго я еще буду терпеть такое унижение?» — сказала моя невестка в отчаянии» (перевод наш. — Ф. М.).

В этом трагическом повествовании Хонбиби Химмат-кизи раскрывает психологические и физические страдания женщин, оказавшихся в плену насилия. Каждая деталь — от унижений до физического насилия — вырисовывает картину, в которой жертва ощущает полную безысходность и отсутствие поддержки.

Это яркое изображение боли и мучений требует осознания и действия. Автор призывает общество не только услышать, но и увидеть страдания женщин, вывести их из тени и помочь им обрести утраченную надежду. Такие истории должны стать толчком к изменениям, чтобы каждая женщина знала, что она не одна и что крики о помощи могут быть услышаны.

Проблема домашнего насилия ярко отражена и в произведениях иранских писателей. В романе «С кем мне здороваться» Симин Данешвар автор повествует о трагической судьбе молодой женщины. Подобно героине Дилсуз, она подвергается физическому насилию, принудительному труду и психологическому давлению: *«А ведь он еще и руку на нее поднимает, бьет ее, мою доченьку. Я от соседей слышала. Слышала, как он ей сказал: “Тебя саму мать на какие ииши вырастила? Разве не в прислугах ходила, не полы в школе драила?” Я даже слышала, что Мансура дочка рожала без повитухи. Сейчас ему должно быть двадцать месяцев. Может, уже разговаривает. Я слышала, мать его сказала, мол, разве нужна повитуха на второй раз? И сама принимала ребенка. Соседки ей помогли. Как я это услышала — не смогла стерпеть. Взяла три кило мандаринов и пошла проведать дочку, а она вся желтая, как куркума, лица на ней нет. В кровати сесть — и то не может, сил не хватает. Все молила меня: “Мамочка, не сиди тут. Уходи и мандарины с собой заberi. Если он узнает, что ты приходила, — побьет меня, и тогда долго мне лежать в постели”»*¹.

В этом произведении Симин Данешвар насилие становится неотъемлемой частью бытия женщины, где каждая деталь пронизывает текст своей эмоциональной насыщенностью. Данешвар, мастерски создавая атмосферу безысходности и отчаяния, заставляет читателя глубоко сопереживать героине. Образ роженицы, лишенной элементарной медицинской помощи, подчеркивает трагическую обыденность насилия и угнетения, которые превращают жизнь героини в непрерывную череду страданий. Сцена с мандаринами ставит акцент на безнадежности и необходимости заботы, которая, к сожалению, становится источником нового страха перед насилием.

¹ Симин Данешвар. «С кем мне здороваться?» // Переведено с персидского: Рассказы современных иранских писателей. [Электронный ресурс] URL: <https://gorky.media/fragments/perevedeno-s-persidskogo-s-kem-mne-zdorovatsya-simin-daneshvar/> (дата обращения: 15.01.2025).

Данешвар заставляет нас задаться вопросом: сколько еще женщин находятся под игом такой жизни и как часто они остаются безголосыми в обществе? Это произведение — призыв к осознанию и борьбе с насилием, которое иногда кажется нормой, но на самом деле является глубокой трагедией.

Таким образом, творчество Симин Данешвар и Хонбиби Химмат-кизи представляет собой ценный вклад в исследование проблемы домашнего насилия в узбекской и иранской литературах. Сравнительный анализ их произведений позволяет выявить как общие черты, так и специфические особенности отражения этой проблемы в различных культурных контекстах. Несмотря на различия в исторических, социальных и культурных условиях, героини обеих писательниц сталкиваются с универсальной проблемой насилия, что свидетельствует об ее актуальности для женщин во многих странах мира. Изучение подобного литературного опыта помогает глубже понять причины, механизмы и последствия домашнего насилия, а также способствует формированию более эффективных стратегий борьбы с ним.

Напольнова Е. М. (ИСАА МГУ, Москва)

Фразеологизмы с лексемой *göz* 'глаз' в современном турецком языке

Соматические фразеологизмы представляют собой один из способов репрезентации культурных кодов. Пути формирования турецкой культуры определили утрату основной массы тюркских верований и мифов, место которых заняли исламские воззрения, и в этих условиях фразеологизмы являются одних из немногих языковых пластов, сохранивших наивные представления не только об окружающем мире, но и о функциях частей тела и органов человека (в отличие, например, русского и других славянских¹).

Человеческий глаз является главным каналом получения информации об окружающем мире, и по этой причине неоспоримое значение этого органа отражено во фразеологизмах разных языков. Кроме функции зрения характерными признаками глаз следует считать их форму и цвет, высокую чувствительность к внешним воздействиям, наличие двух состояний (открытого и закрытого). Взгляд является важной составляющей межличностной коммуникации благодаря задействованности в качестве одного из средств выражения эмоционального состояния человека. Кроме того, глаза представляют собой одну из важнейших и наиболее запоминающихся черт внешности человека и одной из важных составляющих национальной самоидентификации.

¹ Виноградова Л. Н. Народная демонология и мифо-риутальная традиция славян. М., 2000.

Лексема ГӨЗ ‘глаз’ в представлена в древнетюркских памятниках только в значении органа зрения; кроме того, тексты этого периода содержат большое количество лексикализованными сочетаниями көз в именительном и дательном падежах с различными глаголами. В средневековых текстах также представлено значение ‘источник’. Другие вторичные значения лексемы отмечены в отдельных тюркских языках.¹

В словаре TDK² указано 13 значений лексемы *göz* (‘орган зрения’, ‘смотрение, видение’ (в отдельных выражениях), ‘комната’, ‘взгляд’, ‘источник, родник’, ‘отверстие, пустота’, ‘выдвижной ящик’, ‘чаша весов’, ‘сглаз’, ‘взаимосвязь с любовью, привязанностью’, ‘почка на дереве’, ‘клетка шахматной доски’, ‘головка (прыща и т. п.)’, однако, по нашему мнению, предлагаемый список не является исчерпывающим. Все перечисленные значения отражают различные характерные фактические и виртуальные функции, признаки и качества этого органа. Там же представлено более 300 лексикализовавшихся словосочетаний этого существительного в различных падежных формах с глаголами. Во всех фразеологизмах такого рода слово *göz* выступает в двух значениях: как название органа зрения и метонимически как наименование его основной функции — смотрения, видения. Турецкие фразеологизмы могут быть разделены на 4 группы: действия человека, выполняемые с помощью глаз (*gözden geçirmek* букв. ‘проводить через глаз’ → ‘просматривать’, *dört gözle belkemek* букв. ‘ждать четырьмя глазами’ → ‘очень ждать’); действия человека, направленные на его глаза (*göz yummak* букв. ‘сжимать глаза’ → ‘закрывать глаза на что-л.’, *göz koymak* букв. ‘класть глаз’ → ‘положить глаз на что-л.’); внешнее воздействие на глаза (*göze batmak* букв. ‘колоть в глаз’ → ‘резать глаз’, *göz kamaştırmak* букв. ‘ослеплять’ → ‘ослеплять (красотой и пр.)’); действия, производимые глазами «самостоятельно» (*gözü kalmak* букв. ‘глаз остается’ → ‘постоянно вспоминать, быть не в силах забыть’, *gözü ısırmak* букв. ‘глаз кусает’ → ‘показаться знакомым’). Последняя из перечисленных групп представляет особый интерес с учетом того, что спектр подобных выражений в турецком языке значительно шире, чем в других языках (например, в русском, немецком³), что отражает общее качество турецкой «наивной анатомии», для которой в целом характерно признание за реальными и виртуальными органами человека способности «самостоятельно» совершать действия.

Аналогичный подход отражен в значительном количестве именных фразеологических словосочетаний с существительным *göz*, в которых черты характера человека представлены как свойства его глаза (*gözü tok* букв. ‘его глаз сытый’ → ‘независтливый, не падкий на деньги’, *gözü kara* букв. ‘его глаз черный’ → ‘смелый,

¹ Севортян Э. В. Этимологический словарь тюркских языков. — Общетюркские и межтюркские основы на букву «В», «Г» и «Д». М., 1980. С. 60–61.

² Официальный сайт Турецкого лингвистического общества (Türk Dil Kurumu): URL: www.tdk.gov.tr.

³ Лапушинская Н. О. Символические значения компонента глаз // *Ученые записки УО ВГУ им. П.М. Машиерова*. 2012. Т. 14. С. 185–193.

храбрый', *gözü açık* букв. 'его глаз открытый' → 'активный, креативный, легко находящий пути для заработка').

Другие значения лексемы *göz* практически не отражены во фразеологии или отмечаются в калькированных выражениях, что может свидетельствовать об их неконцептуальности с точки зрения турецкой языковой картины мира, а также о предположительном семантическом расширении за счет переноса на турецкое слово вторичных значений иноязычных существительных с совпадающим первичным значением в результате межъязыковых контактов (например, с персидским, арабским языками).

Нигматова Л. Х. (Бухарский ГУ, Бухара, Узбекистан)

**Нигматов Хамид Гулямович (1941–2016) —
тюрколог, доктор филологических наук, профессор,
заслуженный работник народного образования,
кавалер ордена «Эл-юрт хурмати»**

*Старец я и молодой,
Стрела и лук я с тетивой,
Я цветущ и вековой.
Не я ведь я, но и я не свой.
(Пир манам, чавон манам,
Тир манам, камон манам,
Давлати човидон манам.
Ман на манам, на ман манам.)*

Джалал ад-Дин Руми

Эпиграфом статьи было взято четверостишие великого Джалал ад-Дина Руми. Простое по форме стихотворение скрывает в себе глубокий суфийский смысл о жизни и Бытии, о любви в Богу, единение с Богом, а также один из основных законов диалектики — «отрицание отрицания». Любовь к восточной поэзии, знакомство с суфизмом, знание законов шариата и тариката оставили неизгладимый след в жизни ученого. На протяжении всей своей жизни это было одним из любимых четверостиший моего отца, основоположника структуральной школы в Узбекистане.

Родился Хамид Гулямович в 1941 году в Бухаре, в семье бухарской интеллигенции. Писать и читать на узбекском и арабском языках начал с 4 лет. К 6 годам свободно читал и писал на немецком языке. Занимался с ним его отец, но любовь к восточной литературе привила мама. Молодой Хамид наизусть знал Коран,

«Шахнаме» Фирдоуси, произведения Навои и был знаком с трудами многих восточных мыслителей. Во время учебы в школе главной его мечтой был Ленинградский университет, факультет востоковедения.

В 60-е гг. XX столетия для поступления в Ленинградский государственный университет на Восточный факультет нужен был двухгодичный стаж работы, и поэтому начиная с 9-го класса молодой Хамид работает в типографии г. Бухары. И наконец в 1961 году были сданы документы и 20 июня произошел переломный момент, встреча и собеседование абитуриентов с мэтрами университета. На этом собеседовании академик А. Н. Кононов и профессор С. Н. Иванов выделили среди поступающих молодого человека. И начиная с этого времени и вплоть до 1976 года его жизнь была неразрывно связана с Ленинградом и университетом. Именно начиная с 1960 гг. под руководством А. Н. Коконова и С. Н. Иванова проходило формирование и становление молодого ученого.

Труды Гегеля и Канта, прочитанные в оригинале, философский взгляд на теорию и развитие языка заложили основу научного мировоззрения будущего ученого. Именно Сергей Николаевич Иванов направлял молодого ученого. «Мы долго и очень много беседовали с Сергеем Николаевичем о новой форме обучения, ее целях, о формировании и развитии способности ученика свободно мыслить, о новом подходе к учебному процессу, о необходимости проведения полной реформации как в области преподавания, так и в области переводоведения»¹.

Основным научным руководителем Х. Г. Нигматова был Андрей Николаевич Кононов. Под его руководством была проделана большая исследовательская работа. В 1966 году, после окончания университета Нигматов был направлен в Академию наук языка и литературы Узбекистана, в декабре того же года поступил в аспирантуру ЛГУ. В 1970 году Хамид Гуламович защитил кандидатскую диссертацию «Морфология тюркского глагола по материалам словаря Махмуда Кашгарского», а в 1978 году в Баку молодой ученый защитил свою докторскую диссертацию на тему «Морфология восточно-тюркских языков XI-XII веков». Руководителем обеих работ был А. Н. Кононов, первым оппонентом — С. Н. Иванов.

В 1979 году Нигматов был полностью переведен на работу в Бухарский государственный педагогический институт, ныне Бухарский государственный университет, и назначен заведующим кафедрой узбекского языкознания. Именно это время можно считать отправной точкой становления узбекского языкознания. «Все мои труды, вся исследовательская работа была направлена на претворение в жизнь идей моих учителей Андрея Николаевича и Сергея Николаевича, то есть поиск и разработка способов формирования и развития творческого мышления учеников и студентов, способности мыслить и находить пути решения проблем, чего не было в тот период. В своей докторской диссертации, проведя большую методологическую работу, я расширил научные взгляды Сергея Николаевича

¹ Х. Г. Нигматов. Жизненный путь. Ташкент, 2021.

и сформировал теоретико-лингвистические основы субстанциональной лингвистики. Это было детище и мечта Сергея Николаевича, которую я начал реализовывать в Бухарском государственном университете»¹.

Именно основываясь на идее субстанциональной лингвистики, Х. Г. Нигматов разрабатывает основные аспекты методики обучения родному языку, в данном случае — узбекскому языку, и начинает создавать свою научную школу. Начиная с 1990 года была организована ежегодная конференция «Проблемы и методика преподавания узбекского языка». Защиты диссертаций учеников дали новый толчок научным изысканиям ученого. Это был период разработки субстанционального анализа языка и когнитивно-прагматического подхода к обучению родному языку. Формально-функциональная школа стала уступать место структурной лингвистике. Были созданы учебники «Она тили» (Родной (узбекский) язык) для учеников 5–9-х классов, основанные на новой методике; цель образования; не человек знающий, а — мыслящий.

В 2007 году в Германии Тюбенгеме на «Конвенсе-2007» — конференции посвященной лингвистике — был зачитан доклад Нофизы Вохидовой из Узбекистана (Бухара) «Лексико-семантическая градуонимия в немецком языке на основе компьютерных лингвистических методов и корпусной лингвистики». Данная работа была заявлена как докторская диссертация на основе корпуса ELEXICO. Таким образом, узбекское языкознание вышло на новый этап — субстанциональное языкознание.

*Образцов А. В. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург),
Сулейманова А. С. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)*

Две дуэли — Намык Кемаль и Мехмед Тевфик: к вопросу об особенностях культурного импорта

В условиях быстрой смены политической и общественно-культурной парадигм развития, которые переживала Османская империя во второй половине XIX в., весьма любопытными представляются различные подходы к явлениям культуры, ранее неизвестным или периферийным для турецкой повседневности, но вдруг ставшими в эпоху реформ актуальными для османского общества.

Рассмотрим этот вопрос на примере такого достаточно специфического явления как «дуэль», т. е. вооруженный поединок, позволяющий противостоящим сторонам подтвердить истинность и правильность своей точки зрения и/или свою правоту в трактовке той или иной проблемы морально-этического свойства, представляющейся принципиальной соперничающим сторонам. Конечно, османские социальные практики знали вооруженный поединок как способ настоять на своей

¹ Х. Г. Нигматов. Жизненный путь.

правоте. Но это, скорее, напоминало поножовщину и не было оформлено соответствующими ритуальными практиками.

Намык Кемаль (1840–1888) — знаменитый и влиятельный турецкий литератор и общественный деятель, один из признанных лидеров прозападно настроенной части турецкого общества. Именно он в газете «Хади́ка» (Сад) № 21 от 11 декабря 1288 (1871–72) / 10 шевваля 1289 (1872–73) публикует без авторской подписи статью «Дуэль»¹, в которой с симпатией объясняет этот европейский обычай доказательства своей правоты и/или состоятельности. Газета «Хади́ка», несмотря на частую смену редакторов и владельцев (Ашир-эфенди (?), Эбуззия Тевфик (1848–1913), Шемседдин Сами-бей (1850–1904)), равно и смену форматов — от ежедневника до еженедельника, — оставалась до закрытия в 1872 г. весьма авторитетным и влиятельным изданием. Здесь сотрудничали и Ахмет Мидхат (1844–1912), и Намык Кемаль, и ряд других османских просветителей той эпохи. Ее даже называли «первым периодическим изданием, популяризовавшим экономические знания»². Считается, что выступления Намыка Кемалья на страницах этой газеты подтолкнули к принятию закона, уравнивающего в имущественных правах и обязанностях жителей столицы и провинциалов

Мехмед Тевфик (1843–1893) — не менее известный османо-турецкий литератор, публицист, издатель, фольклорист и просветитель. Именно он собрал и издал анекдоты о Ходже Насреддине³. Также он был издателем первого турецкого сатирико-юмористического журнала («Чайлак») с оригинальными иллюстрациями. Его роман-альманах «Год в Стамбуле» (1881–1883), в котором автор описывает стамбульский быт XIX в., был одним из первых произведений новой турецкой литературы, переведенных на европейские языки. Для нас интерес представляет глава «Мейхане» («Питейные заведения»), которая датирована 1300/1882–1883. Именно здесь мы встречаем описание дуэли, правда, в несколько ином ключе. Рассказывается о том, что в одном питейном заведении подвыпившие пожарные (тулумбаджи) решают проучить компанию молодых щеголей, чей модный вид и независимое поведение показались им вызовом. За молодежь вступились пожилые янычары, т. е. дело происходит между 1720 г. (организация корпуса пожарных) и 1826 г. (ропуск янычарского корпуса). Так что, несмотря на формальный вызов на поединок, драка не состоялась. Весь эпизод подан в несколько пародийном ключе: знаком вызова была не перчатка, хотя ее и упоминают, а яблоко, пронзенное кинжалом.

Таким образом, можно говорить о том, что культурный импорт осуществляется не путем заимствования, а через рецепцию, т. е. через адаптацию и смену

¹ Namık Kemal. Düello Osmanlı Modernleşmesinin Meseleleri. Bütün Makaleleri. C.1. İst.: Dergah Yay., 2005. S. 552–553.

² Желтяков А. Д. Печать в общественно-политической и культурной жизни Турции (1729–1908 гг.). М.: Наука, 1972. С. 150.

³ На русском языке этот сборник был издан под названием «Бу Адам. Турецкие анекдоты». М.: Издательство восточной литературы, 1960 г.

контекста, что связано с приобретением новых функций и возникновением новых ассоциаций¹.

Погосян Н. (Ереванский государственный университет, Ереван)

Проблема вестернизации османского общества в армянографичной турецкоязычной сатирической газете «Балагур» (1856 г.)

Взаимодействие наций, религий и языков, неизбежное на территории любой империи, ведет к переплетению культур, традиций, менталитетов и порождает новые, смешанные/промежуточные формы. Армянографичный турецкий (турецкий, написанный армянскими буквами, *Ermeni harflı Türkçe*) — непривычная и интересная форма симбиоза двух языков². Логично полагать, что основной аудиторией армянографичного турецкого были туркоязычные армяне, о чем еще в 1902 г. писал крупный армянский лингвист Гр. Ачарян³. В определенной степени поддерживая его, уже в наше время профессор Б. Дер-Матосьян предполагает, что армянографичный турецкий использовался туркоязычными армянами, чтобы подчеркнуть свою уникальность и отличие от доминирующей культуры⁴.

Между тем профессор С. Д. Асланян пишет: «Круг читателей армянографичных турецких книг по-прежнему остается загадкой. Несомненно, что в восемнадцатом веке и первой половине девятнадцатого века большинство читателей составляли армяне-католики, проживающие преимущественно в таких крупных городах, как

¹ Клейн И. Пути культурного импорта: Труды по русской литературе 18 века. М.: Языки славянской культуры, 2005. С. 13.

² Аналогичны армянографичному турецкому греко-турецкий (караманикдика), иудео-турецкий, ассиро-турецкий. Однако, как утверждает один из крупнейших специалистов в этой области Й. Штраус, «билингвизм был широко распространен среди армян, потому они всегда лучше греков владели турецким, и армянографичные турецкоязычные книги (которых значительно больше, чем на караманикдике) всегда имели широкий круг читателей» [Strauss J. The Millets and the Ottoman Language. The Contribution of Ottoman Greeks to Ottoman Letters (19th — 20th Centuries) // *Die Welt Des Islams*. 1995. 35 (2). P. 189–249. P. 211. URL: <http://www.jstor.org/stable/1571230>](дата обращения: 04.10.2024)].

³ По классификации Г. Ачаряна, турецкоподданные армяне делились на три группы: 1) армяне, которые полностью поддались языковой ассимиляции и могут считаться туркоговорящими; 2) армяне, в речи которых турецкий словарный пласт превалирует над армянским; 3) армяне, которые используют незначительное количество турецких слов в своем лексиконе. Подробнее см.: Ачарян Г. Заимствования от турецкого слова въ народно-армянскомъ Константинопольском языке сравнительно съ наречиями Ванскимъ, Карабахскимъ и Ново-Нахчеванскимъ. Т. 3. Москва; Вагаршапат, 1902. (На арм. яз.)

⁴ Der Matossian B. The Development of Armeno-Turkish (HayatarT'rk'erēn) in the 19th Century Ottoman Empire. Marking and Crossing Ethnoreligious Boundaries // *Intellectual History of the Islamicate World*. 2020. 8. P. 67–100. P. 71.

Стамбул и Измир, а также, но в меньшей степени, в Анкаре и других окружающих городах и поселениях»¹. Со своей стороны один из крупнейших современных специалистов в данной области, М. Джанкара, утверждает, что «армянографичный турецкий, особенно в течение девятнадцатого века, мог служить письменным «лингва франка» среди представителей различных этнических, религиозных и языковых групп в Османской империи»².

Корпус армянографичных текстов, ведущий свое начало с XIV в., достаточно многочисленный и разнообразный: от надгробных надписей и ашугских (уличные певцы) песен до печатных переводов религиозных текстов, романов и пьес, до словарей, учебников и периодической прессы³. В рамках данной работы будет исследована армянографичная турецкоязычная сатирическая газета «Балагур» (на арм. Չնխրճիւիւն).

Исследователи, занимающиеся юмористическими журналами в Османской империи, в своих работах чаще всего указывают «Diyojen» («Диоген») Теодора Касапа как первый сатирический журнал в империи⁴. «Диоген», издававшийся в Константинополе с 1870 года первоначально на армянском/армянографичном турецком, а затем на османском, греческом и французском языках, действительно можно считать чрезвычайно важной вехой в развитии османской сатиры. Однако на самом деле история османских сатирических газет началась более чем за десятилетие до этого, в 1856 году, когда в османской столице группа армян стала издавать газету «Балагур»⁵.

Газета «Балагур», в основном издаваемая на армянографичном турецком (хотя она содержит некоторые статьи и на армянском), в течение многих десятилетий была «предана забвению» и армянскими, и турецкими учеными. В рамках данной работы будут представлены основные тематические направления первого известного на данный момент сатирического армянского периодического издания в Османской империи.

Используя контент-анализ, мы попытаемся показать отношение издателей к одной из злободневных тем османского общества того времени — вестерни-

¹ Aslanian S. D. Prepared in the Language of the Hagarites: Abbot Mkhitar's 1727 Armeno-Turkish Grammar of Modern Western Armenian // *Journal of the Society for Armenian Studies*. 2016. 25. P. 54–86. P. 71.

² Cankara M., Rethinking Ottoman Cross-Cultural Encounters: Turks and the Armenian Alphabet // *Middle Eastern Studies*. 2015. 51:1. P. 1–16. P. 1.

³ Степанян А. Библиография армянографичных турецко язычных материалов и рукописей ереванского Матенадарана им. Маштоца и армянографичные турецкоязычные рукописи Первопрестольного Святого Эчмиадзина. Ч. 1. Ереван, 2008. (На арм. яз.)

⁴ Seyhan S. Meşrutiyet Dönemi Mizah Basını Ve İçeriklerinden Seçilmiş Örnekler // *Turkish Studies — International Periodical for the Languages, Literature and History of Turkish or Turkic*. Winter 2013. Vol. 8/3. P. 494–516. P. 498; Demir S. T. Türkiye’de Mizah Dergileri Kültürel Hegemonya Ve Muhalefet. İstanbul, 2016. S. 16.

⁵ Kharatyan A., Armeno-Turkish Press (1840–1890). Yerevan. *Herald of Social Sciences*. 1995. 2(2). P. 72–85. P. 82. (In Armenian).

зации и ее последствиям не только на государственном или общественном, но и на каждодневном, бытовом уровне. Исследование статей поможет проследить траектории изменений традиционного уклада под влиянием европейских нововведений и восприятие или, вернее, оценку изменений среди различных слоев населения османской столицы. Более детальному и всестороннему пониманию степени влияния на жизнь стамбульцев так называемого *alafranga*, иными словами, чрезмерного увлечения европейскими веяниями, способствует изучение карикатур, напечатанных на страницах этой газеты.

Псянчин Ю. В. (ГАУ БНИЦ, Уфа)

**Закир Шакирович Шакиров (1881–1968) —
основоположник башкирского языкознания
и направления «Собственный Восток России»
в Башкортостане**

Закир Шакирович Шакиров (1881–1968) известен в Башкортостане и далеко за ее пределами как один из основоположников башкирского языкознания, ученый-энциклопедист, полиглот, востоковед-тюрколог и педагог-просветитель¹. Кроме этого, он занимался еще и вопросами литературоведения, фольклористики, краеведения, истории и этнографии². Всего им за годы плодотворной деятельности опубликовано более 50 работ³.

Начало советский периода деятельности З. Ш. Шакирова связано с музееведением: после освобождения в 1919 г. г. Уфы от белогвардейцев он начинает фактически заново создавать разграбленный Уфимский губернский музей, став его основным хранителем и заведующим. Благодаря ему, это учреждение культуры стало называться «Историко-социальным музеем народов Востока», а с 1921 г. — «Музеем Южного Приуралья»⁴.

З. Ш. Шакиров в начале 20-х гг. прошлого XX в. принял самое активное участие в языковом строительстве в Башкирской АССР. Эта его работа заключалась в решении двух важных на тот момент проблем:

¹ Ураксин З. Г. Закир Шакирович Шакиров (К столетию со дня рождения) // *Советская тюркология*. 1981. № 6. С. 97–98; Шакиров З. Г. Шакиров Закир Шакирович // Башкортостан: Краткая энциклопедия. Уфа, 1996. С. 640; Шакиров Р. М. Линия жизни: 1850–2000. Служение Отечеству. М.: «Воскресенье», 2000. С. 8–58; Ергин Ю. В. Педагог-просветитель, ученый-филолог, один из основоположников башкирского языкознания // *Педагогический журнал Башкортостана*. 2006. № 5(6). С. 141–150.

² Ергин Ю. В. Указ. соч. С. 141.

³ Шакиров Р. Указ. соч. С. 52–53.

⁴ Ергин Ю. В. Указ. соч. С. 146.

1) разработка башкирского алфавита и орфографии. Так, при его непосредственном участии был создан реформированный алфавит арабской графики;

2) создание новой письменности на основе «тюрки» Урало-Поволжья, которая вобрала в себя элементы народно-разговорной речи и языка фольклора.

В 1926 г. он, уже будучи участником I Всесоюзного тюркологического съезда в г. Баку, выступил за скорейший переход на латинизированную графику.¹

В 30–40-х гг. XX в., которые, по сути, представляют собой второй, наиболее значимый этап языкового строительства в республике, им были написаны и изданы учебники по башкирскому языку для всех типов русскоязычных школ, двуязычные терминологические словари. В 1939–1940 годах З. Ш. Шакиров был привлечен к разработке нового башкирского алфавита и орфографии на основе русской графики².

Акад. АН РБ З. Г. Ураксин в свое время писал, что «З. Ш. Шакиров в 1928–1929 годах участвует в комплексных экспедициях, организованных Академией наук СССР по изучению Башкирии, разговорного языка и фольклора башкир, а затем самостоятельно совершает выезды в различные районы БАССР, Челябинской и Курганской областей. На эти годы приходится его знакомство с Н. К. Дмитриевым. Это было время, когда формировались национальные кадры языковедов из башкир, начинали свою работу Г. Я. Давлетшин, К. З. Ахмеров, Т. Г. Баишев и многие другие...»³. Далее в докладе дается детальная информация о сотрудничестве З. Ш. Шакирова с различными научными организациями и учреждениями образования Башкирии всех типов.

Репенкова М. М. (ИСАА МГУ, Москва)

Турецкая массовая литература и Джанан Тан

Литературные явления в Турции второй половины XX — начала XXI вв. свидетельствует о многоуровневости, многоукладности ее художественной словесности, в которой с парадигмами «высокого» искусства (реализм, модернизм, постмодернизм) на равных соперничает парадигма «низкой» массовой литературы. В Турции массовая литература возникла во второй половине XIX в. и развивалась параллельно с реалистической. Эта литература, включившись в контекст мирового литературного процесса, получила особенно широкое распространение в 1990–2000 гг. В основе парадигмы массового искусства лежит код эскапизма. В широком смысле — это уход от реальности в другой, более комфортный (даже идеальный) мир, где побеждают добро, ум, сила и красота. «В узком смысле

¹ Ергин Ю. В. Указ. соч. С. 147.

² Ураксин З. Г. Указ. соч. С. 98.

³ Там же. С. 98.

слова — это уход в некий упрощенный мир, при котором человек не достигает реализации своего потенциала, но, напротив, еще более сужает и ограничивает свои возможности. Не случайно наиболее распространенные ответы читателей на вопрос о причинах их увлечения тем или иным жанром массовой литературы указывают на желание “отвлечься, отдохнуть, отключиться от забот, окунуться в другую реальность, вместе с героем оказаться в другой стране и т. д.”. Принципиально значимым представляется то, что стремление к эскапизму обостряется именно в переходные эпохи¹. Последнее актуально для турецкого общества рубежа XX–XXI вв., переживавшего крушение кемалистского «просвещенческого проекта» модернизации / европеизации и приход к власти умеренных исламистов.

С семиотической точки зрения парадигма массовой литературы использует самореферентный тип знака, создающий собственную идеальную / чистую / кичевую реальность. Это переходное звено между знаком, репрезентирующим реальный объект (реализм) и «пустым знаком»/симулякром, который ничего не репрезентирует, поскольку в нем отсутствует означаемое (постмодернизм). Тип знака массовой литературы называют «чистым симулякром» (Ж. Бодрийяр), или «подделкой» (Ж. Делёз). «Чистый симулякр» определяет формульность данной словесности². Это означает, что формулы (стереотипные клише, шаблоны) формируют все базовые параметры парадигмы массовой литературы. Поэтому такой литературе присущи жесткие жанрово-тематические каноны. Для каждого ее жанра (детектив, фэнтези, дамский / розовый / любовный роман, псевдоисторический / историко-авантюрный и др.) характерен свой устоявшийся набор сюжетных схем с определенной тематической общностью, действующих лиц и типов героев.

Жанровая парадигма турецкой массовой литературы сформировалась в 1990-е гг. Дамский или любовный роман представляют такие популярные авторы, как Айше Кулин, Инджи Арал, Нермин Безмен, Гюльсе Шенер Бирсель, Джанан Тан, Аслы Е. Перкер и др. В жанре детектива творят Ахмет Умит, Альпер Джаныгуз, Севиль Атасой, Джелаль Окер, Бирол Огуз, Осман Айсу, Эсмахан Айкол и др. Историческая тематика варьируется в историко-авантюрных романах Искендера Пала, в историко-бытовых — Рехи Чамуроглу и Озлем Кумрулар, в историко-биографических — Айше Кулин и Искендера Пала, в историко-документальных — Тургута Озакмана, Мурата Тунджеля и др. В новом для национальной литературы жанре фэнтези, возникшем в начале 2000-х гг. и сразу же завоевавшем большую читательскую аудиторию, пробуют свои силы Джелаледдин Озджан, Кудрет Алкан, Барыш Мюстеджаплыоглу, Фонда Озлем Шеран, Эрбуг Кайа, Омер Изгеч и др.

Приблизительно с конца 1990-х гг. турецкая массовая литература стала все чаще и чаще попадать в поле зрения национальных литературоведов и критиков. К ней стали относиться более снисходительно, чем раньше, считая ее тоже искусством, но другого рода, ориентированным на художественный вкус массы. Турецкие

¹ Черняк М. А. Массовая литература XX века. Учебное пособие. 8М., 2009. С. 45.

² См.: Кавелли Дж. Изучение литературных формул // *Новое литературное обозрение*. 1996. № 2.

исследователи справедливо подчеркивают, что такого рода словесность носит космополитический характер, связанный с современными глобализационными процессами, и что следствием этого является интернационализация ее формул и клише (мотивов, сюжетов, приемов, типов персонажей). Местным, турецким авторам остается при этом лишь компоновка, композиционное построение готовых штампов, а также фактографическая точность в воссоздании деталей национальной действительности — исторических событий, традиций и обычаев, моды, кулинарных пристрастий и т. п. Однако случается и так, что национальное начинает «корректировать» парадигмальные особенности того или иного массового жанра.

Выводы исследователей подтверждаются творчеством одной из самых известных представительниц жанра турецкого дамского (розового, любовного) романа 2000-х гг. Джанан Тан (р. 1951). Она во многом копирует стиль американских мелодрам, создающихся по принципу экрана (глянцевого журнала, плаката, фильма, комикса и т. п.). Структура ее романов, в которых писательница посредством своих героинь говорит с читательницами от лица коллективного женского «я», предполагает плоскостное восприятие действительности — изображение повседневной жизни в бытовых деталях, призванных вызывать иллюзию достоверности происходящего. В трогательно-сентиментальных жизненных историях о любви психологизация и поэтизация внешнего (интерьер, одежда, аксессуары) сочетается с разбросанным по отдельным эпизодам романтическим пафосом, составляя основу дамской «эстетики грез». Одновременно дамский роман у Д. Тан имеет и национальные жанроспецифические особенности, поскольку задает образ реальности, близкий национальной читательской аудитории, отражает стереотипы национального массового сознания. Наиболее наглядно это иллюстрируют два нашумевших романа Д. Тан — «Пирайе» (Piraye, 2003) и «След» (İz, 2012).

Романенко М. Д. (ИБ РАН, Москва)

Журнал «Орхон» (*Orhun*, 1933–1944) как исторический источник развития турецкой националистической мысли

Период 1930–1940-х гг. стал важной вехой в истории становления турецкого национализма: параллельно с тем, как сам кемализм постепенно приобретал все большие этнические черты, оформлялась и крайняя турецкая националистическая мысль. Одним из рупоров этого течения стал журнал «Орхон» (*Orhun*), созданный известным идеологом крайнего турецкого национализма Н. Атсызом 5 ноября 1933 года. Сам Атсыз охарактеризовал журнал как «...символ прошлого, устремленного в будущее»¹. Вместе с тем из-за оппозиционного отношения к пра-

¹ Atsız N. // *Orhun*. 1933. №1. Р. 1.

вительству Турецкой Республики издание было закрыто дважды: в первый раз в 1934 г. — из-за критики четырехтомника турецкой истории, изданным Турецким историческим обществом¹, а также, после получения разрешения на возобновление издания через 9 лет, в 1944 г. — за публикацию второго открытого письма Н. Атсыза в адрес премьер-министра Шюкрю Сараджоглу, содержащего призыв к борьбе с приверженцами коммунизма². Письмо вызвало широкий резонанс в турецком обществе и привело к протестам, а также начавшемуся судебному «процессу расистов-туранистов»: на скамье подсудимых оказался сам Н. Атсыз, а также будущий лидер Партии националистического движения — А. Тюркеш.

Журнал «Орхон» являлся «ежемесячным тюркским журналом», в котором, помимо самого Н. Атсыза, также публиковались произведения таких авторов как И. Абдулкадир³, Н. С. Банарлы⁴, Н. Санчар⁵, О. Ш. Гёкяй⁶, Б. Аталай⁷, А.-З. Валиди⁸, Д. О. Оджал⁹ и другие. Помимо политических тем, которые касались вопросов национализма, туранизма, антикоммунизма, существенная часть отводилась также научным и просветительским статьям по истории, литературным произведениям (лирике и рассказам), материалам, посвященным изучению устного народного творчества и фольклора, а также мемуарам.

Всего с 1933 по 1934 г. и с 1943 по 1944 г. было выпущено 16 номеров журнала «Орхон». Можно констатировать, что издание является важным историческим источником с точки зрения появления новых нарративов в турецком национализме, в том числе его крайнего течения и постепенного формирования его основных принципов.

Саитбатталов И. Р. (УУНУТ, Уфа)

О языке и стиле тюркоязычных памятников Индии XVIII–XIX вв.¹⁰

Присутствие тюркского этнического и языкового компонента в Индии охватывает широкие хронологические рамки — XI–XIX вв. н. э. При этом

¹ İpek G. Basında Sabahattin Ali-Nihal Atsız Davası // *Akademik Bakış Uluslararası Hakemli Sosyal Bilimler Dergisi*. 2016. №. 55. P. 276.

² Atsız N. Başvekil Saraçoğlu Şükrü'ye İkinci Açık Mektup // *Orhun*. 1944. № 16. P. 1–4.

³ Abdülkadir İ. Milli Şuurun Kudreti // *Orhun*. 1944. № 14.

⁴ Banarlı N. S. Ovada Akşam // *Orhun*. 1933. № 2.

⁵ Sançar N. Türklerde Irk ve Irkçılık // *Orhun*. 1943. № 10.

⁶ Gökyay O. Ş. Üç Nehir // *Orhun*. 1933. № 1.

⁷ Atalay B. Ettuhfet-üz-Zekiyye Fil-Lügat-it-Türkiye // *Orhun*. 1943. № 10.

⁸ Togan Z. V. Göktürk Kağanlığının Siyasi Hayatı / Togan Z.V. // *Orhun*. 1943. № 10, 11, 12, 13, 14, 15.

⁹ Öcal C. O. Milli Şair Mehmet Emin Yurdakul'un Ardından // *Orhun*. 1944. № 15.

¹⁰ Исследование выполнено при поддержке РНФ в рамках проекта «Тюркоязычная поэзия империи Великих Моголов: текстология, перевод, междисциплинарный анализ» (№ 23-78-01061, <https://rscf.ru/project/23-78-01061/>).

письменные памятники, фиксирующие тюркские глоссы, появляются сравнительно поздно — в XIV в., а становление собственной литературной традиции приходится на XVI в. Тюркский литературный язык империи Великих Моголов обычно рассматривается как часть среднеазиатского языкового ареала, то есть как один из вариантов чагатайского языка.

Его бытование в Индии наиболее подробно описано на материале памятников XVI века: сочинений основателя империи Великих Моголов Бабура, его сына Камран-мирзы, полководца и воспитателя шаха Акбара I Байрам-хана. Эти тексты неоднократно издавались в кириллической и латинской транскрипции и переводе на современные русский, турецкий и узбекский языки. Библиография их литературоведческих и лингвистических исследований достаточно обширна.

Последующие два с половиной столетия характеризуются как период медленного угасания тюркоязычной литературной традиции. Тюркоязычные авторы этого времени известны почти исключительно по упоминаниям в антологиях, а их тексты, кроме грамматик и словарей, имеют небольшой объем и включены в персидские или многоязычные собрания. Их изучение осуществляется прежде всего с социолингвистических позиций как выражение тюркской идентичности или часть многоязычной космополитичной подзнемогольской культуры. Единственным полным изданием памятника этого времени, сопровождаемым пространным лингвистическим очерком, является диссертация М. Ф. Йылмаза (2014), посвященная двум рассказам, включенным в грамматический сборник «Та'лиф-и Амир» («Компиляция Амира»).

Изучение каталогов рукописных собраний Индии и других стран показывает, однако, что тюркоязычные литературные тексты, как поэтические, так и прозаические, продолжали создаваться и переписываться на субконтиненте вплоть до середины XIX в. Анализ их графико-фонетических, морфологических, лексических и стилистических особенностей демонстрирует, что язык этих памятников характеризуется высокой степенью стандартизации на всех уровнях, тяготением к среднеазиатскому ареалу, пуризмом в области лексики, рядом конвергентных явлений, обусловленным влиянием персидского и урду. При этом ряд черт выделяет язык тюркских памятников позднегомогской Индии на фоне чагатайского языка Средней Азии.

К устойчивым графическим особенностям памятников позднегомогского времени могут быть отнесены следующие особенности: систематически наблюдаемая тенденция к отражению на письме всех гласных, характерная для чагатайского ареала в целом, систематическое различие конечной и изолированной формы знака *йа'* и знака *алиф максура*, свойственное персидской каллиграфии Индии, систематическое опущение знака *мадда* над начальной формой буквы *алиф* (*āīā* 'ему' вместо ожидаемого *āīā*), колебания в использовании знаков *каф* и *каф-и фарси* (*yikit* 'день' ~ *yigit*).

Арабская графика памятников не позволяет с уверенностью реконструировать фонетические особенности их языка. В ряде случаев орфография сочинений из Индии представляется тяготеющей к точной передаче звукового облика слов (*êşitip* ‘услышав’ вместо ожидаемого *êşitüb*, *kétti* ‘ушла’ вместо ожидаемого *kêtdi*). В некоторых памятниках представлено варьирование сингармонических форм (*surçaḡ* ‘сказка, повесть’ ~ *sürçek*), но в целом судить о наличии или отсутствии сингармонизма в их языке не представляется возможным (*satgüçi* ‘продавец’, *yêbergayımın* ‘отправляю’). Уникальной фонетической чертой памятников из Индии является переход *yı-/yi* в *i*, свойственный некоторым огузским языкам и карлукским диалектам (*ildam* ‘быстро, проворно’ из *yıldam*, *hüdāim* ‘Боже мой’ из *hüdāyım*).

В целом фонетика тюркоязычных памятников Индии позволяет соотнести их с карлукскими языками Средней Азии: в индийских текстах представлена взрывная *b-* (*bar* ‘есть’, *bēr* ‘дать’), глухие *k-* и *t-* в начале слов (*köñil* ‘душа’, *tört* ‘четыре’), полные варианты падежных аффиксов (*çiçekniñ* ‘цветка’, *incülerni* ‘жемчужины вин. п.’, *törege* ‘господину’), аффикс исходного падежа всегда представлен в узком варианте (*teñridin* ‘от бога’, *yıḡaçdın* ‘с дерева’).

Наиболее яркими морфологическими чертами памятников являются тенденции к вытеснению родительного падежа винительным (*kökni yulduzı* ‘звезда небес’), винительного — именительным (*nimeleri talap* ‘похитив вещи’), дательного — местно-временным и послеложными конструкциями (*çadır içide kir* ‘войди в шатер’, *hāl üzre keliüp* ‘придя в состояние’). Обращает на себя внимание своеобразная морфотактика, при которой аффикс множественного числа оказывается в абсолютном конце словоформы после клитик (*yokdurlar* ‘их не было’, *körmeperdirler* ‘а они и не видели’).

Лексика памятников характеризуется сравнительно малым числом арабских и персидских заимствований. Даже хорошо освоенные заимствования нередко заменялись (*tuyuḡküçi* ‘поэт’, *sürçek* ‘повесть’), что делает их тексты значительно более понятными современному тюркоязычному читателю: *Bu amel soñra barça yerler içinde gezer edi* ‘После этого дела он путешествовал по всем землям’.

Для синтаксиса памятников характерно преобладание сложных предложений, в которых придаточные присоединяются посредством союза *kim* ‘что, который’: *Özge kişilerdin bu hıbrak bilirmen kim sên mênim yoldaş bolasıñ* ‘Считаю лучше других людей, потому что ты мой спутник’, а также тенденция к замене сказуемых, выраженных существительными и прилагательными в форме сказуемости, сочетаниями с модальным словом *bar*: *bu yaḡşı bar* ‘Это хорошо’. Последняя особенность объясняется влиянием языка урду.

В целом, язык тюркских письменных памятников Индии XVIII–XIX вв. представляет собой устойчивое единство, характеризующееся наличием общего графического стандарта, отражением одних и тех же фонетических и морфологических процессов, наличием общей стилистической ориентации.

Самигуллин А. Н. (К(П)ФУ, Казань), Валеев Р. М. (К(П)ФУ, Казань)

Тюрколог Ибрагим Хальфин и его неопубликованные письма академику Х. Д. Френу из личного фонда Санкт-Петербургского филиала архива РАН¹

Начальный этап институционализации и становления дисциплинарного статуса казанского университетского востоковедного образования и науки охватывает 1804–1827 гг. У истоков его формирования были Х. Д. Френ (1782–1851) и Ибрагим Хальфин (1778–1829).

Университетский устав от 5 ноября 1804 г. предусматривал на словесном отделении наличие профессора восточных языков и лектора татарского языка. Указом Александра I от 10 июля 1807 г. доктор философии и профессор Ростокского университета Х. Д. Френ (1782–1851) был назначен ординарным профессором восточной словесности в Казанском университете (1807–1817 гг.).

Истоки и направления преподавания арабо-мусульманских языков, изучения письменных и материальных памятников и развития востоковедения в Казанском университете связана с педагогической и научной деятельностью Крестьяна Мартина Френа (Х. Д. Френ, 1782–1851). Прибыв в Казань в августе 1807 г., уже с сентября 1807 г. ученый начал преподавание восточных языков в Казанском университете. Х. Д. Френ приступил к обучению студентов арабскому и персидскому языкам, желающих — еврейскому и сирийскому, к чтению курсов палеографии и золотоордынской нумизматики. В 1817 г. завершается его казанский период жизнедеятельности.

Практика преподавания восточных языков в Казанском университете была связана со старотатарским языком, которому обучались воспитанники под руководством И. Хальфина. Первый попечитель Казанского учебного округа (1803–1812 гг.) С. Я. Румовский (1734–1812) в августе 1805 г. поручил директору Первой Казанской гимназии и университета Яковкину выбрать 5 способных молодых юношей для дальнейшего обучения татарскому языку. Также было рекомендовано И. Хальфину заняться составлением новой грамматики татарского языка. В 1809 г. была напечатана «Азбука и грамматика татарского языка с правилами арабского чтения» И. Хальфина в университетской типографии. Через два года он был избран лектором татарского языка в Казанском университете. В последующее десятилетие традиции преподавания татарского языка в Казанском университете были тесно связаны с именем И. Хальфина, который также сохранял должность учителя татарского языка в Первой Казанской гимназии. В августе 1823 г. Совет университета избрал его адъюнктом восточной словесности.

¹ Исследование выполнено при поддержке РНФ (проект № 25-28-20026) и в соответствии с Программой стратегического академического лидерства Казанского (Приволжского) федерального университета.

В докладе основное внимание будет уделено обзору и введению в научный оборот архивных документов и их сравнительной систематизации из российских центров (Казань (ГА РТ), Санкт-Петербург (СПб. Филиал АРАН), посвященных жизнедеятельности Х. Д. Френа и Ибрагима Хальфина. Особое внимание уделено письмам И. Хальфина петербургскому академику-востоковеду Х. Д. Френу, сохранившимся в его личном фонде в Санкт-Петербургском филиале Архива Российской академии наук (Ф. 778. Оп. 2. Д. 339). В фонде Х. Д. Френа сохранились девять писем И. Хальфина, написанные в период с 1819 по 1825 год. Все письма представляют личные автографы казанского востоковеда и просветителя и написаны в основном на русском языке, лишь одно из них — на старотатарском (1825 г.).

Суриков К. А. (ИВИ РАН; ИСАА МГУ, Москва)

Османский майор на службе Ее Величества: случай Махмуд-эфенди и неизвестные страницы истории офицерства Высокой Порты середины XIX в.

В докладе представлены результаты исследования трансформации системы подготовки офицерских кадров для армии Османской империи в рамках реформ, направленных на масштабное переустройство военной машины, которые были возобновлены султаном Махмудом II в 1826 г. и продолжены его преемником Абдулмеджидом I.

В основе работы лежит анализ османских источников, ранее не привлекавших широкого внимания и даже игнорируемых исследователями, что позволяет скорректировать устоявшиеся оценки реформ в аспекте трансформации системы подготовки офицерских кадров и заполнить пробелы в комплексном изучении истории преобразований османской военной машины. Главным объектом исследования стала история майора османской армии Махмуда-эфенди, запечатленная на страницах документов, хранящихся в Государственных архивах Турецкой Республики в городе Стамбуле.

Майор Махмуд-эфенди был откомандирован для прохождения обучения в Великобритании в 1856–1858 гг. Находясь в Лондоне, он отрекся от ислама и принял христианство, а также женился на дочери капитана британской армии. Информация о действиях майора дошла до консула Османской империи в Британии Константина Мусурус-паши, в результате чего разгорелся скандал, а Махмуд-эфенди был уволен со службы, несмотря на то что ранее османским подданным гарантировалось равенство вне зависимости от вероисповедания. При этом ряд членов британской Палаты общин встали на защиту османского майора и призвали принять его на английскую службу.

Тем не менее британские власти стремились не допустить широкой огласки данного инцидента, поскольку османы, с одной стороны, нарушали своими действиями собственный *Хатм-и шериф* о проведении либеральных реформ, но, с другой стороны, возможный рост антиосманских настроений в английском обществе был невыгоден британцам, формально находившимся в союзнических отношениях с османами после Крымской войны 1853–1856 гг. Случай майора Махмуда расколол английское правительство — пока Палата общин пыталась поддержать бывшего османского офицера, Палата лордов прилагала все усилия, чтобы информация о нем не стала достоянием широкой публики. Высокая Порта в такой ситуации могла лишь сделать инцидент с Махмуд-эфенди максимально показательным — с позором уволенный и лишенный жалованья, он должен был служить назиданием для других османских офицеров, находившихся в Европе и испытывавших влияние ее культуры и общества.

Источниковая база исследования дополнена иными, не введенными в научный оборот источниками, к числу которых можно отнести работу османского офицера Мехмеда Эсада «Наследие Военной академии» (Стамбул, 1893) и «Наследие Высшего инженерного училища» (Стамбул, 1895), труд Рызы Тахсина «Наследие Высшего медицинского училища» (Стамбул, 1910), работу военного министра Османской империи, генерального инспектора Первой, Второй и Третьей армий Махмуда Шевкет-паши «Организация и обмундирование османской армии» (Стамбул, 1909), работу османского историка Ахмеда Лютфи-эфенди «История Ахмеда Лютфи-эфенди» (переведена на современный турецкий язык А. Хезарфеном в 1999 г.). Их изучение позволило сформировать более целостную картину создания офицерского корпуса модернизированной османской армии, а также составить представление о целях и частоте отправок будущей элиты османской армии в Европу, на фоне чего случай майора Махмуда выделяется особенно рельефно.

При этом необходимо отметить, что проблема развития офицерского корпуса новых войск Османской империи не является совершенно неизученной областью военной истории. Она поднимается в ряде работ как отечественных, так и зарубежных историков и востоковедов, например, в работе Г. А. Клейнман «Армия и реформы. Османский опыт модернизации» (Москва, 1989), труде И. Е. и Ю. А. Петросян «Османская империя. Реформы и реформаторы» (Москва, 1993), книге М. Уйара и Э. Эриксона «Военная история османов» (Санта-Барбара, 2009) и работе И. Ортайлы «Самый длинный век империи» (Стамбул, 2008). Однако, несмотря на значительное количество исследований, посвященных военным реформам и аффилированным сюжетам, до сих пор есть множество белых пятен, которые можно заполнить скрупулезной работой в османских архивах. Прежде всего бросается в глаза тот факт, что ни в одной из данных работ не анализируется вопрос о том, протекали ли эти процессы также и в обратном направлении? Имелись ли случаи, когда османские офицеры принимали подданство той страны, в которой они оказывались? Какие последствия могли иметь такие поступки? Как складывалась их судьба в дальнейшем? Отражалось ли это на отношениях Порты с другими государствами?

Не давая ответа на данные вопросы, большая часть исследователей пришла к выводу о том, что основной целью реформаторов стало формирование в османской армии офицерского корпуса, члены которого должны были быть образованы в соответствии с новейшими требованиями и тенденциями европейской военной науки. Основными инструментами для ее реализации стали создание новых высших военных учебных заведений, приглашение в Османскую империю западных инструкторов, а также отправка османских офицеров на обучение в Европу. Некоторые исследования обращают внимание в том числе на то, что ряд европейских военных деятелей, заступив на османскую службу, впоследствии принимали османское подданство, интегрировались в имперский социум и строили карьеру в Османском государстве, порой достигая значительных успехов. Информация о том, что эти процессы протекали в двух направлениях, а не в одном, в современных исследованиях не упоминается, а подтверждения этому содержатся лишь в османских архивах.

Таким образом, введение в научный оборот новых османских материалов способствует углублению, уточнению и дополнению сведений как отечественных, так и зарубежных историков и востоковедов о специфике подготовки офицерского корпуса новой османской армии и поступках отдельных представителей османского офицерства.

Тимохин Д. М. (ИБ РАН, Москва)

О потомках Йафета в анонимном персидском сочинении «Муджмал ат-таварих ва-л-кисас»

Сочинение «Муджмал ат-таварих ва-л-кисас» известно исследователям сравнительно давно: уже В. В. Бартольд приводит обширную информацию о нем в своем классическом исследовании «Туркестан в эпоху монгольского нашествия». «Из сочинений XII в. мы прежде всего должны упомянуть «Свод летописей и рассказов» (*Муджмал ат-таварих ва-л-кисас*) неизвестного автора; сочинение написано в 520/1126 г. и сохранилось только в одной рукописи, находящейся в Парижской Национальной библиотеке. История мусульманских династий, не исключая сельджуков, излагается в этом труде очень кратко; большее значение имеют главы о древнеперсидских царях, об Индии и о тюркских народах. Особенно важен список титулов восточных правителей; мы находим здесь целый ряд титулов, которых нет ни в каких других источниках. Предания о происхождении тюркских племен и о их героях-эпонимах изложены несколько иначе, чем у Гардизи. Между прочим мы находим здесь древнейшую редакцию предания, по которой родина Тюрка, сына Яфета, была местность около Иссык-Куля. Рукопись оканчивается рассказом о разрушении огузами Нишапура после взятия в плен султана

Синджара (1153 г.); очевидно, рассказ прибавлен впоследствии или самим автором, или другим лицом»¹. Несмотря на такую характеристику данного сочинения оно до сих пор не было полностью переведено на европейские языки², а тот самый рассказ о происхождении Тюрка, как одного из сыновей Йафета, согласно описанию анонимного автора, хоть и представляет собой интерес для специалистов, также остается до сих пор слабоизученным³.

В представленном докладе мы постараемся познакомить слушателей с содержанием раздела, посвященного потомству Йафета, среди которых анонимный автор отмечает Чина ибн Йафета, Хазара ибн Йафета, Саклаба ибн Йафета, Руса ибн Йафета, Миска (ميسك) ибн Йафета, Тюрка ибн Йафета. Нами будут отмечены как особенности структуры и изложения материала, так и рассказ о непосредственном расселении этих потомков по различным регионам мира, приведенные автором легенды по этому поводу. Помимо критических изданий 1939 г.⁴ и 2000 г.⁵ нами также будет использован для этой цели единственный доступный нам на данный момент Гейдельбергский список «Муджмал ат-таварих ва-л-кисас»⁶. Надеемся, что изложенные анонимным автором легенды и предания о потомках Йафета окажутся интересны не только специалистам в области мусульманской историографии домонгольского периода, но и самому широкому кругу читателей.

Тишин В. В. (ИБ РАН, Москва)

К хронологии и личной ономастике *джабгу* Тохаристана

Титул *йабгу*, или в диалектном произношении *джабгу*, утвердился у правителей Тохаристана, начиная с тюркской династии. По мнению Х. Резахани, наличие этого титула у местного правителя из тюркской династии продолжает таковую

¹ Бартольд В. В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. Ч. 2. Исследование. СПб.: Тип. В. Киршбаума, 1900. С. 28; Бартольд В. В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. Бартольд В. В. Сочинения. Т. 1. М.: Наука, 1963. С. 72–73.

² Известны лишь переводы отдельных фрагментов «Муджмал ат-таварих ва-л-кисас». См.: Mohl J. Extraits du *Modjmel al-Tewarikh* relatifs à l'histoire de Perse // *Journal Asiatique*. Ser. III. 1841. № 11. P. 136–78, 258–301, 320–61; 1841. № 12. P. 497–536; 1842. № 14. P. 113–52; ser. IV. 1843. № 1. P. 385–432; Quatremère E. De l'ouvrage persan qui a pour titre *Moudjmel-attawarikh*: Sommaire des histories // *Journal Asiatique*. Ser. III. 1839. № 7. P. 246–285.

³ При этом нельзя обойти вниманием статью Ю. Е. Борщевского, в которой тот обратил пристальное внимание на географические разделы этого анонимного персидского сочинения. См.: Борщевский Ю. Е. Географические разделы персидской всеобщей истории «Муджмал ат-таварих ва-л-кисас» // III ПИКНВ. VII годовичная сессия ИВ АН СССР (Ленинград). М.: Наука, 1971. С. 8–11.

⁴ *Mujmal at-tawarikh wa-l-kisas*. Tehran: Chapaney-e Havar Tehran, 1939.

⁵ *Mujmal at-tawarikh wa-l-qisas*. Eine persische Weltgeschichte aus dem 12. Jahrhundert / Ed. by Seifeddin Najmabadi, Siegfried Weber. Edingen-Neckarhausen: Deux Mondes, 2000.

⁶ *Moğmal-ot-Tavārīḫ wa'l-Qaṣaṣ*. Universitätsbibliothek Heidelberg, Cod. Heid. Orient. 118. 291 f.

традицию эфталитов. Однако упоминающие титул *йабгу* бактрийские тексты (делопроизводственные документы и печать) не датированы.

Западные тюрки установили власть над Тохаристаном не ранее 625 г., когда Тон джабгу каган заключил союз с византийским императором против империи Сасанидов, и не позднее 629 г., когда присутствие тюрков к югу от р. Амударьи уже застал паломник Сюань-цзан 玄奘, а датированный тем же годом бактрийский документ фиксирует подвластное положение одного из правителей Северного Афганистана в отношении властителя с титулом *каган*.

При Тон джабгу кагане в Тохаристане власть осуществлял его старший сын *Тарду шад, отравленный позднее своим сыном, известным по титулу *тегин*, то есть просто ‘принц’. Именно последний, согласно жизнеописанию Сюань-цзана, уже к 644 г. принял титул *джабгу*, будто бы по той причине, что так именовался его дед. Это значит, что его отец (то есть *Тарду шад) таким титулом не обладал. Китайские источники также знают этого правителя Тохаристана как *Ышбара джабгу по ряду посольств, отправленных ко двору империи Тан в 645, 647, 648 и 650 г.

Вероятно, его преемником был А-ши-на У-ши-бо 阿史那烏濕波 [пиньин. *wū-shī-bō* < ран. ср.-кит. *ʔɔ-ɕip-pa, позд. ср.-кит. *ʔuǝ-ɕip-pua], имя которого представляется вероятным сопоставить с санскр. *puṣpa* ‘цветок’. Оно иногда передается в текстах с описками как На-хо У-не-бо 那火烏涅波 или На-ши У-ши-бо 那使烏濕波. Он пришел к власти в 652 г. и правил, по меньшей мере, до 665 г.

После посольства от Тохаристана ко двору империи Тан в 682 г., которое император не принял, сведений о Тохаристане в источниках нет до 705 г.

В период между 705 и 718 гг. (вероятно, фактически до 709–710 гг.) *джабгу* Тохаристана был На-ду Ни-ли 那都泥利 [пиньин. *nà-dū-ní-lì* < ран. ср.-кит. *na^h-tə-nej-li^h, позд. ср.-кит. *na^h-tuǝ-niaj-li^h] или, видимо, искаженно Бань-ду Ни-ли 般都泥利 [пиньин. *bān-dū-ní-lì* < ран. ср.-кит. *pan-tə-nej-li^h, позд. ср.-кит. *puan-tuǝ-niaj-li^h], то есть, видимо, **Natu Niri*, где вторая часть имени в китайской транскрипции совпадает с передачей имени одного из западно-тюркских каганов (согд. *nyr*), правившего в 587–602/603 гг. Согласно письму его брата, относящегося к 718 г., этот правитель получил власть над владениями, объединенными во времена его деда (祖父) и получил власть по прямой линии (承嫡繼襲). Возможно, это может быть отсылкой к *Ышбара джабгу (Цэ-фу юань-гуй, цз. 999).

Он оказался в плену у арабов и был увезен в Сирию, где прожил по меньшей мере до смерти халифа ал-Валида I (случившейся в начале 715 г.). Номинально он считался правителем как минимум до 727 г., когда его сын сообщает об этом в письме танскому императору, а годом ранее факт пленения прежнего правителя Тохаристана отмечает паломник Хуэй Чао 慧超, по сведениям которого новый правитель должен был уйти в Бадахшан. Фактически в начале 719 г. от имени *джабгу* Тохаристана в сношениях с империей Тан выступал правитель Чаганиана, видимо, Тйш ал-А‘вар.

В начале 729 г. некто *Кутлуг Эль Тарду (кит. Гу-до-лу Се Да-ду 骨咄祿頡達度, пиньин. *gǔ-duō-lù xié dá-dù* < ран. ср.-кит. *kwət-[tət-]-ləwk ʔet dat-də^h, позд. ср.-кит. *kut-[tət-]-ləwk xhjiat that-thuǝ) был «поставлен» (為) «*джабгу* Тохаристана (и) правителем

Эфтала» (*ту-ху-ло е/шэ-ху и-цзюй* [*< *да/дань*] *ван* 吐火羅葉護怛怛 [*< *怛*] 王). Скорее всего, второе обозначение говорит о том, что он не принадлежал к предыдущей династии. Вероятно, он же в 737 г. выступает союзником тюркешского кагана против арабов.

Может быть, утрату влияния тюркской династии отражает деградация и окончание производства монет с пехлевийской легендой *bhlk 'n ybgw* 'йабгу бактрийцев' с тамгой типа S 61, в то время как монеты группы с бактрийской легендой *στρο*, вероятно, правителя Бамиана, функционировавшие с ранними монетами группы с *śrī śāhi*, меняют тамгу S 61е на S 104 и прекращают употребление пехлевийского письма, используя теперь бактрийское. Локальные правители начинают тяготеть к новым центрам силы, одним которых выступает могущественный *Хорасантегин, правитель Забулистана.

В 749 г. известен *джабгу* Тохаристана по имени Ши-ли-ман-цзя-ло 失理忙伽羅, 失里忙伽羅 [пиньин. *shī-lǐ-máng-jiā-luó* < ран. ср.-кит. **sit-li 'li'-maŋ-kia-la*, позд. ср.-кит. **sit-li-maŋ-kia-la*], которое может быть сближено с санскр. *śrī maṅgalā*. В текстах встречаются также ошибочные написания Фу-ли-чан-цзя-ло 夫里嘗伽羅 и Ши-ли-да-цзя-ло 失里怛伽羅. Он выступил союзником империи Тан против Тибета.

В 758 г. в текстах в последний раз упоминается *джабгу* Тохаристана: 16.08.758 к танскому двору прибыл *джабгу* Тохаристана У-ли-до 烏利多, чтобы вместе с девятью предводителями всех девяти владений «западного края» сражаться с повстанцами Ань Лу-шаня 安祿山 (Цзю Тан шу, цз. 10). Согласно другому источнику, в этот день прибыл посол от него по имени У-ли-до 烏利多 (Цэ-фу юань-гуй, цз. 971), а под 09.08–08.09.758 упоминается прибытие *джабгу* У-на-до 烏那多 (Цэ-фу юань-гуй, цз. 973) для борьбы с повстанцами. Вероятно, в некоторых текстах ошибка (пропуск иероглифа 使 перед именем и искажение во втором иероглифе при самом написании имени), то есть *джабгу* вряд ли сам принимал участие в таком далеком походе, а имя У-на-до 烏那多 [пиньин. *wū-nà-duō* < ран. ср.-кит. **ʔo-na^h-ta*, позд. ср.-кит. **ʔuə-na^h-ta*], вероятно, сопоставимо, с снскр. *unnata* 'высокий'.

Позднее в «Тарйх» ал-Йа'қубй (II, 479) упоминается имя правителя Тохаристана, современника халифа ал-Махдй (775–785), как نيرورش. Кем был этот человек, сказать нельзя и это, возможно, ошибка: у ат-Табарй (III, 519) относительно этого же периода (167 г. х. / 05.02.783–23/07.784 гг. н.э.) упоминается с таким же именем один из двух правителей Табаристана.

Фомин Э. В. (ЧГИКИ, Чебоксары)

Два сценария развития чувашского языка

Чувашский язык — язык болгарской группы тюркской ветви алтайской семьи. Число носителей — около 800 тысяч человек при общем числе чувашей около полутора миллионов.

В фонетике чувашского языка выделяются восемь гласных, два из которых редуцированные, звук [o] встречается только в верховом диалекте, в низовом ему соответствует [y]. Отсутствуют звонкие согласные, но имеются их позиционные полувзвонки аналоги.

Ударение в чувашских словах падает на последний полногласный звук, при наличии исключительно редуцированных гласных оно ставится на первый слог.

Сингармонизм формируется согласно передне- и заднеязычности гласных.

Лексика в основе тюркская. Заимствования из арабского, персидского, татарского, марийского, русского языков.

Чувашский язык агглютинативный.

Именные части речи между собой дифференцируются сложно. Развита глагольная морфология. В языке функционирует три формы прошедшего времени. Будущее время функционально развито слабо.

Словорасположение по схеме SOV. В сложных предложениях придаточные вставляются внутрь главных.

В данном исследовании исходной позицией, относительно к которой отмечаются изменения, следует признать чувашский язык в его классическом варианте, сложившийся в качестве такового на рубеже XIX–XX вв.

Существует два сценария развития чувашского языка: 1) его сохранение как феномена; 2) полная ассимиляция русским языком с включением чувашского материала в виде субстрата в состав чебоксарского региолекта русского языка.

1. Чувашский язык как феномен.

1.1. Эволюция фонетики:

- исчезновение редуцированных гласных *ă* [ъ] и *ё* [ь] как завершение длительного процесса их вытеснения;
- озвончение глухих согласных в интервокальной и межсонорно-вокальной позиции до значения русских звонких вместо наблюдаемой в настоящее время полувзвонкости;
- максимальное смягчение финального звука *m* глаголов в форме настоящего времени в третьем лице, в современных условиях выделяющихся полумягким характером: *вула[m']* ‘читает’ → *вула[m']*;
- сохранение исходного ударения в чувашских грамматических формах заимствованных русизмов и европеизмов: *университёт* — *университетрă* ‘в университете’ → *университётра*, *метрó* — *метрónă* ‘с метро, на метро’ → *метрónа*.

1.2. Эволюция лексики:

- максимальное заимствование русизмов и интернационализмов и замещение ими чувашской лексики.

1.3. Эволюция словообразования чувашского языка:

- образование новой лексики с помощью чувашских аффиксов, в том числе окказиональных: *вёрентёк* < *вёрен* ‘учиться’ + *-тёк* (?), *сыватмăш* < *сыват* ‘лечить’ + *-мăш* (?);
- допущение русских аффиксов в качестве словообразующих элементов: *мăшкăлизац*, *нахализац* ‘издевательство’, *хуравик* ‘черновик’, *шухăшла-визм* ‘афоризм’;
- возникновение русско-чувашских глагольных форм: *звонитьле* ‘позвони’, *подаритьле* ‘подари’.

1.4. Эволюция морфологии:

- замещение вариативных аффиксов с гласными заднего ряда переднеязычными;
- увеличение числа стяженных форм, прежде всего глаголов: *пулать* = *пать* ‘будет’, *килет* = *кет* ‘приходит’, *каять* = *кать* ‘уходит’, *сиет* = *сать* ‘ест’;
- сведение развернутой системы послелогов направления *пат-* ‘к’ универсальной форме третьего лица *патне* вместо (*ман*) *патăма* ‘ко мне’, (*сан*) *патна* ‘к тебе’, (*пирĕн*) *патăмăра* ‘к нам’, (*сирĕн*) *патăра* ‘к вам’;
- унификация показателя датива в виде *-на*² с исключением вариантов на *-а*²: *каччă* ‘молодой человек’ — *качча* ‘молодому человеку’, *тĕрĕ* ‘вышивка’ — *тĕрре* ‘вышивке’, но *аптека* — *аптекăна* ‘аптеке’, → *каччăна*, *тĕрĕне*, *аптекăна*).

1.5. Эволюция синтаксиса:

- перенос в состав определения статусов объекта, в классическом чувашском языке следующих после них: лит. *Лебедев доцент* → разг. *доцент Лебедев*, *Исаев институт пуçлăхĕ* ‘руководитель института Исаев’ → *институт пуçлăхĕ Исаев*;
- замещение модели словорасположения SOV моделью SVO: *Энĕ Мускавра пурнатăп* ‘Я в Москве живу’ → *Энĕ пурнатăп Мускавра* ‘Я живу в Москве’;
- развитие смыслового согласования: *тĕрлĕ сын* букв. разный человек → *тĕрлĕ сынсем* ‘разные люди’, *икĕ сын калаçать* букв. два человека говорит → *икĕ сын калаççĕ* ‘два человека говорят’;
- переход на русский синтаксис сложного предложения: *¹Энĕ ²сан Белграда каймалла ¹терĕм.* = *¹Я сказал, ²что ты должен поехать в Белград.* → *¹Энĕ каларăм, ²что сан Мускава каймалла.*

2. Чувашский язык как субстрат в составе чебоксарского региолекта русского языка.

Чебоксарский региолект — локальный вариант русского литературного языка, характеризующийся рядом устойчивых специфичных признаков на всех ярусах языковой системы. Согласно наблюдениям, практически все маркеры региональной речи обусловлены чувашским участием.

На фонетическом уровне чувашскость проявляется в стремлении к буквенному произношению и смещению ударения в части слов: [*с'игр́ат'*], [*шас':э́*] *чувáшей* вместо рекомендованной *чува́шей*, *Чува́шья* вместо *Чува́шия*.

Лексика чебоксарской речи предполагает использование значительного числа этнографизмов чувашского происхождения и чувашеобусловленных названий, в частности, урбанонимов и ойконимов: *акатуй* — праздник по завершению весенних работ, *ширтан* — колбаса круглой формы, *улица Эльгера*, *Дворец культуры им. Якова Ухсая*, *Хыркасы*, *Чирикасы*.

Грамматика чебоксарского региолекта обусловлена высокой частотностью вопросительной частицы *что ли* / *что ль* и частицы *-ка* в функции нейтральной просьбы, а также замене синтетической посессивной формы типа *мой*, *твой* и т. п. аналитической *у меня*, *у тебя*.

В связи со значительными ассимилятивными процессами в чувашской среде регионализация русской речи чебоксарцев и вслед за ними жителей республики будет усиливаться, в итоге представляя собой русскую речь с большим числом интерферентных явлений.

Данный сценарий в современных реалиях имеет большую возможность реализации. В итоге его реализации чувашский материал будет вплетен в русскую речь на правах субстрата с постепенным затуханием во времени, и чувашизмы будут оставаться лишь в виде названий, прежде всего топонимов.

Иной путь развития направлен на усложнение языка под влиянием русского. В этом случае он под чувашским обликом будет стремиться во всем копировать русский язык.

Хажиева Ф. М. (Бухарский ГУ, Бухара, Узбекистан)

Реалии как литературный прием в биографическом романе Нодира Норматова «Последнее завещание Рузы Чориева»

Известно, что время и пространство являются важными категориями, присущими художественному произведению, и они неразрывно связаны с его содержанием: автор уделяет внимание каждой детали, чтобы создать в произведении определенную атмосферу и настроение, или же судьба персонажа определяется через изображение определенного времени и пространства. Все, что касается хронотопа художественного произведения в целом, безусловно, применимо и к художественно-биографическим произведениям. Однако, в отличие от чисто художественных произведений, автор биографического произведения не имеет свободы выбора времени и пространства.

Перед автором биографического романа стоит задача изучения исторического времени и пространства, в которых жил его герой. Он должен суметь изобразить постепенное развитие характера своего героя в историческом контексте. Автор биографического романа обязан найти такие средства, детали, связанные с его героем, будь то письма, пейзажи или картины, чтобы разорванные звенья времени и пространства в биографии или научно-историческом произведении соединялись так же естественно, как в жизни, и чтобы исторический фон оживал. Узбекский писатель Нодир Норматов выбрал в качестве одного из таких литературных средств — реалий — картины, созданные своим героем.

Как писал французский писатель Андре Моруа, для биографа «поэтичность необходима, чтобы описать природу, окружающую личность, и он должен использовать каждую деталь. При описании жизни художника внимание следует уделять стране, в которой он жил, а также произведениям художника, изображающим данное место»¹.

Нодир Норматов, написавший произведение о художнике Рузи Чориеве, использовал картины своего героя, чтобы преобразовать реальное время и пространство в художественный хронотоп, а также для формирования внешнего облика и характера персонажей. Пейзажи или фон, изображенные художником на его картинах, были перенесены автором в художественное пространство книги. Картина художника оживала перед глазами читателя, одновременно являя места, где происходили события.

В романе Нодира Норматова «Последнее завещание Рузи Чориева» используется художественный прием дословного описания картин героя произведения. В своих работах узбекский художник Рузи Чориев в основном изображал природу своей родной земли. Села, горы, холмы и простые представители народа — все это были главные темы его творчества. Описание подобных картин словами усиливает национальный колорит произведения.

Роман начинается с описания творческой поездки художника и писателя. Оба отправляются в путешествие с целью создать новые произведения искусства — один намерен написать картину, другой — литературное произведение. Н. Норматов изображает пейзаж узбекской земли следующим образом:

«Это были дни, когда в деревне поспевали абрикосы, и некоторые ветви деревьев становились желтоватыми. Но совсем рядом с нашим двором — на склонах гор — все еще пестрели распустившиеся цветы. Белые, красные и желтые бабочки порхали над травой, доходившей до колен. Если направиться к водопаду, глаза наполнялись яркими красками. Вспоминалось детство. Как приятно было зайти в густые заросли и мечтать! Аромат цветов захватывал дух, и в ушах звучало щебетание птиц.

Я сидел один в комнате и рассматривал такие же пейзажные картины, нарисованные накануне»².

¹ Maurois Andre. The Ethics of Biography // Biography as an Art. Ed. by James L. Clifford. New York: Oxford University Press, 1962. P. 173.

² Норматов Н. Рўзи Чориевнинг сўнгги васияти. Тошкент: Санъат, 2009. Б. 3.

В данном случае «голос» писателя и картина художника сливаются. Сначала кажется, что писатель описывает пейзажи, которые он сам видел: выражения вроде *«...были дни», «но совсем рядом с двором, где мы жили...», «...если направиться к водопаду...»* это подтверждают. Однако последняя фраза указывает на то, что эти природные пейзажи взяты с картины художника. Фразы вроде *«...абрикосы поспели, некоторые ветви деревьев стали желтоватыми...», «на склонах гор все еще пестрят цветы, бабочки порхают над травой...»* передают образы, изображенные на картинах. Особенно в выражении *«глаза наполняются красками»* взгляд художника и голос писателя удивительно гармонично переплетаются. Таким образом, в этом описании реальное пространство сливается с изображенным. Через эту призму читатель воспринимает как художественное пространство романа, так и живопись художника. После этого художник представляет Рузи Чориева читателю.

Метод дословного описания картин, которые «участвуют» в событиях произведения, позволяет писателю оживить образы на картинах так же, как и литературные образы в романе. В результате жизнь, описанная в романе, разворачивается перед читателем во всей своей полноте. Автор вовлекает читателя в творческий процесс, делая его участником создания романа.

Так же автор оживляет персонажей картин, делая их участниками событий. Такие «участники» появляются в эпизоде, где художник, находясь в творческой поездке в Хужакент, ломает ногу из-за несчастного случая. Среди них — пожилые супруги, которые помогают художнику, когда он повредил ногу, фельдшер, Бибигул из деревни Пошхурд, старик с портрета *«Сайробский аксакал»* и другие персонажи. Фельдшер, например, описан так:

«На следующий день фельдшер снова пришел. На этот раз он был в новой одежде, которая идеально подходила его стройной фигуре. Рузи заметил то, чего раньше не замечал: вся его внешность излучала ум, казалось, он даже помолодел. Художник тут же набросал его портрет в альбоме».

Автор также рассказывает историю Бибигул, описывая ее судьбу: смерть мужа, сына, просьбу к художнику нарисовать портрет мужа по фотографии. Рузи соглашается и рисует также портрет Бибигул. Ее участие и эмоциональные переживания описаны так: *«В теплые летние вечера он сидел в комнате, работал над портретами Бибигул и ее мужа, и это приносило ему покой... Дверь тихо открылась, вошла Бибигул. Она поправила платок своими длинными руками и подошла к картинам. На одной из них она была изображена с ожиданием, стыдливостью и любовью к мужу. Бибигул застыла на мгновение, затем подошла к картине, провела рукой по изображению мужа, по его волосам. Художник стоял рядом, глядя то на картину, то на Бибигул, и улыбался сдержанной радостью. Бибигул убрала руку, задрожала, а затем решительно вышла. Лунный свет освещал тропинку, ведущую через луг, по которой она уходила».*

Очевидно, что герой биографического романа на самом деле является персонажем, изображенным на картине художника. Автор с помощью художественного вымысла вводит его непосредственно в события произведения. Например, уже одно только

описание того, как Бибигул поправляет платок, показывает живость сцены. Этот национальный штрих подчеркивает ее стыдливость и любовь к мужу, что соответствует ее образу на картине. Оживление персонажей, изображенных на картинах художника, показывает, что творчество Рузы Чориева глубоко связано с жизнью, а художественный вымысел подчеркивает художественный характер биографического романа.

В романе «Последнее завещание Рузы Чориева» Н. Норматов мастерски объединяет литературу и живопись, оживляя персонажи картин и делая их участниками сюжета. Такой подход позволяет читателю не только воспринимать визуальные образы, но и участвовать в творческом процессе. Художественные вымыслы, национальные штрихи и глубокая эмоциональность героев усиливают реалистичность происходящего. Это сближает роман с биографическими произведениями, подчеркивая их художественную ценность. Оживление картин и тесная связь творчества с жизнью делают роман уникальным примером синтеза искусства и литературы, способного вдохновить читателя и вызвать глубокие размышления о судьбе художника и его творчестве.

Шалак М. Е. (ЮФУ, г. Таганрог)

Сочинение османского историка XVII в. Хюсейна Хезарфена «Краткое изложение законов османской династии» как источник по истории ногаев

Сочинение османского историка 2-й пол. XVII в. Хюсейна Хезарфена «Телхис эль-бейан фи каванын-и ал-и осман» («Краткое изложение законов османской династии») представляет большой интерес для всех, кто занимается историей не только Османской империи, но и тех народов, которые входили в ареал ее влияния. Здесь речь пойдет о ногаях. Известные на сегодняшний день немногочисленные рукописи произведения Х. Хезарфена хранятся в Венеции, Париже и Санкт-Петербурге¹. В 1990 г. С. Ф. Орешковой был сделан первый перевод на русский язык двух глав Х. Хезарфена по петербургской рукописи: главы 9 «О законах крымских ханов, законах августейшего похода, султанских законах» и главы 10 «Разъяснение законов о благородных улемах и правилах выдачи баратов»². Позднее Орешкова еще раз опубликовала свой перевод 9-й главы Хезарфена, правда уже без комментариев и авторских пояснений³.

¹ Орешкова С. Ф. Крымское ханство в XV–XVI вв.: роль османского вассала в политическом становлении постордынской Восточной Европы. М., 2022. С. 136.

² Орешкова С. Ф. Османский источник второй половины XVII в. о султанской власти и некоторых особенностях социальной структуры османского общества // Османская империя: государственная власть и социально-политическая структура. Сборник статей. М., 1990. С. 265–289.

³ Орешкова С. Ф. Крымское ханство. С. 131–136.

Известно, что Хюсейн родился на о. Кос. Год рождения не известен, хотя, возможно, Хезарфен родился около 1609 г. Хусейн б. Джафер принадлежал к сословию улемов. Вполне возможно, что он работал учителем или секретарем, так как сам себя называл «ходжой». Прозвище Хезарфен, т. е. «знаток», «эрудит», говорит о его хорошей образованности. Есть сведения, что Хезарфен принимал участие в завоевательных походах турецких войск. Литературной деятельностью османский ученый начал активно заниматься уже в 70–80-е гг. XVII в., когда были написаны все основные его научные труды. Скорее всего, никакой официальной придворной должности Хезарфен не имел. Согласно данным иностранных дипломатов, с которыми тесно общался Хезарфен, умер он в глубокой старости в 1694 г.¹

«Краткое изложение законов османской династии» носит историко-правовой характер. Автор работал над ним с 1673 по 1683 гг. Как следует из названия произведения, оно представляет собой историческую компиляцию, составленную на основе выдержек из различных канун-наме (кодексов законов), теварих (историй) и дефтеров (реестровых книг), и разделенную на 13 глав.

В главе 9, посвященной описанию устройства Крымского ханства, есть у Хезарфена и ценные сведения о ногайцах. Начинает он с того, что, название крымской крепости — Ор (Перекоп), ногайское и означает «ров». Далее он пишет, что от Ора и до Азака расположены кочевья «Великих ногаев». Следовательно, в 30–80-х гг. XVII в. в степях северного Приазовья, от Перекопского перешейка до нижнего Дона расположили свои кочевья Большие Ногаи. Очень важное уточнение Х. Хезарфена заключается в том, что эти Большие Ногаи делятся на 4 части. Это «улу ногаи», «Мансур-оглу», «Шейдак тамгасы» и «кечи ногаи»². Что касается «улу ногаев», то это, собственно, и есть Большие Ногаи, но поскольку автор пишет, что мирзы их происходят из рода «Уранбет-оглу», то под этими ногаями следует понимать Урмаметево родство, потомков большеногайского бия Ураз-Мухаммеда (1590–1598). Это был наиболее многочисленный род среди Больших Ногаев, откочевавший в западные степи, на Крымскую сторону, в 1608 г.

«Мансур-оглу», или «Мансур-улы», — это крымские мангыты, ногайский род, проживавший в Крымском ханстве с 1480-х гг. в., когда беклербек Тимур б. Мансур нашел приют у Менгли-Гирея. Они вели свое происхождение от бия Мансура б. Эдиге. «Шейдак тамгасы» — родство Шейдяковых, относящееся к Малой Ногайской Орде. Малая Ногайская Орда или Казыев улус, состояла из трех «родств» — Шейдяковых, Мамаевых и Ураковых. Шейдяковы вели свое происхождение от нураддина Большой Ногайской Орды Саид-Ахмеда, погибшего в 1589 г., дети которого тогда же переехали в Казыев улус. Уже после смерти последнего бия Малых Ногаев Касима в к. 30-х гг. XVII в. Шейдяковы могли уйти со своих традиционных кочевий в степном Предкавказье за Дон, на Крымскую

¹ Орешкова С. Ф. Крымское ханство. С. 238.

² Там же. С. 134.

сторону. Четвертая часть — «кечи ногаи» (кичи ногаи), собственно и есть Малые Ногаи. Поскольку Шейдяковы у Хезарфена упоминаются отдельно, то под этими кечи ногаями надо понимать улусы Ураковых и Мамаевых, которые откочевали в Крымские владения в 1636 г.

Хезарфен пишет, что законы, применяемые у ногаев, называются на их языке «торе»¹. Так обозначалось обычное право, бытовавшее у кочевых тюркских племен. В то же время Хезарфен причисляет ногаев к ханафитскому мазхабу, который был распространен в Османской империи и Крымском ханстве.

Далее следует рассказ об участии ногаев в походах крымских татар. Хан, калга или нураддин, собравшись идти в поход, отправляют официальное приглашение ногайским мирзам. Те могут как принять его, так и не принять. Если мирзы соглашаются, то они выставляют то количество воинов, которое посчитают нужным. Ногайские мирзы могут оказывать и неповиновение крымским властям. Тогда они уходят в пределы Московского царства, но в конце концов снова возвращаются в Крымское ханство и «живут на старых местах»².

Таким образом, мы можем сделать вывод об определенной степени независимости ногайских улусов по отношению к крымским властям. В этих отношениях была своя специфика, отличающая восточный вассалитет от подобных отношений в Европе. Так же, благодаря сведениям Хюсейна Хезарфена, мы можем сказать, что в середине — второй половине XVII в. ногаи, проживавшие на территории Крымского ханства, кочевали в районе Северного Приазовья и представляли собой конгломерат улусных группировок, состоявший из различных родов как Больших и Малых Ногаев, так и собственно крымских мангытов-Мансуровых.

Шарипов С. С. (Бухарский государственный университет, Бухара)

Историко-хронологические особенности переводной лексикографии в Узбекистане

Переводная — двуязычная или многоязычная лексикография имеет очень древнюю историю. Как известно — это азбуковники, вокабуляры, глоссарии. Все они служили для перевода с одного языка на другой. Переводная (двуязычная и многоязычная) лексикография Узбекистана также имеет богатую историю. В периодизации тюркской/узбекской лексикографии можно выделить 6 основных этапов:

1-й этап. XI–XIV вв.: Махмуд Кашгари «Диван лугат ат-турк», («Собрание тюркских наречий» Махмуда Кашгарского). «Ат Тухфа аз-закия фи-л-лугат ат-тур-

¹ Орешкова С. Ф. Крымское ханство. С. 134.

² Там же.

кия» («Особый дар, написанный о тюркском языке») неизвестного автора¹. Книга написана на арабском языке и посвящена чагатайскому языку. В состав книги включен словарь, дающий перевод арабских слов на чагатайский. «Тарджуман турки ва аджами ва мугали», автор произведения Халил ибн Мухаммад ибн Йусуф ал-Кунави; автор, как и в «Тухфе», при переводе на чагатайский язык использует арабо-тюркское толкование слов.

«Собрание тюркских наречий» Махмуда Кашгари является первым энциклопедическим словарем, соединившем в себе этнографический, историко-культурный и лингвистический материал того периода. «Диван лугат ат-турк» был переведен на многие языки, например, немецкий перевод К. Броккельмана. Турецкий ученый Басым Аталай в 1914 году перевел это сочинение на турецкий язык и издал трехтомник в Анкаре в 1934–1943 гг. В 1960–67 гг. «Диван» был переведен Муталибовым на узбекский язык. Н. А. Баскаков назвал Кашгари «пионером в сравнении тюркских языков», А. Н. Самойлович — «Радловым XI века»².

2-й этап. С XV века до 1862 года. В этот период были созданы словари к произведениям Алишера Навои, в частности «Бада’и ал-лугат» («Красота слов»), составленный Тали Имани Хирави (Гератский), относящийся к концу XV в.

«Абушка» — чагатайско-турецкий словарь, получивший свое название по первому слову в словаре. В словаре около 2000 слов, значение которых по той или иной причине были неизвестны или незнакомы тюркам³. До недавнего времени составитель словаря был неизвестен. Востоковед Э. А. Умаров, специалист по истории древних словарей, сопоставив и проведя анализ сохранившихся Венского и Тегеранского экземпляров, пришел к выводу, что составителем словаря является Мустафа б. Садык⁴.

«Лугати турки» — «Словарь» Файзуллахана был создан в конце XVI в., хранится в Британском музее. Это словарный материал на староузбекском, чагатайском языке. Словарь состоит из 3 глав⁵. Также в конце XVI в. в Хиве был составлен «Словарь Мухаммада Ризы», в котором были даны перевод слов и словосочетаний на арабский и персидский языки из произведений Алишера Навои.

«Мабани ал-лугат» и «Санглах» Мирзы Мехдихана. «Санглах» — это чагатаско-персидский словарь. Книга является грамматикой староузбекского языка. Книга состоит из 6 частей. Словарная — 6-я часть «Санглах» — это перевод староузбекских слов на фарси. Почти все толкования сопровождаются рубаями и газелями Лютфи, Навои, Бабура, Физули и т. д. В словаре встречаются и заимствованные слова из монгольского и турецкого языков⁶.

¹ Хамраева М. Фейллар мисолида идеографик лугат тузиш. Ташкент, 2014.

² Кононов А. Н. Махмуд Кашгарский и его «Дивану лугат ат-тюрк» // *Советская тюркология*. 1972. № 1. С. 3–17.

³ Щербак А. М. Грамматика староузбекского языка. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1962. С. 54.

⁴ Умаров Э. А. Древние узбекские словари. Ташкент, 1992. С. 11.

⁵ Щербак А. М. Грамматика староузбекского языка. С. 55.

⁶ Там же. С. 59.

«Словарь» Фатиха Алихана Хаджарского, над которым он работал с 1857 до 1862 гг., состоял из четырех частей:

- 1) предисловие;
- 2) чагатайско-персидский словарь;
- 3) двенадцать слов из словаря «Санглах», которые остались непонятными и непереуведенными Мирзой Махдиханом;
- 4) словарь персидских слов, встречающиеся в произведении Алишера Навои¹.

Кроме перечисленных сюда можно внести «чагатайско-персидские», «чагатайско-турецкие» словари Фараги, Абу 'Абд Джалила Насири, хаджи Тайба Бухари и т. д.

3-й этап. 1887–1917 гг. В этот период начинают активно развиваться переводные двуязычные словари. В конце XVIII и в начале XIX вв. были составлены два словаря: «Мунтахаб ал-лугат» и «Зубд ал-лугат» Мухаммадом Ризой Хаксара. В XIX веке шейхом Сулейманом Бухари был составлен «Лугати чигатаи ва турки усмани»². Также к этому периоду относится знаменитый «Лугати ситта алсина» Исхак-хана Ибрата, изданный в 1901 году в Ташкенте³. Это шестязычный словарь, в котором даны переводы на персидском, арабском, тюркском, индийском, узбекском и русском языке.

4-й этап. К концу XIX века окрепли политические, культурные, экономические связи между Россией и Туркестаном. Необходимость общения и понимания послужило причиной для глубокого изучения узбекского и русского языков. Таким образом, широкое распространение получают переводные словари, которые носили учебный характер.

В основном это русско-узбекские, русско-персидские словари, среди них «Спутник русского человека в Средней Азии» (13 000 слов) А. Старчевского, «Краткий русско-сартовский и сартовско-русский словарь» Ш. Ишаева, «Русско-сартовский и сартовско-русский словарь общеупотребительных слов с приложением краткой грамматики по наречиям Наманганского уезда» (8500 + 4200 слов) В. Наливкина и М. Наливкиной, «Карманный русско-узбекский словарь» С. Лапина, «Русско-персидский словарь общеупотребительных слов по наречиям Туркестанского края» В. Наливкина, и др.

5-й этап. 1924–1990 гг. Этот период связан с развитием переводной лексикографии. Связующей основой этой интеграции являлся русский язык. В основном это терминологические словари, касающиеся различных областей производства.

В качестве примера можно привести «Русско-узбекский словарь» Б. Брылова к учебнику Шакирджана Рахими «Спутник для взрослых» (1925), «Краткий русско-узбекский словарь» (1926) Е. Д. Поливанова, «Русско-узбекский полный словарь» (1927) Ашурали Захири, «Русско-узбекский полный словник»

¹ Щербак А. М. Грамматика староузбекского языка. С. 60.

² Сулейман Бухари. *Лугати чигатаи ва турки усмани*. Истанбул, 1298/1881.

³ Сурайё Гафурова. Из истории узбекской лексикографии. URL: <http://oldconf.neasmo.org.ua/node/2518> (дата обращения: 15.01.2025).

С. Рахмати и А. Кадыри (1934), «Краткий русско-узбекский словарь» (1935) В. В. Решетова. В этот период были изданы «Русско-узбекский терминологический словарь по математике» (1933, 1952), «Русско-узбекский терминологический словарь по физике» (1933, 1952), «Русско-узбекский краткий словарь» А. А. Азизова (1989), А. А. Азизова, З. Ризаевой «Узбекско-русский словарь: для учащихся средних школ», «Русско-узбекский словарь» в 2 т. (1983–1984), «Узбекско-русский, русско-узбекский школьный словарь» Х. Асалова, Р. Юлдашева (1981); Азларов Э., Рогожина М. А., Акобиров С. Ф., Магафуров З. М., Муратов Н. М. и др. «Русско-узбекский словарь в двух томах» (1983). Как видим, в этот период была проделана большая работа по составлению переводных словарей.

6-й этап начинается с 1990 г. и продолжается по сегодняшний день. Этот период включает в себя 6 основных направлений создания переводных словарей: 1) русско-узбекские, узбекско-русские общие словари; 2) русско-узбекские терминологические словари; 3) англо-узбекские, узбекско-английские общие словари; 4) англо-узбекские, узбекско-английские словари-разговорники; 5) русско-англо-узбекские словари; 6) англо-узбекские терминологические словари.

За последние двадцать лет составлены словари, содержащие узбекские аналоги слов китайского, японского, корейского языков и хинди. Однако развитие экономических, политических и культурных связей требует все большего знания языков. Каждый год создаются десятки словарей. Среди них особо следует отметить «Узбекско-русский словарь». Словарь насчитывает более 40 000 слов и охватывает общеупотребительную лексику современного узбекского литературного языка со всеми заимствованиями из русского языка¹. В 2014 г. был выпущен 2-томный «Русско-узбекский толковый словарь» под редакцией заместителя директора Института языка и литературы, канд. филол. наук Абдувахаба Мадвалиева. Словарь является доработанной, исправленной версией словаря, изданного 1983–1984 гг.

Шлыков П. В. (ИСАА МГУ, Москва)

Борьба с кемалистским государством изнутри: модели и формы гражданской активности в первые десятилетия республиканской Турции

В докладе представлены результаты анализа специфики развития гражданского общества в раннереспубликанской Турции, модели и механизмы его взаимодействия

¹ Юланова Н. Д. К вопросу об учебной лексикографии // *Молодой ученый*. 2016. № 25(129). С. 700–703. URL: <https://moluch.ru/archive/129/35826/> (дата обращения: 23.01.2021).

с государством в условиях кемалистской революции — масштабных реформ 1920-х и 1930-х гг., нацеленных на строительство «Новой Турции» как современного светского национального государства. Основной фокус исследования сосредоточен на анализе проявления низовой гражданской активности в Турции в 1920–1930-е гг. — сопротивлению фискальной политике кемалистов и борьбе против госмонополий.

Исследование построено на детальном изучении обширного корпуса оригинальных источников, ранее широко не использовавшихся для реконструкции специфики общественных отношений в раннереспубликанской Турции. Прежде всего, это «народные колонки» в ведущих турецких периодических изданиях 1920–1930-х гг. — «Республика» (*Cumhuriyet*), «Последняя почта» (*Son Posta*), «Рассвет» (*Tan*), «Вечер» (*Akşam*), многочисленные петиции граждан, опубликованные в ежегодниках Великого национального собрания Турции (ВНСТ), выступления министров и депутатов, зафиксированных в протоколах его заседаний, мемуары видных государственных деятелей раннереспубликанского периода (министра общественных работ и юстиции в 1930-е гг. М. Х. Урана, губернатора ряда крупных провинций Анатолии в 1920-е и 1930-е гг. Дж. Бардакчи, губернатора Эрзинджана А. К. Аксюта) и отчеты партийных инспекторов, хранящихся в фонде Народно-республиканской партии (*Fon: 490-1-0-0, Cumhuriyet Halk Partisi*) Республиканского архива Управления госархивов Турции (*Devlet Arşivleri Başkanlığı Cumhuriyet Arşivi*).

В оценках общественной ситуации в Турции 1920-х и 1930-х гг. на фоне масштабных реформ, неслучайно именуемых кемалистской революцией из-за коренных социально-экономических изменений, долгое время была распространена точка зрения об отсутствии или ограниченности низовой гражданской активности, ее бессистемности и дискретности, что определяло соответствующую концептуализацию отношений центра и периферии в раннереспубликанский период. В своих работах такие исследователи как Э. Цюрхер, Ф. Ахмад, Я. Ландау, М. Тунчай, Ч. Кейдер, Д. Е. Еремеев, Н. Г. Киреев и другие отмечали, что сельское население раннереспубликанской Турции характеризовалось пассивностью и реагировало на усиливающееся административное и налоговое давление властей «Новой Турции» спорадически, а его протестная активность не носила регулярного характера, проявляясь лишь в виде редких ярких всплесков (восстание шейха Саида 1925 г., волнения в Менемене 1930 г., события в Дерсиме 1937–1938 гг.). Широко известная концепция «центра-периферии» Ш. Мардина, характеризующая процессы общественного развития в республиканской Турции как следствие оппозиции «центра» в лице правящей элиты вместе с правящей Народно-республиканской партией (НРП) и оторванной от него «периферии» — остальной части страны, консервативной и провинциальной, также постулировала отсутствие взаимодействия «центра» и «периферии» ввиду их имманентного противостояния и определенной изоляции друг от друга.

Вместе с тем комплексный анализ широкого круга источников, позволяющих выявить ключевые тенденции в общественной жизни Турции в 1920–1930-е гг., дает возможность подвергнуть ревизии устоявшийся ранее взгляд на рассматриваемую проблему, а также охарактеризовать основные формы низовой гражданской активности в годы становления и первые десятилетия существования республиканской Турции и оценить ее масштабы.

Несмотря на распространенное в научной литературе мнение о пассивности сельского населения раннереспубликанской Турции, долготерпение которого приводило лишь к sporadическим всплескам протестной активности, анализ «народных колонок» в ведущих периодических изданиях и отчетов партийных инспекторов дают иную картину. Прежде всего простые турки пытались достучаться до власти, используя доступные им методы — жалобы и письма в газеты, индивидуальные и коллективные петиции в адрес правительства и депутатов ВНСТ, обращения к съезду НРП. «Стратегия голоса» предполагала привлечение внимания властей к своим проблемам и требования выполнять взятые обещания.

Помимо разного рода петиций во все возможные ведомства, писем в газеты и прямых жалоб депутатам, крестьяне прибегали и к активным формам противостояния давлению кемалистского государства, варьирувавшимся от банального бегства от представителей власти до силового противостояния и даже массовых восстаний. Встречались и нетривиальные способы протеста — распространение слухов, дискредитирующих конкретного чиновника или органы власти в целом. Соппротивление гнету кемалистских властей удивительным образом спланировало, показывало возможности скоординированных действий, которые нередко оказывались результативными. Основные формы гражданской активности и модели противостояния кемалистскому проекту «Новой Турции» развивались по следующим направлениям: попытки решения земельного вопроса, борьба за снижение налогового бремени, противостояние гнету государственных монополий.

Вместе с тем реальные возможности повлиять на ситуацию посредством низовой гражданской активности в тех формах, которые были доступны крестьянам, были ограничены тем, что кемалистское государство и партийные функционеры, которые не могли поставить под свой полный контроль ситуацию на местах, выработали другие, вполне действенные способы взаимодействия с периферией и установления контроля над ней. Одним из ключевых инструментов такого рода стала опора на *ага* — крупных землевладельцев и богатых коммерсантов из местной элиты — как социальных партнеров и проводников влияния НРП. Взаимодействие с ними усиливало патрон-клиентный характер организации социальных отношений на периферии и провоцировало рост теневой экономики на селе, однако при этом гарантировало купирование социального протеста на том же низовом уровне, где он и зарождался.

Юсупова А. Ш. (ИФМК К(П)ФУ, Казань)

Каюм Насыри — основоположник татарской лексикографии

Каюм Насыри, выдающийся ученый-энциклопедист, в течение своей жизни издал около 60 трудов по языкознанию, художественной литературе, фольклору, филологии, педагогике, математике, истории, географии, астрономии и другим отраслям знания. Он всю свою жизнь посвятил распространению науки, знаний и традиций среди татарского населения.

К. Насыри был прежде всего языковедом, взявшим на себя тяжелый труд по разработке теоретических, грамматических, стилистических вопросов национального языка, по формированию татарского национального языка в условиях появления татарско-русского и русско-татарского двуязычия.

Среди лингвистических трудов Каюма Насыри особое место занимают словари: двуязычные словарь «Татарча-русча лөгәтә китабы» (1878) и «Полный русско-татарский словарь с дополнением из иностранных слов, употребляемых в русском языке как научные термины» (1892), первый толковый словарь татарского языка «Ләһжәи татари» («Толковый словарь татарского языка») в двух томах (1895–1896) и словарь «Гөлзар вә чәмәнзар» (1894).

Первый по времени татарско-русский словарь 1878 г. объемом 120 страниц является практическим руководством, необходимым для обучения татар русскому языку, а русских — татарскому. Словарь включает 2923 слова. Он имеет предисловие, в котором приводятся краткие сведения по фонетике татарского и русского языков. Об этом свидетельствуют такие заголовки, как «Рус азбукасында хәрәкәткә йөри торган хәрәфләр» («Русские буквы»), «Слоглар» («Слоги»), «Ударение бәянында» («Об ударении»).

По принципам построения эта работа похожа на современные словари. Слова в нем расположены в алфавитном порядке. Материал разделен на четыре столбца: в первом даны татарские слова в алфавитном порядке в арабской графике (в алфавитном порядке арабского языка); во втором — транслитерация слов русскими буквами (т. е. татарские слова, написанные русскими буквами); в третьем — перевод слов на русский язык; в четвертом — русское слово в арабской графике.

«Полный русско-татарский словарь с дополнением из иностранных слов, употребляемых в русском языке как научные термины» К. Насыри, изданный в 1892 году, считается значительным лексикографическим трудом второй половины XIX века. Его объем — 263 страницы. К. Насыри составил данный словарь в форме справочника и учебного пособия для татар, изучающих русский язык. Во вступительной части автор говорит о том, что словарь является результатом 35-летней научной деятельности автора.

Относительно методики составления этого словаря отметим, что автор пользуется разными приемами: методом перевода, методом использования параллельных материалов и, наконец, методом истолкования. С учетом последнего его «Полный русско-татарский словарь» уже переходит в разряд толковых словарей. Довольно часто при переводе используется прием употребления синонимов. Учитывая наличие в современном ему татарском языке нескольких стилей, автор использует наряду с татарскими словами и арабо-персидскую лексику. Особую значимость словарю придает еще одно обстоятельство. Автор дает отнюдь не механический перевод слов и терминов, а всюду, по возможности, отмечает специфические особенности татарского по сравнению с русским языком.

«Полный русско-татарский словарь» К. Насыри включает в себя 18 410 словарных единиц. Расположены они в алфавитном порядке русского языка и написаны в соответствии с орфографией того времени. Перевод слов дается арабской графикой. На последней странице словаря имеется таблица, в которой указаны номера страниц, где слова начинаются с новой буквы алфавита. В конце словаря под заголовком «Элфаз эжнэбия», т. е. «Иностранные слова», К. Насыри расположил 1 700 слов и терминов, пришедшие в русский язык из других языков.

«Лехче-и Татари» — первый толковый словарь татарского языка, опубликованный Каюмом Насыри. Первый том «Лехче-и Татари» был издан в типолитографии Казанского Императорского Университета в 1895 году, второй — в 1896 году. В словаре представлена информация о произношении и расположении букв по алфавиту. Всего в словаре 8 644 единицы, в том числе 1 601 заимствованных слов, из которых — 1 089 арабских, 488 персидских, 21 русское и 3 греческих. «Лехче-и Татари» — один из основополагающих трудов татарского языка в области лексикографии, источник для словарей многих других авторов.

Секция V • Section V

Источниковедение и историография народов Центральной Азии и Кавказа

Historiography and Source Studies of the Caucasus and Central Asia

Akhmedova M. B. (Bukhara State University, Bukhara, Uzbekistan)

Breaking Barriers: Resilience and Resistance of Jadid Women in Central Asia against Patriarchal Structures and Colonial Oppression

The focus of Jadidism was on modernizing education and promoting literacy, but it also had implications for women's rights and empowerment. Women involved in the Jadid movement were instrumental in advocating for greater educational opportunities for themselves and other women. They pushed for access to modern education, including literacy and vocational training, which was traditionally restricted for women in the region. The Jadid women also challenged traditional gender roles and norms, advocating for greater autonomy and participation in public life. Some Jadid women became educators themselves, teaching at modern schools and promoting literacy among girls and women. They were also engaged in social and political activities, promoting women's rights, equality, and self-reliance.

In this paper, Jadid women who played important roles in promoting educational reforms, advocating for women's rights and challenging traditional gender roles in Muslim societies are discussed. As Marianne Kamp noted in her book "Pilgrimage and Performance: Uzbek Women and the Image of Uzbekistan in the 1920s" (2002)¹, in Central Asia, where women's rights were limited in both education and entertainment, women were inspired by the Jadids, and their contributions helped advance the goals of

¹ Marianne Kamp. Pilgrimage and performance: Uzbek Women and the imagining of Uzbekistan in the 1920s // *International Journal of Middle East Studies*. 2002. 34. P. 263–278

the Jadid movement and pave the way for social progress. This paper will examine how Uzbek women's experiences in the 20th century were influenced by both the political landscape of the Soviet Union and a unique cultural environment, blending Islamic traditions with the realities of colonial domination.

Beth Baron in her research "Egypt as a Woman: Nationalism, Gender and Politics"¹, demonstrated that Muslim women who contributed to discussions of reform wrote "as Modernists or Islamists". We argue, that within the Islamic framework, both groups sought to reinvigorate and fortify their faith by denouncing specific Western influences and perceived excesses.

Gregory Massell's pioneering work² "The Surrogate Proletariat: Muslim Women and Revolutionary Strategies in Soviet Central Asia, 1919–1929" examines the Communist Party's motivations for and methods of changing the lives of Muslim women in Central Asia through an exhaustive reading of published books in Russian as well as Western scholarship and travel accounts and reconstructing the shifting emphases of the Communist Party strategy as it attempted to engineer a women's revolution in Central Asia.

In the paper it is argued why the promised Soviet transformation of women's lives was only partially successful and did not necessarily improve life for women.

The analysis of Rakhima Aminova's study "October Revolution and the Liberation of Women in Uzbekistan"³, which offers a compelling account of how the Communist Party's actions shaped the lives of Uzbek women during the Soviet era, provided a unified perspective on their advancements under Soviet governance.

The Jadids central tenet was undoubtedly "Freedom, Equality, Justice", a guiding principle that fueled their educational mission. This mission aimed to cultivate intellectual maturity in individuals, foster an understanding of political norms and values, instill legal consciousness, and ignite a passion for political engagement. Their action plans encompassed equalizing the rights of women and men and transforming the spiritual and educational standing of women.

At last, the paper argues that such women as Maryam Sultanova, Xayriniso Majidxonova, Diloru Yusupova and others were inspired by male Jadids and started taking actions to reach full freedom. In the early 20th century, some Jadid reformers in Central Asia opened modern school programs for girls and many discussed the necessity of reforming women to contribute to the development of society along with men.

¹ Beth Baron. *Egypt as a Woman: Nationalism, Gender and Politics* // *Journal of Middle East Women Studies*. 2008, April. New York. P. 129–135.

² Gregory Massell. *Surrogate Proletariat: Muslim Women and Revolutionary Strategies in Soviet Central Asia, 1919–1929*. Princeton: Princeton University Press, 1974. P. 404.

³ Rakhima Aminova. *October Revolution and the Liberation of Women in Uzbekistan*. Moscow, 1985. P. 101–105.

Aliyeva Gyulshan X. (Bukhara State University, Uzbekistan)

Analyzing the Contributions of Mahmudhoja Behbudi to Uzbek linguistics and Educational Reforms

The work of Mahmudhoja Behbudi, a leading figure in the Jadid movement, stands as a critical pillar in the modernization of Central Asian society during the late 19th and early 20th centuries. In this paper, I explore two major sources: “Mahmudkhodja Behbudi and the Issue of New Uzbek Linguistics” (ResearchGate, 2024)¹, and *Mahmudxo'ja Behbudiy. Tanlangan Asarlar. 2-jild* (2018)², which present a thorough analysis of Behbudi's role in both linguistics and broader educational reforms. The central argument in these articles focuses on Behbudi's visionary contributions to the development of the Uzbek language, its modernization, and the promotion of educational reforms aimed at empowering the broader society, particularly women.

Behbudi, who is considered the founder of modern Uzbek drama and an influential educator, played a transformative role in advancing the concept of new Uzbek linguistics. His efforts are outlined in the article “Mahmudkhodja Behbudi and the Issue of New Uzbek Linguistics,” which argues that Behbudi's linguistic reforms were aimed at strengthening the cultural identity of the Uzbek people while also adapting the language to better suit modern educational and social needs. This perspective was crucial because, before Behbudi's work, the language used in education was primarily based on Arabic and Persian, which were not accessible to the general population. Behbudi's insistence on the use of the Uzbek language in schools was a radical step that allowed the common people, especially children, to engage more fully in their educational pursuits.

The paper contends that Behbudi's approach to linguistics was not merely about the practical aspect of education but also about challenging the cultural and intellectual hegemony that had long been imposed by external powers, including colonial forces. This was especially significant given that women in Central Asia, prior to the Jadid movement, had limited access to education, particularly formal education. In *Mahmudxo'ja Behbudiy. Tanlangan Asarlar. 2-jild*, Behbudi's writings further emphasize his commitment to modernizing Uzbek education and linguistics. This work presents a selection of his literary and educational contributions, showcasing how he promoted the use of the Uzbek language for both secular and religious education. His writings emphasize the necessity of incorporating modern subjects such as science, mathematics, and geography into the curriculum, alongside traditional Islamic studies. This balanced approach to education was revolutionary in its time and presented an alternative to the rigid, traditional educational systems that were prevalent across Central Asia.

¹ Zaynabidin Abdirashidov. Mahmudkhodja Behbudi and the issue of new Uzbek Linguistics // *EPRA International Journal of Research & Development (IJRD)*. October 2020. 5(9). P. 300–307. URL: https://www.researchgate.net/publication/344437668_MAHMUDKHODJA_BEHBUDI_AND_THE_ISSUE_OF_NEW_UZBEK_LINGUISTICS (accessed: 26.11.2024).

² Mahmudxo'ja Behbudiy. *Tanlangan asarlar. 2-jild*. Toshkent: Akademnashr, 2018. B. 200.

The paper argues that while Behbudi's reforms were progressive, the social and political climate in which he operated, and which was marked by colonial domination, traditional patriarchy, and a slow pace of change meant that the full impact of his efforts would not be realized immediately. In analyzing these sources, it becomes clear that Behbudi was not just a literary and educational reformer but also a social and political activist who sought to challenge both colonial and patriarchal structures. His push for women's education, especially in the context of the early 20th century, was a pivotal aspect of his broader educational reforms. His educational model, which advocated gender inclusivity and modern, secular learning, would later influence the formation of more gender-equitable educational institutions in Central Asia.

To recapitulate my ideas briefly, the analysis of these articles reveals that Mahmudhoja Behbudi's work in Uzbek linguistics and education was central to the success of the Jadid movement in Central Asia. His advocacy for linguistic reform, modern education, and gender equality not only contributed to the modernization of the Uzbek language but also laid the groundwork for broader societal and cultural changes.

Konstantin Vasil'tsov (FAAS, St Petersburg University, St Petersburg)

Drawing the Inner Islam: Sufi Comic Narratives by Mohammed Ali Vakil

In a world increasingly dominated by digital narratives and fast-paced storytelling, the incorporation of spiritual themes into popular culture has become more relevant than ever. One of the most captivating manifestations of this trend can be found in the realm of comics, particularly within the subgenre that explores Sufi philosophy and mysticism. Among the notable creators in this field today is Mohammed Ali Vakil, whose works illuminate the profound teachings of Sufism through vibrant illustrations and engaging narratives. This essay delves into the significance of Sufi comics, with a special emphasis on Vakil's contributions, exploring how they bridge the ancient wisdom of Sufism with contemporary artistic expression.

Sufism, often described as the mystical branch of Islam, emphasizes the inward search for God and the cultivation of personal spirituality. It has produced a rich tapestry of poetry, philosophy, and art over centuries. Central to Sufi thought are themes of love, unity, and the quest for divine truth, often expressed through allegorical tales and parables. The challenge for modern audiences lies in making these profound teachings accessible and relatable, especially to younger generations who may be more inclined toward visual storytelling.

Sufi comics represent a unique intersection between ancient spirituality and modern graphic storytelling. They serve as a medium to convey complex philosophical ideas in a digestible format, utilizing the visual appeal of comic art to capture the imagination of

readers. This approach not only democratizes access to Sufi teachings but also encourages dialogue about spirituality in a medium that resonates with contemporary culture.

Mohammed Ali Vakil stands out as a pioneering figure in the realm of Sufi comics. His works are characterized by their artistic finesse and deep spiritual insight. Vakil's comics often draw inspiration from classic Sufi literature, weaving together narratives that explore the themes of love, self-discovery, and the relationship between the individual and the divine.

One of Vakil's most notable works is his adaptation of the poetry of Rumi, the 13th-century Persian mystic and poet whose writings have transcended cultural and temporal boundaries. Through his comics, Vakil brings Rumi's verses to life, illustrating the poet's exploration of love and the divine. This adaptation not only preserves the essence of Rumi's teachings but also makes them accessible to a wider audience, including those who may not be familiar with his work.

Vakil's artistic style is a vital component of his storytelling. His illustrations are reminiscent of traditional Persian art, infused with modern sensibilities that appeal to contemporary readers. The vibrant colors, intricate patterns, and expressive characters invite readers into a world where the mystical and the mundane coexist harmoniously. Each panel serves not merely as a visual representation but as a conduit for spiritual reflection, inviting the reader to engage with the deeper meanings embedded within the narrative.

Narratively, Vakil employs a storytelling technique that resonates with the oral traditions of Sufism. His comics often feature allegorical tales that reflect the journey of the seeker—the individual striving to understand themselves and their place in the universe. By framing these narratives within the comic medium, Vakil effectively translates complex spiritual concepts into relatable experiences, allowing readers to find their own paths toward enlightenment.

The impact of Vakil's work extends beyond the realm of comic art; it plays a significant role in contemporary spiritual discourse. By presenting Sufi teachings in an engaging format, Vakil encourages dialogue about spirituality in a way that is relevant to modern audiences. His comics spark curiosity and introspection, prompting readers to explore their own spiritual journeys and the universal themes of love, unity, and self-awareness.

Moreover, Vakil's work contributes to a broader movement that seeks to reclaim and reinterpret spiritual narratives in the face of globalization and cultural homogenization. By drawing on the rich heritage of Sufism, his comics serve as a reminder of the depth and diversity of spiritual traditions, fostering a greater understanding of the interconnectedness of all human experiences.

The emergence of Sufi comics, particularly the works of Mohammed Ali Vakil, represents a dynamic fusion of spirituality and contemporary art. Vakil's ability to distill the essence of Sufi teachings into engaging narratives and vibrant illustrations offers a fresh perspective on ancient wisdom, making it accessible and relevant to today's audiences. As the world continues to grapple with existential questions, Vakil's comics stand as a testament to the enduring power of storytelling in the pursuit of truth, love,

and understanding. In this way, Sufi comics not only preserve a rich spiritual heritage but also inspire new generations to embark on their own journeys of self-discovery and connection with the divine.

*Акопян А. Е. (Ин-т древних рукописей им. Месропа Маштоца (Матенадаран); Ин-т археологии и этнографии НАН РА; Ин-т востоковедения Российско-Армянского университета, Ереван),
Асатрян С. С. (Ин-т востоковедения Российско-Армянского университета, Ереван)*

Христианские контактные зоны Северного Кавказа по сведениям армянских источников V–XX вв.

Тема христианских контактных зон Северного Кавказа в контексте армянских источников V–XX веков¹ является важной для понимания сложной и многослойной истории региона. В течение нескольких столетий Кавказ был ареной взаимодействия различных культур и религий, где христианская армянская община сыграла значительную роль в формировании локальных и межкультурных связей.

В исследуемый период (V–XX вв.) армянские источники, включая хроники, письма, летописи и церковные документы, дают уникальную возможность увидеть повседневную жизнь армян и автохтонного населения на Северном Кавказе, их взаимодействие с соседними народами, а также отношения с различными политическими и религиозными центрами. Эти источники являются важным элементом для реконструкции истории христианских контактных зон, таких как области, находившиеся под властью Османской империи, Иранской Персии и Российской империи.

Армянская община, расселявшаяся в таких ключевых точках, как Дербент, Тифлис, Эривань, а также в горных районах Кавказа, являлась связующим звеном между различными культурными и религиозными мирами. Контакты с православными христианами, мусульманами, которые ранее исповедовали христианство, и другими этническими группами стали важным фактором в развитии культурного обмена, а также в становлении политических и церковных структур.

¹ История Армении. Перевод с древнеармянского, введение и примечания Гагика Саркисяна, сканирование и электронная редакция Врежа Атабекяна. Ереван: Айастан, 1990. 291 с.; Матенадаран им. Месропа Маштоца, рукопись № 1870, л. 358а и 395б; Матенадаран им. Месропа Маштоца, рукопись № 2695, л. 14а-15а; Гаджиев М. С. Сообщение Хоренаци о походе хазир и basil в 216 г. и этнокарта северо-западного Прикаспия в позднесарматский период // *Caucaso-Caspica*. Ереван, 2016. Вып. I. С. 7–24. Аракел Даврижеци. Книга историй / Пер. с армянского, предисл. и коммент. Л. А. Ханларян. М.: Восточная литература, 1973. 628 с.; Закарий Канакерци. Хроника / Пер. с армянского, предисл. и коммент. М. О. Дербинян-Меликян. М.: Восточная литература, 1969. 320 С.; Еремия Кемурджян. Краткая четырехсотлетняя история Османских царей / Пер., предисл. и коммент. Ж. М. Аветисяна. Ереван: Издательство АН АССР, 1982. 415 С.

Особое внимание в армянских источниках уделено вопросам вероисповедания, культуры и идентичности автохтонных народов Северного Кавказа, а также роли христианских миссий в распространении знаний и религии среди этих народов. Противостояние с османскими и иранскими властями, а также борьба за автономию и религиозные свободы сыграли важную роль в исторической эволюции христианских контактных зон.

Таким образом, армянские источники V–XX веков позволяют глубже понять особенности взаимодействия христианских общин на Северном Кавказе, а также их влияние на этнокультурные и политические процессы в регионе. Важно подчеркнуть, что в данных источниках Кавказ предстает как динамичное пространство, где различные христианские традиции и культуры не только сосуществуют, но и влияют друг на друга, создавая уникальный культурный ландшафт.

Аманжолова Д. А. (ИРИ РАН, Москва)

Проблемы советского нациестроительства в историографии стран Средней Азии¹

Советское нациестроительство было комплексом взаимосвязанных и разносторонних мер. Изучение их применения в бывших советских республиках Средней Азии увязывается с актуальными задачами переустройства государственных систем региона, направленных на поиск новых ценностных внутри- и внешнеполитических ориентиров. Общим местом стало использование устаревших подходов, характерных для западной модели интерпретации советского проекта как тоталитарного, политизированный этницизм и активное конструирование образа исторической жертвы для народов СССР. Существенным достижением современной историографии стран Средней Азии является публикация новых источников, но их выбор определяется вышеуказанными подходами, что ограничивает возможности всестороннего исследования процессов нациестроительства. Вслед за трендами, заданными в западной историографии, большое внимание уделяется изучению истории повседневности, литературы, национальной культуры, гендерной тематике (т. н. женский вопрос и детство).

Центральное место занимает проблема создания национально-государственных общностей, которое увязано с судьбой этнополитической элиты начала XX в. — джадидов в Узбекистане и Таджикистане, участников движения Алаш в Казахстане и их сторонников в Киргизии. Они представляются главными поборниками национальной независимости и жертвами советской власти, однако их

¹ Исследование выполняется в рамках Программы научных исследований этнокультурного многообразия российского общества и направленных на укрепление российской идентичности, 2023–2025 гг.

роль, как и роль большевиков-националов в создании и становлении республик, изучена мало. Не исследован вопрос о проекте Среднеазиатской федерации в связи с национально-территориальным размежеванием, ход и итоги которого оцениваются по-разному — от признания принципиального значения для становления государственности в Кыргызстане и дебатов о становлении Таджикистана до простой констатации изменения границ с критикой «неверного» подхода к судьбе Ташкента в Казахстане, тезиса о преднамеренном разделении единого региона «колониально-тоталитарным режимом»¹ и игнорирования возможности объективно обсудить историю размежевания и «собирания земель» в Узбекистане.

Курс на травматизацию исторической памяти диктует избирательный подход к освещению периодов, сфер, инструментария и результатов советского нациестроительства. Коллективизация и голод, репрессии, демографические потери и «утраты» этноидентичности, некий ущерб в связи со строительством промышленных и инфраструктурных объектов, освоением целины, хозяйственной специализацией республик становятся поводами для обвинения советского государства в колониализме со стороны историков, антропологов, филологов и др. представителей гуманитарной интеллигенции (А. Мустояпова² и А. Бисенова³ в РК, К. Юнусов⁴ и З. Ишанходжаева⁵ в РУз, Э. Битикчи⁶ и М. Тагаев⁷ в КР и др.). Активную роль играют релоканты из стран Центральной Азии, работающие в западных институтах. Эмоционально нагруженная лексика, заимствование терминологии и тенденциозных интеллектуальных установок затрудняют объективный анализ амбивалентных процессов нациестроительства в культурно сложных реалиях региона, а их интерпретация образует достаточно противоречивый набор суждений и оценок.

Политическое самоопределение народов в иерархически устроенной советской федерации служило мощным, но не единственным инструментом

¹ Вклад узбекского народа в победу во Второй мировой войне (сборник архивных документов). Отв. ред. А. Зие. Ташкент: Akademnashr, 2023. 656 с.

² Мустояпова А. Деколонизация Казахстана: сборник статей. Алматы: Амал, 2022. 165 с. Книга издана также на казахском и английском языках.

³ Бисенова А. О нашей постколониальности // Казахстан: лабиринты современного постколониального дискурса. Ред. А. Бисенова. Алматы: Целинный, 2023. С. 10–37.

⁴ Юнусов К. А. Важные аспекты исследования истории Центральной Азии, в частности, Узбекистана // Россия и Центральная Азия: наследие прошлого и возможности будущего: сб. материалов Международной научно-практической конференции (Андижан, Республика Узбекистан; Томск, Российская Федерация, 20–21 февраля 2024 г.) / отв. ред. Р. Р. Шамситдинов, С. М. Юн. Томск: Изд-во Томского гос. ун-та, 2024. С. 202–205.

⁵ Ишанходжаева З. Р. Репрессивная политика советской власти и культура Узбекистана: трагедия выживания. 1925–1953 гг. Ташкент: Тафаккур, 2011. 288 с.

⁶ Битикчи Э. Алфавит и политика: Политическое влияние на кыргызское языкознание в советское время. URL: <https://ru.esimde.org/archives/5460> (дата обращения: 12.01.2025).

⁷ Тагаев М. Социальная и религиозная ксенофобия как инструмент политики советского государства. История и неизвлеченные уроки (1929–1936 гг.). На примере материалов юга Кыргызстана. URL: https://www.pluralism.ca/wp-content/uploads/2018/04/Myktar-Tagaev_Russian-Apr2018-FINAL.pdf (дата обращения: 12.01.2025).

нациестроительства. Потребовалось ускоренное преобразование традиционных культур и конструирование современных этносоциальных общностей. Анализ такого конструирования еще не проведен, хотя есть немало публикаций по конкретным сюжетам из истории советской национальной политики в образовании, культуре, экономике и социальных практиках.

Проблематика, связанная с дискуссией о сущности советскости и концепте «советский народ» практически отсутствует. Как известно, в рамках советской этносоциальной политики в национальное общественное сознание были вмонтированы ключевые идентификации нового социального порядка, включая прогресс этнокультуры. Подразумевалось формирование современной — в рамках теоретических подходов XX в. — этноидентичности, что имело специфику в центральноазиатском регионе. Требуется дополнительное исследование вклада национальной интеллигенции в динамику социально-культурных параметров пополнения и репрезентации базовых смыслов функционирования менявшегося общества. Важнейшую роль в конструировании этнонации играли учительство, представители СМИ, культурно-просветительских учреждений, разработчики и проводники средств пропаганды (вертикальной и горизонтальной), в т. ч. визуальной. Их участие в советском нациестроительстве, как и этнополитических элит, нуждается в переосмыслении.

Брежнева С. Н. (ЛГУ им. А. С. Пушкина, Санкт-Петербург)

Советская историческая наука о включении туркестанских территорий в состав Российской империи

Проблема проникновения Российской империи в Туркестан и включения данной территории в ее состав всегда привлекала внимание историков-исследователей. Она находилась в центре внимания дореволюционной историографии. Мнения исследователей расходились относительно причин и последствий присоединения данных территорий в зависимости от политических пристрастий. Современные исследователи, с успехом используя основные постулаты дореволюционной историографии, выдвигают собственные, подчас неожиданные мнения относительно данного вопроса. Выводы же советских исследователей еще в 1990-х годах были подвергнуты резкой критике из-за их идеологической зашоренности. Однако советскими историками за годы существования СССР была проделана огромная работа по написанию трудов, рассматривающих различные аспекты данной проблемы.

Советская историческая наука о включении туркестанских территорий прошла большой путь, характеризующийся эволюцией взглядов. В трудах одного из первых историков-марксистов М. Н. Покровского была предпринята попытка противопоставить новую марксистскую историографию старой «дворянско-буржуазной». М. Н. Покровский видел причины активизации политики России в Средней Азии в эко-

номических факторах, в возросших с развитием капитализма потребностях русской буржуазии в рынках сбыта и источниках сырья. Выводы ученого базировались на положениях марксизма о колониальной политике капиталистических держав на Востоке¹.

Труды историков 1920–1930-х гг. продолжали оставаться под влиянием так называемой «школы Покровского», которая считала расширение территории России за счет окраин «абсолютным злом». После 1928 года о Покровском стали писать в негативном плане, называя его антимарксистом. Его упрекали в том, что, определяя колониальную сущность политики царизма, он обошел вниманием «объективно-прогрессивные последствия» включения Туркестанского края в состав России.

В работах, изданных в 1940–1950-е гг., отсутствовала общая точка зрения относительно экономических, политических и культурных последствий завоевания среднеазиатских территорий. В 1947 г. вышло в свет первое издание «Истории народов Узбекистана», во втором томе которого излагались события, связанные с завоеванием Средней Азии и его последствиями. Излишне важное значение придавалось капиталистическому развитию края.

В работах, изданных в 1950-е гг., интересующей нас проблеме уделялось большое внимание. Авторы напоминали о недопустимости смешивания насильственного способа завоевания с его результатами, которые могли быть положительными, и о необходимости дифференцированного подхода к рассмотрению процесса вхождения местного населения в состав Российского государства, который характеризовался как завоевание, но в то же время многие среднеазиатские районы вошли в Россию на добровольных началах. В этот период историческая литература пополнилась многими новыми монографиями и ценными исследованиями, в которых делалась попытка выяснения и научного анализа внутренних и внешних условий для добровольного присоединения народов Средней Азии к России и фактического обоснования его основных прогрессивных моментов². Плодотворной разработке проблемы способствовала Объединенная научная сессия, посвященная «прогрессивному значению присоединения Средней Азии к России», состоявшаяся в Ташкенте в 1959 г., на которой с докладами выступили видные ученые всех среднеазиатских республик и столичные ученые, интересовавшиеся этим вопросом. В материалах конференции делался акцент на «добровольном» вхождении народов Средней Азии в состав России.

В конце 1950–1960 гг. появились труды ряда историков, в которых были сформулированы выводы о преобладании экономических причин активизации политики России в Средней Азии, о влиянии политических факторов на действия России в Средней Азии. Среди причин, ускоривших завоевание среднеазиатских государств Россией, историки указывают на обострение англо-русского соперничества за экономическое и политическое преобладание в Средней Азии, социально-политические противоречия внутри Российской империи, поступающие от русских

¹ Покровский М.Н. Дипломатия и войны царской России в XIX столетии. М., 1923.

² Раджабов С. Роль великого русского народа в исторических судьбах народов Средней Азии. Ташкент, 1955; Бекмаханов Е. Б. Присоединение Казахстана к России. М., 1957.

миссий сведения о военно-политической слабости среднеазиатских государств, представление о невозможности добиться дипломатического оформления русско-среднеазиатских отношений¹.

В 1969 году было опубликовано фундаментальное исследование ташкентских историков «Материалы по истории присоединения Средней Азии к России»². Авторы сборника преследовали единую цель — показать прогрессивное значение присоединения Средней Азии к России. Красной нитью через всю работу проходит мысль: сначала было завоевание, но оно привело к прогрессу.

В 1970-е годы, когда господствующим становится лозунг «развитого социализма», присоединение Туркестана к России рассматривается под углом зрения «великой исторической общности советского народа». Подчеркивается, что исторически сложившееся добрососедство народов Туркестана значительно усилилось после вхождения их в состав России, что обусловило участие трудящихся масс Туркестана в революционной борьбе во главе с «великим русским народом». Так закрепилась еще одна концепция «великая дружба народов» и их совместная революционная борьба во главе со старшим братом — «великим русским народом».

Концепция «добровольного присоединения и его прогрессивного значения» достигла своего апогея в 1980-х гг. Для работ этих лет характерно затушевывание негативных моментов колониальной политики и развитие формулы прогрессивных последствий присоединения, выразившихся «в великой дружбе с русским пролетариатом», оказавшим огромное влияние на туркестанские народы.

Таким образом, советские историки вынуждены были отталкиваться от принятых теоретических положений и следовать сложившимся установкам. Однако советская историческая наука, несмотря на выводы, зачастую сделанные с позиций господствующей тогда идеологии марксизма-ленинизма, внесла огромный вклад в изучение данного вопроса, поскольку сделала достоянием историков многочисленные архивные документы и новые исторические источники.

Гордеева П. В. (МЭ РАН (Кунсткамера), Санкт-Петербург)

Трансформация образа юрты: к проблеме национализмов в казахской литературе

За свою многовековую историю традиционное казахское жилище претерпело значительные трансформации: от простого конического шалаша до передвижной юрты на колесах и складной решетчатой юрты. С переходом казахов к принци-

¹ Халфин Н. А. Политика России в Средней Азии (1857–1868). М., 1960; Гафуров Г. Б. История таджикского народа. М., 1955.

² Материалы по истории присоединения Средней Азии к России: в 2 ч. Труды исторического факультета ТашГУ. Ташкент, 1969.

пиально иному образу жизни — полуоседлому и оседлому во второй половине XIX — первой трети XX в. жилище коренным образом изменилось, став стационарным. Столь радикальные перемены не могли не найти своего отражения в культуре. Они затронули не только многовековой уклад, но и само восприятие и образ жилища — средоточия кочевнической жизни — в сознании носителей, что и анализируется автором на примере казахской художественной литературы.

В письменной литературе казахов конца XIX в. юрта встречается в качестве естественной среды или элемента событий, как, например, в поэзии Абая Кунанбаева («Лето», «Осень», «Зима», «Весна» «Наконец волостным я стал...», «Шлю, тонкобровая, привет...»), не являясь при это ярким символическим образом. Через юрту также может раскрываться противопоставление богатых и бедных (как в стихотворении «Ноябрь — преддверие зимы...» Абая) или образов жизни (через оппозицию стационарного дома и мобильной юрты, как в рассказе И. Алтынсарина «Кибитка и дом»).

Некоторые перемены в образе юрты наблюдаются в романе-эпопее М. Ауэзова «Путь Абая» (1942–1956 гг.), посвященном описанию жизни Абая Кунанбаева. Через призму событий его биографии автор раскрывает народную жизнь, быт, нравы, традиции казахов конца XIX в. Юрта, будучи неотъемлемой частью этого уклада, широко представлена в произведении: роман изобилует этнографическими описаниями различных по своим функциям видов жилища (юрта большая, малая, молодая, бытовая, гостевая, траурная и т. д.). В то же время юрта является средством выразительности, с помощью которого раскрываются социальное положение, характеры и взгляды героев.

Спустя 9 лет с момента публикации последнего тома «Пути Абая» юрта предстает уже в новой художественной ипостаси. В повести И. Есенберлина «Бурливо течет Есиль» («Толқиды Есіл», 1965 г.), посвященной теме освоения целины, кочевое жилище становится символом «золотого» прошлого. Как и И. Алтынсарин, И. Есенберлин поднимает тему оппозиции юрты и стационарного дома, которая в его повести принимает форму *«золотое» прошлое — противоестественное настоящее*.

Намеченные И. Есенберлином тенденции поиска идентичности и тоски по прошлому достигают своего апогея в романе Е. Смагула «Одинокая юрта» (1984 г.). События романа, ставшего первой частью трилогии о коллективизации, разворачиваются в 1920–1930-е годы — эпоху «коллектепов», седентаризации и голодомора. В центре повествования — несколько семей, пытающихся выжить в это тяжелое время. Автор использует юрту в качестве художественного образа, с помощью которого он передает как внутреннее состояние героев, так и переживания народа. Юрта в романе предстает как символ разрушения жизни народа во времена, когда кочевое жилище все еще остается архетипом, основой мироощущения казахов, но уже разрывается связь между их кочевым прошлым и коллективистской (колхозной, совхозной) современностью. Роман стал характерным отражением эпохи перемен 1980-х гг. с осмыслением казахской интеллигенцией исторической памяти народа.

Представленные результаты сравнительного анализа показывают, как трансформировался образ юрты в казахской художественной литературе: от естественной среды в конце XIX века до образа «золотого» прошлого во второй половине XX в. Возникновение нового смысла, в котором юрта предстает символом национальной идентичности и независимости, приходится на 1980-е годы, что совпадает с ростом национального движения в Казахстане. В это время происходит переоценка культурных ориентиров, осмысление исторического опыта, поиск ответов в прошлом. Образ юрты в среде казахской интеллигенции становится одновременно и символом трагической судьбы казахского народа, и символом его возрождения.

Джандосова З. А. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

Концепт «вахдати милли» в Таджикистане после гражданской войны 1990-х гг.: по материалам журнала «Шохрохи вахдат».

Трагические события гражданской войны в Таджикистане (1992–1997), в которой участвовали противоборствующие группы, представлявшие разные регионы страны, заставили таджикское общество по-новому осмыслить понятия «нация» (*миллат*), «единство» (*вахдат*) и «национальное единство» (*вахдати милли*) и придать последнему важное концептуальное значение в условиях нациестроительства, возобновившегося с установлением мира. Государством начали активно пропагандироваться концепты «таджикской нации» и общетаджикского «национального единства». У писателей и журналистов в постсоветском и поствоенном Таджикистане, с одной стороны, появилась задача поиска и пропаганды общенациональных основ, как в историческом наследии, так и в политической и экономической современности, а с другой стороны, возникла своего рода внутренняя цензура, запрещавшая им высказывания, которые могли бы хоть как-то «спровоцировать» повторение трагических событий недавнего прошлого.

В связи с этим представляется интересным проанализировать таджикскую публицистику конца 1990-х годов, и, в частности, журнал «Шохрохи вахдат» («Магистральный путь единства»), официальное издание Министерства культуры и информации Республики Таджикистан», на предмет использования концепта «вахдати милли» и связанных с ним концептов *вахдат* и *миллат*, их разъяснения и наполнения с помощью определенного содержания журнала и отдельно взятых материалов. В журнале публиковались статьи на разные темы, от философских и исторических до экономических и экологических, отрывки из средневековых исторических сочинений чередовались с современной публицистикой, а комментарии коранических сур с поэзией лучших таджикских поэтов. Все эти тексты были призваны убедить читателя в существовании единой таджикской нации,

опирающейся на богатое историческое и культурное наследие предков и усилить у читателя гордость за свою страну и веру в ее счастливое и единое будущее.

Период, непосредственно последовавший за окончанием гражданской войны 1990-х гг. в Таджикистане, заставил таджикских интеллектуалов по-новому посмотреть на задачи национального строительства, связанные с национальным самопознанием (*худушиносии милли*) и формированием новой таджикской идентичности (*хуввият*), отличной от таджикской советской идентичности. Отсюда обращение, во-первых, к саманидскому наследию (например, из номера в номер в журнале печатался персидский (Балами) перевод «Тарихи Табари» и Фирдоуси с его *миллати форс* («персидской нацией» в широком понимании, преимущественно в оппозиции к арабам и тюркам) и, во-вторых, к наследию просветителей второй половины XIX — начала XX века, которые перестали ограничивать понятие *миллат* религиозным дискурсом «мусульманской нации» и стали задаваться вопросами национального самопознания и патриотизма.

Обращение к саманидскому (а также, например, к сасанидскому и более ранним) периоду как к национальному истоку требует от авторов журнальных статей привлечения цитат из сочинений персидских авторов, проживавших порой далеко за пределами нынешнего Таджикистана, что, с одной стороны, возвращает к советской идее единой персидско-таджикской (т. е. просто персидской) поэзии, а с другой стороны, заставляет говорить о единстве всех иранцев или, по крайней мере, ираноязычных людей (*эронизабонон*), что может противоречить более узкому пониманию нации и национального единства.

Золян С. Т. (Российско-Армянский университет, Ереван)

Внутренний контекст и метанарратив «Истории Армении» Мовсеса Хоренаци¹

«История Армении» Мовсеса Хоренци — наиболее значительный труд, заложивший основы не только армянской историографии, но и армянской национальной идентичности и формирующей ее исторической памяти. Вместе с тем «История» является объектом, пожалуй, наиболее длительной и острой полемики относительно как авторства и самого автора, так и датировки, поскольку имеющиеся в тексте анахронизмы не дают возможности отнести время создания памятника к V в. Согласно традиционной точке зрения, Мовсес Хоренаци — это историческое лицо, ученик и сподвижник Маштоца и Саака, деятельность которого приходится на вторую половину пятого века. Однако поскольку эти сведения

¹ Исследование выполнено при поддержке Комитета по науке РА в рамках исследовательского проекта № 21AG-6C041 «Когнитивные, коммуникативные и семиотические механизмы формирования исторической памяти и национальной идентичности».

нигде, кроме как в самой «Истории», не содержатся, то подвергаются сомнению и авторство, и само существование этого автора. Поскольку упоминание имени и труда Мовсеса появляется только в X в., то и время написания «Истории» многие относят к периоду от VI до IX в.¹

Промежуточной и в настоящее время наиболее распространенной позицией можно считать подход исследователей, принимающих историчность личности Мовсеса Хоренаци и аутентичность его труда, но вместе с тем исходящих из того, что в последующем «История» подвергалась многочисленным конъектурам, последняя и главная из которых была сделана в период от третьей четверти IX в. до первой четверти X в.²

Попытаемся подойти к памятнику с позиций не текстологии, а теории текстуализации нарративных практик, используя методы реконструирования внутреннего контекста. В теории текста (как и дискурса) разграничивают физический контекст и тот модельный (воображаемый или реконструируемый) контекст, который выводится из текста и необходим для адекватной интерпретации и который может быть конкретизирован исходя из текстовых характеристик. В структурной организации «Истории» значительную роль играет описание самой коммуникации — автора и его заказчика, молодого князя Багратуни. Особое внимание уделяется описанию несоответствий между ожиданиями заказчика, носителя скорее фольклорного мышления, и принципами автора, носителя высокой эллинофильской культуры. Возникает постоянный конфликт, воспроизводящий характерный для V века раскол между культурной ориентацией на Византию и опорой на традиционную армяно-иранскую культуру.

В ходе изложения воспроизводятся вопросы и запросы князя и ответы на них историографа, указывающего при этом как на пределы своих возможностей, так и на адекватность или — большей частью — неадекватность требований адресата. Биография и образ автора создаются посредством комментариев о принципах отбора материала, достоверности источников, обращения к собственному жизненному опыту. Трудно увидеть в подобных обращениях какую-либо апологетику князя-заказчика (кроме разве что похвал его *пытливому* уму за то, что он решил узнать свою родословную), поэтому вряд ли имеет основание точка зрения, высказанная еще Николаем Адонцем³ и неоднократно повторявшаяся впоследствии, что датировка создания «Истории» должна быть перенесена в VIII–IX вв., время усиления рода Багратуни и обретения им уже не княжеских, а царских полномочий, тогда как в V в. они еще не имели подобной власти.

¹ См обзор в: Thomson R. Introduction // Moses Khorenatsi's History of the Armenians (translation and commentary on the Literary Sources by R. W. Thomson). Harvard UP, 1978. P. 1–62.

² См.: Саакян А. История текста «Истории Армении» Мовсеса Хоренаци. Ереван. Ереван: Авторское изд., 2015. С. 230. (На арм. яз.)

³ Адонц Н. Г. «Начальная история Армении» у Себеоса в его отношениях к Трудам Моисея Хоренского и Фауста Византийского // *Византийский временник*. СПб. 1901. Т. VIII, отд. 1. 42 с.

Еще большую связь с ситуацией V в. можно увидеть в метанарративе «Истории». Историограф выходит далеко за рамки полученного заказа: вместо истории княжеских родов он объединяет различные заимствованные из разнородных источников нарративы в единый целостный метанарратив о рождении и гибели нации. Целостность и связность этого нарратива определили его дальнейшую жизнь в армянской культуре: со времен Средневековья он служит метанарративом-моделью для последующего восприятия истории Армении, создавая устойчивую смысловую оппозицию между героическим легендарным прошлым и бесславным трагическим настоящим.

Метанарратив разворачивается как установление места Армении во Вселенской истории и ее связи с данными Библии. Это рождение армянского народа и основание Армянского царства после исхода рода прародителя Айка из Вавилона, славное эпическое начало и гибель, произошедшая вследствие нарушения божественных законов¹. Поэтому слово библейских пророков должно быть наиболее адекватным описанием происходящих событий; семантика и стиль библейских пророков становятся основой для описания конца армянской истории. Современный автору период падения Армянского царства и патриархата описывается как конец истории. Контекст написания предопределяет повествовательную схему («потерянный рай») и трагический пафос. Окончание повествования знаменует собой конец истории: «Но да остановится здесь мое слово, утомленное тем, что было обращено к ушам мертвецов» (2, 92). Контекстуализация подобного метанарратива соответствует скорее событиям V в. Примечательно, что Хоренаци проходит мимо «Видения» св. Нерсеса о восстановлении Армянского царства, упоминая лишь первую его часть — пророчество о падении дома Аршакидов.

Кличев О. А. (Бухарский ГУ, Бухара, Узбекистан)

Об источниках, поясняющих сведения дневника путешествия бухарского эмира в Российскую империю в 1906 году

Визиты бухарских эмиров на территорию Российской империи представляют собой один из недостаточно изученных вопросов историографии. В ряде источников и научной литературе приведена краткая информация о визитах эмиров в Москву и Санкт-Петербург. В 1893, 1896, 1898, 1902, 1906 и 1910 годах все визиты

¹ Мифический Золотой век, возводимый к временам патриарха Хайка, а также легендарный период Тигра Великого до сих пор воспринимаются армянским обществом как наилучшие времена; см.: Погосян Г. А., Погосян Р. М. Социокультурная идентичность современных армян // *Социологические исследования*. 2023. № 11. С. 121–126. DOI:10.31857/S013216250028538-4.

эмира Абдулахад-хана (правил в 1885–1910 гг.) в центральные города империи были приурочены к определенным торжествам и важным датам. Подробности визитов 1893 и 1906 годов были изложены в виде отдельных дневников.

Сведения из дневника 1906 года были сопоставлены с документами Национального архивного фонда Республики Узбекистан и архивами Российской Федерации, а также с материалами периодической печати Туркестанского края и других регионов Российской империи. В Национальном архивном фонде Республики Узбекистан в фонде дипломатического чиновника при Туркестанском генерал-губернаторстве (Ф. И-2), а также в фонде Российского императорского политического агентства в Бухаре (Ф. И-3) имеются документы о визите эмира Абдулахад-хана в 1906 г.

Большинство сведений о ходе визита 1906 года хранятся в фонде Ф. И-3. По причине того, что политическое агентство в Бухаре выполняло задачу представительского учреждения, при организации визита именно оно выполняло роль важнейшего связующего звена между правительствами эмирата и империи. Сведения, связанные с поездкой эмира, можно найти также среди документов фонда дипломатического чиновника при Туркестанском генерал-губернаторе, чье ведомство, наряду с политическим агентством, входило в межведомственную систему Министерства иностранных дел. Большая часть из этих документов — это телеграммы, в которых изложены подробности приезда эмира в Санкт-Петербург¹. Эти телеграммы отправлялись в Туркестанское генерал-губернаторство дипломатическим чиновником А. Калмыковым, закрепленным за эмиром во время данного визита, и держали администрацию генерал-губернаторства в курсе событий, происходивших во время визита эмира. Данные телеграммы дают возможность лучше интерпретировать некоторые сведения дневника.

В Архиве внешней политики Российской империи, а также в Российском государственном военно-историческом архиве нами были выявлены документы, связанные с приездом эмира Абдулахад-хана в ноябре-декабре 1906 года. Среди них протокол регламента встречи бухарского эмира с министром иностранных дел Российской империи. Данный документ предоставляет сведения о приеме эмира министром иностранных дел П. А. Извольским, который состоялся в большом Голубом зале в здании Министерства иностранных дел:

Когда Бухарский эмир прибыл в здание министерства, за его встречу был ответственным специальный человек, на лифте он должен был сопроводить эмира до приемной министра. Министр встретит эмира около дверей приемной. Тюряджан и чиновники поднимутся по лестнице. Министр, встретивший эмира, после встретит Тюряджана возле дверей приемной. Затем, эмир и Тюряджан в сопровождении министра, а политический агент и переводчики в сопровождении начальника первого департамента войдут в гостиную. Во время приема чиновники эмира будут находиться в другой комнате, им

¹ Национальный архив Узбекистана (НА Уз), ф.И-2, оп.1, д.209, л. 97; 100; 114.

предложат чай и сладости. Через некоторое время эмир, Тюряджан и министр перейдут в ту комнату, и эмир представит министру своих сановников. После этого министр проводит эмира до лестницы, вниз до выхода его сопроводит ответственный чиновник¹.

Наличие данного документа, касающегося порядка приема, свидетельствует о том, что Министерство иностранных дел заранее регламентировало прием эмира и системно осуществляло данное мероприятие. Документ подтверждают следующие строки из дневника визита: *«В час дня (29 ноября) мы посетили одно место, где были министр иностранных дел гофмейстер Извольский и собрались двадцать восемь министров и чиновников»*. В свою очередь, данный документ может дать сведения об организации визита и его деталях и послужить дополнением к описанию событий, изложенных в дневнике.

Документы Российского государственного военно-исторического архива также помогают в прояснении некоторых записей из дневника. Так, они подтверждают список чиновников эмира, участвовавших в императорском приеме эмира Бухары, который состоялся 21 ноября 1906 года², а также список представителей администрации города Москвы, побывавших на приеме эмира³.

Сведения о визите эмира Абдулахад-хана можно также получить из газет, издававшихся в Ташкенте, Москве и Санкт-Петербурге. На страницах газеты *«Туркестанские ведомости»* излагались ташкентские подробности визита эмира, на страницах газет *«Московские ведомости»* и *«Московский листок»* сообщалось о событиях, происходивших во время пребывания эмира в Москве, а в газетах *«Петербургские ведомости»*, *«Петербургский листок»*, *«Правительственный вестник»*, *«Русский инвалид»* приводились сведения о встрече эмира в столице империи, об аудиенции с императором, об официальных визитах и приемах.

В процессе изучения материалов периодической печати были также обнаружены иллюстративные материалы. Иллюстрации в газете *«Петербургский листок»*, озаглавленные *«Прибытие эмира Бухарского в Петербург 19 ноября»*⁴ и *«Бухарский эмир принимает депутацию от города»*⁵, представляют собой карандашные рисунки. Подобные дополнения дают возможность визуально представить себе некоторые события, описанные в дневнике эмира.

Таким образом, при исследовании путевого дневника эмира Абдулахад-хана необходимо учитывать архивные материалы Национального архивного фонда Узбекистана и Российской Федерации, а также сведения периодической печати.

¹ Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. И-147. Оп. 485. Д. 279. Л. 69.

² Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 400. Оп. 1. Д. 3431. Л. 35.

³ Там же. Д. 3432. Л. 117.

⁴ Прибытие эмира Бухарского в Петербург 19 ноября // *Петербургский листок*. 1906 г. 23 ноября (6 декабря). № 322.

⁵ Бухарский эмир принимает депутацию от города // *Петербургский листок*. 1906 г. 26 ноября (9 декабря). № 325.

Люй Юйянь (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

Афганские экспатрианты в Синьцзяне: свидетельство и трансформация от Цинской империи к современному государству (конец XIX в. — 1950-е гг.)

Синьцзян, расположенный на стыке Центральной и Восточной Азии, играл ключевую роль в торговле и культурном обмене в истории. С середины XIX века, на фоне усиления административного контроля со стороны Цинской империи, обострения геополитического соперничества между Британией и Россией, а также формирования современных национальных государств, в южной части Синьцзяна осела значительная община афганских мигрантов. Эти сообщества не только стали свидетелями масштабных изменений в управлении регионом, но и подверглись влиянию международной политики и локальных процессов.

В середине XIX века афганские торговцы активно включились в трансграничную торговлю, оседая преимущественно в Кашгаре, Хотане и Шачэ. Они торговали драгоценными камнями, лекарственными растениями и специями, устанавливая экономические связи между Центральной Азией и Синьцзяном. Эти торговцы оказались в центре международной конкуренции, которая значительно повлияла на их положение в регионе. Британская империя через консульство в Кашгаре предоставляла некоторым афганским торговцам защиту, включая освобождение от налогов и право консульской юрисдикции. Эти меры укрепляли британское влияние, но в то же время усложняли управление Синьцзяном для цинских властей.

Акрам-хан, известный лидер афганской общины в Хотане в конце XIX века, занимался координацией взаимодействия между торговцами и местными властями. Его преемник, Бадруддин-хан, расширил влияние общины, установив тесные связи с европейскими исследователями. Хотя такие контакты способствовали изучению истории региона, они также привели к масштабному вывозу культурных ценностей, что стало характерным проявлением международного культурного обмена того времени.

В 1884 году, после преобразования Синьцзяна в провинцию, цинское правительство пыталось укрепить контроль над регионом. Однако деятельность британского консульства в Кашгаре, включая регистрацию афганских мигрантов как британских подданных, способствовала укреплению их экономических привилегий, что ослабляло позиции местных властей. В начале XX века Ян Цзэнсинь, управлявший Синьцзяном, предпринял попытки ограничить британское влияние, назвав афганских мигрантов гражданами государства, не имеющего официальных отношений с Китаем. Однако эти усилия не смогли устранить проблемы, связанные с привилегиями иностранцев. Афганские торговцы продолжали пользоваться своим особым статусом, что вызывало напряжение в отношениях с местными торговцами и влияло на стабильность региона.

К 1930-м годам влияние Британии в Синьцзяне начало постепенно ослабевать, что привело к уменьшению ее способности контролировать афганских мигрантов.

В этот период правительство Китайской Республики признало право афганского правительства управлять афганскими гражданами, находящимися в пределах Синьцзяна. Значительная часть этих мигрантов представляла второе или третье поколение переселенцев, многие из которых были потомками смешанных браков между афганцами и местным населением. Эти демографические изменения способствовали их более тесной интеграции в местное общество, что, однако, сопровождалось сложностями в определении их статуса и правового положения.

После основания КНР в 1949 году новое китайское правительство приступило к разрешению проблем, связанных с иностранными общинами. В 1952 году была инициирована программа натурализации, направленная на интеграцию афганских мигрантов. Большинство из них приняли китайское гражданство, однако часть общины предпочла сохранить афганское подданство по экономическим причинам или личным обстоятельствам. В 1955 году, после установления дипломатических отношений между КНР и Афганистаном, афганское правительство подняло вопрос о репатриации своих граждан. Китайское руководство приняло гибкую политику, позволив некоторым мигрантам, ранее натурализованным, вернуться на родину. Через серию переговоров большая часть мигрантов была репатриирована, а оставшиеся интегрированы в систему национального управления.

История афганских мигрантов в Синьцзяне отражает сложность пограничного управления, где международное соперничество и локальные процессы формировали уникальную социально-экономическую среду. Привилегии и особый статус афганской общины вызывали проблемы для местной администрации, а трансграничная торговля и культурный обмен нередко происходили на условиях, подчеркивающих неравенство. История этого региона, от Цинской империи до современного национального государства, демонстрирует сложное взаимодействие международных сил, региональной политики и социальных трансформаций.

Магомедова З. А. (ИИАЭ ДФИЦ РАН, Махачкала)

Социально-правовой статус женщины в дагестанском обществе XIX — нач. XX в. (по материалам дагестанских арабоязычных источников)

Вопросы, касающиеся положения женщины в традиционном дагестанском обществе всегда привлекали внимание исследователей, но зачастую они ограничивались изучением тех явлений и сторон быта, которые лежали на поверхности. Кроме того, не всегда оценки исследователей были объективными и беспристрастными. Большинство из них отмечали невыносимо тяжелые условия жизни горянки, ее «рабский» труд, приниженное положение в семье и обществе, гражданское бесправие. Однако в реальности дело обстояло далеко не так однозначно,

о чем свидетельствуют дошедшие до нас дагестанские арабоязычные источники и документы. К их числу относятся *адаты* (*адат* — ар. «обычай, традиция»: комплекс традиционных поведенческих норм, институтов и практик мусульман, не отраженных в шариате) и эпистолярные источники (письма), в которых нашло отражение социально-правовое положение женщины в дагестанском обществе XIX — нач. XX в. В этих источниках можно встретить противоречивые свидетельства, но во многих из них прослеживается покровительство и забота о женщине, защита ее чести и достоинства.

Так, в сборнике «Адастов обществ Анцух-Капуча и Бохнода», составленном в XIX в., имеется несколько разделов, отражающих комплекс норм, касающихся женщин: «Адаты в случае посягательства на честь женщины»; «Адаты в случае насильственного похищения»; «Адаты в случае добровольного ухода женщины с мужчиной»; «Адаты в случае внебрачной беременности с применением насилия или по добровольному согласию».

Преступления, направленные против чести женщины в большей степени регулировались адатом, поскольку здесь имелись существенные расхождения с мусульманским правом (шариатом) относительно средств установления вины и назначения наказания.

Неоднозначным был и вопрос наследования имущества женщинами. В Дагестане одним из факторов, вызывавшим острые дискуссии, было лишение женщин права наследовать недвижимое имущество. Дагестанские общины по-разному подходили к этому вопросу. Так, при опросе жителей Андалалского наибства, они сообщали, что «передают по наследству детям по шариату, и женщина получает свою долю из недвижимого имущества...». При этом поверенные от соседнего Куядинского наибства заявляли, что у них «женщина не имеет от доли в наследовании недвижимого имения и никогда прежде, и при Шамиле не имела». «Сыновья или родственники, получившие наследство, должны заботиться о содержании дочерей и жены последнего, до тех пор, пока они не выйдут замуж...».

Если имущественное положение женщины в Дагестане определялось шариатом, то в данном случае, она имела право претендовать на свою долю имущества, в то время как адаты, как видно из сказанного ранее, зачастую в этом праве ей отказывали. Шариат также упорядочил и расширил имущественные права женщины при разводе, тем самым обезопасив ее. В случае развода по инициативе мужчины без веских оснований шариат обязывал его вернуть жене брачный дар и приданое.

Что же касается дагестанских арабоязычных эпистолярных источников, то их, без сомнения, можно назвать кладезем ценнейшей и уникальнейшей исторической информации, причем не подвергавшейся никакой цензуре. В этом огромном и тематически разнообразном материале встречаются и письма, содержащие интересный материал по изучению женской повседневности.

Так, например, в письме за Инв. № 150 из Фонда восточных рукописей ИИАЭ ДФИЦ РАН неизвестный адресант сообщает кадию Кураха (ныне селение в Курахском районе РД), что имам запрещает задерживать женщин и предлагает опекунам

выдавать их замуж. В период имамата была практика, когда наибы удерживали взаперти женщин-вдов, вынуждая их соглашаться на брак. Из этого письма видно, что эта практика постепенно упразднялась.

В письме за № 1880 от 25 ноября 1898 г. *катиб* (писарь) из селения Гунха (ныне селение в Ботлихском районе РД) сообщает Халиду из Гаквари (ныне селение в Цумадинском районе РД), что некая женщина не намеревается (повторно?) выходить замуж и что нужно учитывать ее потребности и желания.

В письме за № 1857 имам селения Ури (ныне селение в Лакском районе РД) Ахмад просит ученого Мухаммада дать разъяснение по поводу правомочности развода женщины, которую мулла развел с мужем по причине ее болезни. Развод был произведен через доверенное лицо — отца мужа.

В документе за Инв. №1704 приведены выписки, сделанные из рукописного Корана, хранящегося в мечети селения Мехельта (ныне селение в Гумбетовском районе РД). Согласно одной из выписок, джамаат селения Мехельта принял решение, по которому в случае, если у беременной женщины случится выкидыш из-за побоев, виновника изгоняли из села, не нанося ему материального ущерба, а его родственников на три дня выселяли из дома. По истечении срока им разрешалось вернуться домой, но при этом должны были присутствовать четыре человека с пострадавшей стороны.

В документе за Инв. № 1448 от 16 мухаррама 1291 г. х./ 4 марта 1874 г. заместитель начальника Аварского округа сообщает наибу Цатаниха (ныне селение в Унцукульском районе РД) Кара Гиши, что Меседу, проживающая в селении Мушули (ныне селение в Хунзахском районе РД) обратилась с обвинением в изнасиловании ее Хаджиявом, сыном Чанка. Но обвинение было отклонено, так как женщина обратилась к ним не сразу. Мушулинский суд потребовал клятву от 50 родственников Хаджиява в том, что он не совершал этого преступления, так как в этом селении существовал такой адат на случай, если с подобной жалобой обратится беременная женщина. Но никакого адата для случая, касающегося незамужней женщины, в книге зафиксировано не было. Адат в селении Мушули был такой же, как и в селениях Амуши и Хунзах. Заместитель начальника Аварского округа сообщает, что к нему прибыл посланник шамхала и заявил, что такого адата у них не было, кроме клятвы от 9 человек. В этой связи заместитель начальника округа требует уточнить эти адаты и адаты окружающих сел и в соответствии с этим принять меры, чтобы никто не смог их оспорить.

В письме за инв. № 608 от 21 февраля 1900 г. старшина Нового Чиркея (ныне селение Чиркей в Буйнакском районе РД) Давуд сообщает помощнику Сурхаю, что в суде рассматривается бракоразводное дело Али, сына (?) и его жены Баба, дочери Али, и просит проверить условия проживания супругов и как муж содержит жену.

Из приведенных писем и документов следует, что права женщин в вопросах замужества и развода, наследования имущества, а также в вопросах защиты их чести и достоинства не ущемлялись, а наоборот, предпринимались все возможные меры для отстаивания их прав.

Малоян А. М. (Матенадаран «Ваче и Тамар Манукян», Ереван)

«Путешествие» французского натуралиста Г.-А. Оливье как источник по истории народов Ближнего Востока (последняя четверть XVIII в.)

Путевые заметки европейских авторов играют значительную роль в изучении истории стран и народов Ближнего Востока. Однако содержащиеся в европейских источниках сведения о последней четверти XVIII в. до сих пор остаются недостаточно исследованными, хотя часть этих данных уже введена в научный оборот. Несмотря на то, что изучение европейских источников способно существенно обогатить знания об истории народов Ближнего Востока указанного периода, эти материалы не всегда безупречны. Тем не менее данные этих источников позволяют вносить важные дополнения и уточнения в исследования, посвященные истории данного региона.

Дипломатические и политические контакты между европейскими странами и государствами Ближнего Востока установились в конце XI века, что было связано с Крестовыми походами. Еще до этого европейцы поддерживали торговые отношения с Востоком, однако особый интерес к региону усилился в XIII веке благодаря развитию транзитной торговли. С этого времени поездки европейцев на Ближний Восток стали более частыми и преследовали как политические, так и экономические цели.

Дипломаты и путешественники из Европы оставили после себя разнообразные материалы: дипломатические документы, путевые заметки, мемуары, донесения, исторические труды и т. д. Путевые заметки отличались по содержанию, тематике, форме и объему. В зависимости от цели поездок их можно классифицировать как миссионерские, посольские, торговые, политические, исследовательские, научные, документальные и т. д. Если первоначально они преимущественно носили миссионерский, торговый или дипломатический характер, то в XVIII веке стали появляться записи, сделанные исключительно в научных целях. Выдающийся русский востоковед В. В. Бартольд считал путешествие Жозефа де Турнефора первым примером подобной поездки.

Одним из ценных источников по истории народов Ближнего Востока конца XVIII века является «Путешествие» французского натуралиста, путешественника и дипломата Г.-А. Оливье. Его миссия имела политико-дипломатический характер: в 1792 году Временный исполнительный совет Французской Республики направил его с поручением к шаху Ирана. Путь Оливье пролегал через Египет, Сирию и Малую Азию. Завершив миссию, посольство вернулось во Францию в декабре 1798 года. Итоги своих наблюдений Оливье изложил в книге «*Voyage dans l'Empire Othoman, l'Égypte et la Perse, fait par ordre du Gouvernement, pendant les six premières années de la République*». Книга вышла в двух изданиях: в трех и шести томах. Первые два тома шеститомного издания посвящены Османской империи, третий — Египту, четвертый — Сирии, а пятый и шестой — Ирану. Путевые заметки также были изданы на немецком языке (G.-A. Olivier, Reise

durch das Tuerkische Reich. Weimar, 2 Teile, 1802–1805) и частично опубликованы в русской и английской прессе начала XIX века.

В своем «Путешествии» Оливье представил ценные сведения о политической и социально-экономической жизни народов Ближнего Востока, а также о взаимоотношениях региона с Европой. Особенно важными являются его наблюдения, касающиеся армян и Армении, хотя эти сведения не всегда подтверждаются другими источниками. Оливье описывает население Константинополя и городов Западной Армении, уделяя внимание ремеслам, торговле и обычаям армян. Особую значимость имеют его демографические данные: в условиях отсутствия официальных переписей в Османской империи в конце XVIII века они позволяют приблизительно оценить численность населения и демографическую картину отдельных населенных пунктов Османской империи данного периода. Исследование демографической ситуации в Западной Армении имеет не только научное, но и политическое значение, особенно в свете современных попыток турецкой историографии исказить ключевые моменты истории армянского народа, интерпретируя их с националистических и пантюркистских позиций.

Однако к сведениям Оливье следует относиться критически, учитывая его официальную миссию и возможную предвзятость в описаниях. Тем не менее, несмотря на отдельные неточности, его труд содержит уникальные данные, которые трудно найти в других источниках. Помимо политической и экономической информации, он приводит этнографические и археологические наблюдения.

Таким образом, «Путешествие» Г.-А. Оливье представляет собой важный исторический источник, заслуживающий пристального изучения, поскольку он составлен автором, который был участником и очевидцем описываемых событий. Тем не менее к сообщаемым им сведениям следует относиться с крайней осторожностью и критично.

В целом путевые заметки европейских авторов, посетивших Ближний Восток, в том числе «Путешествие» Г.-А. Оливье, являются ценными источниками по истории народов Ближнего Востока, в частности армянского народа, и, безусловно, требуют отдельного изучения, а также достойны того, чтобы быть переведенными на родные языки описываемых путешественниками народов, чтобы стать доступными широкому кругу читателей.

Ованесян С. Г. (Институт литературы им. М. Абегяна НАН РА, Ереван)

Архив Кавказского общества армянских писателей и его источниковедческое значение для изучения литературных связей

Архив Кавказского общества армянских писателей хранится в Ереванском музее литературы и искусства им. Е. Чаренца (фонд 265). Его источниковедческое значение велико по целому ряду причин.

Общество было создано и функционировало в течение десяти лет (1912–1922 гг.) в Тифлисе под бессменным председательством Ованеса Туманяна. Под его руководством основатели Общества поставили перед собой множество задач, среди которых были: создание нового литературного движения, отделение литературы и критики и их независимость от воздействия периодики, обеспечение материальной поддержки нуждающимся писателям, защита авторских прав, распространение и популяризация литературы, повышение ее роли и значимости, установление непосредственной связи между писателем и читателем, а также создание музея литературы, сбор архивов армянских писателей и литературоведческих источников о них, а также публикация материалов в «Своде армянской литературы». Одним из важнейших направлений деятельности Общества был культурный диалог между народами.

Кавказскому обществу армянских писателей удалось реализовать лишь часть намеченных планов: начавшаяся Первая мировая война и геноцид армян в Османской империи (1915 год) внесли свои коррективы. Общество взяло под свою опеку талантливых сирот, чтобы поддерживать армянский культурный генофонд: наряду с Литературным фондом при Обществе был создан Фонд сирот.

Источники о Кавказском обществе армянских писателей разнообразны по своему характеру. Это периодика, архивные документы, официальные акты, эпистолярная литература. Сохранилось также большое количество материалов из личных архивов членов Общества. Больше всего источников содержится в архиве Общества, значение которого не исчерпывается его важностью для исследования деятельности Общества. Сохранившиеся материалы, такие как протоколы заседаний правления (138) и общих собраний (28), отчеты, более 1000 писем, адресованных председателю правления Общества, документы, телеграммы, направленные Обществу из Санкт-Петербурга, Москвы, Парижа, Лондона, Ялты, Владикавказа, Ростова, Астрахани, Новороссийска, Нахиджевана и других мест, свидетельствуют о широте литературных связей и о наличии в разных городах представительских организаций армянских писателей.

Хотя в периодике того времени и публиковались сообщения об устраивавшихся Обществом литературных вечерах, более ценным источником о деятельности Общества служат отчетные доклады ответственных дежурных о еженедельных литературных вечерах, лекциях, литературных судах и дискуссиях. Сообщения в периодике представляют собой заметки журналистов или стенографические записи слушателей, тогда как в архиве Общества сохранились тексты, содержащие литературоведческий анализ выступлений докладчиков и их оппонентов на литературных дебатах; авторами этих аналитических материалов были литературоведы и критики, входившие в правление Общества. Литературные мероприятия касались не только собственно армянской средневековой и новой литературы, литературных школ, вопросов искусства, языка, психологии, философии и др., но и творчества великих деятелей мировой литературы — Ф. М. Достоевского, Шекспира, Шоты Руставели, Фирдоуси, Сервантеса и многих других.

По каждому докладу или литературному вечеру составлялось отдельное дело. В этих делах сохранились примечательные аналитические материалы, касающиеся творчества великих писателей и освещающие тематику и характер дискуссий. Эти материалы отражают такие оценки армянской критической мысли, которые не нашли прямого отражения в произведениях самих армянских писателей. В этом смысле данные отчеты обладают большой источниковедческой ценностью не только как мнения армянских критиков начала XX века о выдающихся деятелях армянской и мировой литературы, но и как материалы, обогащающие литературное наследие армянских писателей и литературоведов.

С источниковедческой точки зрения большую ценность представляют также материалы, свидетельствующие об армяно-русских литературных связях, о текущей литературной жизни и о сотрудничестве писательских объединений, действовавших в одном и том же пространстве. Среди них — письма председателя Русского литературного фонда (Общество для пособия нуждающимся литераторам и ученым, 9.01.1913) Вл. Набокова и секретаря В. Краснефильда, а также руководителей Литературно-художественного кружка в Москве (26.12.1913). Эти письма свидетельствуют о том, что в основе создания армянского Литературного фонда лежал российский опыт.

Сохранилась переписка председателя Общества армянских писателей с российскими газетами и организациями, польским комитетом и другими литературными объединениями. Важное источниковедческое значение имеют также те документы, которые свидетельствуют об участии армянских писателей в различных мероприятиях, посвященных зарубежным писателям и деятелям культуры в разных уголках мира. Так, весной 1916 года были отправлены телеграммы в Англию и Испанию по случаю 300-летней годовщины со дня смерти Шекспира и Сервантеса — юбилей, который из-за войны был отмечен не столь торжественно. Ованес Туманян от имени армянских писателей и всего армянского народа отправил телеграмму в Лондон председателю комитета по организации юбилейного мероприятия Джорджу Александру (29.04.1916) и получил от него ответную телеграмму со словами благодарности, которая также сохранилась в архиве Общества.

В архиве организации хранятся также документы, отражающие отношения властей к культурной жизни того времени. По поводу каждой лекции или литературно-музыкального вечера составлялись «Документы», включавшие письма с извещением о предстоящем мероприятии, направлявшиеся полицейскому начальнику, а также ответы последнего о разрешении или запрете мероприятий. Доклады о продаже билетов на еженедельные мероприятия и вознаграждении лекторов свидетельствуют о подходах Общества писателей к популяризации литературы. Более высокие гонорары были предусмотрены для приезжих лекторов, чтобы поощрить их деятельность в направлении углубления связи с армянской литературой или поддержания литературных контактов. Армянские лекторы в основном получали по 50 рублей за лекцию, а наибольшее вознаграждение получил В. Я. Брюсов — 500 рублей за каждую лекцию.

Отчеты Литературного фонда, списки получателей пособий, лекции по историко-политическим темам свидетельствуют о значении архива Общества для изучения истории армянской литературы и других сфер общественной жизни. Архив Кавказского общества армянских писателей дополняет историю армяно-русских, армяно-грузинских, армяно-иранских, армяно-курдских, армяно-британских, армяно-испанских, армяно-французских литературных связей новыми и интересными фактами и имеет большую источниковедческую ценность для исследователя культурного диалога армянского народа с другими народами.

Османова М. Н. (ИИАЭ ДФИЦ РАН, Махачкала)

Историческая хроника «Дербенд-наме» на языках народов мира (памяти известного дагестанского тюрколога Гасана Оразаева (1947–2023))

Дагестанская историческая хроника «Дербенд-наме», созданная жителем Эндирея Мухаммадом Аваби Акташи (кон. XVI — 1-я пол. XVII в.), всегда привлекала пристальное внимание ученых — источниковедов, текстологов, лингвистов, историков. В настоящее время в мире зафиксировано около 60 списков рукописи, что свидетельствует о широком распространении сочинения как в оригинале, так и в переводах на разные языки. Самая пространная ее версия содержит также информацию о военно-политических событиях, происходивших на Северо-Восточном Кавказе уже после смерти автора, вплоть до середины XIX в. (переписчики дополняли списки произведения сведениями о более поздних событиях, расширяя, таким образом, хронологические рамки сочинения).

С начала XVIII века списки «Дербенд-наме» стали поступать в библиотеки Петербурга, Москвы, Парижа, Берлина, Гёттингена, Кракова и других городов. Есть сведения о списках «Дербенд-наме» в Стамбуле, Тегеране, Тебризе, Ашхабаде, Баку, Закаталах, Махачкале, Каспийске, Дербенте, а также во многих частных книжных коллекциях жителей Дагестана. До середины XX века в научном мире не были известны списки «Дербенд-наме», написанные на горских дагестанских языках, и среди исследователей бытовало мнение, что сочинение существует только на арабском, персидском и тюркских языках.

В науке существуют различные версии относительно того, на каком языке первоначально было создано сочинение «Дербенд-наме» — на тюркском, фарси или арабском языке. Т. Байер и Ю. Клапрот считали, что оно было создано на тюркском языке, В. Бартольд — на фарси, М. Алиханов-Аварский и М.-С. Саидов — на арабском. Большой вклад в дело изучения хроники «Дербенд-наме» внесли дагестанские коллеги-востоковеды А. Р. Шихсаидов, М.-С. Д. Саидов, П. М. Алибекова, А. Н. Козлова, А. А. Исаев, А. К. Аликберов, Д. М. Маламагомедов.

В 2018 г. наш ныне покойный коллега, известный дагестанский тюрколог Г. М.-Р. Оразаев, также считавший, что сочинение «Дербенд-наме» первоначально было написано на тюркском языке, осуществил масштабный проект: собрал воедино списки сочинения «Дербенд-наме» на всех языках, на которых оно было известно к тому времени. Таким образом, в одном издании были сосредоточены тексты хроники на 14 языках мира: четырех европейских (включая русский язык), четырех восточных, шести языках народов Дагестана. К сожалению, для Г. М.-Р. Оразаева остался недоступным латинский перевод хроники, осуществленный сподвижником Петра I молдавским господарем Дмитрием Кантемиром, хранящийся в фонде № 784 архива Азиатского музея Российской академии наук (ныне Институт восточных рукописей РАН). В данном проекте посчастливилось участвовать и мне: я осуществляла подготовку к изданию перевода «Дербенд-наме» на английский язык, сделанный М. А. Казембеком (1802–1870) в 1839 г. в казанский период его научно-педагогической деятельности и изданный позже, в 1851 г., в типографии Императорской Академии наук.

Находки списков сочинения «Дербенд-наме» на языках народов Дагестана, их изучение и публикация, анализ содержащихся в хронике сведений помогли переосмыслить и конкретизировать некоторые вопросы духовной жизни региона. В настоящее время эти сведения широко используются в научных трудах, посвященных разным аспектам истории народов Восточного Кавказа. Научное издание: *Мухаммад Аваби Акташи. «Дербенд-наме»: тексты на языках народов мира и комментарии / Составитель и автор предисловия Г. М.-Р. Оразаев. Махачкала, Издательский дом «Дагестан», 2018. 496 с.* — получило высокую оценку ученых-историков, текстологов, литературоведов, а также стало великолепным подарком для всех любителей истории Дагестана.

Почекаев Р. Ю. (НИУ ВШЭ, Санкт-Петербург)

Элементы правовой культуры Монгольской империи и Золотой Орды в Хивинском ханстве¹

Хивинское ханство (1511–1920) стало одним из «долгожителей» среди наследников Монгольской империи и ее улусов. В историографии это государство, наряду с Бухарским и Кокандским, принято включать в число среднеазиатских ханств, возникших на основе Чагатайского улуса — одной из частей Монгольской империи. Но есть основания связывать создание и существование Хивинского ханства с Улусом Джучи — Золотой Ордой.

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23–18–00268, проект «Юстиция в системе обеспечения безопасности и процессах интеграции периферийных регионов Российской империи (XVIII — начало XX в.)», <https://rscf.ru/project/23-18-00268/>, реализуемый на базе Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

Прежде всего изначально, в период создания Монгольской империи, Хорезм (территориальный базис ханства) являлся частью Улуса Джучи. В результате противостояния ордынского хана Тохтамыша и чагатайского правителя Тимура (Тамерлана) регион отошел под контроль властителей Мавераннахра — наследников Чагатайского улуса. Но в начале XVI в. Мухаммад Шайбани, потомок золотоордынских ханов, присоединил Хорезм к своим владениям, а в 1511 г. здесь воцарилась династия Арабшахидов, также возводивших родословие к одному из ханов Золотой Орды. В XVIII в. Арабшахиды боролись за власть с другими претендентами из числа потомков Джучи — казахскими Туга-Тимуридами, периодически сменяя друг друга на троне. Лишь в начале XIX в. вместо потомков Чингисхана в Хиве воцаряются представители узбекского рода Кунграт (предки которого, впрочем, тоже были тесно связаны с Чингизидами, в т. ч. и с золотоордынскими ханами).

По сравнению с Бухарским и Кокандским ханствами, которые во многом приняли на вооружение институты среднеазиатской мусульманской государственности, Хивинское ханство на протяжении всего своего существования сохраняло государственные и правовые институты «степных империй», несомненно, заимствованные из опыта Монгольской империи и в особенности Золотой Орды.

К их числу следует отнести в первую очередь дуализм системы управления оседлым и кочевым населением, поскольку значительную часть территории Хивинского ханства составляли кочевники — туркмены и казахи (не считая полуоседлых каракалпаков). В оседлых и кочевых регионах действовали разные административные системы, разные механизмы контроля, взимания налогов, обеспечения исполнения повинностей и пр. Кстати, к золотоордынской правовой традиции можно отнести и более привилегированное положение кочевников, поскольку именно представители кочевых народов составляли основную ударную силу тюрко-монгольских ханств и, соответственно, именно они несли военную службу.

В администрации Хивинского ханства можно увидеть ряд чиновных должностей, сохранившихся со времен Золотой Орды, например, дарга (даруга) или ясаул/ясаулбаши: со временем их функции изменились, но названия сохранились.

Многие налоги и сборы, упомянутые в официальных хивинских документах или упомянутые иностранными современникам, также были позаимствованы из ордынского опыта: таможенный сбор (тамга), сборы при совершении торговых сделок, сусун («корм») в пользу чиновников, дары ханам и сановникам и др. Из опыта Золотой Орды пришло и отсутствие жалованья для чиновников, которые жили за счет сборов и подношений лиц, приходивших к ним на прием.

Хивинские ханы издавали ярлыки, форма, структура и содержание которых во многом было идентично тем формулярам, которые были разработаны в империи Чингизидов и Золотой Орде.

Несомненным сохранением имперской и ордынской традиции следует считать ханские prerogatives в судебной сфере. Хивинское ханство было мусульманским государством, и основную массу дел разбирали кади (казии) на основе шариата.

Но ханы также обладали полномочиями в судебной сфере: во-первых, они являлись судьями высшей знати и сановников; во-вторых, в Хиве и в начале XX в. существовал «арз» — периодически проводившийся открытый ханский суд для всех подданных. В таких разбирательствах хивинские ханы, как и золотоордынские, принимали решения по собственному усмотрению, на основе своего представления о справедливости.

Церемония ханских судов была четко разработана и регламентирована и представляла собой не сухую процедуру, а целое публичное действие, даже с элементами театрализации. Очевидцы из числа иностранных путешественников обращали внимание на то, что во время таких процессов как бы стиралась грань между ханом и представителями даже самых непривилегированных слоев: они могли на равных дискутировать с правителем, поправлять его в процессе судебного расследования и т. д. Вместе с тем это не означало, что процесс не был формализован: в суде обязательно принимал участие целый штат чиновников во главе с ясаулбаши, его решение оформлялось официальным ханским ярлыком и т. д. Примечательно, что в период протектората Российской империи над Хивой (1873–1917) российская администрация оказывала влияние на ряд институтов Хивинского ханства, но «арз» оставался без изменения, поскольку, вероятно, считался достаточно «демократическим» явлением в ханстве, сохранявшем, как видим, многие средневековые институты, механизмы и методы управления и правового регулирования.

В заключение отметим, что истории Хивинского ханства в целом, равно как и его отдельным аспектам посвящено немало исследовательских работ — монографии Н. И. Веселовского, Ю. Э. Брегея, А. С. Садыкова, М. Ниязматова, С. Дж. Атдаева, диссертации С. Наврузова, Н. А. Аллаевой, Н. Н. Гулбоева и др., не говоря о многочисленных исследовательских статьях. Как представляется, поднятый в данном докладе вопрос о влиянии правовых традиций Монгольской империи и Золотой Орды на государственность и право Хивинского ханства с учетом имеющихся наработок исследователей и все увеличивающегося числа исторических источников, вводимых в оборот, должен быть рассмотрен на более фундаментальном уровне.

Псянчин А. В. (ИИЯЛ УНЦ РАН, Уфа)

Вклад КИПС в изучение Средней Азии

На общем собрании Академии наук 14 февраля 1917 г. была организована Комиссия по изучению племенного состава пограничных областей России. Первоначальной задачей Комиссии было выяснение границ расселения различных племен в Литве, Польше, Галиции, Буковине, а затем — в пограничной части

Малой Азии, Азербайджане и Северной Персии. Председателем комиссии был назначен С. Ф. Ольденбург. 1 апреля 1917 г. состоялось очередное заседание, и Комиссия по изучению племенного состава пограничных областей России была преобразована в Комиссию по изучению племенного состава населения России (далее — КИПС). Членами КИПС стали многие известные отечественные ученые. Первоначальный состав Комиссии включал восемнадцать человек: академики В. В. Бартольд, В. И. Вернадский, М. А. Дьяконов, Е. Ф. Карский, Н. Я. Марр, С. Ф. Ольденбург (председатель), В. Н. Перетц, А. А. Шахматов (заместитель председателя), а также Ф. К. Волков, Э. А. Вольтер, Д. А. Золотарев, Н. М. Могилянский, С. К. Патканов, С. И. Руденко (секретарь), А. Д. Руднев, А. Н. Самойлович, Л. Я. Штернберг и Л. В. Щерба.

КИПС наметила две практические задачи: 1) составление этнических карт с объяснительными записками, 2) написание очерков о народах, проживающих в России. С началом практической работы в первую очередь необходимо было определить структуру Комиссии. Так, уже в 1919 г. в составе КИПС были организован ряд отделов: Европейский, Кавказский, Сибирский, Туркестанский (Среднеазиатский) отделы (в публикациях и документах самой КИПС, в том числе архивных, в наименовании отдела используются оба варианта — Туркестанский отдел, Среднеазиатский отдел). В 1925 г. был создан Картографический отдел.

Туркестанский отдел возглавил выдающийся отечественный ученый-востоковед Василий Владимирович Бартольд. Перед Туркестанским отделом встала задача составления этнических карт и написания очерков о народах, населяющих это пространство. В работе Туркестанского отдела КИПС, впрочем, как и в других, можно выделить два аспекта его деятельности: этнографическое изучение народов и составление этнических карт на отдельные территории Средней Азии. Так, членами Туркестанского отдела КИПС были проведены экспедиционные исследования, подготовлены и опубликованы в «Трудах» и «Известиях» Комиссии ряд работ по этнографии и антропологии Азиатской части страны, авторами которых являлись известные ученые — И. И. Зарубин, А. Б. Пиотровский, Ф. А. Фиельструп и др. Ф. А. Фиельструп во время летних командировок в 1924–1925 гг. в Семиречье продолжал сбор материала по расселению киргизских родов и записал ряд генеалогий, преимущественно рода саяк. Он выяснил переход некоторых небольших групп каракиргизов в другие роды и установил принадлежность их к своим коренным родам на основе изучения родословных. Сотрудник Туркестанского отдела Б. Д. Гимер в ходе поездки 1925 г. доставил сведения о племенном составе Каракольского и Нарынского уездов по данным 1920 г. и предоставил планшеты соответствующих карт с поволостными границами. Сотрудницами отдела С. Д. Чураковой и К. В. Вяткиной были составлены этнические карты нескольких уездов Тургайской, Акмолинской и Семипалатинской областей. В 1926 г. научный сотрудник отдела А. Л. Троицкая выезжала в Среднюю Азию, а также по литературным источникам изучала картографический материал, касающийся Туркестанского края. В июле-сентябре 1926 г. в Средней Азии работала экспедиция

под руководством И. И. Зарубина. Были обследованы горные районы верховьев Зеравшана, а также города Самарканд, Пенджикент, Ура-Тюбе, Ташкент. Благодаря командировкам сотрудников Туркестанского отдела КИПС была восстановлена связь с учреждениями по национальной статистике Средней Азии, в результате чего в отдел начали поступать новые материалы. Из них наиболее значительными были рукописные материалы Среднеазиатской комиссии по районированию, касающиеся национального состава населения Бухары и Хорезма. Во время участия сотрудников отдела в этнологической экспедиции АН СССР собраны сведения о племенном составе населения отдельных территорий. Определенным итогом работы Туркестанского отдела КИПС явились работы И. И. Зарубина, опубликованные в течение 1925–1926 гг. в «Трудах КИПС». Особый интерес представляет исследование «Население Самаркандской области, его численность, этнографический состав и территориальное распределение», к которому была приложена этнографическая карта Самаркандской области. И. И. Зарубин показал на карте не только однородные в этническом плане пространства, а самое главное, отразил смешанные этнические территории. Деятельность Комиссии по изучению племенного состава населения России имела важное значение для развития отечественной этнографии в первой трети XX века. Члены КИПС внесли большой вклад в этнографическое изучение и этническое картографирование населения страны. В том числе исследования членов Туркестанского (Среднеазиатского) отдела КИПС явились достойным вкладом в российскую востоковедную науку.

*Самигулов Г. Х. (Южно-Уральский государственный университет,
Челябинск)*

Новый источник к истории принятия казахами Младшего жуза российского подданства

История принятия казахами Младшего жуза Российского подданства едва ли не самая популярная в отечественной историографии тема, касающаяся казахов. Впервые эта ситуация получила свое отображение еще в «Истории Оренбургской» П. И. Рычкова¹. Но при этом основными источниками по этой теме до недавнего времени оставались записи переводчика Маметия Тевкелева, возглавлявшего посольство к хану Младшего жуза Абулхаиру² и переписка Абулхаира с императрицей Анной Иоанновной³. В этих документах отображена роль Алдар-бая (Алдара Исе-

¹ Рычков П. И. История Оренбургская по учреждении Оренбургской губернии. Уфа, 2002. 186 с.

² История Казахстана в русских источниках XVI–XX веков. III том: Журналы и служебные записки дипломата А. И. Тевкелева по истории и этнографии Казахстана (1731–1759 гг.) / Сост. И. В. Ерофеева. Алматы: Дайк-пресс, 2005. 484 с.

³ Казахско-русские отношения в XVI–XVIII вв. Сборник документов и материалов / Сост. Ф. Н. Киреев и др. Алма-Ата: Изд-во Академии наук Казахской АССР, 1961. 741 с.

кеева или Исянгильдина) в обращении хана Абулхаира к Анне Иоанновне в 1730 г., но только в виде упоминания, без расшифровки: Абулхаир пишет, что обратился к императрице по настоянию Алдар-бая. Но при каких обстоятельствах Алдар-бай рекомендовал ему направить посланца к российской императрице, было не известно.

Недавно в Архиве внешней политики Российской империи был выявлен документ 1730 г., который раскрывает некоторые моменты, предшествовавшие отправке Абулхаир-ханом письма Анне Иоанновне¹. Сам документ буквально недавно опубликован². Выявленный источник, с одной стороны, достаточно подробен, с другой — порождает новые вопросы.

Итак, перейдем к краткому изложению содержания источника. Башкиры Ногайской и Сибирской дорог Уфимского уезда сообщали Анне Иоанновне о нападении казахов и каракалпаков, в ходе которого было разорено немало башкирских селений, погибли люди, в том числе «знатные», многие попали в плен. Но башкиры, собравшись, сумели отбить набег, причем, видимо, с немалым уроном для нападавших. Зимой от Абулхаира пришли люди с предложением мира. Причем авторы обращения к Анне Иоанновне пишут сначала, что казахские люди в пути поморозились и не смогли дойти до Уфы, но оттуда приезжал дворянин с подъячим и толмачем и их «свидетельствовали», после чего уехали обратно. Но из дальнейшего текста становится понятно, что ехали эти посланцы вовсе не Уфу, а именно к башкирам Ногайской и Сибирской дорог, чтобы предложить им мир. Башкиры ответили, что обращаться надо не к ним, а к императрице, поскольку они находятся под ее рукой:

«А ныне у нас с вами доброго миру нет, и в улусы ваши послов не отправляем. Ежели с нами, Сибирской и Ногайской дороги башкирцами, подлинно мир содержать намерение имеете — у нас великая и всемилостивейшая Гдрня есть, которая Гдрня от востока до запада обладала, и чужестранных неприятелей в протекцию свою привела. А вы, не пришед в подданство Ея императорского величества, мы с вами, казаками и каракалпаками всегда неприятельски поступать будем // И ежели вы с нами в миру и в согласии быть намерение имеете, бейте челом всемилостивейшей и великой Гдрне, она может вас млство в протекцию свою принять, также и победить вас в воле всемилостивейшей и великой Гдрни нашей; а мы всемилостивейшей Гдрни указом ослушны быть не можем»³.

На что башкиры получили предложение приехать и сказать это Абулхаир-хану лично.

Выбраны для поездки в степь были Алдарбай и Ашкинэ Тюкяляев. Перед отправкой в степь башкиры ставят в известность о планируемой поездке власти Уфимской провинции. По приезде в ставку Абулхаира, башкиры проводят переговоры, аргументы их практически идентичны процитированному выше. Из документа мы узнаем, что в плену у Абулхаир-хана находятся двое сыновей Алдарбая,

¹ АВПРИ. Ф. Башкирские дела. 1730 г. Оп. 108/1. Д. 1. Л. 2–6 об.

² Самигулов Г. Х. Материалы к истории казахско-российских отношений (1729–1740 гг.) // *Былые годы*. 2025. 20(1). С. 23–32.

³ Там же. С. 26

кроме того, казахи угнали у него 2000 лошадей. Переговоры завершаются тем, что Абулхаир-хан направляет посланника к императрице Анне Иоанновне, а башкиры направляют для сопровождения 6 человек, в числе которых один из участников посольства к казахам — Эшкинэ Тюляков и сын Алдарбая Мансур¹. Дальнейшая история достаточно подробно прописана в литературе.

Что же вызывает вопросы в этой логичной и стройной истории? В первую очередь именно ее стройность — все очень четко выстроено. Вопреки существовавшей иерархии, субъектом переговоров фактически выступают башкиры в лице своих старшин. Правда, при этом подстраховываясь — оповещая о конкретных контактах с казахами администрацию Уфимской провинции. При этом нам не известно о какой бы то ни было реакции властей на «самоуправство» башкир, хотя дипломатические отношения с сопредельными народами явно относились к ведению местных властей уровня не ниже губернских. Но еще более примечательной ситуация становится, если учесть результаты исследования И. В. Ерофеевой, которая реконструировала историю взаимоотношений Алдарбая и Абулхаира еще с тех времен, когда последний был султаном. И, согласно ее версии, именно Абулхаир, приглашенный Алдаром Исекеевым, был провозглашен ханом башкир в 1709 г. И впоследствии, в 1720-х гг. Алдарбай сохранял с ним дружеские отношения и неоднократно вместе с членами своей семьи гостил у Абулхаира².

Таким образом, при всей конкретности материала, изложенного в источнике, он позволяет различную интерпретацию событий, приведших к появлению этого документа, например, какую-то хитрую дипломатическую игру со стороны Алдарбая и Абулхаира. Можно также предположить, что инициатива принадлежала Абулхаиру, но документ конструировался с учетом интересов башкир (демонстрация их верноподданнических настроений). С другой стороны, нельзя исключать, что документ все-таки отображает реальную ситуацию, и «превышение полномочий» объясняется действительным положением дел, когда власти, не имея возможности в полной мере контролировать и обеспечивать безопасность пограничных территорий³, вынужденно допускали значительную самостоятельность башкир.

Тураев Х. Х. (Бухарский ГУ, Бухара, Узбекистан)

Документальный фонд Бухарского музея

Бухарский музей является одним из крупных научно-просветительских учреждений Республики Узбекистан. Его фонд был сформирован на основе коллекций

¹ Самигулов Г. Х. Материалы к истории... С. 26–27.

² Ерофеева И. В. Хан Абулхаир: полководец, правитель, политик. Изд-е 3-е, исправленное и дополненное. Алматы: Даик-пресс, 2007. 456 с. + 28 с. вклейка

³ Ср.: Корепанов Н. С. Горная власть и башкиры. Земельный вопрос. Документ № 6. [Электронный ресурс]. URL: <http://book.uraic.ru/elib/Authors/korepanov/Sait3/110g2.htm> (дата обращения: 15.01.2025).

средневековых дворцовых артефактов. В него входит и документальный фонд, состоящий из многочисленных средневековых рукописных документов, общее число которых достигает более трех с половиной тысяч.

Хранящиеся в рукописном фонде музея 20 исторических документов в разделе «Архив кушбеги» — это вакфные документы XVI–XIX веков. Грамота Аштарханида Абд ал-Азиз-хана (1645–1680), вакфная грамота правителя династии Мангытов Данийал-бий аталыка (1758–1785)¹, экземпляр черновика письма эмира Музаффара (1860–1885) турецкому султану² имеют большую историческую и научную значимость. В них имеются сведения о видах землепользования и размерах земельных наделов, стоимости недвижимости, благотворительных учреждениях.

Среди хранящихся в музее рукописных документов есть и личные коллекции, выкупленные у населения. Рукописные документы, редкие книги, образцы прикладного искусства из частной коллекции археолога С. Н. Юренева (1896–1973)³ после его смерти были переданы в Бухарский музей. Среди них большой интерес представляют арабографические документы, содержащие различные исторические сведения.

Личный архив бухарского историка, поэта, каллиграфа Мирзы Сами (1838–1907)⁴, который хранится в фонде Бухарского музея, состоит из следующих документов: письма на имя эмира, отчеты о выполнении заданий правительства, документы купли-продажи, сведения по вопросам землепользования и водным ресурсам, рапорты о деятельности аксакалов, тетради и др. Часть документов — это эпистолярное наследие Мирзы Сами. Среди архивных материалов особый интерес представляет тетрадь размером 19х22 см в кожаном переплете, с личной печатью Мирзы Сами овальной формы. В тетради приводятся сведения о военной, хозяйственной жизни, например, заработная плата сарбазов (солдат), цены на товары повседневного спроса.

В составе архивных материалов имеется рукопись, написанная на фабричной бумаге, в которой изложена краткая, но содержательная история правления представителей династии Аштарханидов Субханкули-хана (1680–1702), Убайдулла-хана (1702–1711) и Абулфайз-хана (1711–1747), мангытского правителя Мухаммад-Рахим-хана (1753–1758). Этот документ заслуживает внимания, поскольку в нем приводятся уникальные сведения, которые отсутствуют в исторических сочинениях периода Аштарханидов.

¹ Казаков Б. А. Документальные памятники Средней Азии. Ташкент, 1987. С. 6–15; Вафнаме Данийал-бий аталыка. / Перевод с арабографического таджикского языка, введение и примечания Б. А. Казакова. Ташкент, 2023. С. 25–86.

² Бухарский музей, инв. № 11007/11.

³ Ставиский Б. Я. Сергей Николаевич Юренев — человек, личность, а также музейный работник, археолог краевед. К столетию со дня рождения. Под редакцией Р. В. Альмеева. Бухара: Бухарский музей, 1996.

⁴ Мирза Абдал’азим Сами. Та’рих-и салатин-и мангитийа / Издание текста, предисловие, перевод и примечания Л. М. Епифановой. М.: Изд-во Восточной литературы, 1962. С. 7.

В фонде рукописей есть частная коллекция рукописных документов, охватывающих исторический период с 1846 года до начала XX столетия. Эта коллекция, в которой собраны заявления, указания, приказы, отчеты о налоговых сборах, образцы частной переписки, различные сообщения, разрешения на назначение попечительства, документы на право владения, списки вакфных земель, может служить вспомогательным источником при изучении социально-хозяйственной жизни Бухарского эмирата второй половины XIX — начала XX в.

Документальный фонд Бухарского музея с различной тематикой и охватом записанных событий, имеет важное значение как памятник письменного наследия и объект исследования. Сотрудниками музея изданы монографии по среднеазиатской дипломатике, научно-комментированные переводы вакфных документов, а также другие средневековые документальные источники.

Хабелова М. Л. (ИСАА МГУ, Москва)

«Ахсан ат-таварих» Хасан-бека Румлу как источник по истории ирано-грузинских взаимоотношений

«Ахсан ат-таварих» («Лучшая из летописей») Хасан-бека Румлу является ценным источником по истории Ирана, Афганистана и Южного Кавказа. Труд придворного сафавидского историка проливает свет на отношения между Сафавидами (1501–1722) и царствами Восточной Грузии — Картли и Кахети.

Хасан-бек Румлу, родившийся в городе Кум в 1531/2 г., происходил из знатного кызылбашского племени румлу. Из двенадцати томов «Ахсан ат-таварих» сохранилось лишь два последних. Одиннадцатый том повествования охватывает период с 807/1405 г. по 900/1494 г., тогда как двенадцатый том посвящен правлению первых сафавидских шахов: Исмаила I (1501–1524 гг.), Тахмаспа I (1524–1576 гг.), Исмаила II (1576–1577 гг.) и приходу к власти Мухаммада Худабанде (1578–1587 гг.). Описание событий, свидетелем которых он не являлся, как сам отмечал Румлу, даны им с опорой на труды своих предшественников: «Восемь кругов рая» Идриса Бидлиси (1455–1520), «Куши безмятежности» Мирхонда (1433–1498), «Друг жизнеописаний» Хондемира (1475–1534).

С десяти лет Румлу сопровождал шаха Тахмаспа I (1524–1576 гг.) в военных экспедициях и был очевидцем многих описанных им событий. Традиционно для Ирана особый интерес представляла Восточная Грузия, известная в источниках как Гурджистан. Разделенная на отдельные политические единицы, Грузия являлась важным стратегическим активом и буферной зоной для Сафавидов, которые вели непримиримую борьбу с Османской империей за контроль над регионом. Упоминания о Грузии впервые появляются в одиннадцатом томе, начиная с 817/1415 г., однако ключевую роль в истории ирано-грузинских взаимоотношений занимают страницы описания вторжений шаха Исмаила и Тахмаспа.

Сведения о первых военных кампаниях кызылбашей, возглавляемых верным амиром шаха Исмаила Див-Султаном Румлу, представлены в двенадцатом томе и относятся к 922/1516 г., 924/1518 г., 927/1521 г. Данные походы создали благоприятную почву для дальнейшей экспансии. Шах Тахмасп, завоевав Ширван в 1538 г., устремился с большим войском на столицу Картли — Тбилиси. Румлу датировал эти события 947/1541 г., описывая захват и сожжение столицы, а также пленение жителей города.

Особого внимания заслуживает третий поход шаха Тахмаспа в 958/1551 г., в ходе которого кызылбаши прибегли к хитрым маневрам для достижения победы. Их целью стал пещерный комплекс Вардзия, где скрывалась большая часть азнауров. Хасан Румлу, описывая ее недоступность, сравнивал ее со стеной Александра Македонского и крепостью Хайбар¹. В руках шаха оказалась богатая добыча, среди которой было два рубина — глазницы иконы. Тахмасп повсеместно казнил приверженцев мятежного царя Картли Луарсаба I (1527–1556 гг.). Он захватил в плен женщин и детей, угнал скот и отправился на зимовье в Карабах.

В 1554 г. начались мирные переговоры между Сафавидской и Османской империями, центральной темой которых стал вопрос раздела Грузии. Во время четвертого вторжения шаха Тахмаспа в 961/1554 г., кызылбаши захватили крепости Гори и Цедиси и подошли к крепости Атени, где укрывалась мать царя Луарсаба — Тамар Джакели. Несмотря на долгую оборону, цитадель пала. В ходе этого похода было захвачено множество крепостей и взято в плен более тридцати тысяч человек². Мирный договор, заключенный в Амасье в 1555 г., временно приостановил военные действия между Ираном и Османской империей.

Хасан Румлу в «Ахсан ат-таварих» упомянул о принятии ислама сыном Луарсаба I Давидом (1569–1578 гг.), одолеваемым желанием взойти на престол. В 969/1562 г. он бежал в Иран, где принял ислам под именем Дауд-хана. Шах, посчитав поддержку представителя царской династии Багратиони благоприятной предпосылкой, пожаловал ему Тбилиси³. В 967/1559 г. ислам принял и сын царя Кахети Левана I (1518–1574) Иессе⁴. Известно также, что Иса-хан был женат на внучке шаха Исмаила I, дочери Сам мирзы (1517–1567).

Последним упоминанием Грузии у Хасан-бека Румлу в «Ахсан ат-таварих» является известие о смерти царя Кахети Левана и восшествии на престол его сына Александра (1574–1603 гг.), который смог обойти своих кровных братьев в борьбе за престол.

Материалы «Ахсан ат-таварих» по истории ирано-грузинских взаимоотношений представляют ценный источник, раскрывающий особенности интеграции Восточной Грузии в Сафавидскую империю. Эта информация помогает проследить,

¹ Hasan Beg Rumlu. Ahsan at-tawarih. Tehran. 1357/1979. P. 455–456.

² Горгиджанидзе П. История Грузии, пер. с груз. Р. К. Кикнадзе, В. С. Путуридзе. Тбилиси: Мецниереба, 1990. С. 10.

³ Hasan Beg Rumlu. Ahsan at-tawarih. Tehran. 1357/1979. P. 536.

⁴ Ibid.. P. 529.

как Сафавиды устанавливали и укрепляли свое влияние в регионе, используя как дипломатические методы, так и военные походы. Благодаря описанию многочисленных военных кампаний первых сафавидских шахов, а также подробным рассказам о взятии городов и крепостей можно проследить, как постепенно усиливалась зависимость Восточной Грузии от Ирана. Важнейшим элементом интеграции стало привлечение местной элиты: представители грузинской знати занимали значимые посты при дворе, служили шаху в корпусе курчи и трудились в шахских kitab-hane, что способствовало постепенному сближению двух культур.

Чжоу Янань (Ф-т политологии МГУ, Москва)

Цифровизация объектов культурного наследия в странах Центральной Азии

Страны Центральной Азии (далее — ЦА) расположены в центральной части евразийского континента на перекрестке мировых цивилизаций, где различные цивилизации, смешиваясь друг с другом, сформировали уникальную центральноазиатскую цивилизацию. В данном докладе рассматриваются состояние цифровизации объектов культурного наследия в странах ЦА, проблемы, возникшие при реализации проектов, а также перспективы дальнейшего развития.

Цифровизация объектов культурного наследия — это процесс сбора, хранения, редактирования и демонстрации культурного наследия с помощью современных цифровых технологий, что открывает новые возможности для охраны и передачи культурного наследия, а также содействует развитию индустрии культуры¹. ЮНЕСКО поддерживает цифровизацию объектов культурного наследия в странах, расположенных вдоль Шелкового пути, создав онлайн-платформу ЮНЕСКО «Шелковый путь»². Международный институт центральноазиатских исследований (МИЦАИ) был создан в Самарканде (Узбекистан) в 1995 г. как непосредственный результат внедрения данной платформы.

1 февраля 2022 г. Азиатским банком развития и Центральнo-Азиатским региональным экономическим сотрудничеством была опубликована «Цифровая стратегия ЦАРЭС до 2030 года», направленная на ускорение цифровой трансформации. По инициативе провинции Шэньси (Китай) была создана платформа для обменов и сотрудничества в области цифровизации объектов культурного

¹ Что дают цифровые технологии культурному наследию? Китайская сеть социальных наук. 08.06.2022. URL: <https://baijiahao.baidu.com/s?id=1735049426964807578&wfr=spider&for=pc> (дата обращения: 20.12.2024).

² Онлайн-платформа ЮНЕСКО «Шелковый путь». ЮНЕСКО. URL: <https://ru.unesco.org/silkroad/onlayn-platforma-yunesko-shelkovyy-put> (дата обращения: 22.12.2024).

наследия в странах, расположенных вдоль «Одного пояса, одного пути»¹. США как страной-лидером в области цифровизации был осуществлен ряд проектов помощи в данной области. При поддержке Университетского колледжа Лондона был запущен проект «Центральноазиатские археологические ландшафты». В рамках проекта команды из пяти стран ЦА и Синьцзян-Уйгурского автономного района Китая занимаются каталогизацией и цифровизации архивов².

В пяти центральноазиатских республиках имеются национальные программы развития цифровой экономики: казахстанская концепция цифровой трансформации, развития отрасли информационно-коммуникационных технологий и кибербезопасности на 2023–2029 годы; стратегия «Цифровой Узбекистан – 2030»; концепция развития цифровой экономики в Туркменистане в 2019–2025 годах; концепция цифровой трансформации «Цифровой Кыргызской Республики на 2024–2028 годы», среднесрочная программа развития цифровой экономики в Республике Таджикистан на 2021–2025 годы. Развитие этих проектов обеспечивает экономическую и техническую поддержку цифровизации культурного наследия.

В рамках вышеупомянутых проектов в странах ЦА был достигнут ряд успехов в данной области. 1–20 ноября 2019 года в рамках реализации проектов СААЛ и МИЦАИ был организован полевой тренинг для молодых специалистов Узбекистана, целью которого было обучение документированию объектов культурного наследия с помощью цифровых технологий. В результате тренинга были собраны материалы, включающие более 52 тыс. фотографий и видео культурных объектов³.

С помощью специалистов провинции Шэньси (Китай) было восстановлено и зафиксировано в цифровом виде одно старинное медресе в Хорезмской области (Узбекистан)⁴. В 2017 г. в Узбекистане при участии американской компании Global Digital Heritage стартовал проект по оцифровке исторических объектов, памятников и архитектурных сооружений в формате 3D, целью которого является цифровая реконструкция исторических объектов и получение доступа к объектам в формате VR⁵.

¹ Платформа для обменов и сотрудничества в области цифровизации объектов культурного наследия в странах, расположенных вдоль «Одного пояса, одного пути» // *Феникс Шэньси*. 23.01.2020. URL: https://sn.ifeng.com/a/20200123/8185793_0.shtml?utm_source=chatgpt.com (дата обращения: 23.12.2024).

² Центральноазиатские археологические ландшафты. 12.05.2020. URL: <https://www.unesco-icas.org/ru/press-office/News> (дата обращения: 22.12.2024).

³ Полевой тренинг для молодых специалистов Узбекистана. Международный институт центральноазиатских исследований. URL: <https://www.unesco-icas.org/ru/press-office/News> (дата обращения: 22.12.2024).

⁴ Использование цифровых технологий для сохранения объектов культурного наследия. Зарубежная сеть. 04.12.2024. URL: <https://baijiahao.baidu.com/s?id=1817514423137633048&wfr=spider&for=pc> (дата обращения: 23.12.2024).

⁵ Исторические памятники Узбекистана будут оцифрованы в форматах 3D и VR. Фергана. 11.06.2017. URL: <https://fergana.plus/news/122226/?ysclid=m4zksuaxe1504589739> (дата обращения: 23.12.2024).

Пять стран ЦА оцифровали большое количество литературных и исторических произведений, архивов и объектов культурного наследия и создали национальные электронные библиотеки, архивы и виртуальные музеи.

Проблемы, возникшие в реализации проектов, включают, во-первых, финансовые и технологические ограничения. Во-вторых, поскольку климатические условия в регионе относительно суровые, это негативно сказывается на сборе объектов культурного наследия. В-третьих, регион не отличается высокой степенью интеграции и достаточной координацией между странами, что затрудняет создание единой документальной базы данных.

Чтобы повысить уровень цифровизации культурного наследия, страны региона могут приложить следующие усилия: во-первых, активно развивать цифровую экономику для создания прочной материально-технической базы для цифровизации культурного наследия. Во-вторых, обратиться за международной помощью. В-третьих, повысить степень региональной интеграции и скоординировать действия всех сторон, чтобы ускорить создание единой документальной базы данных.

*Шадманова С. Б. (Ташкентский государственный университет
востоковедения, Ташкент)*

Развитие европейской медицины в Туркестане: взгляд через призму периодических изданий (конец XIX — начало XX в.)

Особое место на страницах периодической печати Туркестана занимали вопросы оказания медицинской помощи коренному населению края. В различных статьях и заметках давалась информация об открывавшихся амбулаториях и их деятельности, говорилось о заболеваниях, распространенных среди местного населения, предлагались меры по улучшению медицинского обеспечения населения края. Материалы печати свидетельствуют, что первые амбулатории, открытые в Туркестане в 1883 г., предназначались для женщин и детей, тогда как мужские амбулатории для коренного населения начали свою деятельность в Ташкенте только в 1886 г.¹

Несмотря на общее увеличение числа обращавшихся за медицинской помощью, число пациентов, страдавших инфекционными болезнями, даже в периоды эпидемий было незначительным, и только после эпидемии чумы в селе Анзоб на

¹ *Туркестанские ведомости*. 1883. № 42; 1885. № 37; 1886. №16; 1888. № 44; 1889. № 46, 47, 48; 50, 51; 1890. № 1; 1893. № 9, 82, 86, 90.

эту проблему стали обращать больше внимания¹. При этом в печати отражались сведения, касающиеся распространенных болезней, в том числе эпидемий таких тяжелых заболеваний, как холера, чума и малярия; предлагались меры по их устранению и профилактике².

Сравнительный анализ имеющихся материалов печати, архивных документов и исторической литературы показал, что женщинам-мусульманкам врачебную помощь оказывали не только врачи-женщины, но, в отдельных случаях, и врачи-мужчины.

Вместе с тем основная часть местного населения даже в тяжелых случаях отказывалась от современной медицинской помощи в силу традиций. Многочисленные факты демонстрируют нежелание местного населения получать медицинскую помощь от русских врачей. Большая часть случаев оказания медицинской помощи связана с городским населением. При этом определенная часть городского населения также неприязненно относилась к проникновению европейской медицины в жизнь туркестанских женщин. Что же касается сельского населения, то оно оставалось патриархальным и соответственно относилось к европейской медицине с большей степенью недоверия, вследствие чего женщины только в исключительных случаях пользовались услугами русских врачей. Как следствие, мусульманское сельское население, составлявшее основную часть населения края, оставалось вне сферы оказания медицинской помощи вплоть до 1890-х гг.

Иногда врачи были вынуждены проводить такие сложные операции, как, например, кесарево сечение, на дому в старгородской части Ташкента³. Трудности возникали даже при оказании стоматологической помощи, так как многие женщины не соглашались открывать лицо⁴. Именно такое отношение туркестанских мусульманок к мужчинам-врачам ускорило открытие в Туркестане медицинских учреждений, где врачами работали только женщины.

Освещая вопросы, связанные с оказанием медицинской помощи населению, а также с деятельностью частных и специализированных лечебниц и амбулаторий⁵, официальные газеты края оперировали многочисленными статистическими

¹ Справочная книжка Самаркандской области. Самарканд, 1902. С. 163.

² Дифтерия в Семиреченской области // *Туркестанские ведомости*. 1885. № 11; Об изоляции заразных больных // *Туркестанские ведомости*. 1888. № 34; Околов. По поводу появления дифтерии в Ташкенте // *Туркестанские ведомости*. 1888. № 44; Он же. Еще о дифтерии и о мерах, служащих к предупреждению его распространения // *Туркестанские ведомости*. 1888. № 45; *Туркестанские ведомости*. 1892. № 20, 21, 22, 25, 31, 32, 34, 36, 39, 51, 101; 1894. № 92; Украина. 1896. № 88; *Туркестанские ведомости*. 1907. № 124; *Асхабад*. 1907. № 179; *Туркестанские ведомости*. 1909. № 190–193; *На рубеже*. 1909. № 108.

³ НА НТМД Уз. Ф. 192. Д. 296. Л. 17–18.

⁴ О народном врачевании сартов и киргиз Туркестана. Медицинская помощь инородцам Туркестана и их отношение к русским врачам. СПб., 1903. С. 112.

⁵ *Туркестанские ведомости*. 1893. № 28; Вирский И. О призрении умалишенных в Туркестанском крае // *Туркестанские ведомости*. 1900. № 43. Смирнов Е. Т. Приют для прокаженных в Ташкенте // *Туркестанские ведомости*. 1893. № 39; Украина. 1897. № 97; Кишлок-санатория для прокаженных // *Туркестанские ведомости*. 1900. № 87; Прокаженные больные в Ташкентском кишлаке Махау //

данными, авторами которых были специалисты-медики. Иногда авторами статей на медицинские темы выступали и инженеры, предлагавшие меры по улучшению здоровья населения, при этом большая часть их предложений касалась обеспечения населения качественной питьевой водой¹.

Необходимо отметить, что, хотя некоторые статьи носили аналитический характер, большая их часть ограничивалась лишь передачей определенной информации. Реклама и объявления, в большом количестве печатавшиеся на страницах русскоязычных газет и в меньшем количестве на страницах газет на местных языках, также привлекались для историографического анализа деятельности частных лечебниц. Материалы аналитического характера по данной тематике появлялись в основном на страницах русскоязычной печати.

Уже в те годы стал весьма популярным и такой жанр, как журналистское расследование. Он возник в ответ на просьбы населения о направлении корреспондентов для ознакомления с истинным положением дел в определенных медицинских учреждениях. Такие обращения являются свидетельством того, что коренное население Туркестана почувствовало силу печати и начало считать ее одним из рычагов для улучшения своего положения.

Туркестанские ведомости. 1900. № 101; *Самарканд*. 1906. № 56; Юлин Г. В лечебнице для туземцев // *Туркестанский курьер*. 1909. № 174.

¹ *Туркестанские ведомости*. 1891. № 20; 1893. № 65, 69; 1900. № 20; *Окраина*. 1895. № 61, 62, 64, 66, 68, 71, 73; *Туркестанские ведомости*. 1897. № 7; 1902. № 16; 1905. № 2; *Среднеазиатская жизнь*. 1907. № 218; 1908. № 57; *Туркестанский курьер*. 1909. № 42; *Садои Туркистон*. 1914. № 21.

Секция VI • Section VI

Курдоведение

Kurdish Studies

Adak Abdurrahman (Mardin Artuklu University, Mardin, Turkey)

**An Evaluation of Developments in the Field
of Kurdish Literary History from Alexandre Jaba
and Mela Mehmûdê Bazîdî to the Present**

Alexandre Jaba (1800–1891) was a prominent bureaucrat and researcher who served as the Russian consul in Erzurum (a city in eastern Turkey) during the mid-19th century. Jaba held this position for 17 years, from 1848 to 1866. During this time, he was also tasked by the Russian Academy to collect Kurdish works and send them to Russia. In Erzurum, Jaba met Mela Mehmûdê Bazîdî, a Kurdish cleric, from whom he learned Kurdish. With the support of Bazîdî and other Kurdish clerics, Jaba spearheaded a significant scholarly effort on Kurdish literature. Undoubtedly, Bazîdî was the most significant contributor to this work. Encouraged by Jaba, Bazîdî compiled ancient Kurdish manuscripts, copied some of them, authored works on Kurdish sociology, folk literature, and grammar, translated certain texts into Kurdish, summarized some Kurdish poetic works into prose, and wrote several short treatises, all of which he handed over to Jaba. Jaba, in turn, sent these entirely handwritten works to the Russian Academy. Today, these works are preserved in the Leningrad Public Library and are known in academic literature as the «A. Jaba Archive.» The archive contains a total of 54 works, 44 of which are in Kurdish, with the remainder in Arabic, Persian, and Turkish. All the Kurdish works are in the Kurmanji dialect. Among these, 19 pertain to classical Kurdish literature, 10 to Kurdish folk literature, 6 to the Kurdish language, 2 to Kurdish history, and 1 to Kurdish sociology and ethnography.

There is no doubt that the work carried out by Jaba and Bazîdî is of great importance for the history of Kurdish literature. Their most significant contribution in this field was Bazîdî's treatise on ancient Kurdish poets, titled *Şair û Musennifê di Kurdistanê* (Poets and Writers of Kurdistan), which Jaba published in Russia. This treatise was printed in 1860 in St. Petersburg as part of the book *Recueil de Notices et Récits Kourdes* (Collection of Kurdish Notices and Stories). This short treatise, which directly pertains to the history of Kurdish literature, is extremely important as it is the first work to document ancient Kurdish poets and writers. It provides biographical and bibliographic information on eight Kurdish poets who lived before Jaba and Bazîdî: Eliyê Herîrî, Melayê Cizîrî, Feqîyê Teyran, Melayê Bateyî, Ehmedê Xanî, Îsmâîlê Bazîdî, Şerefîxan, and Miradxan.

In addition to these eight poets, the Jaba Archive contains works by other poets and writers who fall within the scope of Kurdish literary history. These include Sewadî's *Leyla ile Mecnûn*, Selîmî's *Yûsif û Zuleyxa*, prose works by Mela Eliyê Teremaxî and Mela Yûnisê Helqetînî, poetry collections by Dureşîanî, 'Ebbasî, Husên, Remezan, and Esamî, as well as Kurdish epics such as Şêx Eliyê Herîrî's *Borê Qer* and Şêx Xalidê Zêbarî's *Qewlê Newala Sisebanê*. When these are taken into account, the number of Kurdish literary figures in the Jaba Archive increases from eight to nineteen. It appears that Bazîdî wrote his treatise at an early stage of his research, including only the eight poets for whom he had information at the time. Later, through fieldwork, he identified other poets and writers but was unable to include them in his treatise.

The work of Jaba and Bazîdî is undoubtedly foundational for the history of Kurdish literature. In this regard, Mela Mehmûdê Bazîdî and A. Jaba should be recognized as the pioneering researchers who laid the groundwork for Kurdish literary history in the mid-19th century. While Jaba continued his studies on Kurdish literature in Russia, European orientalists were unaware of these efforts. As a result, figures like the French orientalist E. M. Quatremère (d. 1857) and the British scholar G. R. Driver (d. 1975) claimed that Kurdish literature did not exist. It was not until the late 19th and early 20th centuries that the world became acquainted with classical Kurdish literature, thanks in large part to the work of scholars like V. Minorsky and M. B. Rudenko.

However, it should be noted that knowledge of Kurdish literary history in both Russia and Europe remained limited to the eight poets mentioned in Bazîdî's treatise. For instance, V. Minorsky, in his entry on «Kurds» in the *Encyclopedia of Islam*, only mentioned these eight poets within the context of Kurmanji literature. Although Rudenko introduced other poets and writers from the Jaba Archive in his work, these did not attract much attention and were not included in lists of Kurdish poets.

From the time of Bazîdî and Jaba until the 1980s — a span of over a century — knowledge of Kurdish literary history in Russia and Europe remained confined to the work of Bazîdî and Jaba. However, starting in the last quarter of the 20th century and especially in the first quarter of the 21st century, significant progress was made in the field of Kurdish literary history, thanks to the efforts of researchers from Iraqi Kurdistan such as Ebdureqîb Yûsif, Ebdurehman Mizûrî, Sadiq Behadîn Amêdî, Elî Qeredaxî, Hemdî Selefî, Tehsîn Î. Doskî, Îsmâîl Badî, Seîd Dêreşî, Hêriş K. Rêkanî, and Rizgar Cebârî.

As a result of these studies, at least 37 additional poets not mentioned in *Şair û Musennîfê di Kurdistanê* or the Jaba Archive have been identified. These include Hemîdî, Îmadeddînê Hekkarî, Cudayî, Sewdayî, Ş. Şemseddînê Xelatî, Xalid Axayê Zêbarî, Mihemedê Xanî, Mela Îbrahîmê Katûnî, Axaok Bêdarî, Mela Mensûrê Girgaşî, Seyfîyê Şoşî, Macin, Mîna, Sadiq, Mela Ramazanê Ebbasi, Pertew Begê Hekarî, Mela Mihemedê Pîzanî, Sîyahpoş, Wedaî, Şêx Nûredînê Birîfkanî, Bekir Begê Erizî, M. Teyar Paşayê Amêdîyê, Mela Xelîlê Sertî, Şêx Ehmedê Feqîr, Derdî, Katibî, Qanî, Biharî, Bazelî, Husên, Taha, Xîyasî, Hacî, Ebdulahê Mexribî, Mihemedê Qoşlî, Mela Haşimê Miksî, and Seyîd Ebdulahê Nehrî. All these poets lived before 1865, predating Jaba and Bazîdî.

Similarly, researchers from Southern Kurdistan have uncovered new information and documents regarding the periods, birth, and death dates of these poets. This new evidence reveals that Bazîdî's estimates for the periods of Eliyê Herîrî, Melayê Cizîrî, Feqîyê Teyran, and Melayê Bateyî were inaccurate. For instance, Eliyê Herîrî lived not in the 11th century but in the 17th century; Melayê Cizîrî not in the 12th century but in the late 16th and early 17th centuries; Feqîyê Teyran not in the 14th century but in the late 16th and early 17th centuries; and Melayê Bateyî not in the 15th century but in the 18th century. Bazîdî's use of the phrase «approximately» when providing dates indicates that he lacked precise information.

Another important issue is the regional affiliation of the poets. From a literary geography perspective, the eight poets mentioned in *Şair û Musennîfê di Kurdistanê* are primarily from Bazîdî's own region of Bazid and the nearby Hakkari region. In other words, Bazîdî's literary geography is limited to the area between Bazid and Hakkari. Of the eight poets, three are from Bazid, three from Hakkari, one from Mikis (between Bazid and Hakkari), and the farthest is from Cizre. Thus, seven of the eight poets are from the Bazid-Hakkari region, while Cizre is relatively distant and distinct. It is worth noting that Bazîdî considered Ali Hariri to be from Hakkari, which influenced his interpretations.

As a result, the treatise focuses on poets from Bazid, with fewer poets mentioned as one moves toward Botan, and none from the Behdinan region. This is despite the fact that Behdinan is particularly rich in classical literature. Poets such as Ramazan Ciziri, Şeyh Şemsedin Kutube Ehlati, and Mela Mansur Girgaşî are absent from the treatise. Similarly, Mir Îmameddin of Hakkari, who had a famous poetic exchange with Melayê Cizîrî, is not mentioned.

Furthermore, Bazîdî's treatise omits significant poets from the late period of the Kurdish principalities, many of whom were his contemporaries or from the preceding generation. These include Weda'i and Mela Haşim Miksi from Miks, Pertew Begê Hekari from Hakkari, Şeyh Ahmed Fakir from Botan, Şeyh Nureddine Birîfkanî and Bekir Beg Erizi from Behdinan, Mela Khalile Sêrtî from Siirt, and Siyahposh from Uşniye. Bazîdî's statement that «no poets remained among the Kurds after Miradhan» suggests that he was unaware of these figures, likely due to the limited dissemination of their works at the time.

It is important to note that Bazîdî aimed to document all Kurdish poets and writers who lived before him, as suggested by the title *Şair û Musennifê di Kurdistanê*. However, the content of the treatise is limited to poets from Ottoman Kurdistan, with no mention of poets from Iranian Kurdistan. In other words, the treatise focuses exclusively on Kurmanji poets, excluding those who wrote in Luri, Gorani, and Sorani. This limitation is understandable given Bazîdî's focus, but it underscores the incomplete nature of his work.

In conclusion, significant progress has been made in the field of Kurdish literary history since the time of Bazîdî and Jaba, particularly in terms of the number of poets and their regional and chronological contexts. Contemporary studies on Kurdish literary history now encompass all dialects of Kurdish, from the pre-Islamic period to the present. Nevertheless, the work of Bazîdî and Jaba remains foundational and commendable for its pioneering role.

This study aims to assess the state of knowledge in Kurdish literary history during the era of Bazîdî and Jaba compared to the contemporary period, providing a comparative analysis and an objective, critical evaluation of their contributions to the field.

Sayim İlyas (Muş Alparslan University, Muş, Turkey)

The First Kurdish Book (1860) ever published for Children

The Kurmanji dialect of Kurdish has an interesting written history as the first books published in this language were printed by minorities rather than the Kurdish people. The Kurdish speaking Armenians preferred to write and read in Kurdish to establish a national identity and they published various books during a long period beginning from 1856 up to 1938 in order to achieve this goal.

One of the books published in Kurdish but through Armenian characters had the title of “Alifbecuz, Kurmancî û Armenî” (The Reading Book in Kurdish and Armenian) and it aimed to teach Armenian children how to read and write both in Kurdish and Armenian. As a text prepared for children it included many pictures, a small glossary and some significant information about the Armenian nation and culture.

Written by Migirdîç Vartabed, the religious leader of Palu, a town in Elazığ Province in modern Turkey, The Alifbecuz covers various topics and has a strong aim to save the Armenian children from the dangers of being illiterate. It includes many drawings/pictures some of which are accompanied by encouraging sentences. The first picture is followed by an enlightening recommendation from the author: “Come, the children of the brave Hayg (the mythologic ancestor of the Armenian nation), let yourselves be evident (do not hide anymore), and enter this new and long awaited garden of the knowledge.” It is clear from such motivating and inciting advices that the author is

determined to open a new phase through a conscious generation who is supposed to embrace and internalize the enlightenment.

The Armenians have long been a subject of Turkish states beginning from the Seljuk dynasty up to Modern Turkey, including the lengthy period of the Ottoman Empire. During this time some Armenians lost their mother tongue Armenian, a rich language which constitutes a separate branch in the Indo-European family. Armenian intellectuals, an inseparable part of which is the religious figures, aimed to regain the Armenian language so as to modernize the Armenian nation under the influence of nationalism. The bilingual textbook had such an aim alongside other national motives.

The author of the book points out his goals and programme as follows:

- This concise primer (elementary book) is prepared especially for those Armenian kids living in Kurdistan who are unable to speak their mother tongue.
- Therefore words and sentences were first presented in the language they understand, namely Kurdish so as to help them acquire ability to comprehend Armenian.
- To make it more entertaining we decorated the books with pictures.
- In short we did all we could in order to make the education and science as pleasant as possible.
- We added a compilation of texts which provide them the necessary information and essentials they should have.
- We hope that our initiative will achieve its goal and encourage us to offer better ones.

The book teaches letters, syllables, words, numbers and sentences and it also includes interesting topics, so as to enhance the reading skills. The chosen reading texts have such titles as: The Printing Press, The Library, The Lord's Prayer, and The Summary of the Armenian History.

Another interesting feature is the glossary which covers a range of words, precisely speaking more than 300 hundred words related with animals, plants and other important words which may be fun and useful for a child to learn. This glossary, though tiny in size, is the first list of words written in the Kurmanji dialect of Kurdish.

The other firsts of this book may be stated as follows: it is the first books to teach history and the first book to include illustrations. The chapter which deals with the Armenian history and the birth of the Armenian nation is more voluminous compared to other chapters and it has a remarkable warning against the word "file" (Christian in Kurdish) used by Kurdish people to define the Armenians. The writer warns the children not to define themselves as "files" but to use the word "Armenian" instead. This and similar points are important to understand and analyze the social background of two adjacent nations, namely the Armenians and Kurds.

Thus, this paper introduces the first textbook written in Armenian letters but read in the Kurmanji dialect of the Kurdish language. It also aims to summarize each chapter of the book which covers quite interesting topics and it finally tries to understand the main motivation and socio-cultural obligations to use the Armenian alphabet for an alien language.

Yamaguchi Akihiko (Sophia University, Tokyo, Japan)

The Evolution of the Concept of Kurdistan during the Safavid Period (1501–1722)

The term “Kurdistan” is commonly understood today to refer to the region inhabited by Kurds, spanning the borderlands of Turkey, Syria, Iraq, and Iran. In Iran, however, it has also historically been used to denote a specific province in the western part of the country. This presentation examines the historical evolution of the concept of Kurdistan during the Safavid period, a time when these dual meanings appear to have solidified, and investigates the changes in its usage as reflected in contemporary documents. Recent research indicates that the term «Kurdistan» first appeared in Persian texts in the early 13th century. Initially, it referred primarily to the region corresponding to present-day Kordestan Province in western Iran, rather than to the broader areas inhabited by Kurdish people. By the early 16th century, however, the term had also come to signify the entire expanse of Kurdish tribal territories.

For instance, Idris Bidlisi, a renowned Kurdish scholar and advisor to Ottoman Sultan Selim I, referred to “all the mountainous regions of Kurdistan, stretching from Amid to Shiraz,” demonstrating an awareness of the extensive distribution of Kurdish tribes from modern-day Diyarbakır to the Zagros Mountains. Similarly, Sharaf Khan Bidlisi, in his monumental work on Kurdish emirates, *Sharaf-name*, explicitly defined “the land of Kurdistan” as extending from Hormuz to Malatya and Marash, further emphasizing the term’s broader geographical scope during this period. Despite this expansion in meaning, the narrower definition of Kurdistan within the Persian-speaking world persisted. From the second half of the 17th century onwards, Persian historical records began to use the term Kurdistan to refer specifically to the territory of the Ardalan emirate, a Kurdish dynasty that ruled over the area around what is now Kordestan Province — an area that roughly corresponds to the region first called Kurdistan in the 13th century. Even after the Ardalan family’s loss of power in the mid-19th century, this understanding of Kurdistan persisted and remains significant in the Iranian context to this day.

Аверьянов Ю. А. (НИУ ВШЭ, Москва)

Религиозные тексты течения Йаресан (Ахл-е Хакк) в Иранском Курдистане

В течение ряда веков духовные тексты своеобразного религиозного течения Йаресан («Друзья Божии»), которое одни авторы признают самостоятельной синкретической религией, а другие считают ответвлением крайнего шиизма (*гулат*) и рассматривают как шиитскую секту, передавались только из уст в уста и не записывались. Течение Йаресан в целом или одно из его подразделений в Иране носит также наименование Ахл-е Хакк («Люди Истины»). Его адепты составляют

значительную часть населения в области Хавраман и в окрестностях города Керманшах. В Ираке представители близкого к Йаресан религиозного направления известны как *какаи* и проживают в районах Гермиян, Гуран и Бехдинан.

Реформатором религии Йаресан выступил Хадж Нематоллах Мокри Джейхунабади (1871–1920), переложивший ряд текстов, составляющих наследие традиции Йаресан, на персидский язык и давший начало новому направлению внутри Йаресан, известному под названием Али илахи. Большая часть сакральных текстов Йаресан создавалась на южнокурдском языке горани (гурани). Это касается, в первую очередь, ядра духовной литературы Йаресан — «речений из Пердивара» (*Пердивари калам*). Пердивар — место, в котором в XV в. поселился основатель течения Йаресан Султан Сохак со своими первоначальными последователями, ставшими основоположниками различных духовных династий (*хандан*) и соответствующих ответвлений внутри Йаресан. Часть духовных стихов составлялась также на курдском диалекте джафи и на азербайджанском тюрки.

В. Ф. Минорский обнаружил в свое время сборник, который он называл «Кетаб-е Саранджам», переписанный в 1843 г. в местности неподалеку от Тегерана, где гораниязычные члены общины Йаресан не проживали. В. А. Иванов также основывался в своих исследованиях на тексте «Тазкере-йе Ала», происходящем из среды тюркоязычных последователей Йаресан, переселенцев, проживавших в Варамине (близ Тегерана), и на «посланиях» (*писале*) дервишей братства Хаксари, тесно связанного с Йаресан, но все же представляющего собой самостоятельное духовное объединение (шиитского вероисповедания). Мохаммад Мокри, сам не являвшийся членом какой-либо общины Йаресан, опубликовал ряд текстов, относящихся к их наследию, сделав их переводы на французский язык. Жан Дюринг изучал музыкальную культуру Йаресан, опираясь прежде всего на свои связи с последователями Джейхунабади и его сына Нур Али Элахи (1895–1974).

С начала 1990-х годов традицию Йаресан, происходящую собственно из региона Гуран, изучают М. ван Бруинессен, Ф. Крейенбрук, З. Мир-Хосейни, П. Хушмандрад и другие исследователи. В 1973 г. С. К. Никнежад опубликовал в Тегеране духовные гимны течения Йаресан на тюркском (азербайджанском) языке («Каламат-е торки»). В настоящее время духовные гимны-каламы на горани также стали публиковаться, в основном на базе сохранившихся в различных духовных центрах Йаресан рукописей (относительно новых по времени их создания).

Мистическая традиция Йаресан передавалась из поколения в поколение в семьях духовных вождей (*саййед*) этого сообщества и среди особых категорий «визионеров» (*дидедар*). Тексты записывались образованными членами общин (*дафтардан*) и распевались во время духовных собраний (*джам*) одаренными певцами и музыкантами (*каламхван*). Содержание каламов само по себе может быть непонятным для постороннего слушателя, не погруженного глубоко в легендарное и мифологическое по сути устное творчество Йаресан. На собраниях распеваются не все каламы целиком, но лишь их небольшие отрывки (*назм*).

У Йаресан отсутствует особая профессиональная группа людей, призванная запоминать и воспроизводить священные тексты. Тем не менее переписывание священных текстов считалось благородным делом и находилось в руках благочестивых дервишей. На сборниках каламов приносили клятвы, считавшиеся очень сильными. Религиозные гимны (*хаккани*), восходящие к изначальному сообществу Пердивара, поются в особой возвышенной манере под аккомпанемент струнного музыкального инструмента — танбура.

В ряде каламов чувствуется духовное влияние суфизма и их образность испытала воздействие шиитских символов. Сюжетная канва тех или иных каламов достаточно разнообразна: появление на Земле Сорока священных персон (*Чехель Тан*) и их реинкарнации в различные эпохи (*довре*) и в разных героических личностях (включая Джамшида, Кейкавуса, Рустама и других героев эпоса «Шах-наме») (*Чехель Тан*); путешествие Пира Бенъямина, несшего на плече старый коврик, в Египет и чудесное спасение корабля на Ниле во время бури (*Гелим ва Кул*); принесение в жертву Баба Йадегаром «желтой газели» (*Калле Зарде*); противостояние Султана Сахака и суннитского богослова Абедина Джафа, который затем сам «пробудился» и стал «видящим» в сообществе Йаресан (*Абедин Джаф*); деление «сыновей» Султана Сахака на чисто духовные сущности (*Хафт Тан*) и земных, материальных его потомков (*Хафтаване*) и воплощение Бога в нашем мире (*Дамйари*); смена различных периодов и разных манифестаций религии (идолопоклонство, шариат, *хакикат*) (*Баргах баргах*); наставления для «верных» и советы об удалении от зла (*Довре-йе Шейх-Хамуш*).

К каламам из цикла Пердивара примыкают сочинения (дафтары) 34 тюркских поэтов и 36 поэтов общины Йаресан из окружения знаменитого наставника XIX в. Саййеда Браке, содержащие более понятные для широкой массы толкования тех положений (например, о реинкарнации), о которых сами каламы Пердивара говорят в мистической и сокровенной манере. Язык этих произведений значительно проще и доступнее. «Прорицания» Хана Алмаса, Ильбеги Джафа, Оджака Кальхори также примыкают к этому корпусу религиозных текстов, но не признаются вдохновенными свыше. Преимущественным сакральным временем для рецитации каламов считаются у Йаресан период их особого поста, называемого Хаванкар или Марноу.

Айрапетян Р. Л. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

Курды в национальной политике Азербайджана в 1920–1930-х гг.

Советизация Азербайджана началась в конце апреля 1920 г. и осуществлялась посредством договоров между большевиками и отдельными представителями армии и правительства Азербайджанской Демократической Республики. 8 мая 1920 г. РСФСР признала независимость Советской Республики Азербайджан, подчеркивая ее освобождение от «империалистического влияния». Перед боль-

шевиками стояла задача остановить вражду между крупными народами Кавказа — грузинами, армянами и азербайджанцами, добиться лояльности местного населения при том, что за прошедшие 20 лет до них эта территория пережила всплеск идей и идеологий, а также череду государств и правительств, сменявших друг друга¹. Также большевики стремились обрести поддержку «народных масс». В своей программе они декларировали приверженность принципу права народов на самоопределение. Таким образом, они хотели, чтобы обретение их сторонниками власти в республиках выглядело как освобождение, а не захват. Однако из этого принципа исходит другая проблема — определение границ.

В 1920-е гг. Азербайджан имел конфликты с соседними странами из-за определения принадлежности территорий. Одним из самых ожесточенных столкновений как в военном, так и в политическом отношении стал Карабах. Основная проблема заключалась в том, что места проживания населения региона — армян, азербайджанцев и курдов нельзя было назвать компактным. Так, на протяжении первых лет советского правления не утихали партийные дискуссии относительно прав на включение в состав своей республики данного региона.

К середине 1923 г. были приняты важные решения в сфере административно-территориального устройства. К тому времени у большевиков имелись представления о составе населения Карабахского региона. Было очевидно, что армяне являются абсолютным большинством в нагорной части, когда тюрки являются таковым на равнине, а курды на западе Карабаха. В связи с этим, было принято разделить регион на НКАО и прилегающие к нему Агдамский, Джебраильский и Курдистанский районы. Курдистанский район, известный также как Курдистанский уезд, или Красный Курдистан, был образован 16 июля 1923 г. из Кельбаджарского, Лачинского, Зангеланского и Кубадлинского районов. В силу малой заселенности данных районов, административный центр несколько раз менялся, пока в 1924 г. им не стал Лачин².

Большевики понимали, что в партийные структуры национальных республик необходимо привлекать кадры среди местного населения. В связи с отсутствием таковых было решено проводить политику нацистроительства с дальнейшей коренизацией, заключавшейся как раз таки в обеспечении партии кадрами из числа местных жителей. Среди малых народов Азербайджана встречалась тюркофония. Многие сознательно ставили тюркский язык выше своего ввиду его общего обихода. Так, в период национального строительства многие талыши и таты предпочитали отдавать детей в школу на тюркском языке, чтобы у тех в дальнейшем были перспективы. Ситуация с курдами была схожей, за тем исключением, что доля курдов, владеющих курдским языком, была невелика. Большинство из них являлись мусульманами-шиитами, говорившими на азербайджанском языке. Фактор

¹ Веселов В. Большевики в Азербайджане (конец апреля — начало июня 1920 года). М.: Родина, 2021. 192 с.; Quliev C. Azərbaycan tarixi. Yeddi cildə. VI cild (aprel 1920 — iyun 1941). Bakı: "Elm". 2008. 568 səh.

² Победоносцева-Кая А. О. Культурная революция среди закавказских курдов: межреспубликанское соперничество в советской национальной политике // *История повседневности*. 2023. № 3. С. 47–71.

единой веры, языка и кочевого образа жизни способствовал ассимиляции курдов.

Не менее важной причиной отсутствия противодействия языковой ассимиляции среди малых народов — нехватка кадров в школах на родном языке, учебных материалов, а также самих школ. Таким образом, обучение на тюркском гарантировало получение необходимых навыков. Для продолжения обучения существовали специализированные учреждения, в которых нацменьшинства в ходе усвоения программы курса получали знания, которые они должны были распространять в своей республике. Центральные советские органы уделяли внимание прежде всего крупным народам, которые станут титульными в определенных ими республиках. Для национальных меньшинств республик создавались учебные заведения на территориях самих республик в местах их компактного проживания. Так, возглавить проведение нациестроительства для курдов, проживавших в Закавказье, стремились АзССР и АрССР.

Итогом борьбы республик стало то, что специализированные учреждения для курдов создавались на территории всех трех закавказских республик. Не изменила борьба и расклад в административно-территориальном урегулировании республик, курды все так же продолжали жить в АзССР. В дальнейшем они ассимилировались с титульной нацией в силу разных обстоятельств. Безусловно, факторами, оказавшими влияние на этот процесс, стали тюркоязычность абсолютного большинства курдов, а также отсутствие достаточного количества кадров и необходимых условий для развития курдского.

В 1929 г. в результате административно-территориальной реформы количество районов Азербайджана было резко сокращено, а Курдистанский уезд упразднен. Во времена репрессий, когда программа поддержки и развития национальных культур (школы, литература) стала резко сокращаться, часть курдов, как и представители многих народов СССР, из-за мнения о неблагонадежности были сосланы на территорию Средней Азии.

Тем не менее пример курдов приводится историком А. Букшпаном как пример положительного воздействия национальной политики большевиков на малые народы¹. В то время как на Ближнем Востоке курды не получили такой же поддержки в развитии своей культуры².

Ализаде Д. (ИСАА МГУ, Москва)

Нахождение Восточного Курдистана под османской оккупацией в 1905–1912 гг. в донесениях российских дипломатов

Со времен Чалдыранской битвы, произошедшей в 1514 г. между войсками османского султана Селима I и персидского шаха Исмаила Сефевидского, которая

¹ Букшпан А. Азербайджанские курды. Лачин, Кельбаджары, Нахкрай (Заметки). Баку: Азерб. гос. науч.-иссл. ин-т., 1932. 94 с.

² McDowall D. A modern history of the Kurds. London: I. B. Tauris, 2004. 536 p.

предопределила разделенность Курдистана между Османской империей и Персией, две восточные державы вели длительную и ожесточенную борьбу за приграничные территории. Однако осуществление контроля над этими территориями, населенными различными по своей этнической и религиозной принадлежности народами, было трудновыполнимой задачей, так как данные народы постоянно бросали вызов авторитету обеих держав, которые, в свою очередь, отказывались признавать суверенитет друг друга.

Многогранность отношений рельефно отобразилась в донесениях российских дипломатов. Основная цель данного исследования — определить, каким образом действия Порты на оккупированных территориях Персии изображались в донесениях российских дипломатов первой четверти XX столетия, а если быть точнее — в годы Конституционной революции в Персии.

Исследование строилось преимущественно на изучении опубликованных документов. Оно сформировалось в процессе изучения широкого круга источников, которые были выявлены во время работы. Весь обширный комплекс использованных при изучении данной проблемы документальных источников можно разделить на следующие две группы: архивные дела из фонда № 2000 (Главное управление Генерального штаба) Российского государственного военно-исторического архива¹; архивные дела из фонда № 560 (Общая канцелярия министра финансов)² и фонда № 565 (Департамент Государственного казначейства) Российского государственного исторического архива³.

История национальной и религиозной политики Порты получила весьма широкое освещение в отечественной и зарубежной историографии. Среди ученых,

¹ Доклады по ГУГШ, сводки сведений и донесения штабов Азербайджанского в Ардебильского отрядов и русских консульств в Северо-Западном Азербайджане о внутривосточном положении в Персии, о численности населения и положения курдов и других персидских племен; о географическом положении, торговом в политическом значении Персидского залива; о русско-персидской торговле и русских консулах в Персии, о численности и дислокации турецких войск в Ванском вилайете и Муше; ведомости сбора податей бельгийцами с персидских племен // РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 7701.

Донесения русского посла и консулов в Персии о внутривосточном положении в стране и турецко-персидском пограничном конфликте // РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 7698.

Материалы о политическом положении в районе спорной полосы между Турцией и Персией и Персидском Азербайджане, о мерах турецких властей по закреплению за собой Урмийского района, дислокации турецких войск в Урмии, об отношении персов к русским солдатам, о столкновении русского и турецкого отрядов в Урмии // РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 7722.

Совместный отчет русского делегата Минорского и великобританского делегата Шиплей о положении на турецко-персидской границе // РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 7719.

² Общая канцелярия министра финансов. О событиях на турецко-персидской границе. (Переход турецких полков через границу, захват персидской территории, выступление персидских курдов и их грабежи и разбои, меры дипломатического давления России и Англии для разрешения турецко-персидского конфликта, образование турецко-персидской разграничительной комиссии и прочее) // РГИА. Ф. 560. Оп. 28. Д. 403.

³ Департамент Государственного казначейства Министерства финансов. О расходе по урегулированию турецко-персидской границы // РГИА. Ф. 565. Оп. 4. Д. 17058.

занимавшихся изучением данной проблематики, можно назвать Т. Ф. Аристову¹, К. В. Вертяева², Э. Ю. Гасанова³, Дж. Джалиле⁴, Х. Абоона⁵, М. Атмаджа⁶, Х. Бозарслана⁷, Б. Г. Мартин⁸ и других авторов⁹. Тем не менее анализ существующей научной литературы свидетельствует о том, что тема, затронутая в нашем исследовании, не заслужила должного внимания, что делает необходимым проведение работ в этом направлении. Более того, различные виды источников до сих пор не опубликованы, что актуализирует изучение истории Восточного Курдистана в начале XX в. Особую важность эта тема приобретает в связи с продолжением нахождения под контролем Турции целого ряда населенных курдами районов Сирии и Ирака.

Несмотря на отсутствие полноценного конфликта между Портой и Персией, обманутое со стороны новых хозяев региона крестьянство должно было жить в условиях, соответствующих военному времени — облагаться наряду со старыми новыми налогами и привлекаться к различного рода принудительным работам. Анализ архивных и опубликованных документов позволяет отчетливо проследить, как стремление Османской империи воспользоваться слабостью своего восточного соседа — Персии, сотрясаемой революционными событиями, с целью аннексии ее северо-западных территорий не привело к пересмотру Портой политики административного, национального и религиозного характера. Иными словами, действия оккупантов в значительной мере повторяли политику региональных властей Османской империи по отношению к подданным султана как во времена «зулюма», так и в период правления младотурок, тем самым превращая вывод османской армии из Восточного Курдистана в вопрос времени.

¹ Аристова Т. Ф. Материальная культура курдов XIX — первой половине XX в. Проблема традиционной культурной общности. М., 1990. 228 с.

² Вертяев К. В., Иванов С. М. Курдский национализм: история и современность М.: ЛЕНАНД, 2015.

³ Гасанова Э. Ю. Идеология буржуазного национализма в Турции в период младотурок. (1908–1914 гг.). Баку: Издательство Академии наук Азербайджанской ССР, 1966.

⁴ Джалиле Дж. Из истории общественно-политической жизни курдов в конце XIX — начале XX в. М.: Наука, 1997.

⁵ Aboona H. Assyrians, Kurds and Ottomans. Intercommunal Relations on the Periphery of the Ottoman Empire. Cambridge: Cambridge University Press, 2008.

⁶ Atmaca M. Three Stages of Political Transformation in the 19th century Ottoman Kurdistan // *Anatoli*. 2017. № 8. P. 43–57.

⁷ Bozarslan H. An overview of Kurdistan of the 19th century // *Routledge Handbook on the Kurds*. Routledge, 2018. P. 48–59.

⁸ Martin B. G. German-Persian Diplomatic Relations, 1873–1912. 's-Gravenhage: Mouton, 1959.

⁹ Иванов М. С. Иранская революция 1905–1911. М.: Изд-во ИМО, 1957.; Лазарев М. С. Курдский вопрос (1891–1917). М.: Наука, 1972. 472 с.; Фадеева И. Л. Официальные доктрины в идеологии и политике Османской империи. (Османизм–панисламизм). XIX — начало XX в. М.: Главная редакция восточной литературы, 1985; Ates S. The Ottoman-Iranian Borderlands: Making a Boundary, 1843–1914. Cambridge: Cambridge University Press, 2013. 366 p.

Арушанян А. А. (Ереванский государственный университет, Ереван)

Традиционная музыка и сохранение культуры: роль танбура в идентичности общины *ахл-е хакк*

Ахл-е Хакк (также известные как яресан) представляют собой уникальное религиозное меньшинство, чья история и традиции неразрывно связаны с Западным Ираном и Иракским Курдистаном. Эта община, возникшая в XIV в., развила сложную систему религиозных практик, где музыка, особенно исполняемая на танбуре, играет центральную роль в сохранении и передаче духовных знаний. Яресан следуют синкретической вере, сочетающей элементы исламского мистицизма с древними иранскими религиозными традициями. Их верования основаны на концепции циклического проявления божественной сущности в человеческой форме, что отражается в их религиозных церемониях и музыкальных практиках. Община организована в традиционные духовные линии (ханданы), через которые передаются не только религиозные знания, но и музыкальные традиции. Особое значение в их практиках имеют коллективные собрания (джам), где исполнение священной музыки на танбуре служит средством духовного выражения и сохранения культурной идентичности. В условиях современных вызовов и давления со стороны доминирующих религиозных групп музыкальная традиция яресан продолжает играть ключевую роль в поддержании их культурной автономии и религиозной самобытности.

Танбур, священный струнный инструмент, занимающий центральное место в религиозных и культурных практиках иранской общины яресан (*ахл-е хакк*), представляет собой гораздо больше, чем просто музыкальный артефакт. Данное исследование рассматривает многогранную роль танбура в сохранении, передаче и воплощении культурной идентичности и религиозных знаний яресан. Здесь будет показано, как этот инструмент одновременно функционирует как физический объект почитания, символ божественного присутствия и важнейшее средство передачи религиозных текстов, культурных практик и социальной памяти между поколениями.

В основе музыкальной традиции яресан лежат назмы — структурированные музыкальные единицы, которые включают в себя сложные пласты религиозных и культурных знаний. Эти назмы служат хранилищами не только мелодических и ритмических образов, но и священных текстов, правил исполнения, ритуальных предписаний и общинных ценностей. Детальный анализ традиционных методов передачи, особенно подхода *sina wa sina* (от груди к груди), показывает, как музыкальные знания передаются через сложную сеть устных и письменных практик, которые сохраняют целостность традиции. Каждая из трех категорий традиционных назмов — 1) групповые священные; 2) сольные священные; 3) сольные не религиозные — выполняют определенные религиозные и социальные функции, внося вклад в комплексную систему сохранения культуры. В докладе рассмат-

ривается, как эти музыкальные формы интегрируются в различные контексты, от формальных религиозных церемоний до светских собраний, создавая множественные слои культурного взаимодействия и передачи.

Отдельным важным пунктом является неразрывная связь между инструментальной и вокальной традициями танбура, когда музыкальное исполнение служит средством как сохранения текста, так и духовного выражения. Эта интеграция обеспечивает выживание не только музыкальной традиции, но и религиозных текстов и учений, заключенных в ней.

Также рассматриваются современные вызовы и адаптации внутри традиции, анализируя, как община сохраняет свою культурную целостность, отвечая на модернизацию. Это включает анализ новых методов передачи через музыкальные академии, влияния технологий записи и роли формальных концертов в сохранении и продвижении традиции.

Особое значение имеет роль танбура в поддержании сплоченности общины и идентичности перед лицом социального давления. Обсуждается, как музыкальная практика создает пространства для общинного опыта и коллективной памяти, укрепляя социальные связи и религиозное понимание через совместное участие в музыкальных событиях. В докладе рассматривается, как традиционные музыкальные инструменты и практики могут служить средствами поддержания культурной идентичности меньшинств и религиозных знаний в современных контекстах. Кроме того, обсуждаются сложные взаимоотношения между музыкальной практикой, религиозной традицией и сохранением культуры что важно для понимания подобных процессов в общинах других меньшинств по всему миру. Устойчивость традиционных музыкальных практик зависит не только от сохранения музыкальных знаний, но и от поддержания социальных и религиозных контекстов, которые придают этим практикам смысл и цель.

В заключение можно утверждать, что традиция танбура представляет собой сложную систему сохранения культуры, которая выходит далеко за рамки простого музыкального исполнения. Она воплощает комплексную сеть религиозных знаний, социальных практик и культурных ценностей, которые совместно работают для поддержания самобытной идентичности общины яресан в условиях растущей глобализации мира.

Вафина М. Р. (УрФУ, Екатеринбург)

Юмор как инструмент политического дискурса на примере журнала на курдском языке «Golik»

Политическая карикатура является одним из немногих источников информации, позволяющих обеспечить одновременное воздействие сразу на несколько каналов

восприятия реципиента информации, являясь мультимодальным дискурсивным элементом политического дискурса. Отличительными чертами политической карикатуры являются также образность и экспрессивность подачи посыла, «злободневность» и возможность передавать сообщения «между строк», что особо актуально с учетом состояния политической карикатуры как жанра после попытки государственного переворота 15 июля 2016 г. в Турции — большинство карикатурных журналов было закрыто, а многие карикатуристы находились под следствием.

В рамках данного исследования в качестве источника автором был выбран единственный в своем роде на настоящий момент юмористический журнал на курдском языке «*Golik*» (курд. теленок), который был впервые выпущен в 2012 г. по инициативе группы политических заключенных из колонии строгого режима в г. Болу и в дальнейшем продолжил издаваться в условиях, когда большинство авторов находились в местах заключения в разных точках Турции. Несмотря на то, что в журнале представлены и текстовый, и графический формат публикаций, количественное преимущество остается за жанром политической карикатуры. Это связано с тем, что все материалы, созданные политическими заключенными, подвергались тщательному контролю, поэтому даже в случае с карикатурами процесс создания состоял из нескольких этапов: сначала карикатурист передавал сам рисунок с пустым пространством для подписей, а сами диалоги заполнялись редактором журнала уже после, исходя из переданных карикатуристами указаний. Другой характерной особенностью карикатур в журнале стало и то, что полученные во время контроля в колониях печати о проверке «*Görülmüştür*» (тур. «просмотрено») зачастую ставились на самом видном месте, поэтому итоговые рисунки сохраняли следы географии рассредоточения авторов журнала по турецким местам заключения, а сама формулировка «просмотрено» впоследствии стала одним из символов журнала и сопротивления курдского национального движения имеющемуся политическому давлению с использованием юмора как инструмента для формирования политического дискурса.

В ходе работы с материалами журнала «*Golik*» была произведена попытка отбора и анализа карикатур методом мультимодального дискурс-анализа по своему посылу и выполняемой в политическом дискурсе функции с целью дальнейшего их распределения на соответствующие категории. На настоящий момент было обработано 9 номеров журнала за период с 2014 по 2023 г., что объясняется сравнительной труднодоступностью издания и малым тиражом выпусков, однако в дальнейшем планируется восполнение пробелов в случае получения доступа к архивным материалам и обнаружения недостающих экземпляров.

Автор приходит к выводу о том, что журнал является источником ценной информации, необходимой для более глубокого понимания политических процессов в Турции и на Ближнем Востоке в целом через призму курдского национального движения. Любопытными с точки зрения анализа представляются не только наполнение, но и сама история создания и выпуска данного журнала, а также то, какой отклик творчество авторов нашло в турецком обществе в период публикации этого сатирического журнала.

*Жигульская Д. В. (РГГУ, Москва),
Кудрявцева А. Ю. (МАН РАН, Санкт-Петербург)*

Езидизм в художественной литературе Турции

Доклад выполнен в парадигме этнографического литературоведения и впервые рассматривает турецкие художественные тексты как особый историко-этнографический источник по езидизму.

Вполне естественно, что реальность любого литературного произведения видоизменяется в зависимости от задач художественной школы или направления, к которому принадлежит его автор, от особенностей его биографии, среды, круга общения и т. д. Вместе с тем художественное сочинение отражает ключевые тенденции и умонастроения, бытующие в обществе. Задача исследователя во время работы с текстом — выявить типическое через особенное, отметить характерные черты интересующей его сферы жизни. Представляется, что художественная реконструкция социальных реалий, осуществленная в литературных произведениях, может во многом дополнить знания историков о конкретных исторических событиях, явлениях и личностях.

Езидизм — древнейшая ближневосточная религия, последователи которой заселяли горные районы в пограничье современных Турции, Сирии и Ирака, а их культура и язык самым тесным образом связаны с курдским этносом. Традиционно езиды вели закрытый образ жизни и подвергались многочисленным гонениям со стороны доминирующего большинства. Об их верованиях и обычаях мало известно широкому кругу читателей. Поэтому обращение к текстам турецкой литературы на езидскую тематику видится особенно перспективным.

В основе работы лежат три художественных произведения: роман Рефика Халида Карая (1888–1965) «Дочь Езида», пьеса Муратхана Мунгана (родился в 1955 г.) «Махмуд и Езида» и исторический роман Зюльфы Ливанели (родился в 1946 г.) «Непокой», описывающий жестокую резню езидов исламскими террористами на Ближнем Востоке — трагические события, начавшиеся чуть более 10 лет назад. В докладе приводится востоковедческий анализ особенно примечательных сюжетов, выявляются общие и частные черты турецкой литературы о езидах.

Авторы доклада приходят к выводу о том, что тема езидизма в турецкой литературе — не новая, первое упоминание о езидах относится к концу 30-х гг. прошлого века. В целом для произведений характерно сочувствующее звучание. В них подвергаются критике предубеждения в адрес езидов, все еще широко распространенные в турецкой среде. Делается попытка обелить последователей езидизма, слышится призыв к мирному сосуществованию. Таким образом, можно говорить о стабильной положительной динамике изображения езидов в турецкой литературе. В заключении доклада подчеркивается важность использования всего спектра имеющихся научных, документальных и художественных источников, а также прямого взаимодействия со средой при осуществлении исследований по этнорелигиозной проблематике. Это позволит достичь более объективных результатов.

*Кирпиченко А. И. (Центральная городская публичная библиотека
им. В. В. Маяковского, Санкт-Петербург)*

Военно-политическое взаимодействие Израиля с сирийскими курдами в 2011–2024 гг.

Еще до основания Государства Израиль многие сторонники сионизма проявляли интерес к курдскому национальному движению. В нем они видели естественного союзника против правительств соседних арабских государств. После 1948 г. израильские политики и спецслужбы на протяжении десятилетий поддерживали тайные связи с курдскими активистами. Во второй половине 1960-х–начале 1970-х гг. между государством Израиль и курдским повстанческим движением в Ираке возник фактический военный союз, направленный против режима в Багдаде.

Негласные отношения между Государством Израиль и различными курдскими группировками на Ближнем Востоке существуют и по сей день, о чем прекрасно осведомлены все ведущие политические силы региона. Курдская община в Сирии в численном отношении значительно уступает количеству курдов в Ираке, Турции и Иране. До начала гражданской войны ее численность не превышала 2 миллионов человек, что составляло 10 % населения Сирии. Таким образом, чисто по демографическим причинам эта община не может приобрести политический и военный статус, сравнимый с положением курдов в Ираке, где последние при поддержке стран Запада добились широкой автономии в стратегически важных нефтеносных районах.

Как отмечают западные и израильские исследователи, в гражданской войне в Сирии курды стали заложниками борьбы различных политических сил и наиболее насущной для них стала проблема физического выживания. Поэтому израильтяне не видели в сирийских курдах важного союзника, подобно курдам Ирака.

С началом гражданской войны в Сирии в 2011 году в прессе неоднократно появлялись публикации о гуманитарной помощи, которую Израиль оказывает курдам на севере Сирии. В октябре 2019 года на фоне начала турецкой военной операции на северо-востоке Сирии «Источник мира» премьер-министр Израиля Биньямин Нетаньяху публично выступил с речью, в которой он осудил турецкое наступление, возможные этнические чистки, а также сказал, что «Израиль приложит все силы, чтобы оказать гуманитарную помощь храброму курдскому народу». Однако, по мнению экспертов, эти слова являли собой не более чем обычную пикировку между турецким и израильским лидерами, происходящую в последние годы.

Стремительное крушение режима Башара Асада в декабре 2024 г. стало неожиданностью и для израильского руководства, которые было вынуждено реагировать на новые вызовы, связанные в том числе и с курдским вопросом. По мнению экспертов Тель-Авивского университета, на данный момент перед Израилем стоят три проблемы, относящиеся к курдским регионам Сирии.

Первая из них — это присутствие войск США, которые дислоцированы там под предлогом борьбы с силами ИГИЛ (запрещено в РФ) и защиты курдского

населения с 2016 г. Новый президент Дональд Трамп уже заявлял о своих планах вывода американских войск из Сирии, что противоречит израильским интересам, уменьшает шансы курдов на политическое выживание и, возможно, заставит Израиль увеличить свою помощь курдам.

Вторая проблема — это отношения Израиля с Турцией, которая после падения Асада становится доминирующей державой в Сирии. Любая помощь курдам может быть расценена Анкарой как вызов турецким интересам.

Третий вопрос, на который надо ответить израильским политикам, с какой из курдских группировок, действующих в Сирии, им следует выстраивать отношения. Израиль традиционно поддерживает Демократическую партию Курдистана на севере Ирака, у которой напряженные отношения с организациями сирийских курдов.

При этом надо учитывать, что основные интересы Израиля в Сирии лежат на юге, за пределами регионов, населенных курдами. В последние месяцы ряд курдских лидеров в Сирии обратились к Израилю с просьбой о поддержке. Одновременно с этим в израильской прессе, где традиционно сильны прокурдские настроения, ведется кампания, призывающая правительство оказать более значительную помощь сирийским курдам.

Лявданский А. К. (НИУ ВШЭ, Москва)

Ассирийско-курдские паремиологические параллели

В докладе рассматривается несколько пар ассирийских и курдских пословиц, в которых обнаруживаются семантические и структурно-синтаксические сходства. Основным источником для ассирийских пословиц служит хрестоматия по литературе, составленная Константином Марогуловым (1935 г.) для ассирийских школ, а также публикации ассирийских пословиц Бенямина Арсаниса как на ассирийском, так и на русском языках. Помимо письменных источников в подготовке доклада был использован устный материал, записанный автором от одного из носителей ассирийского языка (новоарамейский идиом нудез-ван)¹.

Хрестоматия Марогулова, в частности ее раздел *Məsəli* («Пословицы»), никогда ранее не рассматривалась как источник ассирийских пословиц, она вводится впервые в научный оборот. При подготовке доклада был сделан перевод на русский язык всего этого раздела, в тексте были выделены и пронумерованы 43 паремиологические единицы. На выбор пословиц при подготовке этого материала хрестоматии могло отчасти повлиять то, что отец Константина Марогулова, Исаак Марогулов, был видным курдологом, поэтому можно ожидать, что часть примеров пословиц переведены непосредственно с курдского языка. Немаловажно, что автор

¹ Marogulov Q. I. Xrestomatija d saprajuta. Ktəvə d massalla hajjərana qə dərsi d lişənə jimməja u d saprajuta go mǝdrəsə mǝsseta [Хрестоматия по литературе. Пособие для уроков родного языка и литературы в средней школе.]. М., Ucpedgiz, 1935.

хрестоматии, приводя примеры пословиц на разные темы, выделяет специальный раздел из девяти пословиц (№ 35–43), которые имеют хождение среди ассирийцев (*suraji*). Таким образом, остальные пословицы в его подборке (№ 1–34) можно предположительно считать интернациональными.

Курдские пословицы взяты в основном из сборника, составленного О. Джакилом и Дж. Джакилом¹, и из некоторых других источников². Работа шла в двух основных направлениях. Во-первых, поиски вариантов соответствующих пословиц по опубликованным сборникам ассирийских и курдских пословиц. Во-вторых, поиски более широких параллелей, выходящих за пределы ассирийско-курдского культурного взаимодействия. Цель этого поиска — выяснить, какова география обнаруженных параллелей. Теоретически здесь может быть несколько возможностей: ассирийско-курдские параллели могут репрезентировать универсальные, континентальные (например, Евразия) или региональные типы.

Одна из интересных находок — серия курдских пословиц, связанных с темой «на долю известных людей выпадают трудности» (ДД 756. *Xwedê ç 'iya dibîne berf ser datîne*. Бог гору видит, снегом ее покрывает; ДД 1910. *Xuwa ta kêw nebîne, befrî tê nakat*. Пока бог гору не увидит, снега на нее не навалит; ДД 89. *Berf li ç 'îyan dibare*. Снег на горы выпадает.). Эта необычная для европейских паремий серия имеет две параллели в подборке К. Марогулова; одна — среди межнациональных пословиц (М 26. *Ələhə al ʔura ki gəşiq, kipi ki marr*ъ. Бог на гору смотрит, дождем из камней ее поливает), другая — среди ассирийских пословиц (М 40. *B adarê təlgi ki ətij v gawar*ъ. Весной снег падает на великих.).

Два важнейших итога проведенного исследования. Во-первых, некоторые пословицы, приводимые К. Марогуловым в «международном» разделе, могут с большой вероятностью рассматриваться как источники курдских пословиц, будучи переведены с курдского языка. Во-вторых, обнаруженные курдские параллели в ряде случаев позволяют найти путь к интерпретации ассирийских пословиц и заставляют задуматься о более широкой географической дистрибуции данных паремий.

Россейкина М. В. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

Курдский фактор и пограничный вопрос между Россией, Персией и Турцией (середина XIX — 1917 г.)

С XVI в. можно говорить о возникновении «пограничного вопроса» между Сефевидским Ираном и Османской Турцией. На протяжении последующих

¹ Джакил О., Джакил Дж. Курдские пословицы и поговорки. М., 1972.

² Lescot R. Textes kurdes. Vol. 1. Paris, 1940; MacKenzie, D. N. Kurdish dialect studies. Cambridge, 1961; Юсупова З. А. Южнокурдские фольклорные тексты (транскрипции, перевод, примечания). СПб., 2004.

столетий обе стороны пытались пересмотреть границу в свою пользу, затрагивая тем самым и курдский вопрос. Исторически курды, проживающие в этногеографической области Курдистан, населяли приграничные территории двух империй — соперников в борьбе за первенство в мусульманском мире. После того как в 1514 г. произошло Чалдыранское сражение, Курдистан был официально разделен, и курдские племена оказались по обе стороны границы. В правление Сефи I между Персией и Османской империей был заключен Касри-Ширинский (Зухабский) мирный договор 1639 г., согласно которому Персия, проигравшая в войне 1623–1639 гг., несла значительные территориальные потери, а разделение области проживания курдов между двумя державами было повторно закреплено.

В 1823 г. между Персией и Османской империей был заключен Эрзерумский трактат, утверждавший границы 1639 г., стороны обязались не нарушать границ и не вмешиваться во внутренние дела друг друга. В 1837 г. Мохаммед-шах осадил Герат, и руководство Османской империи сочло это хорошей возможностью пересмотреть границу. В качестве посредников в конфликте выступили Англия и Россия. Все стороны договорились об открытии Эрзерумской конференции в январе 1843 г. для принятия решений по спорным вопросам разграничения.

В состав комиссии вошли мирза Таги-хан Фарахани, представлявший интересы Персии, Анвар-Эфенди — Османской империи, полковник Вильямс и Р. Керзон — Британской империи, полковник О. Дайнезе — Российской империи, работа продолжалась до 1847 г. По итогам конференции был подписан Эрзерумский договор, по которому Персия отказывалась от притязаний на Сулейманию и западную часть Зухаба, а Турция — от Мохаммеры (Хорремшахр), левой стороны Шатт-эль-Араба и о-ва Хезр. Стороны обязались не нарушать прав подданных друг друга, живущих на чужой территории, не препятствовать торговле, удерживать курдские племена от набегов, держать войска в оговоренных пунктах по границе.

Также утверждалось создание специальной комиссии по разграничению, на чем настояли Российская и Британская империи, преследовавшие свои интересы: из Персии открывались пути в Закавказье, Центральную Азию и к Персидскому заливу, что позволяло империям не только наладить новые рынки сбыта товаров собственного производства, но и усилить политическое влияние в регионе. Для России вопрос османо-персидской границы был тесно связан с безопасностью на границах империи, а для Британии гарантировал стабильность позиций в регионе. Первая комиссия 1849–1852 гг. не смогла решить пограничный вопрос, поскольку интересы Турции и Персии не были приняты во внимание эмиссарами двух европейских держав в достаточной мере. Однако в ходе работы первой комиссии российским комиссаром-посредником Е. И. Чириковым были составлены 96 планов местности от Карса до побережья Персидского залива с комментариями и пояснениями.

К вопросу о пересмотре границы стороны вернулись в 1874 г. Вторая комиссия также не привела к каким-либо существенным результатам. Несговорчивость эмиссара Дервиш-паши, который представлял интересы Османской империи и настаивал на возвращении к границам 1639 г., а не к утвержденным последним подписанным в 1847 г. Эрзерумским договором, стопорила ход работы комиссии, окончательно прерванный Русско-турецкой войной 1877–1878 гг.

В ходе работы комиссии 1908 г. турецкая сторона вновь настаивала на границах 1639 г., поскольку они учитывали разный конфессиональный состав населения на границе. Часть суннитских поселений Урмии, куда вскоре вторглись османские войска, должна была перейти в подданство османского султана, что было оспорено персидским эмиссаром, ссылавшимся на иранское происхождение курдов и на то, что сунниты проживают на всей территории Персии. Работу комиссии осложняли события конституционной революции в Персии и Младотурецкая революция в Османской империи, в итоге она так и не привела к значительным изменениям в пограничном вопросе.

В работе комиссии 1911 г. более активную позицию заняли Британия и Россия, персидская сторона настаивала на немедленном выводе османских войск со своей территории, но требование не было удовлетворено. Российская и английская стороны назначили комиссию, в состав которой вошли генеральный консул в Тебризе Х. С. Шиппли и второй драгоман российской миссии в Стамбуле В. Ф. Минорский. Перед ними стояла задача исследовать западные приграничные районы Азербайджана. Персия и Османская Турция так и не приняли участие в работе этой комиссии. Работа англо-российской комиссии шла с 8 июня по 16 сентября 1911 г., эмиссары представили результаты работы в виде 7 дневников и отчета.

В 1912 г. Россия и Англия договорились о необходимости оказать давление на Персию и Османскую Турцию и принудить их к участию в работе комиссии, что было сделано. Турецкая сторона пошла на уступки, и основой в работе комиссии стал Эрзерумский договор 1847 г. 4 ноября 1913 г. был подписан Константинопольский протокол между Османской империей и Персией совместно с Великобританией и Российской империей в качестве посредников. Согласно протоколу, за Турцией подтверждался суверенитет над рекой Шатт-эль-Араб, а Персии был переданы ряд островов, прилегающих к Абадану, была учреждена специальная комиссия из представителей четырех стран по делимитации границ. Работа продолжалась с января по октябрь 1914 г., были определены 1900 км османо-персидской границы. Хотя Турция и признала решения комиссии, персидский меджлис посчитал условия протокола невыгодными для страны и отказался его ратифицировать.

Начало Первой мировой войны стало одной из важнейших вех для персидско-турецкого разграничения, завершившегося к 1914 г., поскольку приграничная зона стала полем ожесточенных сражений передовых держав того времени. Таким образом, граница неоднократно нарушалась, а по окончании войны Персия и вовсе попыталась отказаться от соблюдения установленной комиссией границ.

Тюзел Али (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

Курды Закавказья в турецкой историографии

Курды проживают на значительной территории, которая простирается от Северо-Восточного Кавказа до Ближнего Востока. Регион, где курды составляют большинство, — Курдистан в силу целого ряда причин оказался разделенным между Турцией, Ираном, Ираком и Сирией. Войны и другие политические события XIX в. стали причиной миграции курдов (как мусульман, так и езидов) на территорию Кавказа, которая до революции 1917 г. находилась под властью России. Курды Кавказа в целом поддерживали хорошие отношения с российскими властями. До начала процесса советизации из-за конфликтов между основными этническими группами Южного Кавказа (особенно между Азербайджаном и Арменией) курды сталкивались с экономическими, социальными и политическими трудностями.

Турецкая Республика была основана как национальное государство турок, что изначально создало серьезные проблемы для проживавших на ее территории национальных меньшинств. Курдские восстания в Анатолии и попытки создания независимого Курдистана после Первой мировой войны серьезно осложнили жизнь курдов в новом государстве, в результате чего некоторые из них, включая езидов, эмигрировали в советскую Армению.

Хотя Турция является страной, где проживает наибольшее количество курдов (около 20 млн), курдские исследования не получили там достаточного развития. Главной причиной этого пробела была государственная политика. Сегодня большая часть курдских исследований на территории Турции проводится исследователями курдского происхождения. В связи с курдской проблемой, возникшей еще до образования Турецкой Республики, турецкие исследователи пытались разобраться в проблеме курдской идентичности. Исследователи, признававшие курдов как нацию, попытались прежде всего определить происхождение курдов. Затем те, кто стремился найти компромисс с турецкими властями, стали искать общие корни и сходство с турками, с тем чтобы это соответствовало государственной политике.

Первые курдские исследования в Турции после распада Османской империи проводились в период борьбы турок за независимость. Курдские восстания и движение за независимость, начавшиеся еще до Первой мировой войны, побудили исследователей задуматься над курдской проблемой. На Эрзурумском конгрессе, который собрал в июле 1919 г. 56 делегатов от вилайетов Битлис, Эрзурум, Сивас, Трабзон и Ван, был подготовлен отчет, в котором упоминалось, что курды и армяне не принадлежат к одному и тому же народу. На конгрессе также обсуждались общие исторические, социальные, религиозные и культурные особенности, объединяющие турок и курдов.

В последующий период был проведен целый ряд исследований, касающихся курдской темы. Например, отчеты о курдах, подготовленные Джемалем Баяром в 1936 г. и Бурханом Улутаном в 1947 г. В этот период курдские исследования,

проводимые турецкими учеными, в основном осуществлялись государственными структурами и касались лишь тех курдов, которые проживали на территории Турции. Первые исследования курдского населения в Турции были направлены на изучение социальной, культурной и политической динамики развития этой этнической группы.

С середины XX в., особенно начиная с 1960-х гг., академический интерес к курдской общности в Турции начал расти. Одним из первых и наиболее значимых турецких ученых, посвятивших свои исследования курдскому населению Турции и, в частности, на Кавказе стал Исмаил Бешикчи. Его научная деятельность началась еще в университете. Осужденный за марксистскую пропаганду, Бешикчи провел значительное время в заключении, где подготовил множество публикаций, что подчеркивает его преданность науке. В своих исследованиях он утверждает, что курды прибыли на Кавказ не в первой четверти XX в., как считалось ранее, а значительно раньше и что их численность на Южном Кавказе выше данных официальной статистики. Он анализирует связи курдов, проживающих в Советском Союзе, и общин в Юго-Восточной Турции, их социальные структуры, традиции и языковые особенности, а также курдскую политику Турции и ее влияние на общество в этой стране. Работы Бешикчи, переведенные на множество языков, включая курдский, демонстрируют его значительный вклад в изучение курдской тематики.

В последние годы с созданием новых университетов в Турции и изменением политической обстановки наблюдается рост числа турецких исследователей курдского вопроса. Это связано с академическим интересом и социальными потребностями общества. Присутствие курдов в советском Закавказье и их историческая роль стали предметом научных исследований, которые рассматривают вопросы демографической структуры курдского населения и его взаимодействия с органами власти в советский период. Также изучаются проблемы истории курдов во время двух мировых войн, которые оказали сильное влияние на социальную структуру и миграцию курдского населения, а также миграционные процессы, затрагивающие эту этническую группу в настоящее время. Определение численности курдского населения на Кавказе необходимо для понимания социальной и культурной динамики курдского сообщества.

В последние годы наблюдается рост научных исследований, проводимых турецкими учеными, особенно по вопросам истории и культуры кавказских курдов, что свидетельствует о возрастании интереса к проблемам курдской идентичности и их культуре. Подобные исследования важны для более глубокого понимания социальной и политической динамики региона в целом.

Секция VII • Section VII
Секция имени акад. В. В. Струве:
Источниковедение и историография Древнего Востока
«Academician Vasily V. Struve Section»:
Historiography and Source Studies of Southeast Asia

*Анохина Е. А. (ГМИИ им. А. С. Пушкина, Москва),
Макеева Н. В. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)*

**Новый хозяйственный документ из древнеегипетского
собрания ГМИИ им. А. С. Пушкина (I,1a 4863)**

В докладе будет впервые представлен древнеегипетский текст из коллекции В. С. Голенищева (ныне собрание ГМИИ им. А. С. Пушкина), написанный на деревянной табличке.

Деревянные таблички использовались в Древнем Египте для записи небольших текстов, которые можно было легко стереть и затем написать новый текст¹. Деревянные таблички известны с эпохи Старого царства. Судя по изобразительным и письменным источникам, такие предметы широко использовались в писцовой практике — от хозяйственного учета до школьных упражнений. Однако большинство сохранившихся до наших дней табличек содержат фрагменты литературных произведений, выполненные, по всей видимости, учениками, осваивающими египетское письмо, или их учителями.

В египетской коллекции В. С. Голенищева хранились две деревянные таблички. Одна из них — ныне ГМИИ I,16 324 — известна давно, она содержит текст

¹ О деревянных табличках для письма в Древнем Египте см.: Vernus P. Schreibtafel // Heck W., Westendorf W. (Hg.). Lexikon der Ägyptologie, Band V. Wiesbaden, 1984. Sp. 703–709; Quirke S. Archive // Loprieno A. (ed.). Ancient Egyptian Literature. Leiden, 1996. P. 392; Hagen F. An ancient Egyptian literary text in context: The instructions of Ptahhotep. Leuven, Paris, Walpole, MA, 2012. P. 100–101; Hagen F. An Eighteenth Dynasty Writing Board (Ashmolean 1948.91) and The Hymn to the Nile // Journal of the American Research Center in Egypt 49, 2017. P. 73–91.

«Поучения Аменемопе» и была опубликована в 1966 году Жоржем Познером¹. Он датировал этот памятник Поздней эпохой (XXV или XXVI династией).

Еще одна табличка — ГМИИ I,1a 4863 — до сих пор не привлекала внимания. Ее размер — 17,6 × 15,2 см, но верхняя часть таблички — несколько сантиметров — не сохранилась. Это одна из самых маленьких известных табличек, ее первоначальный размер мог соответствовать половине стандартного для Нового царства папирусного листа высотой 41–43 см². Поверхность таблички была загрунтована, а затем в качестве фона была нанесена светлая краска. От времени краска потемнела и пожелтела. На табличке нет или не сохранилось отверстия для подвешивания, которое есть на многих подобных памятниках.

На обеих сторонах таблички сохранился текст, выполненный иератическим письмом черной краской. Одиннадцать строк на одной из сторон представляют собой деловую записку с указаниями о разделе зерна. Текст записки оканчивается на другой стороне таблички. Там же содержится список различных имен и предметов. «Оборотная» сторона таблички сохранилась хуже «лицевой», она содержит лакуны как в списке, так и в части с запиской.

К сожалению, характер текста хозяйственной записки ясен не до конца. Реальная это записка или ее черновик? Или же это документ-образец? В пользу последнего варианта как будто свидетельствует отсутствие личных имен. Если в начале записки они могли не сохраниться (были уничтожены в составе одной или двух строк в верхней части документа), то отсутствие подписи в конце — необычно.

Список в тексте на московской табличке озаглавлен *jmj-rn.w* (список имен). Обычно в списках *jmj-rn.w* перечисляются имена тех или иных лиц. Такие списки фигурируют в знаменитом Лахунском архиве, в документах Нового царства и др. Похожий список сохранился на деревянной табличке начала Нового царства из Фив, ныне хранящейся в Британском музее — British Museum EA5646³. И на московской, и на лондонской табличках упоминаются редкие обозначения видов ткани — *Dwy.t* и *ish.t*.

Эта аналогия, а также формы иератических знаков позволяют датировать документ Вторым переходным периодом или началом Нового царства. Некоторые особенности содержания намекают на его фиванское происхождение: в тексте упоминается «Город», *Niw.t* — так в Новом царстве обозначали Фивы.

¹ Posener G. Quatre tablettes scolaires de Basse Époque (Aménémopé et Hardjédef) // La Revue d'Égyptologie 18, 1966. P. 50–54, Pl. 1.

² Hagen F. An Eighteenth Dynasty Writing Board (Ashmolean 1948.91) and The Hymn to the Nile // Journal of the American Research Center in Egypt 49, 2017. P. 82.

³ https://www.britishmuseum.org/collection/object/Y_EA5646?selectedImageId=1236943001 (дата обращения: 24.02.2025). На другой стороне таблички сохранился Гимн Тоту, который был опубликован Б. А. Тураевым: Turajeff von B. Zwei Hymnen an Thoth // Zeitschrift für Ägyptische Sprache und Altertumskunde. 1895. 33. S. 120–125.

Апенко М. С. (ИВИ РАН, Москва)

«Мировая хроника» как царский список Ливийского времени¹

Одним из важных источников для восстановления хронологии и некоторых событий политической истории Египта является труд Манефона «Египтиаки»². Сам труд до наших дней не дошел, но от него сохранился восходящий к т. н. эпитоме Манефона царский список, который приводит в своем труде «Избранная хронология» Георгий Синкелл на основе сведений более ранних хронографов Африкана и Евсевия³. На сегодняшний день известно, что Манефон в своей работе опирался на несколько царских списков, что подтверждается анализом конкретных фрагментов Манефона и их соотносением с собственно египетскими царскими списками, которые сохранились до наших дней⁴. Между тем египетских нарративных памятников, которые связно описывали бы события или хотя бы последовательность царей XXI–XXIV египетских династий, то есть ливийского времени, не сохранилось. Перечень же царей этих династий в традиции Манефона (Fr. 58–63) оказывается недостаточно полным, что делает вопрос восстановления хронологии царствований правителей этого времени особенно сложным.

Относительно недавно был опубликован новый грекоязычный текст, где фигурирует список царей, в том числе и ливийского времени, так называемая «Мировая хроника»⁵. Сохранилась она на фрагментах папирусов P. Lips. 590, 1228, 1229, 1230 и 1231, которые содержат четыре колонки хроники, повествующей о различных событиях истории Восточного Средиземноморья. На основе палеографии текст датируется II в. н. э.⁶ В колонках 3 и 4 содержится перечень египетских царей, в целом соответствующий эпохе XXI–XXVI династий. Сходство этого списка с царским списком традиции Манефона представляется лишь поверхностным; более внимательный анализ показывает, что они заметно отличаются от него и список «Мировой хроники» является фактически независимым. Это позволяет констатировать наличие в египетской традиции о прошлом и ее античной передаче если не разных традиций при формировании царских списков, то, по крайней мере, разных способов передачи этой традиции.

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда в рамках проекта № 24-18-00378 «Происхождение и состав позднеантичной и средневековой картины прошлого Ближнего Востока и Эгеиды в древнейший (доакхеменидский) период», <https://rscf.ru/project/24-18-00378/>.

² Издание: Manetho. With an English translation by W. G. Waddell. Cambridge (Mass.); London, 1980.

³ Издание: Mosshammer A.A. Georgii Syncelli Ecloga chronographica. Leipzig, 1984.

⁴ Helck W. Untersuchungen zu Manetho und der Agyptischen Königslisten. Berlin, 1956.

⁵ Colomo D., Popko L., Rücker M., Scholl R. Die älteste Weltchronik. Europa, die Sintflut und das Lamm // *Archiv für Papyrusforschung*. 2010. Bd. 56/1. S. 1–24.

⁶ Ibid. S. 2–3.

В предлагаемом докладе мы сосредоточимся на сравнении царского списка «Мировой хроники», а конкретнее той его части, которая, по нашему мнению, относится к Ливийскому времени, со списками царей XXI–XXIII династий в разных передачах традиции Манефона. Целью доклада будет установить, насколько значительно отличаются эти версии и могли ли эти тексты иметь общий источник или источники. Также в рамках доклада будет сделана попытка соотнести эти списки царей XXI–XXIII династий с реальной исторической ситуацией ливийского времени.

Предварительно мы предполагаем, что данные по XXI династии и соответствующий им список царей в «Мировой хронике» могли быть взяты из общего с традицией Манефона египетского первоисточника. Оба варианта данного списка различаются между собой, но незначительно; при этом возможность того, что одна из этих версий текстов могла быть источником другой, мы можем полностью отвергнуть. Что же касается данных по XXII и XXIII династиям, нам представляется, что в этой части Манефон и составители «Мировой хроники» ориентировались на разные первоисточники, чем и объясняются заметные расхождения между этими списками.

*Банщикова А. А. (Институт всеобщей истории РАН,
Институт Африки РАН, Москва)*

**«В коптских книгах написано...», «Копты говорят...»:
коптская историко-литературная традиция
в средневековом арабском анониме
«Сокращение дикивин»¹**

За исключением буквально двух произведений коптская историко-литературная традиция, повествующая о Древнем Египте, является полностью утраченной. Однако систематические упоминания коптских книг и рассказов, постоянное обращение к ним характерно для средневековой исламско-египетской арабоязычной литературы исторической и географической направленности жанра *фада'ул* (досл. «достоинства», «преимущества», более точный контекстуально перевод — «достопримечательности», «достопамятные вещи»). Вообще в арабских историко-географических сочинениях этот жанр включает описания подвигов и памятных событий, случившихся при утверждении ислама в соответствующем регионе, однако *фада'ул* арабо-египетских историков посвящены почти исклю-

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда в рамках проекта № 24-18-00378 «Происхождение и состав позднеантичной и средневековой картины прошлого Ближнего Востока и Эгеиды в древнейший (доахеменидский) период», <https://rscf.ru/project/24-18-00378>.

чительно домусульманской истории Египта и подчеркивают величие свершений египтян того времени.

Исламская арабоязычная традиция о Древнем Египте сложилась именно на его территории в VIII–IX вв. и, как все больше выясняется, передавала прежде всего сюжеты, воспроизводившиеся в Египте ранее (то есть принадлежавшие к материалу перекрывавшихся и взаимно сообщавшихся представлений коренных доисламских египтян и александрийского грекоязычного историописания)¹. Арабские выходцы из Передней Азии, поселившиеся в покоренном исламом Египте, и их потомки, жившие там (например, Лайс ибн Саад, Усман ибн Салих, Ибн абд ал-Хакам), играли ключевую роль в первоначальном формировании указанной традиции, и к их числу принадлежали многие ее крупнейшие представители более позднего времени (например, Макризи). Однако эта роль состояла прежде всего в воспроизведении, отборе и упорядочивании того, что они узнавали о древностях Египта от прямых потомков доисламского населения страны и из их текстов, а также в воспроизведении уже сложившейся исламской традиции Египта о его древности (тот же Макризи). При этом ученые — представители исламизированных арабоязычных египтян и их представления были и активными участниками и факторами развития обсуждаемой исламско-египетской традиции и главным источником сведений для ее основателей и носителей арабского и персидского происхождения.

Богатейшим источником, представляющим эту традицию, является текст, в разных рукописях именующийся «Мухтасар ал-‘аджа’иб» («Сокращение диковин»), «Ахбар аз-заман» («Известия времени») и «Китаб ал-‘аджа’иб ал-кабир» («Большая книга диковин»). В большинстве исследований этот источник считается анонимным, поскольку с уверенностью определить его автора нельзя; датируется он X–XII вв. «Сокращение диковин» описывает династии египетских царей до и после Потопа, в том числе жрецов-царей, строительство пирамид и многих других удивительных сооружений, появление ниломеров, чудеса египетской магии, волшебные движущиеся статуи, утверждение и последующую ликвидацию «единобожного» солнечного культа в Египте и многие другие события и явления, частично легендарные, частично экстраполированные на древность из более поздних периодов (например, наличие в Египте большого количества купольных сооружений), частично имеющие историческую основу, которую можно проследить. В этом источнике, как и в некоторых других произведениях жанра *фада’ил* Египта, часты отсылки к коптской традиции: указывается, что некоторые сюжеты были почерпнуты от коптов, «из коптских книг», и есть ссылки, вводящиеся фразами наподобие «копты говорят», подразумевающие, видимо, как правило, устную

¹ Об этой традиции см., например: Wiet G. L’Égypte de Murtadi fils du Ghaphiphe. Paris, 1953; Cook M. Pharaonic history in medieval Egypt // *Studia Islamica*. 1983. 57. P. 67–103; El-Daly O. Egyptology: The Missing Millennium. London, 2005; Банщикова А.А. Переломные эпохи в исторической традиции и сознании древних египтян (по источникам конца II тыс. до н. э. — I тыс. н. э.). М., 2015. С. 19–22, 46–79, 101–102, 133–138.

традицию. Хотя какие-то сюжеты могли быть почерпнуты из коптской традиции и без указаний на это, наличие прямых отсылок привлекает особое внимание. При этом неоднократно заявляется, что по такому-то вопросу исламские ученые Египта (то есть сами носители и авторы обсуждаемой традиции о его древности) утверждают одно, а «копты» / «коптские книги» — нечто иное.

Все это вызывает значительный интерес, поскольку мнения исламских ученых Египта сами воспроизводят информацию, полученную от коренных египтян — прежде всего от их исламизированной части. Между тем эти же ученые выделяют исторические представления коптов исламского времени — то есть также коренных египтян — как особую традицию, отличную от их собственной и периодически разногласящую с ней. Это означает, что в первые века после арабского завоевания одна часть представлений доисламского населения Египта о его древних временах оказалась востребована именно исламизированными египтянами (от которых попала в картину, принятую исламско-египетскими учеными), а другая — египтянами, сохранившими христианство, и сложившиеся на основе этих частей системы представлений, исламско-египетская и коптская, по ряду вопросов противоречили друг другу. Это расщепление и поляризация пространства исторических представлений жителей доисламского Египта на конфессиональные «потoki», исламский и коптский, представляет собой важный и практически не изучавшийся феномен.

В докладе, цель которого — внести вклад в начало такого изучения, представлена сводная картина ссылок на коптов и книги коптов в «Сокращении диковин», разбираются контексты этих отсылок и представляется содержание коптской историко-литературной традиции в том виде, в каком она предстает в этом источнике.

*Барсуков Е. О. (МУНЦ египтологии им. В. С. Голенищева ИВКА РГГУ,
Москва)*

Папирус Нортумберленд III, recto: попытка интерпретации

Письменных источников, отражавших представления египтян эпохи Рамесидов о царской власти немного. А тех, что на первый взгляд были созданы не по царскому заказу, еще меньше. Их значимость трудно переоценить. Поэтому папирус Нортумберленд III является важным источником для изучения идеологии царской власти ранней XIX династии.

Папирус Нортумберленд III, recto, определяемый как панегирик, посвященный Сети I¹, хранится в коллекции Британского музея в Лондоне. Данный источник практически не привлекал внимания исследователей, занимавшихся этой эпохой.

¹ . Лондон, Британский музей. EA 73667.

В первой и самой полной публикации¹ рассматривались только проблемы перевода и не делалось попыток его трактовки, выявления причин и среды создания. На русский язык он не переводился. В монографиях, посвященных правлению этого царя, текст также не был учтен². При этом его значение, на наш взгляд, обусловлено особенностью происхождения текста, представленной в нем дихотомией царской идеологии, а также биографической составляющей. В докладе будет сделана попытка интерпретации данного источника на основе нового перевода, рассмотрены возможные причины создания, среда, из которой мог происходить автор.

Место создания произведения неизвестно, но можно предположить, что написавший его либо проживал, либо происходил из мемфисского региона, так как в тексте присутствует упоминание именно мемфисского некрополя.

В самом тексте чувствуется желание автора остаться в рамках классических храмовых надписей, хотя это не всегда ему удастся. Безусловно, текст был написан представителем образованной части общества, знакомым с биографией царя и идеологическими тенденциями его правления. Стоит понимать, что единичный источник не отражает всей полноты мировоззрения начала XIII в. до н. э. и ввиду принадлежности к элите общества автор транслирует мысли, возможно бытовавшие в его среде, так или иначе зависимой от царя.

Текст условно можно разделить на несколько смысловых частей: введение, содержащее пожелание возрождения; биографическую часть, в которой даны некоторые титулы Сети и перечислены благие дела, совершенные им, причем эту часть можно разделить на доцарскую службу и время, когда Сети стал царем; заключение, по сути являющееся констатацией оправдания на суде и фактического соединения с Осирисом.

Дихотомия пронизывает весь текст. Сама его концепция, допускающая мысль о посмертном суде и необходимости оправдания, указывает на десакрализацию божественного образа царя или его части, которую царская власть косвенно признает лишь в начале XX династии³. В то же время эпитеты «царь бесконечности», «властитель вечности», сравнение его с Шу и прямое отождествление с Хором позволяют увидеть в тексте отсылки к идеологии этого времени, пронизанной идеей обожествления царя. Эта идеологема по-прежнему находила в какой-то мере отклик у части египетского общества. В таком двойственном отношении к фигуре Сети в тексте может выражаться разделение образа правителя на личностную и «политическую» составляющие.

¹ Barns J. Three hieratic papyri in the duke of Northumberland's collection // *The Journal of Egyptian Archaeology*. 1848. Vol. 34. P. 35–46.

² Dodson A. Sethy I, King of Egypt: His Life and Afterlife. Cairo, 2019; Masquelier-Loorius J. Séthi Ier et le début de la XIXe dynastie. Paris, 2013.

³ Medinet Habu. Vol. VI. The Temple Proper, pt II: The Re Chapel, the Royal Mortuary 8Complex, and Adjacent Rooms with Miscellaneous Material from the Pylons, the Forecourts, and the First Hypostyle Hall. Chicago, 1963. Pl. 469.

Появление произведения указывает не только на изменения в мировоззрении египтян начала XIII в. до н. э., но и выявляет определенные коннотации времени утверждения XIX династии на престоле с эпохой начала правления XII династии Среднего царства. В правление Сети мы наблюдаем процесс адаптации традиционных идеологем к современным им реалиям религиозной и политической жизни страны. То же можно сказать и о временах первых царей XII династии.

В итоге мы можем констатировать, что мотивы создателя панегирика остаются неопределенными. Или же это текст, отражающий рефлексию автора по поводу правления Сети, или же какие-то наброски литературного произведения, созданного по заказу царской власти, что может влиять на интерпретацию источника как произведения, отражающего частный взгляд на фигуру царя.

Эти данные следует учитывать при анализе текста папируса. Значимость информации, содержащейся в этом источнике, тем не менее очевидна как для понимания исторической обстановки, предшествующей вступлению Сети на престол, так и для понимания особенностей царской идеологии этого времени.

Васильева О. А. (ГМИИ им. А. С. Пушкина, Москва)

Терракотовые статуэтки-оранты как феномен «народной религии» в позднеантичном Египте¹

Цель доклада — показать на материале памятников ГМИИ им. А. С. Пушкина некоторые аспекты народных верований в Египте V–VII вв. — времени постепенного, но неуклонного распространения христианства, для которого характерна устойчивость старых религиозных практик, особенно в сфере «народных верований». Достаточно репрезентативными в данном случае можно считать терракотовые статуэтки, объекты массового производства, сделанные из дешевого материала и доступные простому народу. В докладе рассматривается шесть терракотовых статуэток, происходящих из бывшего собрания В. С. Голенищева.

Они представляют собой тип так называемой *оранты* — сильно стилизованной женской фигурки с поднятыми вверх руками (1.1а 2861, 2862); еще четыре предмета являются головками от подобного рода статуэток (1.1а 2815, 2816, 2819, 2820). Обе терракоты (высотой 14 и 12 см.) пустотелые, на их поверхности сохранилась раскраска черной и красной краской. Фигурки изображены в длинном расширяющемся книзу платье, на котором показаны вертикальные полосы (*клавы*) и круглые вставки на груди (*орбикулы*), на шее выделяется ожерелье. Обращает на себя внимание высокий треугольный головной убор, напоминающий *кокошник*, украшенный полосами и рельефными кружочками. Его можно трактовать как прическу, увеличенную за счет

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда в рамках проекта № 24-18-00378 «Происхождение и состав позднеантичной и средневековой картины прошлого Ближнего Востока и Эгеиды в древнейший (доахеменидский) период», <https://rscf.ru/project/24-18-00378/>.

большого цветочного венка (*стефана*). Сохранность статуэток удовлетворительная; головки, напротив (за одним исключением), имеют серьезные утраты.

Изображения так называемых *орант* появляются среди продукции греко-египетских терракот во II–III вв.; они представляли собой стоящих или сидящих в особой позе женщин (обнаженных либо в короткой тунике) — с разведенными в стороны и/или поднятыми вверх руками. В иконографии этих «благих божеств» воздетые руки являются не столько молитвенным, сколько охранительным жестом¹. Восходящие к этим статуэткам более поздние образцы делятся на два типа:

- *оранты в треугольном головном уборе* с поднятыми/разведенными в стороны руками, иногда с ребенком на руках; обобщенная фигура одета в длинное платье/тунику. Статуэтки ГМИИ относятся именно к этому типу.
- *оранты с плоским круглым нимбом на голове* и разным положением рук: поднятые/ разведенные в стороны, упирающиеся в талию либо прикасающиеся к животу. Встречаются как схематичные фигуры в длинном платье, так и обнаженные статуэтки с четкими женскими формами (но при этом с условно показанными руками).

Все статуэтки первоначально ярко раскрашивались; у обоих типов присутствуют три отверстия — в ушах и наверху головного убора. Возможно, дырочки предназначались для вставки украшений в виде серег², бусин на нити либо цветов. Они отличаются от обычных петелек для подвешивания, хотя и эту возможность нельзя исключить.

Датируют подобные изображения V–VII вв., причем многие памятники имеют археологический контекст: некрополи, жилые дома, храмы/монастыри. Основные места находок статуэток первого типа сосредоточены в Верхнем Египте и Нубии (Асиут, Ахмим, Абидос, Джеме, Ком-Омбо³, Эсна, Элефантина, Медамуд, Армант, Береника, Мейнарти). В Среднем Египте находки засвидетельствованы эпизодически.

К региону Нижнего Египта относятся в основном находки статуэток с нимбами: помимо Фаюмского оазиса особенно много их открыто при раскопках монастыря Абу-Мена (Св. Мины) близ Александрии. Наряду с глиняными *ампулами* святого Мины для освященного масла⁴, *оранты* могли быть своеобразными сувенирами паломников. Но правильнее считать их votivными приношениями женщин, желавших иметь детей либо благодарящих за избавление от бесплодия⁵.

¹ Bailey D. Catalogue of the Terracottas in the British Museum. Ptolemaic and Roman Terracottas from Egypt. London, 2008. P. 43. Два предмета есть в собрании ГМИИ: Васильева О. А., Малых С. Е. Египетские терракоты как отражение «народной» религии: служительницы культа и женские статуэтки плодородия из коллекции В. С. Голенищева (ГМИИ им. А. С. Пушкина) // *Восток. Афро-Азиатские общества: история и современность*. 2021. Вып. 1. С. 213–229.

² Ägypten. Schätze aus dem Wüstensand. Kunst und Kultur der Christen am Nil. Wiesbaden, 1996. Kat. 124a.

³ Такой провенанс обозначен в картотеке Голенищева для статуэтки I.1a 2861 (*WG ficher 3111*).

⁴ В собрании ГМИИ имеется четыре ампулы (I.1.a 3284, 3285, 3286, 5980).

⁵ Ägypten. Schätze aus dem Wüstensand. Kunst und Kultur der Christen am Nil. Wiesbaden, 1996. Kat. 126.

Имея непосредственное отношение к сфере женской фертильности и материнства, статуэтки, несомненно, служили также мощным апотропеем и оберегом от сглаза. Неслучайно Д. Бэйли назвал их одновременно «*защитными божествами*» и «*женскими святыми*»¹, указывая на двойственность их сущности. Фигурки *орант*, изготавливавшиеся предположительно для христиан, по сути, изображали «благих божеств», которые могли быть интерпретированы как изображения святых.

Таким образом, терракотовые статуэтки *орант* наглядно иллюстрируют один из феноменов домашней, или «народной», религии в Египте позднеантичного/раннехристианского периода. С одной стороны, наблюдается стабильность традиционных ритуалов в пространстве домашней религии: фигурки «женских святых» по своим функциям неотличимы от старых богов, охранявших благополучие семейного очага. С другой стороны, появление новых художественных форм (предельная стилизация женской фигуры) свидетельствует об определенной религиозной трансформации. Немалую роль в этом процессе сыграли недавно возникшие крупные христианские центры (монастыри). В храмовом контексте *оранты* могли бытовать как votivные предметы, а в домашнем — как семейные апотропеи; в конечном счете они перемещались и в погребения.

Волович А. Ю. (ИБ РАН, Москва)

Два амулета-уджат из погребальной камеры 1 шахты 1 гробницы Усера (GE 89): опыт датировки

Среди археологического материала, собранного в камере 1 (*Bur 1*) шахты 1 (*sh 1*) гробницы Усера (GE 89), присутствуют два амулета-уджат («Глаз Хора»), имевших мощную апотропеическую функцию и фиксировавшихся в захоронениях на протяжении практически всей древнеегипетской истории. Однако предварительная оценка особенностей их формы и иконографии позволяют отнести их к более конкретному промежутку времени. Цель данного исследования — предварительная датировка двух амулетов-уджат, обнаруженных в камере 1 погребальной шахты 1, с помощью сопоставления их с другими амулетами-уджат со сходными иконографическими чертами и уже установленной датировкой.

1. Амулет-уджат 22/89/sh1-Bur1/f11

1.1. Археологический контекст

В погребальной камере 1 шахты 1 гробницы GE 89 был обнаружен высеченный в скале антропоморфный саркофаг. В камере находился частично сохранившийся

¹ Bailey D. Catalogue of the Terracottas in the British Museum. Ptolemaic and Roman Terracottas from Egypt. London, 2008. P. 107–108.

скелет. Положение костей руки позволяет предположить, что руки были сомкнуты в паху. Амулет-уджат 22/89/sh1-Bur1/f11 (далее — амулет-уджат f11) был найден около левой локтевой кости, что позволяет отнести его к погребальному инвентарю.

1.2. Описание

Амулет-уджат f11 изготовлен из голубовато-зеленого фаянса, размеры: 16 × 11 × 4 мм. Он имеет симметричное двухстороннее изображение. В верхней части каждой из сторон расположен человеческий глаз с круглым зрачком, который рельефно выделен выступающей черной глазурью. Сверху глаза продольно расположены два валика-дуги. Нижний валик узкий и гладкий. Верхний валик шире нижнего, он украшен «елочным» орнаментом и обозначает надбровную дугу. Далее, в нижней части амулета находится вертикальный рельефный выступ (именуемый некоторыми исследователями «отросток») с одной вертикальной бороздой, и диагонально отходящая от него в нижний угол арка, оканчивающаяся спиралью. Глаз симметрично с обеих сторон имеет продольно-горизонтальное расположение, зрачок — смещен к внутреннему уголку глаза, вертикальный выступ с бороздкой имеет форму прямоугольника или сильно вытянутой трапеции.

Амулет имеет продольное сквозное отверстие для подвешивания, которое расположено в центре боковых граней.

1.3. Предварительная датировка

Среди датированных амулетов-уджат, хранящихся в мировых музеях и частных коллекциях, удалось обнаружить пять аналогов амулета-уджат f11, основываясь на следующих критериях:

- отношение длины амулета к его высоте,
- материал амулета;
- симметричное двухсторонне изображение на обеих сторонах амулета;
- смещение очертания зрачка к внутреннему углу глаза,
- внешний угол глаза незначительно выступает по отношению к началу верхней валика-дуги;
- выделение зрачка рельефно выступающей черной глазурью;
- наличие всего двух валиков-дуг сверху глаза, при этом нижний валик узкий, а верхний — гладкий и более широкий, с еще бóльшим расширением по направлению от изображения глаза;
- уступ с рельефными бороздками, расположенный под глазом, имеет форму прямоугольника или вытянутой трапеции со слегка скругленными краями и незначительный уклон по направлению к внешнему углу глаза.

Основываясь на датировке аналогов с характерными для амулета-уджат f11 чертами, последний можно предварительно датировать временным промежутком начиная с III Переходного периода и оканчивая Поздним царством.

2. Амулет-уджам 22/89/sh1-Bur1/st3

Амулет-уджам 22/89/sh1-Bur1/st3 (далее — амулет-уджам st3), также, как и амулет-уджам f11, был обнаружен в погребальной камере 1 шахты 1, но не в непосредственной близости от скелета, а в заполнении камеры.

2.1. Описание

Обе поверхности амулета-уджам st3 плоские и гладкие, напоминают незавершенную модель. На верхней боковой грани присутствует невысокий вертикальный выступ с четырьмя вертикальными насечками. Фрагмент, где, согласно устоявшейся иконографии, должна проходить арка, оканчивающаяся спиралью, утрачен. Амулет имеет продольную сквозную перфорацию для подвешивания. Амулет изготовлен из темного камня, предположительно — стеатита, размеры: 21 × 22 × 4 мм.

2.1. Предварительная датировка

Как и в случае с амулетом-уджам f11, для предварительной датировки амулета-уджам st3, были определены двадцать аналогов на основании следующих критериев:

- отношение длины амулета к его высоте;
- материал амулета;
- совершенно гладкие боковые грани и обе поверхности амулетов;
- присутствие на верхней боковой грани вертикального выступа с вертикальными насечками;
- внешний верхний угол амулета, образованный началом верхней дуги, ниже верхней точки вертикального выступа на верхней боковой поверхности.

Большинство рассмотренных аналогов амулета-уджам st3 датированы III Переходным периодом и Поздним царством, реже — Птолемеевским периодом, и единицы — Новым царством. Но учитывая, что амулет-уджам f11, находившийся с амулетом-уджам st3 в одном археологическом слое, датируется промежутком от III Переходного периода до окончания Позднего царства, если основания скорректировать датировку амулета-уджам st3 до этого этих временных рамок.

Выводы

Подытоживая вышеизложенное, можно заключить следующее.

Как показало исследование, амулет-уджам f11 и амулет-уджам st3 предварительно датируются III Переходным периодом — Поздним царством. Такой вывод коррелирует с частично датированным керамическим материалом (Позднее царство) и некоторыми предметами малой пластики (III Переходный период — Позднее царство). В свою очередь, данное заключение позволяет предположить, что помещения гробницы GE 89, которую по особенностям архитектуры, форме и стилю статуй и жертвенной плакетки следует отнести к Древнему царству (2-я половина эпохи правления V династии), были переиспользованы в более поздний период и содержали вторичные захоронения.

Глазунов А. И. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

Титулы царей династии Аккада и политические предпосылки их смены (*lugal kalam-ma*, *lugal kiš*, *lugal kibrātim arba'im*)

При реконструкции политической истории Аккадского государства (24–22 вв. до н. э.) важную роль играет анализ царской титулатуры. Объектом подобных исследований служат царские надписи: записи свершений царей, которые наносились на посвященные предметы, использовавшиеся в качестве благодарственных подношений богам в храмы¹.

В докладе представлен обзор имеющихся в науке трактовок трех титулов: *lugal kalam-ma*, *lugal kiš* и *lugal kibrātim arba'im*, а также рассмотрение их соотношения в политическом контексте Аккадского государства. Из трех лишь последний титул впервые засвидетельствован в аккадский период.

Титул *lugal kalam-ma* (шум. «царь (всей) страны») появился во второй половине раннединастического периода (28–24 вв. до н. э.), когда предпринимались первые попытки объединения южномесопотамских городов. Он связан с топонимами *ki.en.gi* и *ki.urġi*, обозначающими, соответственно, южную и северную области Южной Месопотамии. Первое свидетельство использования данного титула относится к царю Урука по имени Эн-Шакуш-Ана (25 в. до н. э.). Другим его обладателем был царь Урука Лугальзагеси (правл. 2340–2316 гг. до н. э.)². За время своего царствования эти правители подчинили большое количество городов как севера, так и юга аллювиальной долины, что сделало их гегемонами в данном регионе. На основании этого можно предположить, что титул *lugal kalam-ma* подразумевал власть над всей Южной Месопотамией³.

Принятие Саргоном, родоначальником династии Аккада, титула *lugal kalam-ma* стало итогом его победоносного противостояния коалиции южных городов во главе с Лугальзагеси и, по-видимому, выражало преемственность власти над шумерскими городами. Однако впоследствии в царских надписях, относящихся к военным походам в Элам и Паракшум (Иран), Саргон будет именоваться только как *lugal kiš* (RIME 2, р. 24–26).

История титула *lugal kiš* (царь г. Киш) уходит своими корнями в раннединастический период (28–24 вв. до н. э.). Первое свидетельство его использования относится к царю Месилиму (26 в. до н. э.; RIME 1, р. 70). Примечательно, что некоторые цари, принимавшие данный титул, фактически были правителями

¹ Frayne D. Sargonic and Gutian Periods (2334–2113 BC) / The Royal Inscriptions of Mesopotamia Early Periods. Vol. 2 (RIME 2). Toronto, 1993.

² Frayne D. Presargonic Period (2700–2350) / The Royal Inscriptions of Mesopotamia Early Periods. Vol. 1 (RIME 1). Toronto, 1998. P. 430; 435.

³ Козырева Н.В. Очерки по истории Южной Месопотамии эпохи ранней древности (VII тыс. до н. э. — середина II тыс. до н. э.). СПб., 2016. С. 75; 124.

других городов, а не Киша, что, возможно, свидетельствует о специфическом значении данного титула¹.

Особенностью написания этого титула Саргона является то, что KIŠ не снабжен детерминативом KI «(населенное) место». При этом в надписи Саргона, касающейся перепланировки города Киш, детерминатив KI присутствует (RIME 2, р. 12). Существует предположение, что идеограмму KIŠ без детерминатива следует понимать как акк. *kiššatum* «всеобщность» (totality), а сам титул как акк. *šar kiššatim* «царь всего мира» (king of the world)², что находит подтверждение в источниках позднейших эпох. Так, среди надписей царя Эшнунны Ипик-Адада II (1862–1818 гг. до н. э.) встречается написание данного титула с фонетическим компонентом — LUGAL KIŠ-im³. В свою очередь, понимание данного титула как «царь города Киш» (У.Халло) предполагает, что отсутствие детерминатива — намеренный прием графического архаизма, отсылающего ко времени Месилима.

Внук Саргона, Нарам-Син (2254–2218 гг. до н. э.), предпринимал военные походы на север Месопотамии. Вместо титула *lugal kiš* он принимает титул *lugal kibrātīm arba'im* — «царь четырех берегов/краев», что, в сущности, подразумевало установление контроля Аккада над всеми торговыми путями и государствами в регионе Междуречья. Существуют различные трактовки данного титула: а) четыре конкретных географических региона: Шумер, Элам, Субарту и Марту⁴; б) четыре берега двух главных рек — Тигра и Евфрата⁵.

Демидчик А. Е. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

О податях и повинностях древнеегипетских земледельцев Среднего царства в неурожайные годы

Прославляющие профессию «писца» школьные «поучения» Среднего и Нового царства рисуют жизнь земледельца-*ihwty* в самых мрачных тонах: при нескончаемом тяжелом труде у него недостает зерна для уплаты податей, за что его вместе с семьей

¹ Maeda T. «King of Kish» in Pre-Sargonic Sumer // *Orient*. 1981. Vol. 17. P. 1–17 (см. P. 4).

² McMahon A. The Akkadian Period: Empire, Environment, and Imagination // *A Companion to the Archaeology of the Ancient Near East* / Ed. by D.T. Potts. Vol. 1. Oxford, 2012. P. 649–667.

³ Artemov N. LUGAL KIŠ and Related Matters: How Ideological are Royal Titles? // *Ancient Near Eastern Weltanschauungen in Contact and in Contrast. Rethinking Ideology and Propaganda in the Ancient Near East* / Ed. by L. Portuese, M. Pallavidini. Münster, 2022. P. 67–85 (см. P. 73).

⁴ Hallo W.W. Early Mesopotamian Royal Titles: A Philologic and Historical Analysis. New Haven, Connecticut, 1957. P. 18–29.

⁵ Buccellati G. Through a Tablet Darkly. A Reconstruction of Old Akkadian Monuments Described in Old Babylonian Copies // *The Tablet and The Scroll: Near Eastern studies in honor of William W. Hallo* / Ed. by M.E. Cohen et al. Bethesda, Maryland, 1993. P. 58–72.

подвергают жестоким наказаниям¹. Вместе с тем, однако, известно, что в Новом царстве и позже было принято не взимать или уменьшать подати с земельных наделов, по естественным причинам утративших плодородие². Непредсказуемость менявшихся от года к году высоты нильских наводнений и контуров затопления берегов принималась в расчет как самими земледельцами, так и их начальниками³. В предлагаемом докладе показано, что практика таких податных «послаблений» существовала и ранее — в Первый переходный период и в Среднем царстве.

Самое известное и однозначное свидетельство этому — строки 19–21 жизнеописания номарха Аменемхета, начертанные в его гробнице в Бени Хасане в Год 43 фараона Сенусерта I: «Случились годы голода, тогда я распахал все пашни Номы белой антилопы⁴ до его южной и северной границ. Была сохранена жизнь его обитателей, создано его пропитание, и не появились в нем голодные... Затем настали высокие наводнения, владыки ячменя и эммера, владыки всех вещей, но я не стал взыскивать недоимки (податных пахотных) наделов-*iHwt*»⁵. А еще раньше, при Гераклеопольском царском доме, асьютский правитель Хети I «отменил⁶ подати-*bAkw* каждого человека, найденные мной в качестве начисленных предками» (Siut V.10–11).

В том, что эти действия номархов соответствовали общепринятой практике, убеждают «Поучение царю Мерикара» и «Поучение Каирсу». В первом сочинении сообщается, что в затянувшуюся пору неурожаев держатели наделов-*iHwt* на территории царского «домена» были освобождены, «очищены (*w^cb*)» от ряда обычных земледельческих повинностей. Царственный автор объясняет престолонаследнику, что это сохраняет у земледельцев желание трудиться даже в голодные лихолетья: «они станут работать для тебя как единое соединение»⁷. Во второй части «Поучения Каирсу» главным для благополучия хозяйства чиновника названы не высокие наводнения, а получаемые от государства работники, из числа которых назначаются и земледельцы-*iHwtu*. Эти подвластные труженики «создают существующее, и можно жить находящимся в их руках; если же их недостает, наступает нищета» (§ 9.5–9). И чтобы земледельцы не разбежались, следует устанавливать их подати «сообразно ячменю» (§ 12.1), т. е. в зависимости от урожая⁸.

¹ Mathieu B. La littérature de l'Égypte ancienne III. Paris, 2023. P. 198–200, 211; Gardiner A. H. Late Egyptian Miscellanies. Bruxelles, 1937. P. 83.

² С указанием литературы см. Eyre C. The Use of Documents in Pharaonic Egypt. Oxford, 2013. P. 186–187.

³ Демидчик А. Е. К вопросу о территориальном государстве Древнего Египта // *Вестник древней истории*. 2010. № 1 (272). С. 6–9; он же. *Maat* — этика предусмотрительных // Матвеев А. С. (ред.). Дорога науки: сборник статей в честь 80-летия акад. М. Б. Пиотровского. СПб., 2024. С. 300–303.

⁴ XVI верхнеегипетский ном.

⁵ Newberry P. E. Beni Hasan. Vol. I. London, 1893. Pl. VIII.

⁶ Дословно «дал на землю».

⁷ Демидчик А. Е. «Годы голода» в Номе белой антилопы: о древнеегипетском землепашестве в Первый переходный период — начале Среднего царства // *Восток (Oriens)*. 2023. № 3. С. 26.

⁸ Posener G. L'Enseignement loyaliste. Sagesse égyptienne du Moyen Empire. Genève, 1976.

Для интересующего нас времени не известны правовые установления о наказаниях земледельцев-*ihwtyw*, не сдавших зерновую подать в среднем объеме «урожайных» лет. Этот *argumentum ex silentio* заслуживает внимания с учетом того, что законы, карающие за бегство от принудительных «царских работ», в источниках упомянуты¹. О том, что санкции за «недоимки» с бесплодных полей, если даже были, то не слишком суровыми, косвенно свидетельствует отсутствие каких-либо данных о ростовщичестве². Ведь при угрозе жестокого наказания за неуплату подати земледельцы были бы готовы занимать недостающее зерно у богатых соседей даже под грабительский процент; но таких сведений нет.

Снисходительность властей к *ihwtyw*, по уважительным «экологическим» причинам не способным выплатить подать, была вызвана прежде всего опасениями бегства земледельцев от их работ. Нехватка рабочих рук ощущалась в зерновом хозяйстве Египта даже в благополучные времена³, а в неурожайные лихолетья из-за голодных смертей и массового бегства она резко усугублялась и приводила к катастрофическим последствиям⁴.

Есть основания считать, что *ihwtyw* и их начальники старались вовсе не доводить дела до появления «недоимки». Едва после наводнения выяснялась непригодность данного поля, земледелец и его начальство спешили найти для возделывания другой плодородный участок. В некоторых случаях *ihwtyw* мог быть временно направлен на иные работы.

Емельянов В. В. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

Старовавилонский «Разговор Отца с Сыном» как нарушение шумерских жанровых канонов

История диалогических текстов древней Месопотамии в настоящее время не имеет отдельного исследования и изучена слабо, поскольку они постоянно сравниваются с античными или ближневосточными диалогами, а их собственной

¹ P. Brooklyn 35.1446 rto, d; Di Teodoro M. Labor Organization in Middle Kingdom Egypt. London, 2018. P. 27–48, 62–82.

² Теперь см.: Kasparian B. Le contrat de prêt et ses variantes de l’Ancien au Nouvel Empire égyptien // Démare-Lafont S. (ed.). Debt in ancient Mediterranean societies, a documentary approach. Genève, 2019. P. 87–110.

³ Eyre C. J. Peasants and “Modern” Leasing Strategies in Ancient Egypt // *The Journal of the Economic and Social History of the Orient*. 1997. Vol. 40, iss. 4. P. 368, 378, 380; idem. The Village Economy in Pharaonic Egypt // Bowman K., Rogan E. (eds.). Agriculture in Egypt from Pharaonic to Modern Times. London, 1999. P. 48, 51; idem. The Use of Documents in Pharaonic Egypt. Oxford, 2013. P. 186–187.

⁴ Демидчик А. Е. «Годы голода» в Номе белой антилопы: о древнеегипетском землепашестве в Первый переходный период — начале Среднего царства // *Восток (Oriens)*. 2023. № 3. С. 25–26.

специфике уделяется мало внимания¹. Можно предложить их предварительную классификацию. Диалогичность делится на внешнюю (спор, поединок, согласие двух человек) и внутреннюю (разговор человека с самим собой). Говоря о внешней диалогичности, мы можем различать следующие ситуации взаимодействия героев: 1) обращение одного человека к другому, равному ему, без предоставления другой стороне права на ответ; 2) дистанционное общение равных героев через гонцов; 3) прямое общение героев, когда возможны ситуации: а) перебранки равных, б) диспута и поединка равных, в) только диспута равных, г) диалога старшего и младшего, д) постоянного согласия друг с другом господина и раба. До сих пор перед нами были ситуации, связанные с твердо закрепленными композициями в рамках отдельных жанров: царских надписей, школьных споров, прений о превосходстве, теодицей. И пока ни разу не удавалось рассмотреть ситуацию, когда бы текст диалога сознательно нарушал жанровые каноны, превращаясь в эстетическую новацию.

Такую возможность предоставляет нам недавно опубликованный старовавилонский текст, условно названный издателями «Разговор Отца с Сыном». Он происходит из Ларсы и записан примерно в XIX в. до н. э. курсивным письмом на глиняной призме, хранящейся в собрании Йельского музея (YBC 2394)². Некоторые термины и детали текста указывают на его связь с городом Мари. Но в самом тексте упомянут только древний город Аккад.

У текста два героя. Отца зовут *Пут-Иштар* «Люб Иштар», он хмурый и гневный, как эта богиня, и всегда готов к ругани. При этом он называет себя мудрецом Атрахасисом. Сына зовут *Манну-утарриссу* «Кто сделал его процветающим?». Ответ: никто, он вырос без отцовской любви. Сын называет Отца только уменьшительным именем *Путти*, что нехарактерно для общения младшего со старшим.

В первых строках текста сразу идет пародия на начало шумерского диалога отца-писца и его сына. Отец хочет дать Сыну совет и готов разразиться монологом, состоящим из поучений. Но Сын не принимает его мудрость и аргументированно возражает ему. Он говорит, что главное — это удача, везение (*ламассу*), а не мудрость, поскольку мудрость достигается самим человеком, а удача исходит от бога. Оказывается, что Отец служил при только что умершем Нарам-Суэне, а при новом правителе Шаркалишарри он потерял милость. Сын же, напротив, укрепился при новом государе и теперь предъявляет отцу счета за свое несчастливое детство. Отец говорит, что есть сыновний долг. Сын не слушает его. Он заявляет: «*Путти*, тот, кто с человечеством, смертен, тот, кто с богом, живет вечно, а о сыне, который в отцовском доме был ущемлен, позаботится царь» (II. 6. 13–16). То есть существуют два уровня заботы — отцовская и царская. И они соответствуют двум уровням отношений — с людьми и с богом. Отец взывает к его сыновнему

¹ Haubold J. *Greece and Mesopotamia: Dialogues in Literature*. Cambridge: Cambridge University Press, 2013; Jiménez E., Mittermayer K. (eds.). *Disputation Literature in the Near East and Beyond*. Berlin; Boston: De Gruyter, 2020.

² Foster B., George A. An Old Babylonian Dialogue between a Father and His Son // *Zeitschrift für Assyriologie und vorderasiatische Archäologie*. 2020. Vol. 110. № 1. P. 37–61.

долгу. Однако Сын отвечает, что когда боги устанавливали предопределения, то определили отцу любить сына, но не определили сыну любить своего отца. После увещаний Отец вступает в открытый конфликт с Сыном, призывая в свидетели Подземный мир. Он говорит Сыну, что скоро умрет, а его дети поступят с нечестивым отцом так же, как *Манну-утарриссу* поступил с ним самим.

Текст заканчивается длинным проклятием Отца в адрес Сына, что роднит его с «Проклятием Аккаду» и с формулами проклятий в царских надписях. Еще одно нарушение канона в том, что Сын предлагает Отцу тяжбу перед лицом Шамаша как третейского судьи. Согласно канону шумерских прений, в конце диспута или тяжбы победитель назначается третейским судьей. Однако здесь Отец отвергает возможность тяжбы и в последней строке проклятия говорит, что дело сына никогда не разрешится для него благополучно.

Помимо того, что текст нарушает каноны поучения, прения, разговора писца с сыном, он, несомненно, примыкает к аккадским эпическим текстам о Нарам-Суне и тем самым противостоит инвективам в адрес этого царя, известным из шумерского «Проклятия Аккаду». И совсем невероятно, что он дает нам новые сведения о судьбе царя Киша Этаны, который взлетел на Небо на орле в поисках «травы родов» для своей жены. Долгое время мы не знали, долетел ли Этана до Неба и достиг ли он своих целей. Фрагмент старовавилонского диалога недвусмысленно говорит о неудаче Этаны:

Путти, ты знаешь,
что Этана в поисках ребенка
Бродил по нагорьям,
Как птица, к Собранию богов
Он вознесся на [Небо].
Человеческий удел они ему определили.
Боги к нему не приближались,
Ребенка ему не даровали
Среди судеб.

(II. 10. 43–51)

Взлетев на Небо и представ перед Собранием богов, Этана не получил от них желанную «траву родов» и не обрел родного сына. Намек Отца на потомство его Сына как глиняный черепок, подобранный на улице и не имеющий бога-защитника, говорит о приемыше. Возможно, Балих, упомянутый в Царском списке как наследник Этаны, был не родным, а приемным сыном кишского царя. Если наша интерпретация фрагмента верна, то история Этаны попадает в число историй о неудачах героев обрести желаемое через растения. Адапа лишился бессмертия, отказавшись отведать воду жизни и растение жизни, и Гильгамеш также лишился бессмертия, утратив омолаживающий цветок. Теперь к этой истории можно присоединить и историю Этаны, поднявшегося в Небо, благополучно вернувшегося, но не получившего в результате своего визита законного наследника.

Еранин С. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

Сфера деятельности высокопоставленного чиновника Бальмунамхе в свете новых источников (южномесопотамский г. Ларса, XIX–XVIII вв. до н. э.)

Исследования, связанные с личностью и деятельностью Бальмунамхе, сына Син-нур-матима, а также с его семьей и окружением, начатые с момента публикации клинописных текстов из телья Сенкере (древний город Ларса) в 1910-е гг., продолжают до сих пор благодаря обнаружению и изданию новых источников (правовых и административных документов, а также царских, деловых и частных писем). Первая публикация, посвященная Бальмунамхе, появилась в 1918 г. Из последующих наиболее значимыми являются работы М. ван де Мирупа, Н. В. Козыревой, Т. Бреквольдта, Х. Дикхофа¹. В докладе рассматриваются пять писем, изданных за последние 15 лет.

Из 217 писем, изданных в 15-м томе Йельской Восточной серии², два представляют собой царские письма, отправленные от имени царя Ларсы Рим-Сина I (правл. 1822–1763 гг. до н. э.) к Бальмунамхе и его коллегам. В плохо сохранившемся письме YOS 15 20 царь приказывает чиновникам Лу-Нинурте и Бальмунамхе, чтобы они открыли амбар (вероятно, царского хозяйства) для выдачи зерна. В YOS 15 22 дается повеление группе из шести лиц — Лу-Нинурта, Бальмунамхе, Ипку-Эрра, Иддин-Син, Зимулуд и Симмеме — быть внимательными по отношению к «Городу (т. е. Ларсе), его стене, укреплениям и гарнизонам» (*a-na a-lim du-ri-im hal-si ù ma-ša-ra-tim la te-e-gi-a*, стк. 9–10).

Среди 221 письма (из частного собрания Мартина Скёйена), изданного в 2018 г. Эндрю Джорджем³, в двух фигурирует Бальмунамхе. В письме CUSAS 36 152 десять старейшин города Адаба пишут некоему Варад-Амурруму о собрании, созванном по приказу Бальмунамхе ради выяснения дела о несанкционированном употреблении качественной муки, в котором их обвиняет отправленный к Бальмунамхе донос; в результате собрания перед эмблемами (^{gis}TUKUL) богов было выявлено, что «хищения не случилось» (*ši-gi-il-tum ú-ul i-ba-aš-ši*, стк. 23–24). CUSAS 36 198 Уци-Арах сообщает Анна-илиму, что по прибытии в город Ларса

¹ Grant E. Balmunamḫe, the Slave Dealer // *The American Journal of Semitic Languages and Literatures*. 1918. Vol. 34. No. 3. P. 199–204. Van de Mieroop M. The Archive of Balmunamḫe // *Archiv für Orientforschung*. 1987. Vol. 34. P. 1–29; Козырева Н. В. Древняя Ларса. М., 1988 (гл. 5); Breckwoldt T. Management of grain storage in Old Babylonian Larsa // *Archiv für Orientforschung*. 1995/6. Vol. 42–43. P. 64–88; Dyckhoff Ch. Das Haushaltsbuch des Balamunamḫe. München, 1999; Козырева Н. В. Очерки по истории Южной Месопотамии эпохи ранней древности. СПб., 2016. С. 403–419.

² Goetze A. Cuneiform Texts from Various Collections. Yale Oriental Series, Babylonian Texts, Vol. 15. New Haven; London, 2009.

³ George A. R. Old Babylonian Texts in the Schøyen Collection. Part One. Selected Letters. Manuscripts in the Schøyen collection. Cuneiform texts XI. Cornell University Studies in Assyriology and Sumerology (CUSAS). Vol. 36. Bethesda, 2018.

он был задержан Бальмунамхе из-за неоплаченных 120 сиклей серебра, рыночной цены за волов (KAR.GU.LA *ša al-pi-i-ka*, стк. 21); автор просит Анна-илима прислать серебро, необходимое для его освобождения.

Наконец, в одном письме из коллекции Йельского университета (YBC 7566) Цилли-Шамаш сообщает своему «господину», т. е. Бальмунамхе, об исполнении его поручения, а именно перевозки 18 000 л зерна в город Ларса в «стандартных емкостях-парсику Дома» (^{gis}BA.ĠÍ.GA ĠI.NA *ša bi-tim*, стк. 5). Емкости-парсику (шум. ^{gis}BA.ĠÍ.GA / PI, акк. *parsiktum*) использовались для измерения и транспортировки зерна (CAD P 192–193). «Домом» (шум. É, акк. *bītum*) в административных документах и письмах назывался хозяйственный институт, возглавляемый Бальмунамхе¹.

Рассматриваемые письма указывают на высокое положение, которое Бальмунамхе, по всей видимости, занимал в дворцовой бюрократии; так, в сферу его ответственности входило распоряжение зернохранилищами города Ларса, а также обеспечение его обороны. Кроме того, письма свидетельствуют о некой судебной-исполнительной власти, которую имел Бальмунамхе в г. Ларсе и за его пределами, а также дают основание предполагать, что хозяйственный институт, которым управлял Бальмунамхе, был одним из самых крупных в городской хозяйственной системе, о чем свидетельствует упоминание своего собственного стандарта измерения («стандартная емкость-парсику Дома»).

Золотухина С. Р. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

«Хороший день»: сопоставление библейского *yōm tōb* с египетским *hrw nfr*

Словосочетание *hrw nfr* (дословно «хороший день») было у египтян обозначением времени, отличающегося от рутины повседневных трудовых будней. *hrw nfr* — это беззаботные и наполненные удовольствиями часы вообще, в особенности же — устроенное частным лицом торжество.

Любопытно и то, что в библейских текстах, где нередко встречаются сходства с египетскими источниками, словосочетание «хороший день» (др.-евр. *yōm tōb*) несколько раз употребляется в значении «празднество»². Сохранилось это выражение и в более поздних источниках³, а в современном иврите названное словосочетание так и означает «праздник, праздничный день»⁴.

¹ Козырева Н. В. Очерки по истории Южной Месопотамии эпохи ранней древности. СПб., 2016. С. 420–454. Yeranin S. An Unpublished Letter to Balmunamhe (YBC 7566/YPM BC 21632) // *NABU*. 2024/102. P. 159–160.

² Brown F., Driver S. R., Briggs C. A. *The Hebrew and English Lexicon*. Boston: Houghton, 1906. P. 373.

³ Jastrow M. *A Dictionary of the Targumim, the Talmud Babli and Yerushalmi, and the Midrashic literature*. London, New York, 1903. P. 569.

⁴ Дроп М. Еврейско (иврит)-русский словарь. Тель-Авив, 1991. С. 165.

Цель доклада — выявить особенности проведения «хорошего дня» в библейских источниках и сопоставить их с египетским *hrw nfr*¹.

В библейском корпусе «хороший день» в этом значении засвидетельствован всего четыре раза (в двух сюжетах), причем именно как не ритуально-религиозное торжество (как, например, *hag* ‘festival-gathering, (pilgrim-)feast’)², а скорее светско-бытовое, в духе гулянья. В Первой кн. Царств «хороший день» подразумевает празднество с мясной пищей по поводу начала сезона стрижки овец (1 Цар. /1 Сам. 25:8–11)³. В кн. Эсфири (Эсф. 8:17; 9:19; 9:22)⁴ — с ликованиями иудейского народа из-за ликвидации указа, который был издан волей царедворца Амана, задумавшего истребить всех евреев Персии. Однако, вероятно, *yōm tōb* «хороший день» отличается от древнееврейского слова *mištā(h)* «пир(шество)» (< ŠTY ‘пить’)⁵. В кн. Эсфири в одном контексте упоминается «радость, ликование, пир (*mištā(h)*), хороший день (*yōm tōb*)»; здесь же «хороший день» выступает антонимом к «скорби/оплакиванию». Торжество сопровождается дарением порций (*mānā*) друг другу и подарков бедным (Эсф. 9:22).

В Септуагинте на древнегреческий язык словосочетание переводится дословно *hēmeran agathēn* («хороший день»). В некоторых фрагментах названное сочетание опускается и не переводится вовсе; в книге Эсфири (Эсф. 9:22) добавляется упоминание о свадебном торжестве (*gamos*)⁶, отсутствующее в тексте на древнееврейском языке. Для обозначения праздничного дня или торжественного события в источниках на древнегреческом словосочетание *hēmeran agathēn* встречается редко.

Иванова С. А. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

Специальные выдачи для командированного персонала в правление Хаммурапи (1792–1750 гг. до н. э.): по письмам AbV 2 27 и 2 44

В Южной Месопотамии в обмен на службу администрация обеспечивала работающий на нее персонал предметами первой необходимости. Рационы или выдачи — это рассчитанный в ходе многовековой практики необходимый для поддержания существования и трудовой деятельности работника прожиточный

¹ Сердечно благодарю Адель Владимировну Немировскую, подсказавшую мне идею такого сравнения.

² Brown F., Driver S. R., Briggs C. A. The Hebrew and English Lexicon. Boston, 1906. P. 8290–291.

³ Biblia Hebraica Stuttgartensia / Ed. K. Elliger, W. Rudolph. Stuttgart, 1990. P. 492.

⁴ Biblia Hebraica Quinta: Esther / Ed. M. Sæbø. Fasc. 18: General Introduction and Megillot. Stuttgart: Deutsche Bibelgesellschaft, 2004. P. 91–92, 94.

⁵ Brown F., Driver S. R., Briggs C. A. The Hebrew and English Lexicon. Boston, 1906. P. 1059.

⁶ Septuaginta. Id est Vetus Testamentum graece iuxta LXX interpretes / Ed. A. Rahlfs. Verkleinerte Ausgabe in einem Band. Stuttgart, 1979. P. 971.

минимум из тех продуктов, которые производились в хозяйстве. Рационы были как повседневными или базовыми, так и дополнительными, выдававшимися только определенным группам персонала¹.

Общее обозначение для рациона (шум. *šuku*, акк. *kurummatum*) часто заменялось более конкретным сочетанием терминов (например, шум. *še.ba*, акк. *iprum* ‘зерновая выдача’; шум. *i.ba*, акк. *piššatum* ‘выдача масла-мази’; шум. *sá.dug₄*, акк. *šattukku* ‘храмовое подношение’). Для командированных работников был предусмотрен специальный паек *šiditum*: среди продуктов питания, входивших в него, упоминается ячмень, финики, пшеница, кресс-салат, масло, соль и пиво. Дорожное довольствие порой заменялось денежной компенсацией².

Помимо продуктов питания, работников обеспечивали одеждой (шум. *šig.ba/túg.ba*, акк. *lubušum*), шерстью для изготовления тканей или серебром на ее приобретение³. Несмотря на внушительный по составу перечень продукции в списках выдач, регулярному получению подлежали только ячмень (примерно 2 л в день на одного взрослого мужчину), масло (4 л в год) и шерсть (2–3 кг в год).

Среди корпуса писем Хаммурапи к его чиновникам можно выделить два письма, чье содержание касается вопросов обеспечения отрядов работников (ERIN₂). Обе клинописные таблички, хранящиеся ныне в коллекции Британского музея, впервые были опубликованы Л. Кингом в 1898 г. (The Letters and Inscriptions of Hammurabi / LII 1 27 и 44). Позднее они были включены в издание А. Унгнада 1914 г. (Vorderasiatische Bibliothek / VAB 6 48 и 34) и Р. Франкены 1966 г. (Altbabylonische Briefe in Umschrift und Übersetzung / AbB 2 27 и 44).

Анализ данных текстов показал, что выдачи, упомянутые в них, относятся не к повседневным, а к классу специальных, по случаю командировочных работ. В письме AbB 2 27 для выполнения работ строительного характера (*tupšikkum*) привлекаются люди, которым полагается месячный рацион-*isimmānum*, а также лодка вместимостью 10 гур (=3000 л.). *isimmānum* — обозначение вида продовольствия, которое чаще всего выдают на время поездки или путешествия, а количество этого продукта зависит от того, на сколько времени рассчитана поездка (в данном случае — на месяц). Изначально словом *isimmānum* именовалась закваска для приготовления пива. Считается, что слово *isimmānum* стало применяться для обозначения провианта путешественников, поскольку проростки и высушенный ячмень могли долго сохранять свои полезные свойства и не требовали сложных условий хранения в условиях дальних поездок (CAD [The Assyrian Dictionary of the University of Chicago] I, p. 193).

Лодки часто выдавались для выполнения служебных заданий, так как в Южной Месопотамии хозяйство зависело от обширной ирригационной сети, питаемой

¹ Козырева Н. В. Очерки по истории Южной Месопотамии эпохи ранней древности (VII тыс. до н. э. — середина II тыс. до н. э.). СПб.: Контраст, 2016. С. 382–383.

² Jankovic B. Travel Provisions in Babylonia in the First Millennium BC // *L'archive des Fortifications de Persépolis. États des questions et perspectives de recherches*. Vol. 12. 2008. P. 429–435.

³ Waetzoldt H. Kleidung // *Reallexikon der Assyriologie und Vorderasiatischen Archäologie*. 1983. Bd. 6. S. 18–25.

главным образом р. Евфрат. Каналы выполняли как оросительную функцию, так и транспортную. Поскольку лодки были основным средством передвижения, на них перевозилось все: предметы первой необходимости, такие как основные сельскохозяйственные продукты (зерно и финики), а также строительные материалы, различные инструменты, скот, подношения богам, статуи, товары и, что не менее важно, гражданский и военный персонал. Во II тыс. до н. э. в Месопотамии использовался единственный метод измерения вместимости лодки: по ее грузоподъемности, основной единицей измерения которой был ‘гур’ (шум. *gur* / акк. *kurru* = 300 л.). Объем лодок обычно колебался в пределах от 5 до 150 гур, однако при масштабных грузоперевозках использовались лодки вместимостью и 300 гур¹.

Во втором письме (AbB 2 44) Хаммурапи приказывает чиновнику Син-иддинаму выдать командированному персоналу одежду. В перечне выданных предметов присутствуют: шарф (^(túg)GÚ / *kišādum*), накидка (^(túg)GÚ.È / *nahlaptum*), головной убор (^(túg)BAR.SI / *paršigum*), обувь (^(kuš)E.SÍR / *šēnum*). Кроме того, призывники получили либо бурдюк, либо оберточный кусок кожи (^(kuš)mašlûm), предназначенный для хранения и транспортировки текстильных изделий (CAD M, p. 380, ANW [W. von Soden, *Akkadisches Handwörterbuch*], S. 628). Наконец, в списке упоминается масло, которое вряд ли предназначалось для употребления в пищу. Скорее всего, оно использовалось для поддержания сохранности кожаных изделий или же для умащения.

Рассмотренные царские письма (AbB 2 27 и 44) не дают представления о повседневном снабжении работников (ERIN₂). Упомянутые в них выдачи можно отнести к типу разового дорожного довольствия (снабжения командировочного). Согласно текстам, царская администрация выделяла такие рационы только конкретным группам призванных на государственную службу. Выдачи были разнообразными по составу и включали продовольствие-*išimmānum*, транспортные средства (лодки вместимостью 10 гур), (верхнюю) одежду, головные уборы, обувь и масло (для косметических целей).

Изосимов Д. А. (ИВИ РАН, ИВ РАН, Москва)

Египетские топосы вставных новелл из LI главы «Хроники» Иоанна Никиусского²

В LI главе коптской «Хроники» Иоанна Никиусского представлено описание покорения Египта Камбисом-Навуходоносором. Описываемые в данной

¹ Weszeli M. Water transport in 2nd Millennium BC Babylonia and Mari. Its organization and economic importance // *eTopoi, Journal for Ancient Studies*. 2020. Special Vol. 7. Warburton D. A. (ed.). Political and Economic Interaction on the Edge of Early Empires. P. 87–115 (см. P. 87–90).

² Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда в рамках проекта № 24-18-00378 «Происхождение и состав позднеантичной и средневековой картины прошлого Ближнего Востока и Эгеиды в древнейший (доахеменидский) период», <https://rscf.ru/project/24-18-00378/>.

главе события являются контаминацией двух различных чужеземных вторжений — вавилонского вторжения царя Навуходоносора II и похода персидского царя Камбиса II. Вместе с тем основное описание похода перемежается с короткими рассказами («новеллами») о борьбе египтян (герой Фусид, царь Маджиб и его сын Элькад) против завоевателей. Исследователи XX в. отмечали, что некоторые из данных новелл имеют схожие моменты с рядом сообщений из «Истории» Геродота. В частности, история об убийстве детей Камбиза-Навуходоносора на глазах армии противника из «Хроники» Иоанна Никиусского повторяет в своем основном сюжете рассказ об убийстве детей Фанеса перед персидской армией (*Hdt.* III.11). При этом обе истории не имеют других схожих деталей, помимо факта показательной казни детей противников египтян и времени действия (во время похода Камбиза на Египет). В связи с этим высказывались предположения, что появление в «Хронике» рассказа об убийстве детей Камбиза было не прямым заимствованием сюжета у Геродота, а рецепцией греческой традиции.

Относительно других «новелл» из LI главы «Хроники» высказывались предположения, что они являются отображением событий времени ассирийского господства над Египтом. На это указывает, во-первых, именование чужеземцев «ассирийцами», во-вторых, наличие в Египте одновременно нескольких правителей (царя Априя, а также царя Маджиба и Элькада), в-третьих, упоминание более ранних конфликтов с ассирийцами, в которых участвовал герой Фусид. Однако попытки определить первоисточники данных «новелл» не предпринимались, что связано со скудностью египетских источников, современных господству ассирийцев.

Следует заметить, что эпоха ассирийского господства является временем действия различных историй из т. н. цикла об Инаре / Петубасте — рассказов, описывающих деяния различных правителей Дельты, в первую очередь правителя Атрибиса Инара, его родственников и приближенных к ним воинов. Дошедшие до наших дней папирусы с циклом об Инаре датируются II–III вв. н. э., хотя сам цикл начал складываться, по всей видимости, еще в V в. до н. э. Данные истории сохраняли свою популярность на протяжении греко-римского времени. На одном из плохо сохранившихся папирусов с историей об Инаре присутствует сюжет о проведении египтянами ночной вылазки в стан врага с целью «унизить» противника. Подобный мотив проявляется в «новелле» о краже детей Камбиза в «Хронике», где царские отпрыски и жены были похищены героем Фусидом, причем похищены из Сирии и Ассирии, где воевал Фусид. Хотя из-за плохой сохранности папируса с историей об Инаре сложно судить, насколько история из «Хроники» близка к нему, отметим, что в обоих рассказах выражен общий мотив — мотив унижения противника, которое совершает «народный» герой (Инар или Фусид).

Кроме того, новеллы «Хроники» используют ряд топосов, которые встречаются на царских памятниках VII в. до н. э. К примеру, поражение царя Элькада и его последующая сдача на милость царю Камбису имеет схожие моменты с сюжетом из «Стелы Сна» царя Танутамона. На царском памятнике упоминается, что напатский царь Танутамон осадил крепость правителей Дельты, и к нему явилась делегация

во главе с правителем Сафт-эль-Хенны Пекруром (который также фигурирует в цикле об Инаре!) с предложением сдаться ему. Однако напатский царь щадит правителей Дельты и разрешает им вернуться в свои владения и управлять ими. Схожий мотив о пощаде правителя по отношению к противнику фигурирует в ряде демотических рассказов. Таким образом, в сюжете об Элькаде также мог быть использован данный египетский мотив, лишь с тем отличием, что применяется он не к правителю Египта, а к чужеземцу-покорителю.

Использование различных мотивов и топосов египетских письменных памятников II–I тыс. до н. э. при описании событий похода Камбиза-Навуходоносора на Египет не является уникальным для коптской литературы. Ранее А. А. Баньщиковой на примере другого коптского произведения, связанного с походом Камбиза-Навуходоносора на Египет — «Романе о Камбизе» — было показано, что в нем использовались различные мотивы, характерные для египетской письменной традиции II–I тыс. до н. э. Существенные различия в использовании данных топосов в «Романе» и «Хронике» связаны с жанровыми принадлежностями обоих памятников.

Кормышева Э. Е. (ИБ РАН, Москва)

Западный Драгаб вчера и сегодня (по материалам археологической экспедиции ИБ РАН)

В 2019 году были начаты раскопки Института востоковедения РАН в Западном Драгабе, расположенном в 300 м от окружной стены храма Амона в *Royal city*. В 1910 году здесь работала экспедиция Дж. Гарстанга, в ходе которой он обнаружил храм, названный храмом Исиды М 600. Он предположил, что сооружение было переиспользовано как христианский храм — *кениса*, что подтверждается археологическими находками¹, однако ни в публикациях, ни в его архиве в Ливерпуле, данных, свидетельствующих о существовании здесь церкви, не найдено.

Участник экспедиции А. А. Воробьев отметил явные различия плана Дж. Гарстанга, М 600 и той территории, которая была раскопана нашей экспедицией².

Выявленные сооружения были сделаны из обожженного и сырцового кирпича, связанного глиняным раствором. Прослеживаются 4 конструктивных периода. Самый нижний слой показывает мероитский тип в виде поперечно-продольной кладки красного кирпича.

¹ Garstang J., Sayce A. H., Griffith F. Ll. Meroe. The city of the Ethiopians. Being an account of a first season's excavations on the site, 1909–1910. Oxford, 1911. P. 17–19.

² А. А. Воробьев. В поисках храма Исиды М 600 // Востоковедные полевые исследования. Материалы Всероссийской научной конференции 2023 г. М., 2024. С. 45–49.

Виды орнамента на фрагментах расписной и штампованной керамики свидетельствуют о принадлежности большинства из них к храмовой утвари. Отдельные фрагменты с вдавленным узором, линейным и в виде ромбов свидетельствуют об элитной принадлежности такой посуды.

Найденный фрагмент кратера был сделан из нильской глины с светлыми включениями песка и железистыми компонентами, с кварцевым песком, и частицами слюды. Круглая форма свидетельствует об использовании гончарного круга для формирования всего тела кратера. Монотонный коричневый цвет всей поверхности говорит о высокой температуре с неограниченным прохождением кислорода во время обжига. Однако серый слой указывает на кратковременное нахождение под воздействием высокой температуры.

Орнамент по всей поверхности представляет собой виноградную лозу с листьями. Содержание и стилистика исполнения типичны для эллинистических орнаментов и известны на керамике Мероэ конца I — начала II в. н. э.

В нише северной стены пронаоса были найдены скелеты хищных птиц, около захоронения которых лежали большие фрагменты керамики, а также бронзовые статуэтки Осириса, ребенка Хора, локон Хора. Скелеты птиц были найдены также около северной стены храма сразу за входом. Сравнительный материал из раскопок в Кесне (Египет) показал, что для захоронения мумифицированных птиц там использовались сосуды.

Присутствие птиц свидетельствует о связи их погребения с культом, практиковавшимся в храме. И в Египте, и в Судане, захоронения птиц сопровождались votивными фигурками Осириса или Исиды с Хором-ребенком. Однако, в Западном Драгабе нет следов мумификации.

Рассмотренный материал раскопок храма Западного Драгаба свидетельствует о единых корнях обычаев захоронения священных птиц в Египте и Судане. Отличие суданских находок от египетских захоронений заключается в отсутствии мумифицированных птиц.

Проблема связи захоронений хищных птиц в храме Западного Драгаба с владыкой храма остается открытой. Можно предположить, что цель содержания и захоронения птиц была связана с их использованием в ритуале коронации. В этом случае храм Западного Драгаба, расположенный параллельно храму Амона в царском городе Мероэ, мог быть пунктом коронационного путешествия царя, как воплощения Хора.

Раскопки в крайнем западном секторе показали наличие помещений с остатками круглых конструкций. Они находятся на самом нижнем уровне раскопа и имеют вид полукружий, уходящих под перекрытие стены. Это остатки основ круглой формы для частокола ограды. Стены помещения относятся к первому строительному периоду и по конструкции и размерам имеют сходство с *менену* Дуки Гель времени Тутмосидов. Такой способ ограждения использовался и при XXV династии.

Находка на территории концессии южнее раскопанного храма статуи льва свидетельствует о наличии нескольких храмовых сооружений или большого

религиозного комплекса в Западном Драгабе. Такой же лев был найден в Хамадабе (южный пригород Мероэ). Сравнительный анализ находок позволяет предположить, что Западный Драгаб мог быть северным пригородом Мероэ.

Кущенко Д. Д. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

Новый остракон с сатирическим письмом Хори (р. Anastasi I)

Остракон под номером OL 4251 из коллекции Французского института в Каире (IFAO) происходит из Дейр эль-Медины. Он был обнаружен при раскопках 1949 г. в яме, теперь обычно называемой «Grand Puits». В ходе работы над памятником было обнаружено, что он содержит фрагмент сатирического письма Хори, известного по р. Anastasi I. На сегодняшний день известно по крайней мере о пяти папирусах и почти восьми десятках остраконах, на которых полностью или частично дошло это произведение. Основной работой, посвященной этому тексту, можно считать труд Х.-В. Фишера-Эльфрета, в котором он рассмотрел все известные на тот момент версии на папирусе и остраконах, выпустив синоптическое издание, а также привел комментированный перевод произведения.

Сатирическое письмо Хори является «ответом» на вымышленное письмо, которое писец получил ранее, где автор полемизирует с читателем и с иронией отвечает на все выдвигаемые против него обвинения. При этом текст содержит самые разнообразные темы, а внутри самого произведения сменяются и смешиваются различные жанры. На сегодняшний день большинство исследователей склоняются к тому, что существовало две версии сатирического письма: фиванская и мемфисская; при этом стоит отметить, что фиванская была объемнее.

Остракон OL 4251 содержит строки 1.2–1.7 сатирического письма Хори. Его размеры составляют 23,5 см в высоту, 6,8 см в ширину и 1,1 см в толщину. Памятник обломан с обеих сторон, а по недостающим фрагментам рукописного текста можно предположить, что с каждой не хватает около 6 см.

Лицевая поверхность покрыта светлой краской, на которой видны пятнадцать строк, к сожалению, сохранность их очень плохая, большая часть штрихов и знаков была стерта почти полностью. Обратная сторона без покрытия, пять строк написаны ровным и регулярным почерком. Кроме того, заметно отличие почерка на лицевой стороне памятника, где он небрежнее. Однако это не означает, что у нас представлены две разных руки: возможно, такая разница в написании возникла из-за неровной поверхности материала.

Наверху сохранилась дата: 22-й год 3-й месяц сезона *šmw* день 12, когда ученик, вероятно, выполнил задание. По палеографическим признакам остракон относится ко времени правления XX династии. Можно предположить, что текст был записан в царствование Рамсеса III или Рамсеса XI, поскольку лишь эти два правителя

удерживали власть настолько долго. Надписи выполнены черными чернилами, и возможно в них были расставлены стиховые точки.

Остракон можно отнести к фиванской версии сатирического письма Хори, поскольку некоторые стихи встречаются только на версиях из Дейр эль-Медины, как в строках x1, x2, x6, x7, x14, x15 recto:

«*ns pw sšs3.w m i3w.t=f*»
 «*rḥ št3.w m p.t t3 dw3.t*»
 «*tp.i n wṇḏwi.t=f m-ḥn.w m^ch3w.t=f*»
 «*ḥbs pw ḥr w3.t n.t ḥm.w*»
 «*...ḥtḥt m sšs3*»
 «*r sšsr m šmr.t*»
 «*pr sw m šfdi=f mit.t dnḥ.w*»

и x1, x2 verso:

«*dni.t pw n rḥ.yt nḥm.n=f w3.t=sn*»
 «*šn^{cc}=f h3n.w=sn nḥm ḥ3y.t=w*»

Кроме того, в x14 строке сохранился стих «*r sšsr m šmr.t*» — «более резв в разметке листа папируса, **чем стрела из лука**», который дошел до нас только в этой версии. Такую конъюнктуру уже предлагал Х.-В. Фишер-Эльфрет, хотя на двух других остарконах этот текст полностью не сохранился.

В докладе будут рассмотрены палеографические особенности памятника, приведены факсимиле, транскрипция и грамматический комментарий.

Лаврентьева Н. В. (ГМИИ им. А. С. Пушкина,
 Гос. институт искусствознания, Москва)

Трем смертям не бывать, а одной не миновать?

В древнеегипетской литературной традиции тема избегания опасности — одна из движущих для развития сюжета. История о царевиче, которому предназначена трижды опасная «судьба», исходящая от змеи, крокодила и собаки, уже тем фактом, что герой и деятель повествования находится под предначертанной судьбой опасностью, дает надежду на счастливый конец: вопрос в том, как представляли его себе египтяне. Известный нам всем благополучный финал путешествия у «Потерпевшего кораблекрушение» — «нет потерь в команде нашей» — также подпитывает эту надежду; интереснее то, как эта цель будет достигнута и какие испытания и волшебные помощники необходимы, чтобы прийти к «благополучному завершению».

Финал сказки об Обреченном царевиче не раз оказывался в фокусе внимания египтологов с публикации 1874 г.¹ Одно из первых восстановлений принадлежит перу Г. Эберса, который превращает окончание этой истории в невероятное и захватывающее приключение². Была версия и у Г. Масперо³. В последние годы эта тема неоднократно обсуждалась М. А. Чегодаевым⁴ и С. Ю. Неклюдовым⁵ в «системе координат» фольклористики. Этот подход представляется продуктивным и позволяющим, по крайней мере, сузить количество возможных вариантов финала истории. Привлечение дополнительного источника с изображением сцены спасения от крокодила может также пролить свет на обстоятельства литературной обработки этого сюжета.

Три «агента судьбы»⁶ вполне успешно могут претендовать на роли божественных судей — испытателей царевича. В тексте неоднократно упоминается богобоязненность царевича и совершение подношений богам, в таком случае он «пуст от зла» и может успешно пройти испытания.

Ключевым моментом является поединок царевича с «водяным» духом, сидящим в пруду. Интересно, что дух этот не описывается, мы не знаем, как он выглядит. Бьются они с крокодилом три месяца, и никто не может одолеть. Можно предположить, что это отражение, поэтому даже такой сильный противник, как крокодил, не может его победить. На это указывает и то, что бьются они только при свете дня. Три месяца могут быть здесь указанием на очень долгий срок. Может показаться, что это столкновение и есть наивысшая точка повествования, после которого финал очевиден. Однако, как и в случае истории с добытой женой, этот элемент повествования является поворотной точкой для введения новой «сюжетной арки».

¹ Goodwin Ch. W. Transactions of the Society of Biblical Archaeology. T. 3. London, 1974. P. 349–356.

² Завершение истории, предложенной немецким египтологом и романистом Г. Эберсом можно прочесть в переводе И. С. Кацнельсона и Ф. Л. Мендельсона «Обреченный сын фараона» // Древний Египет: сказания и притчи. М., 2000. С. 142–159, ком. 449–450. Однако переводчики подчеркивают, что внесли в этот вариант ряд своих изменений.

³ Великий французский египтолог Г. Масперо также пытался восстановить утраченный конец истории. См.: Maspero G. Contes populaires de l’Egypte ancienne. IV ed. Paris, 1911. Он полагал, что царевичу не удастся избежать предназначенной для него судьбы, и он погибнет насильственной смертью.

⁴ Чегодаев М. А. Сказка о зачарованном царевиче [пер., комм.] // Сказки древнего Египта / ред. и сост. Г. А. Белова и Т. А. Шеркова. М., 1998. С 47–52 [пер.], 235–239 [комм.]; Чегодаев М. А. Какое сюжетное завершение мог бы иметь текст «Обреченного царевича»? (Осенняя школа «Фольклор: проблемы и методы исторических реконструкций» Институт высших гуманитарных исследований РГГУ, 22–24 сентября 2003 г.) [лекция].

⁵ Неклюдов С. Ю. Обречен ли царевич? О сюжетной реконструкции фрагментарных памятников традиционной словесности // «Осколки» в традиции. Традиция-текст-фольклор: типология и семиотика. Составители и редакторы Е. Е. Левкиевская, Н. В. Петров, О. Б. Христофорова. М., 2020. С. 19–81.

⁶ Eyre Ch. Fate, crocodiles and the judgement of the dead: Some mythological allusions in Egyptian literature // Studien zur altägyptischen Kultur. 1976. Bd. 4. P. 105.

Собака — волшебный помощник царевича, который не оставляет его и, вероятно, бросается его спасать; тут очевидна ее роль Упуаута, она «открывает ему путь к спасению», вытаскивая его бездыханного на берег. Конечно, возможно построить довольно много вариаций о дальнейшем развитии сюжета, но хотелось бы иметь в основе какой-то древнеегипетский источник, чтобы представлять, как могли видеть исход подобной истории сами египтяне.

В Британском музее хранится небольшая стела «царского писца» Пентаура (ЕА 1632) ремесленного времени, которая изображает спасение владельца от крокодила. Ее нижний регистр особенно интересен. Упуаут поражает копьем крокодила, от которого спасается человек. Причем и крокодил, и человек показаны под нижним регистром, словно это происходит в воде. Обилие изображения собак на стеле, сопровождающих происходящее, нетипично. Кроме того, нет сомнений, что от крокодила спасает именно бог-кинокефал. Можно предположить, что это благодарственная стела, созданная после чудесного спасения заказчика, которое последний, без сомнения, относит к действию божественного помощника.

На основании этого источника можно предположить, что в Египте бытовал сюжет о чудесном спасении человека от крокодила.

Ладынин И. А. (ИВИ РАН; Исторический ф-т МГУ, Москва)

Царь Анисис и эфиопское (нубийское) владычество в истории Египта

В царском списке, восходящем к эпитоме труда Манефона Севеннитского и сохраненном раннехристианскими хронографами¹, последовательность царей последних десятилетий VIII — первой половины VII в. до н. э., в целом отвечает исторической реальности. Правда, Манефон игнорирует Тефнахта, основателя XXIV династии, и к ней отнесен только его преемник Бокхорис; однако это может быть связано с изначально нецарским статусом этого правителя Саиса. О Бокхорисе в данном контексте говорится, что в его царствование заговорил ягненок, возвестивший, как известно по демотическому тексту т. н. «Оракула ягненка», будущие бедствия Египта². Далее идет перечисление царей эфиопской XXV дина-

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда в рамках проекта № 24-18-00378 «Происхождение и состав позднеантичной и средневековой картины прошлого Ближнего Востока и Эгеиды в древнейший (доахеменидский) период», <https://rscf.ru/project/24-18-00378>.

Ладынин И. А. «Снова правит Египет!» Начало эллинистического времени в концепциях и конструктах позднеегипетских историографии и пропаганды. СПб., 2017. С. 31–32.

² Manetho. With an English translation by W. G. Waddell. Cambridge (Massachusetts); London, 1980. Fragg. 64–65; см.: Zauzich K.-Th. Das Lamm des Bokchoris // Papyrus Erzherzog Rainer (P. Rainer Cent.): Festschrift zum 100-jährigen Bestehen der Papyrussammlung der Österreichischen Nationalbibliothek. Wien, 1983. S. 165–174, 5. Taf.; Ладынин И. А.. Указ. соч. С. 94–101.

стии Сабакона (по традиционной интерпретации, Шабаки¹), Себихоса (Шебитку) и Таркоса (Таракоса, Саракуса — Тахарки), причем о первом из них говорится, что он пленил Бокхориса и сжег его заживо²; Иоанн Антиохийский повторяет оба известия о Бокхорисе и сообщает, что по другим сведениям с него сняли кожу³. При этом наиболее подробные сведения о Бокхорисе — предшественнике эфиопов и мудром законодателе, боровшемся с долговым рабством, дает, не упоминая о его конце, Диодор Сицилийский (Diod. I. 65.1; 79; 94.5).

Упоминаний о Бокхорисе нет в рассказывающей о Египте II книге Геродота. Согласно ей, эфиопское владычество наступило в царствование некоего слепца Анисиса из города Анисис. Когда в Египет вторгнулся эфиоп Сабакон, Анисис бежал в приморскую часть Дельты, где насыпал остров из золы и земли, именуемый Эльбо; после ухода Сабакона из Египта, он снова воцарился (Hdt. II. 137.1–2; 140)⁴. Очевидно, что начальное правление Анисиса соответствует в последовательности событий прошлого Египта у Геродота месту Бокхориса в других версиях традиции; однако сюжет о нем позволяет не упоминать расправу с данным царем Сабакона и сформировать практически чисто положительный образ последнего как завоевателя, явившегося в определенной степени заслуженной карой за прежние дела египетских царей (Hdt. 137.3–138; ср. Diod. I.65.2–8).

Вместе с тем сюжет об Анисисе обнаруживает сходство с другим сюжетом греко-египетской традиции — о царе Аменофисе, при котором на Египет обрушилось нашествие врагов. Согласно Манефону в передаче Иосифа Флавия, Аменофис изгнал из Египта прокаженных, заключивших затем союз с потомками гиксосов и вместе с ними завладевших страной на 13 лет; в течение этого времени он скрывался в Эфиопии, но далее вернулся вместе со своим сыном Сетосом-Рамессесом и разгромил этих врагов, которые дали начало еврейскому народу, причем само это событие соответствовало Исходу библейской традиции⁵.

Связь между сюжетами об Анисисе и Аменофисе прослеживается и структурно, но подтверждается двумя нюансами:

(а) Согласно Геродоту, остров Эльбо не могли найти в течение 700 лет вплоть до времени царя Амиртея. Последний — соратник ливийского правителя Инара (Hdt. III. 15.3), возглавившего восстание против персов в 460–454 гг. до н. э.⁶; в таком случае история Анисиса приходится на середину XII в. до н. э., что анахронично в относительной хронологии Геродота, но соотносится с временем, на которое должна была прийти история Аменофиса. При этом согласно царскому

¹ См. о возможном первенстве в ряду этих царей Шебитку: Forshaw R. *Egypt of the Saite Pharaohs*, 664–525 BC. Manchester, 2019. P. 30–33 (с библиографией).

² Manetho. Fragg. 66–67.

³ Ioannis Antiocheni fragmenta quae supersunt omnia / S. Mariev (ed.). Berlin, 2008. P. 11 (1. 32).

⁴ Комментарий: Lloyd A. B. *Herodotus, Book II. Commentary* 99–188. Leiden, 1988. P. 91–92, 98–99.

⁵ Manetho. Fragg. 54; Ладынин И. А. Указ. соч. С. 55–62.

⁶ Дандамаев М. А. *Политическая история Ахеменидской державы*. М., 1985. С. 179–183.

списку Манефона в передаче Африкана, время XX–XXVI династии составляет 670 лет; а для получения срока, отделяющего конец царствования Аменофиса от восстания Инара и Амиртея, к этому времени надо прибавить еще 65 лет между завоеванием Египта Камбисом II и этим восстанием, что даст 735 лет — цифру, прямо соотносящуюся с цифрой Геродота.

(б) Лисимах Александрийский (FGrHist. 621. F. 1 = Ios. C. Ap. I. 304–311) и Тацит (Tac. Hist. V. 3) относят сюжет, полностью аналогичный истории Аменофиса, именно ко времени Бокхориса: при нем случился неурожай, вызванный скоплением в храмах ритуально нечистых, больных кожными заболеваниями, и он по совету оракула Аммона изгнал их из Египта в пустыню; затем во главе них встал Мосес, т. е. Моисей, и они осели в Иудее, дав начало еврейскому народу.

Установление связи между данными сюжетами позволяет прийти к достаточно существенным умозаключениям:

(а) Очевидно, история Аменофиса уже бытовала ко времени посещения Египта Геродотом, коль скоро, видимо, она послужила основой для сюжета об Анисисе (последнее видно в особенности по отнесению этого сюжета примерно ко времени Аменофиса).

(б) По аналогии с историей об Аменофисе, обозначающей у Манефона рубеж между историческими циклами его 2-го и 3-го томов, сюжет об Анисисе должен был, видимо, обозначить важнейший рубеж истории Египта, соответствующий эфиопскому (нубийскому) завоеванию. Однако такое его значение сравнительно стерто уже у Геродота, а в дальнейшем совсем ушло из «мэйн-стрима» греко-египетской традиции, уступив место сюжетам, непосредственно связанным с Бокхорисом и имевшим, как представляется, в их совокупности такое же значение.

Лебедев М. А. (ИБ РАН, Москва)

Специфика археологических источников и их роль в египтологических исследованиях

Хотя в 1822 г. египтология родилась как наука, занимающаяся преимущественно анализом письменных источников, этому рождению предшествовал длительный «внутриутробный» период, наполненный не чтением оригинальных текстов, а многочисленными раскопками и работой с памятниками материальной культуры. С тех пор египтология занимает необычное положение в академическом ландшафте где-то между археологией и историей. Это утверждение справедливо для многих национальных школ, но не для отечественной науки о Древнем Египте.

Политические обстоятельства привели к тому, что полевые исследования стали неотъемлемой частью отечественной египтологии только в последние два

десятилетия, а до этого фактически отсутствовали. Это существенно отличало специалистов из СССР даже от их коллег из других социалистических стран. Поскольку археологическая теория не оказала на отечественную египтологию сколько-нибудь заметного влияния, задача знакомства коллег — прежде всего историков и искусствоведов — со спецификой, возможностями и ограничениями археологического источника кажется вполне актуальной.

Историю изучения материального наследия древнеегипетской цивилизации можно с некоторыми оговорками разделить на три этапа: эпоху антикварианизма, типологический этап и этап контекстуальный. Подобно любой простой модели, это деление не отражает, конечно, всей сложности происходивших в науке процессов и разнонаправленных движений, однако результирующие векторы движения она отражает вполне достоверно: в центре сущностных дискуссий работавших в Египте археологов попеременно оказывались предмет, тип и контекст.

Эпоха антикварианизма характеризуется интересом к древностям как таковым, а также стремлением обладать ими. Египет стал популярен среди широкой публики, египетские древности нашли свое место в крупнейших музейных и частных коллекциях, а иероглифическое письмо в итоге было расшифровано, что положило начало египтологии как науке. Продолжающиеся раскопки накапливали свидетельства разнообразия древнеегипетской материальной культуры и создали предпосылки для перехода к следующему этапу.

Типологический этап начался в конце XIX в. Основным вкладом археологии в исторические исследования в это время стала относительная хронология предметов материальной культуры. Именно тогда были описаны и обоснованы главные типологические последовательности, которыми египтологи пользуются по сей день — от архитектуры до керамики. Археологи типологического этапа работали преимущественно в рамках культурной истории, отвечая на три классических вопроса: «Что? Где? Когда?» А в основе классификаций тех времен лежали преимущественно форма, материал и стиль.

На контекстуальном этапе, который начался в начале 1960-х гг. на фоне кампании ЮНЕСКО по спасению культурного наследия Нубии, добываемые археологами памятники и свидетельства стали широко привлекаться для изучения культурных и исторических процессов, а в типологии стали учитывать функциональное назначение, роль и агентность вещей. Основные актуальные вопросы предыдущего этапа были заменены на «Как?» и «Почему?».

Немалую роль на новом этапе сыграла процессуальная археология, стремившаяся приблизить археологию к социальным и естественным наукам в плане методологии и качества данных. Археологи утвердились в мысли о том, что они могут перейти от простого описания прошлого к его объяснению. Необходимым условием достижения поставленной цели процессуальные археологи считают получение как можно большего количества и разнообразия надежных (добытых с использованием корректных научных подходов и методов) данных. Это привело к развитию естественно-научных методов в археологии, а также

таких направлений, как археобиология, этноархеология, экспериментальная археология и др.

Работая в рамках позитивистской парадигмы, процессуалисты со временем стали подвергаться критике за механизацию культуры, чрезмерное внимание к природным факторам и игнорирование в исследованиях тех аспектов человеческой деятельности, которые сложно представить в виде простых данных (моральные ценности, религиозность, эстетические вкусы и пр.). На волне критики процессуализма возникла так называемая постпроцессуальная археология, довольно быстро проникшая и в египтологию. Постпроцессуалисты расширили понимание археологического контекста, добавив в него еще один элемент — самого археолога, его опыт, мировоззрение, интересы и убеждения. Кроме того, они изменили приоритеты, перейдя от исследования культурных процессов к преимущественному изучению акторов, агентов и их индивидуальных характеристик.

Современная археология на берегах Нила продолжает двигаться в сторону теоретического синтеза. Процессуализм и постпроцессуализм начинают дополнять друг друга, сочетаясь порой с другими направлениями археологической мысли, такими как классический марксизм, неомарксизм, бихевиоризм, эволюционизм (дарвинизм) и др. Все чаще появляются работы, посвященные относительно новым темам — проблемам пространственного измерения древнеегипетской цивилизации, взаимодействия людей прошлого с природными и культурными ландшафтами, идентификации и самоидентификации, мировоззрения, восприятия собственного тела и возраста, гендерных границ и взаимодействий, диахронических тенденций в культуре и пр. Все большее значение приобретает постколониальная теоретическая повестка, в том числе в изучении взаимодействия древних египтян с населением соседних территорий. Этот список тем говорит о том, что археологи все активнее разрабатывают проблематику, которая прежде традиционно находилась в ведении историков. Такая ситуация стала возможной исключительно благодаря совершенствованию теории и методов работы с археологическими источниками. В XXI веке упускать их из поля зрения становится для историков и искусствоведов непростительной роскошью.

Лопатин М. Д. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

Саранча в клинописной графике: об истории знаков BIR₅ и BURU₅^(v)

В клинописных текстах III—I тыс. до н. э. для обозначений саранчи и ее разновидностей, помимо слоговых написаний, в различные периоды использовались шумерограммы BIR₅, BURU₅ и BURU₅^v. Интерпретация контекстов употребления данных сочетаний затруднена следующими факторами: визуальное сходство трех

графем, сложная история развития их начертаний, схожая фонетическая реализация и полисемия знаков, в определенных случаях указывавших не на саранчу, но на разновидности птиц. В связи с этим в ассириологических работах нередко можно наблюдать непоследовательность в транслитерации и интерпретации трех логограмм, когда либо чтение различных знаков объединяется под одной леммой BURU₅, либо игнорируются альтернативные возможности их прочтения как обозначений птиц.

Логограмма BIR₅ встречается в письменных памятниках, начиная с 26–25 вв. до н. э. В текстах III тыс. до н. э. она регулярно соответствует графеме NAM, которая использовалась также для записи шум. *sim* «ласточка». Также начиная с 26–25 вв. до н. э. известен знак BURU₅, в текстах этой эпохи записываемый с помощью сочетания MUŠEN.MUŠENxAMAR, с использованием графем MUŠEN «птица» и AMAR «теленки, детеныши». Его начертание напрямую связано со значением BURU₅ «мелкая птица» в текстах III тыс. до н. э. К началу II тыс. до н. э. написание шумерограмм BIR₅ и BURU₅ значительно упрощается, и две графемы приобретают отчасти схожий внешний облик, однако продолжают однозначно различаться писцами в большинстве случаев, как на уровне графики, так и семантики.

Во 2-й пол. II тыс. до н. э. знак NAM, уже реже используемый в значении BIR₅, начинает принимать форму 𒀭U+ŠE («птица» + «зерно»), по-видимому, сохраняя связь со значением SIM «ласточка». К новоассирийскому периоду графема BURU₅, получившая также значение «саранча», начинает выписываться с помощью знаков 𒀭U+ŠE(=NAM)+ERIM («птица» + «зерно» + «отряд, рой») и приобретает графический вариант BURU₅^v = 𒀭U+ERIM («птица» + «отряд, рой»), вероятно, уже вторично обретая коннотацию «стадных», «роящихся» животных благодаря элементу ERIM.

Фонетическая реализация логограмм BIR₅ и BURU₅ известна благодаря данным списков знаков II-I тыс. до н. э. Списки знаков серии Ea из Ниппура 1-й пол. II тыс. до н. э. приписывают графеме NAM чтение bi-ir, вслед за na-am и si-im (OB Nippur Ea 484–486)¹, а BURU₅ приравнивают к bu-ru (OB Nippur Ea 133) (DCCLT Q000055). Слововое написание bi-ri встречается также в списке из Эмара Msk 7467 (Emar 6/1, 201) г 2 2-й пол. II тыс. до н. э., где оно сопоставлено с акк. *e-ri-bu* «саранча» (DCCLT P272201). В списке того же периода SA Vokabular Ass. 523. г ii 49–50 из Ашшура шумерограмме NAM дается прочтение bu-ru и аккадский эквивалент *iššūru* «мелкая птица» (DCCLT P370411). В списке из Кальху CTN 4 232 г frg.b 16–17 1-й пол. I тыс. до н. э., напротив, чтение bi-ir соотносено со знаком BURU₅ (𒀭U+ŠE+ERIM), аккадскими эквивалентами которого являются *iššūru* «мелкая птица» и *a-ri-bu* «саранча», либо «ворон, ворона» (DCCLT P274522). Аккадские названия знаков BURU₅ и NAM приводит список серии Ea из Урука LKU 1 стк. г ii 3'–4' того же периода, называя их *nam-nutillû* (досл. «*nam*-незавершенный»)

¹ Ср. старовавилонский список Ea из Киша, сохранившийся фрагментарно, Ki A 117 i 2'-3' (DCCLT P333152), и список того же периода неизвестного происхождения, AO 5400 (RA 9 77–78) o i 34–35 (DCCLT P333168).

и *патти*, соответственно, однако аккадское наименование саранчи в качестве эквивалента не приводится (DCCLT P414143).

Важной особенностью употребления шумерограмм BIR₅ и BURU₅ до сер. II тыс. до н. э. является четкое различие двух графем с их разными значениями: как «саранча» и «мелкая птица», соответственно. Впервые параллельное использование обоих знаков BIR₅ и BURU₅ в значении «саранча» засвидетельствовано в копиях 1-й пол. II тыс. до н. э. литературного произведения «Энмеркар и Энсукешдана» (EnmEns 42–43), где четыре из пяти копий используют *bir₅.mušen*, в то время как в копии MS K (CBS 11345) встречается *buru₅.mušen*¹.

Во 2-й пол. II тыс. знак BURU₅ начинает вытеснять из употребления BIR₅, перенимая у последнего значение «саранча». Список животных из Ниппура CBS 13663 (UAVA 12/2 421) этого периода уже перечисляет разновидности саранчи под леммой *buru₅* (DCCLT P268680). В списках животных Ura 14 2-й пол. II тыс. до н. э. (LTBA 1 47 + KAL 8 75) и 1-й пол. I тыс. до н. э. (LTBA 1 40, 44 и 46, UET 7 136) наименования животных группы *bir₅/buru₅* сопровождаются исключительно родовым наименованием *buru₅* — в написании как BURU₅, так и BURU₅^v, без детерминатива *.mušen* (DCCLT Q000089). В списке птиц и рыб Ura 18 знак BURU₅^v встречается только в составных шумерограммах, в конце дополненных детерминативом *.mušen* и обозначающих разновидности мелких птиц (Seg. 6 1–5) (DCCLT Q000093)². Таким образом, знак BIR₅ (NAM) в качестве обозначения саранчи окончательно выходит из употребления к I тыс. до н. э., и его заменяет шумерограмма BURU₅ (NAM+ERIM) и ее графический вариант BURU₅^v (HU+ERIM), что, в результате, приводит к полисемии обеих графем: как обозначение либо мелкой птицы, либо саранчи.

Нежинский Ю. В. (СПГХПА им. А. Л. Штиглица, Санкт-Петербург)

Лука Джордано, Никита Бесогон и кладбищенская сова: о необычном влиянии Древнего Египта на изобразительное искусство

«Битва лапифов с кентаврами» Луки Джордано (1680-е гг.) — одна из самых известных картин Государственного Эрмитажа не столько потому, что является творением блестящего неаполитанского мастера, сколько благодаря удачному расположению на экспозиции, удобному для объяснения принципов барокко во время

¹ Attinger P. Enmerkar et Ensukukešdana (1.8.2.4), 2017. URL: <https://doi.org/10.5281/zenodo.2667750>. P. 3.

² Лопатин М. Д. Саранча в клинописной графике: об интерпретации сочетания BURU₅^v.mušen во фрагменте «Ассирийского сонника» Sm.2073 // *Письменные памятники Востока*. 2024. №21(4). С. 37–46.

обзорных экскурсий. Аффектация, экзальтированность, бурная динамика — все это можно обнаружить в сплетающихся между собой противниках, вступивших с сражением на свадьбе царя лапифов Перифоя — ведь один из приглашенных кентавров, напившись, воспылил страстью к невесте и попытался ее похитить. У экскурсантов, однако, часто появляется вопрос о значении фигур скорпиона и крокодила в правом верхнем углу картины, ставящий экскурсоводов в затруднительное положение, поскольку научное искусствоведение этот вопрос игнорирует¹ — что неудивительно: Овидий (Met. XII 210–535), Плутарх (Thes. 3, 2–3) и прочие античные авторы, описавшие Кентавромахию, ничего не сообщают ни о скорпионах, ни о крокодилах.

Однако, если обратиться к основному источнику барочной символики — труду Чезаре Рипа «Иконология», можно узнать, что в образе сражающихся крокодила и скорпиона египтяне изображали ненависть, ведь эти животные пытаются убить друг друга, лишь только встречаются². Ученый-эрудит Чезаре Рипа (1555–1622) безусловно заимствовал эту информацию из обнаруженной в XV веке «Иероглифики» Горapolloна (ок. V в. н.э.) — своего главного источника по египетским символам, где сообщается: «Когда хотят обозначить враждебного человека, противостоящего другому, равному ему, рисуют скорпиона и крокодила, потому что каждый из них другого убивает» (Horap. II.35). Поскольку в египетском иероглифическом письме подобная комбинация знаков не зафиксирована, можно предположить, что Горapolloн здесь ориентировался не на египетскую, а на античную традицию о взаимной ненависти, правда, не крокодила, а ящерицы и скорпиона (напр., Plin. N.H. XXIX, 30; Aelian. N.A. VI, 22 и VIII, 13)³.

Однако похоже, что античные представления все же заимствованы из Египта, ведь со времен Нового царства комбинация скорпиона и ящерицы обнаруживается на скарабеях⁴ — возможно, в качестве одной из бинарных оппозиций, столь любимых египетской культурой. На одной недатированной египетской фигурке ежа вместо ящерицы обнаруживается крокодил⁵ — ящерица в египетской символической культуре не воспринималась как классический агрессор, вероятно, потому подчас превращалась в крокодила, равное скорпиону агрессивное существо, в образе которого, благодаря Горapolloну и Чезаре Рипа, через многие столетия вместе с заклятым врагом проникла на барочную картину Луки Джордано.

Другой неожиданный пример влияния Древнего Египта на, казалось бы, совершенно чуждую культурную парадигму — чрезвычайно популярная в русской традиции икона «Никита Бесогон». Лишь бросив на нее взгляд, египтолог немедля

¹ Всеволожская С. Н., Григорьева И. С., Фомичева Т. Д. Итальянская живопись XIII–XVIII веков в собрании Эрмитажа. Л., 1964. № 163, 164; Всеволожская С. Н. Итальянская живопись XVII века: каталог коллекции. СПб., 2013. № 52.

² Ripa C. Iconologia. Venetia, 1645. P. 450.

³ Cp. Trattato sui geroglifici / Horapollon l'Egiziano; testo, trad. e comm. Crevatin F. e Tedeschi G. Napoli, 2002. P. 161, n. 44.

⁴ Keimer L. Interprétation de quelques passages d'Horapollon // *CASAE* 5. Cairo, 1947. P. 48.

⁵ Ibid. Fig. 43.

вспоминает бесчисленные изображения египетских царей, держащих за волосы своих врагов, чтобы повергнуть их при помощи булавы. Случайно ли это сходство?

Образ Никиты Бесогона, схватившего беса за хохол и избивающего его цепью или другим орудием, известен на Руси с XII в.¹. Композиция эта, безусловно, заимствована из византийской традиции: к примеру, в Хлудовской псалтири IX в. Авраам таким же образом собирается принести в жертву Исаака, а Давид побивает Голиафа². С высочайшей степенью вероятности в византийскую религиозную образность эта иконография проникает из светской³: держащий за волосы варвара император-покоритель (*debellator*) постоянно фигурирует в римской нумизматике с III до V в. н. э.⁴ Яркая демонстрация заимствования этого римского иконографического мотива из Египта — египетский рельеф II–III вв. н. э., представляющий победителя (возможно, Адриана, Каракаллу или Септимия Севера) с мечом и изображениями Сераписа и Гарпократа на груди, традиционно держащего пленника за волосы⁵. Таким образом, иконографический тип царя, повергающего врага, впервые зафиксированный еще в додинастической иераконпольской гробнице № 100⁶, через Римскую империю и Византию, действительно, пришел в русскую иконопись в образе победителя бесов Никиты Никомедийского.

Последний пример необычного влияния египетской культуры на отечественную и европейскую образность, который хотелось бы здесь упомянуть, — пожалуй, самое запоминающееся из всех надгробий некрополей Александро-Невской лавры: памятник отцу и сыну Пуколовым (1820-е гг.)⁷. Украшенный мотыльками, черепами, уроборосом и эффектной эпитафией, памятник выполнен в форме жертвенника и увенчан совой. Сову эту подчас интерпретируют как символ мудрости⁸ или ночного стража⁹ — однако в таком случае ее роль на памятнике совершенно непонятна. Если же обратиться к «Иероглифике» Гораполлона, оказывается, что «сова означает смерть. Ведь так же внезапно нападает она ночью на воронят, как внезапно приходит смерть» (Ногар. II. 25).

¹ Антонов Д. И., Майзульс М. Р. Демоны и грешники в древнерусской иконографии: Семиотика образа. М., 2011. С. 74.

² ГИМ. Греч. № 129д. Л. 105об., 148.

³ Грабар А. Император в византийском искусстве. М., 2000. С. 62–64.

⁴ Абрамзон М. Г. Монеты как средство пропаганды официальной политики Римской империи. М., 1995. С. 239–244.

⁵ Clerc G. Sarapis // *LIMC*. 1994. Vol. VII. P. 674–675, no. 75. Полным иконографическим аналогом, правда, гораздо худшего качества, является египетская терракота из Берлинского музея, посвященная победе Диоклетиана над блеммиями: Castiglione L. Diocletianus und die Blemmyes // *Zeitschrift für Ägyptische Sprache und Altertumskunde*. 1970. Bd. 96. S. 90–103.

⁶ Schäfer H. Das Niederschlagen der Feinde: Zur Geschichte eines ägyptischen Sinnbildes // *Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes*. 1957. Bd. 54. S. 168–176.

⁷ Кобак А. В., Пирютко Ю. М. Исторические кладбища Санкт-Петербурга. М., 2009. С. 190.

⁸ Ермонская В. В., Нетунахина Г. Д., Попова Т. Ф. Русская мемориальная скульптура. К истории художественного надгробия в России XI — начала XX в. М., 1978.

⁹ Надгробие // Православная энциклопедия. Т. XLVIII. С. 284–308.

Очевидно, перед нами попытка связать античную традицию, согласно которой вороны и совы ненавидят друг друга (напр., Plin. N. H. X. 203, Aelian. N. A. III. 9, V. 48) с иероглифом (G17), используемым в качестве фонограммы при записи слова «смерть», «mwṯ»¹. Если для отечественных надгробий изображение совы — редкий гость, в ряде европейских стран, например, на кладбищах Италии и Франции², его можно встретить весьма часто — вероятно, потому что именно здесь труд Горацилла и комментарии к нему были наиболее популярны. Заимствована ли сова на могиле Пуколовых из европейской традиции или непосредственно из Горацилла — ведь И. А. Пуколов был членом департамента герольдии Сената³ и тема эмблематики была близкой для него — в любом случае она восходит к египетскому иероглифу.

Немировская А. В. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

Genesis: Miscellanea Babylonica et Aegyptiaca (Вавилонская башня)

В двух первых книгах Пятикнижия (Бытия и Исхода) тема Египта присутствует не только явно (место действия изображаемых событий, происхождение определенных персонажей), но и нередко имплицитно, например, в истории о «башне» в Вавилоне (Быт. 11:1–9). За два тысячелетия интерпретация этого библейского сюжета успела размашисто качнуться от богословского — коллективное заблуждение и отступление от божественного промысла по наущению Нимрода⁴ (евр. *Nimrōd*, греч. Νεβρώδ), внука Хама (Иосиф Флавий, «Иудейские древности»), до литературоведческого — так называемый этиологический миф, в данном случае как будто призванный объяснить происхождение языкового многообразия⁵.

На протяжении столетий всевозможные библейские комментарии роднило забвение реалий, отраженных изначально в ветхозаветных произведениях: с течением времени исчез контекст (языковой и исторический) и заложенные

¹ Wörterbuch der aegyptischen Sprache. Berlin, 1955. Bd. 2. S. 166.10–17.

² Clegg F. Problems of symbolism in cemetery monuments // *The Journal of Garden History*. 1984. 4:3. P. 307–315.

³ РГБ МК Сб. 50/12 [Указ о причислении обер-секретаря Синода к Герольдии и о назначении на его должность Пуколова. Янв. 1799].

⁴ Van der Toorn K., van der Horst P.W. Nimrod before and after the Bible // *Harvard Theological Review*. 1990. Vol. 83/1. P. 1–29, где в отношении библ. Кальне (*klnh/klnw*) авторы придерживаются ошибочной эмендации У. Олбрайта; отождествлено с древн. Кулланы (Тель Тайинат, с.-з. Сирии) в: RIA 6 305–306; RGTC 7/1, 141–142; Aster S. Z. Reflections of Empire in Isaiah 1–39. Responses to Assyrian Ideology. Atlanta, 2017. P. 182.

⁵ “Babel, Tower of” // Skolnik F. (ed.). *Encyclopaedia Judaica*. 2nd ed. Jerusalem. 2007. Vol. 3. P. 19–20.

авторами смыслу. Сама идея авторства применительно к ветхозаветным текстам (в противоположность новозаветным) канула в небытие, уступив место внеисторическому восприятию прежде всего Пятикнижия, поскольку в отличие от ряда книг в составе двух других разделов Ветхого Завета (Писания и Пророки), в нем начисто отсутствуют синхронизирующие (относительные) датировки. Некоторую смену подхода наметила появившаяся в середине XIX в. «документальная гипотеза/классическая гипотеза источников», не единожды подвергавшаяся пересмотру и редактированию вплоть до начала XXI в.¹

Подлинный перелом в подходах к библейским текстам ознаменовался великими археологическими открытиями XIX в. с последующей дешифровкой письменностей и языков Древнего Востока, который дотоле был представлен, по сути, лишь ветхозаветными текстами и древнееврейским языком (отчасти арамейским). В свете накопленного за полтора века массива клинописных и египетских источников теперь вполне определенно можно сказать, что эпохой, когда библейские историографы создавали историю правлений в Израиле и Иудее, следует считать VII в. до н. э.² В том числе обозначение Ноева ковчега позднеегипетской лексемой *thy(.t)* (отсюда евр. *tebā/tebat*) хорошо вписывается в отождествление исторической эпохи, когда, возможно, складывалась и кн. Бытия в качестве предыстории-преамбулы к библейской литературно-историографической композиции³.

Библейский нарратив о Вавилонской башне с уверенностью можно назвать антивавилонским памфлетом, изобличающий замысел горе-строителей памятника «не рассеяться/*pn-nrwš* по лицу земли» (Быт. 11:4), обернувшийся как раз тем, что «Господь рассеял/*w-urš* их оттуда по лицу земли» (Быт. 11:8, 9). Имеющиеся на сегодня данные позволяют выявить подтекст, некогда комментаторами не распознаваемый.

А. Ремарка по поводу строительного материала («камнем им стал кирпич», Быт. 11:3) сама по себе изобличает взгляд извне, скорее всего, из Египта, где, в отличие от Месопотамии, храмы возводились исключительно из камня, а не из кирпича, пусть и обожженного, почему в Египте и сохранились именно культовые сооружения.

Б. По отношению к грандиозному культовому сооружению («а голова/вершина его до неба; и сделаем себе имя», Быт. 11:4) нарочито неуместным выглядит применение вместо обязательного *bayt* (акк. *bītum* «дом (бога), храм») ханаанского *migdāl* «сторожевая башня» (греч. ὁ πύργος), сродни наименованию пограничной египетской крепости Магдолос/Мигдол, возле которой были разбиты вавилоняне

¹ Schmid K. *Genesis and the Moses Story. Israel's Dual Origins in the Hebrew Bible*. Winona Lake, 2010.

² Lipschits O. *Judah in the Biblical Period // Historical, Archaeological, and Biblical Studies. Selected Essays*. Berlin, 2024. P. 22.

³ Немировская А. В. Сюжет о Всемирном потопе: литературная традиция древнего Ближнего Востока и исторические реалии (III–I тыс. до н. э.) // Дорога науки: сб. статей в честь 80-летия акад. М.Б.Пiotровского / сост. и отв. ред. А. С. Матвеев. СПб., 2024. С. 333–366.

при попытке завоевать Египет в 601 г. до н. э.¹ Шум. Ё «дом» (*/*haj/*) — обязательный компонент названий храмов древней Месопотамии до конца ее истории, что нашло отражение даже в библейском наименовании (части) Иерусалимского храма *he(y)kāl* (шум. *é-gal* «дом большой»).

В. Автор анекдота о башне насмешливо каламбурит на тему сложившейся еще с нач. II тыс. до н. э. идеологемы Вавилона/*bābāl* как «Врат бога/богов (акк. *bāb ilim/ilī* (шум. *ká.dingir(.ra).ki/ká.dingir.meš*)², низводя ее в Быт. 11:9 до глагола «перемешивать» (евр. *blł* / акк. *balālum*).

Г. Название культовых сооружений Месопотамии нередко включало слово «небо» (шум. *AN*). Прообразом библейской «башни», как принято считать, был семиступенчатый зиккурат Мардука, верховного бога Вавилона, Э-темен-ан-ки «дом фундамента неба (и) земли». До обнаружения «Таблички Эсагилы» с его описанием скудным свидетельством о нем служило упоминание Геродота и кн. Бытия. Намек на незавершенность «башни» вместе с ремаркой о недостроенности Вавилона в целом (Быт. 11:8 «и перестали строить этот город»), по-видимому, соответствует ситуации VII в. до н. э. с задержками в отстраивании Вавилона и зиккурата Мардука: после разрушения при Синаххерибе (689 г. до н. э.) попытки восстановления начались при последующих ассирийских царях, однако увенчались успехом только в VI в. до н. э.³ при Навуходоносоре II.

Д. Топонимика Быт. 10–11 (Шинаар/*šnʿr*, Ханаан/*knʿn*) восходит к касситской Вавилонии⁴ (2-я пол. II тыс. до н. э.) и засвидетельствована в том числе в Амарнском архиве (XIV в. до н. э., Египет). К касситскому времени восходит концепт Вавилона как «первого города»⁵, по-видимому, также нашедший отражение в кн. Бытия (10:10, 11:1–9).

Немировский А. А. (ИВИ РАН, Москва)

«Но копты отрицают»: отношение к топосу о древнем азиатском завоевании Египта у египтян исламского времени⁶

¹ Медведская И. Н. Древний Иран накануне империй (IX–VI вв. до н. э.). СПб., 2010. С. 213.

² George A. R. *Babylonian Topographical Texts*. Leuven, 1992. P. 253–256.

³ George A. R. *The Tower of Babel: archaeology, history and cuneiform texts* // *Archiv für Orientforschung*. Bd. 51. 2005. P. 75–95.

⁴ Clayden T. *Sngr/Samḥarū/Sanḥara/Šin 'ār and the Implications for Early Kassite History* // *KASKAL*. Nuova serie. 2024. Vol. 1. P. 33–68.

⁵ Lambert W. G. *Babylonian Creation Myths*. Winona Lake, Indiana: Eisenbrauns, 2013. P. 200.

⁶ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда в рамках проекта № 24-18-00378 «Происхождение и состав позднеантичной и средневековой картины прошлого Ближнего Востока и Эгеиды в древнейший (доахеменидский) период», <https://rscf.ru/project/24-18-00378>.

После арабского завоевания Египта в VIII–IX вв. там сформировалась богатая арабоязычная исламская традиция о древнем прошлом страны¹. Она возникла прежде всего на базе исторической традиции коренных египтян и греческой александрийской учености (взаимно обменивавшихся материалом уже много веков) и отличается высокой устойчивостью основных сюжетов, многие из которых непрерывно воспроизводились в Египте с III–II тыс. до н. э. (ряд их дошел только в этой позднейшей исламско-египетской передаче).

Одним из сюжетов этой исламско-египетской традиции является тот, что некогда в древности Египет был завоеван определенной общностью азиатов (сама указанная традиция считает их амалекитами); династия этих пришельцев из 5–6 царей правила Египтом, но затем власть вернулась к коренным египтянам–«коптам». По базовой хронологической схеме, которой различными способами оперировала обсуждаемая традиция, эта династия амалекитов завершилась около середины II тыс. до н. э. Нет сомнения, что этот сюжет отвечает завоеванию Египта гиксосами и является еще одной уцелевшей версией реминисценций гиксосского царства наряду с версией Манефона (Manetho. Frg. 42–49, 54) и отличной от последнего версии Птолемея Мендесского и Апиона (Tat. Oratio. 38), не считая возможного отражения подобных реминисценций в предании о пастухе Филитисе, связанном с Великими пирамидами (Hdt. 2.126). Дополнительный сюжет исламско-египетской традиции сообщал о еще более древнем временном завоевании Египта другим азиатским народом — адитами; вероятно, и здесь отразились реминисценции гиксосов, лишь приуроченные к другой эпохе и сильно сокращенные. Некоторые исламские авторы приписывали то амалекитам, то адитам сооружение Великих пирамид (Mq 338, 341 и др.; ср. выше о Филитисе)².

Те же исламско-египетские авторы систематически сообщают, что египтяне-христиане их времен («копты») категорически отрицают возможность завоевания Египта какими бы то ни было азиатами до финального падения его независимости. При этом те же «копты» признают существование той особой династии, которую исламские авторы считают амалекитской, имеют для ее царей собственные имена и сообщают, что она была низвергнута неким Талмой Коптом (= «Египтянином»), сыном Кумиса, который при этом разгромил Мемфис и захватил престол³. И общая суть, и подробности этих коптских сообщений о падении указанной династии (включая постоянное именование низвергнутого ее царя «Египтянином») — как видно, это имплицитно подразумевает, что исконно низвергнутая им династия считалась

¹ О ней см. Wiet G. L'Égypte de Murtadi fils du Ghaphiphe. Paris, 1953; El-Daly O. Egyptology: The Missing Millennium. London, 2005; Немировский А. А. Владычество амалекитов в Египте у арабоязычных авторов: гиксосское правление в египетских и азиатских преданиях. Аннотация сюжетов // *Studia Historica*. XVII. М., 2022. С. 175–241. Ее основные памятники, используемые нами — труды Ибн Абд-ал-Хакама, Псевдо-Масуди («Сокращение диковин / Известие времени»), Макризи и Муртади: Абд ар-Рахман ибн Абд ал-Хакам. Завоевание Египта, ал-Магриба и ал-Андалуса. М., 1985; L'Abrégé des Merveilles. Paris, 1898; Maqrizi. Description topographique et historique de l'Égypte. Vol. I. Cairo, 1895; Wiet. Op. cit. (ниже, соответственно, ИАХ, Абр, Мq и Мт).

² См. обо всем этом: в Немировский А. А. Указ. соч.

³ См. в совокупности ИАХ 38; Абр 181, 250, 386–388; Мq 200, 341, 408 — 410; Мт 54–55.

и у коптов династией неегипетского происхождения) также с несомненностью передает воспоминания о сокрушении гиксосского царства Камосом и Яхмосом «I» (последний у Манефона получает в качестве основного еще и имя Тутмос; ср. со всем этим «Талма сын Кумиса»!). Таким образом, копты исламского времени также передавали память о существовании и падении гиксосской династии в Египте, только эксплицитно отрицали, что та пришла к власти в результате завоевания (и, возможно, в какой-то момент перестали считать ее неегипетской по этничности).

Названное расхождение находит полную параллель в составе египетской традиции I тыс. до н. э. В то время как одни ее изводы помнят о гиксосском завоевании (Манефон) и по меньшей мере о существовании гиксосского царства и сокрушении его фиванцами (Птолемей Мендесский, Апион — точно судить о том, фигурировало ли у них также и завоевание, нельзя), другие изводы, отраженные у Геродота и Диодора, прямо исключают, что среди властителей Египта до персов находились какие бы то ни было азиаты (Hdt. 2.100; Diod. 1.44.2). В новоегипетской Повести об Апопи и Секененра, как и в надписях Камоса, гиксосское царство в Египте рисуется негативно как враждебное Фиванскому царству и угнетающее египтян государство «азиатов»-ааму, но нет прямых сообщений о том, как оно возникло.

Таким образом, обе выявленные точки зрения — исламских египтян и египтян-христиан — оказываются воспроизведениями подходов, бытовавших еще в египетской традиции I тыс. до н. э.: мнение египетских мусульман — к взглядам, представленным для нас уже Манефоном, мнение египтян-христиан — к взглядам, известным по передаче Геродота и Диодора. Их поляризация по религиозному признаку может объясняться социально-психологическими причинами: насколько для арабоязычных египтян-мусульман — то есть общности, возникшей благодаря исламскому завоеванию — не было трудностей в признании и других, древних завоеваний Египта какими-то арабскими племенами, настолько копты, оппозиционные исламскому арабскому завоеванию, не хотели бы видеть лишних подобных завоеваний в прошлом своей страны и склонялись к выбору соответствующих схем из состава ее исторических преданий.

Николаев А. Н. (Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург)

Древнеегипетские саркофаги и картонажи XXVII династии — Римского времени в собрании Эрмитажа

Коллекция деревянных саркофагов и картонажей Египта XXVII династии — Римского времени в собрании Эрмитажа насчитывает тридцать девять предметов, включая крупные фрагменты. Владелицей деревянного саркофага ДВ-8721 была женщина по имени Таджуйтхен; этот раскопанный в 1820 г. у великих пирамид саркофаг интересен не только формой — характерной широкой и выпуклой грудью,

что типично для птолемеевского времени, — но и ранее не засвидетельствованным именем (хозяйки) в жертвенной формуле, наиболее вероятный перевод которого «выкрикивающая слова».

Мумийная доска с двумя столбцами надписи (ДВ-2972) заслуживает особого внимания благодаря редкому гимну Осирису, известному по текстам со статуэток Птах-Сокар-Осириса и с погребальных пелен, а также упоминанию храма богини Репит в Атрибисе (IX верхнеегипетском номе). Саркофажный комплекс неизвестного, поступивший в 1945 г. из Военно-медицинской академии, который включает верхнюю часть деревянного саркофага (ДВ-18422) и картонаж (ДВ-18421), примечателен необычными формами знаков, продавленных в позолоченной фольге в центральной накладке, а также способом крепления картонажа на теле: на нем нет боковых прорезей, что предполагает его выклеивание прямо на мумии.

Картонаж девочки Шепсет-нефрет-[эм]-иуну (ДВ-8211) любопытен по причине использования в его оформлении уникальных символов над сценой с покойным на ложе, а также имени мужской противоположности богини Бастет: BAsjtj-tAу, не засвидетельствованного в фундаментальном Лексиконе египетских божеств. Картонаж неизвестного (ДВ-788) состоит из четырех больших накладок темно-коричневого цвета, поверхность которых заполнена мелкими фигурами божеств и людей, — такое специфическое декорирование, известное по образцам из Каирского музея, в сочетании с широкими полями вокруг золотой маски, позволяет отнести его к концу правления династии Лагидов — самому началу владычества в Египте Рима (прим. 100 г. до н. э. — 100 г. н. э.).

Удалось проследить историю находки и дальнейшую судьбу саркофажного комплекса неизвестного из Гамхуда, состоящего из широкогрудого наружного саркофага (ДВ-18780) и картонажа (ДВ-6386): он был обнаружен польским археологом Т. Смоленским, официально приобретен в Каире пивоваром из Самары А. фон Вакано, в разделенном виде поступил в Эрмитаж в 1931 г. (картонаж) и 1951 г. (саркофаг). Комплекс надежно датируется прим. 100 г. до н. э., благодаря демотическим надписям на папирусах, использовавшихся при изготовлении картонажей той же группы из кладбища Гамхуда.

Саркофаг Несмина (ДВ-776) из Ахмима интересен основными сценами оформления: десять божеств (включая двух павианов) тянут солнечную барку с одной стороны и восемь божеств (включая четырех павианов) — с другой; такой оригинальный декор, а также совпадающий титул владельца — «столист» smA.tj, — еще встречаются только на саркофаге Хори из Музея Метрополитен (инв. № О.С.800), который, возможно, был братом Несмина.

Среди фрагментов картонажей (ДВ-790; ДВ-791; ДВ-4947; ДВ-5335a-f; ДВ-5538; ДВ-5539; ДВ-6812; ДВ-6813; ДВ-8737; трофейный, старый немецкий номер 11040) выделяется птолемеевского времени округлый переиспользованный картонаж (ДВ-8737), оборотная сторона которого оформлена как гипокефал — подкладка под голову покойного с текстами магического содержания, в которых упоминаются, в частности, Корова и Рути. Кроме того, на обрывках погребальной пелены

(ДВ-790) встречается имя Танетбастет (tA-n.t-bAs.tjt), не засвидетельствованное на других памятниках Позднего времени, — эта женщина была матерью Падихорпахереда, упомянутого без каких либо титулов. Фрагмент саркофага ДВ-5620 примечателен тем, что на нем изображена и подписана гермопольская Огдоада (один из шести известных мне случаев на саркофагах), а также редкий крылатый змей с четырьмя человеческими ногами, возможно, Сокар.

Три фрагмента саркофагов (ДВ-2913; ДВ-2914; ДВ-4967) оформлены с использованием египетских мотивов — ложе с мумией и склонившийся над ней Анубис; стоящий Анубис с поднятыми в приветствии руками; крылатое солнечное божество и фриз из змей-уреев, — но содержат надписи на древнегреческом языке, изданные М. Г. Быстриковой¹; еще пять предметов (ДВ-5336; ДВ-5337; ДВ-4985; ДВ-5369; ДВ-5373) выполнены в греко-римской традиции, но без каких-либо надписей. Последняя группа предметов, выделяемая условно, — это картонажные и саркофажные маски (ДВ-782; ДВ-789; ДВ-5032; ДВ-3605; ДВ-5055; ДВ-5056; ДВ-5394; ДВ-7023; ДВ-6384; ДВ-6385; ДВ-6972;) часто грубой работы, которые практически невозможно надежно датировать по причине плохой сохранности.

Несмотря на то, что названные выше предметы представляют собой разрозненные поступления и не происходят из одного комплекса, они обладают высокой научной ценностью: некоторые из них обладают исключительной исторической и художественной значимостью. Ключевой является возможность проследить на эрмитажной коллекции, охватывающей семь столетий, постепенное проникновение древнегреческих и римских влияний на традиционную культуру оформления одного из важнейших для Египта памятников — саркофага. В частности, саркофажный комплекс из Гамхуда не только датируется с точностью до нескольких десятилетий и позволяет проиллюстрировать изменение передачи символической программы саркофага, но и определить социальный и административный статус владельца, жившего на введенных сельскохозяйственный оборот поздними Лагидами (I в. до н. э.) землях в Фаюмском оазисе. Важным является и введение в научный оборот новых антропонимических и просопографических сведений, полученных при анализе надписей на саркофагах.

Орехов Р. А. (ЦЕИ РАН, Москва)

Об одной загадке времени III династии в свете данных Диодора Сицилийского

Третья династия (2635–2570 гг. до н. э.) являлась одним из важнейших периодов египетской истории. Хотя многие из ее черт все еще относились к стадии

¹ Быстрикова М. Г. Неизданные папирусы и другие тексты Государственного Эрмитажа и Музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина // *Вестник Древней Истории*. 1969. Вып. 4 (110). С. 139–140.

формирования примитивной государственности, с другой стороны, материальные свидетельства (особенно погребальная архитектура) свидетельствовали о том, что она представляла собой вполне сформированное зрелое государство. Эта очевидная амбивалентность в характере данного периода была отражена и в подходе ученых. Хотя большинство из них предполагают, что Третья династия принадлежит Древнему царству, некоторые все же включают ее в Раннединастический период.

Однако несмотря на преемственность архаичных традиций, не может быть никаких сомнений в том, что правление Нечерихета (Джосера) внесло новое качество. Оно не только сформировало прочную основу для Древнего царства, но также заложило модель государственности для всего последующего хода египетской истории. Именно это обстоятельство надо помнить, когда заходит речь о преемнике Джосера Хоре Сехемхете, который решился воздвигнуть для себя пирамидный комплекс, который во многих отношениях копировал комплекс его знаменитого предшественника.

31 мая 1954 года египетский археолог М. З. Гонецк находит под пирамидой Сехемхета в погребальной камере полностью запечатанный саркофаг. Однако при его вскрытии выясняется, что он был пуст. Это было потрясением как для самого исследователя, так и для работавших с ним специалистов. Вариант ограбления памятника исключался сразу. Однако эта находка породила целую цепочку трагических событий, приведших в итоге к гибели археолога.

Изучив имеющиеся материалы, автор статьи присоединяется к тем ученым, которые полагали, что мумии царя в обнаруженном саркофаге не было изначально. Однако причины этого обстоятельства заключались вовсе не в ограблении пирамиды. Автор полагает, что это могло быть связано с тем, что Сехемхет не прошел процедуру так называемого народного суда, сведения о котором сообщает Диодор Сицилийский (Diod. Sic. I, 72,). Подобный вариант М. З. Гонецк даже не рассматривал, но он мог бы помочь ученому в более трезвой оценке открытого им памятника. Слава легендарного Джосера и его гениального архитектора Имхотепа длилась тысячелетия, задавая высочайший стандарт правления. А соответствовать ему непосредственным преемникам на тот момент было крайне трудно, если вообще возможно. Последнее обстоятельство было в полной мере подчеркнуто эпитоматорами Манефона, который полагал, что цари III династии после Джосера не создали ничего достойного внимания (Manetho Fr. 12 (1–10)).

Орлов В. П. (К(П)ФУ, Казань)

К вопросу о роде Теиспидов: историографический конструкт или историческая реальность?

В современных зарубежных исследованиях об Ахеменидах можно часто встретить концепцию о т. н. роде Теиспидов, который мог существовать параллельно

знаменитому роду Ахеменидов. Данную идею систематично разрабатывают и «внедряют» в историографию с конца 1990-х — начала 2000-х годов Р. Роллингер¹ и В. Хенкельман². Это не случайно, ведь именно германские историки еще XIX века предлагали достаточно оригинальные решения для вопросов, касающихся генеалогии ахеменидских царей и их родственных связей с Киром Великим. Еще в 1880 г. М. Бюдингер³, опираясь на сообщение Геродота (Hdt. VII, 11), реконструирует генеалогию Ахеменидов, включая в нее двух Теиспов и трех Камбизов. В свою очередь П. Рост⁴ и Г. Винклер⁵ считали генеалогию Дария I подложной.

Вышеобозначенные гипотезы, что тогда, что и сейчас, выглядят не очень убедительно, но высказанная в них идея о фальсифицированной генеалогии Дария I продолжает находить сторонников и сегодня, и в первую очередь среди тех, кто выступает за существование рода Теиспидов.

Аргументы современных исследователей выглядят следующим образом: ими указывается на то, что имена царей из династии Теиспидов (Теиспа, Кира и Камбиза) в отличие от имен ахеменидских монархов, не содержат религиозно-философских понятий типа *arta*, которые встречаются в древнеперсидских источниках и «Авесте». Параллельно с этой идеей обычно педалируется известная гипотеза об эламском, а не персидском происхождении Кира Великого. Кроме того, Р. Роллингер замечает⁶, что при Ахеменидах меняется стилистика историописания: узурпировав трон империи Теиспидов, Дарий был вынужден легитимизировать свою власть посредством создания грандиозного памятника, вобравшего в себя знакомые жителям Древнего Востока образы, символизирующие власть и сакральный статус нового монарха. По его мнению, на протяжении всего правления Ахеменидов в царских надписях нарочито указывалось на легитимность правления новой династии. При этом т. н. Теиспиды, как и цари из других древневосточных династий, после появления Бехистунской надписи были исключены из традиции ахеменидского историописания.

Есть и более убедительные аргументы в пользу существования царского дома Теиспидов, подкрепленные анализом эламских табличек из фортификационного архива Персеполя. Так, В. Хенкельман особое внимание уделяет деятельности дочери Кира II Ирташдуне, которая у Геродота встречается под именем Артистона

¹ Rollinger R. Der Stammbaum des achaimenidischen Königshauses oder die Frage der Legitimität der Herrschaft des Dareios // *Archäologische Mitteilungen aus Iran und Turan*. 1998. Bd. 30. S. 155–209.

² Henkelman W. F. M. An Elamite me-morial. The šumar of Cambyses and Hystaspes // *A Persian Perspective: Essays in Memory of Heleen Sancisi-Weerdenburg*. Achaemenid History XIII / Ed. by W. F. M. Henkelman, A. Kuhrt. Leiden, 2003. P. 101–172.

³ Büdinger M. Der Ausgang des medischen Reiches, Eine Quellenuntersuchung. Wien, 1880. S. 484, Anm. 1.

⁴ Rost P. Das sogenannte Mederreich und das Emporkommen der Perser (Untersuchungen zur altorientalischen Geschichte) // *Mitteilungen der Vorderasiatischen Gesellschaft*. 1897. Bd. 2. S. 107.

⁵ Winckler H. Untersuchungen zur altorientalischen Geschichte. Leipzig, 1889. S. 127–128.

⁶ Rollinger R. Is There «History» or — «Historiography» in Teispid and Achaemenid Times? // *Thinking, Recording, and Writing History in the Ancient World* / Ed. by K. Raaflaub. Oxford; Chichester, 2014. P. 187–212.

(Hdt. III, 88; VII, 69, 72). Исследователь отмечает, что Ирташдуна, а также женщина по имени Ирдабана активно участвовали в управлении собственными именными и другими владениями на территории Персиды и Элама¹. К примеру, в ряде персепольских документов содержатся распоряжения Ирташдуны о распределении вина, пива и других продуктов. В. Хенкельман полагает, что Ирташдуна была главной представительницей ветви Теиспидов после гибели Кира II, Камбиза II и Бардии.

Здесь мы подходим к вопросу о политическом статусе женщин в Ахеменидской державе, в котором, собственно, может крыться и ответ на вопрос о возвышении Дария I. В Бехистунской надписи Дарий I указывает на то, что Камбиз II и Бардия были родными братьями от одной матери и отца (DB. I. 26–35), что, судя по всему, имело значение при передачи власти. Примечательно, что мать упоминается पहले отца в персидской и эламской версиях, хотя, казалось, должно быть наоборот, так как отцом все же являлся Кир Великий. Однако, согласно Геродоту, супруга Кира II Кассандана была из рода Ахеменидов (Hdt. II. 1; III. 2–3), а в Бехистунской надписи Дарий I однозначно говорит, что Камбиз II был из «нашего рода» (DB. I. 26–35), тем самым подтверждая слова «отца истории». Получается, что единственная женщина, о которой сохранила память Бехистунская надпись (и царские надписи Ахеменидов вообще), судя по всему, была из рода Ахеменидов и, скорее всего, речь идет о геродотовской Кассандане. Таким образом, если мы принимаем, что Кассандана была из рода Ахеменидов, то Дарий I был в кровном родстве с Камбизом II и Бардией, но не был кровным родственником Кира II. Такая гипотеза вполне подтверждается источниками и соотносится с эламской и индоевропейскими традициями сохранения власти внутри рода посредством матрилинейных связей, которые персы также практиковали.

Помимо этого, гипотезу о существовании отдельного рода Теиспидов мы не разделяем в первую очередь и потому, что, судя по всему, сама идея царствующего рода или дома Ахеменидов сформировалась и текстуализировалась только при Дарии I посредством термина *Нахāmanišiya* (Ахемениды). Этот политический концепт о роде Ахеменидов позволял объединить всех дальних и близких родственников, а также давал возможность передавать власть только тем, кто имел отношение к Ахеменидам, исходя из иранской концепции о царской власти, которая должна перемещаться в рамках одного рода. Можно заключить, что понятие «Ахемениды» стало своеобразным идеологическим концептом, призванным укрепить власть персидского этноса на всей территории Ахеменидской империи.

Подытоживая всю аргументацию, касающуюся гипотезы о существовании параллельно династии Ахеменидов т. н. династии Теиспидов, надо сказать, что пока данная идея представляет собой, на наш взгляд, умелый исследовательский конструкт, и он выглядит убедительным лишь при опущении многих других

¹ Henkelman W.F.M. Consumed before the king. The Table of Darius, that of Irdabama and Irtaštuna, and that of his satrap, Karkiš // *Der Achämenidenhof — The Achaemenid Court / Akten des 2. Internationalen Kolloquiums zum Thema — Vorderasien im Spannungsfeld klassischer und altorientalischer Überlieferungen*, Landgut Castelen bei Basel, 23–25 Mai, 2007, *Classica et Orientalia 2* / Ed. by B. Jacobs, R. Rollinger. Wiesbaden, 2010. P. 667–677.

данных источников. Вместе с тем следует признать, что этот концепт позволяет по-новому взглянуть на происхождение Дария I и всего рода Ахеменидов.

Рудая О. А. (ТИЦИ, Колбино, Ленинградская обл.)

Обозначения вдов в клинописной лексикографической традиции: способы выписывания и контексты употреблений

Списки шумерских и аккадских слов (так наз. «лексические списки»), служившие в древности пособием для обучения писцов клинописи, одновременно позволяли систематизировать знания из самых разных сфер жизни. Когда подобные списки перечисляют обозначения профессий или общественного положения, нередко их состав и структура позволяют сделать некоторые выводы по поводу социальных отношений в тот или иной исторический период¹. В таких перечнях часто представлены шумерские и аккадские обозначения вдовы, контексты употребления которых могут сообщить нам кое-что об общественном положении вдов.

Шумерское обозначение вдовы засвидетельствовано в клинописных лексических списках III–I тыс. до н. э. в трех вариантах написания: *nu-tu-kuš*, *nu-tu-un-kuš* и *nu-kúš-ù*. Самый ранний вариант выписывания *nu-tu-kuš* можно найти в раннединастическом списке *ED Lú E* (Q000006 136), а также в одной из старовавилонских копий списка *OB Nippur Izi* (MSL 13, 040 I r ii' 2). Помимо лексических списков, он встречается в трех источниках периода Ур-III: в копии Законов Ур-Намму, вероятно, из Уммы (MSS X iii 6'), в документе выдачи рацийонов из Уммы (Nisaba 6 12 o v 11) и в юридическом документе из Гирсу (ITT 3 6550 o 2). Среди памятников I-й пол. II тыс. до н. э. тому же написанию следуют копия Законов Ур-Намму предположительно из Сиппара (MSS S₁ 98), шумерские гимны *Išme-Dagan A* + *VA* 216, *Našše A* 165, *Utu F* 53, 55. Шумерограмма *nu.mu.kuš* используется в Законах Хаммурапи (RIME 4.03.06.add21 2201', 2234', 3204').

Обозначение *nu-tu-un-kuš* появляется в лексических списках II тыс. до н. э.: *OB Nippur Izi* ii 166 (кроме копии MSL 13, 040 I, см. выше) и *OB Nippur Ura* 5 409 (в названии созвездия). Так же выписывалось слово «вдова» в двух копиях Законов Ур-Намму из Ниппура и, вероятно, из Сиппара (MSS N₁ iv 23, S₁ 30), в надписи царя Ларсы Нур-Адада (*Nūr-Adad* 7 ii 55) и в ряде шумерских литературных текстов (*SP* IM 58660 1–2; *SP* 2 + 6 A 2.33; *Našše A* 20, 22, 30; *Спор Мотыги и Плуга* 46; *CKU* 4 23b; *Ur-Namma A* 166).

Обозначение *nu-kúš-ù* встречается в лексических списках I тыс. до н. э. либо как самостоятельное слово с аккадским эквивалентом (списки серии *Murgud*

¹ Lecompte C. Representation of Women in Mesopotamian Lexical Lists // The Role of Women in Work and Society in the Ancient Near East. Boston; Berlin, 2016. P. 29–56 (см. P. 29–30, 50–51).

К 02061 r i frg.2 9; К 04244 + o ii frg.4 6”), либо в составе названия созвездия (*Murgud* К 02740 5’–6’; ZA 004, 157 o 27’; также CULC 387 r ii 8’; SpTU 3, 116 r i 19’). В другом списке серии *Murgud* ниже упомянуто имя бога ^d*al-ma-nu*¹ (ZA 004, 157 o 29’), возможно, связанного с акк. *almattu* «вдова».

Реже в значении «вдова» могли употребляться шум. *uku₂* (*ukur₃*) и *lukur*. В старовавилонском списке знаков шум. *uku₂* отождествляется с четырьмя аккадскими лексемами: *la-ap-nu-um* «бедный», *al-ma-tum* «вдова», *ka-tu-ù-um* «нищий» и *en-šum* «слабый» (*Moussaieff OB Aa* 75–198 r ii 7–10; ср.: KAR 145 r 20). В одном из сборников шумерских пословиц среди более дюжины пословиц про «бедняков» (*uku₂*) упомянуты и «вдовы» (*SP* 2 + 6 A 2.22–2.34), что также может свидетельствовать о том, что вдовы относились к данной категории лиц. В тексте комментария из Урука эллинистического периода шум. *lukur* (как правило, эквивалент акк. *nadītu* «жрица-надиту») было неожиданным образом истолковано писцами в том числе как акк. *almattu* «вдова» (*SpTU* 2, 054 o 16).

Совместные упоминания «сироты и вдовы» как наименее защищенных социальных групп засвидетельствованы с 24 в. до н. э.: в царских надписях (*Urukagina* I xii 23; *Gudea St B* vii 42–43, *Gudea Cyl B* xviii 6–7), гимнах (*Išme-Dagan A* + *VA* 216; *Našše A* 20; *Utu F* 53–54) и законодательных текстах (Законы Ур-Намму MSS N₁ iv 23, S₁ 30; RIME 4.03.06.add21 3204’). В данных случаях «сирота» выглядит как *nu-siki*. Однако в копиях лексических списков РД-IIIa *ED Lú E* рядом с «вдовой» это слово не выписывалось, при том, что *nu-siki* известно, начиная с РД-IIIb. Соседство *nu-mu-un-kuš* и *nu-siki* в лексических списках возникает только с начала II тыс. до н. э. в списках *OB Nippur Izi* ii 165–166. В *ED Lú E*, напротив, за словом *nu-mu-un-kuš* следует *nunuz-gig* («сирота» либо обозначение одной из категорий женщин) (IM 070171, IM 070172, IM 070293 +).

Еще одно слово с коннотацией социальной уязвимости встречается рядом с «вдовой» как в некоторых лексических списках, так и в литературных произведениях. Слово *ki-gul-la* («бездомный») в раннестаровавилонской (MSL 13, 014 Z, 040 D r iv 3) и старовавилонских (MSL 13, 040 A r iv 36, HS 1802 c iii 49) копиях списка *OB Nippur Izi* следует за *nu-siki* / *nu-mu-un-kuš*, и оно не вписывается в последующее перечисление слов, организованное по акрографическому принципу: *nu-bar* / *nu-gig* / *nu-gig gal* / *nu-gig an-na* (различные жрицы и повивальные бабки) — и далее формы с отрицательным префиксом *nu-* (ii 165–192; не содержат *ki-gul-la* ниппурская табличка MSL 13, 040 C и среднеавилонская из Угарита NMSA 8220). В этом отношении наблюдение А. Кавиньо относительно списка *ED Lú E* касательно того, что в блоке про вдов перечислены вместе обездоленные и маргиналы² (*zi_x* (IGI_g) «работник (слепой

¹ The Assyrian Dictionary of the Oriental Institute of the University of Chicago. Vol. A1. Chicago, 1998. P. 362.

² Cavigneaux S. Lexikalische Listen // Reallexikon der Assyriologie und vorderasiatischen Archäologie. Bd. 6. Berlin; New York, 1980–1983. S. 614.

или, возможно, ослепленный¹⁾» / nu-gig / nu-mu-kuš / nunuz-gig), будет справедливо и для этой части списка *OB Nippur Izi*. Вместе с «сиротой и вдовой» ki-gul-la встречается в литературных текстах II тыс. до н. э.: *Našše A* 165–166, *Спор Мотыги и Плуга* 46. Аналогичный перечень содержится в аккадском гимне Шамашу: e-ku-tum al-mat-tum ki-gul-la-tum (*Šamaš* 73 23). Надпись Нур-Адада говорит о «бедном, вдове и бездомном [lú-ki-gul-la]» (*Nūr-Adad* 7 ii 55).

Таким образом, шумерское обозначение вдовы в лексических списках III тыс. до н. э. выписывалось как nu-mu-kuš, а в списках II тыс. до н. э. — чаще как nu-mu-un-kuš, хотя в иных текстах 2-й пол. III — 1-й пол. II тыс. можно встретить оба варианта выписывания; третий вариант nu-kúš-ù встречается исключительно в списках I тыс. до н. э. Местоположение обсуждаемой лексемы среди разнообразных обозначений бедных и обездоленных, даже если тот или иной список организован по акрографическому принципу, хорошо соотносится с характером упоминания вдовы в месопотамских царских надписях и литературных текстах.

Сафронов А. В. (ФГБУН ИВ РАН, РТУ-МИРЭА, Москва)

К значению эпитета jmAx.w

В древнеегипетских текстах на протяжении трех тысячелетий встречается слово jmAx.w, значение которого до сих пор окончательно не выяснено. Согласно одной точке зрения, jmAx.w относится к кругу этических представлений и должно переводиться как «почтенный, чтимый»². По другому предположению, это слово указывает на обеспечение умершего заупокойным культом³.

Однако обе гипотезы весьма уязвимы для критики, поскольку покоятся на логических допущениях, не подкрепленных сколько-нибудь весомыми аргументами. Не случайно, эта лексема порой оставляется без перевода⁴, или в одной и той же работе приобретает разные значения — «почтенный», «уважаемый», «праведник», «блаженный», «святой»⁵.

¹ Cp.: ePSD2: o0042698 // URL: <https://oracc.museum.upenn.edu/epsd2/o0042698> (дата обращения: 15.01.2025).

² Wörterbuch der ägyptischen Sprache. Bd. 1. Berlin, 1971. S. 81–82.

³ Windus-Staginsky E. Der ägyptische König im Alten Reich. Wiesbaden, 2006. S. 17–20. Берлев О. Д., Ходжаш С. И. Скульптура древнего Египта. М., 2004. С. 43–44. Cp., однако, более ранний перевод О. Д. Берлева — «possessor of honour»: Berlev O., Hodjash S. The Egyptian Reliefs and Stelae in the Pushkin Museum of Fine Arts. Moscow; Leningrad, 1982. P. 25.

⁴ Кокина Е. А. Египетские гробничные посвячительные надписи эпохи Древнего царства // *Вестник древней истории*. 2013. № 4. С. 12, примеч. 77.

⁵ Романова Е. А. К проблеме интерпретации титула jmAxw в надписях Древнего царства // *Культурное наследие Египта и христианский Восток*. М., 2004. С. 94, 117.

В этой связи представляется необходимым привлечь к дискуссии данные Диодора, сообщающего о египетских похоронных обрядах (Diod. I. 92.5). Описывая процесс погребения египтянина, греческий автор, помимо прочего, сообщает: «После рассказа о воспитании и обучении покойного в младенчестве, они (т. е. родственники покойного. — Примеч. А. С.) описывают его благочестие, справедливость и воздержанность и другие добродетели в зрелом возрасте и умоляют богов подземного мира причислить его к праведникам. Народ радостными криками выражает свое сочувствие и превозносит славу усопшего, так как он теперь будет вечно жить в Аиде с праведниками»¹.

Очевидно, что Аид здесь является передачей египетского обозначения страны умерших *jm̄n.t* «запад». Примечательно и уточнение греческим автором места, где будет пребывать в Аиде умерший — *μετὰ τῶν εὐσεβῶν* «среди праведников». Тогда эта фраза находит, на наш взгляд, точную параллель в словосочетании *m-m jm̄Aх.ww*, распространенном в египетских погребальных надписях со Старого царства до греко-римского периода. Приведем лишь несколько примеров:

jj m Htp r jm̄n.t nfr.t m-m jm̄Aх.ww «Приди в мире на прекрасный запад среди праведников!»².

sDA=f Hr wA.wt nfr.wt n.t jm̄n.t m-m jm̄Aх.ww xr Wsjr «Пусть пойдет он по прекрасным дорогам запада среди праведников при Осирисе»³.

dj=k pr=j <m> jz m-m jm̄Aх.ww «Да позволишь ты (т. е. Мин, владыка Панополя) выйти мне из гробницы среди праведников»⁴.

Любопытно, что Диодор указывает богов подземного мира (τοὺς κάτω θεοὺς) как дарителей достойной загробной жизни умершему⁵. Это также находит параллель в египетских текстах, где покойному существование среди праведников должен обеспечить бог страны мертвых Анубис: ⁽¹⁾ *Htp-dj-nswt Htp-dj-Jnpw xp=f Hr wA.wt nfr.wt ra nb* ⁽²⁾ *r sxt Htp r s.wt nfr.wt m-m jm̄Aх.ww* «⁽¹⁾ Царская жертва и жертва Анубиса Имиута. Да будет он ходить по прекрасным дорогам ежедневно ⁽²⁾ к полям жертв, к прекрасным местам среди праведников»⁶.

Таким образом, мы предлагаем соотносить слово *jm̄Aх.w* с греческим *εὐσεβής* «благочестивый, праведный в (своих) деяниях»⁷ и рассматривать его как этическое

¹ Перевод цит. по: Диодор Сицилийский. Историческая библиотека в 3 томах. Т. I / под ред. Э. Д. Фролова. М., 2021. С. 91.

² Kanawati N. The Rock Tombs of el-Hawawish. The Cemetery of Akhmim. Vol. 2. Sydney, 1981. Pl. 19.

³ Kamal A. Rapport sur les fouilles exécutées dans la zone comprise Déirout au nord et Déir-el-Ganadlah, au sud // *Annales du service des antiquités de l'Égypte*. 1912. Т. 12/2. Р. 108.

⁴ Kamal A. Steles ptolémaïques et romaines. Le Caire, 1907. Р. 65. На этот пример любезно указал И. В. Богданов. См. также словосочетание *m-m jm̄Aх.ww* в гробнице Петосируса (4 в. до н. э.): Levebvre G. Le tombeau de Petosiris. Т. 1. Le Caire, 1924. Р. 89.

⁵ Ср. с упоминанием Осириса под именем Диониса как владыки «подземного мира»: Hdt. II. 123.

⁶ Ложная дверь из гробницы *Jttj anḫ-jr(j)=s* в Саккаре, транслитерация по авторской фотографии памятника в Каирском музее древностей.

⁷ Дворецкий И. Х. Древнегреческо-русский словарь. Т. 1. М., 1958. С. 708.

понятие. Подобное понимание данной лексемы дает адекватный смысл эпитетам Осириса *HqA jmAx* — «праведный правитель»¹ и *dj jmAx.j n mAa-jb* «помещающий праведником (т. е. дающий статус праведника. — *Примеч. А. С.*) правдивого сердцем»².

В свете вышесказанного становится более понятным появление с конца V династии идеальных биографий, задача которых, видимо, заключалась в «верификации» праведных деяний владельца надписи для обретения умершим достойного существования среди праведников в загробном мире³.

Сергеева М. В. (ИВИ РАН, Москва)

«Вавилоняне» и «ассирийцы»: XXVIII–XXX династии в раннесредневековой версии царского списка Манефона⁴

Исламско-египетская традиция о древней истории египтян сформировалась в VIII–IX вв. н. э. прежде всего на основе определенных изводов доисламских исторических представлений, бытовавших в Египте. В ней присутствует структурно деление былой истории независимого Египта на три эпохи, аналогичное принятому Манефоном. Последняя из них, как и у него, начинается с момента, отвечающего грани XIX и XX династий (в исламско-египетской традиции это правление женщины-царя Далуки⁵) и заполнена группами царей, численность и имена которых не отвечают реальности и сведениям Манефона. Однако в труде последнего из крупных представителей исламско-египетского историописания Макризи («Хитат»), в виде дополнения к изложению этой схемы приводится альтернативный, резко отличающийся от нее список царей третьей эпохи истории Египта (царей после Далуки)⁶. Макризи не указывает, откуда он взял этот список, но уже форма имен в нем устанавливает его доисламское египетское происхождение. Специалистами давно выявлено, что этот список представляет собой немного модифицированное

¹ Cauville S. Le temple de Dendera. Les chappels osiriennes. Le Caire, 1997. P. 398:3.

² Kitchen K. Ramesside Inscriptions. Vol. 3. Oxford, 1980. P. 287:13.

³ Об *jmAx.w* как эпитете мертвых см.: Шехаб эль-Дин Т. Автобиография в древнем Египте в эпоху IV–VIII династий. Канд. дис. СПб., 1993. С. 216.

⁴ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда в рамках проекта № 24–18–00378 «Происхождение и состав позднеантичной и средневековой картины прошлого Ближнего Востока и Эгеиды в древнейший (доахеменидский) период», <https://rscf.ru/project/24-18-00378/>.

⁵ Она отвечает исторической женщине-царю Таусерт, завершившей XIX династию (об этом соответствии см.: Банщикова А. А. Мотивы древнеегипетского фольклора в рассказе Ибн Абд ал-Хакама о царице Далуке // *Восток (Oriens)*. 2007. № 1. С. 33–43; Немировский А. А. Рубеж XIX/XX династии и Исход как историческая вежа в позднеегипетско-коптской схеме истории Египта // *Aegyptiaca Rossica*. Вып. 7. М., 2019. С. 214–225.

⁶ Maqrizi. Description topographique et historique de l'Égypte. Vol. I. Le Caire, 1895. P. 412.

воспроизведение манефоновского списка царей XX–XXX династий вместе с их именами¹. У Манефона эти цари и относятся к третьей эпохе истории Египта, освещенной в III томосе его труда; именно эта эпоха, как упоминалось, точно соответствует временам «после Далуки» в исламско-египетской традиции.

Мы обратимся к сегменту обсуждаемой модификации, который охватывает время после завершения XXVI династии. Отличия этого сегмента от оригинала Манефона, к которому он восходит, пока не анализировались, но представляют значительный интерес. Исходу XXVI династии здесь отвечает «Амаселес» (у Манефона Амасис); его эфемерный преемник в реальности и у Манефона, Псамметих III, в нашем списке пропущен. Следующая, XXVII (персидская) династия реальности и перечня Манефона в нашем списке также не имеет никакого соответствия, т. е. отсутствует; за Амаселесом следуют: «пять царей Вавилона» — Амартиуш, Мафартас, Аухрис, Фасамут, Мутатус, а затем «три царя Ассирии, Гармакийцы (очевидно, от Бет Гармай — области Аррапхи/Керкука, исторически и географически близкой Ассирии. — М. С.), правившие в Мосуле» — Нафатанебуш, Тус, Нафатаниас. «После них владычество перешло к Александру, сыну Филиппа Грека».

В этих именах давно опознаны цари XXVIII–XXX династий Манефона (последнего периода египетской независимости между двумя персидскими владычествами — 405–342 гг. до н. э.): Амиртей (XXVIII династия), Неферит I, Ахорис, Псамуф, Неферит II и Муф (XXIX династия), Нектанеб I, Теос, Нектанеб II (XXX династия; Manetho. Frg. 72–74).

Таким образом, модификации исходного манефоновского царского списка в пределах нашего сегмента сводятся (помимо выпадения эфемерного Псамметиха III) к тому, что персидская XXVII династия пропущена вовсе, а XXVIII–XXX египетские династии превращены в иноземные, азиатские, однако не персидские (хотя последнее, казалось бы, напрашивалось на фоне распространенности сведений о том, что Александр отбил Египет именно у персов); цари XXVIII и XXIX династий слиты в одну «Вавилонскую» династию, а XXX династия превращена в «Ассирийскую» из области Керкука и Мосула.

Интерпретировать эти модификации остается следующим образом:

(а) исключение персидской XXVII династии может объясняться лишь тем, что стоящий за ним обработчик относился к ней намного хуже, чем Манефон, и в отличие от него не желал включать ее в число (законных) царей Египта;

(б) превращение XXVIII–XXX династий в иноземные (причем относящиеся к двум великим азиатским державам, с которыми Египет в VII–VI вв. вел упорную борьбу — к памятным вражеским странам для Египта; коптская традиция, в частности, хорошо помнит о войнах Египта с «Ассирией» и «Вавилоном») также могло быть производным только от крайне отрицательного отношения к этим династиям. Из списка, в отличие от персов, их, правда, не вычеркнули, но превратили

¹ Murray M. A. Maqrizi's Names of the Pharaohs // *Ancient Egypt*. 1924. Vol. 2. P. 51–55.

в государей из числа самых памятных (помимо персов) враждебных иноземцев. Действительно, в «Демотической хронике» (раннептолемеевское время) выражено отрицательное отношение и к этим царям, и к персам;

(в) то, что этих царей, делая их враждебными азиатами, превратили все же не в персов, а оба раза в неких иных азиатов (вавилонян и ассирийцев) говорит о том, что автор этих превращений знал, что указанные цари персам противостояли и были от них отличны. В той же «Демотической хронике» выражено сопоставимое представление об этих царях: они там персонажи отрицательные, но персы выведены как совершенно иная отрицательная (исключая нюансы презентации их второго владычества) сила.

Таким образом, по крайней мере часть модификаций манефоновского списка царей III томоса, давших его рассматриваемую версию, не была плодом случайных ошибок, а диктовалась определенными тенденциями, восходящими в конечном счете к настроениям, сформировавшимся в Египте еще до самого Манефона, в IV — начале III в. до н. э.

Томашевич О. В. (Исторический ф-т МГУ, Москва)

Еще раз о таинственной незнакомке из древнеегипетской «Истории пастуха» (pBerlin 3024).

Доклад посвящен загадочной «Истории пастуха», сохранившейся на одном папирусе с известным «Разговором с Ба» (pBerlin 3024) и датируемой началом XII династии. Повторное обращение автора к проблеме интерпретации образа богини или демоницы, встреченной главным героем в нильских заводях¹, обусловлено новыми папирусными находками, несомненно содержащими фрагменты этого текста² (еще недавно «Историю пастуха» считали совершенно уникальной), а также публикацией перевода этого литературного сочинения французским египтологом Б. Матьё³. Кроме письменных источников, в докладе рассматриваются различные изобразительные свидетельства: так называемые статуэтки Бэсит эпохи Среднего царства и фрагмент рельефа из храма погребального комплекса фараона Сахура в Абусире (V династия)⁴. По мнению автора, полученные данные

¹ Томашевич О.В. Об одной прекрасной и загадочной женской статуэтке из собрания В. С. Голенищева // *Aegyptiaca Rossica. Supplementum*. У истоков русской египтологии. К 160-летию со дня рождения Владимира Семеновича Голенищева. Материалы международной научной конференции. М., 2020. С. 323–338.

² Escolano-Poveda M. New Fragments of Papyrus Berlin 3024 // *Zeitschrift für Ägyptische Sprache und Altertumskunde*. 2017. Bd. 144 (1). S. 16–54.

³ Mathieu B. Le Conte du Patre qui vit une deesse (pBerlin 3024, verso). Nouvelles lectures // *And the Earth is Joyous... Essays in Honour of Galina Belova*. Moscow, 2015. P. 196–204.

⁴ Borchardt L. Das Grabdenkmal des Königs Sahu-re. Leipzig, 1913. Bd. II. Bl. 22.

являются новыми аргументами, подтверждающими возможность предложенной ею идентификации ужасной и прекрасной незнакомки из «Истории пастуха» с женской деревянной статуэткой из коллекции В. С. Голенищева, датируемой как и текст эпохой Среднего царства (ГМИИ имени А. С. Пушкина, Инв. № I, 1a5669).

Соглашаясь со многими положениями Ханса Гёдике, в специальной статье добившегося заметного прогресса в интерпретации этой истории¹ (удивительно, что эта работа не была учтена в соответствующей статье в «Лексиконе египтологии», тем более что этот литературный текст переводили гораздо реже, чем другие), Томашевич иначе «видит» образ ее героини: это был не женский сфинкс (такова гипотеза Гёдике), а антропоморфное женское существо с головой (или в маске?) льва/ львицы. Этот образ весьма типичен для древнеегипетских богинь (Сахмет, Хатхор, Бастет, Мут, Метит, Мехит, Пахет), но несколько отличается от карлицы Бэсит, спутницы Бэса, покровительствующей беременным и роженицам, а также охраняющей младенцев. Не подлежит сомнению, что, неожиданно представ перед пастухом, львиноголовая женщина повергла его в неимоверный ужас и вряд ли была менее страшна, чем сфинкс с женским лицом. Вероятно, примерно так интерпретировал ее облик О. Д. Берлев, коснувшийся этой «Истории», объясняя свое понимание древнеегипетского «хэму»: «Пастух этот увидел богиню, причем она не была в виде хэму человеческого. <...> Издатель папируса правильно понял эту фразу, что богиня, хотя и *имела вид женщины* (выделено мною. — О. Т.), предстала перед пастухом не в образе человеческом, а в своем божественном облике»².

Отдельная интересная проблема, достойная внимательного рассмотрения: использование древними египтянами масок в религиозном культе. Хотя таковые известны (например, найденная в Эль-Лахуне фрагментарная, но идентифицируемая именно с Бэсом маска Среднего царства из Манчестерского музея, или прекрасно сохранившаяся керамическая маска бога Анубиса греко-римского периода из музея в Хильдесхайме), не представляется возможным доказать, что у статуэтки из ГМИИ львиная голова — с наименьшей степенью вероятности это может быть и маска, точно так же как у фигуры (божества, жреца или жрицы? Возможно, беременной женщины) на фрагменте рельефа из погребального комплекса Сахура, раскопанного и опубликованного Л. Борхардтом (хранится в Лейпциге)³.

Хотя короткая — всего 25 столбцов, — эта история оставляет читателю значительное количество вопросов. Думается, что Ханс Гёдике правильно трактовал ее как «литературную гемму», обращая внимание на сходство со странными историями, включенными в «Разговор с Ба». В отличие от многих авторитетных авторов (в частности, таких корифеев и знатоков древнеегипетского языка, как А. Эрман, А. Гардинер), считавших, что до нас дошла средняя часть истории⁴,

¹ Goedicke H. The Story of the Herdsman // *Chronique d'Égypte*. 1970. Т. XLV. No. 90. P. 244–266.

² Берлев О. Д. Трудовое население Египта в эпоху Среднего царства. М., 1972, С. 39–40.

³ Borchardt L. Das Grabdenkmal des Königs Sahu-re. Leipzig, 1913. Bd. II. Bl. 22. На фрагменте рельефа сохранилась только верхняя часть фигуры, а лицо было повреждено, возможно, коптами.

⁴ Так считает и один из последних египтологов, взявшихся за перевод «Истории пастуха», — Б. Матьё.

отсутствуют ее начало и конец, австрийский египтолог не без оснований полагал, что это цельное произведение. Смысл же этой истории сводится к следующей житейской мудрости: утро вечера мудренее. То есть необходимо еще раз посмотреть на проблему, какой бы ужасной она ни казалась.

Ченковская В. Ю. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

Женщины-надитум из семьи Имгур-Сина: по документам семейного архива из Ниппура (Южная Месопотамия, XIX–XVIII вв. до н. э.)

В докладе рассматриваются клинописные документы одной из зажиточных семей, проживавшей в городе Ниппуре на юге Месопотамии в первой половине II тыс. до н. э. Десять опубликованных на данный момент текстов отражают социально-экономическую деятельность членов данной семьи на протяжении пяти поколений — с 1835 по 1726 гг. до н. э. Самым старшим из известных представителей семьи является Имгур-Син. Хотя мы и говорим об архиве, точное место обнаружения табличек неизвестно в силу специфики ведения экспедиционной документации. Анализируемые тексты опубликованы в четырех сериях: BE 6/2 (The Babylonian Expedition of the University of Pennsylvania), PBS 8/2 (Publications of the Babylonian Section), ARN (Altbabylonische Rechtsurkunden aus Nippur), TMH 10 (Texte und Materialien der Frau Professor Hilprecht Collection).

Пять текстов архива были составлены на имя девушек, обладавших титулом «надитум бога Нинурты». *Надитум* (шум. lukur, акк. *nadītum*) назывались женщины из обеспеченных городских семей, которые, проходя некое посвящение, становились жрицами какого-либо бога, что отражалось в их титуле. Чаще всего женщины с титулом *надитум* встречаются в Сиппаре и Ниппуре, причем сиппарские тексты, касающиеся *надитум*, преобладают¹. Эти женщины получали часть семейного имущества и активно участвовали в экономической жизни города.

Самый ранний документ архива (TMH 10 29, 1835 г.) фиксирует покупку *надитум* Геме-дукугой, дочерью Имгур-Сина, дома в квартале ki-lukur-га (досл. «место *надитум*») — специально отведенном для *надитум* месте. Другие тексты Геме-дукуги неизвестны, но она упоминается в документе ее племянницы Бельтани, которая также была посвящена в *надитум* Нинурты.

По документу ARN 29 (1801 г.) отец по имени Энлиль-раби и брат Бельтани сделали ей подарок (шум. níg-ba) в виде двух полей, служанки и ряда предметов домашнего обихода. Больше из этих полей было куплено тетей Бельтани Геме-

¹ Stone E. C. The Social Role of the Naditu Women in Old Babylonian Nippur // *Journal of the Economic and Social History of the Orient*. 1982. V. 25/1. P. 50–70 (см. p. 50–51).

дукугой. О том, какую часть семейного имущества получила *надитум* Бельтани, дает представление произведенный через два года раздел собственности почившего отца между братьями Бельтани (PBS 8/2 115, 1799 г.). В документе были зафиксированы доли (шум. *ha-la*) братьев, каждому из которых досталось по участку земли и части дома; старший брат также получил дополнительную долю. Сравнение долей братьев и подарка Бельтани демонстрирует примерно равный состав и количество имущества: Бельтани не досталась только часть дома отца, вероятно, потому что она проживала в квартале *надитум*.

Документ Бельтани помимо передачи собственности также закрепил обязанность братьев ежегодно обеспечивать ее фиксированным количеством зерна (720 л), масла (12 л) и шерсти (10 мин). Пересмотр этого обеспечения братьями состоялся 29 лет спустя (PBS 8/2 116, 1772 г.). Количество масла и шерсти снизилось, но прежней осталась выдача 720 л зерна, что составляло прожиточный минимум¹. При этом были прописаны последствия прекращения выплат: лишение своего права на наследство. Также в договор был включен запрет на продажу земли Бельтани кем-либо из братьев: в противном случае последует лишение всего имущества отца и прибыли от продажи. Это свидетельствует о контроле братьями имущества их сестры-*надитум*. Документы Бельтани являются двумя из трех во всем ниппурском текстовом корпусе, закрепляющими обязанность братьев обеспечивать сестру-*надитум*. Третий был составлен на имя *надитум* в следующем поколении семьи.

По ТМН 10 11 (1775 г.) Цилли-Шамаш, один из братьев Бельтани, обязал своих сыновей выплачивать зерно (720 л), масло (8 л) и шерсть (8 мин) их сестре Нуттуптум, *надитум* бога Нинурты. В случае неисполнения последовало бы лишение права наследования отцовского имущества. Данный документ в отличие от документа Бельтани не содержит информации о владении Нуттуптум какой-либо семейной собственностью. Второй документ на имя Нуттуптум является освобождением принадлежавшей ей рабыни (PBS 8/2 137, 1726 г.).

Таким образом, документы семьи Имгур-Сина демонстрируют, как на протяжении как минимум трех поколений девушки из зажиточной семьи посвящались в *надитум* бога Нинурты. Они владели собственностью и совершали экономические сделки. Однако эта собственность по итогу возвращалась в семью: поле, принадлежавшее Геме-дукуге, перешло к ее брату и от него к ее племяннице-премнице. Земля, полученная Бельтани от отца, как подразумевают условия PBS 8/2 116, должна была остаться нетронутой, и, видимо, после смерти Бельтани перейти к ее братьям. Что произошло далее с этим участком, был ли он поделен братьями Бельтани и досталась ли какая-то часть Нуттуптум, *надитум* в следующем поколении семьи, неизвестно. Кроме того, на протяжении как минимум двух поколений мы видим, как братья были ответственны за финансовую поддержку их сестры-*надитум*, включавшую неизменное количество зерна в 720 л,

¹ Nakata I. *Naditum*-Women in the Field Lease Contracts from Sippar // *Orient*. 2016. V. 51. P. 95–109 (см. p. 97).

составлявшее прожиточный минимум. В случае Бельтани братьями для этого явно использовались земельные владения, отданные сестре-*надитум*. Практика передачи женщинам-*надитум* семейного имущества и осуществления контроля над ним братьями с целью обеспечения, наблюдаемая в семье Имгур-Сина, прослеживается и по текстам из других городов Южной Месопотамии¹.

Шелестин В. Ю. (ИВ РАН, Москва)

Божественный суд в хеттском «Ритуале на вражеской границе»

Один из наиболее интересных ритуалов, связанных с хеттско-касскими взаимоотношениями — среднехеттский по языку «Ритуал на вражеской границе» (СТН 422)², основная копия которого записана на одной табличке KUB 4.1 вместе с гаданиями по печени и описаниями танцев. Традиционно таблички-сборники объединяют несколько текстов одной темой, и в случае KUB 4.1 в качестве такой темы рассматривается борьба с врагом различными способами — апеллирующим к божественному суду ритуалом, ожиданием благоприятного для борьбы знака оракула и устрашающими боевыми танцами³. Одна из других копий этого ритуала записана на табличке-сборнике KUB 48.86+CHDS 4.36 вместе с ритуалом Уммайи⁴ — хурритской специалистки по возвращению удачи в битве.

В тексте исследуемого ритуала противостояние на земле между хеттами и касками, захватившими ряд культовых центров северной периферии Хеттского царства, передается в форме судебного противостояния между хеттскими и касскими богами. В тексте рефреном звучит фраза: «Вот Цитхария падает ниц перед всеми богами и посылает им иск (*DINAM / ḫanneššar arnuškizzi*). Все боги, рассудите ему дело (*DINAM / ḫanneššar ḫannatten*)! За богов пусть оно будет большим возмещением (*mekki kattawatar*)!» (KUB 4.1 I 19–23, ср. I 32–34). Стоит отметить, что употребление подобной терминологии не слишком характерно для хеттских ритуалов — иск в сходных контекстах упоминается еще в ритуале, посвященном очищению нечистоты, связанной с Суппилиумой I (СТН 832: KBo 13.110

¹ Stol M. Unmarried women: nuns. Brothers supporting their unmarried sisters // Stol M., Vleeming S. (eds.). *The Care of The Elderly in the Ancient Near East*. Leiden; Boston; Köln, 1998. P. 85–95.

² Актуальное издание: Fuscagni F. *Beschwörungsritual an der Feindesgrenze* (CTH 422). URL: <http://hethiter.net/>; CTH 422 (INTR 2016–08–04).

³ Hutter M. *Sammeltafeln — Zufallsprodukt von Schreibern oder Ausdruck von hethitischem Literaturverständnis?* // Hutter M., Hutter-Braunsar S. (Hrsgb.). *Hethitische Literatur. Überlieferungsprozesse, Textstrukturen, Ausdruckformen und Nachwirken. Akten des Symposiums vom 18. bis 20. Februar 2010 in Bonn*, (AOAT 391). Münster: Ugarit-Verlag, 2011. S. 122.

⁴ Soysal O. *Unpublished Bo-fragments in transliteration III* (Bo 6087 — Bo 6434). Chicago: University of Chicago, 2024. P. 76.

ОС 3), Аннунаки призываются рассудить дело дома, очищаемого посредством ритуала для подземных богов (СТН 446: KUB 41.8 ОС III 8, 27), первобытные боги призываются рассудить иск в ритуале Ирии для очищения города (СТН 400: KUB 30.34 ОС III 8). При этом некоторые хеттские ритуалы демонстрируют боязнь судебного процесса и призваны отвести его угрозу — например, Туннавия в ритуале освобождения от нечистоты при перечислении отрезаемых языков злоречья упоминает язык судебного собрания (СТН 409: KBo 47.130+KBo 24.3 I 12–13).

При этом судебная терминология пронизывает другой тип обращения хеттов к богам — молитвы (особенно их подтип *arkuwar*), которые зачастую представляли собой обращение к божьему суду через посредничество божества-заступника¹. Однако в древнехеттских молитвах нет упоминания судебного иска — иногда трактуемое в качестве такового обращенное к разным представителям божественной свиты в молитве к Подземной Солнечной богине выражение *DI-ma tu-el e-eš-tu* «А суд пусть будет твоим!» (СТН 371: KBo 7.28 ЛС 17, 22, 25, 27, 32, 38, 39) более корректно читать *ki-ma tu-el e-eš-tu* «А это пусть будет твоим!»². В среднехеттские молитвы судебная терминология сначала проникает сперва в хвалебную часть молитв царя (СТН 374) и смертного (СТН 372), основанных на молитве Кантуццили (СТН 373) и месопотамских гимнах, а хеттской инновацией становится становление человека инициатором судебного процесса в молитве Арнуванды I и Асмуникаль: «Мы подаем иск (*DINAM arnuškeuwanī*)» (СТН 375: KUB 17.21 II 7). Обстановка, описанная в данной молитве, обычно хронологически сближается с условиями возникновения ритуала СТН 422, поэтому проникновение в него идеи божественного суда как способа решения земных проблем может быть результатом той же идеологической инновации. Тогда же она могла проникнуть в среднехеттские очистительные ритуалы Ирии и для подземных богов, однако оказалась маргинальной в истории развития хеттских ритуалов, оказав значительно большее влияние на развитие хеттских молитв.

¹ Singer I. Hittite prayers. Atlanta: SBL, 2002. P. 5–6.

² van de Peut L. E. Persuading the divine. On the composition of Hittite prayers. Wiesbaden: Harrasowitz, 2022. P. 69.

Секция VIII • Section VIII

Круглый стол: «Источниковедение и историография ислама в России»

Round table discussion: "Historiography and Source Studies of Islam in Russia"

*Алексеев И. Л. (Институт классического Востока и античности
НИУ ВШЭ; ИВ РАН, Москва)*

Образ истории и проблема исторической памяти в российском исламском реформизме

Исторические изыскания многих исламских реформаторов объединяет фигура и наследие Ибн Халдуна. Историко-социологическая теория и философия истории этого средневекового мыслителя была заново открыта европейскими востоковедами в середине XIX в. и уже через них получила популярность в широких кругах мусульманских модернистов (не только исламских реформаторов, но и, например, арабских националистов). Это было совершенно иное его прочтение, чем, например, у османских придворных историографов XVII в. Если последние использовали историко-политические аргументы Ибн Халдуна в пользу Омейядов для утверждения легитимности династии Османов на основе того, что сегодня могло бы быть названо *Realpolitik*, и тем самым обосновывали принцип султанского автократизма в исламском контексте, то первые (как исламисты, так и националисты) воспроизводили нарратив европейских востоковедов, рассматривавших идеи Ибн Халдуна как проявление рационально-философского осмысления истории и оценивавших эти идеи как прогрессивные, указывая в том числе, что Ибн Халдун «опередил» целый ряд европейских мыслителей (отсюда широко распространившиеся характеристики этого автора как «арабского / исламского Макиавелли, Локка, Вебера и даже Маркса»). Таким образом, и для османских консерваторов XVII в., и для

исламских модернистов XIX–XX вв. обращение к Ибн Халдуну оказывалось одновременно *рациональным и исламским* аргументом в пользу их различных позиций. При этом для модернистов и реформаторов Ибн Халдун оказывается референтной фигурой, легитимированной еще и европейской наукой; обращение к этой фигуре давало возможность на равных вести диалог о цивилизационной роли ислама в истории человечества с западными востоковедами. Через Ибн Халдуна исламский дискурс приобретал черты европейской научности и рациональности.

Важным компонентом исламского модернизма, помимо собственно религиозной реформы, было широкое восприятие принципа историзма как эпистемологической основы рассуждений реформаторов-модернистов.

Исламский модернизм обеспечивал теологическое обоснование реформам именно через апелляцию к истории и использование принципа историзма, понимаемого максимально широко.

Историзм использовался реформаторами одновременно и как концепт, и как метод, подразумевавший рассмотрение проблемы в конкретном историческом контексте. Этот подход, будучи распространенным, к примеру, в сферу *фикха*, давал, среди прочего, возможность пересмотра правовых норм в соответствии с условиями «нынешнего времени». Критический пересмотр истории религии, в данном случае ислама, открывал путь к переосмыслению самой религии. Одновременно научно-историческая критика создавала вызов для устоявшихся историко-мифологических нарративов, основанных на священных текстах. Таким образом, обращение к принципу историзма обеспечивало теологическое оправдание модерности, в том числе через поиск собственно исламских ее оснований, то есть объяснение ее не как внешнего заимствования, а как потребности внутренней эволюции мусульманских обществ.

Одним из важнейших направлений такой реконструкции было стремление с помощью исторического метода показать, что ислам в прошлые эпохи не только не препятствовал, но активно способствовал прогрессу и развитию цивилизации в том понимании, которое формировалось западными историками. Современная «отсталость» мусульман понималась как результат отхода от исторического облика и курса ислама, который совпадал с теологически и юридически нормативной и истинной трактовкой шариата.

Соответственно, если провести правильную «научную» реформу, прогрессивная роль ислама может быть восстановлена, а мусульмане вновь займут свое достойное место в человеческой цивилизации. В этом отношении исламский модернизм как проект «перевода» исламской традиции в исламский же модерн может и должен рассматриваться в ряду других религиозных модернизмов Нового времени.

Обращаясь к научному пониманию истории как к аргументу в дискуссиях и рассуждениях, мусульманские реформаторы-модернисты используют его различным образом.

С одной стороны, исторический аргумент хорошо ложится на сложившееся задолго до этих реформаторов и глубоко укорененное в исламской мысли представление об исламе как самовозобновляющейся традиции (*таджид*), которая в разные периоды времени очищается от незаконных нововведений (*бид'а*) и таким образом сохраняет себя на протяжении истории. Апелляция к рациональному и критическому историческому знанию, исторической науке дает возможность реформаторам демифологизировать историю мусульманских народов и произвести пересмотр исторической памяти, аналогичный пересмотру *фикха* путем *иджтихада*.

Ибрагимова З. Б. (ИИАЭ ДФИЦ РАН, Махачкала)

Читательский интерес «рядового» дагестанского мусульманина во второй половине XX в. (на примере рукописной коллекции Нигматуллы Магомедова)

Еще до начала изменений в религиозной политике советского государства в конце 80-х XX в. жизнь мусульманской общины в Дагестане не находилась в состоянии полного «замирания». Состав некоторых дагестанских частных архивов и книжных коллекций свидетельствует о том, что они формировались во второй половине XX в. Особую ценность для изучения истории ислама в России наряду с сочинениями дагестанских авторов того времени, представляет исследование круга читательского интереса «рядового» советского мусульманина.

Известно, что содержание и характер читательского интереса связаны в первую очередь с динамикой мотивов и потребностей индивида, а также со способом освоения, происходящих вокруг общественных явлений. Современными исследователями предложена следующая классификация читательского интереса:

- по содержанию (их предметной отнесенности);
- по широте предметного содержания;
- по глубине (в системе потребностей личности);
- по устойчивости;
- по силе;
- по длительности.

Изучение в данном аспекте дагестанских рукописных коллекций, сформированных во второй половине XX в., позволит определить ряд актуальных проблем, волновавших умы представителей местной мусульманской общины. Выделение из множества известных личных библиотек, коллекций «рядовых» верующих обусловлено необходимостью определения степени вовлеченности их владельцев в религиозно-культурологический дискурс.

Одним из наглядных примеров дагестанского частного книжного собрания, сформированного в советский период, является коллекция Нигматуллы Магомедова (1913–1993). Его юность пришлась на 20–30 гг. XX в., то есть на период закрытия религиозных учебных центров в Дагестане и жестоких репрессий против местных богословов, поэтому у него не было возможности получить полноценное религиозное образование. Однако личный архив Нигматуллы свидетельствует об его стремлении получить религиозные знания в доступной форме. Он вел активную переписку с другими представителями дагестанской духовной интеллигенции и, судя по материалам библиотеки, поддерживал связь со своими земляками, эмигрировавшими в Турцию. В библиотеке Нигматуллы представлены различные арабографические сочинения по истории ислама, суфизму, а также множество богословских сочинений дагестанских авторов и переводы на аварский язык произведений восточных авторов. Перечислим некоторые из них: «История халифата» на аварском языке, «Тарих Дагистан» Абдулатифа Шамхалова (1900–1933); «Хикайа муджиза ал-хабиб» Шарапуддина ал-Кикунни (1875–1936), переводы с арабского языка на аварский язык ал-Асма ал-хусна («Прекрасные имена Аллаха») — Шуайба ал-Багини (1853–1809), произведение известного мусульманского мыслителя Абу Хамида ал-Газали (1058–1111) «Минхадж ал-‘абидин» — ‘Умара сына Салиха из с. Батлук; суфийской поэмы Абд ал-Кадира ас-Сафади «Силк ал-‘айн ли изхаб ал-гайн» — Мухаммадтахира ал-Карахи (1809–1880) и др. Также в небольшой библиотеке Нигматуллы Магомедова хранились различные молитвенники, религиозные поэтические произведения местных авторов на арабской графике.

Большой интерес представляют арабографические произведения на аварском языке «Ответы на вопросы Ниматуллы ал-Аймаки» Абдурахима ал-Аймаки и «Ответы Мухаммада на вопросы Нигматуллы ал-‘Аймаки». Они адресованы самому Нигматулле Магомедову. В них авторы высказывают свое мнение по основным вопросам полемики между представителями суфийских братств и сторонниками движения мусульманского реформаторства, о причинах разделения мусульманской богословской школы на мазхабы и разногласий между представителями суфийских братств и их оппонентами, об идеологии ваххабизма, о сути иджтихада и таклида; о порядке выплаты заката, кафарата и др.

Все эти сочинения переписаны в тетрадях, блокнотах, а также «классических» рукописях, как самим Нигматуллой, так и другими переписчиками. Большое количество произведений на его родном языке (аварском) свидетельствует о том, что их владелец несмотря на то, что был знаком с арабским алфавитом, скорее всего, не владел в достаточной мере этим языком.

Небольшая библиотека Нигматуллы Магомедова указывает на круг вопросов, актуальных в поздний советский период среди представителей мусульманской общины Дагестана.

Ибрагимова П. А. (ДГУ, Махачкала)

Конфискация вакфов и заката в пользу крестьянских комитетов в 20–30-х гг. XX в. в Дагестане

Во второй половине 1920-х годов антирелигиозная политика советской власти ужесточилась. В тот момент ликвидация мечетного землевладения являлась одной из приоритетных задач в Дагестане. В отличие от центральных районов России, где национализация церковного имущества прошла в первые месяцы существования советской власти, в Дагестане до конца 1920-х годов и начала коллективизации сохранялось вакфное имущество. Государство законодательно регулировало вопрос об отношении к религиозным организациям и вакфной собственности. Декреты «О земле» и «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» в 1917–1918 годах решили вопрос о национализации церковных земель. В положении Дагземотдела от 23 августа 1920 года об осуществлении закона о социализации земли в Дагестане говорилось, что собственность на землю, недра, леса и природные ресурсы полностью отменяется. Земли переходили в пользование трудового народа, а все земельные участки становились единым государственным фондом¹.

Духовенство активно противилось изъятию вакфного имущества в пользу кресткомов. Организовывались сходки и собрания в мечетях с целью сохранения вакфов. Показательно, что доходы духовенства от вакфов и закатов оставались значительными — 1,5 млн руб. при наличии 145 тыс. крестьянских дворов. В то же время единый сельскохозяйственный налог составлял всего 538 тыс. руб. в год². Поэтому вопрос об изъятии вакфного имущества у духовенства стал очень важным для советской власти.

Несмотря на сопротивление духовенства, советская власть приняла ряд мер по изъятию вакфного имущества. В 1927 году Совнарком ДАССР принял постановление о конфискации вакфных земель, мельниц, домов и другого имущества, принадлежавшего религиозным учреждениям. В результате этой кампании было изъято более 7 тыс. гектаров пашни и пастбищ, разного имущества на сумму 212,7 тыс. руб.³, закрыты сельские и окружные суды, действовавшие по нормам местных адатов и мусульманского права (шариата).

Дагестанская организация союза воинствующих безбожников (СВБ) боролась с религией такими методами, как сжигание Коранов и другой религиозной литературы, насильственное изъятие ковров в мечетях, запрещение колокольного

¹ Революционные комитеты Дагестана и их деятельность по упрочению Советской власти и организации социалистического строительства (март 1920 г. — декабрь 1921 г.). Махачкала, 1960. С. 256–258.

² Кундухов М. О закяте и некоторых других формах поборов духовенства в нацобластях // *Революция и горец. Политико-экономический, литературно-публицистический и историко-краеведческий ежемесячник*. Ростов-на-Дону. 1929. № 7–8. С. 36.

³ Постановление об изъятии вакуфного имущества у мечетей // ЦГА РД. Ф.1п. Оп. 9. Д. 169. Л. 109.

звона накануне праздников в церквях, сжигание икон и т. п.¹ Эти действия оскорбляли религиозные чувства верующих и вызывали возмущение среди населения. В Кюринском и Андийском округах вакфные поступления были более значительными, чем в Гунибском, Табасаранском, Дербентском и Хасавюртовском округах. Отсутствовали вакфные поступления и в ряде мусульманских приходов Дербентского округа².

Кампания по изъятию вакфного имущества в Дагестане привела к обострению социально-политической обстановки в республике. Она стала одним из факторов, способствовавшим восстанию 1928 года, которое было самым массовым антисоветским выступлением в истории Дагестана. Дагестанское духовенство отреагировало на действия советской власти по национализации вакфов и изъятию заката открытым сопротивлением — скрывали вакфные земли и имущество, организовывали массовые выступления против изъятия вакфов, звучали призывы к верующим не сдавать закат в кресткомы. Советская власть принудительно конфисковывала вакфы и обкладывала их непомерными налогами, а также концентрировала на этих землях животноводческие колхозы, тем самым разрушая традиционный уклад жизни и лишая крестьян источников пропитания. В 1937–1938 годах были закрыты мечети и религиозные школы, а также уничтожено множество записей местного адата, хранившихся в мечетских архивах. Многие духовные лица были репрессированы, сосланы в лагеря или казнены.

В архиве Левашинского района РД были выявлены документы об отчислениях в виде вакфа, заката, васийата (завещание) в фонд кресткома, ранее выделяемых духовенству. На съезде Даргинского округа в 1925 г. говорилось о проведении агитации за внесение в фонд кресткомов заката и других отчислений, чтобы лишить духовенство материальных средств. В докладе председатель Даргинского окрисполкома Османов отметил, что «даргинские бедняки не имели никакой возможности объединиться и работать за улучшения своих нужд. В этом отношении крестком взаимопомощи является крепкой опорой беднячества. Однако, бедняки, не понимая отчасти задач кресткомов, а отчасти отвлекаемые духовенством и кулаками, не берутся должным образом за организацию кресткомов. Духовенство устрашает население в случае сдачи в фонд кресткомов закяттов, вакф и васиат отчислений, которые муллы забирают себе. Сдача этих отчислений в фонд кресткомов считается вполне согласующейся с Кораном, где говорится, что такие отчисления должны передаваться бедноте, и вся агитация духовенства направлена на то, чтобы присвоить себе эти отчисления. Сбор этих отчислений по Дагестану даст сумму в один миллион рублей, в то время как причитается сельхозналога в Дагестане только 500 тыс. рублей»³.

¹ Дагестанский Совет Союза воинствующих безбожников // ЦГА РД. Ф. р-238. Оп. 3. Д. 11. Л. 69.

² Переписка обкома ВКП (б) по вопросам с/х. кредитов, кооперативной торговли и земельной реформы // ЦГА РД. Ф. 1п. Оп. 1. Д. 105. 1928. Л. 31.

³ Протокол 4-го съезда кресткомов Даргинского округа от 10 января 1925 года // Архив Левашинского района. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2. Л. 2–3.

Выступая на 5-м съезде Советов Даргинского округа с докладом о работе кресткомов, Османов, в частности, подчеркнул, что в Даргинском округе в 1924 г. было организовано 63 кресткома. За время существования кресткомов поступило: денег — 1759 р. 60 коп.; зерна — 1232 саб; сукна — 172 кари; баранов — 19. За неимением особых доходных статей источниками пополнения кресткомов могут быть поступления от вакфа и заката, но перечисляются всего лишь 5 %, хотя общее количество поступлений достигает десятков тысяч в округе¹. Причина заключалась в том, что жители выступали против кресткомов и не передавали вакф и закат. В советский период вакфная собственность была упразднена, что негативно сказалось на финансовом положении исламских организаций и имело далеко идущие последствия для культовых сооружений.

Соболев В. Г. (ФМО СПбГУ, Санкт-Петербург)

«Помочь своим»: сбор пожертвований среди мусульман Российской империи в пользу Османской Турции в период Балканских войн и в начале Первой мировой войны

В октябре 1912 г. государства Балканского союза объявили войну Османской империи: так началась так называемая Первая Балканская война. Несмотря на довольно убедительную победу над османами страны Балканского союза остались недовольны результатами войны и условиями Лондонского мира. Хорошо известно, что Балканский союз создавался при прямом участии российской дипломатии, хотя Россия стремилась направить союз в большей степени против Австро-Венгерской империи. Значительное количество публикаций отечественных авторов посвящено российской помощи «братьям-славянам» в 1912–1913 гг. Сбор средств и медицинскую помощь оказывал Российский Красный Крест, в Болгарию из России прибывали добровольцы, желавшие сражаться с турками.

До сих пор в исследовательской литературе практически не обращалось внимание на то, что российские мусульмане во время войн на Балканах в 1912–1913 гг. организовали сбор средств в пользу Османской империи. Причем такой сбор был официально разрешен. Официальные суммы шли по линии Российского Красного Креста (РОКК), который израсходовал в двух Балканских войнах сумму более 1 млн руб., но Османской империи досталось только 1,57 % из этого миллиона². Документы, которые свидетельствуют о происходившем

¹ Протокол 5-го съезда Советов Даргинского округа окружной беспартийной конференции, 1926 г. Работа кресткомов // Архив Левашинского района. Ф. 1. Оп. 1. Д. 4. Л. 28.

² Деятельность Российского Общества Красного Креста на Балканском театре военных действий в 1912–1913 гг. Лит.-стат. очерк с 72 фототип. в тексте и с 17 автотип. с рентгенограмм / Рос. О-во Красного креста. Гл. упр. СПб.: Гос. тип., 1914. С. 67.

сборе пожертвований российских мусульман в пользу мусульман османских, хранятся в Российском государственном историческом архиве. Из дел, в частности следует, что министру внутренних дел А. А. Макарову неоднократно докладывали в октябре-ноябре 1912 г., что мусульмане производят сбор денег в пользу Турции. Чиновники в докладных записках указывали, что еще недавно во время войны между Италией и Турцией со стороны МВД последовал циркуляр № 9660, коим предложено было губернаторам «наблюдать за тем», чтобы между мусульманами России не производилось сборов пожертвований на нужды турецкого правительства¹. Однако на этот раз циркуляра за подписью министра не последовало. Только 3 ноября 1912 г. были разосланы письма губернаторам, но за подписью директора ДДДИИ Е. В. Менкина. При этом пугает российских чиновников не сам факт сбора денег, а агитация и пропаганда панисламизма и пантюркизма, которая будет «непременно сопровождать» такие сборы. В тексте письма самым важным является слово «самовольных» (сборов), так как в ряде местностей сборы в пользу турок шли с ведома и разрешения местных властей, а иногда и организовывались властями. В это же время мусульманская печать России выходит с материалами в поддержку Османской Турции. Газета «Вакът» от 11 ноября сообщает, что мусульмане г. Оренбурга встретили Курбан-байрам в трауре, визитов не делают. Газета «Идель» (Астрахань) сообщает 7 ноября, что праздновать Курбан-байрам не может, потому что проливается мусульманская кровь. В том же деле из РГИА представлен целый ряд телеграмм и писем из Оренбурга, Вятки, Ялты от мусульманских общин с просьбой дать им возможность осуществить сбор денег в пользу единоверцев. После сложных переговоров между министерством иностранных дел, внутренних дел и РОКК сбор средств все-таки был разрешен, но должен был проводиться под неустанным полицейским контролем и через консульские службы: «исключительно в помещениях консульств, но отнюдь не путем распространения через особых уполномоченных, подписных листов, квитанционных книжек и т. п.»². Губернаторам указывалось, что все частные ходатайства мусульман о сборе средств нужно отклонять, отвечая, что они могут отправлять деньги турецким консулам в Российской империи. Тем не менее не следует думать, что это распоряжение строго выполнялось. В отдельных губерниях сбор средств продолжился частным образом.

После начала Первой мировой войны мусульмане Российской империи не делали официальных попыток содействовать больным и раненым Османской империи, как это следует из документов³. Несмотря на упорные поиски внутренних врагов среди мусульман, каких-либо доказательств подрывной работы чиновникам Министерства внутренних дел найти не удалось.

¹ РГИА, Ф. 821, Оп. 133, Д. 587. Л. 1.

² РГИА, Ф. 821, Оп. 133, Д. 587. Л. 58. Циркуляр от 5 декабря 1912 г. № 11388.

³ РГИА, Ф. 821, Оп. 133, Д. 598.

Фархшатов М.Н. (ИИЯЛ УФИЦ РАН, Уфа)

Тюркоязычное рукописное сочинение Ризаэтдина Фахретдина

ابن فضلانك «بولغار» غه كيلووى

(«Приезд Ибн Фадлана в Булгар»)

Известный религиозный и общественный деятель Ризаэтдин Фахретдин (Риза Фахретдинов; известен и как Риза-кази, Ризаэтдин-хазрат; 1859–1936) стоял у истоков становления исторической науки у тюрко-мусульманских народов России. Ознакомившись с современными методами научных исследований, он одним из первых среди российских мусульман уделил большое внимание поиску и публикации первоисточников по истории башкир, татар и других тюрков. В этом отношении ему удалось потеснить господствовавшую тогда восточную схоластику в области гуманитарных наук и сделать первые шаги к становлению национальных научных традиций в востоковедении. Риза-кази значительно превосшел своих предшественников и учителей Шигабутдина Марджани (1818–1889), Хусаина Фаизханова (1823–1866) и Исмаила Гаспринского (1851–1914), впервые обративших внимание на значение для истории России и ее мусульманских подданных восточных документов.

С первых дней научных занятий Р. Фахретдинов серьезное внимание уделял изучению и введению в научный оборот трудов средневековых арабских географов, содержащих первостепенную, зачастую уникальную информацию по истории и культуре российских мусульман. Первым в поле его зрения попал Ахмед ибн Фадлан — автор книги о его путешествии из Багдада на Волгу в 921–922 гг. в качестве секретаря посольства халифа ал-Муктадира (правил в 908–932 гг.), в которой для официального отчета с поразительной точностью кратко, но емко было зафиксировано многое из лично увиденного и услышанного по пути к булгарскому хану Алмушу (Алмыш бин Шилки). Именно с краткой биографии этого путешественника, образованного и наблюдательного араба, знатока мусульманского права, выступившего в роли дипломата, начинался биобиблиографический труд Риза-кази «Асар» («Предания»), первая часть которого была написана в Уфе и увидела свет в 1900 г.¹

В 1908 г. Ризаэтдин-хазрат, оставив службу на должности члена (кади/кази) Оренбургского магометанского духовного собрания, переехал в г. Оренбург. Там он стал редактором журнала «Шура» («Совет»), на страницах которого в дальнейшем была опубликована серия анонимных статей об Ибн Фадлане, Йакуте, Идриси, Ибн Дасте (Ибн Руст), Ибн ал-Асире и других представителях арабской географической науки, в том числе писавших о «северных странах» мусульманского мира². В 1917 г. увидели свет переведенные части сочинения

¹ Ризаэтдин бин Фахретдин. Ибн Фадлан // Асар. Казан, 1900. Т. 1, ч. 1. Б. 20–21 (араб. алф.).

² Госманов М. Г., Мәрданов Р. Ф. «Шура» журналының библиографик күрсәткече. Казан, 2000. Б. 72–75, 80, 85.

Ибн Баттуты (1304–1369) о его поездке в Золотую Орду Р. Фахретдиновым на тюрки, письменный литературный язык Урало-Поволжья в те годы¹. Уже в первые советские десятилетия он приступил к переводу на тюрки также сочинения Ибн Фадлана.

Долгое время сочинение Ибн Фадлана было знакомо читателям только в извлечениях, в первую очередь в «Географическом словаре» («Му’джем ал-булдан») более позднего арабского ученого, искусного компилятора Йакута ал-Хамави (1178/1179–1229), который сохранил для науки многие утерянные позднее или не дошедшие до современности в полном виде письменные памятники старины. В их числе была и часть (примерно одна треть оригинала авторского текста) сочинения Ибн Фадлана.

С сочинением Ибн Фадлана по Йакуту мусульман Урало-Поволжья впервые познакомил Ш. Марджани². О том, как долго и в каких условиях Р. Фахретдинов переводил книгу Ибн Фадлана по Йакуту, детальных сведений нет, но известно, что в его распоряжении была богатая личная библиотека, в которой, кроме прочего, имелось сочинение Йакута в Каирском издании³. Неожиданный импульс работам Ризаэтдина-хазрата придало очень важное в мире науки открытие оригинала сочинения секретаря посольства Багдадского халифа. Уникальную находку, как известно, сделал Ахмед-Заки Валиди (1890–1970) в 1923 г. в г. Мешхеде (Иран). Вскоре одна из публикаций о сенсационном открытии записки посланника халифа, а именно в «Известиях Российской академии наук» за 1924 г.⁴, стала доступна Р. Фахретдинову. С 1918 г. он снова жил в Уфе, но уже в совершенно другой, советско-атеистической среде, выполняя далекие от науки и журналистики задачи: в 1923 г. его избрали муфтием — председателем Центрального духовного управления мусульман РСФСР. В 1926 г. в Стамбуле, по пути на Первый Всемирный конгресс мусульман в Мекке, состоялась встреча уфимского муфтия, главы советской делегации⁵, с А. З. Валиди. Во время встречи башкирский ученый-эмигрант поделился с авторитетным земляком со своими познаниями о новом своде с оригиналом сочинения Ибн Фадлана⁶.

¹ Ризаэтдин бин Фахретдин. Ибн Батутаның Дәште Кыпчакта сәяхәте. Оренбург, 1917. 48 б. (араб. алф.).

² Шиһабутдин М. Мустафад ал-ахбар фи ахвали Казан ва Булгар. [2-е, испр., изд.] Казань, 1897. Т. 1. С. 35–37, 59–63 (араб. алф.).

³ См.: Ризаэтдин бин Фахретдин. Фихрист ал-киتاب... [Список книг Р. Фахретдинова за 1931 г.] // Научный архив (НА) УФИЦ РАН. Ф. 7. Оп. 1. Д. 43. № 353–356 (араб. алф.). См. также: Список книг Р. Фахретдинова по алфавиту. Буква «Мим» // Там же. Здесь «Му’джем ал-булдан» указан под № 442–445.

⁴ Валидов А.З. Мешхедская рукопись Ибну-ль-Факиха // *Известия Российской академии наук*. 1924. Серия 6. Т. 18. № 1–11. С. 237–248.

⁵ См.: Фархшатов М. Н. Дипломатическая миссия советской делегации на Всемирном конгрессе мусульман 1926 г. // *Проблемы востоковедения*. 2019. № 4. С. 19–26.

⁶ См.: Ризаэтдин бин Фахретдин. Ибн Фадлан // Асар. Т. 4. Рукопись-автограф, окончен 19 июня 1929 г. [НА УФИЦ РАН. Ф. 7. Оп. 1. Д. 3 (н. а.). Л. 4 об. (араб. алф.).]

В дальнейшем, в первой половине 1930-х гг., Р. Фахретдинов перевел ставшие ему доступными по Мешхедской рукописи новые извлечения сочинения Ибн Фадлана. Нарботанный материал был объединен с его прежними работами по Йакуту¹ в, пожалуй, первый в мире сводный текст перевода сочинения посланника халифа с арабского на другой язык. Работа была переписана набело, но осталась в рукописи и в настоящее время хранится в Научном архиве Уфимского федерального исследовательского центра Российской академии наук в личном фонде ученого².

На рубеже 60–70-х гг. прошлого столетия микрофильмы уфимской рукописи поступили в распоряжение А. Н. Хайруллина (псевдоним: Энвэр Хэйри, 1847–2014), который переложил перевод «Путевых записок» Ибн Фадлана Р. Фахретдинова на современный татарский язык и опубликовал сначала в составе сборника трудов Ризы-кази, а затем в журнальном варианте³. В 2013 г. вышла отдельная книга казанского исследователя, посвященная сочинения Ибн Фадлана. Она содержит кроме перевода на современный татарский язык текста сочинения Ризаэтдина-хазрата также черно-белое факсимиле его рукописи, но, к сожалению, очень плохого качества⁴. Поэтому новое комментированное факсимильное издание оригинальной рукописи Ризаэтдина бин Фахретдина остается все еще актуальной научной задачей.

¹ Перевод цитат Ибн Фадлана по Йакуту Р. Фахретдинов закончил к концу 1920-х гг. (см.: Там же. Л. 5).

² Ризаэтдин бин Фәхрәтдин. Ибне Фадланнның «Болгар»ға килеүе // НА УФИЦ РАН. Ф. 7. Оп. 1. Д. 18 (с. а.). Л. 4 а — 17 об. (араб. алф.).

³ Ризаэтдин бин Фәхрәтдин. Ибн Фадланнның Болгарга килүе // Болгар вә Казан төрекләре / Китапны тәржемә итүче һәм төзүче Ә. Н. Хәйруллин. Казан, 1993. Б. 61–83; То же // *Мирас*. 1994. № 5/6. С. 75–88.

⁴ Хэйри Ә. Әхмәд ибне Фадланнның 921–922 елларда Болгар дәүләтенә килгәндә язган сәяхәт-намәсе. Казан, 2013. С. 453–509.

Секция IX • Section IX

Круглый стол: «Документы и материалы
по историко-культурному наследию Ближнего Востока
(XVIII — начало XX в.)»

(совместно с Центром евразийских исследований СПбГУ
и Научно-аналитическим порталом «Восточная трибуна»)

Round table discussion: "Documents and materials on the historical
and cultural heritage of the Middle East (XVIII — early XX Century)"

Велиева Л. Э. (СПбГУ, Санкт-Петербург)

Зарубежная историография изучения северокавказской диаспоры в странах Ближнего Востока

Трагедия народов Северного Кавказа, вызванная массовым выселением и переселением ее представителей во второй половине XIX века, вылилась в образование многочисленной северокавказской диаспоры сначала на территории Османской империи, а после ее краха в Турции, Сирии, Иордании, Палестине, Ираке, Саудовской Аравии, Египте, Ливии, а также в Израиле, странах Западной Европы и США. В их числе: абадзехи, абазинцы, абхазы, аварцы, адыгейцы, балкарцы, бесленейцы, бжедуги, дагестанцы, даргинцы, жанеевцы, ингуши, кабардинцы, карачаевцы, кумыки, лакцы, лакцы, лезгинцы, мамхегы, махошевцы, натухайцы, ногайцы, осетины, темиргоевцы, убыхы, хатукаевцы, черкесы, чеченцы, шапсуги.

Сегодня эта тема представляет собой уникальный симбиоз истории, культуры и политики и продолжает вызывать интерес среди исследователей по всему миру. Так, на сегодняшний день, кроме отечественных исследователей есть целый пласт зарубежных исследователей этой темы. Это работы на английском, на турецком, арабском, а также на европейских языках.

Северокавказская диаспора на Ближнем Востоке формировалась на протяжении нескольких веков, начиная с эпохи Кавказской войны и последующих волн миграции. Исторические и культурные связи между регионами, а также влияние

этой диаспоры на принимающие общества, сделали ее предметом изучения для многих зарубежных исследователей.

Зарубежные работы, посвященные северокавказской диаспоре, начались с описания миграционных процессов и их причин. Исследователи изучали, как войны, депортации и экономические трудности способствовали перемещению народов Северного Кавказа на Ближний Восток. Здесь можно отметить такие работы, как: **Р. Трахо** (Черкесы. Мюнхен, 1956), Ш. ал-Муфти (Абатира ва абтал фи тарих ал-Кауказ. Ал-Кудс, 1962), **К. Карпата** (Population Movements in the Ottoman State and Modernization: Bulgarian and Circassian Emigration (1857–1880). Conference paper. Dallas, 15–18 March 1972).

В середине XX века многие зарубежные исследователи начали сосредотачиваться на этнографических аспектах. Они изучали, как северокавказская диаспора сохраняет свои культурные традиции, язык и обычаи в контексте ближневосточных стран. В частности, в Сирии и Иордании. Здесь, конечно, значительную часть составляют работы на арабском языке.

Отдельным сторонам процесса формирования и дальнейшего развития северокавказской диаспоры в рассматриваемых странах посвящены труды французских ученых, в том числе **Де Пру** (Monographies diverses: Les Tcherkesses // La France Mediterranenne et Africaine. Paris, 1938) и **А. Коле** (Тарик ал-хуласс. 1040-хазиран 1941. Дамаск, 1941), а также немецких ученых **У. Ладмани**, **А. Ландмани**, **Б. Озбек-Джедика** (Wohnsitze von exilkaukasien und tataren in der Türkei. Heidelberg, 1972) и др.

Среди иностранных историков, освещавших отдельные стороны мухаджирства, можно выделить **А. Фонвиля** (Последний год войны Черкесии за независимость. 1863–1864. Из записок участника-иностранца. МЦТК: Возрождение, 1990), **Дж. Ф. Бадели** (The Russian conquest of the Caucasus. London, 1908), **Ю. Иззет-пашу** (Тарих ал-Кауказ. Стамбул, 1912), **Л. Бланча** (The sabres of paradise. London, 1960) и др.

Особую часть составили труды исследователей из числа представителей северокавказской диаспоры в странах Ближнего и Среднего Востока, в том числе Ш. Б. Ногмо (Мауджаз тарих ал-джаркас. Амман: Матба'ат ал-Урдун, 1953), **А. Абд ас-Салама** (Ал-Акалим ал-джуграфийа ас-суриййа. Дамаск, 1989–1990; Джуграфийат Сурийа. Дамаск, 1973; Джуграфийат Сурийа ал-'амма. Дамаск, 1989–1990), **М.-Х. Хакандоки** (Шаркас: аслухум, тарихухум, 'адатухум, такалидухум, хиджратухум ила ал-Урдун. Амман, 1982), Н. Берзеджа (Тахджир аш-шаракиса. Амман, 1987), **И. Айдемира** (Göç: Kuzey Kafkasya'lıların Göç Tarihi. Ankara, 1988), **А. Закарии** ('Ашир аш-Шам. 2-е изд. Т. 1–2. Дамаск: Дар ал-Фикр, 1403 г.х./ 1983 г.), **И. Эдельби** (Хикайату джадди. Ривайа. Димашк, 1990), **М.-Х. Исмаила** (Далил ал-ансаб аш-шаркасиййа фи ал-Джумхуриййа ал-'Арабиййа ас-Суриййа. Дамаск, 1994) и др.

Нельзя оставить без внимания и содержательные публикации мемуарного характера в журналах, издаваемых общественными организациями северокавказских диаспор («Кузей Кафкасия», Турция; «Ан-Нашра ас-сакафиййа» и «Эльбрус», Сирия; «Ал-иха'а», Иордания; «Шиблэ», Германия), а также в газетах стран региона («Ал-Хайат», «Аш-Шарк ал-Аусат», «Ал-Мадина ал-Мунаввара», «Ан-Нахар», «Ал-Кабас» и др.).

Современные исследования обращают внимание на политическую и социальную роль диаспоры. Исследователи анализируют, как представители северокавказских диаспор участвуют в политической жизни принимающих стран, их влияние на межгосударственные отношения и роль в региональных конфликтах.

Эта тема становится все более актуальной в свете глобальных миграционных процессов и растущего интереса к вопросам идентичности и интеграции. Зарубежная историография данной темы продолжает развиваться, открывая новые перспективы для исследований, что важно как для исторической науки, так и для понимания современных миграционных процессов.

Зокоева З. В. (СПбГУ, Санкт-Петербург)

Осетинская диаспора в Турции: география исторического расселения

Феномен массового переселения кавказских народов в Османскую империю, известный как мухаджирство¹, представляет собой сложное историческое явление, обусловленное комплексом взаимосвязанных причин. Данный процесс как результат сложного взаимодействия внутренних и внешних факторов, включающих политические, экономические, социальные и культурно-религиозные аспекты, охватил период Кавказской войны (1817–1864 гг.) и частично постреволюционный этап после 1917 года. Среди народов, оказавшихся вовлеченными в процесс мухаджирства, выделяются черкесы, абхазы, чеченцы, дагестанцы, осетины и другие этнические группы Кавказа. Распад Османской империи привел к последующему широкомасштабному расселению данных этнических групп по ряду стран, включая Турцию, Иорданию, Сирию, Ливию и т. д.

Согласно переписи населения Турции, проведенной в 2024 году, общая численность населения страны составила 85,66 млн человек². Следует отметить, что официальные данные о численности отдельных этнических групп отсутствуют, что является одной из проблем в исследовании данной темы. Однако, основываясь на ранее проведенных исследованиях, численность представителей народов Северного Кавказа, проживающих за пределами своей исторической родины, колебалась в широком диапазоне — от 500 тыс. до 3 млн человек³. Особого внимания заслуживают результаты исследований, проведенных историком и дипломатом Б. Р. Алиевым, согласно которым актуальная численность

¹ Термин «мухаджирство» происходит от арабского слова «мухаджир» («переселенец»).

² The Results of Address Based Population Registration System, 2024. [Электронный ресурс] // Turkish Statistical Institute. 2025. URL: <https://data.tuik.gov.tr/Bulten/Index?p=The-Results-of-Address-Based-Population-Registration-System-2024-53783> (дата обращения: 07.02.2025).

³ Алиев Б. Р. Северокавказская диаспора: историко-этнографическое исследование (вторая половина XIX — начало XXI в.). Махачкала. 2024. 532 с.

северокавказской диаспоры в Турецкой Республике составляет приблизительно 2,5 млн человек¹.

Монография Б. Р. Алиева «Северокавказская диаспора: историко-этнографическое исследование (вторая половина XIX — начало XXI в.)», увидевшая свет в 2024 году, представляет собой значительный прорыв в изучении северокавказской диаспоры. В отличие от предшествующих работ, включая широко известный труд Ф. Бадерхана², исследование Б. Р. Алиева существенно обогащает научную литературу по этой важной исторической проблематике. Особую ценность представляют результаты полевых исследований автора в Турции, где впервые были собраны и систематизированы данные о географии расселения потомков выходцев с Северного Кавказа, в том числе осетин.

Миграционные процессы, связанные с переселением северокавказских народов, представляют собой сложное и многогранное явление, оказывающее значительное воздействие на социально-политическую и этнокультурную динамику как в Российской Федерации, так и в Турецкой Республике. Данный феномен характеризуется долгосрочными последствиями, которые продолжают проявляться и в современном контексте межгосударственных отношений и внутренней политики обеих стран, что обуславливает актуальность данной темы исследования. Если в контексте России отток представителей северокавказских этносов привел к существенным демографическим и социокультурным изменениям в регионе Северного Кавказа, среди которых изменение этнического состава населения, трансформация социальной структуры общества, то в Турции, наоборот, приток северокавказских мигрантов способствовал формированию значительных диаспорных сообществ, которые играют заметную роль в общественно-политической жизни страны. Это влияние проявляется в формировании новых этнокультурных анклавов, интеграции северокавказских традиций в турецкое общество, а также развитии новых форм общественно-политической активности.

Так, осетинская диаспора представлена на сегодняшний день культурно-благотворительным фондом «Алан» в Стамбуле и Анкаре (1989) — Alan Kültür Ve Dayanışma Vakfı³, представители которого поддерживают связь с Северной Осетией. К примеру, в апреле 2024 г. состоялась встреча главы РСО-Алания С. И. Меняйло с представителями осетинской диаспоры Турции, на которой было отмечено, что осетинское население в Турции составляет около 20 тыс. человек⁴.

Важно отметить, что в процессе рассматриваемого масштабного явления — «исход» горцев Северного Кавказа, география расселения была весьма обширной

¹ Алиев Б. Р. Северокавказская диаспора: историко-этнографическое исследование (вторая половина XIX — начало XXI в.). С. 130.

² Бадерхан Ф. Северокавказская диаспора в Турции, Сирии и Иордании. М., ИВ РАН. 2001. 120 с.

³ Alan Kültür ve Yardım Vakfı. [Электронный ресурс]. URL: <https://alanvakfi.org.tr/> (дата обращения: 07.02.2025).

⁴ Осетинское население в Турции составляет около 20 тысяч человек. [Электронный ресурс] // *Osnova News*. 2025. URL: <https://osnova.news/n/24509/> (дата обращения: 07.02.2025).

и включала в себя практически всю территорию Османской империи, что было связано с ключевыми принципами османских властей, которыми они руководствовались при размещении мухаджиров: военно-политический, национальный и экономический.

Первоначально осетины были массово расселены в регионах Карс, Сарыкамыш, Эрзурум, Хыныс, Битлис, Сивас, Йозгат и Кайсери. Однако необходимо подчеркнуть, что процесс мухаджирства для осетин не был одномоментным явлением. Под влиянием различных обстоятельств поиск постоянного места жительства на просторах Османской империи растянулся на долгие годы. Дополнительная сложность состоит в неточности употребления кавказской этнической терминологии в турецких источниках, ведь все горцы обычно именовались либо черкесами, либо просто мухаджирами, без указания их этнической принадлежности, что объяснялось отсутствием практической необходимости в детализации¹.

По данным на 2023 г. список населенных пунктов компактного расселения осетин в Турции состоит из 14 н. п. 7 вилайетов, включая Боялик, Гевендык, Егрисёегуз, Казикой, Караагыл, Кёйсегиш, Сивас, Симочеркес, Стамбул (квартал Бешикташ), Хамзашейх, Хулик, Ярамыш в провинциях Йозгат, Муш, Кайсери, Адана, Мугла, Сивас и Битлис.

Таким образом, прослеживание точного маршрута и мест расселения осетин в Османской империи представляет собой непростую задачу для исследователей, требующую анализа разрозненных и зачастую неточных данных.

На современном этапе наблюдается процесс постепенного размывания уникальной культурной мозаики, созданной северокавказскими переселенцами на землях бывшей Османской империи, что обусловлено комплексом факторов: стремительной урбанизацией, суровостью природно-климатических условий, разрушительными катаклизмами, а также вооруженными конфликтами и рядом иных причин. В результате обитатели этих селений вынуждены покидать родные места, перебираясь в другие районы либо вливаясь в состав более крупных населенных пунктов, где еще сохраняется компактное проживание выходцев с Северного Кавказа. На сегодняшний день значительная часть осетинской диаспоры проживает в Стамбуле, Анкаре и Измире.

Колесникова М. А. (МГЛУ, Москва)

Абдул-Хамид II и его эпоха в русской периодической печати начала XX в.

Эпоха правления Абдул Хамида II достаточно широко освещалась и изучалась в России. Между тем еще многое остается за пределами исследований. Огромный

¹ Чочиев Г. В. Осетины на Ближнем Востоке: поселение, адаптация, этносоциальная эволюция (краткий очерк) // *Известия СОИГСИ*. 2010. № 4(43). С. 51.

объем материала существует в русской прессе того времени. Большая часть этих публикаций конца XIX — начала XX в. еще не была привлечена учеными.

В ходе проанализировано несколько десятков материалов из более чем 10 периодических изданий. Больше всего встречается материалов по военным и политическим вопросам. Так, журнал «Военный вестник» практически одну треть своих публикаций посвящал турецкой армии и военно-политическим взглядам турецкого руководства. Подробно рассматривались такие аспекты, как комплектование войск, вооружение, боевая подготовка, обучение, реформы в армии, учения войск, финансирование армии, моральное состояние офицерского корпуса и т. д. Практически все авторы приходили к одному выводу, что турецкая армия, несмотря на поражение в последней Русско-турецкой войне 1877–1878 гг., представляет собой серьезную силу и постоянно реформируется. При этом многими авторами отмечалась большая политизация турецкого офицерства и влияние на него европейских политических взглядов.

Политическая жизнь Турции практически ежедневно описывалась в газете «Санкт-Петербургские ведомости». При этом часто помещались переводы турецких газет «Икдам», «Сабах», «Тафсири Эфкиф» и других. Наиболее читаемые в русской общественности журналы — «Русская мысль», «Русский вестник», «Отечественные записки» — регулярно помещали политические анализы ситуации в Османской империи. Главной темой были конституционная реформа, приход к власти младотурок, их политическая программа и реальная политика. Примечательно, что оценки младотурок были неоднозначны. Ряд авторов восторженно описывал деятельность новых политических сил, проводя параллели с Европой и отчасти Россией. Другие же авторы настороженно характеризовали младотурок, критикуя их идею создания единой османской нации и объясняя, что идеи младотурок родились не в самой Турции, а были перенесены с Запада, главным образом, из Франции. По оценкам этих авторов, идеология младотурок неизбежно была обречена на провал, который мог привести к национализму и ухудшению отношений с Россией. Другие авторы высказывали мнение, что сама младотурецкая революция есть дело рук масонов. Приводились примеры деятельности масонских лож, в частности в Салониках, которые активно помогали младотуркам.

Безусловно, почти все авторы касались личности самого султана Абдул Хамида II. Оценки при этом были весьма противоречивые. С одной стороны, султан был представлен как деспот и противник реформ. С другой стороны — констатировались его ум, хитрость, большая дипломатичность. В частности, указывалось, что Абдул Хамид «нашел в Конституции великолепное средство свести труды европейцев к нулю. Он даровал своему народу во много раз больше того, о чем они думали». Русские обозреватели подчеркивали, что Абдул Хамид делал все, чтобы сохранить остатки Османской империи, идя на любые реформы при условии, что эти реформы должны идти сверху, а не снизу. По оценке авторов публикаций «Русской мысли» и «Русского вестника», в этом смысле он был «настоящим конституционным монархом». В публикациях отмечалась роль Абдул Хамида в реформе гражданской службы

и образования. Полемизируя с теми авторами, которые давали исключительно отрицательные оценки деятельности султана, обращалось внимание на тот факт, что нельзя оценивать деятельность правителя без учета той тяжелой политической обстановки, которая характеризовала начало распада Османской империи.

В числе других тем публикаций были такие, как гонение на христианство в Греции и на Балканах, турецко-армянские столкновения и внутренние проблемы Османской империи.

Журнал «Нива», популярный в России в начале XX в., регулярно публиковал материалы исторического и этнографического характера о жизни турок.

Нельзя не упомянуть о еженедельной газете «Стамбульские новости», которая выходила на русском языке в Стамбуле и подробно комментировала все события политической и культурной жизни Османской империи. Издателем газеты был видный политический деятель Коркмазов, ставший впоследствии руководителем Советской Республики Дагестан.

В целом, как нам представляется, следовало бы привлечь внимание не только российских, но и турецких исследователей к изучению материалов русской прессы конца XIX — начала XX в., содержащих подробнейшую информацию о политической жизни Турции и турецко-российских отношениях.

Москальчук Д. А. (ФМО СПбГУ, Санкт-Петербург)

Переселение северокавказских мухаджиров на Балканы и Ближний Восток: новые документы и материалы

История и проблематика исхода северокавказских мухаджиров в Османскую империю до сих пор имеет много «белых пятен», тем самым привлекая новые поколения исследователей. Начавшийся в конце 1850-х гг. процесс исхода мусульманского населения Кавказа в подданство турецкого султана принял массовый характер в 60–70-е гг. XIX столетия. Несмотря на различные точки зрения, исследователи данного вопроса сходятся в том, что главной причиной мухаджирства стало нежелание жить под властью немусульманского императора, служить и участвовать в хозяйственной жизни Российской империи.

В отечественной историографии принято считать труды Х. О. Лайпанова, А. Х. Касумова и Н. Г. Волковой одними из основных исследований, посвященных северокавказскому мухаджирству. Между тем, наименее изученным эпизодом северокавказского мухаджирства является переселение народов Северного Кавказа на Балканы.

Одним из наиболее современных исследований северокавказского мухаджирства на Балканах является труд российского дипломата и историка Б. Р. Алиев

«Северокавказская диаспора: историко-этнографическое исследование (вторая половина XIX — начало XXI в.)». Б. Р. Алиев в своей работе дает точную географию расселения и демонстрирует образ жизни северокавказских мухаджиров на Балканах. После того, как мухаджиры перешли границу Османской империи, турецкие власти начали планомерное расселение беженцев по периметру государства, особенно в регионах с нестабильной общественной обстановкой. Алиев сравнивает черкесских беженцев и их роль в защите османской границы на Балканах с бытом и образом жизни казаков в станицах на рубежах Российской империи. Во многом исследование Б. Р. Алиева не только аккумулирует исследования ученых предыдущих поколений, но и дополняет их, вводя в отечественное источниковедение новый пласт источников.

Современные работы турецких исследователей во многом перекликаются с работой Б. Р. Алиева, особенно в части реэмиграции горских народов с Балкан в Анатолию и на Ближний Восток. Однако турецкие исследователи склонны упускать тот факт, что между северокавказскими мухаджирами и османской администрацией еще до Русско-турецкой войны шли серьезные конфликты по поводу расселения беженцев среди христианских народов. По мнению Б. Р. Алиева, османские власти намерено расселяли мусульманских беженцев с Кавказа среди сербских общин в Боснии, Болгарии и Сербии (особенно в Косово и Метохии), преследуя тем самым цель снизить уровень протестного настроения среди православных народов. Понимая это, горские народы отказывались служить буферной зоной между османами и автохтонным населением, что приводило к многочисленным конфликтам. Зарубежные исследователи в свою очередь считают, что северокавказские мухаджиры намеренно селились на Балканах, в частности на побережье Черного моря, поскольку такие природные условия наиболее точно повторяли кавказский климат.

Между тем открытие новых источников и плюрализм точек зрения отечественных и зарубежных исследователей на природу и процесс расселения беженцев с Северного Кавказа на территории Османской империи создает условия не только для академической дискуссии, но и позволяет шире взглянуть на неоднозначную историю северокавказского мухаджирства.

Пяткина П. В. (ФМО, СПбГУ, Санкт-Петербург)

**Миссии и экспедиции русских военных востоковедов
на Ближний Восток и в Северную Африку
во второй половине XIX — начале XX в.
(по документальным материалам)**

Во второй половине XIX — начале XX в. в России сложилась авторитетная школа отечественного военного востоковедения, обладавшая собственной

методикой исследования зарубежных стран Востока. Военным ведомством России была разработана научная программа исследования, в том числе региона Ближнего Востока и Северной Африки, а также выработан механизм реализации этой программы. Существовала целостная структура военно-научных и разведывательных органов, занимавшихся сбором, обработкой и научно-аналитическим обобщением всех сведений по сопредельным с Россией регионам мира. Деятельность этих организаций, в частности Военно-ученого комитета, Азиатской части Генштаба, штабов Кавказского, Туркестанского округов и Закаспийской области, носила в большой степени научно-исследовательский характер. Офицеры Генерального штаба осуществляли многочисленные поездки, миссии, экспедиции и путешествия по Ближнему Востоку и Северной Африке, собирая при этом ценнейшие артефакты, рукописи, предметы материальной культуры и проч.

Вклад русских военных исследователей в изучение географии, этнографии, геологии, культуры и быта народов Ближнего Востока и Северной Африки еще не полностью оценен и представлен в научной литературе лишь некоторыми авторами (в частности, М. К. Басхановым и А. А. Колесниковым). Имена подавляющей части военных востоковедов продолжают оставаться малоизвестными или вовсе не известными современным исследователям, в то время как в их трудах содержится богатейший научный материал. Путевые заметки, отчеты, сборники и прочие материалы, многие из которых до сих пор остаются неопубликованными, имеют огромную ценность, так как позволяют пополнить наши знания по географии, этнографии и истории стран и народов Ближнего Востока и Северной Африки.

Большое внимание ближневосточному региону уделял Генеральный штаб Российской империи, в особенности изучению Османской империи как одной из великих держав того времени и геополитическому сопернику России в регионе. Материалы офицеров представляли собой описание посещенных ими районов Османской империи. В этой связи необходимо упомянуть вклад генерала Н. Н. Обручева, который редактировал сборник «Оттоманская империя», а в дальнейшем издавал «Сборники географических, топографических и статистических материалов по Азии». На момент начала Первой мировой войны вышло 87 выпусков, 8 из которых были посвящены ближневосточной тематике. Работы, вошедшие в сборники и написанные лично офицерами, посетившими страны Ближнего Востока, остаются значимыми источниками для изучения истории военной разведки и военного востоковедения в целом.

Научные материалы таких ключевых для военного востоковедения личностей как Н. Д. Артамонов, И. И. Ходзько, А. Н. Куропаткин, И. И. Стебницкий, Д. В. Путята, Б. И. Шелковников и др. продолжают представлять большой интерес для изучения этнографии, географии и истории современных стран Ближнего Востока и Северной Африки, входивших в тот исторический период в состав Османской империи.

Сарабьев А. В. (Научно-аналитический портал «Восточная трибуна», Москва)

Исмаилиты и зейдиты в отечественной историографии

Российские ученые были и остаются в авангарде исследований истории и особенностей вероучений исмаилитов и зейдитов. Это утверждение относится к разным локальным общинам этих двух мусульманских конфессий. Более того, в отношении изучения на основе первоисточников исмаилитского наследия можно утверждать, что вплоть до конца первой трети XX века именно российским исследователям принадлежала пальма первенства.

В программу научных работ Научно-аналитического портала «Восточная трибуна» темы исмаилитов и зейдитов включены, исходя из насущной необходимости знакомства с культурно-историческим фоном жизни народов, населявших и населяющих территории стратегических интересов нашей страны, где могут реализовываться важные политические, экономические и гуманитарные инициативы. Это некоторые районы Таджикистана, Сирии, Турции, Ирана, Йемена, Индии и др.

Изучение *исмаилитов* было начато российскими путешественниками, военными, учеными еще в ходе этнографических экспедиций, но также и специальных исследований прикладного характера, которые в эпоху «Большой игры» в Азии вели офицеры Генштаба. Впоследствии многие подобные исследования также носили характер «двойного назначения», и их учитывали в своей работе в том числе российские дипломаты. Главными именами в отечественном «исмаилитоведении» были А. А. Семёнов, И. И. Зарубин, В. А. Иванов. Большую работу проводили и такие этнографы, как А. А. Бобринский, К. Г. Залеман, М. С. Андреев. Работы военного этнографа А. Е. Снесарева фиксировали состояние исмаилитских общин на начало XX века. В том же направлении работал и Б. Л. Громбчевский. Темы исмаилитов так или иначе касались в своих исследованиях советские востоковеды А. Е. Бертельс, Е. А. Беляев, И. П. Петрушевский, Л. В. Строева, Р. М. Масов и др.

Направлялись специальные российские экспедиции к исмаилитам-низаритам Горно-Бадахшанской области Памира (современный Таджикистан), которые целенаправленно изучали эту общину и собирали ценный этнографический и рукописный материал о ней (в частности, экспедиция в ГБАО советской Академии наук в 1959–1963 годах).

Большое количество исмаилитских рукописей, собранных российскими учеными, хранятся в различных фондах, преимущественно в ИВР РАН в Санкт-Петербурге. В частности, свое собрание редких рукописей передал когда-то В. А. Семёнов, а в 1959 году была опубликована одна из них, подготовленная им самим к научному изданию — «Книга по руководству для разыскивающих верных» (*Китаб би хидайат ал-му'минин ат-талибин*) Фидая Хорасанского. Но большое количество исмаилитских рукописных памятников из российских фондов только еще ожидают своих исследователей.

Не случайно большой интерес к российским коллекциям проявляет такой специализированный международный центр, как лондонский Институт исмаилитских исследований. Совместно с ИБР РАН они провели в декабре 2011 года конференцию, а в 2014 году издали по ней сборник «Русские ученые об исмаилизме».

За прошедшее с тех пор десятилетие изучение исмаилизма российскими исследователями существенно продвинулось вперед, в частности в стенах ИФ РАН в Москве, где Т. Г. Корнеевой была защищена диссертация по работам Насира Хусрава, а затем продолжены работы по переводу и комментированию ряда его трактатов («Раскрытие и освобождение», «Шесть глав» и др.). В 2021 году вышла ее книга «Насир Хусрав и его философские взгляды», а в настоящее время автор продолжает изучение религиозно-философских особенностей разных исмаилитских течений, работая одновременно над переводами оригинальных текстов (очередной фрагмент из трактата «Шесть глав» был опубликован в 2023 году, из трактата «Лик веры» в 2024).

Сами исмаилиты в разных частях мира проявляют заинтересованность в развитии научного подхода к изучению истории и вероучения исмаилизма. Эпистемологический императив, который лежит в основании исмаилитского мировоззрения, поддержка образования и науки на уровне религиозного служения по всему миру вступают в согласие с тем интересом, который проявляют к наследию исмаилитов востоковеды, в том числе в России. Важное научное, а возможно и политическое, значение имеет изучение наследия не только памирских и сирийских исмаилитов (низаритов), аравийских (сулейманитов), но и индийских (даудидов и мусталитов-тайибитов). Местные общины (ходжа, сатпант и др.), как правило, приветствуют расширение своего присутствия в медиа-пространстве, что позволяет рассчитывать на активные контакты с исмаилитскими интеллектуалами Индии и в будущем.

Большие перспективы имеет также изучение исмаилитских текстов в сравнении с работами представителей других религиозно-философских традиций — шиитской, суфийской, нусайритской, друзской и др.

В резком контрасте с отечественным исмаилитоведением находится состояние дел в изучении религиозно-философского наследия *зейдитов*. Конечно, наследие средневековой зейдитской мысли представляет научную и культурную ценность само по себе. Но сейчас община зейдитов важна для понимания ситуации в условиях длительного периода нестабильности и нынешней войны в Йемене, где ключевую роль играет крупный зейдитский клан ал-Хуси. Это вызывает в памяти столкновения суннитов-шафиитов и шиитов-зейдитов еще эпохи сельджукских завоеваний, которые отразились и на судьбах ведущих зейдитских алимов. Как и тогда религиозные вопросы были тесно переплетены с политическими и столкновения на почве религиозной философии и права определяли расцвет или упадок целых локальных общин.

Стратегический интерес к изучению глубокой истории и культурно-религиозных традиций зейдитов в России должен быть обусловлен и самой географией распространения этой общины в прошлом — не только в Хиджазе и Йемене, но и в Северной Африке и южной части прикаспийских земель (ныне Иран), где зей-

дители имели свои государства. Кстати, именно в Южном Прикаспии средневековая история знает эпизоды непосредственных столкновений зейдитов с исмаилитами.

Несмотря на важность научной проблематики зейдизма, его изучение российскими учеными началось только недавно. В Москве в 2021 году Ф. О. Нофал подготовил и издал внушительную часть трактата XI века ал-Хакима ал-Джишшами «Толкование Источников вопросов и ответов» (*Шарх 'уйун ал-маса'ил*), в 2023 году, тем же автором была издана работа «Очерки по истории зейдитской мысли VIII–XI веков» с приложением еще двух трактатов — анонимного «Избранное и пытливість мудрецов: о единобожии и справедливости согласно учению семейства Пророка» (*Ал-лубаб ва басират завий ал-албаб фи ат-тавхид ва ал-'адл 'ала мазхаб 'ахл ал-байт 'алайхим ас-салам*) и очередного фрагмента того же «Толкования Источников вопросов и ответов» ал-Джишшами.

В планах Научно-аналитического портала «Восточная трибуна» заложено содействие разработке обоих этих направлений исследований — исмаилитского и зейдитского. Привлечение к этой работе лучших востоковедов нашей страны с финансированием их исследований осуществляется на конкурсной основе. Для участия в конкурсе научных проектов необходим обычный минимум документов, включая краткую биографическую справку, научный задел автора по теме и реферат с планом предполагаемых работ. Промежуточные результаты проектов должны будут отражаться в научных статьях, а в завершение предполагается издание монографии силами Научно-аналитического портала «Восточная трибуна». Такого рода поддержка научных исследований и гарантия публикаций их результатов имеет целью обеспечить стимул и стабильность в кропотливой научной деятельности российских востоковедов.

Саутов В. Н. (Научно-аналитический портал «Восточная трибуна», Москва)

Исследования и переводы арабских источников по религиозно-философской и исторической тематике в деятельности Научно-аналитического портала «Восточная трибуна»

Научно-аналитический портал «Восточная трибуна» запущен 23 марта 2024 г. при поддержке Института востоковедения РАН, Государственного Эрмитажа и Министерства иностранных дел Российской Федерации. В рамках данного проекта ведется работа по трем основным направлениям: 1) проведение научных исследований по исторической и религиозно-философской тематике; 2) подготовка информационно-аналитических материалов по актуальным политическим и экономическим проблемам; 3) целевое финансирование исследований.

Среди приоритетных задач «Восточной трибуны» — изучение истории и духовной жизни Ближневосточного региона, расширение академической базы исследований по соответствующей проблематике и введение в научный оборот нового источникового и историографического материала. Уже организована работа над исследованием и переводом (с арабского, турецкого, немецкого, французского и других языков) целого массива редких и ранее недоступных письменных памятников, принадлежащих перу представителей мусульманских и христианских конфессий Ближнего Востока, а также западных ученых-ориенталистов.

В настоящее время наиболее активно развиваются исследования по истории и вероучению таких конфессий, как маронитская, православная, друзская и алавитская.

Особое место в академических изысканиях Портала отводится изучению истории и религиозной доктрины нусайритско-алавитской конфессии, что во многом связано с той политической ролью, которую ее представители играли вплоть до недавнего времени в Сирии, а также с дискуссионностью вопроса о реальном вероучении, которого придерживаются адепты данного течения в шиизме. При этом еще более актуальной данная тема представляется в свете политически ангажированных обвинений в «неверии» в адрес алавитов со стороны радикальных представителей мусульманского сообщества.

Коллективом «Восточной трибуны» продолжается напряженная работа по освоению новых и крайне ценных для фундаментальной науки источников по истории и вероучению нусайритско-алавитской общины Средневековья и Нового времени.

Открывает запланированную серию перевод трактата «Великое руководство по верному пути» (*Ал-хидайа ал-кубра*)¹, принадлежащего перу одного из главных идеологов нусайритско-алавитского вероучения ал-Хусайна б. Хамдана ал-Хасиби (ум. в 969 г.), которого некоторые современные исследователи считают «реальным основателем секты»² и «важнейшей фигурой» в истории алавитского течения³. Именно ал-Хасиби сыграл определяющую роль в систематизации идей ранней нусайритской доктрины и консолидации ее последователей. «Великое руководство» относится к числу наиболее актуальных и почитаемых религиозных трактатов для современных адептов алавитизма. Важность этой работы, представляющей собой сборник хадисов о ключевых фигурах шиитской традиции, связано не только с ее религиозной значимостью, но и как источника для реконструкции ранней истории нусайритско-алавитской общины.

Перу ал-Хасиби принадлежит еще один религиозный трактат, пользующийся большим уважением среди представителей алавитской общины — «Растбашево

¹ Ал-Хасиби Абу 'Абдаллах ал-Хусайн б. Хамдан. *Ал-Хидайа ал-кубра*. Бейрут, 2015.

² Friedman Yaron. The Nusayri-'Alawis. An Introduction to the Religion, History and Identity of the Leading Minority in Syria. Leiden: Brill, 2010. P. XII, 5, 17.

³ *Силсилат ат-турас ал-'алавий*. Т. 1 // Под ред. Абу Мусы и шейха Мусы. [Ливан]: Дийар 'Акл, 2006. С. 8.

послание» (*Ар-рисала ар-Растбашийя*)¹. В отличие от книги «Великое руководство», данный труд посвящен в большей степени «скрытым» аспектам вероучения. Написанный в виде диалога между ал-Хасибии и условным «вопрошающим», трактат «Растбашево послание» в сжатой, но систематизированной форме дает ответ на многие важнейшие вопросы, касающиеся вероисповедных представлений нусайритов.

Организованы изучение и перевод других сочинений, написанных духовными авторитетами общины в Средние века и Новое время. Многие из этих ценнейших рукописей были собраны и опубликованы в конце XX — начале XXI в. маронитским ливанским ученым Джозефом Аззи в серии «Алавитское наследие»². В числе наиболее значимых их них можно назвать трактаты «Книга о светозарных круговращениях и духовных циклах» (*Китаб ал-акуар ан-нуранийя ва-л-адуар ар-руханийя*), «Свод празднеств» (*Маджму' ал-А'йад*), «Книга [наставлений] шейхам» (*Китаб ал-Машийаха*) и др.

Исследования по нусайритско-алавитскому наследию являются лишь одним из целого ряда направлений научной деятельности «Восточной трибуны», которая открыта как для уже состоявшихся, так и начинающих ученых, готовых посвятить себя исследованию оригинальных текстов по истории и религиям Ближнего Востока. Организация таких работ, их финансирование на конкурсной основе входит в число непосредственных задач «Восточной трибуны».

Туманян Т. Г. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

К вопросу об источниках по истории Хашимитского Королевства Ирак

Научный интерес российских и зарубежных исследователей к проблемам социально-политического развития современного Ирака уже долгие годы продолжает оставаться неизменно высоким. Не будет большим преувеличением сказать, что в многочисленных книгах и статьях последних двух-трех десятилетий нашли глубокое и профессиональное освещение, по сути дела, все основные этапы новейшей истории Ирака. Вместе с тем обращение исследователей к монархическому (хашимитскому) периоду развития страны не теряет своей актуальности.

Хорошо известно, что значительную роль в формировании традиции изучения Иракского государства, его ранней истории и политики сыграли британские исследователи. Современные специалисты хорошо знают, что многие ценные

¹ Ал-Хасибии, ал-Хусайн б. Хамдан. *Ар-Рисала ар-Растбашийя*. Под ред. Рива' Джамала 'Али. [Б. м.], 2014.

² *Силсилат ат-турас ал-'алавий*. Т. 1–12 // Под ред. Абу Мусы и шейха Мусы. [Ливан]: Дийар 'Акл, 2006–2010.

источники по истории хашимитского периода развития Ирака находятся в британских архивах. Основной корпус британских колониальных и дипломатических документов по Ираку на протяжении долгого времени находился в лондонских архивах The Public Record Office (с 2004 года — в The National Archives).

Как известно, после Второй мировой войны на Ближнем Востоке существенно укрепились позиции США. В Ираке, где власть традиционно ориентировалась па политику официального Лондона, значение США стало приобретать все более весомый характер. Очевидным свидетельством укрепления американских позиций в Ираке стало не только повышение в 1946 году статуса дипломатического представительства в Багдаде, но и активизация деятельности американских дипломатов в других частях страны. Об этом свидетельствуют «иракские дипломатические файлы», в настоящее время хранящиеся в библиотеке Конгресса США. Тысячи страниц этих материалов в конце XX века были микрофильмированы и переданы в читальный зал микроформ библиотеки Конгресса США.

Опубликованная серия является весьма объемным документальным отчетом о работе американского внешнеполитического ведомства в этой арабской стране. Хронологические рамки материалов охватывают более чем десятилетний период начиная с января 1945 года.

Как свидетельствуют архивные материалы, конфиденциальная переписка осуществлялась по двум основным направлениям: прежде всего дипломатическому, а также — военному (по линии Управления военно-воздушных сил США). Материалы, полученные из Багдада, изобилуют отчетами об официальных переговорах и частных беседах дипломатов с ведущими государственными деятелями этой арабской страны: членами королевской семьи, министрами, другими представителями властных структур. В документах можно найти информацию о правительственных кабинетах, в них представлены интересные сведения о деятельности таких политических организаций, как Конституционный союз, Национально-социалистическая партия, Партия независимости, Единый народный фронт, Национально-демократическая партия. Основываясь на данных, получаемых от британских, иракских и собственно своих — американских специальных служб, посольство США уделяло повышенное внимание деятельности запрещенных в Ираке марксистских и прокоммунистических организаций. В серии опубликован ряд документов, проливающих свет на малоизвестные факты жизни и деятельности известных политиков того времени.

В условиях разгоревшегося в 1940-е годы арабо-израильского конфликта деятельность американской дипломатии в значительной степени была ориентирована на исследование положения еврейской общины Ирака. Сотни страниц различных документов достаточно обстоятельно обрисовывают общественно-политическую, культурную и экономическую жизнь этого национального меньшинства в Хашимитском Королевстве в 1920-х–1940-х гг. В этих материалах мы находим не только разнообразные статистические данные, но и аналитику, характеризующую положение еврейской общины в городах Ирака.

Несомненный интерес для исследователей представляют «еженедельные хронологические обозрения» американского посольства. В сводках суммировались и подвергались анализу как секретные агентурные донесения, так и важнейшая информация из официальных источников. Ценность данных еженедельников состоит прежде всего в системном, хронологически последовательном изложении фактографического материала. Эти аналитические отчеты, безусловно, помогают более точно воссоздать реальную картину политического развития Ирака.

Документы серии могут быть полезны не только для исследователей истории и политики Ирака, но также и для экономистов-международников. Американская дипломатическая служба в Багдаде систематически направляла в США информацию экономического характера, приводила многочисленную статистику, сообщала о деятельности западных нефтяных компаний на Ближнем Востоке.

Опубликованная серия американских дипломатических документов — это ценный источник, отражающий социально-политическое развитие Ирака в 1940–1950-е гг.

Урпер М. (СПбГУ, Санкт-Петербург)

Курдский вопрос в зеркале османских документов

В современных условиях все большую актуальность приобретает вопрос исторической значимости становления Курдистана в контексте турецкой политики, направленной на расширение зоны влияния Турции в нефтяных регионах Ирака, в которых права Турции были отменены в соответствии с Анкарским договором 5 июня 1926 года¹. В связи с этим в рамках нашего сообщения предпринимается попытка анализа курдского вопроса, который стал одним из основных источников смены политической парадигмы в Турции в начале XX века, а также влияния Турции в иракском регионе.

Во второй половине XIX века во многих районах, которые находились под контролем Османской империи на территории Ирака, происходило обострение межплеменных конфликтов, которые к концу столетия приобрели этноконфессиональный политический характер, что затруднило урегулирование этих противоречий со стороны местных властей, в частности в районах Ван, Мосул и др.

Курды к началу XX века, будучи подданными Османской империи, составляли значительную часть населения османского общества, располагавшегося

¹ Türkiye, İngiltere ve Irak Hükümetleri Beyninde Ankara'da 5 haziran 1926 tarihinde Münakit hudut ve münasebatı hasnei hemcivarı muahedenamesi // Türkiye Cumhuriyeti Dışişleri Bakanlığı [Электронный ресурс]. URL: https://web.archive.org/web/20170923110154if_/http://ua.mfa.gov.tr/files.ashx?77862 (дата обращения: 05.02.2025).

на территории Османской империи, от границ России до границ Ирана, Ирака, Сирии и др.¹ Фактически до начала Первой мировой войны сложно говорить о существовании курдской национальной идентичности или этнической сплоченности под властью Османской империи. Однако начиная с 1915 года и до окончания Первой мировой войны в целях обеспечения своих интересов в районах османского господства государствами Антанты во главе с Великобританией была разработана концепция «национальной принадлежности курдского народа»².

После окончания войны британцы в 1917 году обратились к Шейху Хамиду Талабани, с просьбой, чтобы курдские племена отказались от призывов о помощи и любой поддержки со стороны Турции в этих районах³. Британская сторона декларировала также свои намерения по созданию автономного курдского государства под контролем британской администрации, однако в действительности это обернулось лишь стремлением к принудительной интеграции в британскую систему правления. В результате вспыхнули народные волнения на территории района Амадия и в других местностях. Все выступления, включая восстание Шейха Махмуда, были подавлены, а сам он был отправлен в ссылку в Индию. Однако в связи с продолжающимися беспорядками в 1922 году Шейх Махмуд Берзенджи с разрешения британцев вернулся в Ирак.

Пытаясь использовать курдские восстания для борьбы с англичанами, турецкое руководство в начале 1922 года сформировало отряд ополченцев под командованием Шефика Оздемир Бея на севере Ирака, однако эти действия не имели успеха.

В связи с неурегулированностью кризиса между Турцией и Британией англичане вынесли вопрос о положении Мосула и Киркука в сентябре 1924 года на рассмотрение в Лиге Наций. Турецкая сторона в рамках обсуждения настаивала на своих прежних взглядах и требовала проведения в Мосуле всенародного референдума, однако Великобритания, как и в Лозанне, отвергла это требование. Турецкие представители утверждали, что курдское население этого региона хочет быть присоединенным к Турции. Однако подобные заявления Турции на фоне восстания Шейха Саида, начавшегося именно в это время на востоке Турции, не были приняты. В ходе расследования комиссии, созданной Лигой Наций с целью выяснения мнений самих жителей, были выявлены факты, свидетельствующие об агрессивном поведении Великобритании и захвате новых территорий на севере страны, в результате которых происходили крайне жестокие инциденты. Комиссией был составлен документ под названием «Брюссельская линия», определяющий турецко-иракскую границу. Ассамблея Лиги Наций, несмотря на противодействие Турции, 16 декабря 1925 года приняла доклад Следственной комиссии и резолю-

¹ Sonyel, S. R. *Türk kurtuluş Savaşı ve dış politika*. Ankara: Türk Tarih Kurumu Basımevi, 1973. P. 19–32.

² Fieldhouse, D. K. (Ed.). *Kurds, Arabs & Britons: The Memoir of Wallace Lyon in Iraq 1918–44*. London; New York: I. B. Tauris, 2002. P. 37.

³ Kurubaş, E. *Başlangıçtan 1960'a Derin Kürt Sorununun Uluslararası Boyutu*. Ankara: Ümit Yayıncılık, 1997. P. 48–143.

цию о признании земель к югу от Брюссельской линии. Турция была вынуждена подчиниться решению Ассамблеи Лиги Наций и согласилась уступить Мосул Ираку по Анкарскому договору¹, подписанному 5 июня 1926 года².

Курды в исторической ситуации того времени оказались политической жертвой в руках британцев. Как известно, ни в Лозаннском и ни в Севрском договорах они так и не смогли получить права на национальную идентичность.

В современных условиях в случае формирования курдского государства у Турции может появиться, на наш взгляд, гипотетическая возможность вновь поднять вопрос о регионе Мосула и Киркука, поскольку нарушение положений Анкарского договора о неприкосновенности турецко-иракской границы и отсутствие контроля Багдада над этим регионом могут стать юридическим основанием для предъявления Турцией своих законных прав на эти территории.

Фурсова Е. Н. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

Юридические документы, написанные на аргановых дощечках — «арратен», или некоторые особенности нотариальной практики марокканских берберов горных регионов Высокого Атласа и Антиатласа

Практика составления юридических документов, записанных на табличках из арганового дерева, называемых по-берберски «арратен», была широко распространена в берберской среде горных регионов на юге Марокко примерно с начала XVII и до середины XX в. Эти «документы», составленные на берберском языке с использованием арабского письма, важны для понимания социальной и экономической истории племен берберов-амазигов.

Исследователи полагают, что в горах Антиатласа хранится не менее 100 тыс. экземпляров таких «документов», написанных на аргановых табличках, а по некоторым оценкам, их количество может превышает 500 тысяч единиц. Дело в том, что знакомые ранее некоторым этнографам, лингвистам и историкам отдельные образцы этих уникальных артефактов не были ими до конца поняты ни в части содержания текста, ни с точки зрения предназначения подобных артефактов. Следовательно, не была дана оценка их значимости, а сами «документы» не стали предметом дальнейших более глубоких исследований.

¹ Türkiye, İngiltere ve Irak Hükümetleri Beyninde Ankara'da 5 haziran 1926 tarihinde Münakit hudut ve münasebatı hasnei hemcivarı muahedenamesi // Türkiye Cumhuriyeti Dışişleri Bakanlığı [Электронный ресурс]. URL: https://web.archive.org/web/20170923110154if_/http://ua.mfa.gov.tr/files.ashx?77862 (дата обращения: 05.02.2025).

² Ugur E. (2018). Brüksel hattı 16 aralık 1925. Köroğlu Gazetesi [Электронный ресурс]. URL: <https://www.koroglugazetesi.com/bruksel-hatti-16-aralik-1925> (дата обращения: 07.02.2025).

Обнаруженный недавно в Атласских горах на юге Марокко клад из более чем 5 тысяч древних берберских документов, записанных как на табличках из арганового дерева, так и на бумаге, дали импульс к более внимательному их изучению.

Как отмечается, в основном среди них обнаружены договоры купли-продажи домов и земель, других сделок с имуществом, брачные соглашения, займы, документы об усыновлении и опеке, завещания, документы о наследовании и распределении имущества, а также связанные с межплеменными отношениями.

В целом документы охватывают широкий спектр социальной, экономической и коммерческой жизни в Атласских горах за последние 400 лет. Они пережили исторические потрясения и были сохранены в этих удаленных и труднодоступных районах марокканского юга благодаря в том числе сухому климату Атласских гор.

Широких А. В. (ФМО СПбГУ, Санкт-Петербург)

Некоторые источники по истории отношений Османской империи и РПЦ на Святой земле

Проблема Палестины является одной из ключевых в регионе Ближнего и Среднего Востока и продолжает оставаться важной для современной геополитики. Российское присутствие в данном регионе формировалось не одно столетие.

Регион Ближнего Востока на протяжении длительного периода являлся одним из приоритетных во внешней политике России. Святая земля, являющаяся центром паломничества для христиан, мусульман и иудеев, привлекала верующих со всего мира на протяжении тысячелетий. Примерно с середины XIX в. правительство Российской империи начало проводить активную внешнюю политику на Святой земле. Основной задачей этой деятельности можно считать формирование условий для русского православного присутствия в Иерусалиме и для размещения представительства Российской империи. Сегодня важно продолжить изучение этой темы, особенно в контексте многолетней проблемы восстановления прав собственности России на ее исторические объекты на Святой земле.

Для детального изучения паломничества российских поданных на Святую землю в период XII–XIX веков имеется обширный корпус источников, включающий труды паломников различных эпох. Эти источники охватывают широкий временной диапазон, начиная с «Хождения» игумена Даниила в начале XII века. Среди наиболее известных паломнических описаний можно выделить труды Трифона Коробейникова, Василия Гагары, а также более поздние работы XIX века, принадлежащие перу Кира Бронникова и братьев Вишняковых.

Учрежденный императором Александром I в 1819 г. Азиатский департамент Министерства иностранных дел Российской империи совместно с Русской духов-

ной миссией в Иерусалиме и Императорским Православным палестинским обществом (ИППО) стали ключевыми инструментами российской ближневосточной политики. Соответственно, донесения и документы в рамках деятельности этих ведомств могут пролить свет на деятельность РПЦ и государственных институтов Российской империи на Святой земле в XIX веке.

В качестве источников могут выступать доклады политических деятелей, таких как доклад министра иностранных дел А. М. Горчакова от 23 марта 1857 года «О преобразовании Иерусалимской духовной миссии», в котором весьма четко определялись задачи деятельности этой организации. Не менее информативными являются официальные донесения посла Российской империи в Константинополе барона Г. А. Строганова¹.

Позиция Российской империи в отношении Святой земли нашла свое отражение в международных договорах, начиная с Кючук-Кайнарджийского 1774 года. Эта линия внешней политики прослеживается в Парижском трактате 1856 г. (статья 9), Сан-Стефанском мирном договоре 1878 г. (статья 22) и актах Берлинского конгресса 1878 г. (статья LXII).

В качестве зарубежных источников можно обратиться к докладам официальных лиц иностранных государств. В 1901 году Альфонс Д'Алонзо, французский консульский атташе в Иерусалиме, опубликовал в Париже подробную статью «Россия в Палестине»². В этой работе иностранный дипломат проводит детальный анализ растущего присутствия России в Палестине и исследует исторические связи России со Святой землей.

Значимым источником информации о российском присутствии в Палестине являются труды иностранных путешественников и ученых, посещавших регион с научными целями. Особый интерес в этом контексте представляют работы швейцарского врача Титуса Тоблера, совершившего несколько экспедиций в Иерусалим (в 1835, 1845, 1857 и 1865 годах).

При рассмотрении зарубежной историографии, следует упомянуть вклад не только ученых, но и миссионеров. Особого упоминания заслуживает деятельность американского протестантского миссионера Уильяма МакЛюра Томсона (1806–1894). В 1859 году Томсон опубликовал книгу под названием “The land and the Book”, в которой описывается его опыт пребывания на Ближнем Востоке³.

В настоящее время остается недостаточно изученным значительный массив мемуарной литературы по теме православного паломничества на Святую землю, что обусловлено большим количеством материалов. Требуют дальнейшего углубленного исследования архивы МИД, ИППО и Святейшего Синода. В дополнение

¹ Россия в Святой земле. Документы и материалы: в 2 т. / Архив внеш. политики Рос. империи МИД РФ [и др.]; [Сост., подгот. текста, расположение материала, вступ. ст., коммент. и общ. ред. Н. Н. Лисового]. М.: Междунар. отношения, 2000.

² D'Alonzo A. *Russie en Palestine*. Paris: L. Boyer, 1901. 141 p.

³ Thomson W. M. *The Land and the Book. Southern Palestine and Jerusalem*. New York: Harper & Brothers Publishers, 1859.

для формирования целостной картины взаимоотношений Российской и Османской империй в контексте российского присутствия на Святой земле необходимо изучить архивные источники Османской империи.

Шишигина О. С. (СПбГУ, Санкт-Петербург)

Образ турецкого султана в русских сатирических журналах (начало XX в.)

Актуальность темы обусловлена тем, что анализ образа турецкого султана в русской сатирической периодике начала XX века позволяет не только проследить трансформацию восприятия Османской империи в российском общественном дискурсе, но и раскрыть механизмы конструирования образа «чужого», через призму которого происходит рефлексия над внутренними проблемами и модернизационными процессами в России.

В ходе исторического развития образ «турка» претерпел значительную эволюцию в российском общественном сознании. Длительное время ассоциировавшийся с восточной угрозой, этот образ на протяжении XIX века подвергся существенной трансформации, которая заключается в переходе от восприятия Османской империи как мощной державы и давней соперницы к образу «безнадежно больного человека Европы». Данная трансформация отчетливо прослеживается в отечественных сатирических изданиях периода 1908–1918 гг. Среди наиболее массовых можно выделить «Шут», «Сатирикон», «Солнце России», «Будильник», «Стрекозу». Анализ контента этих сатирических журналов, включающего карикатуры, рассказы, анекдоты, фельетоны и стихотворные произведения, позволяет выявить формирование нового образа турецкого султана начала XX века.

Личность Абдул-Хамида II и проводимые им реформы вызывали значительный интерес, как мировой, так и русской периодической печати. Период его длительного правления ознаменовался принятием первой в истории Османской империи конституции и учреждением парламента, который впоследствии был фактически упразднен. Правление Абдул-Хамида II характеризовалось сочетанием элементов абсолютной монархии и конституционных перемен. На протяжении его царствования, во многом за счет оппозиционно настроенных кругов, сформировался образ «кровавого султана», палача христианских народов и душителя свобод. Однако анализ русских сатирических журналов начала XX века выявляет формирование абсолютно иного образа турецкого султана в российском обществе того времени. Современные исследователи демонстрируют неоднозначность в оценках личности Абдул-Хамида II. Некоторые рассматривают его как достойного продолжателя политики предшественников, другие акцентируют внимание на новаторском характере проводимых им преобразований.

В начале XX века младотурецкая революция вызвала значительный резонанс в российском обществе, что нашло отражение в активном использовании образа султана в сатирических изданиях. На протяжении трех десятилетий своего правления Абдул-Хамид II, характеризовавшийся как закрытый и подозрительный монарх, посредством жесткой цензуры стремился к консервации внутривнутриполитической ситуации в стране. Однако политико-правовые уступки великим державам, наряду с технологическим прогрессом, способствовали также формированию европеизированной знати, что привело к большей открытости Османской империи и интересу к ней в зарубежной прессе.

Сатирические журналы обращаются к сюжетам, связанным с конституционными преобразованиями, а также изменениями, которые происходят по мере модернизации под прозападническим младотурецким контролем. Изначально образ Абдул-Хаида II тесно ассоциируется с темой реформ и конституции, которая представляется то чем-то притягательным и одновременно опасным для султана, то изображается в виде безобразной статуи, символизирующей критическое отношение к проводимым преобразованиям. В период 1908–1909 годов в журнальной сатире становится популярной тема критики младотурецкого режима, которая реализуется как через фигуру султана, так и посредством самостоятельных образов. Абдул-Хамид II часто изображается худощавым, испуганным, маленьким, жалким и изможденным, что символизирует его беспомощность перед неизбежными переменами, младотурецким движением и западными странами. Фигура султана становится лишь атрибутом церемониала, что отражается в его образе, представленном на страницах сатирических журналов.

Таким образом, в русских сатирических журналах образ султана используется для противопоставления старого режима новому, младотурецкому. Последний также становится объектом внимания сатирических изданий, где он также подвергался критике, в частности за жестокость. Символы старости и несостоятельности, присутствующие в образе султана, можно интерпретировать как отражение завершающегося исторического противостояния двух империй. Журнальная сатира, создавая эти яркие образы и обращаясь к проблематике Османской империи, также проводит аналогии с событиями отечественной истории и актуальными проблемами российского общества.

Секция X • Section X

Круглый стол: «Россия и Восток:
современное состояние системы дуг нестабильности»

Round table discussion: "Russia and the East: The Current Ctate of the Arch
of Instability on the Rim of Eurasia and North Africa"

Abdikasim Moalem Ahmed (UNTMIS, Mogadishu, Somalia)

**Igniting Conflict in the Horn of Africa:
The 2024 Memorandum of Understanding (MoU)
between Somaliland and Ethiopia**

The 2024 Memorandum of Understanding (MoU) between Ethiopia and the self-declared Republic of Somaliland, announced on 1 January 2024, marked a significant development in the Horn of Africa, granting Ethiopia access to a strategic section of the Red Sea coastline through Somaliland in exchange for potential recognition of Somaliland's independence. The Horn of Africa has long been a region characterized by intricate political dynamics, historical rivalries, and strategic significance. The MoU between Ethiopia and Somaliland introduced new complexities into this landscape, leading to heightened tensions and diplomatic strains. This agreement ignited regional tensions, challenging Somalia's territorial integrity and prompting a series of diplomatic engagements aimed at resolving the ensuing disputes.

This paper analyzes the origins and implications of the MoU, the regional reactions it provoked, and the subsequent diplomatic initiatives that aimed to restore stability and cooperation in the region. It critically examines the MoU within the context of the longstanding Somalia-Somaliland dispute, the historical Ethiopia-Somalia rivalry, and broader regional dynamics. The paper further explores the subsequent Ankara Declaration, the reciprocal visits between Somali President Hassan Sheikh Mohamud and Ethiopian Prime Minister Abiy Ahmed, and how these diplomatic efforts culminated in easing hostilities and fostering renewed cooperation between the two nations.

Background

Somaliland's Quest for Recognition

Somaliland, located in the northwestern part of Somalia, declared independence in 1991 following the collapse of the Siad Barre regime. Despite establishing a functioning government and maintaining relative stability, Somaliland has struggled to gain international recognition, with the global community largely adhering to the principle of Somalia's territorial integrity. This lack of recognition has impeded Somaliland's ability to engage fully in international diplomacy and access certain economic opportunities.

Ethiopia's Strategic Interests

As a landlocked nation since Eritrea's independence in 1993, Ethiopia has been in pursuit of access to the sea to bolster its economic and strategic interests. Historically reliant on Djibouti for maritime trade, Ethiopia has sought alternative routes to diversify its access and reduce dependency. The MoU with Somaliland, offering access to the port of Berbera, aligns with Ethiopia's strategic objectives of securing a direct outlet to the Red Sea.

The 2024 MoU: Provisions and Implications

The MoU, signed on January 1, 2024, between Ethiopian Prime Minister Abiy Ahmed and Somaliland President Muse Bihi Abdi, reportedly included the following key provisions:

- **Lease of Coastline:** Somaliland agreed to lease approximately 19 kilometers of its Gulf of Aden coastline to Ethiopia around the port city of Berbera for 50 years, facilitating Ethiopian naval and commercial access to the Red Sea.
- **Prospective Recognition:** In return, Ethiopia purportedly agreed to consider recognizing Somaliland as an independent state in the future, which would make it the first United Nations member state to do so.

These provisions had significant geopolitical ramifications, particularly concerning Somalia's sovereignty and the broader regional balance of power.

Regional Reactions

Somalia's Response

The Federal Government of Somalia vehemently opposed the MoU, viewing it as a violation of its territorial integrity. Somalia's President Hassan Sheikh Mohamud asserted that Somaliland is constitutionally part of Somalia and that any agreements regarding its territory without federal consent are illegitimate. In protest, Somalia recalled its ambassador to Ethiopia and demanded the annulment of the MoU. The Somali government also organized public demonstrations to denounce the agreement, reflecting widespread domestic discontent.

Egypt's Position

Egypt, engaged in a longstanding dispute with Ethiopia over the Grand Ethiopian Renaissance Dam (GERD) on the Nile River, expressed support for Somalia's stance.

Egyptian President Abdel Fattah el-Sisi reaffirmed Egypt's commitment to Somalia's sovereignty and stability, interpreting Ethiopia's actions as further encroachment on Arab interests in the region. This alignment added another layer to the complex Egypt-Ethiopia relations, intertwining the Nile water dispute with Red Sea geopolitics.

Other Regional Actors

Neighboring countries, including Djibouti and Eritrea, also expressed concerns over the MoU. Djibouti, which currently serves as Ethiopia's primary access point to the sea, perceived the agreement as a potential threat to its economic interests. Eritrea, with its own complex history of relations with Ethiopia, was wary of shifts in regional alliances and the potential for increased Ethiopian naval presence in the Red Sea.

International Perspectives

African Union and United Nations

The African Union (AU) and the United Nations (UN) emphasized the importance of respecting existing borders and the sovereignty of member states. Both organizations called for dialogue among the concerned parties to address the disputes arising from the MoU, advocating for peaceful and diplomatic solutions to prevent escalation into conflict.

Major Powers

Global powers, including the United States and European Union members, expressed apprehension regarding the potential destabilizing effects of the MoU. The Horn of Africa's strategic location, particularly concerning maritime trade routes and counterterrorism efforts, made stability in the region a priority for these actors. They urged restraint and encouraged regional cooperation to address the underlying issues.

Diplomatic Reconciliation: The Role of the Ankara Declaration and Leadership Exchanges

In an effort to deescalate tensions, Ethiopia and Somalia engaged in negotiations mediated by Turkey. The Ankara Declaration, signed on December 11, 2024, marked a pivotal step in mending strained relations between Somalia and Ethiopia. Facilitated by Turkey, this agreement emphasized mutual respect for sovereignty, unity, and territorial integrity, laying the groundwork for reconciliation.

Building on this foundation, reciprocal visits further solidified diplomatic progress. On January 11, 2025, Somali President Hassan Sheikh Mohamud visited Addis Ababa, signaling a commitment to strengthen bilateral relations. This was followed by Ethiopian Prime Minister Abiy Ahmed's visit to Mogadishu on February 27, 2025, where discussions focused on restoring trust, addressing contentious issues, and enhancing cooperation. These engagements significantly de-escalated tensions, fostering a renewed spirit of partnership between the two countries.

Ahmed Mahmoud Mostafa (Al-Ahram, Cairo)

The Egyptian position on the developments in Gaza

Situation in Gaza indicate an escalation of tensions and conflicts in the region, affecting regional security and stability. This puts Egypt, as a neighbour country of Palestine, in a complicated position. It is closely following these developments and consider measures to deal with the emerging security threats. The current situation is extremely complicated and multifaceted, involving various actors with official, semi-official and unofficial interactions between them. Nevertheless, understanding of the official position of Egypt as a major actor is important for analysis of the ongoing crisis.

Egypt officially declares its full cooperation with the international community in order to reach a just and comprehensive solution to the Palestinian issue. Egypt also stresses the importance of the role of the USA in sponsoring negotiations between Palestinians and Israelis, pressuring the parties to reach a peace agreement, on a firm basis of support for the rights of the Palestinian people, seeking to achieve a just and comprehensive peace in the region, and maintaining security and stability in the region.

Egypt's current official position regarding situation in Gaza can be summarized in the following points:

Full support for a peaceful solution: Egypt stresses the need to achieve a peaceful and comprehensive solution to the Palestinian-Israeli conflict.

Affirmation of the *two-state* solution: Egypt stresses the need to reach a just and comprehensive solution to the Palestinian issue, based on the two-state solution, that is, the establishment of an independent Palestinian state on the *1967 borders* with East Jerusalem as its capital, living side by side with the State of Israel in peace and security. Egypt considers that this is the only variant that guarantees stability and sustainable peace in the region.

Ceasefire: Egypt is working hard for reaching a ceasefire, as it has always been the case in the event of any military conflict between Palestinians and Israelis; and is seeking a truce agreement between the two sides.

Supporting negotiations and peace: Egypt calls for the resumption/ continuation of negotiations between Palestinians and Israelis with the aim of reaching a comprehensive peace agreement. Egypt is making intensive diplomatic efforts to create the conditions for negotiations, and calls on the parties concerned to make mutual concessions in order to achieve peace.

Non-hindered humanitarian assistance to the Gaza people: Egypt is also working to alleviate the human suffering of the residents of the Gaza Strip, by providing humanitarian and relief aid, and opening the Rafah crossing on a regular basis to facilitate the movement of people and goods. Egypt also calls on the international community to provide more assistance to Gaza, and contribute to the reconstruction of the Strip.

Rejection of forced displacement: Egypt categorically rejects any attempt to displace Palestinians from the Gaza Strip to its territory or any other place, as Egypt considers that forced displacement constitutes a violation of human rights and international law,

and is an infringement on the right of the Palestinian people to remain on their land and self-determination.

Maintaining security and stability: Egypt strives to maintain security and stability in the region, and stresses the importance of stopping acts of violence and incitement, and calls on all parties to abide by the ceasefire, and to refrain from any provocative actions that may lead to an escalation of the situation.

Rejection of any foreign interference in Egyptian and Palestinian affairs: Egypt rejects any foreign interference in its internal affairs, and considers that any attempt to impose external solutions on the Palestinian issue should be rejected, and that the solution must stem from the will of the Palestinian people.

Combating terrorism, including in Gaza: Egypt stresses the importance of combating terrorism in all its forms and manifestations, including the need to take strict measures to confront terrorist organizations in the Gaza Strip.

Maintaining national security: Egypt seeks to preserve its national security and interests in the region, and closely monitors developments in Gaza to ensure that they do not affect Egyptian security.

In their various statements, Egyptian officials have repeatedly stressed the importance of achieving peace and stability in the region and the need to resolve the Palestinian-Israeli conflict peacefully. They also affirmed Egypt's support for the Palestinian people and their right to establish their independent state.

Egypt is also making great efforts to mediate between Palestinians and Israelis and is seeking a lasting and comprehensive peace agreement. Egypt also hosts numerous conferences and meetings aimed at resolving the Palestinian-Israeli conflict.

Obviously, the official position of Egypt reflects the public stance of the Egyptian government on the international arena and does not mean that other ways of the Gaza crisis solution could not be discussed in official and semi-official interactions with other international actors involved in the issue. However, the official stance is very important as it also reflects popular sentiments regarding the Gaza issue which limit the ability of the government to accept, or even discuss, alternative ways of solving the crisis (e. g., proposals to relocate Palestinians from Gaza to Sinai, either permanently or temporally).

Nare Gevorgyan (Yerevan State University, Yerevan)

Russian-Iranian military-political cooperation (based on experience in Syria)

The military-political cooperation between Russia and Iran in Syria represents a complex and evolving alliance that has had profound implications not only for the Syrian conflict but also for the broader geopolitical dynamics of the Middle East. This article delves into the various dimensions of Russian-Iranian cooperation in Syria, examining

how both countries have aligned their interests and strategies to achieve shared goals while navigating significant challenges and complexities. Since the onset of the Syrian Civil War in 2011, Russia and Iran have emerged as key external actors supporting the regime of Bashar al-Assad, each motivated by a combination of strategic, political, and military considerations. Their cooperation has not been without tension, but over the course of the conflict, the partnership has grown stronger, marked by increased coordination and shared objectives on the battlefield.

At the heart of the Russian-Iranian partnership was a mutual desire to maintain the survival of the Assad regime, which both countries viewed as a critical asset for their influence in the region. For Russia, Syria represents an important strategic ally in the Middle East, providing Russia with a naval base in Tartus and an airbase in Latakia, thereby securing a foothold in the Mediterranean. Furthermore, Syria serves as a key element in Russia's broader ambition to challenge Western influence in the region and assert its role as a power broker in global geopolitics. For Iran, the Syrian regime is integral to its broader regional strategy, including the protection of its allies in Lebanon (such as Hezbollah) and its efforts to maintain a corridor of influence through Iraq and into Syria, which is vital for Iran's ideological and military objectives in the region.

The cooperation between Russia and Iran in Syria has been multifaceted, encompassing military, political, and diplomatic dimensions. On the military front, the two countries have conducted joint operations aimed at defeating opposition groups and reclaiming territory from rebel forces. Russia's air power and advanced weaponry have complemented Iran's ground forces and those of its allies, including Hezbollah fighters and various militia groups. Their combined efforts have been instrumental in turning the tide of the conflict in favor of the Assad regime, particularly in major battles such as those for Aleppo, Palmyra, and Idlib. Intelligence sharing, logistical coordination, and the provision of military equipment and personnel have further strengthened the operational cooperation between Moscow and Tehran.

Politically, the partnership between Russia and Iran has been characterized by a delicate balancing act. Both countries have had to manage their relationship with other regional actors, notably Turkey and Israel, who have their own interests and objectives in Syria. Russia has sought to maintain a pragmatic approach, engaging in diplomatic efforts with these countries while also upholding its alliance with Iran. Despite these tensions, the two countries have managed to sustain their cooperation, often through careful diplomatic maneuvering and the establishment of communication channels to prevent conflict and ensure that their goals remain aligned.

The strategic coordination between Russia and Iran in Syria has had significant regional and global consequences. The partnership has allowed both nations to assert their influence in the Middle East at a time when the U.S. and its allies have been retreating from direct military involvement in the region. The Russian-Iranian alliance has also provided a counterbalance to the influence of Western powers, particularly in the context of the U.S.'s shifting Middle East policies. However, the relationship is not without its challenges. Differences in long-term objectives, competition for regional

influence, and the complexities of managing relations with other actors in Syria and beyond pose ongoing hurdles. Moreover, the partnership has raised concerns among other regional actors, particularly Israel, Saudi Arabia, and the Gulf states, who view the growing Russian-Iranian axis as a threat to the existing balance of power.

This article ultimately argues that Russian-Iranian cooperation in Syria is a strategic alliance shaped by necessity and pragmatism rather than shared ideological affinity. Their cooperation also reshaped the broader geopolitical landscape of the Middle East. As both Russia and Iran continue to face internal and external challenges, their ability to maintain and adapt this partnership will be a crucial factor in determining the future of Syrian politics and the region's stability. The lessons learned from their military-political cooperation in Syria provide valuable insights into the nature of alliances in modern warfare and the ways in which regional powers navigate complex, multi-faceted conflicts to achieve their national objectives.

Бобров А. К. (МГИМО МИД России, Москва)

Поворот на Восток в российской дипломатии (2022 г. — н. вр.)

На концептуальном уровне «Поворот на Восток» в отечественной дипломатии нашел отражение в новой редакция Концепции внешней политики России от 2023 г. В первую очередь ее публикация была вызвана необходимостью на концептуальном уровне внести корректировки во внешнеполитический курс страны на фоне глобальных изменений в системе международных отношений. Так, в связи с массовым введением государствами Запада санкций в отношении России и проведения гибридной войны, выразившейся в отправке на Украину вооружения и наемников, было необходимо подчеркнуть изменение внешнеполитических приоритетов страны.

Особое место в тексте отведено развитию международных отношений, которые переживают «революционные изменения». Отмечается продолжение складывания «справедливого многополярного мира», за который выступает Россия. В концепции выделяются три основные цели — обеспечение безопасности, благоприятных внешних условий, а также прочных международных позиций для развития нашей страны.

Кардинальные перемены затронули и иерархию региональных приоритетов России. Так, на первом месте стоит «Ближнее зарубежье» (термин, пришедший на замену понятию «страны СНГ»), государства которого связаны с Россией «многовековыми традициями совместной государственности, глубокой взаимозависимостью в различных сферах, общим языком, близкими культурами». В этом регионе функционируют наиболее важные интеграционные объединения,

такие как ЕАЭС и ОДКБ. Соответственно, одна из задач для России заключается в недопущении дезинтеграционных процессов в этом регионе. Следом помещена Арктика, а далее — евразийский континент, на котором располагаются две крупнейшие страны в мире, с которыми у России сложилось тесное сотрудничество — Китай и Индия. Регион имеет большое значение и с точки зрения развития интеграционных проектов. Для России приоритетную роль играет создание т. н. «Большого евразийского партнерства» в рамках таких организаций как ЕАЭС, ШОС, АСЕАН.

Следующее за евразийским континентом место отведено Азиатско-Тихоокеанскому региону с привязкой к АСЕАН, организацией с динамично развивающимися странами, с которыми Россия намерена укреплять партнерство и торговлю.

Пятое место в иерархии региональных приоритетов занимает «исламский мир» — новый термин, заменивший Ближний Восток и укладывающийся в логику «цивилизационного» взаимодействия. Так, в исламский мир помимо стран Арабского мира входят такие государства, как Индонезия и Пакистан — крупнейшие по населению мусульманские страны. Для России приоритетными партнерами являются Иран, Сирия, Турция, Саудовская Аравия, Египет и ОАЭ.

Вслед за исламским миром идет Африка, которую связывает с Россией стремление построить «справедливый многополярный мир» и положить конец проявлениям «неоколониализма» — понятия, впервые фигурирующего в доктринальных документах страны и ставшего прямым ответом на продвигаемый странами Запада «порядок, основанный на правилах». Россия намерена расширять сотрудничество со странами африканского континента во всех сферах, в том числе научной, культурно-гуманитарной и экономической.

Отличительная черта новой редакции КВП заключается в том, что Европейский регион и следующие за ним США и другие «англосаксонские государства» (термин, также впервые введенный в официальный язык российской дипломатии) замыкают иерархию региональных приоритетов, уступая место лишь Антарктиде. Хотя Россия выступает за мирное сосуществование с этими странами, отмечается, что Москва готова пресечь любые угрозы, направленные в ее сторону. Подобное кардинальное изменение внешнеполитических установок стало отражением реалий взаимодействия со странами «коллективного Запада», де-факто прекратившегося по их инициативе после февраля 2022 г.

Начало СВО потребовало переориентации дипломатических кадров в Центральном аппарате МИД России и российских посольствах и консульствах с «западных» направлений на «восточные». Сворачивание политического, экономического, торгового и культурно-гуманитарного сотрудничества со странами «коллективного Запада» оставило без работы целые подразделения Министерства. Так, традиционно в рамках Первого европейского департамента (1ЕД) и Третьего европейского департамента (3ЕД) функционировали отделы, занимавшиеся двусторонними российско-французскими и российско-германскими отношениями,

и отделы внутренней и внешней политики этих стран. В отсутствие реального двустороннего взаимодействия смысл в ставших избыточными структурных единицах на западном направлении отпал. Аналогичная ситуация наблюдалась и в других территориальных департаментах, курировавших отношения со странами Европы и Северной Америки, а также в Департаменте общеевропейского сотрудничества (ДОС), отвечающего за взаимодействие с Европейским союзом, НАТО, ОБСЕ и Советом Европы.

В результате был упразднен Второй Европейский департамент, отвечавший за страны Северной Европы и Балтии; его функции были переданы иным структурным подразделениям. Напротив, в рамках Министерства в январе 2025 г. был учрежден Департамент партнерства с Африкой, чья цель — развитие сотрудничества с интеграционными объединениями на континенте.

Закрытие ряда консульств в Европе освободило штатные единицы и позволило открыть новые представительства. Уже заработали прекратившие свою деятельность после распада СССР посольства России в Буркина-Фасо и Экваториальной Гвинее, на очереди еще ряд африканских стран. Начали функционировать генконсульства в Гродно (Белоруссия), Пхукете (Таиланд) и Денпасаре (Индонезия), ожидается открытие консульских представительств в Капане (Армения), Актау (Казахстан), Самарканде (Узбекистан) и Мале (Мальдивская Республика). Укрепляется кадровый состав отдельных посольств, происходит перераспределение дипломатических постов от стран Запада к точкам в дружественных государствах, где наблюдается интенсификация двустороннего взаимодействия.

Бокова Е. М. (МГУ, Москва)

Христиане и христианство в материалах сирийских оппозиционных СМИ в годы вооруженного конфликта

В свете недавнего прихода к власти в Сирийской Арабской Республике (САР) радикальных исламистских сил остро встает вопрос о правовом положении и общественно-политических перспективах христиан страны в новых условиях. Пристальное на первом этапе международное внимание к происходящему в Сирии, преимущественно со стороны западных стран, очевидным образом принуждает «переходное» правительство к осторожному отношению к христианским общинам, однако это не дает возможности сколько-нибудь надежного прогнозирования дальнейших государственных мер в религиозной сфере. Некоторым образом прояснить ситуацию, на наш взгляд, могут настроения в отношении христиан в среде принявшего «революцию» умеренного суннитского большинства, которое, как можно ожидать, будет задействовано в анонсированной Конференции по национальному диалогу.

В силу того, что основными рупорами оппозиционной повестки на протяжении конфликта в Сирии являлись собиравшие значительную аудиторию антиправительственные новостные ресурсы, исследование темы христиан и христианства как объекта внимания оппозиционной журналистики может стать перспективным для выяснения распространенного в этой среде видения христианского вопроса.

Мы рассмотрим три крупнейших сирийских оппозиционных новостных ресурса — Orient News, Enab Baladi и Baladi News. По материалам открытых систем веб-аналитики, количество посетителей веб-сайтов данных изданий варьируется от ~56 000 до ~31 4000 в месяц (по информации за ноябрь 2024 г.), причем треть и более посещений приходится на Турцию и Германию — основные, помимо Ливана, дестинации сирийской эмиграции с начала гражданской войны. Ввиду того, что после 8 декабря 2024 г. посещаемость этих сайтов возросла в 2–5 раз, можно сделать вывод об их актуальности в качестве рупоров оппозиционной повестки. Имеющаяся статистика в то же время не включает в себя просмотры с территории САР — сирийцы посещали заблокированные порталы оппозиционных СМИ преимущественно с использованием сервисов VPN, поэтому определить реальное число читателей внутри страны не представляется возможным.

В своем освещении событий, связанных с сирийским христианством, рассмотренные нами ресурсы были избирательны сообразно собственной политической повестке, что позволяет сделать некоторые умозаключения об их позиции в отношении христиан уже на этапе осмысления самих информационных поводов новостных статей. Одним из основных мотивов в новостном освещении упомянутыми СМИ сирийских христиан является взаимодействие последних с действовавшими в САР в годы конфликта политическими силами — официальным «режимом», курдскими формированиями, а также исламистскими группировками.

Христианский вопрос становится лакмусовой бумажкой аффилиаций и лояльностей: к примеру, протурецки-ориентированные Orient News и Baladi News с особой тщательностью разбирают преступления, якобы совершенные Автономной администрацией против христиан, проживающих на подконтрольных ей территориях, чего мы не встречаем у зарегистрированных в США в качестве НКО Enab Baladi. В контексте действий боевиков рассматриваемые издания также демонстрируют палитру настроений через призму христианского вопроса — от освещения творимых против христиан Идлиба беззаконий (по крайней мере до 2022 г., когда была запущена кампания по «ребрендингу» контролировавшего эту мухафазу террористического альянса Хайят тахрир аш-Шам¹) до сообщений о некотором попечении по отношению к ним со стороны Правительства спасения Сирии.

¹ Запрещена на территории РФ.

В то же время, акцентируя оппозиционные настроения среди христиан, данные новостные сайты стараются раскрыть противоречия между этнорелигиозными группами, традиционно рассматриваемыми в качестве опоры «режима», а также подчеркнуть единство сирийских христиан и мусульман перед лицом, с их точки зрения, государственного угнетения. Например, Enab Baladi оспорили добровольность подписания сирийскими христианскими священнослужителями коллективного письма, адресованного западным лидерам, с просьбой об отмене санкций против Башара Асада, а Baladi News в позитивном ключе осветили деятельность организации «Сирийские христиане за диалог и права человека», противостоящей эксплуатации правительством Асада т. н. «карты меньшинств».

В международных новостях христиане возникают все так же «инструментально» — в связи с проблемой иммиграции в Европе, деятельностью западных благотворительных организаций или в контексте российского влияния в Ближневосточном регионе — как повод затронуть волнующую оппозицию проблематику. При этом среди преимущественно нейтральных интонаций порой выявляются и точки напряженности: к примеру, в своей статье-рассуждении о природе сирийской «революции» редакторы Baladi News предложили читателям представить, как изменилось бы отношение к ней международной общественности, если бы ее участники были преимущественно христианами, а Orient News в преддверии одного из главных христианских праздников выпустили статью под заголовком «Христианское Рождество... Праздничные поздравления или ненависть и обман?», в которой назвали его поводом для «нападок» на мусульман.

Итак, несмотря на обусловленные индивидуальными лояльностями различия, общей для трех рассматриваемых изданий линией является оспаривание роли официального режима в качестве защитника христианского меньшинства с помощью особого акцента на новостях, демонстрирующих международному сообществу недовольство христиан своим положением и информации о преследованиях со стороны властей. Тем не менее, выбивая из рук режима Башара Асада «религиозную карту», сами оппозиционные СМИ сформировали дегуманизирующий христиан дискурс, в рамках которого последние существуют по большей мере как объект политических процессов и информационный повод для продвижения идеологической повестки.

Виноградов И. С. (ИКСА РАН, Москва)

Исторические права Китая на акваторию Южно-Китайского моря

В виду высокого геоэкономического значения Южно-Китайского моря (ЮКМ) проблема территориальных споров в его акватории остается крайне важной

в современных международных отношениях. Предметами споров в ЮКМ являются суверенитет над островами (архипелаг Спратли, на который претендуют КНР, Вьетнам, Филиппины, Малайзия и Тайвань и Парасельские острова — предмет споров КНР, Тайваня и Вьетнама), а также разграничение исключительных экономических зон (ИЭЗ) и континентального шельфа.

При этом наибольшие претензии на акваторию ЮКМ предъявляет КНР. Китайские притязания, обозначенные на карте U-образной линией, включают примерно 80 % акватории моря, накладываясь на исключительные экономические зоны других прибрежных государств.

Свои притязания на острова и акваторию ЮКМ Китай подкрепляет множеством исторических фактов. Многочисленные исторические источники, на которые ссылается КНР, показывают, что китайцы со времен империи Хань имели представление об этом регионе и давали названия островам и даже в разные периоды включали их в свои юрисдикции.

На некоторых островах и рифах были найдены керамические изделия, монеты времен империй Тан, Сун, и Мин. Однако уже в эпоху Цин принадлежность островов ЮКМ Китаю не так однозначна.

Так, например, на вьетнамской карте «Карте маршрутов из столицы в четырех направлениях» XVII в. подтверждается официальное управление островами Парасельские и Спратли вьетнамской династией Нгуенов. В свою очередь, на многих китайских картах эпохи Цин острова ЮКМ не упоминаются как часть Китая, хотя китайская сторона приводит и обратные картографические свидетельства.

Когда в Новое время в регион проникли европейцы, китайское присутствие на островах в ЮКМ фиксировалось в английских и французских публикациях начала XX в., есть свидетельства, что китайские рыбаки здесь жили.

После франко-цинской войны в 1885 г. был заключен Тяньцзинский договор, по которому Восточный Индокитай отошел к Франции. В китайской трактовке это был неравноправный договор. Тонкинский залив был поделен между двумя странами. При этом его большая часть со всеми Парасельскими островами отошла к Франции. Однако принадлежность Спратли определена не была.

Однако уже в 1933 г. Франция оккупировала несколько островов Спратли и включила их в состав колонии Французский Индокитай, что вызвало резкий протест со стороны Китайской Республики. В 1939–1945 гг. Парасельские острова и Спратли были заняты Японией. После Второй мировой войны правительство Гоминьдана вновь заявило о своих правах на острова в ЮКМ и предъявило карту ЮКМ с U-образной линией-границей Китая в ЮКМ.

На конференции в Сан-Франциско США и другие участники конференции в Сан-Франциско 1951 г. требования Китая отклонили. Парасельские острова были возвращены Вьетнаму, а архипелаг Спратли остался в составе французской колонии Кохинхина, и, возможно, если бы не война во Вьетнаме и победа Северного Вьетнама, по логике преемственности от Франции Вьетнам мог бы

юридически закрепить за собой суверенитет над островами. Однако этого не произошло. СРВ, впрочем, как и КНР на начальных этапах существования, находились в изоляции на международной арене, поэтому их претензии в полной мере не учитывались.

Таким образом, правовой вакуум по вопросу суверенитета над спорными островами привел к тому, что прибрежные государства стали заниматься захватом островов. Так, Китай, в 1974 г. вытеснил войска Южного Вьетнама с Парасельских островов. Уже с 1950-х гг. прибрежные страны стали устанавливать свои гарнизоны на Спратли, с 1988 г. Китай также стал захватывать рифы в этом архипелаге, а с 2013 г. заниматься созданием искусственных островов и военной инфраструктуры.

Ни у одной из сторон в ЮКМ нет убедительных доказательств исторического суверенитета над островами. Решение Постоянной палаты третейского суда в Гааге в 2016 г. по иску Филиппин против претензий и действий КНР в ЮКМ подтвердило, что претензии КНР на исторические воды в пределах линии U несостоятельны и, кроме того, хозяйственная и военная деятельность Китая вокруг спорных риф в пределах ИЭЗ других прибрежных государств ЮКМ нарушает их суверенные права и Конвенцию по морскому праву. Китай категорически отверг решение Гаагского Арбитража, тем самым поставив свои исторические права и юрисдикцию выше международного права.

Говоря о своих исторических правах, Пекин зачастую ссылается не на конкретное правительство в своей долгой истории, а на китайский народ. Например, «деятельность китайский народа в ЮКМ началась более 2000 лет назад». Можно сказать, что Пекин не разделяет понятия Китай как государство и китайский народ.

С точки зрения рассмотрения вод ЮКМ как исторических вод Китая можно найти контраргументы не в пользу Пекина. Международная юридическая практика (согласно меморандуму Секретариата ООН 1962 г.) требует фиксации непрерывного суверенитета над территориями конкретным государством и при этом согласия других сторон. Очевидно, что такого согласия у прибрежных стран нет. Также очевидно, что и суверенитет Китая над островами не был непрерывным. Учитывая, что в течение длинной истории Китая имели место состояния распада и собирания страны и большое количество сменявших друг друга династий (в т. ч. не китайских), сложно достоверно утверждать о четкой преемственности различных китайских династий и правительств в вопросе суверенитета или же отказа от притязаний на суверенитет над островами ЮКМ.

Таким образом, в вопросе преемственности власти Китая над островами ЮКМ имеется много пробелов, при этом китайские источники зачастую вступают в противоречие с источниками других прибрежных государств. Отсутствие у КНР и других участников территориальных споров достаточных международно признанных исторических оснований для признания своего суверенитета над спорными территориями в ЮКМ оставляет участникам спора самостоятельно определять средства для достижения консенсуса, в т. ч. и силовым путем.

Дегтярева О. В. (СЗИУ РАНХиГС, Санкт-Петербург); АГПУ, г. Бердянск, Запорожская обл.), Малькевич А. А. (АГПУ, г. Бердянск, Запорожская обл.)

Непотерянное поколение: ресурсы и потенциал вузов новых регионов РФ в условиях СВО и интеграционных процессов

С учетом процесса интеграции новых субъектов в российскую систему образования, все чаще в научном сообществе возникают споры о методах и подходах в обучении студентов, испытывающих сложности военного времени, но осуществляющих при этом свои профессиональные обязанности в качестве военнослужащих, военных и специальных корреспондентов, журналистов СМИ новых регионов РФ. В данном материале представлен перечень конкретных мероприятий, способствующих формированию у СВО-поколения необходимых профессиональных компетенций и надпредметных навыков, позволяющих выполнять свои служебные обязанности. Результаты научных исследований, проведенных экспертных и фокусированных интервью с военными корреспондентами, редакторами и журналистами СМИ новых регионов РФ, показали высокий уровень эффективности внедрения профориентированных проектов и игропрактик в образовательный процесс.

Как и в годы Великой Отечественной войны система высшего образования новых регионов Российской Федерации и сейчас выдерживает серьезные испытания. Среди студентов эвакуированных и восстановленных вузов новых регионов в значительном количестве присутствуют военнослужащие с передовой, военные корреспонденты, работники местных администраций, волонтеры и просто местные жители — те, для кого СВО стало определяющим драйвером развития. Перед педагогами и администрацией вузов остро встал вопрос о необходимости создания организованного, управляемого вовлечения участников СВО в мирную жизнь. Эта проблема крайне актуальна, ведь для свидетелей подобных «войн трех кварталов»¹ характерно одновременное ощущение себя в разных временных потоках и режимах существования: как в режиме повышенной опасности, так и в условиях мирного времени. Подобная среда формирует разные ориентиры и мотивационные тенденции. Сам вопрос мотивации боевой деятельности крайне противоречив ввиду того, что социальный мотив не всегда осознается военнослужащим, создавая тем самым предпосылку для возникновения острого внутриличностного конфликта. Об этом свидетельствуют результаты проведенного нами социологического опроса. К этому следует добавить специфические потребности этой категории студентов быть понятыми обществом, принятыми в систему социальных связей и отношений со своим статусом человека, добросовестно и честно выполняющего свой гражданский и воинский долг. В результате мы увидели, как студент ищет

¹ Караяни А. Г., Караяни М. Ю. Психологические последствия войны и социально-психологическая реадaptация участников боевых действий // *Вестник ЮУрГУ. Серия «Психология»*. 2014. Т. 7. № 4. С. 59–65.

способы адаптации к стресс-факторам через творческую и игровую образовательную деятельность. Не случайно К. Клаузевиц неоднократно подчеркивал, что «в бою человек тупеет... отдается во власть страха»¹.

Несомненно, психологическое встраивание студентов новых регионов РФ, выполняющих профессиональные обязанности военных и специальных корреспондентов, в систему социальных связей и отношений мирного времени — сложный и продолжительный процесс. Готовность и способность принимать участие в общественно-значимых мероприятиях часто выступает важным фактором стирания социальной стратификации² и способствует снижению степени психоэмоциональных перегрузок. В этой связи именно образовательный процесс может выступать пространством реадаптации, «поскольку профессия подвижна», той же «пластики» она требует от образовательной среды»³.

Формирование реадаптирующей среды способствует когнитивно-смысловой переработке травматической информации путем направления ее в конструктивное русло с привлечением людей с невоенизированной психикой. Важно внедрять практики, способствующие формированию инклюзивного сообщества, которое объединяло бы в себе все субъекты РФ. Работая в вузах разных регионов (Херсонская и Запорожская обл.), мы заметили расхождения в понимании того, что означает быть носителем национальной культуры, а также амбивалентность в установках и представлениях о социокультурной нормальности в умах нового поколения молодежи. С этой целью нами был предложен и внедрен перечень мероприятий, способствующих, с одной стороны, патриотическому воспитанию молодежи, а с другой — вовлечению в профессию журналиста со всеми присутствующими ей коммуникативными процессами и медиатехнологиями.

Для формирования профессиональных и надпрофессиональных компетенций и навыков нами были проведены ряд мероприятий, таких как, например: телемост на тему «Студент-студенту, жизнь и учеба в зоне СВО/новых субъектах РФ» и телемост «Студент-студенту: кадровый потенциал новых субъектов РФ (на примере Азовского ГПУ (г. Бердянск, Запорожская обл.) и студентов СЗИУ РАНХиГС)». Были привлечены специальные гости — сопредседатель Координационного совета по интеграции новых регионов при ОП РФ, советник губернатора Санкт-Петербурга А.Д. Беглова, военный корреспондент, кавалер ордена Мужества — А. А. Малькевич. В ходе телемоста были представлены репортажи студентов-военкоров о работе и жизни в зоне СВО, в частности Александры Павловой, которая является главным редактором радиостанции Z-FM и ТГ-канала «Первый Харьковский» и отмечена почетной наградой за заслуги в профессиональной

¹ Клаузевиц К. О войне. Избранное. М.: АСТ, 2018. 320 с.

² Федоров А. В. Специфика медиаобразования студентов педагогических вузов // *Педагогика*. 2004. № 4. С.43–51.

³ Ржанова С. А., Морозова А. С., Сафонов Е. А. Медиаобразование как способ достижения студентами творческой самозэффективности // *Общество: социология, психология, педагогика*. 2023. № 5. С. 122–127.

деятельности, выполнение служебных задач в условиях, сопряженных с риском для жизни. Результаты работы студентов оценивали журналисты телеканала ЛенТВ24 — авторы и ведущие программ Егор Ильченко и Егор Парфенов.

Успешной практикой можно считать мастер-классы, например, с профессиональным дипломатом, кандидатом исторических наук Ю. М. Рудаковым на тему «Деятельность спецкомиссии ООН по разоружению Ирака», с доктором исторических наук, профессором СПбГУ, востоковедом И. В. Герасимовым, которые вызвали положительные комментарии и конструктивную дискуссию по острым актуальным вопросам.

Реализация мер по укреплению образовательной методики на нынешнем этапе интеграции вузов новых регионов РФ требует последовательных шагов педагогического сообщества по формированию инновационных принципов функционирования высшей школы. Важна гармонизация образовательных стандартов, приобщение лидеров мнений в профессии и внедрение лучших практик. Новые кадры, обладающие высоким уровнем образования и обогащенные знаниями о культурно-исторических особенностях региона, могут выступить ключевым ресурсом для обеспечения согласия и солидарности между участниками региональных интеграционных процессов.

Замараева Н. А. (ИБ РАН, Москва)

Россия — Пакистан: движение навстречу (2014–2025 гг.)

Российско-пакистанские отношения пережили несколько этапов активизации в конце XX — первой четверти XXI в., что объяснялось спецификой региональной ситуации и внутривнутриполитическими вызовами в странах.

В 2007 г. премьер-министр РФ Фрадков с официальным визитом прилетел в Исламабад; но визит носил дипломатический характер, стороны не готовы были подписать инвестиционное или торгово-экономическое соглашение.

2014 год остается переломным для российско-пакистанских отношений. Представители дипломатических и военных ведомств обменялись несколькими визитами, что рассматривалось как большой сдвиг во внешней политике и политике безопасности Пакистана.

В июне 2014 г. советник премьер-министра Пакистана по вопросам национальной безопасности и иностранных дел Сартай Азиз в Москве встречался с главой МИД России С. Лавровым с целью развивать многоплановые отношения в сферах торговли, энергетики, развития инфраструктуры, обороны и культуры. Пакистан разработал масштабную программу по преодолению энергетического кризиса и выражал заинтересованность в приглашении российских компаний к участию.

Тогдашний министр обороны РФ С. Шойгу в ноябре посетил с официальным визитом Пакистан; он вместе с министром обороны А. Хаваджей подтвердил «активизацию военного и военно-технического сотрудничества двух государств». Стороны подписали рамочное соглашение, которое заложило правовую основу для налаживания сотрудничества оборонных ведомств двух стран в военной сфере, что позволило выйти на более широкий спектр оборонного сотрудничества. В рамках соглашения Пакистан закупил российские вертолеты Ми-35 «для активизации действий в борьбе с терроризмом».

В мае 2014 г. Х. Асиф участвовал в 3-й Московской конференции по международной безопасности. Тема стабилизации ситуации в Афганистане, его возвращение к мирной жизни имела особое значение. Россия и Пакистан подчеркнули необходимость конструктивного взаимодействия на региональном уровне. 2014 г. дал старт двусторонним военным учениям «Дружба», которые проходили попеременно в обеих странах.

Тема совместной борьбы с терроризмом и исламистским экстремизмом, контроля над наркотиками в регионе оставалась, как писали пакистанские СМИ, актуальной в критический для региона период, когда коалиционные силы НАТО готовились в январе 2015 г. передать ответственность за безопасность национальным силам безопасности Афганистана.

В прошлом у Пакистана и России были разногласия по афганскому кризису, но к 2014 г. они достигли взаимопонимания по региональным и международным вопросам. Глава оборонного ведомства Пакистана А. Хаваджа подчеркнул заинтересованность в стабильном Афганистане. Премьер-министр Н. Шариф подчеркивал необходимость «...способствовать безопасности в регионе, так как после вывода коалиционных войск НАТО из Афганистана безопасность будет более сложной задачей для Афганистана... и Пакистан хочет российского участия в афганском мирном процессе... Мы должны забыть, что сделала Россия в прошлом, и с нетерпением ждем нового этапа развития отношений в регионе».

В дальнейшем стороны участвовали в различных двусторонних и региональных форматах по вопросам безопасности. Военные ведомства двух стран были главным локомотивом российско-пакистанских отношений, что не случайно, поскольку генералитет Пакистана традиционно играет важную роль (во многих ситуациях определяющую) во внешней политике страны.

Тогда же, в 2014 г., Россия полностью поддержала вступление Пакистана в ШОС в качестве полноправного члена. Пакистан также проявлял заинтересованность в доступе к российскому рынку по сухопутному маршруту.

Одним из вызовов российско-пакистанским отношениям стали настойчивые требования Европейского союза к Исламабаду осудить вхождение Крыма в состав России. Правительство премьер-министра Н. Шарифа заняло осторожную позицию и избегало официальной критики Москвы. Исламабад заявлял о необходимости проявить сдержанность для достижения мирного урегулирования.

Пакистану было сложно игнорировать критику стран ЕС, учитывая, что Брюссель оставался важным торговым партнером Исламабада на протяжении многих лет. Двусторонняя и многосторонняя помощь ЕС и стран-членов составляла 600 млн евро в год; объем товарооборота в 2013 г. достигал свыше 8 млрд евро (20 % от общего объема торговли Пакистана). Ожидалось, что благодаря льготному режиму доступа на рынок GSP+, который вступил в силу в 2014 г., объем пакистанского экспорта в ЕС значительно вырастет. Власти Исламабада подчеркивали, что улучшение связей между Исламабадом и Москвой развивается не за счет отношений с другими странами. При этом министр обороны Х. Асиф указывал, что «Россия является большой региональной державой, и Пакистан не может игнорировать ее».

С другой стороны, визит министра обороны России С. Шойгу в Иран вызвал раздражение властей Индии: Нью-Дели оставался одним из приоритетных заказчиков российской военной техники и одновременно непримиримым оппонентом Исламабада.

Постепенно развивалось торгово-экономическое сотрудничество между Россией и Пакистаном, хотя объем товарооборота в 2014 г. составил всего \$542 млн, что, по заявлению пакистанской стороны, не соответствовало их торговому потенциалу.

Дипломатический прорыв 2014 г. «перезапустил» российско-пакистанские отношения. В дальнейшем встречи в двустороннем и/или многостороннем формате проходили на постоянной основе.

В 2017 г. Исламская Республика Пакистан стала полноправным членом Шанхайской организации сотрудничества.

В 2019 г. Россия в ответ на запрос Пакистана согласилась помочь модернизировать железнодорожную инфраструктуру. Это отвечало общей цели увеличить объемы двусторонней торговли за счет активизации предпринимательской деятельности частного сектора. Тогда же стороны обсудили возможность направить российские инвестиции на возрождение пакистанского металлургического завода PakSteel в Карачи. Постановка вопроса об инвестициях стала возможной после решения властями Пакистана торговых споров, длившихся с советских времен. Правительство Пакистана уполномочило своего посла в России подписать соглашение, в соответствии с которым Исламабад вернул Москве \$93,5 млн в течение 90 дней с момента подписания и четкого рассмотрения претензий экспортеров на сумму \$23,8 млн. Соглашения об урегулировании были достигнуты в октябре 2016 г. и декабре 2017 г.

В 2024 г. объем двусторонней торговли между двумя странами составил от 800 до 900 млн долл., и в ближайшие годы планируется значительно увеличить эту цифру. В июле 2024 г. Исламабад изучал предложение заключить многомиллиардное соглашение о строительстве трубопровода сжиженного природного газа (СПГ) с Россией. Подписание контракта будет способствовать ослаблению энергетического кризиса в Пакистане и росту его экономики. Кроме того, пакистанская

сторона ожидает в перспективе подписания Соглашения о свободной торговле по аналогии Пакистано-китайского договора о свободной торговле (2019 г.) и Российско-иранского соглашения (2024 г.).

Зелтынь А. В. (Школа востоковедения, ФМЭИМПб, НИУ ВШЭ, Москва)

Между идеей и реальностью: «невосточные» проблемы Ближнего Востока.

Израиль и соседи. О чем думали «отцы» идеи двух государств и что думают об этом их «дети»

Проблемы безопасности в регионе MENA всегда были многомерными — местными, региональными и геостратегическими, но всегда с высоким потенциалом значительного глобального эффекта. Географически регион находится на перекрестке континентов и выступает в качестве первой линии обороны не только для потоков мигрантов и беженцев, но и перед современными проявлениями международного терроризма. С религиозной точки зрения это родина трех основных религий и центр крупного межконфессионального противостояния. В политическом плане он стал игровой площадкой для гегемонистских государств, самодержавных монархов, тоталитарных диктаторов, сектантских полевых командиров и безжалостных террористических групп, которые покупают лояльность и поддержку населения с помощью подкупа и угроз, действуя часто за счет наиболее уязвимых слоев населения. В военном отношении этот регион является самым милитаризованным из всех регионов, в нем происходит больше всего вооруженных конфликтов, и, согласно данным Стокгольмского международного института исследования проблем мира (SIPRI) за 2021 год, он является регионом с наибольшим количеством военных интервенций как со стороны международных, так и региональных игроков¹.

События последних двух лет показали, что устоявшиеся модели и подходы к политическим процессам на Ближнем Востоке растеряли свою актуальность. Система региональной безопасности, начавшая давать трещину сразу после поспешного ухода США из Афганистана, практически перестала функционировать в привычном режиме. На фоне серьезных изменений в расстановке сил в Леванте идет кардинальная трансформация отношения арабских политических элит к вопросам урегулирования на Ближнем Востоке. Основные позиции, имевшие некогда императивный характер, например решение о двух государствах в Палестине, девальвируются на фоне новых проблем. При этом альтернативные решения либо отсутствуют, либо не слышны за хором привычных политических заявлений.

¹ <https://perconcordiam.com/geopolitical-shifts-in-the-middle-east/> (дата обращения: 01.02.2025).

В регионе возникают новые, иногда не слишком ожидаемые, центры силы, такие как Турция, все сильнее заявляющая о своих имперских устремлениях. Последние заявления и действия Эрдогана вызывают беспокойство ближайших соседей, которые видят тенденцию реинкарнации Османской империи на отдельно взятых территориях. Учитывая статус Турции как члена НАТО и отсутствие критики ее действий со стороны внешних влиятельных акторов, угроза для соседей становится реальной и, возможно, приведет к серьезным последствиям.

Несмотря на триумфальную победу над ИГИЛ, Ближний Восток остается заложником негосударственных исламистских движений, стремящихся если не к всемирному халифату, то как минимум к созданию регионального хаоса, в условиях которого возникают условия для альтернативной хозяйственной деятельности. Как и в 60–70-х годах в Европе террористические группы превращаются в субъекты бизнес-процессов, формируя альтернативную экономику¹. Более того, в большинстве случаев именно процесс извлечения прибыли, а отнюдь не строительство идеального мира становится прочной основой функционирования экстремистских сообществ исламистского толка². И это, вне всякого сомнения, есть новый серьезный вызов региональным элитам. Судя по всему, к подобным вызовам оказались не готовы ни региональные, ни международные акторы.

Тем не менее центральной проблемой обеспечения безопасности на Ближнем Востоке продолжает оставаться палестино-израильский конфликт. Главная причина конфликта — невозможность обустройства арабского государства в Палестине, то есть, исполнения резолюции 181 Генеральной Ассамблеи ООН от 1947 года. Подчеркнем эту дату. То есть 78 лет формула не работала. Существует множество объяснений тому, почему Израиль и палестинцы так и не смогли прийти к согласию. Почему Ясир Арафат, а затем и Махмуд Аббас отказались от реалистичных предложений со стороны Израиля под предлогом незаконченности предложений в первом случае и окончания срока Ольмерта в кресле премьера Израиля во втором. А потом, конечно, волна правого сентимента в Израиле, которая делает все труднее переговоры по вопросу двух государств. Странно, что почти никто не говорит о том, что, поскольку формула не сработала в течение 78 лет, то, скорее всего, она уже не сработает³. И нужно искать другое решение. Но прежде всего внешние игроки во главе с ООН продолжают настаивать на тупиковом варианте, сея несбыточные надежды, которые, как известно, часто приводят к трагедии.

События последних двух лет, отсчет которым мы ведем от 7 октября 2023 года, показали, что Израиль занимает центральное место в процессах, происходящих в Леванте и затрагивающих напрямую весь регион. Неожиданные результаты конфликта между ХАМАС и Израилем привели к серьезным сдвигам в балансе сил, таким как приход исламистов к власти в Сирии, последствия которого еще

¹ <https://lenta.ru/articles/2015/11/23/business/> (дата обращения: 01.02.2025).

² <https://ctc.westpoint.edu/understanding-al-qaidas-business-model/> (дата обращения: 01.02.2025).

³ <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/kvartirnyy-vopros-v-palestine/> (дата обращения: 01.02.2025).

предстоит увидеть. Действия Израиля против Хизбаллы и КСИР в Сирии реально создали условия для смены власти в Дамаске и вывели Иерусалим на траекторию, ведущую к вероятности прямого столкновения с Турцией (членом НАТО) на территории третьей страны. Такое развитие событий позволяет сделать вывод, что группа «Израиль и его соседи» является чем-то большим для современного Ближнего Востока, чем мы могли бы предположить.

В связи с этим возникает вопрос о том, какую же роль в ближайшем будущем будут играть внешние акторы Россия и США в ближневосточном контексте и будет ли их роль актуальна для региона на среднем горизонте. Вопрос этот не праздный. Ответ на него мог бы дать представление о том, смогут ли внешние игроки вернуться, например, к роли внешних гарантов безопасности в регионе. Или это уже несбыточные мечты о прошлом, и политические элиты Ближнего Востока будут сами принимать решения, связанные с безопасностью и стабильностью, навязывая свой нарратив внешним акторам. Что, кстати, они делают уже сейчас, если судить по действиям Турции и Катар.

*Кочарян В. К. (Экспертно-аналитический отдел Секретариата
Парламентской Ассамблеи ОДКБ)*

Архитектура евразийской безопасности: фактор миграции

Изучая разрушительную природу евразийской дуги нестабильности и кризиса послевоенных основ континентальной безопасности¹, в том числе с позиций учения Сунь-цзы, следует исходить из системного многообразия межгосударственных отношений, определяемых экономическими, политико-дипломатическими, военными, гуманитарными и прочими составляющими.

Рассматривая данную гипотезу в качестве постулата, органам управления важно располагать представлением о полном спектре вызовов и угроз из арсенала гибридного воздействия, понимать и непрерывно отслеживать эволюционные изменения профильных технологий, форм и средств.

Проецирование классических законов войны² на реалии современности, обусловленные очередным витком цивилизационного развития, актуализирует поиск эффективных путей отстаивания национальных интересов, суверенитета и безопасности, высвечивает новые грани анализа и прогнозирования международной обстановки.

¹ Имеется в виду Вторая мировая война.

² Хо Ши Мин. Законы войны Сунь-цзы. 1945–1946 / отв. ред. В. С. Мясников, сост. и пер. с вьет. В. Н. Колотова. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2022. 224 с. С. 24. EDN: SUOJED.

Ведущими принципами решения данной задачи традиционно выступает достоверность исходных данных в совокупности с вариативностью методов исследования. Но еще более значимым представляется переход от реактивного к активному опережающему управлению при широком использовании сравнительно-исторического метода, ситуационного моделирования, расчетов ключевых показателей и рисков. Именно в этом случае создаются необходимые условия для наименее затратного достижения стратегических целей, ибо, согласно законам Сунь-Цзы, война — путь обмана, что позволяет победить и до сражения, равно как и при эскалации, навязываемой внешними акторами и третьими сторонами, спонсирующими нестабильность.

Особая роль при этом отводится фактору миграции, способному как позитивно, так и негативно влиять на ключевые ресурсы — население страны и, соответственно, потенциал движущих сил в любой области общественно значимой деятельности.

В то же время движение к целям устойчивого развития, продвигаемым под эгидой ООН, является программно-плановым процессом, демонстрирующим успехи в области создания оптимальной социально-экономической среды.

В этой связи ответственное отношение и успешное урегулирование миграционных потоков на фоне конкуренции глобальных и региональных центров силы старой и новой формации создает ощутимое преимущество в глазах международного сообщества и граждан — источника демократической власти. История знает немало примеров тому, как масштабная миграция меняет геополитический ландшафт целых континентов, оставаясь естественным средством спасения и повышения уровня жизни, методом освоения и интеграции новых территорий, но также — колонизации и внешнего давления.

Поэтому классифицировать движущие силы и механизмы миграции — неизбежного результата и одновременно инструмента гибридного противостояния — значит получить возможность научно-обоснованного, а главное, упреждающего экзистенциального влияния на ситуацию.

Лобов Р. Н. (РИСИ, Москва)

Корейский «участок» «Дуги нестабильности»: внутриполитические аспекты

Вторая половина 2024 г. — первая треть 2025 г. прошла для Республики Корея под знаком внутриполитической нестабильности. Текущий политический кризис имеет три измерения. *Первое* из них — это формировавшиеся в течение многих лет противоречия между правоконсервативным и прогрессистским лагерями южнокорейской политики. Результаты социологических опросов в течение 2022 — начала 2025 г. как правило демонстрировали статистически равный уровень поддержки

двух политико-идеологических течений¹. Исключение составил декабрь 2024 г., когда из-за неудачной попытки введения президентом РК Юн Согёлем военного положения разрыв между правоконсервативной Гражданской силой (кор. 국민의힘) и прогрессистской демократической партией «Тобуро» (кор. 더불어민주당) мог быть двукратным.

Второе измерение внутривнутриполитического кризиса в РК связано с качественным переходом межпартийной полемики в противостояние между исполнительной и законодательной властями. С 2020 г. уверенное большинство мандатов в Национальном собрании контролирует демократическая партия «Тобуро». Хотя по итогам парламентских выборов 2024 г. «Тобуро» не удалось завоевать квалифицированного большинства (свыше 200 мест), которое давало бы возможность, например, в одностороннем порядке вносить изменения в конституцию или принимать решение об импичменте в отношении главы государства, прогрессисты подтвердили обладание «простым большинством»² в парламенте.

В свою очередь, победа на президентских выборах в мае 2022 г. Юн Согёля, выступившего кандидатом от «Гражданской силы», привела к переходу исполнительной власти в руки консерваторов. Попыткой найти компромисс между властью и оппозицией в РК стало назначение Хан Доксу на должность премьер-министра страны: деятельность этого политического тяжеловеса, уже возглавлявшего кабмин в 2006–2007 гг. (в период президентской каденции Но Мухёна), призвана была хотя бы смягчить существующие противоречия.

Третье измерение затрагивает комплекс проблем, связанных с влиянием внутривнутриполитических противоречий на общенациональное согласие внутри самой РК. Несогласие во взглядах на политическую ситуацию между пожилыми (старше 65 лет) гражданами страны и гражданами среднего возраста (40–50 лет), сохранение фактора «региональной неприязни» (в первую очередь между регионами Хонам³ и Ённам⁴). Межпоколенческие и межрегиональные трения дошли до

¹ См. напр.: 데일리 오피니언 제610호(2025년 1월 4주) — 장래 정치 지도자 선호도, 대선 결과 기대, 대통령 탄핵, 정당별 신뢰 여부, 부동산 집값·임대료 전망, 집 소유 인식 (1월 통합 포함) (*Daily opinion*. 4-я неделя января 2025 г. № 610: рейтинг предпочтений перспективных политических лидеров, ожидаемые результаты президентских выборов, импичмент президента, вопрос о доверии политическим партиям и др. Объединенные данные за январь) // 갤럽리포트 (Гэллоп рипхотхы). 2025. 23.01. URL: <https://www.gallup.co.kr/gallupdb/reportContent.asp?seqNo=1539> (дата обращения: 15.01.2025).

² Демократическая партия «Тобуро» контролирует 170 мест в Национальном собрании, Гражданская сила — 108 мест (декабрь 2024 г.).

³ Регион Хонам (кор. 호남지방 湖南地方) расположен в юго-западной части Республики Корея. Он включает в себя территорию «исторической» провинции Чолла, существовавшей до реформ года кабо (1894–1895 гг.). Ныне под Хонамом понимают географическое пространство, куда входят пров. Северная и Южная Чолла, а также г. Кванчжу. С политической точки зрения регион считается главной электоральной базой прогрессистов и левых.

⁴ Регион Ённам (кор. 연남지방 嶺南地方) расположен в юго-восточной части Республики Корея. Он включает в себя территорию «исторической» провинции Кёнсан, также существовавшей до реформ года кабо (1894 — 1895 гг.). Ныне под Ённамом понимают географическое пространство,

такой степени, что обозреватели информационного агентства «Ёнхап» в преддверии наступления Нового года по лунному календарю призывали аудиторию сохранять гармонию в семье, избегать политических дискуссий, не устраивать совместных просмотров информационных программ ТВ и даже не оставлять на видном месте газеты¹.

Кульминацией внутривнутриполитического кризиса в РК стало введение главой государства режима чрезвычайного военного положения (кор. 비상계엄 非常戒嚴). Однако решение президента страны встретило сопротивление гражданского общества и усилиями депутатов Национального собрания действие чрезвычайных мер было отменено. Результатом этих событий явилось две попытки объявления импичмента президенту РК, вторая из которых оказалась успешной, инициированное Управлением по расследованию коррупции среди высокопоставленных чиновников (кор. 고위공직자범죄수사처 高位公職者犯罪搜查處, сокр. 공수처 公搜處) следственных действий в отношении Юн Согёля по обвинению в превышении полномочий и попытках антигосударственного мятежа.

Внутриполитический кризис в Республике Корея в значительной степени ограничил возможности Сеула по оперативному реагированию на внешнеполитические вызовы, главным из которых стало влияние «фактора Трампа» на перспективы развития американо-южнокорейских отношений и будущее сотрудничества в рамках «треугольника» Вашингтон — Сеул — Токио. Поскольку сложившаяся в Южной Корее управленческая модель предусматривает наделение президента широкими полномочиями при формировании внешнеполитического курса, до стабилизации внутриполитической ситуации дипломатия РК в первой трети 2025 г. вынуждена была придерживаться тех концепций, которые были приняты администрацией Юн Согёля в самом начале его каденции.

Мокрушина А. А. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

Критика канала «Ал-Джазира»: взгляд через карикатуру

Канал «Ал-Джазира», получивший прозвище «арабская CNN», начал свою деятельность 1 ноября 1996 г. Каналу был предоставлен пятилетний кредит от катарского правительства. Несмотря на то, что канал всегда позиционировал себя

куда входят пров. Северная и Южная Кёнсан, а также г. Тэгу, Пусан и Ульсан. Пров. Северная Чолла и в особенности г. Тэгу имеют репутацию «заповедника консерватизма» в Южной Корее. Проконсервативные настроения пока весьма заметны и в Южной Чолла, а также Ульсане и Пусане, однако там наблюдается некоторый дрейф политических настроений в пользу прогрессивных и левых партий.

¹ 취업·결혼 묻지 말라?...올 설엔 '카뉴스 틀지않기' 행동강령 (Не задавать вопросов о трудоустройстве или свадьбе? План действий в этот соллаль: не смотреть новости о Юн Согёле!) // 연합뉴스 (Ёнхап нюсы). 2025. 19.01. URL: <https://www.yna.co.kr/view/AKR20250117159500004> (дата обращения: 15.01.2025).

как независимый, многие понимали, что в действительности ситуация обстоит иначе, в первую очередь, из-за финансовой зависимости «Ал-Джазиры».

Изначально «Ал-Джазира» вещала шесть часов в сутки на арабские и европейские страны, но уже в феврале 1999 г. она стала первым в Арабском мире круглосуточным новостным каналом.

Деятельность канала неоднократно вызывала критику со стороны как западных, так и арабских стран. Однако наиболее жесткое осуждение деятельности последовало в адрес «Ал-Джазиры» после событий «Арабской весны». Канал обвиняли в распространении заведомо ложной информации при освещении событий, происходивших в регионе. В этот период «Ал-Джазира» потеряла часть своей аудитории, а на страницах СМИ и социальных сетей все чаще появлялись статьи, заметки и карикатуры, наглядно осуждающие деятельность канала. Так, «Ал-Джазиру» критиковали за попытки представить ситуацию в Египте и Ливии так, как это было выгодно катарским властям, а также обвиняли в сознательном стремлении посеять раздор и смуту, что, по сути, привело к гражданской войне в этих странах. Последовавшая за этим череда увольнений сотрудников канала лишь подкрепила уверенность общественности в своей правоте.

В течение последующих лет репутация «лживого» канала продолжает преследовать «Ал-Джазиру». Наиболее активно карикатуры подобного содержания появлялись на страницах саудовских СМИ. Так, саудовское издание «Седьмой день» в течение нескольких лет регулярно публиковало серию карикатур, подчеркивающих роль «Ал-Джазиры» в распространении ложной информации. При этом необходимо отметить, что, делая подобные заявления, саудовские СМИ транслировали официальную позицию своего государства.

На одном из подобных изображении диктор канала «Ал-Джазира» получает премию Оскар в номинации «самый лживый канал» (февраль, 2020). На другом — рука, появляющаяся из экрана, подписанного «Ал-Джазира», закрашивает глаза человеку — «катарский народ» (май, 2020). В июне 2020 г. это же издание поместило на свои страницы карикатуру под названием «“Ал-Джазира” на свалке истории». На изображении разозлившийся человек пинает телевизор с эмблемой «Ал-Джазиры», который летит в сторону урны, подписанной «свалка истории».

Другое саудовское издание «Ал-Муватин» также критиковало деятельность канала. В 2017 году оно опубликовало короткую заметку с информацией о том, что Управление по туризму КСА призвало все отели страны заблокировать вещание «Ал-Джазиры», в противном случае нарушитель должен будет уплатить штраф. Заметка сопровождалась изображением, на котором сатана стоит рядом с эмблемой «Ал-Джазиры».

Йеменское издание «Ал-Шахара нэт» в январе 2017 года опубликовало сразу две карикатуры с критикой политики каналов «Ал-Джазира» и «Ал-Арабия». Первое изображение называется «Ал-Арабия, «Ал-Джазира» и арабское сознание». Автор карикатуры поместил в центр рисунка перекладину виселицы, одна сторона которой подписана «Ал-Джазира», а другая — «Ал-Арабия». В центре на веревке висит мозг, а подпись снизу гласит: «Осторожно! Не губи свой рассудок!»

Вторая карикатура, появившаяся в этом же издании, изображает половину эмблемы канала «Ал-Джазира», переплетенного с половиной шестиконечной звезды, с которых капает кровь.

Карикатуру аналогичного содержания опубликовало марокканское издание *Nespress* в июне 2023. На изображении марионетка с подписью «Ал-Джазира» шагает в пропасть, ведомая рукой кукольника. За ее спиной зритель видит табличку «Свобода слова».

В целом критика в адрес «Ал-Джазире» звучала чаще в формате открытых заявлений и реже в виде карикатуры. Тем не менее анализ доступного материала позволяет сделать ряд выводов. Так, карикатурой как средством политической борьбы чаще пользуются саудовские СМИ, которые проявляют больше фантазии в обыгрывании темы. Достаточное количество изображений, критикующих деятельность «Ал-Джазире», представляет собой в большей степени коллаж с соответствующим текстовым комментарием, чем карикатуру.

Петросян Л. Р. (ФВКИ ЕГУ, Ереван)

Особенности транспортных и энергетических коридоров на Ближнем Востоке: иранская перспектива

Международные транспортные коридоры играют решающую роль в сотрудничестве и развитии стран, участвующих в них. Такие коридоры являются осями формирования определенных геоэкономических регионов, особенно на Ближнем Востоке.

Уникальное географическое положение Персидского залива в межконтинентальных коммуникациях — одна из причин быстрых геополитических и геоэкономических изменений в этом регионе. В последние годы наряду с усилением международной конкуренции за более широкое присутствие в Индийском океане и регионах Персидского залива между США и их союзниками, с одной стороны, и Китаем, Россией, Ираном и Индией — с другой стороны, Персидский залив вновь приобрел важность не только с точки зрения политики и безопасности, но и с точки зрения экономики.

Исследование рассматривает коридоры: Индийский «Север — Юг», «Персидский залив — Черное море», российско-иранский альтернативный маршрут через Каспийское море, Турецкий «Средний коридор», проект «Сухого канала» Басра — Турция, транспортные коридоры Катар — Сирия — Болгария — Европа и перспективы их развития.

Для того чтобы воспользоваться своим уникальным географическим положением и добиться экономических выгод, Иран должен как можно быстрее активировать как коридор «Север — Юг», так и коридор «Персидский залив — Черное море». Для этого Иран может использовать региональные и глобальные платформы, такие как Евразийский экономический союз и Шанхайскую организацию

сотрудничества, чтобы заключить общие соглашения по вопросам транзита, таможи, страхования и банковских операций между странами. Также Иран может работать над завершением или улучшением связности этих коридоров. Эти меры дадут Ирану возможность укрепить свою транзитную и экономико-политическую позицию в регионе и предоставить ему несколько вариантов на будущее. Индийский коридор «Север — Юг», рассматриваемый как альтернатива торговому маршруту Суэцкого канала, открывает эффективный и простой путь для Индии в Иран, Россию, Азербайджан, страны Балтии, Европу и Азию.

Международный транспортный и транзитный коридор «Персидский залив — Черное море» — это многомодульная и комбинированная сеть морских, железнодорожных и автомобильных грузовых маршрутов, соединяющая Иран, Армению, Грузию, Болгарию и Грецию. Иран является доверенным лицом соглашения и сыграл центральную роль в установлении транзитного маршрута в Черноморский регион как «забытый мост Тегерана в Европу» с момента его создания в 2016 г. Тем не менее коридор «Персидский залив — Черное море» сталкивается с серьезными препятствиями и вызовами, и в этих условиях подключение иранской железной дороги к Кавказу и Армении, а также строительство автомобильной магистрали «Север — Юг» в Армении и глубоководного порта Анаклия на Черноморском побережье Грузии могут расширить возможности коридора. Это также может укрепить более широкое Черноморское экономическое сотрудничество (ЧЭС).

Россия может надеяться на улучшение своей переговорной позиции с Китаем и Турцией, а также на дополнительный удовлетворительный доход при условии, что она сможет увеличить продажи по приемлемым ценам. Помимо Ирана Россия может нацеливаться на рынки Омана, Пакистана и Индии.

«Средний коридор» (СК), официально известный как Инициатива Транскаспийского Восточно-Западно-Центрального коридора, является проектом, который отражает мечту Турции о создании транспортных сетей с Китаем и Центральной Азией. После окончания холодной войны и распада Советского Союза Каспийский регион стал новым полем борьбы для региональных держав. Поскольку правовой статус Каспийского моря остается неопределенным, Запад и Россия начали конкурировать за контроль над нефтяными и газовыми богатствами Каспийского региона. С одной стороны, целью Москвы было ограничить конкуренцию в области продаж газа, препятствуя добыче и транспортировке энергетических ресурсов из Каспийского региона в Европу. С другой стороны, Запад стремился укрепить политическую и экономическую независимость каспийских государств, чтобы нейтрализовать влияние России, Ирана или Китая в регионе. Турция также имела планы доминировать в этом регионе, связывая все каспийские государства с помощью железнодорожных сетей. Таким образом, первым фактором в вопросах транскаспийского сотрудничества стали нефтяные и газовые ресурсы, принадлежащие прикаспийским государствам.

Проект по соединению Ирака с Турцией с помощью железных дорог, портов и городов привлек внимание сторон в 2023 г. Ирак стремится сократить время

сообщения между Азией и Европой через Турцию с помощью строительства «Большого порта Ал-Фау» — первой фазы проекта «Дорога развития», когда он станет транспортным узлом. С помощью иракского «Шелкового пути» создается альтернативный маршрут Суэцкому каналу, чтобы облегчить более быстрые и эффективные торговые потоки. Завершение проекта намечено на 2025 г., а его предполагаемая стоимость составит 17 миллиардов долларов.

Катаро-Сирийско-Болгарско-Европейский транспортный коридор — это многомодульный маршрут, предназначенный для связи огромных природных газовых ресурсов Катара с европейскими рынками и облегчающий транспортировку товаров и энергии из региона Персидского залива в Европу. Проект направлен на укрепление энергетических связей между Ближним Востоком и Европой, а также на развитие торговых маршрутов. Хотя этот коридор имеет огромный потенциал, он также сталкивается с рядом проблем, особенно в связи с политической ситуацией в Сирии и на Ближнем Востоке в целом. Реализация этого коридора потребует политической стабильности в Сирии, международного сотрудничества и значительных инвестиций в инфраструктуру, чтобы он стал жизнеспособным и устойчивым маршрутом для транспортировки газа и товаров в Европу.

Филин Н. А. (РГГУ, Москва), Кокликов В. О. (РГГУ, Москва)

Образ России в материалах Информационного агентства Исламской Республики Иран (ИРНА) до и после начала СВО

Для исследования образа России до и после начала СВО была создана база данных, содержащая текст и метаданные статей, полученные с сайта www.irna.ir. Также был создан программный аппарат обработки полученных текстов. Был осуществлен сбор новостных статей с сайта ИРНА, подсчет частоты встречающихся слов и словосочетаний. Все данные в собранной базе были проиндексированы, что позволило осуществлять быстрые запросы к ней. Содержание самих статей было подвергнуто первичной обработке, при которой дата по иранскому календарю конвертировалась в дату по григорианскому календарю, также были произведены некоторые унификации в языке текстов. Подсчет частотности был осуществлен по n-gram. Данные были представлены по количеству публикаций по годам, темам и подтемам. Подсчет был выполнен до n-5.

На основе разработанной методики был проведен анализ образа России в информационном агентстве ИРНА в период с 2021 по 2023 г., включающий год до начала СВО и год после ее начала. В научный оборот было введено более 30 000 информационно-новостных сообщений на персидском языке, содержащих слово «Россия» (روسیه).

Было установлено, что за период с 24.02.2021 по 23.02.2022 основной интерес к России был связан с мировой политикой и ключевыми событиями в мире. Стоит

отметить, что встречаемость в новостях выражения «президент России» составила 2064 случая, в то время как «президент США» — 1060. Слово «Россия» встречалось также в контексте сюжетов, связанных с Организацией ШОС (1300 случаев) и ООН (998 случаев). Представляет интерес сравнение частоты встречаемости сочетаний «Россия и Китай» (1298 случаев) и «Россия и США» (885 случаев).

Количество сообщений, содержащих одновременно слова «Россия» и «Иран», составило 6918 случаев. При этом большинство таких новостей связано с переговорным процессом по иранской ядерной программе в Вене (2565), с Республикой Азербайджан (2204), а также деятельностью совместной комиссии по СВПД (893).

С 23.02.2022 по 24.02.2023 количество новостей со словом «Россия» составило 19507. В этот период в новостных сообщениях, связанных с Россией, большое внимание уделялось причинам начала СВО. Ответственность за развитие конфликтного сценария в таких сообщениях возлагается на Запад в связи с пренебрежением к обеспокоенности России относительно безопасности (2553). Сочетание «Россия и Украина» встречается 3756 раз, «война в Украине» — 3619 раз, ШОС — 1744 раза.

Количество сообщений, содержащих одновременно слова «Россия» и «Иран», составило 6376. Большинство данных сообщений связано с ООН (1851 случай употребления), ШОС (1649), МАГАТЭ (812), Россия и Украина (1187). Отдельно стоит отметить, что количество выражений «духовный лидер» составило 753 случая.

Подводя итог, можно отметить, что наряду с напряженной мировой повесткой, за которой Иран пристально следит, для Исламской Республики представляют огромный интерес интеграционные процессы, ведение переговоров по ядерной программе, а также заданные цели развития взаимной торговли с Российской Федерацией.

Также было установлено, что, несмотря на некоторое увеличение количества сообщений о России за год после начала СВО, число сообщений, содержащих одновременно слова «Россия» и «Иран», несколько уменьшилось во второй исследуемый период. Это может свидетельствовать о невысокой степени важности российской повестки в иранском социально-политическом дискурсе даже после кажущегося сближения двух стран после начала СВО.

Фурсова Е. Н. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

Единый Магриб — перспективный союз или громкий лозунг?

Мы привычно воспринимаем Магриб¹ как некий единый географический регион, объединенный общей древней историей, самобытной культурой, с относительно

¹ Магриб (араб.: *ал-магриб* — «место, где заходит солнце; запад») означает западную часть Арабского мира в противоположность его восточной части — Машрику (араб.: *ал-машрик* — «место, где восходит солнце; восток»).

однородным арабо-берберским населением, определяющим его особый языковой ареал. В этом контексте тема единства Магриба¹ может показаться лишенной проблематики. С одной стороны, тезис о причастности к судьбе Великого, или Арабского, Магриба вписан в текст конституций практически всех государств-членов Союза арабского Магриба (САМ)², что свидетельствует о признании этими народами, по крайней мере, общих цивилизационных корней и исторических предпосылок для объединения — будь то культурные, экономические или политические союзы. С другой стороны, учитывая неоднозначные попытки последних десятилетий политической и экономической интеграции в регионе, актуальность вопросов безопасности и пограничных конфликтов, рост влияния берберского фактора и другие проблемные аспекты, эта тема заслуживает более пристального внимания.

Безусловно, проблематика «единства Магриба» волнует и самих магрибинцев. Например, этой теме было посвящено развернутое интервью крупнейшего марокканского мыслителя нашего времени и одного из наиболее выдающихся в Арабском мире — Абдаллаха Ларуи (род. в 1933 г.), опубликованного в 2022 году в марокканском историческом журнале «Заман»³. В публикации, озаглавленной «Магриб — идея элиты»⁴, А. Ларуи рассуждает о судьбе Магриба сквозь призму истории и перспектив развития этого региона с точки зрения его общего будущего. Историк приходит к выводу, что, несмотря на попытки элит стран Магриба реализовать идею регионального экономического единства⁵, у народов этого региона — в первую очередь, тунисцев, алжирцев и марокканцев — в целом различаются представления о их будущем и о магрибской идентичности. Вместе

¹ В настоящее время для обозначения региона Северной Африки — Магриба в арабском языке существует термин «*ал-магриб ал-'араби*» (Арабский Магриб) или «*ал-магриб ал-кабир*» (Большой, или Великий, Магриб). В него входят Мавритания, Марокко (с Западной Сахарой), Алжир, Тунис и Ливия. Отметим, что до создания в XX в. современных национальных государств в Северной Африке и появления тенденций к региональным союзам Магрибом чаще всего называли меньшую территорию между Средиземным морем на севере и Атласскими горами на юге, иногда включая сюда также западную часть Ливии (Триполитанию). Строго говоря, с точки зрения истории, географии, природных особенностей и других важных аспектов к понятию «Магриб» относятся только Марокко, Алжир и Тунис.

² Союз Арабского Магриба (САМ) — воплощенная в 1989 году идея регионального экономического единства. В САМ вошли пять североафриканских государств: Марокко, Алжир, Тунис, Ливия и Мавритания.

³ «Заман» (фр. *Zamane*, от арабского «заман» — «время») — марокканский ежемесячный журнал, посвященный популяризации национальной истории и издаваемый в двух языковых версиях, содержание которых различается. Это первый и единственный исторический журнал в Марокко. На французском языке выходит с 2010 г., на арабском — с 2013 г.

⁴ *Zamane*. No.18 du 13 juin 2022. URL: <https://zamane.ma/abdallah-laroui-%E2%80%89le-magheb-est-lidee-dune-elite%E2%80%89> (дата обращения: 07.09.2024).

⁵ 17 февраля 1989 года король Марокко Хасан II, президент Алжира Шадли Бенджедид, ливийский лидер Муаммар Каддафи, глава Мавритании Муавийя ульд Сид Ахмад Ат-Тайя и президент Туниса Зин ал-Абидин Бен Али подписали союзное соглашение по Магрибу. С точки зрения экономической интеграции договор о создании Союза Арабского Магриба (САМ) предусматривал формирование зоны свободной торговли, а затем — таможенного союза.

с тем, отмечает А. Ларуи, проект магрибского единства сможет воплотиться в жизнь, лишь когда и лидеры, и народы стран Магриба убедятся в ценности такой задачи в первую очередь для своего выживания, а затем для благополучия своего и будущих поколений, что, по мнению А. Ларуи, является очень отдаленной перспективой.

Цель исследования — показать, что идея единства Магриба не обусловлена ни историей, ни географией, ни экономикой. Для этого мы проследили историческую эволюцию существовавших ранее государственных образований в регионе и их границ, а также рассмотрели развитие идеи единства Магриба сквозь призму социально-политического, экономического и культурного аспектов взаимодействия государств региона в постколониальный период.

В результате исследования был сделан ряд выводов, которые можно представить в виде следующих основных тезисов.

Единство Магриба в том виде и в тех границах, в которых регион нам знаком сегодня, не подтверждается историческими примерами. Иными словами, в истории мы не находим прототипа государства или империи, который можно было бы взять за основу для выстраивания концепции единого Магриба в наши дни. По сути, в контексте истории Магриб — это историческое название западной части Арабского мира, но не конкретный «исторический замысел» или «концепция единого пространства», когда-либо воплощенная в реальности.

Вопрос «подвижности» границ является одной из главных проблем и причин конфликтов, с которыми сталкиваются сегодня государства региона. При этом на «подвижность» границ Магриба исторически оказывали влияние два фактора. Первый связан с характерной для истории региона традицией обеспечения легитимности за счет присоединения территорий, когда для утверждения своей легитимности новая власть стремится возродить распавшееся единство. Второй фактор «изменчивости облика региона» связан с тем, что в Магрибе всегда существовали территории и целые регионы, статус которых не был определен и которые поэтому могли интегрироваться в то или иное объединение в зависимости от обстоятельств. Эта проблема сохраняется и сегодня. Самым ярким примером является конфликт вокруг Западной Сахары.

Движение за идентичность и самоидентификацию, возникшие в результате урбанизации, повышения общего уровня грамотности и осведомленности населения о своей истории и корнях, привело сначала к появлению движений за культурную автономию, а затем, по мере радикализации, к росту популярности идей берберского регионализма и автономизма. В условиях множества дестабилизирующих факторов в регионе радикализация этих движений продолжается. Сюда можно отнести также протестные настроения, которые часто принимают этническую окраску. Этот процесс ведет, скорее, не в сторону попыток новых объединений, а наоборот, дробления, в том числе национальных государств, на более мелкие фракции.

Неравномерность и разновекторность экономического и политического развития государств Магриба отдаляет их друг от друга, не способствуя успеху интеграции. Отметим определяющую роль стран Запада в этом вопросе, не заинтересованных в обретении государствами Магриба подлинного экономического и политического суверенитета.

Вопрос экономической целесообразности объединения, нарастающая конкуренция между национальными государствами Магриба (как экономическая, так и военно-политическая), неравномерное распределение углеводородных запасов в регионе, ставка на достижение внутреннего успеха — важные факторы, также оказывающие влияние на отдельных игроков, которые часто делают выбор не в пользу регионального экономического союза.

В заключение отметим, что идея единого Магриба относится, скорее, к области культурно-исторического наследия и непреходящих общих ценностей народов Магрибского региона. Как было показано, в силу исторического своеобразия развития Североафриканского региона и индивидуальных социально-политических и экономических особенностей становления государств Магриба в постколониальную эпоху, эта идея не получила дальнейшего развития. Несмотря на создание в 1989 году регионального объединения — Союза Арабского Магриба, очень скоро мечта о единстве угасла, сохранившись лишь в сфере пропаганды и громких политических лозунгов. Региональные разногласия оказались сильнее стремления элит государств Магриба к единству, а территориальные споры стали серьезным препятствием на пути амбициозной региональной интеграции.

Шатерников П. С. (ИМЭМО РАН, Москва)

Является ли Восточный Тимор элементом системы дуг нестабильности?

Традиционно Восточный Тимор включается в систему дуг нестабильности в качестве восточной оконечности. Это связано с тем, что сам термин «arc of instability» набирал популярность в Австралии в конце 1990-х годов, как раз в период обострения проблемы Восточного Тимора. В 1999 году Канберра участвовала в миротворческой операции в Восточном Тиморе и разрешении кризиса 2006 года¹. С тех пор Восточный Тимор прочно ассоциируется у мировой общественности с политической нестабильностью.

Основной тезис доклада состоит в том, что за период независимости в Дили проделали колоссальную работу по интеграции в систему международных отношений, налаживанию отношений с соседями и укреплению внутреннего согласия.

¹ Есакова Е. В. Австралия и создание Демократической Республики Восточный Тимор // *Вестник РУДН. Серия: Международные отношения*. 2011. № 4.

Однако теперь угрозы произрастают не из политической нестабильности в стране, а из усиливающейся конкуренции США и Китая за влияние в Восточном Тиморе.

За годы независимости, в Дили сформировалась самобытная демократическая система, которая несмотря на кризисы первых лет независимости, сейчас выглядит устойчивой. Смена поколений в стране ожидается примерно через пять лет. В 2027 истекают полномочия президента, которому на тот момент будет 78 лет, а в 2028 премьер-министра, которому исполнится 83 года.

Однако и следующее за ними поколение хорошо помнит и индонезийскую оккупацию, и становление независимости страны, поэтому ожидать от них радикально нового курса не приходится. Сегодня курс направлен на диверсификацию связей страны с внешними партнерами, подход к международным отношениям с позиций реализма и здравый расчет политических решений.

Восточный Тимор занимает выгодное экономическое и географическое положение в рамках Юго-Восточной Азии и всего Азиатско-Тихоокеанского региона в целом.

По той же причине после объявления Восточным Тимором независимости в 2002 году, США оказывают Дили финансовую помощь, потратив более \$9 млрд на развитие избирательного процесса в Восточном Тиморе¹. Мотивацией этой помощи выступает развитие демократических институтов, соревновательности внутри избирательной системы страны, а следовательно, подрыв лидерских позиций ФРЕТИЛИН, который из Вашингтона видят в качестве прокитайской политической силы.

В настоящее время основной проблемой для США в регионе и мире является Китай. Восточный Тимор мог бы послужить дополнительным фактором сдерживания Пекина в случае, если бы Вашингтону удалось обезопасить Тиморское море от присутствия ВМФ НОАК и не допустить переход ресурсов этой акватории под контроль Пекина.

КНР, в свою очередь, активно использует инструменты мягкой силы, чтобы избавиться от имиджа региональной угрозы. Основная задача Китая — привлечь и без того прокитайски настроенное правительство Восточного Тимора на свою сторону. В этом отношении Пекин преследует две цели. Во-первых, диверсификация источников углеводорода². Восточный Тимор может стать для Пекина надежной ресурсной базой, не зависящей от институциональных изменений и международного санкционного давления. Именно по этой причине КНР выгодно сохранять двусторонний формат отношений с Восточным Тимором, препятствуя встраиванию страны в проамериканские форматы многостороннего сотрудничества.

¹ Elections and political processes program in Timor-Leste evaluation report // USAID URL: https://pdf.usaid.gov/pdf_docs/PDACL911.pdf (дата обращения: 10.05.2022).

² Тарасова Д. А. Прагматическая «дружба» Китая и Восточного Тимора: предпосылки и перспективы // *Вестник НБГУ*. 2019. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pragmaticheskaya-druzhba-kitaya-i-vostochnogo-timora-predposylki-i-perspektivy> (дата обращения: 12.05.2022).

Во-вторых, контроль над Восточным Тимором со стороны КНР и, в перспективе, создание военно-морских баз НОАК значительно усложнит перемещение американских войск и их союзников в пределах Индо-Тихоокеанского региона, подорвет уверенность в могуществе Вашингтона и усилит влияние Китая на всем Азиатско-Тихоокеанском пространстве.

Дили в противостоянии с США и Китаем выгодно сохранять нейтралитет, не вступая в военные альянсы и тесные интеграционные объединения. В рамках китайской инициативы «Пояса и пути», Восточный Тимор может получить средства для модернизации нефтегазовой инфраструктуры и крупный рынок сбыта, кроме того, китайские инвестиции способны значительно ускорить экономический рост страны. Тем не менее существует риск попадания в экономическую зависимость от Китая, что вынуждает стремиться к диверсификации торговли.

Что касается военного аспекта обеспечения безопасности страны, для Восточного Тимора наиболее выигрышной стратегией выглядит соблюдение нейтралитета, так как присоединение к проамериканским или прокитайским силам неизбежно превратит страну в одну из горячих точек в случае обострения конфликта ввиду его стратегической важности в рамках Азиатско-Тихоокеанского региона.

Тем не менее на практике Восточный Тимор занял прокитайскую позицию в отношении Мьянмы, что повлекло за собой осуждение ведущих стран-членов АСЕАН. Сама АСЕАН во многом переживает институциональный кризис, а ее значимость в делах региона снижается на фоне нарастания противостояния США и Китая. В этой ситуации в Дили вынуждены искать новых партнеров, которые не несут угроз безопасности, подобных тем, что исходят из Пекина и Вашингтона. В процессе этого поиска Восточный Тимор может заинтересоваться Россией, которая в условиях западных санкций сама диверсифицирует экономику и ищет новых партнеров по всему миру, особенно в Азии.

В докладе будут освещены подход российских и зарубежных исследователей по поводу современного состояния Восточного Тимора и правомерность его включения в систему дуг нестабильности.

Секция XI • Section XI

Круглый стол: «Традиционализм в современных государствах Азии и Африки»

Round table discussion: "Traditionalism in the modern states of Asia and Africa"

Бочаров В. В. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

Об «историческом» и «политическом» в культурах Востока

В докладе рассматривается процесс легитимации власти на Востоке, которая связывается в большей степени с исторической мифологией, нежели с политико-правовыми документами, как это имеет место в западной политической культуре. Под *историческим мифом* понимается устойчивое представление о прошлом, сложившееся в общественном сознании при восприятии произошедших событий магическим/мифологическим мышлением, которое сосуществует с рациональным/научным в гетерогенном сознании представителя современного общества. Под «политическим» понимаются отношения, связанные с властью и управлением. *Власть* не сводится к институту, а понимается в качестве феномена, присутствующего повсеместно в «каждой клеточке социального организма». Это всегда властеотношения, где доминант (властитель) навязывает волю подчиненному (подвластному).

Корреляция «исторического» и «политического» уходит корнями в начало человеческой истории. Археологические раскопки древних могильников свидетельствуют о том, что в захоронения высокостатусных персон клали украшения, оружие, ритуальные предметы, которые представляли собой инсигнии власти — знаки, призванные отличать лица особого социального статуса от обычных людей.

Важным для избранной темы, затрагивающей «историческое», является восприятие *времени* членами традиционного общества. Оно не мыслилось в качестве абстракции, текущей само по себе, измеряя изменения в окружающем мире посредством универсальных часов, основанных на критериях движения космических тел, либо маятника, как это представляется сегодня. Идеалом образа *будущего*

было *прошлое*, то есть порядок вещей, унаследованный от предков. Этим, видимо, объясняется, отсутствие во многих восточных языках грамматического будущего времени, а по мнению филологов-англистов, *will* и *shall* в прошлом также не имели коннотаций будущего времени¹.

Однако пространство и время не только существуют объективно, но и субъективно переживаются и осознаются людьми в разных культурах, на различных стадиях общественного развития неодинаково. В традиционной ментальности при отсутствии времени в виде упомянутой абстракции «прошедшее и настоящее время, выступали как взаимно проникающие и объясняющие друг друга. В этой системе сознания прошедшее, настоящее и будущее расположены как бы в одной плоскости, в известном смысле “одновременны”»².

Особое место занимало так называемое ритуальное время, когда люди соприкасались с могущественной Силой (магической), определявшей их бытие, во время ритуалов. Магическая сила, представленная в традиционных культурах, в том числе и в культе предков, жизненный опыт которых являлся идеалом для потомков, гарантировала им гармонию и процветание (*будущее*). Универсальная для традиционного общества возрастная стратификация способствовала сакрализации *прошлого времени*, выделению его из временного континуума. При этом знаменательные события в жизни отдельных индивидов и социума в целом сопрягались в том числе с именем класса старейшин, обладавших основными полномочиями по регулированию общественных процессов³. Культ предков — это первая идеология, обеспечивавшая в посюстороннем мире легитимность власти старейшин. И сегодня идеологические представления культа предков широко распространены, к примеру, в странах с азиатско-конфуцианской культурой, а также на Черном континенте.

Сформировавшаяся в культуре корреляция между *властью* и *прошлым* породила феномен фальсификации истории с целью укрепления правящего режима. Сегодня в разных регионах мира развернулись войны за историю, которые связаны с внутригосударственными или межгосударственными политическими конфликтами. В этой борьбе отчетливо проявляются тенденции в отстаивании легитимности спорных реалий. Западные акторы апеллируют преимущественно к политико-правым документам, представители Востока — к истории, привлекая в качестве аргументов исторические хроники, археологические материалы и пр.⁴

В настоящее время фиксируются массовые искажения истории в учебниках стран СНГ. В Академии наук РФ были проанализированы данные учебники. Глав-

¹ Эндли М. У английского языка нет будущего (времени). [Электронный ресурс]. URL: <https://habr.com/ru/companies/englishdom/articles/548922/> (дата обращения: 10.11.2024).

² Гуревич А. Я. Категории средневековой культуры. М.: Искусство, 1984. С. 103–167.

³ Бочаров В. В. Власть и время в культуре общества // Антропология власти. Хрестоматия по политической антропологии. Т. 1. СПб.: СПбГУ, 2006. С. 225–238.

⁴ Тем не менее на Западе удерживается традиция, связанная с корреляцией власти и прошлого. Это так называемый праздник «День рождения монарха», который отмечается во вторую субботу июня и не имеет отношения к конкретному персонажу.

ный вывод: «В основном в учебниках постсоветских стран Россия представлена как колониальное государство»¹. Если уйти от политической оценки данного факта, можно утверждать, что данная ситуация закономерна с точки зрения выявленной нами научной закономерности, увязывающей легитимность власти с *прошлым*.

Таким образом, исторический миф, определяющий легитимность власти, является важнейшим инструментом обеспечения общественной солидарности. Мистическая связь светских лидеров с основателем культа обозначается посредством церемониально-ритуальных практик: день рождения отца-основателя культа и действующих потомков-правителей (кровных или духовных), день обретения независимости и другие героические государственные события. Поэтому всякая новая власть начинает свое бытие с переписывания истории, поиска «своих предков», конструирования общей «исторической судьбы». Важным составляющим исторического мифотворчества является сопровождение церемоний и ритуалов праздничным поведением (музыка, пение, танцы, речевки и пр.), связывающим историческую судьбу с бессознательным.

Гегамян В. Г. (ЕГУ, Ереван)

Возрождение «Красного яблока»: традиционный турецкий символ в контексте современной турецкой политической культуры

В общественно-политических дискурсах современной Турции в последнее десятилетие все чаще встречаются упоминания «Красного яблока» (*Kızıl elma*). Правящая элита, включая президента Турции Реджепа Тайипа Эрдогана, активно использует этот символ как один из ключевых образов для продвижения властной идеологии. К «Красному яблоку» обращаются также представители различных слоев населения, что превращает данный символ в один из важнейших элементов современной политической культуры Турции. Вокруг символа создается новая культурная продукция, служащая усилению его символического значения.

Символы всегда играли важную роль в политической культуре различных народов и эпох. Государства, политические режимы и социальные движения неизменно используют символы для достижения различных целей: от усиления легитимности до формирования коллективных идентичностей. В политических системах символы выполняют взаимосвязанные функции, включая мобилизацию, легитимизацию и передачу информации. Они могут быть инструментом конструирования политических сообществ, формирования общественной солидарности и обеспечения устойчивости государства.

¹ Что ученые РАН прочитали о России в учебниках стран СНГ. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rbc.ru/politics/28/09/2024/66f6b2a29a7947cb6d3b8e26?ysclid=m3la9hwr9994267402> (дата обращения: 10.11.2024).

Особую роль символы играют в традиционалистских обществах Востока, где эмоциональная составляющая политики преобладает над рациональной. Здесь символы становятся мощным средством воздействия, способствуя формированию общественных восприятий и передаче идеологических посланий. Политические акторы, особенно представители власти, активно занимаются созданием и продвижением символов для достижения своих целей. В государствах Востока символы служат как незаменимые факторы, благодаря которым формируется общественная солидарность и таким образом обеспечивается устойчивость государства. Поэтому сознательным конструированием символов занимаются разные акторы политического поля, однако в символотворчестве особенно заинтересована власть.

Символ «Красного яблока» (или «Золотого яблока») является одним из древнейших тюркских символов, истоки которого лежат в мифологии. Исторически он олицетворял желанную цель или добычу, символизирующую стремление к мировому господству. В разные исторические периоды «Красное яблоко» воплощало конкретные политические и завоевание Константинополя, Рима, Вены. Наибольшую политическую значимость символ приобрел в эпоху расцвета Османской империи.

В XX веке с развитием идеологии пантюркизма символ «Красного яблока» приобрел новое значение. Он стал символом объединения тюркского мира, как это представлено в трудах Зии Гёкальпа, одного из главных идеологов пантюркизма. В республиканский период символ трансформировался, соединив в себе пантюркистские идеалы с элементами турецкого национализма.

Новое семантическое развитие «Красное яблоко» получило в контексте исламского национализма, доминирующей идеологии Партии справедливости и развития (ПСР). Эта версия турецкого национализма, основанная на синтезе исламских и националистических идей, стала ключевой рамкой для формирования новой социальной гегемонии. В рамках государственной пропаганды символ «Красного яблока» был включен в новый «символический репертуар», служащий как внутренней, так и внешней политике Турции. Значимость символа подтверждается его широкой поддержкой в обществе, которое наделяет его новыми смыслами и активно участвует в его распространении.

В данной статье анализируется полисемантичность символа «Красного яблока», а также его функциональная универсальность в контексте внутривосточной борьбы и геополитических инициатив официальной Анкары.

Кузнецова П. А. (РГГУ, Москва)

Традиционализм в современной образовательной системе КНР

В условиях современной информатизации китайского общества образовательная деятельность приобретает статус одной из ключевых социокультурных цен-

ностей, становясь идеологическим фундаментом для формирования государства инновационного типа.

Китайские ученые утверждают, что элементы традиционной культуры в образовательной системе играют роль стабилизирующего фактора, способного нивелировать негативные последствия глобализационных процессов¹. Китайские исследователи также подчеркивают, что актуальная значимость традиционной культуры прослеживается в риторике генерального секретаря Си Цзиньпина.

Современное культурное сознание выступает в качестве фундаментальной основы стратегии Си Цзиньпина, нацеленной на культурное возрождение нации. Оно включает в себя глубокое осознание значения и функции социальной памяти в процессе культурного строительства, предполагает сохранение и преемственность традиционной культуры, критическое заимствование мировой культуры и всестороннее поддержание родной². В современной китайской образовательной парадигме центральным принципом является девиз: «помнить об истоках, идущих от души»³.

Традиционная культура Китая эволюционирует и воспроизводится на протяжении всего исторического пути страны, оказывая существенное воздействие на когнитивные процессы, поведенческие модели и образовательные парадигмы китайского народа, включая цели, сущность, содержание, методы, динамику и качество образовательного процесса.

Стремление китайцев к получению образования уходит корнями глубоко в историю. В древнем китайском обществе высокий социальный статус, продвижение по службе в государственных структурах, а также общественное признание и уважение напрямую зависели от уровня образованности человека. Для китайцев образование было не просто инструментом личного развития, но и способом достижения важных социальных благ⁴.

Китайские, российские и западноевропейские исследователи в целом придерживаются единого мнения относительно того, что конфуцианская традиция функционирует не только как идеологическая основа образовательной системы, но и оказывает существенное влияние на процессы социализации в китайском обществе.

Генеральный секретарь Си Цзиньпин подчеркнул на Всекитайской конференции по образованию, что, чтобы укрепить страну, нужно сначала укрепить образование, а чтобы укрепить образование, нужно сначала укрепить преподавательский состав.

¹ Цун Ляньли. Анализ проблем образования в России и Китае // Проблемы международных отношений и внутренней политики в странах АТР. М., 2008. С. 129–131.

² *Guangming Daily*, 22 февраля 2019 г.

³ Ли Д. Роль национальных культурных традиций в процессе становления будущих художников в вузах Китая // Современное педагогическое образование. 2022. № 8. С. 4–9.

⁴ Васильев Л. С. История религий Востока. М.: Университет, 2001. С. 288–306.

Большое значение уделяется подготовке педагогических кадров. После XVIII Всекитайского съезда Коммунистической партии Китая Си Цзиньпин выступил с рядом речей и дал ряд важных указаний по подготовке педагогических кадров, ориентированных на обеспечение страны квалифицированными специалистами в целях ускоренного развития страны. В Китае учителей называют «инженерами человеческой души» (人类灵魂的工程师)¹.

Таким образом, мы видим, что в Китае в образовательном процессе огромную роль играет именно личность педагога. Педагогическая практика показывает, что личность учителя не только влияет на результаты воспитательно-педагогической деятельности, но и во многом определяет, может ли она эффективно способствовать развитию личности учащихся. Ведь педагог не только дает знания, но и учит быть человеком (教师不但传授知识, 而更重要的是传授为人之道). Он также воспитывает у учеников чувство патриотизма и помогает им выработать правильную жизненную позицию. Именно из-за такого существенного влияния, оказываемого преподавателем на успехи и развитие учащегося, китайские исследователи считают, что именно наличие здоровой личности (健全的人格) является необходимым психологическим качеством учителя².

В соответствии с монографией «Традиционная этика и ее современное значение» процесс обучения студентов в КНР требует опоры преподавателя на ключевые принципы конфуцианства. К ним относятся:

Чэн (искренность) — фундаментальный принцип формирования мировоззрения современной студенческой молодежи.

Ли (ритуал) — ритуалы и обычаи играют сакральную роль в китайской социокультурной среде, передаваясь через поколенческие связи.

Цзин (уважение) — данный принцип способствует поддержанию социальной гармонии и урегулированию межличностных конфликтов.

Жэнь (гуманность) — этот принцип является неотъемлемой частью человеческого существования и представляет собой основу для формирования ценностной системы современного общества, базирующейся на конфуцианских моральных установках.

Категории конфуцианского учения, такие как верность (чжун), уважение (сяо), гуманизм (жэнь) и долг (и), остаются основой нравственного воспитания и образовательной парадигмы. Социальные ценности должны иметь приоритет над индивидуальными интересами, что соответствует концепции первостепенности общественных благ. Конфуцианская модель взаимодействия обеспечивает гармонию отношений индивида с природным и социальным окружением³.

¹ <https://baijiahao.baidu.com/s?id=1820009175874896849&wfr=spider&for=pc> (дата обращения: 10.01.2025).

² Ли Дунмэй (李冬梅). Анализ качеств квалифицированного преподавателя иностранного языка (合格外语教师的素质分析) / Дунмэй Ли, Сюэцзе Ли (李雪杰) // *Журнал Северо-китайского технологического института* (华北工学院学报). 2001. № 3. Р. 72–88.

³ Seong Hwan Cha. Modern Chinese confucianism: The Contemporary Neo-Confucian movement and its cultural significance // *Hanil University in Korea, Social Compass*. 2003. 50(4). Р. 491.

Философские аспекты современного китайского образования в контексте глобализационных процессов включают в себя концептуальное осмысление и формирование фундаментальных принципов и парадигм, которые определяют траекторию развития как национальной идентичности, так и цивилизационного прогресса. Философская рефлексия интегрирует в образовательные практики гуманистические конфуцианские ценности, характеризующиеся своей универсальностью. В условиях глобальной интеграции традиционные философско-антропологические постулаты китайской культуры служат базисом для разработки инновационных педагогических стратегий, оказывая влияние на их последующую трансформацию и развитие.

Секция XII • Section XII

Круглый стол: «Интеллектуальная история Востока в портретах людей и идей»

Round table discussion: "Intellectual History of Asia: People, Destinies, Ideas"

*Akhmedova S. H. (English Linguistics department, Bukhara State University,
Uzbekistan)*

Influential ideas and key figures in Central Asia

The paper analyses several key figures and their ideas that influenced the society and the way people think in Central Asia. Intellectual history of Asia is a vast and complex tapestry woven from diverse cultures, philosophies, and historical events. Throughout the centuries, Asia has been home to some of the world's most profound thinkers and movements, shaping not only regional destinies but also the global landscape of ideas. This article explores key figures and concepts in Asian intellectual history, with a particular emphasis on Uzbek scholars of the 19th and 20th centuries.

The article discusses how Asia's intellectual journey can be traced back to ancient civilizations, where philosophical and scientific inquiries laid the groundwork for future developments. In India, the Vedas and Upanishads offered insights into spirituality and the nature of existence, while in China, Confucianism and Daoism provided ethical frameworks and reflections on harmony with nature. These early thoughts created a foundation upon which later scholars would build.

The paper talks about the Mongol Empire in the 13th century that acted as a conduit for the exchange of ideas across Asia. As the empire expanded, it facilitated interactions between scholars from different regions. This period saw a blending of cultures and philosophies, influencing the development of knowledge in areas such as mathematics, astronomy, and medicine. The Silk Road was instrumental in this exchange, allowing for a flow of information that transcended geographical and cultural boundaries.

Some key figures in the 19th century, Central Asia, particularly Uzbekistan, emerged as a notable center of intellectual activity. Scholars from this region began to engage

with modernity while rooting their ideas in local traditions. One of the prominent figures of this era was Muhammad Amin Bukhari, a leading intellectual who championed the integration of Western scientific knowledge with Islamic thought. His works emphasized the importance of education and reform in society, advocating for a balance between tradition and modernity.

Another key figure was Abdulla Qodiriy, a novelist and playwright who sought to reflect the realities of Uzbek life through literature. His writings critiqued social injustices and explored the struggles of the Uzbek people during a time of significant change. Qodiriy's contributions were not merely artistic; they also served as a vehicle for social commentary and reform, inspiring future generations to engage with their cultural identity.

The abstract depicts the struggle for cultural identity which became a common theme among 20th-century Uzbek intellectuals. Many sought to articulate a vision for a modern Uzbekistan that embraced both its rich history and the demands of contemporary society. The works of scholars such as Abdulla Oripov, a prominent poet, reflect this duality. His poetry often invokes traditional motifs while addressing modern themes, resonating with a wide audience and fostering a sense of national pride.

It also reflects how 20th century witnessed the rise of critical thought in Asia, as scholars began to examine the impacts of colonialism and globalization on their societies. The works of various thinkers, including postcolonial theorists, contributed to a re-evaluation of Asian identities in a global context. This intellectual shift encouraged a new generation of scholars to explore indigenous knowledge systems and challenge Eurocentric narratives.

As the 21st century unfolds, the intellectual history of Asia continues to be shaped by both local and global influences. The rise of technology and the internet has transformed the way ideas are disseminated, allowing for a more interconnected intellectual community. Scholars from Asia now engage in global dialogues, contributing to fields such as environmental studies, human rights, and cultural studies.

Гудкова А. В. (ИБ РАН, Москва)

Проблема теории «органа государства» (первая пол. XX в.): дискуссия о положении японского императора в государственной системе

Инцидент с «теорией органа-государства» (на Западе ее принято называть the organ-state theory, японские исследователи¹ предлагают термин 天皇機関説

¹ Ямадзаки М. Тэнно кикансэцу дзикен [天皇機関説事件; Инцидент с теорией «органа государства»] Токио: Сю:эйся, 2017. 256 с.

事件 тэнно: кикансэцу дзикэн) и ее автором, профессором конституционного права Минобэ Тацуки (1873–1948), стал основным катализатором важных политических событий, которые постепенно изменили политический климат Японии в первой половине XX века. Пропагандистская кампания против Минобэ и его теории, известная как «Дискуссия по прояснению сущности кокутай¹», стала одним из результатов данного инцидента. По итогам «Дискуссии...» была опубликована книга «Кокутай но хонги» (国体の本義; Основные принципы кокутай) в 1937 году. Существует множество исследований, посвященных японскому национализму в целом, однако не все они рассматривают непосредственно кокутай и его влияние на общественно-политическое сознание японцев. Несмотря на то, что кокутай сыграл ключевую роль в японском националистическом пробуждении, этот термин, его определения и интерпретации остаются недостаточно освещенными в отечественном японоведении. В данном докладе планируется уточнить некоторые формулировки более подробно.

На излете эпохи Мэйдзи (1868–1912) и на рассвете «демократичной Тайсё» (1912–1926) встал серьезный вопрос о положении японского государства в мировой системе. У японцев к тому моменту уже была своя Конституция (опубликована в 1889 г.), составленная по образцу зарубежных. Переход от средневековой монархии к демократии подразумевал возможность развития конституционного правления в Японии. По крайней мере, таких взглядов придерживались прогрессивно настроенные японские теоретики права, получившие образование за границей. Ученые, разделявшие позицию Минобэ Тацуки, верили, что переход (даже частичный) к конституционной системе поможет Японии занять равное другим мировым державам положение. Минобэ Тацуки предложил удобный инструмент для определения места японского государя в системе управления — теорию «органа государства». Теория была принята общественностью поздней Мэйдзи положительно и повысила репутацию Минобэ в академических кругах. С мнением ученого приходилось считаться даже тем, кто резко критиковал его демократические взгляды на общество и государство, вплоть до окончания эпохи Тайсё.

Теория Минобэ Тацуки представляла японского государя как «верховный орган» в системе управления государством. Для ее понимания ученый предлагал модель «организации», и это сравнение стало главным поводом для жесткой критики теории со стороны японских националистов. Идея о «верховном органе государства» считалась националистами ограничивающей императорскую власть и определялась ими как реальная угроза традиционным японским ценностям — почитанию императора как потомка богини солнца Аматаэрасу-омиками. Почитание императора как «божественного потомка» противоречило рационали-

¹ Распространенный перевод термина «кокутай» на русский язык («государственный организм») предложен российским японоведом В. Э. Молодяковым. Подробнее: Молодяков В. Э. Консервативная революция в Японии: Идеология и политика. М.: Вост. лит., 1999. 319 с.

зации его статуса и низведения правителя до роли части (пусть и ключевой) государственного механизма. В итоге наметилось противоборство двух академических школ конституционного права — «либеральной» школы во главе с профессором Минобэ Тацукити и «консервативной» школы, представленной теорией профессора Ходзуми Яцука (1860–1912) о суверенитете государства во власти японского императора.

В своем фундаментальном труде о Конституции («Кэмпо: ко:ва» (憲法講話; Лекции о конституции, 1912)) Минобэ Тацукити обозначил ограничения полномочий императора в государственной системе, предусмотренные основным законом империи. В своей работе Минобэ утверждал, что император — фигура священная и неприкосновенная, обладающая неограниченной властью по праву рождения¹.

Точкой отсчета начала «Дискуссии» можно считать 6 апреля 1935 года, когда генерал Мадзаки Дзиндзабуро (1876–1956) разослал по армейским инстанциям директиву с призывом к «прояснению сущности японского кокутай» и ограничению распространения подрывающих основы государственного устройства прозападных идей среди солдат и офицеров японской армии. В этой директиве была упомянута теория Минобэ, которая определялась как враждебная кокутай идеология, заимствованная у Запада. Далее последовало исключение теории об «органе государства» из университетских учебных программ и уход профессора Минобэ Тацукити с руководящей должности на факультете права Токийского императорского университета.

Главная цель настоящего исследования — охарактеризовать проблему, связанную с теорией «органа государства» (инцидент 1935 года), и определить, действительно ли теория Минобэ Тацукити противоречила основным принципам японского кокутай. Одним из выводов данного доклада стало утверждение, что, вопреки обвинениям в адрес профессора в «государственной измене» и «отсутствии уважения к августейшей особе», Минобэ Тацукити не ставил под сомнение миф о божественном происхождении императора и проистекающее из этого политического мифа принципиальное отличие японского правителя от зарубежных монархов. Следовательно, теория «органа государства» не была угрозой для существования японского кокутай, как об этом было принято говорить в японских СМИ обозначенного периода.

Автор данного доклада также спорит с рядом западных исследователей, настаивающих на том, что идеи профессора Минобэ Тацукити никогда не были актуальны для японской общественной мысли. Это был выдающийся правовед, авторитетный государственный деятель и популяризатор прогрессивных ценностей демократии и свободы слова, которые непродолжительное время, но вызывали у японского истеблишмента благожелательное отношение.

¹ См. гл. 2, с. 65. Минобэ Т. Кэмпо ко:ва [憲法講話; Лекции о конституции]. Токио, 1912. 626 с.

Зайцев А. А. (ИВ РАН, Москва)

Вишва хинду паришад и распространение исторической концепции идеологии хиндутвы в Индии и за ее пределами

Идеология хиндутвы, которая многими исследователями обозначается как индульский национализм, как концепция социальной и политической мысли основана на коренных духовных и культурных традициях индийского субконтинента, прежде всего на индуизме как господствующей религии в Индии. Главным носителем этого течения является созданная в 1925 г. организация Раштрия сваямсевак сангх (РСС; в переводе — «Союз добровольных слуг родины»), крупнейшая некоммунистическая организация в мире. Активными распространителями хиндутвы являются сателлиты РСС, объединенные в 1960-е гг. в единое семейство организаций — Сангх паривар («Семья Сангх»), в которое входит созданная в 1964 году Вишва хинду паришад (ВХП, «Всемирный совет индусов»), религиозная организация, занимающаяся защитой индуизма, его традиций и ценностей, а также его распространением в Индии и за ее пределами.

Именно Вишва хинду паришад отвечает в рамках Сангх паривар за консолидацию всех индусов под знаменем индуизма, в первую очередь среди диаспоры, поскольку сторонники хиндутвы обеспокоены культурным и нравственным состоянием индийцев, живущих за границей. На сегодняшний день ВХП имеет офисы в 27 странах мира, где сосредоточены крупнейшие диаспоры индийцев. ВХП занимается образовательными проектами, строительством мандиров (индусских храмов), участием в благотворительных и социальных мероприятиях, организацией индусских религиозных фестивалей и праздников и так далее. Немалую роль сторонники хиндутвы уделяют историческому прошлому Индии и распространению знаний о ней.

Историческая концепция хиндутвы, созданная усилиями ее идеологов В. Д. Саварка¹, М. С. Голвалкара² и их последователей, опирается на восхвалении древней истории Индии как «золотого века». Древность — эпоха процветания, равенства, свободы, расцвета науки и культуры, духовности, высокой морали, «правильного» индуизма. С момента образования буддизма и джайнизма с их идеями ненасилия и умиротворения начинается длительный период деградации индусской цивилизации, сопровождающейся иноземными вторжениями, внутренними конфликтами, кастовой дискриминацией, падением морали, нищетой, падением уровня образования и т. д.³ Главным врагом после ухода буддизма из Индии стали мусульмане. Они разрушали мандиры и строили мечети, уничтожали брахманов — главных носителей индусских ценностей, внедряли в Индии свои, не свойственные местной

¹ Savarkar V. D. Six Glorious Epochs of Indian History. Bombay, 1985.

² Golwalkar M. S. We or Our Nationhood defined. Nagpur, 1939; Idem. Bunch of thoughts. Bangalore, 1966.

³ Ванина Е. Ю. Индия: история в истории. М., 2014.

культуре и обществу обычаи и традиции. После прихода европейских колонизаторов (португальцев, голландцев, французов, британцев) на индийскую территорию и установления британского колониального правления врагами стали и христиане.

Вишва хинду паришад занималась распространением данной концепции истории, поскольку она отвечает одной из основных целей — пропаганде и защите ценностей и традиций индуизма. ВХП открывала собственные школы, где образовательный процесс построен исключительно в духе хиндутвы. В речах религиозных деятелей — членов организации увеличилось отсылки к историческому прошлому. В главном печатном органе ВХП — журнале «Хинду вишва» выходили статьи на историческую тематику. С 2014 г. при премьер-министре Нарендре Моди этот процесс продолжает усугубляться и расширяться внутри Индии.

При этом ВХП действует не только на родине, но и за границей в странах с многочисленной индийской диаспорой, которую данный процесс также не обходит стороной. Особенно активна ВХП в США, где действует собственный студенческий совет, организован индусский университет, активно распространяются книги соответствующего содержания на различных интернет-площадках, таких как Amazon. В последние годы ВХП развернула широкую активность в странах Юго-Восточной Азии (Малайзия, Таиланд, Сингапур).

Изучение экспорта исторической концепции хиндутвы со стороны Вишва хинду паришад среди индийцев позволяет выявить степень влияния этой организации на общественные настроения в Индии, изменения ее интеллектуальной составляющей, а также даст возможность взглянуть на аналогичные процессы в других крупных восточных диаспорах. Изучение исторических взглядов восточных диаспор приобретает все большее значение по мере дальнейшего развития миграционной ситуации в мире и политики в этом направлении. В частности, по мере увеличения численности индийской диаспоры и ее распространения по миру экспорт идей хиндутвы и деятельность ВХП будет расширяться. Их историческая концепция останется в ближайшее время жизнеспособной и готовой к любым социальным и политическим изменениям. В свою очередь, изучение их взглядов позволит разработать методы дальнейшего межэтнического и межкультурного взаимодействия.

Зайцев И. А. (ИМЭМО РАН, Москва)

Концепт мирской ниббаны в работе бирманского националистического поэта такина Кодо Хмайна «Тика Такинов»

Идея построения утопического эгалитарного общества оставила большой след в истории Бирмы (Мьянмы) XX в. В бирманской политико-философской

мысли этот концепт получил нарицательное обозначение *мирской ниббаны* (пал. *loka nibbana*). Изначально это понятие символизировало возможность просветления в текущем мире (пал. *lokiya*) и неоднократно употреблялось в проповедях различных монахов. Однако, в первой четверти XX в. на фоне роста популярности националистических антиколониальных движений идея мирской ниббаны приобрела иное значение. Она стала пониматься как гармоничная политико-экономическая модель, лишенная социальных страданий (пал. *dukkha*). Согласно задумке, такая система должна была повышать морально-нравственные качества населения и снижать влияние факторов омрачения (пал. *kilesa*) на людской разум. Примечательно, что для построения подобного политико-экономического порядка требовалось немедленное освобождение страны от британских колонизаторов¹.

В буддизме *Тхеравады* идея освобождения от страданий (пал. *dukkha*) и выхода из бесконечной цепочки перерождений, сансары (пал. *samsara*), является одной из ключевых. Для избавления от страданий человек должен осознать четыре благородные истины и следовать Срединному пути, проповедуемому Буддой. Тем не менее природа человека несовершенна, а его разум, в силу естественных свойств, склонен к жажде чувственных удовольствий (пал. *tanhā*). Следование таким искушениям формирует неведение (пал. *avijja*), что делает перспективу освобождения от страданий невозможной.

Примечательно, что в буддийской политической теории подобное понимание людской сущности послужило одной из ключевых идей легитимации власти². Согласно текстам Агганья-сутты и Чаккаватти-сутты, монархия претендовала на построение мирского (пал. *lokiya*) гармоничного порядка, в рамках которого суверен был обязан заботиться о процветании буддизма и повышении морали и нравственности своих подданных. Население, в свою очередь, должно было совершать праведные деяния и поэтапно двигаться к высшей трансцендентной (пал. *lokuttara*) стотериологической цели. Отсутствие или разрушение монархии должно было спровоцировать хаос, который привел бы общество к морально-нравственной деградации³.

Однако на рубеже XIX–XX вв. изложенные идеи были пересмотрены. После окончательного превращения Бирмы в британскую колонию в 1885 г. монархия была ликвидирована. На фоне активного распространения секулярной модели образования и постепенного приобщения Бирмы к элементам парламентаризма популярность приобрела идея республики, особой политической системы, где люди имеют возможность оказывать непосредственное влияние на политический

¹ Подробнее см.: Sarkisyanz M. *Buddhist Backgrounds of Burmese revolution*. Chambersburg: Anima Books, 1965; Walton M. *Buddhism, Politics, and Political Thought in Myanmar*. New York: Cambridge University Press, 2016.

² Подробнее см.: Moore M. *Buddhism & Political Theory*. New York: Oxford University Press, 2016.

³ Walton M. *Buddhism, Politics, and Political Thought in Myanmar*. New York: Cambridge University Press, 2016. P. 65–95.

процесс¹. В период 1920-х гг. на фоне роста бедности и недовольства национальной политикой колониальных властей в бирманском обществе формировались скептические настроения по отношению к действующей власти. Что и привело к возникновению националистических движений, выступавших за радикальную смену существовавшего политического порядка. Довольно весомую роль в этих движениях играли монахи, в чьих проповедях прослеживались призывы к свержению действующей власти и построению новой политической системы, при которой актуальные социальные проблемы могли бы быть разрешены. Такая постановка вопроса была обусловлена переосмыслением идеи страданий в бирманском буддизме. В новых реалиях акцент ставился на преодолении текущих социальных тягот, нежели всеобъемлющих, что и сделало идею построения *ниббаны* в текущем мире (пал. *lokiya*) возможной².

В период 1920–1940-х гг. в националистическом движении отсутствовало единое понимание модели будущего эгалитарного общества. Так, в проповедях монахов У Оттамы и У Тиласары образ мирской *ниббаны* выглядел абстрактным и был связан с идеей самостоятельного управления бирманцами собственной страной, нежели с конкретной политико-экономической моделью³. Более точные начертания мирская *ниббана* приобрела в работах представителей общественно-политического движения «Добама Асиайон», известного так же, как *такины*⁴. Сторонники этого движения испытывали симпатии к марксизму и создавали собственные эклектические философские сочинения, совмещавшие в себе элементы марксистской и буддийской философии⁵. В понимании *такинов* мирская *ниббана* олицетворяла собой социализм или коммунизм.

В настоящем докладе автор обращается к рассмотрению работы «Тика Такинов», опубликованной в 1938 г.⁶ Она была написана бирманским националистическим поэтом и писателем У Луном, известным под псевдонимом *такин* Кодо Хмайн. В представлении Кодо Хмайна, мирская *ниббана* выглядела абстрактной политической моделью, в которой правительство должно было представлять подлинные народные интересы и не быть подвластным иностранцам. Такая модель была неразрывно связана с идеей освобождения. В отличие от иных представителей движения *такинов* (Аун Сана, Ну, Со и др.), Кодо Хмайн не связывал мирскую *ниббану* с социализмом или коммунизмом.

Примечательно, что на страницах своей работы Кодо Хмайн коротко воспроизвел эпизод из Агганья-сутты о возникновении первого государства. Древнее общество, лишённое жадности и порочных желаний, понималось писателем

¹ Walton M. Buddhism, Politics, and Political Thought in Myanmar. P. 105–106.

² Sarkisyanz M. Buddhist Backgrounds of Burmese revolution. Chambersburg: Anima Books, 1965. P. 116.

³ Sarkisyanz M. Op. cit. P. 125–126.

⁴ В переводе с бирманского языка — господин.

⁵ Sarkisyanz M. Op. cit. P. 80–100.

⁶ Kodaw Hmaing. Thakin Tika. Yangon: Sa Pe Lawka, 1965 (1938). [In Burmese].

Дальверзинтепа (Шурчинский район, Сурхандарьинская область), на котором в течение многих лет проводила свои исследования УзИскЭ, созданная и руководимая выдающимся исследователем академиком Г. А. Пугаченковой¹.

Раскопки на Дальверзинтепа продолжались в течение нескольких лет, их результаты были изложены в монографии «Шахристан Дальверзинтепа», вышедшей в Токио в 1996 г. под общей редакцией проф. К. Като².

В ходе работ осуществлялся взаимобмен методиками ведения раскопок археологических памятников, фиксации и учета находок, обработки найденного материала. Узбекской стороне была предоставлена современная японская техника, реставрационное оборудование, проводилась дорогостоящая аэрофотосъемка³.

В 1996 г. между Институтом Шелкового пути в Токио в лице его директора проф. Икуо Хираяма и Институтом искусствознания АН РУз в Ташкенте был подписан новый договор — с Музеем Востока в Токио о продолжении исследований различных проблем истории Великого Шелкового пути, истории буддизма в Средней Азии, а также историко-культурных проблем Бактрии.

Вторая совместная узбекистанско-японская археологическая экспедиция «История и развитие буддийской культуры в Центральной Азии» была создана в 1999 г. (руководители: с японской стороны проф. К. Като, с узбекистанской стороны — к. и. н. Ш. Пидаев). Она проводит свои исследования в уникальном пещерном буддийском монастыре Каратепа («Кхадевака вихара» — царском монастыре, как он именуется в одной из надписей) в Старом Термезе — главном центре буддизма в Центральной Азии, основанном, по-видимому, в I в. н. э.⁴

За время работы этой экспедиции были сделаны уникальные находки объектов материальной и художественной культуры, в частности гипсовая и каменная буддийская скульптура, большая ступа, архитектурные детали, надписи бактрийской письменности, брахми и кхарошти⁵. Были проведены работы по созданию современного перекрытия над одним из строений Каратепа, обеспечившего его сохранность от воздействия ветра и атмосферных осадков в городе Термезе. Японской стороной совместно с узбекскими строителями в Термезе был построен своеобразный Дом Ученых, иногда его называют «Дом Като». Второй «Дом Като» находится вблизи археологического памятника Дальверзинтепа.

¹ Antiquities of Souther Uzbekistan. Tokyo: Soka University, 1991. 389 p.

² Дальверзинтепа шахристони (Қадимшунослик таджикотлари якунлари) / Тахририят Сока университетининг «Ипак йўли» маркази. Раҳбар Като Кюдзо. Токио: Сока Университети, 1996. 280 б.

³ Тургунов Б. Узбекско-японское научное сотрудничество // *МАСКАН*. 1992. № 5–6. С. 18.

⁴ Ртвеладзе Э. В. Вклад японских ученых в изучение древней и средневековой истории и археологии Узбекистана. 2003. Рукопись. С. 3–4. См. также: Пидаев Ш. Каратепа — центр буддизма в Узбекистане // *Эхо истории*. Ташкент. 2004. № 1. С. 30–33.

⁵ Exhibition of New Finds of Uzbek Archeology. Tokyo, 2005. 120 p.; Пидаев Ш. Р., Като К. Новое в изучении буддийского центра Кара-тепе в Старом Термезе // Индия и Центральная Азия (доисламский период) / Науч. ред. Э. В. Ртвеладзе. Ташкент, 2000. С. 193.

Результаты научной деятельности Като изложены в книгах «Городище Дальварзинтепа», «Древности Южного Узбекистана»¹, «На перекрестке Шелкового пути», «Путешествие по Евразийской цивилизации», «Выдающиеся люди Средней Азии»².

В ведущих университетах Японии в феврале 2010 года под руководством К. Като и Э. В. Ртвеладзе прошли узбекско-японские международные симпозиумы «Древние цивилизации и религии Узбекистана — в поисках истоков культуры Японии», приуроченные к 1300-летию юбилею древней столицы Японии Нары. По их итогам было принято решение о создании совместного научного общества «Оксус» (Амударья) под руководством археолога Като Кюдзо³.

В ходе встреч в Японии было объявлено о новом проекте — публикации книги Эдварда Ртвеладзе «Цивилизации, государства, культуры Центральной Азии»⁴. Перевод издания на японский язык, как и многих публикаций по истории эпохи Тимуридов, осуществил профессор Като Кюдзо.

28 ноября 2010 года в Ташкенте состоялась узбекско-японская научно-теоретическая конференция «Древние цивилизации и религии Узбекистана — в поисках истоков культуры Японии» и фестиваль азиатской музыки «Фантазии Айртама», посвященные 20-летию юбилею деятельности в Узбекистане известного Кюдзо Като, превратившего буддийские памятники на юге Узбекистана в Мекку для японских туристов».

В 2010 году за укрепление научных и культурных связей Японии и Узбекистана К. Като получил грамоту Министерства иностранных дел Японии и «Орден Священного сокровища» («Дзуй хосё») ⁵.

Японский археолог Като Кюдзо, скончался в больнице города Термеза в результате простуды, которая перешла в воспаление легких 11 сентября 2016 года и, в соответствии с его последней волей, был захоронен в Термезе.

В целях увековечивания его памяти и научной деятельности в Узбекистане президент Ш. М. Мирзиёев выдвинул инициативу создания международного исторического музея имени Като Кюдзо, присуждения имени ученого одной из улиц и школ города Термеза.

¹ <https://uzbekistan.travel/ru/o/vlyublennyj-v-uzbekistan-kato-kyudzo/> (accessed: 15.01.2025).

² История и музыка древних памятников. URL: <https://uzreport.news/culture/istoriya-i-muzika-drevnih-pamyatnikov> (accessed: 15.01.2025).

³ Музыкальный фестиваль «Фантазии Айртама». URL: <https://regnum.ru/amp/1256506> (accessed: 15.01.2025).

⁴ Цивилизации, государства, культуры Центральной Азии. Ташкент: УМЭД, 2008. 300 с.

⁵ Кузнецов С. И. Вспоминая профессора Като Кюдзо // *Известия Иркутского государственного университета. Серия «История»*. 2016. Т. 18. С. 69–76.

Леленкова А. В. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

Личность Оакура Какудзо в истории общественной мысли в Японии: историк искусств или националист?

Оакура Какудзо (1863–1913), также известный под псевдонимом Оакура Тэнсин, сыграл важнейшую роль в идейном развитии японского искусства в эпоху Мэйдзи. Он являлся исследователем в области азиатских искусств и художественным критиком, а также писателем, общественным деятелем и даже государственным чиновником. Он был личностью с неординарным мышлением и собственной философией, из-за чего впоследствии многие его идеи были переосмыслены в совершенно ином ключе, а его имя долгое время ассоциировали с одним из родоначальников ультранационалистических идей в Японии. Какие в действительности мысли пытался донести Оакура Какудзо, как до своих современников, так и последующим поколениям?

Оакура был выпускником Токийского университета, где он изучал английский язык и литературу, а также занимался традиционными искусствами Востока: китайской поэзией, традиционной японской живописью, чайной церемонией и т. д. Во время своей службы в качестве государственного чиновника в Министерстве образования, науки и культуры он сумел внедрить новые принципы политики в сфере искусства и стал сооснователем Токийской школы изящных искусств. В этот период можно говорить о рождении Оакура Какудзо как историка искусства Японии. Однако он понимал, что невозможно будет составить полноценную картину, не обратившись к истокам, поэтому он совершал исследовательские поездки в Китай и Индию. Кстати, он питал глубокий интерес к искусству древней Индии как прародительнице буддийского искусства, возникшего потом в Китае, Корее и дошедшего до Японии. Во время своего пребывания в Индии Оакура пришел к выводу, что буддизм, конфуцианство и даосизм в комплексе являются истоками традиционной японской культуры. Именно в этот период Оакура начал рассматривать культуру Азии в совокупности различных учений, которые образуют в итоге единый ареал.

Согласно оценке некоторых исследователей, Оакура Какудзо был одним из первых, кто дал описание истории искусства Японии не просто с позиции художественного критика, а именно как исследователь-историк. Например, он предложил систематизировать накопленные его предшественниками и им самим знания путем введения периодизации истории японского искусства. Однако он выступал против принятого «государственного» подхода к составлению периодизации, демонстрирующей автономию японского искусства, в котором нет места другим культурам. Поэтому после своего возвращения из Индии в 1903 г. Оакура опубликовал на английском языке одну из главных своих работ — «Идеалы Востока, выраженные в искусстве Японии». По сути, в ней он выразил свои мысли о роли искусства и эстетической философии в историческом развитии Японии и других странах Азии.

«Идеалы Востока» является одним из наиболее широко исследуемых трудов Оакура Какудзо. В целом его концепцию можно свести к следующим тезисам:

Азия — едина. «Рыцарство» арабского народа, персидская поэзия, морально-этические нормы Китая и философия Индии — все это являет собой единый древний мир Азии, в котором зародилась общая жизнь.

Япония играет особенную, исторически обусловленную роль как место, где обнаруживается и сохраняется единение Азии.

Прогресс в искусстве является результатом культурного конфликта, зачатого в условиях войны. Японское искусство может смело перенимать технические новшества Запада, не лишаясь при этом собственной природы. Однако «громкий голос» должен быть услышан из самой Азии, и путь к победе должен начинаться изнутри.

Культурное возрождение Азии и Японии как ее культурного лидера должно произойти через переосмысление того, что уже существовало в прошлом как культурная сущность. Сегодня основной задачей Азии становится осознание и развитие собственных традиций.

Культура Азии включает в себе знания и художественное самовыражение, которым не свойственны проявление индивидуализма и конфликтность¹.

В целом можно предположить, что в «Идеалах Востока» Оакура определил свои принципы азиатизма в истории японского искусства. С другой стороны, в его тезисах прослеживается и завуалированный призыв встать на путь возрождения путем борьбы за независимость. Японию, называя ее «культурным лидером», Оакура представляет как конкретную модель страны, используя опыт которой, другие страны смогут снова обрести суверенитет.

И здесь мы подошли к вопросу, почему же имя Оакура Тэнсин часто связывают с ультра националистическими идеями, которые распространились в Японии в 1930-е гг.? Дело в том, что в 1938 г., спустя 25 лет после смерти Оакура, была опубликована его книга «Пробуждение Востока», написанная еще в 1902 г. Скорее всего, ее содержание было существенно отредактировано с учетом царившей в ту пору идеологии. За основу был взят все тот же призыв Оакура к странам Азии вновь осознать себя как самостоятельное культурное пространство. Однако в редакции 1938 г. концепция азиатизма в истории развития искусства перешла в категорию панasiatизма и призыву к началу Великой Восточноазиатской войны. Так главным тезисом «Пробуждения Востока» стали слова: «Величие Запада — это унижение Азии. Сама история подвела Запад к неизбежному антагонизму с нами»². Сейчас подлинность изначального содержания этой книги подвергается большим сомнениям, тем более что последующие известные труды Оакура имели совершенно иной смысл.

¹ Okakura Kakuzo. The Ideals of the East with Special Reference to the Art of Japan. London: John Murray, 1903. P. 1–5, 230–240.

² Okakura Kakuzo (Tenshin). The Awakening of the East / Japanese translation by Asano Akira. Seibun-kaku, 1940. P. 136.

Так, труды «Пробуждение Японии» (1904) и «Книга чая» (1906) Окакура Какудзо также написал на английском языке с той целью, чтобы глубже познакомить западного читателя с реалиями своей родной страны, имеющей многовековую историю; попытаться помочь народам Запада понять и уважать религию и культуру Японии и Азии; возродить в памяти и апеллировать к универсальным элементам в западной и восточной культурах, что привело бы не к угнетению одних наций другими, а их взаимодействию.

Maria N. Malashevskaya (FAAS, St Petersburg State University, St Petersburg)

Intellectual Hero for the Public Interest: East Asia Political ethics establishment in the novel “Confucius” by Inoue Yasushi

The novel “Confucius”¹ was the last large-scale work of the novelist Inoue Yasushi, released in 1989, becoming the result of many years work on the considering of basis of Chinese culture and history. Chinese history served as the topic and setting for a significant number of Inoue’s fiction and non-fiction works. From the mid-1950s until his death in 1991. Inoue acted as an activist in Japan’s cultural diplomacy and personally established contacts with representatives of the Chinese art, science and literature circles, he visited China more than 20 times, also during the period before the normalization of diplomatic relations between Japan and China in 1970s. There is numerous research in Japan, USA, Europe and Asia devoted to his literature and activities. In the first quarter of the 21st century Inoue fiction and non-fiction have attracted the close attention of Chinese researchers, with deep interest to works, touched the history of Western Region and China.

Writing a novel dedicated to the central figure of Chinese and East Asian intellectual culture seems more than expected. Researcher Tian Mei notes that Inoue Yasushi became interested in studying the history of Confucius and reading the Lunyu (Analects) at the age of 60, and in a conversation with Oe Kenzaburo he emphasized: “It’s amazing, because there are no difficult-to-understand phrases in the Lunyu, as in other philosophical texts. But flipping through its pages, you feel the tremendous power inherent in every single phrase”². The novel “Confucius” has been reprinted several times, going out in large editions in Japan, and has also been translated into several European languages, and into Chinese. In Japan, the novel became an intellectual best-seller, it solved several tasks: 1) Actualizing the classical values of East Asian culture

¹ 井上靖. 孔子. 東京: 新潮文庫, 1995.

² 田梅、邪永鳳. 井上靖の『孔子』と『論語』// 山口大学アジア歴史・文化研究会. 2011. № 15. P. 115.

and appealing to contemporaries; 2) Educational function by creating a full-dimensional world of the Chinese past; 3) Portraying a charismatic intellectual hero who influences the transformation of the surrounding world.

The narrator is a fictional disciple of Confucius, Yen Chiang (state Cai), who studied at the Chinese thinker's school from a teenager and passed on his ideas, he tells the story 30 years after the teacher's death (Inoue did not undertake to narrate on behalf of a cult figure of the Chinese intellectual tradition). The charisma of Confucius is recreated in the memoirs of an eyewitness student (a technique used by the famous novelist, contemporary of Inoue Yasushi Umberto Eco in the novel "The Name of the Rose" in 1980); Yen points that his charisma formed in the in the consciousness of students and society, he participates together with other student-followers in the development of the Confucian legacy (creating of Lunyu). The novel is based on both text of "Analects" and "Historical Notes" by Sima Qian. Inoue Yasushi was an expert on Chinese history, so he places his characters in the real historical context of the confrontation between Chinese states during the Spring and Autumn period, highlighting innovative activities and relevant ideas about a noble man, interhuman relations, the "Mandate of Heaven" and the Heaven will, the place of human in the world, which Confucius proposed, forcing modern readers to touch the foundations of East Asian philosophy, ethics and political thought.

The topic of power and "Mandate of Heaven" is central for the story, Yen speaks about it touching sayings of Confucius and military-political struggle of the appanage states of China in the 5th century BC. Inoue Yasushi explains in detail the system of political relations between large and dependent states of the Zhou era. The characters of the novel observe the rise and fall of kingdoms, and they tells the author considerations to his contemporaries, saying: "Countries fall, one after another. The Master must have wanted to save the people of Ts'ao, of Ch'en and of Ts'ai from the misery of national ruin. And yet in this turbulent age he was unable to do so"¹. These ideas turned to public interests, rather than individual needs, that is the axiological core of the work. The topic of a "noble = good man" is linked to the creation of a better society.

The charisma of intellectual hero is based on the value of public interests — a characteristic feature of Confucius is humanism: "The charisma I sensed about the Master lay in his love for humanity, in his passion for upliftment and in his will — more like tenacity of purpose — to reduce the number of unhappy people, even if only by one.<...> ... the cultivation of people who would strive diligently to create a society in which those who were born into this world would be glad that they had been born — I believe one could say that this was the ensign under which the Master's school rallied day and night"². The consolidation of innovative results is achieved through the involvement of followers, working on systematization, interpretation and implementation of Confucius' humanistic ideas to new generations of public figures who make political decisions.

¹ Inoue Yasushi. Confucius / Trans. by R. K. Thomas. London: Peter Owen, 1992. P. 96.

² Ibid. P. 99.

Accordingly, the activity of creating a school and educating intellectual followers is the pragmatic goal of the charismatic hero. Through the text of the novel, Inoue Yasushi addresses his contemporaries, actualizing the classical values of Chinese political philosophy and showing Japan's involvement in this philosophical program.

Михалев А. В. (БГУ, Улан-Удэ)

Концепт «мирный атом» как миф о Чинтамани в социалистической Монголии

Советская пропаганда в Азии на протяжении почти всего периода социалистического строительства тесно связывала идею научно-технического прогресса с мифологическими представлениями местных народов. Это позволяло, с одной стороны, продемонстрировать логичный переход от мифологического сознания к научному, с другой — адаптировать сложные идеи к местным реалиям. Подобная практика занимает важное место в истории всей советской системы натурализации технологических концептов. В данном докладе речь пойдет о понятии «мирный атом», вошедшем в обиход в Монголии в эпоху позднего социализма, в 1980-е годы. Тогда началась разработка уранового месторождения в аймаке Дорнод. К этому времени советская агитация накопила богатый опыт работы в условиях Монголии, поэтому разбираемый нами случай с «мирным атомом» является показательным.

Изначально, еще в период разведки природных ископаемых, в Монголии возник особый язык описания, связанный с мифологическим романтизмом. Например, в палеонтологии изучение остатков динозавров в дословном монгольском переводе именовалось как изучение костей драконов. Сходным образом формировалась идея атомной энергии и урановой руды. Урановая руда объяснялась через изобразительное искусство и средства пропаганды как Чинтамани — философский камень в буддийской интерпретации. Он позиционировался как источник благополучия для всей страны, который обеспечит Монголию электроэнергией и благоустройством. Такая практика научно-технического воображения наглядно подтверждала тезис «мы рождены, чтоб сказку сделать былью». В итоге формировалась особая система дискурсивного преобразования были в легенду.

Данная система была основана на образах, создававшихся изобразительным искусством и литературой. Поэтика прогресса находила отражение в плакатах, марках монгол шуудан и других средствах наглядной агитации. Популяризация предания о Чинтамани связывалась как с экспедициями Н. К. Рериха, так и с более поздними художественными образами. При этом создание индустрии по добыче урана придало этой идее новый смысл и актуальность. В итоге возникло пропагандистское упрощение, в котором чинтамани — это камень, исполняющий желание, которым может считаться и урановая руда. Перенос смысла произошел

не только в рамках агитационной работы. Он испытал влияние позднесоветской интеллектуальной моды на идеи Н. К. Рериха.

Эмпирической базой исследования послужили воспоминания советских технических специалистов, работавших в МНР в 1960–1980-е годы. Для изучения указанного исследовательского сюжета мы отобрали воспоминания геологов и инженеров, работавших на стройках социализма и обеспечивавших энергетические проекты (начиная с электроэнергетики и заканчивая ураном). Кроме того, были использованы материалы советского социально-экономического журнала «Монголия» (с 1970 по 1989 год), а также тексты художественной литературы и материалы изобразительного искусства.

Соколов О. А. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

Этнические группы в пространственно-временном континууме арабской географической литературы¹

В фокусе исследования находится эволюция пространственно-временной лексики средневековой арабоязычной географической литературы и концепта «пространство – время» в арабо-мусульманской культуре в диахронической перспективе в контексте описания этнической картины мира.

Для решения данной научной задачи представляется важным изучить бытование концепта времени и функционирование концепта пространства на материале средневековой арабской географической литературы. В случае с концептом времени предполагается рассмотреть систему временных отрезков, используемых для описания истории проживания тех или иных этнических групп на различных описываемых территориях, а также то, какие референциальные точки выбираются в различных случаях для отсчета временных отрезков «до» и «после». Аналогичным образом интерес представляют категории пространства, в первую очередь расчет расстояний. В этом контексте также заслуживает внимание оценка влияния коранических концептов времени и пространства на мировосприятие средневековых мусульман, в том числе анализ соотношения концептов мусульманского (dār al-islām) / немусульманского пространства (dār al-ḥarb) через призму представлений о физической географии и расселении представителей различных конфессий и этнических групп.

В качестве основного источника для анализа рассматривается труд «Kharīdat al-‘ajā’ib wa farīdat al-gharā’ib» («Жемчужина чудес и перл диковинок») сирийского географа Ибн ал-Варди (1291/1292–1348/1349), в котором автор обобщил актуальные для первой половины XIV в. географические знания арабо-мусульманской

¹ Исследование было выполнено при финансовой поддержке РНФ (Проект № 25-28-00996).

культуры, касающиеся климата, рельефа, фауны и флоры, населения, образа жизни, государств и их устройства в известной на тот момент части мира.

В «Kharīdat al-‘ajā’ib wa farīdat al-gharā’ib» Ибн ал-Варди опирался на труды «Murūj al-dhahab wa ma‘ādin al-jawhar» («Золотые копи и россыпи самоцветов») ал-Мас‘уди (896–956), «Mu‘jam al-buldān» («Словарь стран») Якута (1179–1229) и «Jāmi‘ al-funūn wa salwat al-maḥzūn» («Собрание наук и утешение опечаленного») Ибн Хамдана (1206–1295), в разных случаях либо указывая, либо опуская сведения о цитируемом источнике. Данный памятник, являющийся одним из первых фундаментальных географических трудов, созданных на Ближнем Востоке после окончания Крестовых походов и отражения мамлюками монгольской угрозы, заслуживает особого внимания. Представляется важным изучить, как видоизменилась этническая картина мира и ее пространственно-временные характеристики после значительных изменений, которые претерпел политический ландшафт Ближнего Востока в XII–XIII в. Для этого предполагается соотнести фрагменты «Kharīdat al-‘ajā’ib wa farīdat al-gharā’ib», посвященные различным этническим группам с текстами памятников, на которые опирался Ибн ал-Варди. Таким образом, целью данного анализа является выявление закономерностей и основных концепций описания пространственно-временных характеристик проживания различных этнических групп в работах средневековых арабских географов.

Секция XIII • Section XIII

Школа молодого востоковеда

Workshop of Young Scholars in Asian and African Studies

Анискевич К. В. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

**Оценка США коммунистической угрозы в Таиланде
в середине XX в. (по материалам американских
разведывательных данных)**

Одной из наиболее значимых причин, по которым коммунистическое движение в Таиланде не получило широкого распространения, представляется влияние Вашингтона на правящие элиты в Бангкоке. Предоставляя финансовую и военную помощь Таиланду, в которой военные правительства королевства были крайне заинтересованы, США требовали от властей страны проведение антикоммунистической политики, направленной на подавление «красного» движения на окраинах страны. В настоящее время в электронных архивах на сайте ЦРУ хранится множество докладов от американских агентов, которые занимались анализом коммунистического движения в Таиланде, чтобы воздействовать на политику королевства и противостоять «красной заразе» более успешно. Поскольку многие разведданные были рассекречены только в начале XXI в., ни российские, ни зарубежные таиландоведы не имели до последнего времени возможности использовать эти источники в своих работах на соответствующую тематику.

Несмотря на то, что США декларировали необходимость всеобъемлющей борьбы с коммунистической угрозой в ЮВА, в том числе в Таиланде, данные разведки свидетельствуют о незначительности коммунистического движения в Таиланде в 1950–1960-х гг.¹ Также подчеркивается, вопреки распространенному

¹ Remarks on Chinese Communism in Thailand: доклад от 1952 г. // Central Intelligence Agency: Рассекречен 3 января 2002 г. С. 1. URL: <https://www.cia.gov/readingroom/docs/CIA-RDP80-00926A005900730001-8.pdf> (дата обращения: 10.09.2023). Communist Insurgency in Thailand: доклад

мнению, слабое внимание правительства Таиланда к искоренению коммунистической деятельности в стране вплоть до 1975 г.¹ Понимая, что сам Таиланд не заинтересован в целенаправленной активной борьбе против коммунистов², Соединенные Штаты продолжали оказывать финансовую и военную поддержку стране, но, будучи в значительно большей степени, чем сам Бангкок, озабочены красным движением, принимали самостоятельные меры для борьбы с этой угрозой.

Сотрудники американских спецслужб, в частности, стремились воздействовать на жителей Таиланда психологически. Так, Вашингтон стремился создать «атмосферу победы» и убедить сельское население страны, что «США не оставят Юго-Восточную Азию коммунистам»³. Особый интерес представляет другой пункт плана Вашингтона в 1950-х гг.: профинансировать повстанческое движение в Таиланде, чтобы «не тратить западных военных»⁴. Через несколько десятилетий решающую роль в борьбе с «красной заразой» сыграют именно ультраправые воензированные формирования (Сельские скауты, Красные гауры и Девятая сила).

Анализ документов ЦРУ показывает, насколько хорошо США владели информацией о внутренних делах страны, в том числе и на крайнем севере и северо-востоке Таиланда, относительно которых сам Бангкок не располагал полной информацией о деятельности коммунистов. США имели больше возможностей для анализа ситуации на приграничных территориях, получая информацию от информаторов в деревнях, допрашивая перебежчиков и иногда перехватывая документы Компартии Таиланда⁵. Тем не менее сбор информации был затруднен тем, что даже рядовые члены партии старались избегать использования бумажных документов, а коммунистические группы скрывались в труднодоступных джунглях⁶.

от 1966 г. // Central Intelligence Agency: Рассекречен 23 декабря 1991 г. С. 5, 13. URL: https://www.cia.gov/readingroom/docs/DOC_0000012498.pdf (дата обращения: 18.10.2023). Режим доступа: ограничен на территории РФ.

¹ Insurgences in Thailand: A declining threat: доклад от 1982 г. // Central Intelligence Agency: Рассекречен 6 марта 2007 г. С. 7. URL: <https://www.cia.gov/readingroom/docs/CIA-RDP84S00554R000100190001-7.pdf> (дата обращения: 19.09.2023). Режим доступа: ограничен на территории РФ.

² Resistance of Thailand, Burma, and Malaya to communist pressures in the event of a communist victory in Indochina in 1951 от 1951 г. // Central Intelligence Agency: Рассекречен 29 августа 2000 г. С. 2. URL: https://www.cia.gov/readingroom/docs/DOC_0000010881.pdf (дата обращения: 12.09.2023). Режим доступа: ограничен на территории РФ.

³ Psychological Strategy with Respect to the Thai Peoples of Southeast Asia: *Psychological Strategy Board in Washington D. C. U. S.*, от 28 июля 1953 г. // Central Intelligence Agency: Рассекречен 19 декабря 2016 г. С. 6. URL: <https://www.cia.gov/readingroom/docs/CIA-RDP80R01731R000700450029-9.pdf> (дата обращения: 11.05.2023). Режим доступа: ограничен на территории РФ.

⁴ Ibid.

⁵ The President's Daily Brief: доклад от 19 июля 1969 г. // Central Intelligence Agency: Рассекречен 27 апреля 2016 г. С. 6. URL: https://www.cia.gov/readingroom/docs/DOC_0005976887.pdf (дата обращения: 02.01.2025). Режим доступа: ограничен на территории РФ.

⁶ Bergin B. Defeating an Insurgency: The Thai Effort against the Communist Party of Thailand, 1965-ca. 1982 // *Studies in Intelligence*. 2016. № 60 (2). P. 27.

Американские материалы также предоставляют широкий спектр статистических данных. Они включают в себя цифры по отправленным на обучение во Вьетнам и Китай тайцев, по убийствам и секретным собраниям, а также по количеству оружия у коммунистов.

Тем не менее можно предположить, что некоторые выводы сильно преувеличивали существующую угрозу. В связи с негативным восприятием «свободным миром» коммунистических идей, во всех материалах прослеживается резко отрицательное отношение к КПТ, ее членов чаще всего именуют «террористами» или «мятежниками».

Можно резюмировать, что данные американской разведки служат незаменимым источником для изучения коммунистического движения в Таиланде. Обнародование других докладов и материалов ЦРУ в будущем также будет полезным для составления полной картины распространения коммунистических идей в Таиланде и, в конечном счете, подавления коммунистического движения как главной угрозы стабильности страны.

Бочкор А. И. (НИУ ВШЭ, Москва)

Зийараты в Башкортостане как пространства наложений семиотических идеологий

Зийарат, или паломничество к святым местам (а также само место паломничества), является важной духовной практикой в исламе, но особое значение приобретает в таком направлении, как суфизм¹. Как правило, паломничества совершаются на могилы святых людей. Святыми, или *аулия*, считаются авторитетные религиозные деятели, известные своим благочестием и правове́рием². Однако в отличие от нормативно предписанного паломничества в Мекку и Медину, посещение могил *аулия* нередко трактуется как спорная практика и вызывает дискуссии как среди мусульманских интеллектуалов, так и среди рядовых верующих³. Некоторые мусульмане интерпретируют практику посещения могил как поклонение святым, что противоречит мусульманскому догмату о единобожии (араб. *таухид*), другие связывают *зийараты* с практикой общения с духами предков, которые заботятся

¹ Mayeur-Jaouen, C. *Sūfī Shrines* // Handbook of Sufi Studies. Vol. I. Ed. by Alexandre Papas. Leiden: Brill, 2020. P. 145.

² Хабибуллина З. Р. Религиозная практика посещения могил «святых» у мусульман Башкортостана: традиция и новые тенденции развития // *Восточноевропейский научный вестник*. 2017. № 4. С. 55–57; Бустанов А. Постсекулярный суфизм в России // *Суфизм после СССР*. Ред. С. Абашин, А. Кныш, И. Панков. М.; СПб.: Марджани, Аль-Макам, 2022. С. 28–51.

³ Дариева Ц. Бакинский «Бескостный» святой: мусульманское паломничество в секулярном городе // *Государство, религия, церковь в России и за рубежом*. 2016. № 2. С. 203–225; Хабибуллина З. Р. Указ. соч. С. 55.

о своих потомках¹. Нередко *зийараты* приобретают и магические смыслы, когда во время или после их посещения ожидается чудо: излечение от болезни, исполнение желаний или общение с потусторонними силами или душами усопших².

В Башкортостане в последние годы активно возрождается суфизм, а практика посещения *зийаратов* распространяется среди местного населения³. Однако среди мусульман нет единого мнения о том, какие религиозные практики необходимо совершать во время *зийарата*, а какие практики, напротив, находятся под запретом⁴. Цель доклада заключается в выявлении представлений о «правильных» семиотических идеологиях взаимодействия с сакральным на *зийаратах* среди мусульман Башкортостана.

В работе используется конструктивистский подход, который предлагает исследовать способы, с помощью которых люди «работают» с сакральными пространствами, конструируя смыслы и превращая их в сакральные объекты⁵. Тем самым мы не исходим из заранее определенного представления о том, что такое *зийарат*, какие символы и практики наполняют его содержание, а скорее фокусируемся на том, как сами мусульмане, проживающие в Башкортостане, конструируют то, что для них означает «правильно совершенный *зийарат*».

Смысл сакральных пространств создается в ходе взаимодействий людей через ритуальные практики с данными пространствами. Социальные представления о том, какие знаки необходимо использовать на сакральных пространствах, какие функции они выполняют и к каким последствиям они ведут, раскрываются через концепцию семиотических идеологий⁶. Семиотические идеологии предписывают то, какие символы и какие практики необходимо использовать для установления связи с сакральным⁷.

Частичный разрыв преемственности традиций паломничества к могилам *аулийа* и отсутствие институциональной религии в советский период привели к возникновению разнообразных интерпретаций относительно *зийаратов*, и религиозные практики стали крайне вариативны даже внутри одного региона. Более того, в Башкортостане с 90-х годов активно развиваются новые религиозные движения

¹ Цибенко В. Изобретение или возрождение исламской традиции в Башкирии: опыт тариката накшбандийа-хакканийа // Суфизм после СССР. Ред. С. Абашин, А. Кыш, И. Панков. М.; СПб.: Марджани, Аль-Макам, 2022. С. 281–305.

² Дарнева Ц. Указ. соч.

³ Цибенко В. Указ. соч.; Идиатуллов А. К. «Священные» объекты татар и башкир Среднего Поволжья и Приуралья // *Вестник Томского государственного университета*. 2018. № 52. С. 89–94.

⁴ Подвижники ислама. Култ святых и суфизм в Средней Азии и на Кавказе. Сост. С. Н. Абашин, В. О. Бобровников. М.: Восточная литература, 2003. С. 8.

⁵ Knott K. Religion, Space, and Place: The Spatial Turn in Research on Religion // *Religion and Society: Advances in Research*. 2010. 1(1). P. 29–43.

⁶ Keane W. On Semiotic Ideology // *Signs and Society*. 2018. Vol. 6. Iss. 1. P. 64–87.

⁷ Keane W. Semiotics and the Social Analysis of Material Things // *Language & Communication*. 2003. Vol. 23. Iss. 3–4. P. 409–425; Панченко А., Хонина Е. «Семиотические идеологии», медальность и современная антропология религии // *Государство, религия, церковь в России и за рубежом*. 2019. № 4 (37). С. 7–18.

и распространяются индуистские практики¹. Последователи таких религиозных движений нередко посещают те же самые сакральные объекты, что и мусульмане, и практикуют собственные религиозные ритуалы. Это создает уникальное переплетение смыслов и практик на местах совершения *зийаратов*. Подобное переплетение указывает на важность изучения представлений мусульман Башкортостана о том, как взаимодействовать с сакральным на *зийаратах*.

Автором было проведено 19 глубинных полуструктурированных очных интервью с мусульманами из сельской местности южных регионов Башкортостана в рамках экспедиции «Дорогами мистиков Башкирии» 2023 года. Помимо этого, в процессе экспедиции была совершена каталогизация и фотофиксация сакральных пространств в южных районах Башкортостана. Было выявлено многообразие способов взаимодействия мусульман с сакральным во время совершения *зийаратов*: обход вокруг могилы, завязывание ленточек, молитвы, общение с предками, чтение намаза и другое. Участники интервью особенно подчеркивали историческую преемственность посещаемых сакральных пространств, указывая на сохранение данной традиции даже в советскую эпоху.

Местные жители стремятся оформить новые сакральные объекты в пределах пространств, воспринимаемых в качестве священных в дореволюционный и раннесоветский периоды, связывая тем самым настоящее и прошлое религиозной традиции. При этом могилы *аулийа* могут выделяться определенными символами не только представителями ислама, но и приверженцами других религий или новых религиозных движений. Главная особенность совершения *зийарата* сегодня — его синкретический характер, где перемешиваются различные религиозные и магические элементы в рамках дискурса возрождения «традиционной» исламской практики, где конструируются границы между «правильными» и «неправильными» ритуалами *зийарата*. Сегодня в конструировании и легитимации «правильных» обрядов активное участие принимают и местные суфийские сообщества, в частности представители тариката накшбандийа-хакканийа. В докладе подчеркивается необходимость дальнейшего изучения *зийаратов* как важной части религиозной жизни современных мусульман.

Вахрушева В. М. (НИУ ВШЭ, Москва)

Историографический анализ национальных школьных учебников по истории в Республике Корея на примере образа Тангуна

В статье рассматривается ключевая проблема современной историографии Республики Корея — историографическое содержание школьных учебников по

¹ Мухаметзянова-Дуггал Р. М. Вайшнавские общины в Башкортостане // *Colloquium-journal*. 2019. № 26. С. 49–53; Шнирельман В. А. Аркаим: археология, эзотерический туризм и национальная идея // *Антропологический форум*. 2011. № 14. С. 133–167.

национальной истории. В Республике Корея учебные программы по истории подвергаются изменениям практически с каждым новым президентом. Дебаты о необходимости единого учебника истории и о том, как избежать политизации, продолжаются уже многие десятилетия.

Учебники истории следует рассматривать не только как источник историографической информации, являющийся самым массовым ресурсом по изучению процесса формирования и развития различных исторических концепций, но и как индикатор направления государственной социальной политики, поскольку в школьных учебниках содержится большой объем идейно-политической информации.

Отношение к легендам культурного наследия в корейском обществе претерпело серьезные изменения на протяжении истории, что связано с различными политическими, социальными и культурными событиями. Например, отношение к мифическому основателю Кореи Тангуну в корейских учебниках радикально менялось с 1948 по 2024 год: от культа Тангуна до его исключения из учебников, а позже формирования образа реального исторического лица. По корейским легендам Тангун являлся внуком бога Неба и прожил, по разным версиям, от одной до двух тысяч лет.

Во времена Первой Республики (1948–1960) Тангун становится существенной частью государственной идеологии. Первый президент Республики Корея Ли Сынман понимал, что для развития патриотических чувств необходимо изучать родную историю. Идеологией его режима становится идея «одного народа», которая во многом была основана на «национализме Тангуна». Правительством было решено исправить школьные учебники по истории: в них были добавлены большие разделы, связанные с древней историей Кореи, в частности с Тангуном. В качестве официального летоисчисления был принят Танги. Был официально учрежден День Тангуна как День основания Кореи (3 октября).

Радикальные культурные изменения в обществе произошли после военного переворота 1961 г. и прихода к власти Пак Чонхи. Практически все мероприятия, связанные с Тангуном, были отменены. Кроме того, с 1 января 1962 г. вместо «Танги» вводится григорианский календарь, а к 1974 г. разделы, посвященные Тангуну, полностью исчезают из школьных учебников.

После убийства Пак Чонхи в 1979 г. новое правительство Чон Духвана берет курс на укрепление позиций Кореи в современном мире и международное признание. Учебники по национальной истории Кореи опять изменяются. В начале 1980-х гг. в учебниках по истории для начальной, средней и старшей школы появляется информация, что Тангун был реально существовавшим человеком, а территория Кочосон простиралась до Пекина. В академической среде возникло много разногласий, связанных с преподнесением информации о Тангуне. Историки возмущались, что политики решают за ученых, как составлять историю Кореи. Однако к их мнению никто не прислушался, и эти учебники концептуально не меняли своего содержания до 2011 г.

При Ли Мен Баке (2008–2013) корейские власти отказались от концепции «единого учебника истории». В обществе начались разговоры о том, что в Южной

Корее власть объявила войну истории. В 2011 году в Республике Корея было шесть видов учебников по истории от разных издательств. Выпущенный правым издательством «Кёхак» учебник, отражавший консервативный тренд, был встречен очень жесткой критикой — не только за его идеологию, но и за слишком явную манипуляцию фактами. В ответ звучали заявления, что если не принять меры, то вскоре дети будут учиться по северокорейским учебникам. В последние годы было предпринято несколько попыток возврата к идее создания нового единого учебника, например, при Но Му Хене (2003–2008) и Пак Кын Хе (2013–2017). Однако каждый следующий президент отменял проект, чтобы не идти на поводу у условно левых, — поскольку университетская профессура в Корее традиционно левая.

Приезидент Мун Чжэ Ин (2017–2022) считал, что историческая дисциплина не должна быть политизирована, и заявил, что единый учебник истории — символ отсталого подхода к историческому образованию. Однако им было решено ввести стандарты и установить контроль над содержанием учебников. В 2018 году в Республике Корея был утвержден национальный учебный план с довольно жесткими рекомендациями к учебным пособиям. Например, по предмету «Национальная история» учащиеся изучают Тангуна в 7-м классе в самом начале учебного года в разделе «Начало истории нашей страны» / «Становление нации» / «Историческое значение Кочосон» / «Тангун — основатель Кочосон». Время на изучение темы — два урока. В рамках современного сбалансированного подхода в учебниках рассказывается как по мере формирования культуры бронзового века в районе Корейского полуострова появилось множество племен, управляемых вождями. Тангун объединил эти племена и основал Кочосон. Учеников учат делать вывод, что основание Тангуном Кочосона свидетельствует о том, что история страны очень древняя. Мифы и легенда происхождения Тангуна преподносятся через систему образов, например, медведь и тигр отражают элементы верований в поклонение священным животным, которое сформировалось еще в доисторические времена.

В исследовании 2018 года, посвященном методам преподавания о Тангуне в рамках школьной программы по истории¹ подчеркивается, что в современных учебниках фигуре Тангуна уделяется крайне мало времени — два урока в рамках изучения бронзового века и очень многое зависит от конкретного учителя, даст ли он дополнительные материалы. По учебникам, выпущенным в 2018 году, продолжали заниматься и в 2024 году.

Пересмотр учебников истории — довольно популярный инструмент корейской государственной политики, который может существенно изменить подход молодого поколения к пониманию своей культуры и истории. Информация в учебниках по истории очень динамична, и различные версии истории могут оказывать влияние на внутреннюю политику в Корее и даже на международные отношения.

¹ 단군신화 분석을 통한 역사교육 방안과 효과적인 교수모델 — 제7차 교육과정 국사교과서를 중심으로 2018. URL: <https://m.blog.naver.com/mrcd22/221390311194> (дата обращения: 24.12.2024).

Владимиров Л. Р. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

Христианское школьное образование в Судане в XX веке

В конце XIX века система образования в Судане как таковая отсутствовала. Наиболее распространенными были так называемые *хальвы* и *куттабы* — традиционные исламские школы, в которых не было единой программы. Осознав важность светского образования, необходимого хотя бы для того, чтобы готовить служащих колониальной администрации, лорд Китченер в 1902 основал Мемориальный колледж Гордона. С этого года начинается история возрождения христианского образования в Судане. В 1899 году правительство Кондоминиума позволило вернуться бежавшим от махдистов католическим миссионерам и уже в 1902 году в Хартуме была открыта католическая школа. Из-за того, что власти не могли напрямую влиять на программу школы, они выработали ряд мер для того, чтобы контролировать ее. Так, с 1905 года католические школы находились под строгим надзором специальной комиссии под предлогом недопущения проповеди христианства среди мусульман.

В 1929 году было открыто главное католическое учебное заведение Судана — Католический колледж Комбони, названный в честь Даниэле Комбони — основоположника католической миссии в Судане. Правительство кондоминиума позволило давать там образование только «не-суданцам». Это ограничение было снято лишь в 1944 году, после чего в колледж хлынул поток мусульман. Так, в нем учились дети тогдашнего министра просвещения Абд ар-Рахмана аль-Махди. В 1933 году колледж стал частью программы сертификации Оксфордского университета, что позволяло его ученикам продолжать обучение в университетах Великобритании.

Коптское образование также переживает период бурного развития. В 1911 году открывается первый в Судане коптский детский сад, вскоре закрытый из-за недостатка средств. В 1922 году коптская община Хартума получила 200 фунтов субсидии властей на открытие коптской школы. Ученики этой школы обязаны были после окончания продолжать образование в Египте. Первые несколько лет образованные копты Хартума вели там занятия бесплатно. Однако уже к 1924 году они все были заменены коптами-египтянами. В 1930 году Коптская школа была реорганизована в Коптский колледж. Была открыта начальная школа для девочек, образование стало трехступенчатым: подготовительный этап длился 2 года, а начальная и средняя школа — по 4 года. Количество учеников колледжа выросло со 150 до 300, и правительство Египта решило посылать экзаменаторов в Судан. К 1956 году число учеников уже превышало 1400¹. В коптском колледже появилось множество кружков для учеников: от различных видов спорта до философии и искусства. В 1930-е гг. так же открываются коптские школы в Хартуме ал-Бахри и Омдурмане.

¹ Са'д Мухаммад Ахмад Сулайман. *Ақба́т ас-судда́н: ал-ма́йди ва-л-ха́дир* [Копты Судана: прошлое и настоящее]. Бахрейн: *Джэми 'ат ал-бахрайн*, 2013. С. 134.

Что касается образовательных программ, то в католических и коптских школах они во многом были похожи: образовательные программы были заимствованы у европейских школ. В крупных городах школьное образование было трехступенчатым: два года подготовительной школы, четыре года начальной и еще четыре года средней. Причем первые шесть лет акцент делался на катехизации и практически все предметы были посвящены религии; кроме них преподавался арабский. В средней школе преподавались математика, биология, химия, общественные науки, а также искусства и музыка. Для посещения христианских школ детям-мусульманам требовалось разрешение.

Коптская система образования страдала одновременно и от коррупции, и от недостатка финансирования, что вызывало постепенное падение качества образования. Подавляющее большинство коптов, окончив школу, не имели уровня образования, достаточного для продолжения образования в высших учебных заведениях. Большинство коптов-выпускников продолжало дело своих родителей, некоторые поступали в хартумский филиал Каирского университета, и лишь очень немногие копты отправлялись учиться в Египет, как это и было задумано. Это привело к тому, что в начале 1950-х годов коптские школы были переданы в ведение Министерства образования Египта. Если в эпоху кондоминиума мусульмане охотно отдавали своих детей в коптские школы, поскольку уровень образования в них был выше, чем в мусульманских школах, то к моменту обретения Суданом независимости, коптские семьи предпочитали посылать детей в мусульманские школы.

После провозглашения независимости Судана в 1956 году, правительство позаимствовало образовательную модель у христианских школ — были переняты и предметы, за исключением религиозных, и трехступенчатая структура обучения.

Католические школы, в отличие от коптских, продолжили независимо функционировать и после 1956 года, однако они стали пользоваться значительно меньшей свободой: католических миссионеров обвиняли в поддержки повстанцев на Юге и высылали из страны, многие из них добровольно покинули страну после беспорядков 1964 года. Проводилась политика постепенной суданизации преподавательского состава, и к 1959 году в Колледже Комбони 73 % преподавателей были этническими суданцами¹. В 1993 году был опубликован указ, согласно которому директор или завуч любой школы в Судане должен был быть суданцем. Уровень среднего образования за эти годы в Судане вырос, и католическим школам приходилось выдерживать конкуренцию.

Еще один всплеск роста популярности католических школ пришелся на вторую половину 1980-х и был связан с потоком беженцев с юга. Католические школы развернули масштабные программы обучения для христиан-южан, названные “Save the Savable” («Спасите тех, кого можно спасти»).

Таким образом, можно сделать вывод о том, что христианские школы стали важным инструментом для сохранения христианской идентичности и выживания

¹ Vantini G. La missione del cuore. I comboniani in Sudan nel ventesimo secolo. Bologna: EMI, 2005. P. 519.

общин различных деноминаций в условиях абсолютного господства и давления со стороны мусульманского большинства, оказав при этом значительное влияние на систему школьного образования в современном Судане.

Данилова А. В. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

Репрезентация литераторов и их творчества в Республике Корея на примере южнокорейского поэта На Тхэчжу (р. 1945)

Во многих странах отношение к фигуре того или иного литератора и восприятие его творчества формируются в синхронном и диахроническом взаимодействии с культурным контекстом. Признание автора и его литературного наследия может быть прижизненным или посмертным, оно может подвергаться переоценке в зависимости от различных социальных и исторических факторов.

В Республике Корея существует развитая традиция сохранения литературного наследия: открываются музеи, посвященные памяти писателей, устанавливаются памятники с цитатами из их произведений, учреждаются премии их имени и пр. Современный южнокорейский поэт На Тхэчжу (나태주) представляет собой редкий пример автора, получившего широкое признание при жизни, что подтверждается использованием в его адрес таких эпитетов, как «народный поэт»¹ и «самый любимый корейцами поэт»², что делает его фигуру и творческое наследие особенно актуальными для изучения. Поэт также известен под прозвищем «автор “Полевого цветка”» или «поэт — полевой цветок» (풀꽃 시인)³, что напрямую связано с его наиболее известным произведением — стихотворением «Полевой цветок» (풀꽃). Можно утверждать, что успех «Полевого цветка» оказал существенное влияние на восприятие На Тхэчжу в обществе и способствовал формированию его символического образа в культурной и литературной среде⁴. Все эти эпитеты выделяют На Тхэчжу среди других южнокорейских литераторов, однако они не могут в полной мере охарактеризовать его фигуру и его творчество.

В докладе предпринимается попытка проанализировать специфику социокультурной репрезентации На Тхэчжу и его поэзии в Республике Корея. Анализ основан на непосредственных наблюдениях и исследовании медиадискурса, преимущественно новостных источников информации, с акцентом на частоту упоминаний

¹ “풀꽃 시인” 나태주가 우리에게 건네는 “다시 일어서게 하는 말들”. [Слова поэта «Полевого цветка» На Тхэчжу, которые помогают нам жить.] // <https://www.ikoreanspirit.com/>. URL: <https://www.ikoreanspirit.com/news/articleView.html?idxno=66532> (дата обращения: 10.01.2025). (На кор. яз.)

² Там же

³ Там же

⁴ Бурдьё П. Поле литературы / Пер. с франц. А.В. Щербань. М.: Логос, 2000. 300 с.

поэта и цитировании его произведений. Следует отдельно подчеркнуть, что данное исследование посвящено оценке творчества поэта в современной Южной Корее и основывается на вторичных источниках, что исключает прямое обращение к его произведениям. В этом обзоре поэт рассматривается не как объект анализа в традиционном понимании, а как знак, символ, который интерпретируется различными способами: через цитирование, условные обозначения и образы, так или иначе считываемые разными группами южнокорейского населения. Иными словами, предлагается взгляд на творчество автора через призму его репрезентации и общей оценки читательской аудиторией.

Анализ новостных материалов, посвященных На Тхэчжу и его творчеству, позволяет сделать несколько ключевых выводов.

Во-первых, творчество На Тхэчжу демонстрирует высокую степень популярности среди различных социально-демографических слоев населения Республики Корея, что свидетельствует о его ориентированности на «универсального» читателя. В подтверждение этому приводятся данные из ряда новостных статей. Например, в одном из интервью южнокорейский певец Им Ёнун (임영웅) публично заявил о влиянии сборника стихотворений На Тхэчжу на его собственное музыкальное творчество и признался, что «использовал сборник стихотворений На Тхэчжу в качестве источника вдохновения»¹. В другом новостном материале сообщается, что бывший президент Республики Корея Мун Чжэин (문재인) опубликовал в одной из социальных сетей пост, который сопровождался фотографией цветущего цветка сливы и размышлениями о прочитанном им стихотворении На Тхэчжу «Полевой цветок» (풀꽃)². Мун Чжэин также процитировал его строки³. Это может свидетельствовать о стремлении президента продемонстрировать свою вовлеченность в литературные предпочтения граждан, а также подчеркнуть связь с произведениями, популярными в обществе. Кроме того, в одном из новостных изданий отмечается, что поэтический сборник На Тхэчжу «Смотрю на тебя, словно смотрю на цветок» (꽃을 보듯 너를 본다) занимал лидирующие позиции по объемам продаж на протяжении десяти лет (2012–2022 гг.), став самым популярным поэтическим сборником в указанный период⁴. Этот успех стал возможен

¹ 임영웅, 뉴스출연해 신곡 언급..."나태주 시집서 영감받아" 궁금증. [Им Ёнун в эфире сообщил о своей новой песне... любопытно, что он «вдохновился сборником стихотворений На Тхэчжу»] // <https://www.news1.kr/>. URL: <https://www.news1.kr/entertain/broadcast-tv/5066550> (дата обращения: 10.01.2025). (На кор. яз.)

² 나태주, 풀꽃 시인...제이홉-文 대통령 효과에 유명세. [Пост популярности поэта На Тхэчжу, автора стихотворения «Полевой цветок», благодаря J-Hope и президенту Муну.] // <https://www.newsinside.kr/>. URL: <https://www.newsinside.kr/news/articleView.html?idxno=1107068> (дата обращения: 10.01.2025). (На кор. яз.)

³ Там же.

⁴ 10년간 가장 많이 팔린 시집...나태주 ‘꽃을 보듯 너를 본다’. [Поэтический сборник «Смотрю на тебя, словно смотрю на цветок» На Тхэчжу — самый продаваемый поэтический сборник за последние 10 лет.] // <http://www.munhaknews.com/>. URL: <http://www.munhaknews.com/news/articleView.html?idxno=70888> (дата обращения: 09.01.2025). (На кор. яз.)

не только благодаря данному сборнику, но и пяти другим книгам автора, которые также вошли в топ-30 самых востребованных поэтических произведений десятилетия¹. Основной аудиторией этих книг, как отмечается в статье, стали девушки в возрасте около 20 лет².

Во-вторых, наблюдается активное упоминание имени На Тхэчжу и цитирование его произведений в СМИ, публичных выступлениях известных личностей и телесериалах. Это также способствует популяризации творчества поэта. Использование строк На Тхэчжу в качестве художественного приема в телесериалах, например, для замены закадровой музыки или других кинематографических средств, указывает на то, что зрители знакомы с его творчеством и могут воспринимать эти цитаты как отсылки, улавливая эмоциональный настрой произведения. Это подчеркивает не только популярность На Тхэчжу, но и интеграцию его текстов в массовую культуру, что позволяет создателям фильмов, сериалов и других произведений искусства рассчитывать на мгновенное узнавание и восприятие культурных посылов. Известно как минимум о двух телесериалах, в которых цитируются строки стихотворений На Тхэчжу. В телесериале «Бойфренд» (남자친구, 2018) один из главных героев цитирует стихотворение «Тоска» (그리움) в момент признания в любви³. В другом телесериале «Школа 2013» (학교 2013, 2012–2013) герой цитирует стихотворение На Тхэчжу «Полевой цветок» (풀꽃)⁴. Учитывая целевую аудиторию этих телесериалов, в частности подростков и молодежь, можно предположить, что такие цитаты вызвали рост популярности и узнаваемости На Тхэчжу и среди молодого поколения.

В-третьих, повышенная узнаваемость поэта проявляется также в организации различных мероприятий и выставок, посвященных его творчеству. Например, в 2022 году в одном из торговых центров Сеула прошла выставка, посвященная На Тхэчжу. В рамках этой выставки были размещены баннеры с его стихотворениями, а на книжных полках были выставлены сборники его стихотворений⁵. Проведение подобных мероприятий, в том числе запланированных и на текущий год⁶, свидетельствует о не исчезающем интересе к личности и творчеству автора.

¹ 10년간 가장 많이 팔린 시집... 나태주 '꽃을 보듯 너를 본다'.

² Там же.

³ BTS·유재석도 읽는 76살 '풀꽃' 시인, 자세히 볼까요. [Как насчет того, чтобы поближе познакомиться с 76-летним поэтом-автором стихотворения «Полевой цветок», которого читают и участники группы BTS, и Ю Чжэсок?] // <https://www.hani.co.kr/>. URL: <https://www.hani.co.kr/arti/culture/book/996065.html> (дата обращения: 10.01.2025). (На кор. яз.)

⁴ 나태주. 꽃을 보듯 너를 본다: 나태주 인터넷 시집 퍼넌이 반송림, 퍼넌곳: 도서출판 지혜 / 2024년 5월 1일. [На Тхэчжу. Смотрю на тебя, словно смотрю на цветок: избранные стихотворения На Тхэчжу в Интернет-пространстве / под ред. Пан Соньним. Чихе, 2024.]. (На кор. яз.)

⁵ 실내 산책공간 “별마당 길” 걸으며 건강한 일상 회복. [Прогулка по крытому пешеходному пространству Starfield для возвращения к полноценной жизни.] // <http://www.humanaidpost.com>. URL: <http://www.humanaidpost.com/news/articleView.html?idxno=25172> (дата обращения: 12.01.2025). (На кор. яз.)

⁶ 2월의 국립한글박물관 문화행사 소식. [Новости культурных событий в феврале в Национальном музее хангыля.] // <https://www.hangeul.go.kr/webzine/202302/index.html>. URL: https://www.hangeul.go.kr/webzine/202302/sub1_2.html (дата обращения: 12.01.2025). (На кор. яз.)

Приведенные примеры не являются исчерпывающими. В дальнейшем мы планируем продолжить исследование данной темы и дополнить ее новыми материалами и соображениями.

Зайцева Д. М. (ФМО СПбГУ, Санкт-Петербург)

Историческая политика Королевства Саудовская Аравия: религиозный аспект

Историческая политика Саудовской Аравии, или, как ее еще называют, «политика памяти», во многом основана на религиозных традициях и ценностях, которые веками формировали общественное сознание жителей Аравийского полуострова. Зарождение ислама на территории Саудовской Аравии и расположенные там же главные исламские святыни — мечеть ал-Харам с Каабой в Мекке и мечеть Пророка в Медине, — создают основу для позиционирования Королевства как мусульманского центра. В стране реализуется проект наследного принца Мухаммада ибн Салмана по сохранению и развитию исторических мечетей, в то же время одним из наиболее важных направлений является проект по развитию Эд-Дирьии — места, откуда ведет свое происхождение династия Саудитов и где Мухаммад ибн Сауд принял учение ваххабизма. В то же время некоторые критики утверждают, что интерес к Эд-Дирьии со стороны правителей Королевства больше связан с политикой, чем с сохранением исторических памятников, отмечая, что правительство пренебрегло или уничтожило многие другие объекты культурного наследия¹. Актуальность и новизна данного исследования обусловлена тем, что в последние годы власти Саудовской Аравии начали более активно развивать различные направления своей исторической политики, которая ранее была слабо проработана. Источниковой базой исследования служат новостные сообщения и аналитические статьи.

В связи с довольно молодой историей государства в сравнении с большинством других стран Ближнего Востока, правители Саудовской Аравии стараются подчеркнуть свою историчность через религию, в частности используя богатую историю религиозных центров, находящихся на территории государства, а также титул короля как «хранителя двух святынь», что подчеркивает особый статус Королевства. Основа религиозного аспекта исторической пропаганды строится на учении ваххабизма («салафизма») и стремлении доказать, что это не учение экстремистов, а доктрина, построенная на приверженности исламским идеалам и истокам. Для Саудитов последнее имеет особое значение, так как ваххабизм

¹ Ben Hubbard. Saudis Turn Birthplace of Wahhabism Ideology into Tourist Spot // *The New York Times*. 31.05.2015. URL: https://www.nytimes.com/2015/06/01/world/middleeast/saudis-turn-birthplace-of-ideology-into-tourist-spot.html?ref=topics&_r=0 (дата обращения: 15.01.2025).

сыграл ключевую роль в становлении государства¹. В связи с этим в Королевстве есть проекты в рамках исторической политики, которые связаны с историей доктрины Мухаммада ибн Абд ал-Ваххаба. В первую очередь к этому относится проект развития Эд-Дир'ии и оазиса Уяина, откуда происходил основатель ваххабизма.

Саудовская политика памяти осуществляется в разных направлениях. В последнее время стало уделяться больше внимания развитию и финансированию археологических исследований в стране, поскольку на ее территории на протяжении веков жили различные народы, через нее проходили торговые пути, соединявшие Восток и Запад². В рамках государственной программы «Vision 2030» отражаются цели, намеченные в этом направлении: «Мы будем продолжать работать над восстановлением национальных, арабских, исламских и древних культурных объектов и строить музеи мирового класса. Это создаст живое свидетельство нашего древнего наследия, демонстрируя наше видное место в истории и на карте цивилизаций»³. Помимо Эд-Дир'ии и Ал-Улы для исследований были выделены новые территории, в частности область ал-Ахса и горный регион Асир. Особое внимание уделяется историческим мечетям — с целью их восстановления и сохранения их культурного облика. Также развивается инфраструктура для предоставления большему количеству верующих возможности совершить паломничество в Мекку и Медину.

Проблематика религиозного аспекта во многом заключается в отношении к ваххабизму, ибо у многих он ассоциируется с экстремизмом, хотя власти Саудовской Аравии и пытаются реформировать доктрину в более умеренную и толерантную. Касательно исторической политики в целом проблематика заключается в том, что развивать ее начали не так давно и до этого культурное наследие Королевства находилось в некоем изоляционизме, что наносило определенный ущерб позициям Саудовской Аравии в этом плане. Также некоторые критики подвергают сомнению успешность поставленной цели наследного принца по увеличению количества паломников в Королевстве во время Хаджа⁴.

С самого основания Саудовской Аравии там был провозглашен принцип восстановления истинного ислама, поэтому и сейчас он остается доминирующим. Историческая политика с акцентом на религиозный аспект не только является

¹ Косач Г. Г. Арабский национализм или арабские национализмы: доктрина, этноним и варианты дискурса // Национализм в мировой истории / Под ред. В. А. Тишкова, В. А. Шнирельмана. М., 2007. С. 280.

² Мелисса Гронлунд. Саудовская Аравия взялась за сохранение памятников культуры // *The Art Newspaper Russia*. 19.12.2023. URL: <https://www.theartnewspaper.ru/posts/20231219-ufxz/> (дата обращения: 15.01.2025).

³ Saudi Vision 2030 // URL: <https://www.vision2030.gov.sa/media/cofh1nmf/vision-2030-overview.pdf> (дата обращения: 15.01.2025).

⁴ Riazat Butt. Ambitious Saudi plans to ramp up Hajj could face challenges from climate change // *Associated Press News*. 22.06.2023. URL: <https://apnews.com/article/islam-hajj-saudi-climate-sustainability-b151c7dbaac4a5f9e8708ed3005f0d09> (дата обращения: 15.01.2025).

важным инструментом для формирования национальной идентичности, но и популяризует Саудовскую Аравию среди верующих и повышает имидж самой династии Ал Сауд. Развитие исторических мест требует масштабных вложений, которые отчасти Королевство покрывает за счет развития туризма и паломничества. В то же время правители страны пытаются реформировать государственную идеологию — ваххабизм — в более умеренный, чем он был изначально, чтобы устранить дезинтегрирующие факторы. В целом религиозный аспект политики памяти Саудовской Аравии имеет большие перспективы и множество направлений развития, которые постепенно реализуются.

Занозина А. В. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

Сравнительный анализ ономастической составляющей еврейских и арабо-мусульманских талисманнных текстов¹

В рамках своей первоначальной функции амулеты традиционно служат для защиты того или иного места, формируя вокруг себя сакральное пространство. Упоминание имени божества или иной сверхъестественной силы также вводит человека в сакральное пространство, причем то, на каком языке написан амулет, также обычно является показательным. Так, очевидно, что выбор иврита для написания текста амулета отражает еврейскую идентичность тех, кто к нему прибегает. Аналогичным образом проявляют себя и арабоязычные амулеты. Сравнение двух упомянутых амулетных традиций может в перспективе пролить свет на практики бытовой ресакрализации пространства, а также позволит показать различия в понимании этой концепции в разных культурах.

Ономастика, понимаемая в докладе как совокупность собственных имен, функционирующих в рамках того или иного лингвокультурного ареала, так или иначе имеет отношение ко многим сторонам жизни человека, особенно в религиозном сообществе. Сюда относятся имянаречение, процесс инициации, порой подразумевающий получение нового имени, составление брачного контракта или выбор имени для представителей следующего поколения. Неудивительно, что и в религиозно-магической области открывается простор для ономастического исследования. Так, зачастую именно наличие имени придает действенную силу амулетов и талисманов, будь то имя божества, предка или сверхъестественной сущности.

Стоит отметить, что под ономастическим компонентом амулетов в этом докладе понимаются имена Бога, ангелов, демонов, пророков, предков и т. д. — в целом то, что наделяет амулет апотропеической функцией (так, например, имя заказчика хоть и будет выделено в качестве такового, но не окажется в фокусе исследования).

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-78-10027, <https://rscf.ru/en/project/24-78-10027>.

Самыми популярными именами Бога в изученных текстах еврейских амулетов из собрания РЭМ и РНБ стали как весьма распространенные в такого рода источниках тетраграмматон, Шаддай, 42- и 22-буквенные имена, так и каббалистические гематрические формулы. В исследованных амулетах также встречались и магические квадраты, магические символы и фигуры (маген Давид, изображения трех ангелов), псалом 66, записанный в виде меноры. Для создания амулетов использовали имена демонов: Лилит, Асмодей (Ашмедай), Кетев мерири (демон полуденного зноя). Апо-тропеическую функцию, помимо имен Бога и ангелов, выполняют имена праотцов и первых людей. Итак, можно говорить о существовании традиции перечислять ангельские имена на талисманых текстах не в иерархическом порядке, например, а согласно алфавитному принципу (по первой букве имени), что, впрочем, не исключает возможного наличия иных закономерностей в других магических документах.

Применительно к арабоязычным амулетам, встречающимся в рукописных сборниках из НБ им. Горького СПбГУ, отметим, что к используемым там именам Бога (помимо «Аллах») можно отнести два из 99 прекрасных имен. Интересно, что описание внешности (т. н. хилья) Пророка или имама Али в рамках данной амулетной традиции также имеет апотропеическую функцию и, соответственно, действует как самодостаточный амулет. На основе анализа арабоязычных документов, было выявлено, что конкретное предназначение такого амулета разъясняется, как правило, только в комментарии, сопровождающем непосредственно амулетную формулу. Помимо этого, арабоязычные амулеты представляются менее персонализированными, среди проанализированных амулетных текстов не было встречено ни одного имени заказчика, а в тексте самих талисманов как правило не высказывается конкретная просьба или пожелание. Таким образом, во всех арабоязычных амулетах, за исключением последнего, содержится ономастический элемент, будь то имя пророка, или его сподвижника, или имя Бога. Что касается проанализированных еврейских амулетов, то во всех из них также встречаются имена. Таким образом, вышеперечисленное подтверждает гипотезу о том, что ономастический элемент является неотъемлемой характеристикой амулета как в еврейской, так и в арабской традиции.

Колотова В. Д. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

О персидских заимствованиях в азербайджанском языке

Слова и выражения, заимствованные из персидского языка, можно условно разделить на три категории, учитывая особенности механизма заимствования: сохранение исходной формы персидского языка, добавление к персидскому слову тюркского аффикса, калькирование с персидского языка.

Тот факт, что азербайджанский и персидский языки относятся к разным языковым семьям и имеют различный синтаксис и правила словообразования,

не помешал переходу лексем, а иногда и целых словосочетаний из персидского языка в азербайджанский в их изначальной форме. Зачастую их исходная форма сохраняется, несмотря, например, на наличие несвойственных азербайджанскому языку приставок и возможность заменить эти приставки на более понятные тюркские аффиксы.

Слова, перешедшие в азербайджанский язык из персидского и сохранившие свою изначальную форму, сохраняются в языке в большом количестве. Несколько примеров подобных заимствований: «dost» (друг), «xahiş» (просьба), «gəngbəgəng» (разноцветный), «tənha» (одинокий), «həmişə» (всегда). В большом количестве в азербайджанский язык из персидского были заимствованы названия цветов, птиц, астрономических объектов, дней недели.

Поскольку тюркские языки, в том числе азербайджанский, принадлежат к агглютинативным языкам, то есть языкам, которые имеют богатые системы словоизменения и словообразования на основе аффиксов, существует множество различных аффиксов, путем прибавления которых к заимствованному слову образуются новые слова.

Аффикс «-lıq⁴» может присоединяться к прилагательным или наречиям для образования существительного. Например, с присоединением данного аффикса к персидскому слову «biganə» (равнодушный, отчужденный/равнодушно, отчужденно) появляется существительное «biganəlik» (равнодушие, отчужденность); аналогично «xoşbəxt» (счастливый) — «xoşbəxtlik» (счастье).

Также персидские слова могут присоединяться к уже существующим тюркским словам. Например, в слове «cansağlıq» (здоровье, самочувствие) персидское «can» («جان» — «душа») присоединяется к слову «sağlıq» (здоровье), при этом слова «cansağlıq» и «sağlıq» синонимичны. В слове «qonaqrəvərəstlik» (гостеприимство), например, помимо тюркского «qonaq» (гость) и аффикса существительного «-lik», мы можем видеть основу настоящего времени персидского глагола «поклоняться, служить».

К персидским заимствованиям зачастую могут прибавляться и различные глагольные аффиксы. Например, с прибавлением аффикса «-la²-» к персидскому слову «bika» (безработный, незанятый) появляется глагол «bikarlamaq» (оставаться без дела). Интересным примером может послужить глагол «xudafizləşmək» (прощаться): за основу «xudafiz» взята фраза, используемая в персидском языке для прощания, буквально переводящаяся как «Хранит тебя/вас бог»; к основе прибавлен аффикс взаимно-совместного залога «-ləş», означающий совместность выполняемого действия, и аффикс глагола «-mək».

Кальки с персидского языка — довольно распространенное явление в азербайджанском языке. Между азербайджанским и персидским языками можно выделить одну сходную черту в области словообразования: зачастую глаголы образуются путем соединения существительного и глагола «делать». На мой взгляд, подобное явление не следует считать калькированием с персидского, так как такой способ образования глаголов в целом типичен для тюркских языков.

Однако в азербайджанском языке существуют глаголы-кальки с персидского языка. Например, в персидском языке существует большое количество выражений со словом «یاد» [йад] (память), в том числе и глаголов, некоторые из них были калькированы на азербайджанский. Например, азербайджанское «*yada düşmək*» (вспоминать) калькировано с персидского «*به یاد افتادن*» [бэ йад офтадән] (вспоминать), оба глагола дословно переводятся как «падать в память»; азербайджанское «*yaddan ǧıxmaq*» (забываться) — с персидского «*از یاد رفتن*» [әз йад рәфтән] (забываться), оба глагола дословно переводятся как «уходить из памяти».

В качестве примеров калькирования других частей речи можно упомянуть слова «*barədə*», где аффикс «-дэ» является аффиксом местного падежа. Изначальным персидским вариантом является слово «*در بار*» [дәр барэ], в котором «*در*» [дәр] переводится как «в» и по значению является аналогичным местному падежу в азербайджанском языке. Также следует обратить внимание на выражение «*üzbəüz*» (лицом к лицу), которое тоже является калькой с персидского «*رو به رو*» [ру бэ ру] (лицом к лицу). В обоих вариантах присутствует слово «лицо» — «*üz*» и «*رو*» [ру], однако в азербайджанском варианте остался персидский предлог «*bə*» («к»), вероятно, из-за отсутствия предлогов в азербайджанском языке. Кроме того, этот сохранившийся в слове предлог позволяет нам говорить о том, что выражение «*üzbəüz*» было калькировано именно с персидского, а не с русского или какого-либо другого языка, в котором подобное выражение также существует.

Также в азербайджанском языке стоит отметить такую грамматическую форму, как персидский изафет. Она используется только в определенных выражениях и с определенными словами. Примечательно, что то, что в азербайджанском и в других тюркских языках называется «персидским изафетом», в персидском языке является йа-йи несбат (то есть йа-йи относительности). Персидский изафет или йа-йи несбат преобразует существительное в относительное прилагательное. Например, «*din*» — «религия», «*dini*» — «религиозный»; «*elm*» — «наука», «*elmi*» — «научный».

Таким образом, персидские заимствования в азербайджанском языке сохранились как в исходной форме, так и в измененной, будучи дополненными различными тюркскими аффиксами для образования новых частей речи. Кроме того, персидский язык выступил как источник большого количества выражений для калькирования на азербайджанский.

Мадоян А. А. (Ереванский государственный университет, Ереван)

Политический проект «Дорога в Туран» в годы Первой мировой войны

Целью данного исследования является изучение роли политического проекта «Дорога в Туран» (“*Turan yolu*”) во внешней политике Османской империи в годы Первой мировой войны и выявление его идеологических и прагматических основ.

В начале 1910-х гг. XX в. под влиянием внутренних и внешних факторов пантюркизм стал одной из ведущих идеологических концепций правящей элиты младотурок в Османской империи. На практике пантюркизм служил в первую очередь как инструмент геополитической борьбы. После потери значительной части европейских территорий младотурки пытались восстановить мощь и жизнеспособность империи путем тюркизации Анатолии и усиления влияния Османской империи среди тюркоязычных народов для дальнейшей экспансии на Восток. Важную стратегическую значимость в этих планах имел регион Кавказа, рассматриваемый как первый этап на пути создания единого тюркского государства «Туран» и как связующее звено между Анатолией, Центральной Азией и Ираном. В годы Первой мировой войны этот регион (на первом этапе: южная часть — Закавказье) приобрел особое значение в рамках политического проекта «Дороги в Туран», служа инструментом для реализации экспансионистских амбиций младотурок.

Проект «Туранской дороги» был идеологическим и стратегическим замыслом младотурок, основанным на пантюркистской концепции объединения всех тюркоязычных народов в едином геополитическом пространстве. Центральной идеей проекта было создание транспортного и политического коридора, который связал бы Анатолию с тюркоязычными народами Средней Азии и Ирана через Кавказ. В рамках этого замысла Кавказ рассматривался как ключевая территория, обеспечивающая географическое, экономическое и военное сообщение между регионами.

С началом Первой мировой появилась реальная возможность для реализации политического проекта «Дороги в Туран». Младотурки втянули Османскую империю в мировую войну, связав свою судьбу с Германией, которая, согласно договору о германо-турецком союзе, заключенному в августе 1914 года, была обязана «исправить восточные границы Османской империи таким образом, чтобы обеспечить непосредственное соприкосновение Турции с живущим в России мусульманским населением»¹.

Политическая нестабильность в Российской империи после 1917 создала возможности для продвижения Османской армии вглубь Закавказья. Изучение мемуаров военных и политических деятелей — современников событий показывает, какое значение придавалось Кавказскому фронту. Один из османских командиров во время Сарыкамышского сражения, позже командующий третьей армией Хафыз Хаккы-паша охарактеризовал Кавказ как «границу соприкосновения тюрков, дорогу в Туран»². Однако реализация проекта столкнулась с серьезными трудностями, в первую очередь в связи с сопротивлением армянского населения, что замедлило продвижение османских войск.

¹ Ключников Ю. В., Сабанин А. Международная политика Новейшего времени в договорах, нотах и декларациях. Ч. 2. М., 1926. С. 17.

² См. Murat Bardakçı. Hafız Hakkı Paşa'nın Sarıkamış Günlüğü. İstanbul: Türkiye İş Bankası Yayınları, 2016. S. 68.

Несмотря на то, что полностью завоевать «Туранскую дорогу» — Кавказ, не удалось, а окончание войны заставило побежденную Османскую империю вывести свои войска из Закавказья, османское военно-политическое руководство добилось очень важной стратегической победы — взятие Баку и укрепление Азербайджанской Народной Республики. В долгосрочной перспективе это обеспечило Турции важный плацдарм в Закавказье для выхода к Каспийскому морю и Средней Азии и для распространения ее влияния в долгосрочной перспективе.

Проект «Дороги в Туран» отражает сложность взаимодействия идеологии и прагматизма в политике младотурок. Прикрытый идеологическими лозунгами, он представлял собой прагматичный геополитический план османской элиты по спасению Османской империи от краха.

Маланкулова А. Т. (Кыргызско-Российский Славянский университет, Бишкек)

Публичная дипломатия ОАЭ в странах Центральной Азии

После 1991 года международное сообщество признало страны бывшей советской Средней (Центральной) Азии независимыми государствами. Геостратегическое положение региона позволяет рассматривать его как связующее звено между Востоком и Западом, играя ключевую роль в коммуникациях между ведущими странами Евразии.

Многие эксперты заявляют о том, что Объединенные Арабские Эмираты (ОАЭ) продолжают расширять свое влияние на Ближнем Востоке, в Южной Азии и Африке, однако далеко не все обращают внимание на то, что ОАЭ также пытается утвердиться в качестве игрока и в Центральной Азии. Благодаря стратегическим инвестициям в инфраструктуру, энергетику, экономику и безопасность ОАЭ сосредотачиваются на сердце евразийского континента, что отражает их стремление иметь влияние на это важнейшее стратегическое звено между Россией и Китаем.

Основой деятельности ОАЭ в регионе является развитие торгово-экономического сотрудничества и укрепление культурно-гуманитарных связей. Эмираты оказывают влияние на страны Центральной Азии через образовательные и религиозные программы. Так, через посольства проводится поддержка программ изучения арабского языка и Корана. Через проведение различных фестивалей, кинематографических недель и программы студенческого обмена обеспечивается знакомство населения Центральной Азии с культурой ОАЭ. В рамках мягкой силы акцент делается на образовательные, культурные и исследовательские аспекты сотрудничества.

Современные технологии играют ключевую роль в публичной дипломатии. ОАЭ использует социальные сети и цифровые медиа для продвижения своего

имиджа и формирования нужного общественного мнения. Эмиратские власти понимают важность быстрого реагирования на глобальные события и активно участвуют в их обсуждениях на международных платформах.

В сфере образования страна привлекает студентов из Центральной Азии, предлагая высококачественное образование в своих университетах. Программы обмена и стипендии способствуют формированию позитивного имиджа ОАЭ как центра знаний и культуры. Подобные обмены играют значительную роль в укреплении связей с другими странами, продвигая арабскую культуру и искусство в Центральной Азии¹.

Несмотря на успехи, публичная дипломатия ОАЭ сталкивается с определенными сложностями. Конкуренция со стороны других стран региона, а также необходимость адаптации к меняющимся условиям международной политики требуют постоянного обновления стратегии², однако, учитывая динамичное развитие страны и ее амбициозные планы, можно ожидать дальнейшего роста влияния ОАЭ на мировой арене, включая центральноазиатский регион.

ОАЭ нацелены на получение выгоды от своих инвестиций в долгосрочной перспективе. Очевидно, что политика Эмиратов в отношении стран Центральной Азии достаточно продолжительное время будет сосредоточена главным образом на инфраструктурных проектах с акцентом на энергетику и финансы. Однако со временем возможно и расширение масштабов деятельности, которая может включить в себя также сферу обороны и безопасности.

Активная финансовая деятельность ОАЭ в Центральной Азии выходит за рамки простых инвестиций³. Так, Эмираты с Казахстаном и Туркменистаном нашли общую точку соприкосновения в вопросах, касающихся Каспийского моря. Роль дубайской портовой компании DP World в строительстве не только каспийских портов, но и российских арктических портов является наглядным показателем стремления Эмиратов стать морской логистической сверхдержавой.

Кыргызско-эмиратское экономическое сотрудничество с каждым годом становится крепче. Это подтверждают активные взаимные визиты, бизнес-форумы и деловые встречи, включая подписание Соглашения о создании совместной холдинговой компании в Кыргызстане с уставным капиталом в \$100 млн. Бизнес-сообщества обеих стран установили личные контакты и обсудили перспективы партнерства. Определены конкретные шаги для усиления торгово-экономического взаимодействия. ОАЭ и Кыргызстан заинтересованы в укреплении отношений по

¹ Латифов Д. Л. Атташе по культуре в посольствах и его роль в развитии международных культурных связей // *Внешняя политика*. МИД РТ. 2015. № 1. С. 114–119.

² Zaharna R. S. Mapping Out a Spectrum of Public Diplomacy Initiatives: Information and Relational Communication Frame-works // *Routledge Handbook of Public Diplomacy* / ed. by N. Snow, Ph. M. Taylor. London; New York: Routledge, 2009. P. 86–100.

³ UAE participates in third Arab Economy and Cooperation Forum with Central Asian States & Azerbaijan to explore promising economic opportunities, 1 May 2024. URL: <https://www.moec.gov.ae/en/-/uae-participates-in-third-arab-economy-and-cooperation-forum-with-central-asian-states-azerbaijan-to-explore-promising-economic-opportunities> (дата обращения: 15.01.2025).

всем линиям двустороннего сотрудничества. Наиболее важными и перспективными направлениями взаимодействия станут сотрудничество в сферах торговли, сельского хозяйства, логистики, энергетики, туризма и авиации.

Учитывая роль Российской Федерации в центральноазиатском регионе, она неизбежно будет играть важную роль в вышеуказанных развивающихся отношениях, особенно в тех случаях, когда возросшая активность ОАЭ может нанести ущерб российским интересам. Очевидно, что Россия и ОАЭ продолжат сотрудничать друг с другом и с государствами Центральной Азии, однако вопрос стратегического взаимодействия РФ, традиционно поддерживающей государства постсоветской Центральной Азии, и ОАЭ, которые продолжают активно интегрироваться в регион, на сегодняшний день остается открытым и требует дальнейшего мониторинга.

Мачнева А. А. (СПбГУВМ, Санкт-Петербург)

«Женский султанат»: политическая роль женщин в Османской империи и культурное наследие великих султанш

Изучение роли женщины в истории Османской империи является актуальной темой, так как в современном обществе вопросы, связанные с ролью женщин, приобретают большое значение. В этой связи роль женщины в западном обществе часто противопоставляется роли женщины в обществах Востока. Здесь пример «женского султаната» может быть очень показательным, более того, он помогает понять формирование политической и социальной структуры государства, а также его культурных традиций.

Принято считать, что вся власть и управление Османской империей были преимущественно сосредоточены в руках лиц мужского пола. К таковым относятся: непосредственно сам султан, который является верховным правителем османского государства, символом авторитета, силы и единства империи, а также обладателем абсолютной власти; великие визири, отвечающие за разработку и реализацию государственной политики, административный контроль, сбор налогов, управление армией, планирование и осуществление стратегий в военных походах, участие в дипломатических переговорах; сенат в составе высокопоставленных чиновников, паши, бейлербеи, реализующие управление провинциями и обеспечение безопасности государства; шейх-ул-исламы, ответственные за религиозные дела¹. Однако женщины, в свою очередь, тоже стали занимать немаловажные позиции

¹ История Османского государства, общества и цивилизации: в 2 т. / под ред. Э. Ихсаноглу: Восточная литература, 2006. Т. 1. С. 3–4. С. 16–17.

в осуществлении государственной власти. Особых масштабов это явление достигло в период, который впоследствии получил наименование «женский султанат».

«Женский султанат» (тур. *Kadinlar saltanati*) — это период истории в Османской империи, когда женщины оказывали значительное влияние на государственные дела. Данный период датируется 1550–1656 гг.¹ В Османской империи женщины традиционно играли важную роль в семейной жизни, их основные обязанности преимущественно заключались в воспитании детей, организации быта, однако у них отсутствовала возможность участвовать в общественной жизни, занимать государственные должности, получать образование.

В гареме султана существовала определенная иерархия, в нем женщины обладали большими возможностями, в отличие от женщин, принадлежащих к низшим слоям общества, так как они могли оказывать влияние на государственную политику непосредственно через султана. Наибольшей властью в гареме правителя обладали матери султанов, носившие титул *валиде-султан*, однако такой статус имели лишь матери двадцати трех из тридцати шести правивших султанов, так как остальные султанши умерли до восшествия их сыновей на трон. Валиде-султан были важными фигурами в Османской империи, они занимались политикой и имели влияние за пределами дворца. Так, Нурбану-султан вела переписку с королевой Франции Екатериной Медичи, Сафие-султан — с Елизаветой I, королевой Англии, при этом их переписка нередко сопровождалась подарками. В истории Османской империи известны также случаи злоупотребления властью со стороны валиде-султан. Ярким примером является Кёсем Махпейкер-султан (XVII в.), которая зачастую могла применять насилие с целью устранения политических противников.

Жены султанов носили титулы *хасеки*, *кадын*, *икбаль*, *эфенди*². Титул «хасеки» означает избранную, главную, законную супругу султана. Он был введен в 1521 г. Султаном Сулейманом для его любимой наложницы Хюррем-султан, ставшей первой наложницей, получившей свободу при жизни своего мужа и ставшей официальной женой правителя³. Хасеки-султан зачастую занимались общественными делами, включая благотворительность. Известны случаи благотворительности Сафие-султан, которая оказывала помощь различным учебным заведениям и медицинским учреждениям. Хасеки-султан финансировали строительство мечетей, школ, лечебниц, способствуя улучшению жизни горожан, повышению культурного уровня населения, а также оказывали материальную поддержку людям, оказавшимся в трудном жизненном положении. Так, по инициативе Хюррем-султан (XVI в.) было создано несколько мечетей, одна из которых носит название «Мечеть Хасеки Султан», ее строительство завершилось в Стамбуле в 1539 г. В настоящее время мечеть продолжает функционировать в качестве религиозного

¹ Ulucay Cagatay M. *Padisahlarin Kadinlari ve Kizlari*. Ankara, 1992. P. 13.

² История Османского государства, общества и цивилизации. С. 114.

³ Ulucay Cagatay M. *Padisahlarin Kadinlari ve Kizlari*. P. 27.

центра, а также является туристическим объектом, включая в себя помимо мечети медресе, больницу и библиотеку.

В заключение следует отметить, что женщины сыграли значительную роль в развитии Османской империи, способствуя формированию новых социальных и культурных норм того времени. Представительницы «женского султаната» показали, что женщины могут занимать в обществе не только традиционные женские роли, но и активно заниматься делами управления государством, участвовать в поддержании международных отношений и даже быть способными повлиять на ход истории.

Назаренко В. Ю. (БГУ, Минск)

Специфика формирования концепции личности в китайской литературной и культурной традиции

Для понимания принципов формирования национальной специфики концепции личности в китайской литературе необходимо проанализировать фундаментальную основу, определяющую место человека в универсуме через призму особого пути развития данной цивилизации. В первую очередь здесь необходимо обратиться к конфуцианскому учению, в котором личность воплощена в концепте-реалии *цзюнь-цзы*. Так, Конфуций и его последователи излагают основные представления об идеальном человеке в трактатах и околоконфуцианской литературе («Лунььюй», «Суньцзы», «Мэнцзы», «Шицзин», «Шицзи» и т. д.).

Согласно Мэн-цзы, только следуя Пути Человечности (人道, *жэньдао*), индивид может быть личностью, так как «человечность охватывает всего человека»¹, который также концептуализируется как «один из множества элементов мира»². В то же время мыслитель рассматривал структуру социальных отношений как сложную систему, организация которой соответствует Воле Неба (тяньмин, 天命 'Небесный мандат, фатум, судьба'). Таким образом, человек достоин считаться личностью в том случае, если будет следовать Пути Человечности и занимать строго отведенное ему место в социуме.

Другой подход предлагал Сунь-цзы, теория которого подразумевала антропоцентрический подход. Основная идея Сунь-цзы заключалась в том, что необходимо поддерживать личный контроль над желаниями ради соблюдения этических норм поведения в обществе, а человек представлялся как биологический организм, который рождается с разнообразными желаниями и потребностями.

¹ Мэн Кэ. Мэн-цзы. Предисл. Л. Н. Меньшикова / Пер. с китайского, указ. В. С. Колоколова; под. ред. Л. Н. Меньшикова. СПб.: «Петербургское Востоковедение», 1999. С. 15.

² Щуцкий, Ю.К. Китайская классическая «Книга перемен» / Ю. К. Щуцкий; [Вступ. статьи А. И. Кобзева, с. 8–49, и др.; примеч. А. И. Кобзева, Н. И. Конрада]. 2-е изд., испр. и доп. / под ред. А. И. Кобзева. М.: Наука, Восточная литература, 1993. С. 7.

Последователи учения Конфуция выступали за поддержание существующих социальных отношений, суть которых сводилась к самосовершенствованию себя через усердное изучение *жэньдао*. Следовательно, человека, способного следовать Пути Человечности, называли *цзюнь-цзы* (君子, ‘благородный муж’), в то время как человека, озабоченного личными интересами в повседневной жизни, определяли как *сяо-жэнь* (小人, ‘недалекий человек’).

Конфуцианская концепция личности являлась доминирующей и фактически не претерпела изменений вкупе с элитарным характером литературы вплоть до XIX–XX вв. Начиная с 1919 г. литература становится рупором общественного движения, практической целью которого является поднятие боевого духа в борьбе за революцию. Основой концепции личности в литературе рассматриваемого периода являлось деление людей на два типа, один из которых представлял герой-революционер, а второй представляли «лишние люди»¹, которые не соответствовали заданной цели.

Следующим этапом развития концепции личности является период середины XX века. В связи с ослаблением контроля государства над авторами, использованием реализма как литературного метода, а также дискуссиями о литературном герое была сформирована концепция «среднего героя». Подчеркивалось, что в литературе преобладают бесстрашные революционные герои, непоколебимые в своей борьбе, а натуры сложные, колеблющиеся, сомневающиеся изображаются нечасто. Однако вскоре тип «среднего героя» подвергся критике партии как «находящийся между положительным и отрицательным типами, не плохих и не хороших людей, порой с отсталыми взглядами и другими недостатками»².

После, согласно критериям, выдвинутым партией, авторам художественных произведений необходимо было изображать «героев эпохи Мао Цзэдуна». Персонифицированным воплощением «идеальной» личности в литературе 1960-х гг. стали Лэй Фэн, Ван Цзе и Ху Баолин. Исследователями китайской культуры и истории середины XX века отмечается, что «к периоду “культурной революции” литературный герой окончательно утрачивает человеческий облик и превращается в откровенный рупор политической пропаганды»³. Примечательно, что начиная с первой половины XX века и до начала проведения кампаний и мероприятий конца 1970-х гг. перечисленные типы героев продолжают быть обезличенными (нет четко выраженного «я», характеры трафаретны).

Отметим, что в каждом из названных типов личности присутствуют видоизмененные истоки *цзюнь-цзы*: начиная от прохождения собственного пути, службы на благо государства и воплощения идеала в социуме. Таким образом, конфуцианское

¹ Хуэй Чэнь. «Лишний человек» в произведениях китайских писателей первой половины XX века. URL: https://www.gramota.net/articles/issn_1997-2911_2015_2-2_61.pdf (дата обращения: 24.12.2024).

² Никитина, А.А. «Средний герой» или «идеальная личность»? Литературная политика в КНР в 1961–1976 годах. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sredniy-geroy-ili-idealnaya-lichnost-literaturnaya-politika-v-kr-v-1961-1976-godah/viewer> (дата обращения: 24.12.2024).

³ Там же.

влияние в той или иной степени проявляется и остается актуальным вплоть до конца последней четверти XX века.

Следующий этап формирования концепции личности связан с актуализацией теории социальной идентичности, которая может быть использована в качестве основы для понимания конфуцианского принципа устранения желаний путем следования Воле Неба, выраженной в предписанном своде правил КПК. Таким образом, концепция личности сводится к аксиоме, согласно которой индивид трансформировал себя из «я» в «Мы», чем способствовал усилению социальной идентичности с группой: «восточная культура по своему характеру коллективная культура. <...> Восточный человек приспосабливается к обществу для того, чтобы соответствовать обществу и другим, находиться с ними в гармонии. Приспособиться — значит придавать значение связям, отношениям между людьми, “лицу”»¹.

Однако с течением времени, под влиянием множества различных факторов концепция личности, а также ее роль и функционирование в социуме изменились. С началом интеграции западноевропейских тенденций в традиционные для китайского общества устои жизни происходит смещение фокуса с отождествления «я» личности с социумом сначала на безличное, а затем на индивидуальное начало (на это оказывают влияние различные события и факторы, также повлиявшие на литературный процесс и на концепцию личности), что нашло воплощение в китайской литературе, а также других сферах науки и культуры.

Наумова С. П. (Институт МО НИЯУ «МИФИ», Москва)

Кризис социокультурной идентичности молодежи (на примере Республики Корея)

Тема кризиса социокультурной идентичности южнокорейской молодежи, актуальная для социологов Республики Корея, пока не получила широкого освещения за пределами этой страны. В российском корееведении она рассматривается как одна из новых тенденций в социокультурных трансформациях корейского общества².

На основе анализа классических и современных концепций идентичности под «кризисом социокультурной идентичности» в данном исследовании предлагается понимать состояние, при котором индивиды или группы сталкиваются с трудностями определения и осознания своей культурной, социальной или этнической

¹ Спешнев Н. А. Китайцы. Особенности национальной психологии. URL: <https://www.rulit.me/books/kitajcy-osobennosti-nacionalnoj-psihologii-read-381461-10.html> (дата обращения: 24.12.2024).

² Новые тенденции социокультурных изменений в корейском и российском обществах. Сборник статей. СПб.: Скифия-принт, 2015. 420 с.; Wang Y. Globalization enhances cultural identity // *Intercultural Communication Studies*. 2007. Т. 16. №. 1. С. 83.

идентичности. При определении возрастных рамок социальной группы «молодежь» (от 18 до 35 лет), мы опираемся на наиболее общепринятое социологическое деление¹. Ключевыми отличиями молодежи от других возрастных групп являются общественное положение и социальный статус².

В современном мире по мере усиления тенденции индивидуализации прогрессирует уединенный образ жизни, в том числе в Корее (кор. 싱글 생활, от англ. single life)³. Южнокорейские социологи определяют одиночество как одну из самых остро стоящих перед молодежью проблем⁴. Для молодежи Республики Корея одиночество как результат социальных и экономических факторов становится своеобразным вызовом. Данный вывод следует ввиду анализа:

1) динамики роста спроса на программы «мокпан» (кор. 먹방) как виртуального компаньона при приеме пищи;

2) спроса на товары широкого потребления для одного.

Одиночные домохозяйства (кор. 1인 가족) стали обыденным явлением в Южной Корее, в частности, из-за роста цен на жилье, сохраняющейся конкуренции в сфере труда и корпоративной среде, некогда сформированной под влиянием конфуцианской традиции⁵.

Среди прочих проблем, провоцирующих кризис социокультурной идентичности, нами выделено влияние информационных технологий. Технологический прогресс и развитость социальных сетей формируют новые стандарты самоидентификации, что приводит к сравнениям, феномену «лукизма» (от англ. lookism, кор. 루키즘) и недовольству собой ввиду дискриминации по внешности. Подтверждением этого социального феномена является повышенный спрос среди южнокорейской молодежи на услуги хирургической пластики лица как следствие отождествления качества внешних данных с перспективами социального лифта⁶.

Высокий уровень безработицы среди выпускников, возникший ввиду структурных изменений в экономике в Республике Корея, вызывает у молодежи чувство безысходности⁷. Поиски работы после выпуска занимают значительную часть времени и требуют финансовых вложений. Для удовлетворения спроса на созда-

¹ Молодежь. Социальные группы. Большая российская энциклопедия. URL: <https://bigenc.ru/c/molodiozh-91560e> (дата обращения: 14.01.2025)

² Белый О. И. Определение понятия «Молодежь» // *Теория и практика общественного развития*. 2012. № 12. С. 156–158.

³ Бритова В. Р. Проблема социального одиночества в современном обществе (на примере Южной Кореи) // *Евразийство и мир*. 2021. № 1. С. 45–49.

⁴ 왕석순, 류경희. 독신 여성의 싱글생활에 대한 주관적 인식의 유형화 연구. *한국생활과학회지*. 2013. Vol. 22(6). P. 615–631.

⁵ Цзоу Хун. Влияние конфуцианской идеи ритуала «Ли» на идеологию и культуру народов Кореи и Японии // *Вестник Забайкальского государственного университета*. 2011. № 10. С. 8–13.

⁶ 홍수남, 이상은. 미디어루키즘 영향으로 인한 여성 대중스타의 외적이미지 변화. *아시안뷰티화장품학술지*. 2012. Vol. 10 (3). P. 523–530.

⁷ Савченко А. Ш., Карпенко Д. Е., Майорова О. А. Рынок труда Южной Кореи: основные проблемы, безработица // *Корееведение в России: направление и развитие*. 2024. Т. 5. № 1. С. 161–164.

ние портфолио и успешное трудоустройство в стране существуют специальные курсы для подготовки к собеседованию (кор. 면접학원).

Повышенные требования южнокорейского общества принимают характер личных, оказывая глубокое влияние на сознание молодежи, которая ищет одобрения в своем окружении. Тем самым социокультурный кризис обладает потенциалом трансформации в кризис личности — состояние, при котором индивид испытывает сомнения в отношении своего места в мире¹.

Ольга Ю. К. (ФМО СПбГУ, Санкт-Петербург)

Голод 1932–1933 гг. в исторической политике современного Казахстана

С момента обретения Казахстаном независимости в 1991 году руководство республики начало осознавать важность формирования коллективной памяти у казахстанцев как ключевого элемента национальной идентичности и сплоченности общества. Элиты новообразованного Казахстана приступили к разработке исторической политики. Этот процесс включал в себя создание новых нарративов, которые бы отражали уникальный путь страны, а также общие трагедии и травмы народа. В этом контексте важным сюжетом стал голод 1930-х годов, который не только оставил глубокий след в судьбе казахского народа, но и стал символом борьбы за выживание и сохранение национальной идентичности.

Важно отметить, что в социалистический период многие события и факты советской историографией сознательно замалчивались. Так, тема голода 1930-х гг. никогда особенно не поднималась. Источники того времени подчеркивали успехи в аграрной реформе, практически полностью игнорируя массовые страдания и гибель людей. Официальные материалы рисовали картину процветающего социалистического сельского хозяйства, в то время как реальные условия жизни крестьян оставались катастрофическими. Действия центральной власти в Казахстане рассматривались как обязательное условие наступления социализма по всему фронту, ликвидации кулачества как класса на основе сплошной коллективизации в Советском Союзе². Сама же коллективизация воспринималась как «война крестьянства против байства и кулачества»³.

В 1989 г. вышла работа, положившая начало изучению голода 1930-х гг. в Казахстане. Авторитетные историки, Ж. Б. Абылхожин, М. К. Козыбаев и М. Б. Тати-мов, связывали голод с политикой коллективизации и деятельностью советского

¹ Пузько В. И. Кризис идентичности личности в условиях глобализации // *Философия и общество*. 2007. № 4(48). С. 98–113.

² История Казахской ССР. От древнейших времен до наших дней / Под ред. А. М. Панкратовой. 2-е изд. Т. 2. Алма-Ата, 1949. С. 214–215.

³ Там же. С. 207.

руководства¹. Тема нашла продолжение в работе тех же авторов «Коллективизация в Казахстане: трагедия крестьянства». Отмечается: «Казахстан волею сталинского руководства был отнесен к той региональной группе, где коллективизацию необходимо было в основном завершить весной 1932 года... Тем не менее в республиканских чиновно-бюрократических чертогах даже эти форсированные сроки воспринимались как некая планка, которую во что бы то ни стало нужно «перепрыгнуть»². Более того, в отличие от работ советского периода, утверждалось, что «детонатором “колхозного взрыва” в крае послужила отнюдь не крестьянская инициатива... Здесь прямо сказывались методы откровенного давления»³. Таким образом, решения и действия руководства и чрезвычайный характер самой кампании привели к разрушительным последствиям как для эксплуататорских слоев населения, так и для самого крестьянства, включавшим в себя как массовые репрессии в отношении населения края, так и голод.

Что касается современной историографии Казахстана, тема голода 1930-х гг. продолжает изучаться. В данном контексте, конечно, нельзя говорить о хоть сколько-нибудь единой интерпретации трагедии. Во-первых, можно выделить официальную точку зрения властей, отраженную историками в пятитомной «Истории Казахстана». По мнению авторов, коллективизация вылилась в «форму простых экспроприаций, а затем и в массовые политические репрессии против крестьянства»⁴, а также в «силовые акции времен военного коммунизма»⁵. На фоне этого фигура Ф. И. Голощекина, революционера и секретаря Казахского крайкома ВКП, вызывает особенно негативное отношение в современном казахском обществе.

Помимо официальных версий о голоде 1930-х гг. в Казахстане, отраженных в исторических работах и учебниках, отдельными республиканскими политиками и публицистами высказываются идеи, которые можно характеризовать как радикальные. Многие казахстанские журналисты голод называют «геноцидом», причем существует мнение, что Советская Россия во времена голода «уничтожала людей по этническому признаку»⁶. Более того, трагедию называют явлением рукотворным, направленным на истребление казахского народа⁷. Конечно, эти тезисы не выдер-

¹ Абылхожин Ж. Б., Козыбаев М. К., Татимов М. Б. Казахстанская трагедия // *Вопросы истории*. 1989. № 7. С. 53–71.

² Абылхожин Ж. Б., Козыбаев М. К., Татимов М. Б. Коллективизация в Казахстане: трагедия крестьянства. Алма-Ата, 1992. С. 3.

³ Там же. С. 5.

⁴ История Казахстана (с древнейших времен до наших дней): в 5 т. Т. 4. / Под ред. Ж. Б. Абылхожина. Алматы: «Атамұра», 2009. С. 243.

⁵ Там же. С. 246.

⁶ Ашаршылык и Зулмат. Как Казахстан пережил два голодомора // TRT на русском. 31.03.2021. URL: <https://www.trtrussian.com/mnenie/asharshilyk-i-zulmat-kak-kazahstan-perezhil-dva-golodomora-4993176> (дата обращения: 03.01.2025).

⁷ Qazaq AIRAN. 11.03.2024. Ашаршылық болмаса қазақтардың саны қанша болар еді? І Сталин, Голощекин, казак. [Видео файл]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=OTH5EZBPDYU> (дата обращения: 03.01.2025).

живают критики: даже если голод в Казахстане был организован искусственно, то он не мог быть следствием политики геноцида отдельно взятого народа, так как одновременно с казахами погибали и русские, и украинцы, и представители других этносов. Тем не менее важен сам факт того, что подобная позиция в Казахстане высказывалась неоднократно. Как следствие, в республике ежегодно 31 мая отмечается День памяти жертв политических репрессий и голодомора.

По мнению российского историка А. В. Грозина, в Казахстане современными «историками-мифотворцами» осуществляются попытки политизировать проблему голода 1930-х гг. Тем не менее власти республики с осторожностью касаются этой темы, воспринимая ее как фактор, способный привести к напряженности как внутри государства, так и за его пределами¹. Президент Казахстана Касым-Жомарт Токаев в 2019 г. высказывался, что «в Казахстане тема голода 30-х годов рассматривается «без надрыва и русской направленности»².

Изучение историографии голода 1930-х гг. в Казахстане подчеркивает многослойность и сложность этой темы. Этот контекст важно учитывать при обращении к данному историческому событию, так как оно является потенциально конфликтным и напрямую пересекается с дестабилизирующими процессами, происходящими в других регионах постсоветского пространства. Так, освещение рассмотренной темы с позиций «геноцида» и истребления людей по этническому признаку как минимум неверно, а как максимум способно привести к развитию разрушительных националистических идей и тенденций в казахстанском обществе и послужить материалом для эскалации конфликта.

Полякова У. Г. (Восточный институт ДВФУ, Владивосток)

Женщина в произведениях Каваками Миэко: вызовы современности

Темой исследования является образ современной женщины в произведениях Каваками Миэко, рассматриваемый через призму ключевых тем, таких как взросление, идеалы красоты и материнство. Особенное внимание уделяется тому, как автор анализирует свободу выбора и волевую активность женщин в свете культурных и экономических механизмов, оказывающих давление на женщину.

¹ Грозин А. В. Голод 1932–1933 гг. в Казахстане: феномен мифологизации истории как составная часть глобальной информационной войны // *Постсоветский материк*. 2017. № 1(13). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/golod-1932-1933-gg-v-kazahstane-fenomen-mifologizatsii-istorii-kak-sostavnaya-chast-globalnoy-informatsionnoy-voyny> (дата обращения: 03.01.2025).

² Русский народ ни при чем: Токаев высказался на тему голода 30-х годов // *Sputnik Казахстан*. 21.07.2019. URL: <https://ru.sputnik.kz/20190721/tokaev-vyskazalsya-na-temu-goloda-11012706.html> (дата обращения: 03.01.2025).

Актуальность исследования образа современной женщины в творчестве Каваками Миэко обусловлена рядом факторов.

Во-первых, в условиях глобальных изменений и модернизации, происходящих в обществе, вопросы гендерной идентичности становятся все более значимыми и обсуждаемыми. Современные женщины сталкиваются с новыми вызовами и проблемами, которые возникают на стыке профессиональной жизни, социальной мобильности и проблем, связанных с материнством. Произведения Каваками могут стать важным вкладом в обсуждение этих тем, позволяя глубже понять, как исторические и культурные контексты формируют представление о женщине как личности и о ее социальной сущности. Во-вторых, моральные и культурные вопросы, поднимаемые в сочинениях Каваками Миэко, открывают новые горизонты для анализа женской прозы не только в рамках японской литературы, но и в более широком контексте культурологических исследований. Таким образом, данное исследование привносит свежий взгляд на современные женские образы в литературе, подчеркивая их сложность и многослойность.

В качестве основного материала для анализа использован роман Каваками Миэко «Грудь и яйца», который еще не переведен на русский язык, что добавляет актуальность выбранной теме. Кроме того, в работе задействованы исследования К. Б. Джулии, в том числе ее монография «The Other Women's Lib: Gender and Body in Japanese Women's Fiction», а также монография Б. А. Джулианы «Embodiment and Its Violence in Kawakami Mieko's Chichi to ran: Menstruation, Beauty Ideals, and Mothering». Эти источники и материалы позволяют глубже разобраться в современных феминистских теориях, излагаемых в них представлениях о материнстве, а также рассмотреть отражение этих теорий в современной японской литературе.

Роман «Грудь и яйца» делится на две части и повествует о трех женщинах: главной героине Нацуко, ее старшей сестре Макико и ее дочери Мидорико. Первая часть романа начинается с приезда старшей сестры в столицу, для того чтобы сделать операцию по увеличению груди. В это же время ее двенадцатилетняя дочь Мидорико отказывается говорить и контактирует с родными только через записки. Нестабильный образ жизни Макико формирует в сознании дочери представление о том, что мать не должна была ее рожать, поскольку ее неустроенная жизнь вызвана появлением несовершеннолетней дочери. С другой стороны, Мидорико утверждает, что ее мать тоже не выбирала, родиться или нет, что углубляет ее внутренний конфликт. Макико, работающая в хостес-баре, озабочена своим старением и влиянием этого процесса на возможность иметь работу. Она стремится соответствовать общепринятым идеалам красоты, что и вызывает ее желание увеличить грудь. Все это подчеркивает зависимость положения женщин в сфере труда от европейских стандартов красоты.

Затем в романе возникает бурный конфликт, который становится отправной точкой для примирения Макико и Мидорико. Во второй части романа читателю предлагается задуматься о праве одинокой женщины дать жизнь ребенку в условиях социальной несправедливости и о том, может ли считаться сам факт деторождения роскошью.

Изучение романа показало, что темы, рассматриваемые Каваками Миэко разнообразны. Вопросы, касающиеся менструации, косметических процедур и материнства, отражают коллективный опыт женской части японского общества, который часто остается незамеченным. Творчество Каваками Миэко привлекает к ним внимание, придавая телесным переживаниям голос. Рассказанная Каваками история актуальна не только для Японии, но и для всего мира, что подчеркивает универсальность тех тем, которые она поднимает. Автор бросает вызов устоявшимся гендерным ролям и раскрывает механизмы общественного контроля над женским телом, что способствует критической переоценке традиционных ролей, навязываемых женщине.

Фокус на телесных переживаниях и повседневных заботах женщин в произведениях Каваками может быть сопоставлен с аналогичными подходами зарубежных авторов. Ее творчество открывает возможности для межкультурного диалога и выявления универсальных тем, общих для японской и других культур. В условиях глобального женского движения, затрагивающего различные аспекты жизни женщин, творчество Каваками Миэко вносит важный вклад в понимание специфики японского феминизма и такого явления, как японская «женская проза».

Цветкова А. С. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

Джадидизм в лицах

В настоящее время мы, туркестанцы, недостаточно знакомы с религиозными и мирскими знаниями. Наши старые мактабы и медресе находятся в руинах. В наших медресе не только не преподают мирские науки, но даже не преподают тафсир и хадисы, которые являются основой всех религиозных знаний... Если так будет продолжаться, то скоро даже наше нынешнее существование будет разрушено.

Ходжи Муин Шукруллаев, 1916 г.

Сочетая понимание смертельной опасности, с которой сталкивается центральноазиатское общество, с глубокой верой в способность образования найти решение существующих проблем, этот монолог одной из первых пьес современного центральноазиатского театра прекрасно иллюстрирует реформистский проект центральноазиатских интеллектуалов, называемых «джадидами».

Встревоженные недостатками мактабов и медресе, они посвятили себя созданию «новометодных» школ и написанию учебников для них. Они также основывали газеты и призывали к реформам в своих публикациях. Чтобы донести свои идеи и создать новый духовный климат, они писали стихи, пьесы, экспериментиро-

вали с новыми литературными формами. Для печатания своих произведений ими были основаны издательства, а для их распространения — книжные магазины.

О единстве и разнообразии джадидизма можно судить по биографиям его ведущих сторонников.

Талантливый писатель и педагог Махмуд Ходжа Бехбуди (1875–1919) был прогрессивным и авторитетным лидером джадидов. Он окончил медресе и был муфтием Самарканда, а также редактором и издателем газеты «Самарканд» и журнала «Ойна» («Зеркало») (1913–15)¹. Он, в частности, написал пьесу под названием «Падаркуш» («Отцеубийца»), в которой в художественной форме выразил мысль о том, что причина невежества и всех бед в обществе заключается именно в безразличном отношении к науке и просвещению. Исследователь джадидского театра Шухрат Ризаев считает, что пьеса «Падаркуш» положила начало развитию письменной национальной драматургии в Средней Азии².

Саидахмад Сиддики (литературный псевдоним Аджзи, 1865–1927) был хорошо знаком с Бехбуди. В своем произведении «Мир’оти ибрат» («Зеркало познания», 1914) Сиддики описывает воображаемую страну, где царит справедливость, хорошо развиты наука, техника и культура, и что особенно важно — в этой воображаемой стране религия не запрещает изучение светских наук. Он призывает своих соотечественников пробудиться от вечного сна и, не теряя времени, изучать естественные науки, как в российских школах³.

Мунаввар Кары Абдурашидханов (1878–1913) и Абдулла Авлони (1878–1934) были выдающимися интеллектуалами среди ташкентских джадидов. После 1914 года Мунаввар Кары и Авлони посвятили себя театру. В 1916 году Авлони основал первую в Туркестане постоянную театральную труппу⁴.

Развитие джадидизма в Бухаре до революции связано в первую очередь с Садриддином Айни и Абдурауфом Фитратом.

Садриддин Айни (1878–1954) происходил из скромной семьи сельских ремесленников, но рано осиротел и отправился учиться в Бухару. Там он посещал небольшие собрания интеллигенции и рано увлекся джадидизмом, став в 1917 году одним из виднейших его деятелей. Позже именно Айни станет также ведущей литературной фигурой нового Советского Таджикистана.

Абдурауф Фитрат (1886–1938 гг.) также пользовался большим уважением среди своих современников. Вырос он в Бухаре, получил традиционное образование в медресе, но четыре года, проведенные им в Стамбульском университете

¹ Adle C. History of Civilizations of Central Asia // Palat M. K., Tabyshaliev A. (eds.). UNESCO Publishing. Multiple History Series. Vol. VI. Paris, 2005. P. 192.

² Гафаров Н. У. Вклад джадидов в зарождение национальной драматургии и развитие театра в Средней Азии // *Вестник ТГУПБП*. 2013. № 4 (56). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vklad-dzhadidov-v-zarozhdenie-natsionalnoy-dramaturgii-i-razvitie-teatra-v-sredney-azii> (дата обращения: 18.12.2024).

³ Adle C. History of Civilizations of Central Asia. P. 193.

⁴ Халид А. Создание Узбекистана: нация, империя и революция в раннесоветский период. Пер. с англ. К. Тверьянович, А. Рудаковой. СПб.: Academic Studies Press / Библиороссика, 2022. С. 90.

(1909–1913), и его непосредственное знакомство с младотурецким движением оказались решающими. Он стал одним из наиболее радикальных лидеров джадидов и был в числе первых, кто выступил с критикой режима Бухарского эмирата. Впоследствии Фитрат два года входил в состав руководства Бухарской Народной Советской Республики, но в итоге не смог примирить свои собственные устремления с требованиями нового режима¹.

Представители того, что можно назвать вторым поколением джадидов, были более радикальны в своей социальной активности и более экспериментальны в своем литературном творчестве. Хамза Хакимзаде Ниязи (1889–1929), выходец из зажиточной семьи, получил образование в мактабе и медресе в Коканде, но, вероятно, также посещал русскоязычную школу. Кроме того, Ниязи увлекался театром и музыкой, став в результате одним из зачинателей музыкального театра в Туркестане².

Чулпан (1897–1938) родился в семье состоятельного купца в Андижане, где он учился в русско-туземной школе. Отец его любил литературу, и Чулпан страстился к ней с юных лет. Однако его увлекли возможности, открывшиеся с падением самодержавия, и в течение всего 1917 года он принимал активное участие в общественной жизни. Когда у него начались неприятности по политической линии, он вновь стал писать художественные произведения, и в 1936 году ему удалось напечатать свой роман «Ночь»³. «Ночь» — это не просто описание исторических событий, это философское размышление о цене прогресса, о судьбе человека в эпоху перемен, о сложности выбора между идеалами и реальностью. Роман был запрещен вскоре после публикации, а сам Чулпан репрессирован и расстрелян. «Ночь» стала символом трагической судьбы узбекской интеллигенции в 1930-е годы.

Еще одной сопоставимой по масштабу фигурой был Абдулла Кадыри (1894–1938). Он родился в Ташкенте, в семье скромного достатка, и тем не менее закончил русско-туземную школу с отличием. После революции Кадыри стал очень много писать для периодической печати, а начиная с 1920 года работал над романом. Произведение «Ўткан кунлар» («Минувшие дни») стало первым историческим романом на узбекском языке и в значительной мере обеспечило Кадыри почетное место в пантеоне узбекской литературы⁴.

Таким образом, можно с уверенностью утверждать, что джадидское движение и каждый отдельный его представитель оказали большое влияние на историю центральноазиатского региона, подготовив почву для дальнейшего развития общественной мысли и общественного сознания.

¹ Халид А. Создание Узбекистана: нация, империя и революция в раннесоветский период. С. 94–95.

² Там же. С. 89.

³ Там же. С. 92.

⁴ Там же. С. 92–93.

Ченковская В. Ю. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

Права на семейное имущество женщин-*надитум*: случай Нарамтум, дочери Лу-Нанна, из города Ниппура (Южная Месопотамия, XIX–XVIII вв. до н. э.)

В Южной Месопотамии в старовавилонский период (I-я пол. II тыс. до н. э.) *надитум* (шум. *lukur*, акк. *nadītum* < *nadūm* ‘(от)бросить’) были женщины из обеспеченных городских семей, которые, проходя некое посвящение в храме того или иного бога, становились жрицами этого бога и получали особый титул ‘*надитум такого-то бога*’. Женщина-*надитум* получала долю семейного имущества и активно участвовала в экономической жизни своего города. Ее братья при этом играли важную роль в ее жизни: нередко на них лежала обязанность по финансовому обеспечению сестры. Это обеспечение осуществлялось за счет ее же имущества, которое после смерти жрицы возвращалось в семью. Альтернативным вариантом было независимое владение полученным имуществом, что оговаривалось отцом в документе, выдаваемом дочери-*надитум*. Оба варианта прослеживаются в городах Южной Месопотамии — в первую очередь в Сиппаре, откуда дошло и уже опубликовано большое количество документов о получении *надитум* доли семейной собственности¹.

В Ниппуре, несмотря на частое упоминание *надитум* в различных документах, на данный момент имеется только две группы текстов, фиксирующих получение *надитум* семейной собственности и особенности распоряжения ею. В работе Э. Стоун 1982 г. были рассмотрены документы *надитум* Бельтани, по которым прослеживается один из видов осуществляемой практики². Отец Бельтани выделил ей долю семейного имущества, а также назначил пожизненные выдачи (зерно, масло, шерсть) ее братьями. Поле находилось под контролем братьев, и, по-видимому, с него осуществлялось это обеспечение. Новая публикация текстов, связанных с *надитум* Нарамтум, позволяет пронаблюдать альтернативный вариант распоряжения семейной собственностью³.

По документу ТМН 10 15 (1818 г. до н. э.) Лу-Нанна, глава семьи, выделил долю (шум. *ha-la*) семейного имущества своей дочери Нарамтум, *надитум* бога Лугаль-абы. Девушка получила практически половину всего движимого и недвижимого имущества отца в виде поля, части дома, сада, служанки и утвари. Доля Нарамтум была фиксированная: она больше не имела права на другое семейное имущество — оно будет поделено после смерти отца только между тремя ее братьями.

¹ Stol M. Unmarried women: nuns // Stol M., Vleeming S. (eds.). The Care of The Elderly in the Ancient Near East. Leiden, Boston, Köln, 1998. P. 59–117 (см. p. 85–96).

² Stone E. C. The Social Role of the Naditu Women in Old Babylonian Nippur // *Journal of the Economic and Social History of the Orient*. 1982. Vol. 25/1. P. 50–70 (см. p. 57–59).

³ Goddeeris A. The Old Babylonian Legal and Administrative Texts in the Hilprecht Collection Jena (TMN 10). Wiesbaden, 2016.

Важной деталью является то, что Нарамтум названа в документе «наследницей отца» (шум. *dumu-munus munus-ús*).

В 1779 г. до н. э., после смерти своего мужа Иддин-Энлиля, *надитум* Нарамтум заключила «договор усыновления» с мужчиной по имени Ур-Пабильсаг (ТМН 10 6), согласно которому она передала «приемному сыну» собственность в обмен на пожизненное обеспечение ее маслом, шерстью и зерном. Все имущество обозначено как подаренное ее отцом Лу-Нанной: *lú-^dšeš-ki ad-da in-na-ba-a*. В его составе те же поле, дом и сад, что в документе о выделении доли.

В 1745 г. до н. э., после смерти Нарамтум, Ур-Пабильсаг и Нарубтум, «внучка» Нарамтум, поделили ее имущество (ТМН 10 18). Его состав соответствует составу обещанного Ур-Пабильсагу имущества по договору усыновления. Нарубтум была дочерью Мигир-Энлиля, который не был родным сыном Нарамтум, но, по-видимому, также имел право наследовать собственность Нарамтум, которая затем перешла к Нарубтум. Мигир-Энлиль мог быть родным сыном мужа Нарамтум или опять-таки быть усыновленным ею. Точно известно, что Мигир-Энлиль был женат на племяннице мужа Нарамтум. Как установила А. Годдерис по документам, Ур-Пабильсаг на момент усыновления уже был тесно связан с семьей мужа *надитум* Нарамтум, в частности, после того, как взял в жены Али-ахати, жену покойного Мигир-Энлиля (ТМН 10, см. р. 361–366).

Таким образом, рассмотренные клинописные тексты демонстрируют, что *надитум* Нарамтум как наследница своего отца получила от него фиксированную долю имущества, при этом потеряв право участвовать в будущем разделе отцовского хозяйства со своими братьями. Эти тексты выявляют тесную связь Нарамтум с семьей ее мужа Иддин-Энлиля, в частности, с ее приемным сыном (или пасынком) Мигир-Энлилем, некровной внучкой Нарубтум и Ур-Пабильсагом, вошедшим в эту семью, став отчимом Нарубтум, а после и приемным сыном Нарамтум. Усыновление Ур-Пабильсага было совершено после смерти мужа Нарамтум и, возможно, было вызвано следующими обстоятельствами: ранее Нарамтум уже лишилась своего приемного сына Мигир-Энлиля, а потеряв мужа, по-видимому, осталась без надежной опоры и обрела ее в лице Ур-Пабильсага.

Точная причина, по которой *надитум* Нарамтум имела право свободно распоряжаться выделенным ей семейным имуществом без оглядки на волю отца и братьев, не вполне ясна. Возможно, это как-то обусловлено особым статусом, прописанным в документе: *dumu-munus munus-ús* «дочь-наследница». Документ из Ниппура ТМН 10 10 содержит похожее определение (*dumu-munus ibila é ad-da-na-ka-m* «дочь-‘наследник’ домохозяйства своего отца»), которое также используется при специфических обстоятельствах: дочь-наследница передает своему усыновленному существенную часть имущества семьи — храмовую должность служителя-*nešakku* бога Энлиля. На особое положение *надитум* Нарамтум, возможно, также указывает то, что она является единственной упоминаемой в документах из Ниппура *надитум* бога Лугаль-абы.

Широких Ю. А. (УрФУ, Екатеринбург)

Интервью для AUFS «Миссис Масуда и буракумины» Лоуренса Олсона: американское видение проблемы буракуминов в 1950-е гг.

Проблема дискриминации буракуминов — потомков особой средневековой касты «эта» — является насущной для японского общества. На отношение японцев к этой немногочисленной категории граждан обратили серьезное внимание американские оккупационные власти в послевоенный период. Американские исследователи способствовали формированию общего взгляда на проблему и отношения к ней мирового сообщества.

Одним из важных документальных источников по этому вопросу является интервью Лоуренса Олсона 1958 г. с японкой Масудой Эцуко, которая хотя и не относилась к буракуминам, но тесно общалась с ними и проживала в их окружении долгое время. В приложениях к интервью Олсон приводит краткую историю проблемы буракуминов, основанную на исследованиях 1930–1950-х гг.

Лоуренс Олсон (1918–1992) — американский историк, специализировавшийся на Японии. В 1955 г. он стал участником программы консорциума Американских университетов — American Universities Field Staff (AUFS), учрежденного в 1951 г. с целью расширения знаний о регионах за пределами США, включая Дальний Восток и другие азиатские регионы. Интервью, посвященное буракуминам, было взято Олсоном во время его работы в этой организации. В 1958 г. он брал интервью в социальных центрах буракуминов, где работала Масуда Эцуко.

Важно отметить редкость цитирования данного источника. Являясь участником AUFS, Олсон представлял не только исследовательские интересы, но и политические. Его задачей как корреспондента AUFS была отправка регулярных отчетов в университеты. Отчеты должны были расширять представления США о Японии, текущей ситуации в этой стране и актуальных проблемах. ЦРУ также получало копии этих отчетов. Не исключено, что работы Олсона могли повлиять на мнения лиц, выстраивающих политику США по отношению к Японии. Масуда Эцуко — ценный источник информации; она в детстве, в 1910-х гг., еще застала традиционный уклад жизни буракуминов и продолжала общаться с ними и в послевоенные годы.

Масуда рассказывает, что в детстве при посещении государственной школы встречала буракуминов. Дискриминацию она описывает как открытую. Нередко с буракуминами общались как с животными, в результате у их детей складывался комплекс неполноценности, они стеснялись своего происхождения или района, в котором проживали. В повествовании Масуда упоминает о стереотипах, связанных с биологическими отличиями буракуминов, вносящими трудности в их личную жизнь. Олсон, повествуя о такого рода стереотипах, отмечает, что по поверью, в теле буракумина одна кость обязательно будет собачьей. Помимо

религиозных предубеждений, биологический страх человека перед любым проявлением животного, дикого начала служит причиной, по которой японцы старались избегать буракуминов и в 1950-е гг.

Внимание к проблеме буракуминов пришло в жизнь Масуды Эцуко вместе с принятием христианства. Японская христианская церковь второй половины XX в. не поддерживала политику дискриминации, считая ее отступлением от христианских принципов. Масуда утверждает, что «после войны они (*буракумины*) стали более открыты к христианству, но до сих пор многие из них привержены буддизму, особенно Син-сю»¹. В интервью проблемы изоляции японских христиан и буракуминов показаны как схожие, что может служить причиной открытости бураку к несвойственной для Японии религии.

Масуда отмечает, что в послевоенное время сегрегация перестала быть сильно выраженной, претерпела положительные изменения, однако присутствует в скрытом виде. Буракумины продолжают быть крайне закрытым сообществом. Дискриминации могут быть подвержены не только сами буракумины, но и люди, проживающие в их районах, что может говорить о формировании изолированных общин внутри больших городов, как, например, упоминаемый в интервью район Фукусима-тё в Хиросиме.

Интересна деталь, отражающая позицию Олсона и характерная для эпохи холодной войны, когда было составлено его послесловие: замечание о принадлежности некоторых правозащитных групп буракуминов к коммунистическим. Олсон сообщает читателю мнение членов левых правозащитных групп, полагающих, что тесная связь Японии с США является причиной усиления дискриминации. Во взглядах Олсона, который обрисовывает левые движения буракуминов как опасные для политики демократической Японии, мог играть роль страх перед «красной угрозой». С другой стороны, Олсон показывает читателям отношение буракуминов к США.

В связи с выступлениями против чернокожего населения в 1957 г., Олсон отмечает, что проблема дискриминации буракуминов отлична от проблемы дискриминации чернокожего населения: проблема буракуминов во многом зависит от исторической памяти, а не от внешних признаков. Ссылаясь на г., Олсон поднимает проблему равных возможностей для образования, его введение и среди буракуминов.

Подводя итог, можно сказать, что интервью Л. Олсона освещает религиозную, политическую и социальную сторону проблемы буракуминов на момент 1950-х гг. для американского читателя. В качестве ближайшей и актуальной аналогии с проблемой буракуминов выступает сравнение с дискриминацией чернокожего населения. Позиция Олсона содержит не только призыв к освещению проблемы, ее разрешению, но и замечание касательно негативного мнения правозащитных групп буракуминов коммунистической направленности относительно США.

¹ Olson L. Mrs. Masuda and the Buraku People // Dimensions of Japan: A Collection of Reports Written for the American Universities Field Staff. New York: American Universities Field Staff, Inc., 1963. P. 74.

Щигорева А. А. (СПбГУ, Санкт-Петербург)

Употребление предлогов 'et и be- с динамическими глаголами в современном иврите: корпусное исследование

В последние десятилетия все больше исследований посвящены изучению взаимоотношений между различными разделами лингвистики, в частности между синтаксисом и семантикой. Так, подвижность и сложность языковой структуры обуславливает способность языка функционировать в различных условиях на разных уровнях. Советский и российский лингвист Н. Ю. Шведова описала такое взаимодействие следующим образом: «грамматический строй языка пронизан лексикой. Нет почти ни одного грамматического правила, которое не требовало бы включения в свою формулировку 'лексической части'»¹.

Настоящее исследование посвящено изучению дополнительных параметров, влияющих на выбор оформления объекта в конструкциях с динамическими глаголами в современном иврите. В частности, когда и чем маркируется объект и влияют ли на выбор предлога такие параметры, как «категория субъекта», «индивидуализация объекта», «вовлеченность объекта в событие», «контакт между агенсом и пациенсом» и «роль объекта в предложении». Основные теории, касающиеся данного исследования, были предложены Д. Болинджером² и Р. Халеви³, где в первом случае рассматривается влияние семантики глагола на объект, а во втором данные концепции применяются для грамматики современного иврита.

Данное исследование сосредоточено на случаях маркирования объекта предлогами 'et и be- в аккузативных конструкциях, которые в некоторых случаях могут быть взаимозаменяемыми. Существуют различные подходы к вопросу наименования морфемы 'et: ряд исследователей рассматривают ее как маркер прямого объекта, составляющий аккузативную конструкцию (например, Т. Гивон⁴, М. Таубе⁵), как предлог (Г. Данон⁶), как маркер прямого дополнения с предложными характеристиками (Ш. Винтнер⁷). В данной работе мы придерживаемся термина «предлог», как и израильский лингвист Г. Данон, который подробно изучал

¹ Шведова Н. Ю. Об активных потенциях, заключенных в слове. Слово в грамматике и словаре. М.: Наука, 1984. С. 11.

² Bolinger D. Entailment and the meaning of structures // *Glossa*. 2. 1968. P. 119–127.

³ Halevy R. Transitive verbs with non-accusative alternation in Hebrew: Cross-language comparison with English, German and Spanish. Conference: SLE. 2001.

⁴ Givón T. Definiteness and referentiality. Universals of human language. Vol. 4. Stanford: Stanford University Press, 1978. P. 291–330.

⁵ Taube M. The usual suspects: Slavic, Yiddish, and the accusative existentials and possessives in Modern Hebrew // *Journal of Jewish Languages*. 2015. Vol. 3. P. 27–37.

⁶ Danon G. Syntactic Definiteness in the Grammar of Modern Hebrew // *Linguistics*. 2001. Vol. 39. P. 1071–1116.

⁷ Wintner S. Definiteness in the Hebrew noun phrase // *Journal of Linguistics*. 2000. Vol. 36. P. 319–363.

вопрос оформления объекта в иврите, так как в рамках дифференцированного маркирования объекта будут проанализированы примеры взаимозаменяемости *'et* и *be-*, конструкции с которыми рассматриваются в рамках нашего исследования.

Материалом для анализа послужил собранный корпус примеров использования конструкций с динамическими глаголами восьми семантических групп, которые были предложены Р. Халеви. Данные примеры были собраны из-под корпуса статей газеты «Haaretz» веб-корпуса heTenTen21¹ на базе платформы SketchEngine². Для проведения исследования были отобраны самые частотные пары глаголов из каждой группы динамических глаголов, предложенной Р. Халеви. Таким образом, корпус насчитывает 1881 пример с данным типом маркирования. Количество материала позволяет выявить существующие закономерности в категории дифференцированного маркирования объекта в современном иврите, обратить внимание на ранее не учитывающиеся параметры при выборе оформления объекта.

Так, в ходе работы было проведено статистическое исследование, с помощью которого удалось установить взаимосвязь между синтаксическими и семантическими показателями и выбором оформления объекта. Представленный анализ показал, что существует корреляция между понятиями «референтность» и «определенность», при этом референциальный статус и определенность не являются решающими при выборе способа оформления объекта. Четкого правила для выбора маркера в зависимости от предложенных параметров выявлено не было, каждый случай выбора предлога индивидуален.

Параметр «категория субъекта» влияет на различные глаголы. Так глаголы «רָאָה», «גָּלַל», «הָרָג», «הָכָה» и «פָּסַל» показывают высокие проценты кодирования объекта двумя предлогами в зависимости от субъекта. Параметр «вовлеченность объекта в событие» также различается в зависимости от грамматических показателей.

При рассмотрении параметра «контакт между агенсом и пациенсом», было установлено, что некоторые глаголы, например «כָּרַס», «הָרָג» и «רָאָה», имеют определенные паттерны кодирования, зависящие от данного параметра.

Таким образом, корпусные данные, полученные на материале газеты «Haaretz», подтверждают гипотезу Р. Халеви о том, что помимо распространенных способов кодирования объекта (референциальный статус именной группы, определенность и пр.) существуют дополнительные параметры, влияющие на вариативность оформления объекта. Полученные данные в изучении дифференцированного объектного маркирования, проанализированные на основе ранее не рассматривавшихся параметров, а также корпусная методика проведения исследования представляют интерес для современной лингвистической науки и требуют дальнейшего изучения.

¹ heTenTen21 corpus [Электронный ресурс]. URL: <https://www.sketchengine.eu/hetenten-hebrew-corpus> (дата обращения: 15.01.2025).

² Платформа Sketch Engine [Электронный ресурс]. URL: <http://www.sketchengine.co.uk> (дата обращения: 15.01.2025).

Содержание

Contents

Секция I • Section I

Книга в истории и культуре Востока

The Book in Oriental History and Culture

<i>Tayebeh Beheshti (Islamic Azad University of Parand, Iran)</i> Systematic Art: Geometric Instruments and Methods in Persian Manuscript Design	5
<i>Азаркина М. А. (Научная библиотека СПбГУ, Санкт-Петербург)</i> Штрихи к портрету Юлиана Константиновича Щуцкого: книги из собрания Научной библиотеки СПбГУ	7
<i>Аникеева Т. А. (Центр исламских рукописей ИВ РАН, Москва)</i> Рукописная коллекция М.-Г. М. Садыки	9
<i>Арсланова А. А. (К(П)ФУ, Казань)</i> Персоязычные манускрипты и рукописные материалы по иранистике из коллекции профессора И. Ф. Готвальда (1813–1897)	10
<i>Белкина Е. М. (ИВР РАН; СПбГУ, Санкт-Петербург)</i> Русскоязычный глоссарий еврейской палеографии	12
<i>Гурьева А. А. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)</i> Культурологические аспекты различий в книжных культурах Китая, Кореи и Японии	14
<i>Кекелия В. (Национальный центр рукописей Грузии им. К. Кекелидзе, Тбилиси)</i> «Хроника истории Грузии» из рукописи № 12 Собрания царевича Иоанна, хранящегося в РНБ	16
<i>Кикнадзе Д. Г. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)</i> Японские повествовательные свитки эмакимоно XII–XIII веков: к проблеме соотношения текста и картин на материале «Ямаи-но со:си» («Свиток о хворях», XII в.)	17
<i>Маламагомедов Д. М. (ИИАЭ ДФИЦ РАН)</i> Арабографическая книга в истории и культуре народов Дагестана 1-й пол. XX в. (на примере рукописного сборника Макшарифа из Аймаки)	19

<i>Маяцкий Д. И. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург), Азаркина М. А. (НБ СПбГУ, Санкт-Петербург)</i> «Позднеевский фонд» в собрании Научной библиотеки СПбГУ	21
<i>Мкртчян Д. С. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)</i> Армянские рукописи и старопечатные книги как источник по истории культурной жизни армян Санкт-Петербурга	24
<i>Тоникян С. А. (Ереванский государственный университет, Ереван)</i> Рукопись № 1519 арабографичного фонда Матенадарана: описание и место в stemma codicum	26
<i>Туранская А. А. (ИКСа РАН, Москва)</i> Христианские печатные издания на монгольском и калмыцком языках в коллекциях РНБ	28
<i>Ястребова О. М. (РНБ, Санкт-Петербург), Матвеев А. С. (СПбГУ, Санкт-Петербург)</i> Электронный каталог коллекции Мухаммада Айяда ат-Тантави в СПбГУ: итоги проекта (2023–2024)	29

Секция II • Section II

Международная сессия арабистов:

«Источниковедение и историография Арабских стран» (совместно с Ереванским государственным университетом)

International Session on Arabic Studies: Historiography and Source Studies of the Arab Countries (organized together with Yerevan State University)

<i>Saleem Abu Jaber (Ben Gurion University of the Negev, Israel)</i> A Scholarly Reading of Yusuf Efendi Zadeh's Commentary on Surahs 90 (<i>al-Balad</i>) and 108 (<i>al-Kawthar</i>)	32
<i>Mariam Elmasyan (Arabic Studies Department, Yerevan State University, Yerevan)</i> The Socio-cultural Significance of Ibn al-Muqaffa's "Al-Adab al-Saghir" and "Al-Adab al-Kabir"	33
<i>Аветисян В. Г. (Российско-армянский (Славянский) университет, Ереван)</i> Армянские источники о Крестовых походах на Ближнем Востоке	34
<i>Аширов Т. А. (Институт истории и археологии АН Туркменистана, Ашхабад)</i> Ал-Мукаддима («Введение») Ибн Халдуна как источник по истории раннего христианства	37
<i>Берникова О. А. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)</i> Частотный и контекстуальный анализ номинативов времени в Коране и современном арабском языке	38
<i>Блондин В. Н. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)</i> Касимиды — герои антиосманского сопротивления, известные просветители, ученые-теологи и историки позднесредневекового Йемена (XVI–XVII вв.)	40
<i>Боков Т. А. (ИКВИА ВШЭ, Москва)</i> Христиане Сирии: опыт полевого этнографического исследования	42
<i>Болдина Ю. С. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург; Sorbonne Paris IV, Paris)</i> Влияние феномена «Coexistencia» и андалусского мультикультурализма на векторы идентичности морисков и сефардов накануне изгнания из Испании в Средние века	44

<i>Бурова А. Н. (РГГУ, Москва)</i> Избирательная система Алжира: источниковедческий и историографический анализ	45
<i>Валеев Р. М. (К(П)ФУ, Казань), Валеева Р. З. (КИУ, Казань)</i> Эпистолярное наследие отечественных востоковедов: Казань — Санкт-Петербург — Москва (XIX — нач. XX в.)	47
<i>Верейна Е. С. (ИКВИА НИУ ВШЭ, Москва)</i> Почтовая колониальная коллекция: образы женщин Магриба рубежа XIX–XX вв.	50
<i>Герасимов И. В. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)</i> Иностранные землячества в Судане периода кондоминиума: греки, евреи, курды, выходцы из арабских стран	53
<i>Готовец К. А. (ЮФУ, Ростов-на-Дону)</i> Суфийский тарикат хатмий как проводник интересов Египта в Судане во второй половине XIX — XX в.	54
<i>Жерлицына Н. А. (Институт Африки РАН, Москва)</i> Научное наследие консула Российской империи в Алжире Г. Л. Томашевского (1903–1910) ...	56
<i>Зайцева Д. В. (ИВР РАН, Санкт-Петербург,)</i> Два арабских трактата XV в. как источник по изучению аспектов военной подготовки мамлюков: борьбы и кулачного боя	58
<i>Илюшина М. Ю. (ИВ РАН, Москва)</i> Семья султана аз-Захира Баркука (1382–1399)	59
<i>Кондратьев Ю. М. (НИУ ВШЭ, Москва)</i> Эпиграфические памятники поселений Баади и Хор-Нубт из коллекции Национального музея Судана	61
<i>Лазутина А. Е. (Институт Африки РАН, Москва)</i> Письмо императора Наполеона III маршалу Мак-Магону как источник по колониальной политике Франции в Алжире в 1860-е гг.	63
<i>Лукьянов Г. В. (ИВ РАН, Москва)</i> О вкладе Анатолия Захаровича Егорина (1931–2020) в развитие ливийских исследований в России: дискуссионные вопросы историографии	64
<i>Лученков И. Р. (ИВР РАН, Санкт-Петербург)</i> Мемуары Аббаса II Хильми как источник по политической истории Египта на рубеже XIX–XX вв.	66
<i>Матвеев А. С. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)</i> «Что мне в имени твоём?» О происхождении названия суданского меча — <i>каскара</i>	68
<i>Матросов В. А. (НИУ ВШЭ, Москва)</i> Роль тариката хатмий в становлении суданской системы образования	72
<i>Редькин О. И. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)</i> Время в период <i>джахилии</i> и в Коране	74
<i>Розов В. А. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)</i> «Утешение озабоченного историей астрологов» Ибн Тавуса как памятник арабо-мусульманской философской мысли	76
<i>Соколов О. А. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)</i> Концептуализация Крестовых походов средневековыми мусульманскими историками после 1291 г.	77
<i>Тигранян С. Т. (Российско-Армянский университет, Ереван)</i> Основные принципы осуществления политической власти и организации общественных отношений в учении Ибн Таймийи	78

<i>Тихонова Н. Е. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)</i>	
Представления о Первом крестовом походе и его участниках в «Сказании о Мелике Данышменде».....	81
<i>Фазельянов Э. М. (Институт Европы РАН, Москва)</i>	
Отечественная историография изучения вооруженных конфликтов в Судане во 2-й пол. XX — нач. XXI в.	82
<i>Элоян А., Гёзальян С. (Ереванский государственный университет, Ереван)</i>	
Типологический анализ авторских комментариев в «Китаб ансаб ал-ашираф» Ахмада ибн Яхьи ал-Балазури	84

Секция III • Section III

Иранистика и афганистика

Iranian and Afghan Studies

<i>Fariba Afkari (Tehran University, Tehran), Mojdeh Mohammadi (Library of the Ministry of Foreign Affairs, Tehran)</i>	
Understanding historical relations between Iran and Russia during the Qajar period (1779–1925): books and documents in the library and archives of the Ministry of Foreign Affairs, Islamic Republic of Iran.....	87
<i>Mikhail S. Pelevin (FAAS, SPbSU, St Petersburg)</i>	
Naqshbandi patrons of Pashto literature	88
<i>Амбарцумян А. А. (НИУ ВШЭ; ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)</i>	
О значении трудов Рейнгольда Рейнгольдовича Штакельберга (1860–1907) для иранской филологии	90
<i>Андреев А. А. (Факультет политологии СПбГУ, Санкт-Петербург)</i>	
Убийство или добровольная жертва? Смерть великого визиря Мирзы Таки (1633–1645) по материалам российских архивных источников	92
<i>Багиров Акрам Дахил оглы (Институт рукописей им. М. Физули НАН Азербайджана, Баку)</i>	
Мир Таги ад-Дин Кашани и азербайджанские поэты в его <i>тазкира</i>	94
<i>Базиленко И. В. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)</i>	
Основные проблемы отношений между Исламской Республикой Иран и Советским Союзом (кон. 70-х — нач. 90-х гг. XX в.)	96
<i>Баиндурашвили Хатуна (Национальный центр рукописей Грузии им. К. Кекелидзе, Тбилиси)</i>	
Кодикологическое и источниковедческое исследование рукописей « <i>Тарих-е Надери</i> » (Р-260, Р-611, Р-579) из Тбилисской коллекции	98
<i>Баширин П. В. (РГГУ, Москва)</i>	
«Облаченный сиянием»: генезис образа в мусульманской мистике.....	100
<i>Болашенкова Е. А. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)</i>	
Зикр против страха: находки и изобретения в персидском переводе романа Ф. Герберта «Дюна»	102
<i>Васильева Н. Е. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)</i>	
Чингиз Алиевич Байбурди (1925–2012): студент, преподаватель, ученый (к 100-летию со дня рождения)	104
<i>Джандосова З. А. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)</i>	
Дискурсы о легитимности власти в Афганистане в начале XIX в.....	106
<i>Дроздов В. А. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)</i>	
Рассказы о мистической любви в поэмах персидского поэта Фарид ад-Дина 'Аттара	108

<i>Каверин С. И. (Российско-Армянский университет, Ереван, Армения)</i> Книжные и рукописные источники по языкам и этнографии нуристанцев.....	110
<i>Копанева Д. Д., Красуцкий С. А. (Институт истории СПбГУ, Санкт-Петербург)</i> История восстания Степана Разина в документах на персидском языке из дела Ф. 77 РГАДА 1671.2	113
<i>Мамедли П. Г. (Институт литературы им. Низами Гянджеви НАН Азербайджана, Баку)</i> Роль прессы Южного Азербайджана в сохранении родного языка.....	115
<i>Масликов С. Ю. (МАЭ РАН (Кунсткамера), Санкт-Петербург)</i> О чем могут рассказать иранские астролябии	117
<i>Мисакян Г. А. (ФВКИ, Ереванский государственный университет, Ереван)</i> Концепция «Ираншахризма» в иранских СМИ.....	120
<i>Мичанович С.-А. (ИВР РАН, Санкт-Петербург)</i> Числа в зороастризме (по тексту «Избранное Задспрама»)	121
<i>Павлова И. К. (СПбГУПТД, Санкт-Петербург)</i> Парадигма жизни современной женщины в Исламской Республике Иран	123
<i>Смирнова А. М. (ИВР РАН, Санкт-Петербург)</i> Особенности традиции тариката накшбандийа в Кашмире по персидским источникам (XIV–XVIII вв.).....	126
<i>Текаев Д. (ТГПИ, Туркменабад, Туркменистан)</i> «Лубаб ал-албаб»: стихотворное наследие Хорезмшахов	127
<i>Ходунов А. С. (НИУ ВШЭ, Москва)</i> Дестабилизация на территориях, населенных белуджами, в Иране и Пакистане в кон. XX — нач. XXI в.	129
<i>Чунакова О. М. (ИВР РАН, Санкт-Петербург)</i> Согдийская сказка об удачливом герое.....	131
<i>Штых Ю. Г. (ГПМУ, Санкт-Петербург)</i> «Путешествие в Израиль» иранского писателя Дж. Але Ахмада	134
<i>Янушкевич Е. Ю. (ИВР РАН, Санкт-Петербург)</i> Права персидского купечества и торговли России с Каджарским Ираном в период войны 1826–1828 гг.....	136
<i>Ястребова О. М. (РНБ, Санкт-Петербург)</i> Уникальная рукопись двух произведений ‘Абдаллаха Барзишабади (1387–1467) в Российской национальной библиотеке	137

Секция IV • Section IV

Секция тюркологии: «XXV Ивановские чтения»

Turkic Studies: “XXV Professor Ivanov’s Readings”

<i>Nikolai N. Geiger (St Petersburg University, St Petersburg)</i> Modern Turkish historiography on the activities of Turkish far-right nationalist organizations in the second half of the 20th century.....	140
<i>Refik Korkusuz (Dokuz Eylul University, Izmir, Turkey)</i> Qualifications of short-term social security system in Turkey	141
<i>Naim Ürkmez (Erzurum Technical University, , Erzurum, Türkiye), Uğur Akbulut (Erzurum Technical University, , Erzurum, Türkiye)</i> Turkish Sources on the Crimean War: An Analysis Study	145

<i>Vasileva N. (Institute of Balkan Studies and Center of Thracology, BAS, Bulgaria)</i> A Diplomatic Ambush: Ottoman Mission in Afghanistan 1877	147
<i>Абдурахманова-Павлова Д. В. (ФФ СПбГУ, Санкт-Петербург)</i> Нора, Севиль и «Освобожденная женщина»: осмысление ибсеновских мотивов в культуре советского Азербайджана.....	148
<i>Аврутина А. С. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург), Аверьянов Ю. А. (НИУ ВШЭ, Москва)</i> Образы суфиев в романах современных турецких писателей.....	150
<i>Алиева К. А. (ЛГУ им. А. С. Пушкина; СПбГУ, Санкт-Петербург)</i> Некоторые особенности аспектуального значения формы -mıñ в древнеуйгурском языке.....	152
<i>Ахмедов Б. Я. (Бухарский государственный педагогический институт, Бухара, Узбекистан)</i> Активные процессы формирования словосочетаний в современном узбекском языке	153
<i>Валеев Рамиль М. (К(П)ФУ, Казань), Валеев Рафаэль М. (К(П)ФУ, Казань), Валеева Р. З. (КИУ, Казань)</i> Российская тюркология и наследие С. Е. Малова: опубликованное и архивное эпистолярное наследие. (К 145-летию со дня рождения)	155
<i>Громов М. А. (РГГУ, Москва)</i> Итало-турецкая война в османских и европейских источниках	156
<i>Гудзина В. А. (Бухарский ГУ, Бухара, Узбекистан)</i> Женское видение мира в поэзии узбекской поэтессы Зульфии	158
<i>Дубровина М. Э. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)</i> Сравнительный анализ падежных форм (на материале современного турецкого языка и языка древнетюркской рунической письменности)	160
<i>Дьяков Н. Н. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)</i> История Ближнего Востока в трудах ученых ВФ ЛГУ/СПбГУ на рубеже XX–XXI вв. К 100-летию профессора А. Д. Желтякова (1925–1989)	161
<i>Жуков К. А. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)</i> Востоковед-дипломат на службе в Османской Турции и Сербии: Степан Иванович Чахотин (1857–1919).....	164
<i>Козинцев М. А. (ИВР РАН, Санкт-Петербург)</i> Записка Е. М. Тимаева о путешествии от Битола до Белграда в 1865 г.	166
<i>Курова О. Н. (БАН, Санкт-Петербург)</i> Йозеф фон Хаммер-Пургшталь и османская поэзия. Перевод Дивана Баки	167
<i>Лебедев Э. Е. (ЧГИГН, Чебоксары)</i> О способах передачи словоизменительных значений в системе глагольных категорий чувашского языка.....	170
<i>Люльчак А. С. (ИВИ РАН, Москва)</i> Балканское турне Сабихи Гёкчен 1938 г. в зеркале кемалистской пропаганды	172
<i>Минсафина А. И. (Стамбульский университет, Стамбул)</i> Лингвистическая терминология в современном турецком языке: история, текущие реалии и перспективы	173
<i>Муртазаева Ф. Р. (Бухарский ГУ, Бухара, Узбекистан)</i> Женский голос в борьбе с насилием: сравнительный анализ узбекской и персидской «женской прозы».....	175
<i>Напольнова Е. М. (ИСАА МГУ, Москва)</i> Фразеологизмы с лексемой göz ‘глаз’ в современном турецком языке	177
<i>Нигматова Л. Х. (Бухарский ГУ, Бухара, Узбекистан)</i> Нигматов Хамид Гулямович (1941–2016) — тюрколог, доктор филологических наук, профессор, заслуженный работник народного образования, кавалер ордена «Эл-юрт хурмати»	179

<i>Образцов А. В. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург),</i> <i>Сулейманова А. С. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)</i> Две дуэли — Намык Кемаль и Мехмед Тевфик: к вопросу об особенностях культурного импорта	181
<i>Погосян Н. (Ереванский государственный университет, Ереван)</i> Проблема вестернизации османского общества в армянографичной турецкоязычной сатирической газете «Балагур» (1856 г.).....	183
<i>Псянчин Ю. В. (ГАУ БНИЦ, Уфа)</i> Закир Шакирович Шакиров (1881–1968) — основоположник башкирского языкознания и направления «Собственный Восток России» в Башкортостане.....	185
<i>Репенкова М. М. (ИСАА МГУ, Москва)</i> Турецкая массовая литература и Джанан Тан.....	186
<i>Романенко М. Д. (ИВ РАН, Москва)</i> Журнал «Орхон» (<i>Orhun</i> , 1933–1944) как исторический источник развития турецкой националистической мысли.....	188
<i>Саитбатталов И. Р. (УУНУТ, Уфа)</i> О языке и стиле тюркоязычных памятников Индии XVIII–XIX вв.....	189
<i>Самигуллин А. Н. (К(П)ФУ, Казань), Валеев Р. М. (К(П)ФУ, Казань)</i> Тюрколог Ибрагим Хальфин и его неопубликованные письма академику Х. Д. Френу из личного фонда Санкт-Петербургского филиала архива РАН	192
<i>Суриков К. А. (ИВИ РАН; ИСАА МГУ, Москва)</i> Османский майор на службе Ее Величества: случай Махмуд-эфенди и неизвестные страницы истории офицерства Высокой Порты середины XIX в.....	193
<i>Тимохин Д. М. (ИВ РАН, Москва)</i> О потомках Йафета в анонимном персидском сочинении «Муджмал ат-таварих ва-л-кисас»	195
<i>Тишин В. В. (ИВ РАН, Москва)</i> К хронологии и личной ономастике джабгу Тохаристана	196
<i>Фомин Э. В. (ЧГИКИ, Чебоксары)</i> Два сценария развития чувашского языка.....	198
<i>Хажиева Ф. М. (Бухарский государственный университет, Бухара, Узбекистан)</i> Реалии как литературный прием в биографическом романе Нодира Норматова «Последнее завещание Рузы Чориева».....	201
<i>Шалак М. Е. (ЮФУ, г. Таганрог)</i> Сочинение османского историка XVII в. Хюсейна Хезарфена «Краткое изложение законов османской династии» как источник по истории ногаев.....	204
<i>Шарипов С. С. (Бухарский ГУ, Бухара)</i> Историко-хронологические особенности переводной лексикографии в Узбекистане	206
<i>Шлыков П. В. (ИСАА МГУ, Москва)</i> Борьба с кемалистским государством изнутри: модели и формы гражданской активности в первые десятилетия республиканской Турции.....	209
<i>Юсупова А. Ш. (ИФМК К(П)ФУ, Казань)</i> Каюм Насыри — основоположник татарской лексикографии	212

Секция V • Section V

Источниковедение и историография
народов Центральной Азии и Кавказа

Historiography and Source Studies of the Caucasus and Central Asia

- Akhmedova M. B. (Bukhara State University, Bukhara, Uzbekistan)*
Breaking Barriers: Resilience and Resistance of Jadid Women in Central Asia
against Patriarchal Structures and Colonial Oppression.....214
- Aliyeva Gyulshan X. (Bukhara State University, Uzbekistan)*
Analyzing the Contributions of Mahmudhoja Behbudi to Uzbek linguistics
and Educational Reforms.....216
- Konstantin Vasil'tsov (FAAS, St Petersburg University, St Petersburg)*
Drawing the Inner Islam: Sufi Comic Narratives by Mohammed Ali Vakil.....217
- Акопян А. Е. (Ин-т древних рукописей им. Месропа Маиотоца (Матенадаран);
Ин-т археологии и этнографии НАН РА; Ин-т востоковедения Российско-Армянского
университета, Ереван), Асатрян С. С. (Ин-т востоковедения Российско-Армянского
университета, Ереван)*
Христианские контактные зоны Северного Кавказа по сведениям
армянских источников V–XX вв. 219
- Аманжолова Д. А. (ИРИ РАН, Москва)*
Проблемы советского нацистроительства в историографии стран Средней Азии 220
- Брежнева С. Н. (ЛГУ им. А. С. Пушкина, Санкт-Петербург)*
Советская историческая наука о включении туркестанских территорий в состав Российской
империи 222
- Гордеева П. В. (МАЭ РАН (Кунсткамера), Санкт-Петербург)*
Трансформация образа юрты: к проблеме национализмов в казахской литературе 224
- Джандосова З. А. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)*
Концепт «вахдати милли» в Таджикистане после гражданской войны 1990-х гг.:
по материалам журнала «Шохрохи вахдат».....226
- Золян С. Т. (Российско-Армянский университет, Ереван)*
Внутренний контекст и метанарратив «Истории Армении» Мовсеса Хоренаци.....227
- Кличев О. А. (Бухарский ГУ, Бухара, Узбекистан)*
Об источниках, поясняющих сведения дневника путешествия бухарского эмира
в Российскую империю в 1906 году.....229
- Ллой Юйянь (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)*
Афганские экспатрианты в Синьцзяне:
свидетельство и трансформация от Цинской империи к современному государству
(конец XIX в. — 1950-е гг.).....232
- Магомедова З. А. (ИИАЭ ДФИЦ РАН, Махачкала)*
Социально-правовой статус женщины в дагестанском обществе XIX — нач. XX в.
(по материалам дагестанских арабоязычных источников).....233
- Малоян А. М. (Матенадаран «Ваче и Тамар Манукян», Ереван)*
«Путешествие» французского натуралиста Г.-А. Оливье
как источник по истории народов Ближнего Востока (последняя четверть XVIII в.).....236

<i>Ованесян С. Г. (Институт литературы им. М. Абебяна НАН РА, Ереван)</i> Архив Кавказского общества армянских писателей и его источниковедческое значение для изучения литературных связей	237
<i>Османо́ва М. Н. (ИИАЭ ДФИЦ РАН, Махачкала)</i> Историческая хроника «Дербенд-наме» на языках народов мира (памяти известного дагестанского тюрколога Гасана Оразаева (1947–2023)).....	240
<i>Почекаев Р. Ю. (НИУ ВШЭ, Санкт-Петербург)</i> Элементы правовой культуры Монгольской империи и Золотой Орды в Хивинском ханстве	241
<i>Псянчин А. В. (ИИЯЛ УНЦ РАН, Уфа)</i> Вклад КИПС в изучение Средней Азии	243
<i>Самигулов Г. Х. (Южно-Уральский государственный университет, Челябинск)</i> Новый источник к истории принятия казахами Младшего жуза российского подданства.....	245
<i>Тураев Х. Х. (Бухарский ГУ, Бухара, Узбекистан)</i> Документальный фонд Бухарского музея	247
<i>Хабелова М. Л. (ИСАА МГУ, Москва)</i> «Ахсан ат-таварих» Хасан-бека Румлу как источник по истории ирано-грузинских взаимоотношений	249
<i>Чжоу Янань (Ф-т политологии МГУ, Москва)</i> Цифровизация объектов культурного наследия в странах Центральной Азии	251
<i>Шадманова С. Б. (Ташкентский государственный университет востоковедения, Ташкент)</i> Развитие европейской медицины в Туркестане: взгляд через призму периодических изданий (конец XIX — начало XX в.).....	253

Секция VI • Section VI

Курдоведение

Kurdish Studies

<i>Adak Abdurrahman (Mardin Artuklu University, Mardin, Turkey)</i> An Evaluation of Developments in the Field of Kurdish Literary History from Alexandre Jaba and Mela Mehmûdê Bazîdî to the Present.....	256
<i>Sayım İlyas (Muş Alparslan University, Muş, Turkey)</i> The First Kurdish Book (1860) ever published for Children	259
<i>Yamaguchi Akihiko (Sophia University, Tokyo, Japan)</i> The Evolution of the Concept of Kurdistan during the Safavid Period (1501–1722).....	261
<i>Аверьянов Ю. А. (НИУ ВШЭ, Москва)</i> Религиозные тексты течения Йаресан (Ахл-е Хакк) в Иранском Курдистане	261
<i>Айрапетян Р. Л. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)</i> Курды в национальной политике Азербайджана в 1920–1930-х гг.....	263
<i>Ализаде Д. (ИСАА МГУ, Москва)</i> Нахождение Восточного Курдистана под османской оккупацией в 1905–1912 гг. в донесениях российских дипломатов	265
<i>Арушанян А. А. (Ереванский государственный университет, Ереван)</i> Традиционная музыка и сохранение культуры: роль танбура в идентичности общины <i>ахл-е хакк</i>	268

<i>Вафина М. Р. (УрФУ, Екатеринбург)</i> Юмор как инструмент политического дискурса на примере журнала на курдском языке « <i>Golik</i> »	269
<i>Жигульская Д. В. (РГТУ, Москва),</i> <i>Кудрявцева А. Ю. (МАЭ РАН, Санкт-Петербург)</i> Езидизм в художественной литературе Турции	271
<i>Кирпиченок А. И. (Центральная городская публичная библиотека им. В. В. Маяковского,</i> <i>Санкт-Петербург)</i> Военно-политическое взаимодействие Израиля с сирийскими курдами в 2011–2024 гг.	272
<i>Лявданский А. К. (НИУ ВШЭ, Москва)</i> Ассирийско-курдские паремиологические параллели	273
<i>Россейкина М. В. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)</i> Курдский фактор и пограничный вопрос между Россией, Персией и Турцией (середина XIX — 1917 г.)	274
<i>Тюзел Али (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)</i> Курды Закавказья в турецкой историографии	277

Секция VII • Section VII

Секция имени акад. В. В. Струве:

Источниковедение и историография Древнего Востока

«Academician Vasily V. Struve Section»:

Historiography and Source Studies of Southeast Asia

<i>Анохина Е. А. (ГМИИ им. А. С. Пушкина, Москва),</i> <i>Макеева Н. В. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)</i> Новый хозяйственный документ из древнеегипетского собрания ГМИИ им. А. С. Пушкина (I, 1a 4863)	279
<i>Апенко М. С. (ИВИ РАН, Москва)</i> «Мировая хроника» как царский список Ливийского времени	281
<i>Баницкова А. А. (Институт всеобщей истории РАН, Институт Африки РАН, Москва)</i> «В коптских книгах написано...», «Копты говорят...»: коптская историко-литературная традиция в средневековом арабском анониме «Сокращение диковин»	282
<i>Барсуков Е. О. (МУНЦ египтологии им. В. С. Голенищева ИВКА РГТУ, Москва)</i> Папирус Нортумберленд III, recto: попытка интерпретации	284
<i>Васильева О. А. (ГМИИ им. А. С. Пушкина, Москва)</i> Терракотовые статуэтки-оранты как феномен «народной религии» в позднеантичном Египте	286
<i>Волович А. Ю. (ИВ РАН, Москва)</i> Два амулета-уджаты из погребальной камеры 1 шахты 1 гробницы Усера (GE 89): пыт датировки	288
<i>Глазунов А. И. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)</i> Титулы царей династии Аккада и политические предпосылки их смены (lugal kalam-ma, lugal kiš, lugal kibrātīm arba'im)	291
<i>Демидчик А. Е. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)</i> О податях и повинностях древнеегипетских земледельцев Среднего царства в неурожайные годы	292

<i>Емельянов В. В. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)</i> Старовавилонский «Разговор Отца с Сыном» как нарушение шумерских жанровых канонов.....	294
<i>Еранин С. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)</i> Сфера деятельности высокопоставленного чиновника Бальмунамхе в свете новых источников (южномесопотамский г. Ларса, XIX–XVIII вв. до н. э.).....	297
<i>Золотухина С. Р. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)</i> «Хороший день»: сопоставление библейского <i>yōt tōb</i> с египетским <i>hrw nfr</i>	298
<i>Иванова С. А. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)</i> Специальные выдачи для командированного персонала в правление Хаммурапи (1792–1750 гг. до н. э.): по письмам AbB 2 27 и 2 44	299
<i>Изосимов Д. А. (ИВИ РАН, ИВ РАН, Москва)</i> Египетские топосы вставных новелл из LI главы «Хроники» Иоанна Никиусского	301
<i>Кормышева Э. Е. (ИВ РАН, Москва)</i> Западный Драгаб вчера и сегодня (по материалам археологической экспедиции ИВ РАН).....	303
<i>Куценко Д. Д. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)</i> Новый остракон с сатирическим письмом Хори (р. Anastasi I).....	305
<i>Лаврентьева Н. В. (ГМИИ им. А. С. Пушкина, Гос. институт искусствознания, Москва)</i> Трем смертям не бывать, а одной не миновать?	306
<i>Ладынин И. А. (ИВИ РАН; Исторический ф-т МГУ, Москва)</i> Царь Анисис и эфиопское (нубийское) владычество в истории Египта	308
<i>Лебедев М. А. (ИВ РАН, Москва)</i> Специфика археологических источников и их роль в египтологических исследованиях.....	310
<i>Лопатин М. Д. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)</i> Саранча в клинописной графике: об истории знаков BIR ₅ и BURU ₅ ^(v)	312
<i>Нежинский Ю. В. (СПГХПА им. А. Л. Штиглица, Санкт-Петербург)</i> Лука Джордано, Никита Бесогон и кладбищенская сова: о необычном влиянии Древнего Египта на изобразительное искусство.....	314
<i>Немировская А. В. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)</i> Genesis: Miscellanea Babylonica et Aegyptiaca (Вавилонская башня).....	317
<i>Немировский А. А. (ИВИ РАН, Москва)</i> «Но копты отрицают»: отношение к топосу о древнем азиатском завоевании Египта у египтян исламского времени	319
<i>Николаев А. Н. (Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург)</i> Древнеегипетские саркофаги и картонажи XXVII династии — Римского времени в собрании Эрмитажа	321
<i>Орехов Р. А. (ЦЕИ РАН, Москва)</i> Об одной загадке времени III династии в свете данных Диодора Сицилийского	323
<i>Орлов В. П. (К(П)ФУ, Казань)</i> К вопросу о роде Теиспидов: историографический конструкт или историческая реальность?	324
<i>Рудая О. А. (ТИЦИ, Колбино, Ленинградская обл.)</i> Обозначения вдов в клинописной лексикографической традиции: способы выписывания и контексты употреблений	327
<i>Сафронов А. В. (ФГБУН ИВ РАН, РТУ–МИРЭА, Москва)</i> К значению эпитета <i>jmAх.w</i>	329

<i>Сергеева М. В. (ИВИ РАН, Москва)</i> «Вавилоняне» и «ассирийцы»: XXVIII–XXX династии в раннесредневековой версии царского списка Манефона.....	331
<i>Томашевич О. В. (Исторический ф-т МГУ, Москва)</i> Еще раз о таинственной незнакомке из древнеегипетской «Истории пастуха» (pBerlin 3024).....	333
<i>Ченковская В. Ю. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)</i> Женщины-надитум из семьи Имгур-Сина: по документам семейного архива из Ниппура (Южная Месопотамия, XIX–XVIII вв. до н. э.).....	335
<i>Шелестин В. Ю. (ИБ РАН, Москва)</i> Божественный суд в хеттском «Ритуале на вражеской границе».....	337

Секция VIII • Section VIII

Круглый стол: «Источниковедение и историография ислама в России» Round table discussion: “Historiography and Source Studies of Islam in Russia”

<i>Алексеев И. Л. (Институт классического Востока и античности НИУ ВШЭ; ИВ РАН, Москва)</i> Образ истории и проблема исторической памяти в российском исламском реформизме.....	339
<i>Ибрагимова З. Б. (ИИАЭ ДФИЦ РАН, Махачкала)</i> Читательский интерес «рядового» дагестанского мусульманина во второй половине XX в. (на примере рукописной коллекции Нигматуллы Магомедова).....	341
<i>Ибрагимова П. А. (ДГУ, Махачкала)</i> Конфискация вакфов и заката в пользу крестьянских комитетов в 20–30-х гг. XX в. в Дагестане	343
<i>Соболев В. Г. (ФМО СПбГУ, Санкт-Петербург)</i> «Помочь своим»: сбор пожертвований среди мусульман Российской империи в пользу Османской Турции в период Балканских войн и в начале Первой мировой войны.....	345
<i>Фархиаатов М.Н. (ИИЯЛ УФИЦ РАН, Уфа)</i> Тюркоязычное рукописное сочинение Ризаэтдина Фахретдина این فضلانك «بولغار» غه كيلوى («Приезд Ибн Фадлана в Булгар»)	347

Секция IX • Section IX

Круглый стол: «Документы и материалы по историко-культурному наследию Ближнего Востока (XVIII — начало XX в.)» (совместно с Центром евразийских исследований СПбГУ и Научно-аналитическим порталом «Восточная трибуна») Round table discussion: “Documents and materials on the historical and cultural heritage of the Middle East (XVIII — early XX Century)”

<i>Велиева Л. Э. (СПбГУ, Санкт-Петербург)</i> Зарубежная историография изучения северокавказской диаспоры в странах Ближнего Востока.....	350

<i>Зокова З. В. (СПбГУ, Санкт-Петербург)</i> Осетинская диаспора в Турции: география исторического расселения	352
<i>Колесникова М. А. (МГЛУ, Москва)</i> Абдул-Хамид II и его эпоха в русской периодической печати начала XX в.	354
<i>Москальчук Д. А. (ФМО СПбГУ, Санкт-Петербург)</i> Переселение северокавказских мухаджиров на Балканы и Ближний Восток: новые документы и материалы.....	356
<i>Пяткина П. В. (ФМО, СПбГУ, Санкт-Петербург)</i> Миссии и экспедиции русских военных востоковедов на Ближний Восток и в Северную Африку во второй половине XIX — начале XX в. (по документальным материалам)	357
<i>Сарабьев А. В. (Научно-аналитический портал «Восточная трибуна», Москва)</i> Исмаилиты и зейдиты в отечественной историографии.....	359
<i>Саутов В. Н. (Научно-аналитический портал «Восточная трибуна», Москва)</i> Исследования и переводы арабских источников по религиозно-философской и исторической тематике в деятельности Научно-аналитического портала «Восточная трибуна».....	361
<i>Туманян Т. Г. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)</i> К вопросу об источниках по истории Хашимитского Королевства Ирак	363
<i>Урпер М. (СПбГУ, Санкт-Петербург)</i> Курдский вопрос в зеркале османских документов	365
<i>Фурсова Е. Н. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)</i> Юридические документы, написанные на аргановых дощечках — «арратен», или некоторые особенности нотариальной практики марокканских берберов горных регионов Высокого Атласа и Антиатласа	367
<i>Широких А. В. (ФМО СПбГУ, Санкт-Петербург)</i> Некоторые источники по истории отношений Османской империи и РПЦ на Святой земле.....	368
<i>Шишигина О. С. (СПбГУ, Санкт-Петербург)</i> Образ турецкого султана в русских сатирических журналах (начало XX в.).....	370

Секция X • Section X

Круглый стол: «Россия и Восток: современное состояние системы дуг нестабильности»

Round table discussion: "Russia and the East: The Current State of the Arch of Instability on the Rim of Eurasia and North Africa"

<i>Abdikasim Moalem Ahmed (UNTMIS, Mogadishu, Somalia)</i> Igniting Conflict in the Horn of Africa: The 2024 Memorandum of Understanding (MoU) between Somaliland and Ethiopia	372
<i>Ahmed Mahmoud Mostafa (Al-Ahram, Cairo)</i> The Egyptian position on the developments in Gaza	375
<i>Nare Gevorgyan (Yerevan State University, Yerevan)</i> Russian-Iranian military-political cooperation (based on experience in Syria)	376
<i>Бобров А. К. (МГИМО МИД России, Москва)</i> Поворот на Восток в российской дипломатии (2022 г. — н. вр.).....	378

<i>Бокова Е. М. (МГУ, Москва)</i>	
Христиане и христианство в материалах сирийских оппозиционных СМИ в годы вооруженного конфликта	380
<i>Виноградов И. С. (ИКСА РАН, Москва)</i>	
Исторические права Китая на акваторию Южно-Китайского моря	382
<i>Дегтярева О. В. (СЗИУ РАНХиГС, Санкт-Петербург); АГПУ, г. Бердянск, Запорожская обл., Малькевич А. А. (АГПУ, г. Бердянск, Запорожская обл.)</i>	
Непотерянное поколение: ресурсы и потенциал вузов новых регионов РФ в условиях СВО и интеграционных процессов	385
<i>Замараева Н. А. (ИВ РАН, Москва)</i>	
Россия — Пакистан: движение навстречу (2014–2025 гг.)	387
<i>Зелтынь А. В. (Школа востоковедения, ФМЭиМПб, НИУ ВШЭ, Москва)</i>	
Между идеей и реальностью: «невосточные» проблемы Ближнего Востока. Израиль и соседи. О чем думали «отцы» идеи двух государств и что думают об этом их «дети»	390
<i>Кочарян В. К. (Экспертно-аналитический отдел Секретариата Парламентской Ассамблеи ОДКБ)</i>	
Архитектура евразийской безопасности: фактор миграции	392
<i>Лобов Р. Н. (РИСИ, Москва)</i>	
Корейский «участок» «Дуги нестабильности»: внутривосточные аспекты	393
<i>Мокрушина А. А. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)</i>	
Критика канала «Ал-Джазира»: взгляд через карикатуру	395
<i>Петросян Л. Р. (ФВКИ ЕГУ, Ереван)</i>	
Особенности транспортных и энергетических коридоров на Ближнем Востоке: иранская перспектива	397
<i>Филин Н. А. (РГГУ, Москва), Кокликов В. О. (РГГУ, Москва)</i>	
Образ России в материалах Информационного агентства Исламской Республики Иран (ИРНА) до и после начала СВО	399
<i>Фурсова Е. Н. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)</i>	
Единый Магриб — перспективный союз или громкий лозунг?	400
<i>Шатерников П. С. (ИМЭМО РАН, Москва)</i>	
Является ли Восточный Тимор элементом системы дуг нестабильности?	403

Секция XI • Section XI

Круглый стол: «Традиционализм в современных государствах Азии и Африки» Round table discussion: “Traditionalism in the modern states of Asia and Africa”

<i>Бочаров В. В. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)</i>	
Об «историческом» и «политическом» в культурах Востока	406
<i>Гегамян В. Г. (ЕГУ, Ереван)</i>	
Возрождение «Красного яблока»: традиционный тюркский символ в контексте современной турецкой политической культуры	408
<i>Кузнецова П. А. (РГГУ, Москва)</i>	
Традиционализм в современной образовательной системе КНР	409

Секция XII • Section XII

Круглый стол: «Интеллектуальная история Востока в портретах людей и идей»

Round table discussion: "Intellectual History of Asia: People, Destinies, Ideas"

<i>Akhmedova S. H. (English Linguistics department, Bukhara State University, Uzbekistan)</i> Influential ideas and key figures in Central Asia	413
<i>Гудкова А. В. (ИВ РАН, Москва)</i> Проблема теории «органа государства» (первая пол. XX в.): дискуссия о положении японского императора в государственной системе	414
<i>Зайцев А. А. (ИВ РАН, Москва)</i> Вишва хинду паришад и распространение исторической концепции идеологии хиндутвы в Индии и за ее пределами	417
<i>Зайцев И. А. (ИМЭМО РАН, Москва)</i> Концепт мирской ниббаны в работе бирманского националистического поэта такина Кодо Хмайна «Тика Такинов»	418
<i>Кобзева О. П. (Национальный Университет Узбекистана, Ташкент)</i> Кюдзо Като: судьба ученого и буддийское наследие Узбекистана	421
<i>Леленкова А. В. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)</i> Личность Окакура Какудзо в истории общественной мысли в Японии: историк искусств или националист?	424
<i>Maria N. Malashevskaya (FAAS, St Petersburg State University, St Petersburg)</i> Intellectual Hero for the Public Interest: East Asia Political ethics establishment in the novel "Confucius" by Inoue Yasushi	426
<i>Михалев А. В. (БГУ, Улан-Удэ)</i> Концепт «мирный атом» как миф о Чинтамани в социалистической Монголии	428
<i>Соколов О. А. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)</i> Этнические группы в пространственно-временном континууме арабской географической литературы	429

Секция XIII • Section XIII

Школа молодого востоковеда

Workshop of Young Scholars in Asian and African Studies

<i>Анискевич К. В. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)</i> Оценка США коммунистической угрозы в Таиланде в середине XX в. (по материалам американских разведывательных данных)	431
<i>Бочкор А. И. (НИУ ВШЭ, Москва)</i> Зийараты в Башкортостане как пространства наложений семиотических идеологий	433
<i>Вахрушева В. М. (НИУ ВШЭ, Москва)</i> Историографический анализ национальных школьных учебников по истории в Республике Корея на примере образа Тангуна	434
<i>Владимиров Л. Р. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)</i> Христианское школьное образование в Судане в XX веке	438

<i>Данилова А. В. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)</i> Репрезентация литераторов и их творчества в Республике Корея на примере южнокорейского поэта На Тхэчжу (р. 1945)	440
<i>Зайцева Д. М. (ФМО СПбГУ, Санкт-Петербург)</i> Историческая политика Королевства Саудовская Аравия: религиозный аспект	443
<i>Занозина А. В. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)</i> Сравнительный анализ ономастической составляющей еврейских и арабо-мусульманских талисманских текстов.....	445
<i>Колотова В. Д. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)</i> О персидских заимствованиях в азербайджанском языке	446
<i>Мадоян А. А. (Ереванский государственный университет, Ереван)</i> Политический проект «Дорога в Туран» в годы Первой мировой войны.....	448
<i>Маланкулова А. Т. (Кыргызско-Российский Славянский университет, Бишкек)</i> Публичная дипломатия ОАЭ в странах Центральной Азии	450
<i>Мачнева А. А. (СПбГУВМ, Санкт-Петербург)</i> «Женский султанат»: политическая роль женщин в Османской империи и культурное наследие великих султанш.....	452
<i>Назаренко В. Ю. (БГУ, Минск)</i> Специфика формирования концепции личности в китайской литературной и культурной традиции	454
<i>Наумова С. П. (Институт МО НИЯУ «МИФИ», Москва)</i> Кризис социокультурной идентичности молодежи (на примере Республики Корея)	456
<i>Ольта Ю. К. (ФМО СПбГУ, Санкт-Петербург)</i> Голод 1932–1933 гг. в исторической политике современного Казахстана	458
<i>Полякова У. Г. (Восточный институт ДВФУ, Владивосток)</i> Женщина в произведениях Каваками Мизэко: вызовы современности	460
<i>Цветкова А. С. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)</i> Джадидизм в лицах.....	462
<i>Ченковская В. Ю. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)</i> Права на семейное имущество женщин-надитум: случай Нарамтум, дочери Лу-Нанна, из города Ниппура (Южная Месопотамия, XIX–XVIII вв. до н. э.).....	465
<i>Широких Ю. А. (УрФУ, Екатеринбург)</i> Интервью для AUFS «Миссис Масуда и буракумины» Лоуренса Олсона: американское видение проблемы буракуминов в 1950-е гг.	467
<i>Щигорева А. А. (СПбГУ, Санкт-Петербург)</i> Употребление предлогов 'et и be- с динамическими глаголами в современном иврите: корпусное исследование.....	469

Научное издание

**XXXIII Международный конгресс
по источниковедению и историографии стран Азии и Африки:
К 170-летию открытия факультета восточных языков
Санкт-Петербургского университета**

Материалы конгресса

Том 1

**XXXIII International Congress
on Source Studies and Historiography of Asia and Africa:
Commemorating 170th Anniversary of the Faculty
of Oriental Studies in Saint-Petersburg University**

Proceedings

Vol. 1

Отв. редактор А. С. Матвеев

Корректор К. А. Александрова

Верстка Е. В. Владимировой

Подписано в печать 01.04.2025. Формат 70×100^{1/16}

Бум. офсетная. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 30,5. Тираж 300 экз.

Зак. № 371

Издательство Русской христианской гуманитарной академии

им. Ф. М. Достоевского

191011, Санкт-Петербург, наб. р. Фонтанки, 15

Тел.: (812) 310-7929, +7 (981) 699-6595

E-mail: rhgapublisher@gmail.com.

<http://irhga.ru>

Отпечатано в типографии «Поликона» (ИП А. М. Коновалов)

190020, Санкт-Петербург, наб. Обводного канала, д. 134

ISBN 978-5-907987-12-8 (т. 1)

ISBN 978-5-907987-14-2

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
2025